ВОЗНИКНОВЕНИЕ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В МОСКВЕ

Е. НЕМИРОВСКИЙ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В МОСКВЕ

ИВАН ФЕДОРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"КНИГА"
МОСКВА
1964

Под редакцией и с предисловием
члена-корреспондента Академии наук СССР
А. А. СИДОРОВА

Книга Е. Л. Немировского о начале московского книгопечатания представляется нужной, важной и научно актуальной. Это плод большого, широко развернутого труда. В течение десяти лет автор изучал материалы наших библиотечных фондов, архивов почти всей страны и огромную литературу вопроса. В монографию, публикуемую к знаменательной и прекрасной дате 400-летия русского книгопечатания, вошло далеко не все из того, что было изучено и живо, доходчиво и вместе с тем добросовестно изложено автором. За последние годы он опубликовал ряд статей, которые значительно пополняют данную книгу специальными изысканиями (укажем статьи в сборниках «Книга» Всесоюзной книжной палаты, в журналах «Исторический архив», «Искусство», в «Трудах» Научно-исследовательского института полиграфического машиностроения и т. д.).

Е. Л. Немировскому принадлежит счастливая честь развеять издревле бытовавшие в нашей и зарубежной литературе легенды об «иноземном» происхождении нашего русского, в частности московского, книгопечатания, об иностранцах, якобы приезжавших к нам, чтобы учить русских уму-разуму и хитрой неведомой технике «делания» печатных книг (надо помнить, что первых печатников у нас называли «делателями» книг).

Целостная, достаточно подробная, когда это нужно специалисту, вместе с тем живая и, думается, общедоступно написанная, книга Е. Л. Немировского ценна широтой охвата темы, своей энциклопедичностью. Книгопечатание нескончаемым числом нитей связано с жизнью народа: с техникой, с ремеслом, производством,— с одной стороны, с мыслью, с идеологией, с общественной борьбой — с другой. Это не могло не требовать от исследователя эрудиции, широты кругозора.

История книгопечатания в нашей стране богата хорошими специальными книгами и статьями. Однако такого всеобъемлющего, углубленного труда, как книга Е. Л. Немировского о начальном периоде московского книгопечатания, у нас доселе не было.

Подчеркнем, что́ именно нам представляется бесспорно ценным и новым в труде Е. Л. Немировского.

Прежде всего, это указанные им технологические предпосылки появления самой *печати*, как процесса, как мастерства получения оттиска путем нанесения краски на форму (любую) и оттискивания изображения или текста на любом материале. Е. Л. Немировский показал, что русские умельцы давно знали и процессы литья, и процессы резьбы на металле, и получение оттисков на ткани (набойка). Можно добавить еще одно старинное и чисто русское «делание»: рельефные

пряничные формы для теста. Русские были вооружены великолепно развитым ремеслом к тому времени, как познакомились они с западной или южной (балканской или венецианской) печатной книгой, и «догадаться» о производственных секретах печати, учитывая, помимо реальных примеров напечатанных книг, также и доходившие, несомненно, до них рассказы,— было уже не столь трудно. Заслугой Е. Л. Немировского мы считаем утверждение самобытности московской печати и первых ее приемов. Развивая и углубляя многое, что было уже сказано его старшими товарищами, советскими учеными в первую очередь, подтверждая это весьма ценными наблюдениями над печатной техникой наших самых ранних печатных книг, Е. Л. Немировский подвел итог очень большой и трудоемкой работе, после чего сомневаться в оригинальности нашего первопечатания будет уже немыслимо.

Вместе с тем Е. Л. Немировский, как советский историк, всем обязанный марксизму-ленинизму, правомерно ставит вопрос о смысле зарождения московского книгопечатания именно тогда, когда возникло оно — в 50-х гг. XVI в., о социально-политической обстановке в стране, о тех социальных группах, которые были заинтересованы в проведении прогрессивных реформ.

Этот анализ — принципиальное достижение книги Е. Л. Немировского, хотя разрешение некоторых вопросов, на наш взгляд, несколько гипотетично.

Опираясь на высказывания самого «ведущего», лучшего и передового из первопечатников — Ивана Федорова в его послесловии к Апостолу 1564 г., историки связывали происхождение книгопечатания в Москве с делами и личностью Ивана Грозного и митрополита Макария. Книгопечатание органично входило в круг централизаторских мероприятий правительства Ивана IV. В том, что типография, где работали Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец, где они напечатали Апостол, была государственной, очевидно, сомневаться нельзя. Слова Ивана Федорова слишком категоричны; в несколько иных выражениях они были подтверждены им через десять лет на чужбине, в городе Львове, в послесловии ко второму изданию Апостола.

Но трудность и интерес вопроса в том, что наука наша неопровержимо доказала: первая «государственная» книга — Апостол — фактически первой московской печатной книгой не была! Мы знаем несколько напечатанных бесспорно в Москве и неоспоримо до Ивана Федорова книг, не имеющих «выходных» сведений, но зато даримых из Москвы в разные места страны еще до того, как был начат печатанием Апостол — в 1559, 1562 гг. Тщательное изучение дарственных надписей на первопечатных книгах является бесспорной заслугой Е. Л. Немировского.

Наличие «анонимных», или «безвыходных», изданий усложнило вопрос об идейной и историко-социальной функции появления книгопечатания в Москве. Не столь важно, кто их *печатал,*— важно, кто их *издавал,* кто был их инициатором.

Е. Л. Немировский связывает происхождение московского книгопечатания с деятельностью «Избранной рады» — первого, «компромиссного» правительства Ивана IV, в частности с деятельностью Сильвестра — одного из крупных деятелей той эпохи. Автор углубляется в идейную принципиальную борьбу двух «партий» в церковной жизни того времени — осифлян и нестяжателей.

Мы считаем чрезвычайно плодотворными сближения текстового, чисто идейного, если угодно — философского порядка, которые проводит Е. Л. Немировский между иными высказываниями самого Ивана Федорова и мыслями некоторых известных нестяжателей, в первую очередь знаменитого вольнодумца XVI в. старца Артемия. Иван Федоров, бывший не только простым типографом, печатником-исполнителем, но и идеологом, просветителем, писателем, автором поразительных послесловий, составителем учебника, возможно редактором таких канонических книг, как Апостол,— конечно, имел свои взгляды, и в споре между нестяжателями и осифлянами, бесспорно, склонялся на сторону первых, а может, и «еретиков», таких, как Башкин или Артемий.

Однако, считая Сильвестра скорее нестяжателем, а Макария — определенно осифлянином (возможно, и в том и в другом случае слишком категорично!), Е. Л. Немировский, по существу, отодвигает начало русского книгопечатания назад, к первой половине 50-х гг. XVI в., и считает Сильвестра «хозяином», чуть ли не единоличным собственником первой (анонимной) типографии.

Была ли она официально государственной или «частной», Сильвестровой? Ее считали и Макарьевской митрополичьей. Точных данных у нас нет, помимо того, что в своих известных уже давно письмах 1556 г. Иван IV именует Марушу Нефедьева «мастером печатным», «мастером печатных книг», посылает его в Новгород от своего имени. Наша же обязанность указать, что, по всем данным, первые московские книги выходили в свет во второй половине 50-х гг., когда Сильвестр, Адашев и «Избранная рада» были уже не на высоте своей власти.

Е. Л. Немировский доказал, как думаем мы, полностью, что Иван Федоров работал в анонимной типографии, там учился, оттуда многое получил. Однако мы, как еще раньше А. С. Зернова, видим *больше* различий между книгами, изданными Иваном Федоровым, и анонимными, безвыходными. Мы по-прежнему считаем, что загадочная безвыходная Триодь — *последняя* из анонимных книг перед Апостолом: в ней появилась раздельная в два проката, или прогона, двухкрасочная печать! Была ли эта техника такою же, как у Ивана Федорова? Как будто — нет, но принцип уже нов.

Одним словом, даже в поражающей по широте охвата и добросовестности исследований книге Е. Л. Немировского решено еще не все. Многое остается гипотетическим, и нам представляется — это хорошо.

Большая, самая серьезная и важная из всех, написанных на данную тему, книга Е. Л. Немировского будит мысли, заставляет работать дальше, не омертвляет, а оживляет творческий интерес к такой важной теме, как происхождение и первые шаги печати в нашей стране.

Член-корреспондент
Академии наук СССР
А. А. СИДОРОВ

ОТ АВТОРА

Вторая половина XX столетия, перенаселенная поминутно возникающей *информацией*, которая немедленно должна быть зарегистрирована, несколько подорвала веру человечества в *книгу*. Наши отцы и деды не мыслили себе информации вне печатного слова. Для них, впрочем, и термин этот — информация — звучал совершенно иначе, чем для нас.

Современный ученый уже не удивляется, когда на страницах специальных публикаций он периодически встречает статьи, ниспровергающие книгу. Не поражают его и громкие имена, которыми подписаны эти статьи. Он знает, что парадоксальные на первый взгляд мысли в существе своем справедливы. И вместе с тем для него, да и для всех людей книга остается тем, чем была более 125 лет назад для А. И. Герцена,— хранилищем многовекового коллективного опыта человечества. Замечательные слова Герцена, сказанные им при открытии Публичной библиотеки в Вятке 6 декабря 1837 г., неоднократно цитировались; мы тем не менее рискнем привести их здесь. Пылкий двадцатипятилетний философ говорил тогда, что книга — это «духовное завещание одного поколения другому, завет умирающего старца юноше, начинающему жить, приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому, заступающему его место. Вся жизнь человечества оседала в книге: племена, люди, государства исчезали, а книга оставалась. Она росла вместе с человечеством, в нее кристаллизовались все учения, потрясавшие умы, и все страсти, потрясавшие сердца; в нее записана та огромная исповедь бурной жизни человеческой... которая называется Всемирной историей. Но в книге не одно прошедшее, она составляет документ, по которому мы вводимся во владение настоящего, во владение всей суммы истин и усилий, найденной страданиями, она программа будущего...» [1]

Если еще можно гадать, какова будет роль книги в жизни грядущих поколений, то никто и никогда, кроме откровенных мракобесов, не пытался ставить под сомнение поистине великую роль печатного слова в социально-политической и культурно-бытовой истории человечества.

Нет, пожалуй, ни одного великого человека, который не оставил бы на память и в поучение потомкам нескольких высказываний о книге и ее роли в жизни общества. Библиофилы время от времени собирают эти высказывания и выпускают их в свет. В таких сборничках наряду с наносным и случайным можно найти немало интересного и справедливого[2].

Основоположники марксизма-ленинизма называли книгопечатание среди необходимейших предпосылок буржуазного развития [3]. Чтобы выйти из мрака средневековья, люди прежде всего должны были революционизировать средства регистрации и распространения информации.

Не удивительно, что исторические судьбы книгопечатания всегда привлекали внимание исследователей. Историков волновал и волнует главным образом тот момент, когда было революционизировано производство книги. Изобретение и начало книгопечатания как в общечеловеческом, так и в национальных масштабах — эти проблемы обычно упоминаются в числе узловых.

«Появление первой печатной книги на языке того или другого народа означает начало новой эпохи в его культурной жизни» [4]. Мы полностью принимаем эти слова М. Н. Тихомирова.

Величие книги, выдающаяся роль печатного слова в истории человечества породили горделивый взгляд на науку о книге как на некую «науку наук». Такая трактовка чаще всего сказывается в дисциплинах, именуемых «книговедением» и «историей книги».

Термин «история книги» появился сравнительно недавно. Впервые его применил, по-видимому, французский исследователь Э. Верде в 1861 г. [5] Содержание понятия выясняется при ознакомлении с трудами авторов, пользовавшихся термином Верде. Если говорить о XIX в., то здесь прежде всего нужно назвать из иностранцев Э. Эгже [6], а из русских — А. А. Бахтиарова [7]. Последний написал «Историю книги на Руси», в которой рассматриваются история славянской письменности, пергамена и бумаги, книгопечатания и издательского дела, библиотек, цензуры, авторского права, книжной торговли... Круг тем, как видим, достаточно широк.

Многие русские авторы, да и большинство зарубежных (причем подавляющее большинство), напротив, ограничивают рамки исследования историей книгоиздательского дела и книгопечатания. При этом термин «книгопечатание» фигурирует наиболее часто — под ним понимают совокупность издательских вопросов и полиграфической техники. В одной из немногих пока еще историографических работ, посвященных нашему предмету, П. Н. Берков отметил, что «история книги у западных авторов сводилась к изложению развития процесса производства и распространения книги» [8]. Это было сказано с упреком. К утверждению относительно «западных авторов» добавим, что точно так же рассматривали «историю книги» и русские авторы (Ф. И. Булгаков, М. И. Щелкунов [9]). Таковы и последние сколько-нибудь серьезные зарубежные исследования (Г. Богенг, Г. Барге, Д. Макмертри и др. [10]).

Карл Маркс говорил, что свойства товара, как некоторой ценности, не изменяются от того, удовлетворяет ли он потребности желудка или воображения. Аналогии с другими областями знания всегда рискованны. Все же представим себе, что мы потребуем от историка текстильной промышленности рассказать о путях развития сельского хозяйства (сырье; в нашем случае это бумага, пергамен, краски, которыми усиленно занимаются «историки книги»), об истории костюма, становлении текстильного оборудования, об искусстве декорирования ткани, о заведениях, торгующих тканью и одеждой... Подходя с той же меркой, следует потребовать от историка пищевой промышленности анализа постепенного изменения условий произрастания растений, сведений по физиологии переваривания пищи и т. д.

История книги, идя по этому скользкому пути, неизбежно становится оторванной от реальной действительности «наукой наук», подменяющей историю политических учений, историю литературы, историю искусства, историю науки, историю журналистики... Знакомясь с трудами адептов помянутых взглядов, нетрудно убедиться, что история книги, да и

породившее ее *книговедение,*— не самостоятельные и в какой-то мере обособленные науки, а некоторый комплекс знаний, связанных между собой общностью изучаемого предмета.

Девиз «Все о книге», принятый на вооружение зачинателями и законодателями книговедения, подменяет конкретное определение предмета и метода исследования, без чего не может быть никакой науки.

Мы твердо убеждены в том, что все попытки воскресить «историю книги» и «книговедение», которые делаются в последнее время, обречены на провал. Мы вовсе не против этих терминов. Но мы рассматриваем их как условные понятия, обозначающие комплекс отраслей, объединить которые в рамках одной науки невозможно. «История книги» имеет право на существование лишь в собирательном смысле, так же, впрочем, как, например, условное «история кино» в противовес вполне конкретным «истории кинотехники» или «истории киноискусства». Будущее, несомненно, принадлежит «истории книгопечатания», вливающейся в общее русло «критической истории технологии», о необходимости разработки которой говорили К. Маркс и В. И. Ленин.

Ознакомившись с оглавлением нашей работы, можно подумать, что она выполнена в том самом ключе, который мы только что критиковали. Мы рассматриваем здесь всю совокупность вопросов, связанных с первопечатной книгой,— ее содержание, язык, оформление, полиграфическую технику, распространение... Нет ли противоречия между тем, что декларировалось выше, и практическим воплощением деклараций?

Поясним. Мы избрали предметом исследования возникновение книгопечатания на Руси, рассматривая его в рамках социально-экономической и политической истории нашего государства. Это *историческое* исследование, всецело находящееся в сфере изучения общественных явлений, которые подчиняются законам, сформулированным основоположниками марксизма-ленинизма. Монографию можно рассматривать в рамках истории отечественного книгопечатания; предметом ее служит исходный момент этой истории. Однако технический материал, сообщаемый нами, статичен. Он относится лишь к одному периоду в развитии полиграфии. Историю же книгопечатания должна прежде всего интересовать динамика становления технических идей.

Мы, естественно, используем данные истории книгопечатания наравне с данными истории русского языка, истории искусства, истории литературы... К сожалению, факты, которые могли сообщить о нашем предмете все эти отрасли, чрезвычайно ограничены. Поэтому сплошь и рядом приходилось предпринимать самостоятельный анализ различных явлений, пользуясь в каждом данном случае методологией конкретных научных дисциплин.

Так, например, сравнительное изучение орнаментики рукописной и первопечатной книги в нашем случае не являлось самоцелью. Но так как материал в комплексе до сего времени собран не был, мы стремились сделать это с исчерпывающей полнотой.

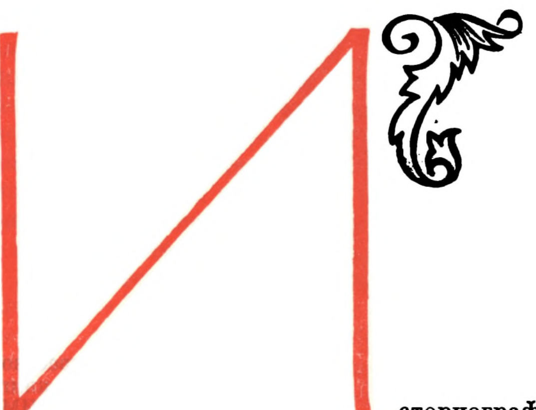
Точной даты начала книгопечатания в Московском государстве мы не знаем. В качестве такой даты условно принимается 1(11) марта 1564 г., когда Иван Федоров и Петр Мстиславец выпустили в свет Апостол — первую точно датированную московскую печатную книгу. Печатать москвичи умели и ранее; сохранились и книги — в свое время мы подробно познакомимся с ними. Но книги эти не датированы и не сообщают нам имени типографа.

Отталкиваясь от помянутой даты, мы отмечаем в 1964 г. 400-летие отечественного книгопечатания. К славному юбилею и приурочено издание монографии.

Автор считает своим приятным долгом завершить это краткое предисловие словами благодарности всем тем, кто помогал ему в работе над рукописью. Особенная признательность — члену-корреспонденту Академии наук СССР А. А. Сидорову, благожелательному рецензенту

и редактору рукописи. В ходе работы над книгой он находил время для чуть ли не ежедневных бесед, которые чрезвычайно много дали автору. Нельзя не поблагодарить также работников архивохранилищ, отделов рукописей и старопечатных книг, никогда не отказывавших автору в консультациях и щедрых советах. Автор глубоко признателен Т. Н. Каменевой (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина), В. И. Лукьяненко (Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), М. В. Щепкиной и Т. Н. Протасьевой (Государственный Исторический музей), Е. М. Иванцову и Р. Я. Луцику (Библиотека Академии наук УССР во Львове), Ф. Ф. Максименко (Библиотека Львовского университета), П. Х. Пироженко и А. А. Содоморе (Центральный государственный исторический архив УССР во Львове), Н. К. Кривонос (Львовский Исторический музей), А. В. Молодчикову (Государственная Публичная библиотека УССР в Киеве).

ВВЕДЕНИЕ. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Историография русского первопечатания почти совершенно не разработана. Между тем труд, проделанный в этой области, колоссален; историографическое наследие, оставленное нашими предками, огромно [1].

Интерес к истокам типографского дела пробудился в далеком XVII в. В самом начале столетия неизвестный нам по имени автор так называемого Пискаревского летописца поведал о широком развитии книгопечатания при царях Федоре и Борисе [2]. В послесловии к богословской книге Трефологион, вышедшей с Московского Печатного двора в 1638 г., рассказано об основании типографии в Москве. Здесь были впервые названы имена первопечатников — Ивана Федорова и Петра Мстиславца. Послесловие Трефологиона, а также устная традиция послужили источниками для составления рукописных сказаний о начале книгопечатания, известных в двух вариантах — расширенном и сокращенном. Сказания возникли в 40-х гг. XVII столетия [3]. В конце века анонимный автор текста «О книгах старых и о книгах новых» указал четкую дату начала московского книгопечатания — 1553 г. [4] Более систематически проработан интересующий нас материал в XVIII и первой четверти XIX столетия.

Регистрация и первичное изучение источников. Первый в XVIII в. общий очерк истории отечественного книгопечатания принадлежит перу литератора, директора Московской Синодальной типографии Ф. П. Поликарпова-Орлова (ум. 1731). Очерк этот, правда, был опубликован лишь в 1914 г. [5] Однако составители исторических и географических трудов и справочников XVIII в. использовали его как основной источник, повествующий о начале книгопечатания.

Сказание известно о воображении книг печатного дела. ГИМ

В XVIII столетии родилась идея создать полный библиографический свод русской книги. Выдвинули ее В. В. Киприянов и М. В. Ломоносов. Практически над созданием репертуара русской книги первым начал работать А. И. Богданов (1692—1766). Составленное им «Краткое собрание печатных книг всех российских типографий», однако, осталось в рукописи. Лишь в XIX в., да и то неполностью, был опубликован труд второго крупного библиографа того времени — Д. Семенова-Руднева (1737—1795). Как Богданов, так и Семенов-Руднев много внимания уделили вопросу о начале книгопечатания на Руси.

Первичную сводку материалов о первых русских печатных книгах можно найти в трудах таких зарубежных авторов XVIII в., как Н. Берг, Ж. Лелонг, И. Фриш, И. Коль.

Краткий очерк истории отечественного книгопечатания и список (правда, далеко не полный) первопечатных книг помещены на страницах «Опыта о библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской имп. Академии наук» (Спб., 1779), составленного И. Г. Бакмейстером (ум. 1788). Здесь впервые было перепечатано послесловие первой точно датированной московской печатной книги — Апостола 1564 г.

Репертуар русской книги впервые создал В. С. Сопиков (1765—1818), автор пятитомного «Опыта российской библиографии или полного словаря сочинений и переводов, напечатанных на славенском и россий-

ском языках от начала заведения типографий до 1813 года» (Спб., 1813—1821). В первом томе учтено 1737 славяно-русских книг, и среди них издания Ивана Федорова. Тому предпослано «Предуведомление», в котором В. С. Сопиков изложил свои взгляды по теоретическим вопросам библиографии и дал общий очерк истории книгопечатания. Здесь же помещен хронологический список книг кирилловского шрифта, вышедших в свет с 1491 по 1700 г., а также список славянских типографий. Решая сложный вопрос о возникновении и прекращении деятельности московской типографии Ивана Федорова, В. С. Сопиков впервые отошел от мотивировок послесловий старопечатных книг и попытался высказать свое собственное мнение. Предпринятая библиографом регистрация первопечатных книг в течение долгого времени служила основным источником и пособием для авторов, разрабатывавших историю отечественного типографского дела.

Новый значительный шаг вперед в историографии русского первопечатания был сделан дворянскими историками, библиографами и археографами, сотрудничавшими в кружке мецената и любителя старины графа Н. П. Румянцева.

Первые специальные исследования. Активным корреспондентом Н. П. Румянцева был митрополит Евгений — Е. А. Болховитинов (1767—1837), делом жизни которого было составление биографического словаря русских писателей. Для этого труда, который неоднократно дополнялся, переделывался и издавался, им была написана статья об истории русского книгопечатания. Она известна в четырех вариантах, по которым легко проследить постепенное становление знаний о начальном периоде славянского типографского дела [6]. В заслугу Болховитинову можно поставить то, что он попытался дать социально-исторический анализ обстоятельств введения книгопечатания на Руси и впервые упомянул в связи с этим о деятельности и решениях Стоглавого собора.

Значительно бо́льших успехов добился другой член Румянцевского кружка — К. Ф. Калайдович (1792—1832). Его статья «Иоанн Федоров, первой московской типографщик» [7] — это, по сути дела, первое специальное исследование, посвященное жизни и деятельности первопечатника, ибо в статьях Е. А. Болховитинова рассматривалась история славянского книгопечатания в целом. Впоследствии Калайдович вернулся к этой теме. Новая статья его [8] написана на значительно более широком материале. В ней использованы сведения, сообщаемые сказаниями XVII в. о начале московского книгопечатания. К. Ф. Калайдович впервые ввел эти важные источники в оборот науки. В 1823 г. Калайдович опубликовал «Библиографическое известие о Евангелии учительном, напечатанном в Заблудовье 1569 года первыми московскими типографщиками» [9]. Эта статья — первое исследование, посвященное отдельному изданию Ивана Федорова.

Интересы К. Ф. Калайдовича не ограничивались историей одного лишь московского первопечатания. В 1819 г. он опубликовал в журнале «Вестник Европы» (ч. 107, сентябрь, № 18, стр. 101—108) статью о славянском первотипографе Швайпольте Фиоле. Год спустя статья вышла в свет отдельным оттиском. Это первый отдельно изданный отечественный труд по истории книгопечатания.

Деятельным участником Румянцевского кружка был П. И. Кеппен (1793—1864). Он впервые начал учет русских старопечатных книг в зарубежных собраниях. Интересна составленная им «Хронологическая роспись первопечатным славянским книгам» [10].

Кеппен впервые в нашей литературе опубликовал сведения о надгробной плите Ивана Федорова во Львове, благодаря чему стала известна дата кончины первопечатника.

Дальнейшие успехи славяно-русской библиографии связаны с именем П. М. Строева (1796—1876). Составленное им трехтомное описание старопечатных книг на долгие годы стало основным пособием в этой

области[11]. В приложениях к своему труду археограф опубликовал важнейшие источники по истории отечественного книгопечатания, и в частности найденные К. Ф. Калайдовичем сказания, рукописную копию послесловия неизвестного еще в те годы Часовника 1565 г. Ивана Федорова и Петра Мстиславца, смету 1612 г. на типографское оборудование.

На поприще славяно-русской библиографии успешно трудился и И. П. Сахаров (1807—1863), автор «Хронологической росписи славяно-русской библиографии»[12]. Он впервые описал такие издания Ивана Федорова, как Часовник 1565 г. и «Хронология» Андрея Рымши. Сахарову принадлежит заслуга создания у нас нового типа научной публикации — альбома лицевой гравюры, орнаментики и шрифта[13]. Его преемниками в этой области были В. Е. Румянцев, С. Л. Пташицкий и, уже в наши дни, А. С. Зернова.

Несколько интересных работ по истории отечественного книгопечатания принадлежит профессору Московского университета И. М. Снегиреву (1792—1868). Он впервые описал Псалтырь 1568 г., вышедшую из типографии Никифора Тарасиева и Невежи Тимофеева, а также Псалтырь 1577 г., напечатанную в Александровской слободе[14].

В 1840 г. И. М. Снегирев опубликовал послание датского короля Кристиана III к Ивану IV, в котором идет речь о миссии Ганса Богбиндера. Имя последнего со времен В. С. Сопикова связывали с началом книгопечатания на Руси. Снегирев не смог критически подойти к опубликованному им документу[15] и посчитал его свидетельством участия Богбиндера в основании первой московской типографии.

Представители дворянского периода в историографии русского первопечатания не смогли создать сколько-нибудь крупных обобщающих работ. Во второй половине XIX в. этим вопросом занялись люди иного класса. Новый период характеризуется пробуждением интереса к архивным изысканиям, благодаря чему был выявлен ряд важных материалов для изучения жизни и деятельности Ивана Федорова. Однако наибольшие успехи были достигнуты в изучении безвыходных первопечатных изданий.

Публикация актового материала. Поиски архивных источников по истории русского первопечатания были предприняты еще Археографической комиссией, выпестованной трудами П. М. Строева. Среди опубликованных комиссией документов — акт 1556 г. с упоминанием мастера печатных книг Маруши Нефедьева[16].

Первым из русских историков книгопечатания обратился к систематическим архивным изысканиям В. Е. Румянцев (1822—1897). Уже в одной из ранних своих работ, посвященной истории зданий Московского Печатного двора, В. Е. Румянцев широко использует материалы типографского архива[17]. В 1870 г. в приложении к известному труду Д. А. Ровинского «Русские граверы и их произведения с 1564 г. до основания Академии художеств» были опубликованы составленные Румянцевым «Сведения о гравировании и граверах при Московском Печатном дворе в XVI и XVII столетиях». Два года спустя вышел в свет основной труд нашего автора — «Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России» (М., 1872). Это атлас гравюр, орнаментики и шрифтов первопечатных изданий. Альбому предпослана статья, подробно излагающая обстоятельства основания первой типографии на Руси. Эта работа — одно из высших достижений буржуазной историографии в изучении московского первопечатания.

С. Л. Пташицкий выявил и опубликовал документальные материалы из архивов Львовской магдебургии и Львовского гродского суда. Эти документы позволили подробно проследить жизненный путь Ивана Федорова в 1573—1583 гг. Исследования Пташицкого впоследствии были продолжены польским историком Ф. Бостелем[18]. В 1893 г. И. И. Малышевский (1828—1897) опубликовал материалы Луцкого гродского суда, позволяющие выяснить обстоятельства жизни и деятельности Ивана

Федорова в 1575—1576 гг. в непривычной для него роли управителя Дерманского монастыря[19].

Начало изучения безвыходных изданий. В июле 1874 г. на Третьем археологическом съезде в Киеве А. Е. Викторов (1827—1883) прочитал доклад «Не было ли в Москве опытов книгопечатания прежде первопечатного Апостола 1564 г.?»[20] Деятельность этого выдающегося русского археографа, основателя Отделения рукописей и славянских старопечатных книг Московского Публичного и Румянцевского музеев, результаты которой особенно значительны в нашей области, далеко еще не оценена в полной мере.

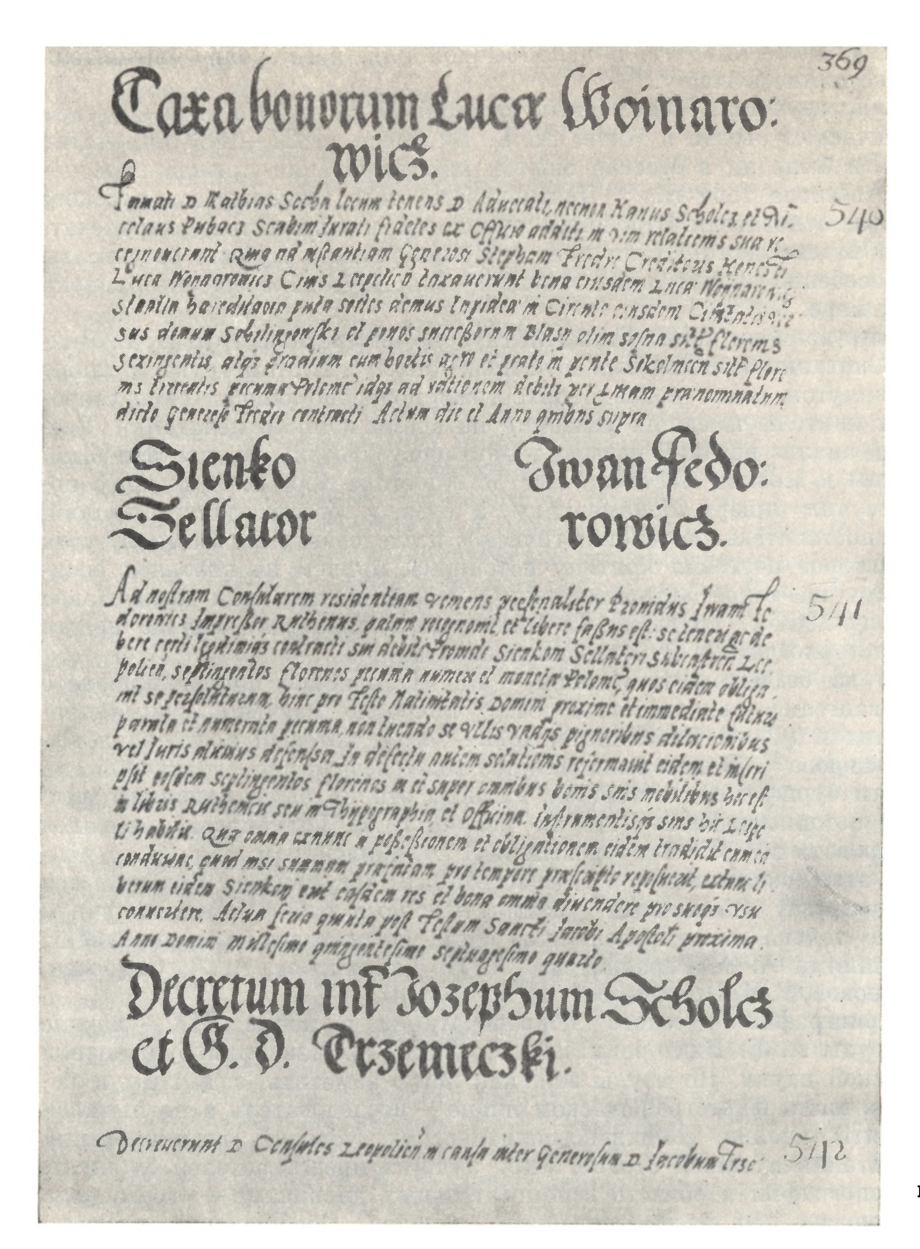
До сего времени не опубликован глубоко интересный труд А. Е. Викторова «Описание безвыходных печатных книг»[21]. В этом труде, а также и в упомянутом выше докладе археограф подробно описал семь старопечатных книг, не имевших указаний на время и место печатания. Всесторонний анализ изданий позволил Викторову утверждать, что они были напечатаны в Москве, частично еще до Апостола 1564 г. Археограф подробно изучил шрифт, орнаментику и бумагу безвыходных изданий, провел сопоставительное текстологическое исследование их. Во главу угла А. Е. Викторов поставил критику источника, причем не побоялся «поднять руку» на такое авторитетнейшее свидетельство, как послесловие к Апостолу 1564 г. Труды А. Е. Викторова знаменовали начало нового этапа в историографии русского первопечатания.

Одно из безвыходных изданий — так называемое широкошрифтное Четвероевангелие — впоследствии было подробно изучено архимандритом Леонидом (Л. А. Кавелиным; 1822—1891), который подтвердил выводы Викторова[22]. В дореволюционные годы вследствие ограниченности и косности буржуазных историков взгляды эти не были признаны официальной историографией. Историк церкви Е. Е. Голубинский пытался полемизировать с А. Е. Викторовым и Л. А. Кавелиным, однако не привел при этом сколько-нибудь существенных аргументов. Большинство авторов попросту замалчивали упомянутые нами работы. Они получили признание только после революции, когда были развиты и дополнены исследованиями А. А. Гераклитова, М. Н. Тихомирова, А. А. Сидорова, А. С. Зерновой, Т. Н. Протасьевой, Г. И. Коляды.

Историография русского первопечатания в конце XIX — начале XX в. Труды А. Е. Викторова были большим достижением буржуазной исторической науки. Но труды эти, как легко заметить, задуманы и исполнены в чисто фактографическом плане — исследователь и не пытался предпринять анализ социально-политических условий возникновения книгопечатания в нашей стране. Уход лучших представителей буржуазной историографии в область вспомогательных дисциплин — своего рода закономерность для рассматриваемого периода. Обобщающих исследований попросту нет. Отдельные оценки и характеристики в статьях по частным вопросам или в юбилейных выступлениях беспомощны и бездоказательны. Первые труды по общей истории книгопечатания, появившиеся в эти годы, популярны и откровенно компилятивны[23]. Во всех случаях общее подменяется частным, а общественное — индивидуальным. Своеобразным отличием эпохи является возрождение наиболее реакционного славянофильства.

Между тем достижения в регистрации и накоплении фактов бесспорны. Во второй половине XIX в. значительные успехи в области славяно-русской библиографии связаны главным образом с именами В. М. Ундольского (1815—1864) и И. П. Каратаева (1817—1886)[24].

Работы известного историка М. П. Погодина (1800—1875) интересны постольку, поскольку они касаются новых приобретений его «древлехранилища». Его программная статья об Иване Федорове каких-либо новых выводов или положений не содержит — она использована для восхваления самодержавия, для оправдания захватнических войн царизма[25]. Откровенно идеалистична работа И. Е. Забелина (1820—1908)[26]. Иван

369

Taxa bonorum Lucae Woinarowicz. 540

Sienko Sellator

Iwan Fedorowicz. 541

Decretum inter Josephum Scholcz et G. D. Trzemeczki. 542

Акт об Иване Федорове из книг Львовской магдебургии. ЦГИА УССР во Львове

Федоров предстает в ней одиноким гигантом, который «один начинал» свое великое дело. Такова же статья Е. В. Барсова [27].

К историографии русского первопечатания периода империализма вплотную примыкает литература, появившаяся уже после революции за пределами нашей страны и принадлежащая перу реакционной антисоветской эмиграции (И. Огиенко, В. Ластовский и др.) [28].

Советская историография русского первопечатания. Вопрос о начале книгопечатания на Руси был, по сути дела, коренным образом пересмотрен советской наукой, добившейся серьезных успехов. Наши исследователи впервые выявили и удовлетворительно объяснили социально-экономические истоки русского типографского дела. Буржуазные историки оказались неспособны найти место этому примечательному событию в общем ходе исторического процесса. Это было сделано лишь в послереволюционные годы на основе благотворной методики исторического материализма.

Акт об Иване Федорове из луцких гродских книг. ЦГИА УССР в Киеве

Книгопечатание стало в один ряд с известными реформами 50-х гг. XVI в. как важный фактор политической и социально-экономической истории Московского государства. Этому событию было найдено место и в истории культуры русского народа — в филологическом, искусствоведческом и лингвистическом планах. Значительно обогатилась фактическая сторона вопроса — были открыты неизвестные ранее издания, подробно учтена лицевая гравюра и орнаментика, опубликованы новые документы.

Благодаря национализации монастырских и частных собраний в государственных книгохранилищах были собраны колоссальные книжные богатства. Исследователи получили возможность знакомиться с изучаемыми изданиями не в одном, а в нескольких, иногда и в десятках, экземплярах. Это позволило обнаружить новые, ранее неизвестные старопечатные книги, выявить типографские варианты.

Разработка фактической стороны вопроса в советской историографии связана с именами А. А. Гераклитова А. С. Зерновой, Т. Н. Протасьевой.

Продолжая работы А. Е. Викторова, профессор Саратовского государственного университета А. А. Гераклитов (1867—1933) убедительно доказал московское происхождение безвыходных первопечатных изданий [29]. Он тщательно изучил их орнаментику и шрифты, обратил внимание и на языковые особенности. Впервые в нашей историографии Гераклитов изучил бумагу первопечатных книг и привлек имеющиеся на ней водяные знаки для датирования этих изданий. Заслуживают внимания публикации саратовского профессора, и в частности найденный им документ о московском печатнике Анисиме Михайлове Радишевском.

В том же русле, однако на более высоком уровне протекала деятельность А. С. Зерновой. Ее труд «Начало книгопечатания в Москве и на Украине» (М., 1947) развивал и углублял выводы Гераклитова относительно московского происхождения безвыходных изданий. Зернова подробно проследила судьбы гравированной орнаментики Ивана Федорова как при жизни, так и после смерти первопечатника. Составленный А. С. Зерновой альбом «Орнаментика книг московской печати XVI—XVII веков» (М., 1952) возрождал несправедливо забытый жанр, зачинателями которого у нас были И. П. Сахаров и В. Е. Румянцев. Исчерпывающе подробная регистрация орнаментики помогла идентифицировать неполные экземпляры старопечатных изданий. (Ниже ссылки на альбом А. С. Зерновой — Зерн. 65, где цифра — номер репродукции.) Другая работа А. С. Зерновой, сводный каталог «Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках» (М., 1956), продолжала и как бы завершала многолетние труды русских библиографов по учету славянской старопечатной книги. Немаловажна и попытка А. С. Зерновой создать методику работы со старопечатной книгой [30].

Выводы А. А. Гераклитова и А. С. Зерновой о времени издания безвыходных первопечатных книг были уточнены Т. Н. Протасьевой [31].

В общее русло работ фактографического характера вливаются небольшие исследования зарубежных славистов и библиографов, посвященные описанию найденных в иностранных хранилищах книг, которые ранее были неизвестны славяно-русской библиографии. Р. Якобсон описал Букварь, напечатанный Иваном Федоровым во Львове в 1574 г. [32] Д. Барникот и Дж. Симмонс рассказали о 21 неизвестной старопечатной славянской книге, в том числе и о чрезвычайно интересном первопечатном Букваре [33]. Общая сводка зарубежных находок и их анализ предприняты А. С. Зерновой. Она же выявила второе издание Букваря Ивана Федорова [34].

Подробная регистрация фактического материала, предпринятая названными выше исследователями, позволила советской науке перейти к качественно новому этапу в историографии русского первопечатания. Появились труды, вскрывающие социально-политические аспекты этого события, рассматривающие его в рамках истории русской литературы, искусства, языка.

Академик А. С. Орлов (1871—1947) поставил основание первой московской типографии в один ряд с теми явлениями культурной жизни, которые служили укреплению и становлению централизованного государства, уничтожению феодальной раздробленности [35]. В трудах Орлова была впервые преодолена узкая и ограниченная биографичность, свойственная старым работам по истории русского первопечатания.

На протяжении всей своей многолетней деятельности вопросом о начале книгопечатания на Руси интересовался академик М. Н. Тихомиров [36]. Он впервые вскрыл исторические предпосылки основания типографии в Москве, показав, что это событие было следствием политического и культурного развития России. М. Н. Тихомиров ввел в оборот науки сведения о многих интересных экземплярах первопечатных книг, опубликовал имеющиеся на них вкладные и владельческие записи. Ему же принадлежит удачная терминология для обозначения безвыходных изданий.

Подобно М. Н. Тихомирову, который поставил возникновение книгопечатания в рамки общеполитической истории Московского государства, и А. С. Орлову, связавшему это событие с историей русской литературы, член-корреспондент Академии наук СССР А. А. Сидоров впервые рассмотрел первопечатные книги как факт истории отечественного изобразительного искусства. Впервые в историографии А. А. Сидоровым была создана капитальная «История оформления русской книги» (М.—Л., 1946). Художественному убранству старопечатных изданий исследователь посвятил первый том трехтомной «Истории русского рисунка» [37]. В состав истории русского искусства была включена замечательная в своем своеобразии древнерусская книжная гравюра, до того времени находившаяся вне поля зрения науки. Большое значение для нашей темы имеют отдельные выступления А. А. Сидорова в периодической печати и сборниках как по общим, так и по частным вопросам русского первопечатания [38].

Достижением советской историографии в изучении художественного убранства первопечатной книги было установление тесной связи между старопечатной орнаментикой и орнаментикой древнерусской рукописной книги, что стало совершенно ясным в результате исследований Н. П. Киселева, Е. В. Зацепиной, Н. Г. Порфиридова [39].

Экономические аспекты истории отечественной полиграфической промышленности с первых лет ее существования послужили предметом исследования Б. П. Орлова [40]. Г. И. Коляда связал историю первопечатной книги с судьбами русского литературного языка. В результате его исследований установлен факт серьезной редакторской проработки текстов богослужебных книг перед их передачей в первые типографии [41].

Начало книгопечатания в социально-политическом разрезе со всеми относящимися сюда связями и параллелями послужило предметом исследований Б. В. Сапунова. Молодой ученый подверг критическому пересмотру и вопрос об обстоятельствах прекращения деятельности первой московской типографии [42].

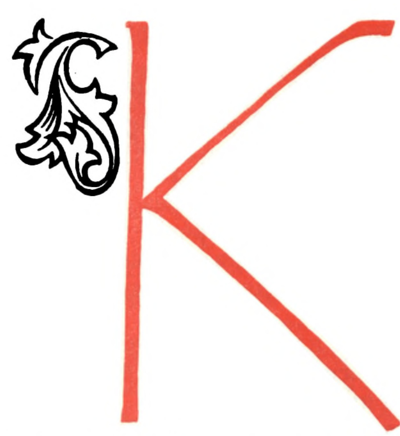
Русскому первопечатанию отведено место и на страницах общих трудов по истории книгопечатания. Работ таких все еще немного, да и носят они по преимуществу учебный или популярный характер [43].

Значительно более ценны для нашей темы коллективные труды советских ученых — двухтомник «Книга в России» (М., 1925), сборники «Иван Федоров первопечатник» (М.—Л., 1935) и «У истоков русского книгопечатания» (М., 1959). На страницах этих сборников опубликовано немало серьезных и новаторских работ таких советских исследователей, как А. С. Орлов, М. Н. Тихомиров, А. А. Сидоров, П. Н. Берков, А. И. Некрасов, А. И. Малеин, Г. И. Коляда, М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева.

Немалый вклад в изучение истории русского первопечатания внесли историки Украины (И. С. Свенцицкий, И. П. Крипякевич, Я. Д. Исаевич, П. М. Попов и др.) и Белоруссии (В. И. Пичета) [44].

В последние годы в историографии русского первопечатания заметно определенное оживление. Это результат общего оздоровления сферы литературного и научного творчества, что связано с известными решениями XX и XXII съездов Коммунистической партии Советского Союза. Велико значение недавно созданных координирующих печатных органов — непериодического сборника «Книга» и ежегодника «Искусство книги». За короткий срок на страницах этих изданий было опубликовано много работ по истории книгопечатания и книгоиздательского дела, и в том числе по истории русского первопечатания. Статьи по интересующей нас тематике стали чаще появляться и на страницах общеисторических, филологических и искусствоведческих журналов и сборников.

ИСТОКИ РУССКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ

нигопечатание — это комплекс различных по своей природе явлений. Первое, что должно быть выделено из комплекса, мы назовем *книгоиздательством.* Понятие это предполагает отбор произведений общественно-политической мысли, литературы, науки и искусства, соответствующую их обработку, адаптирование и редактирование, а также совокупность мер, предпринимаемых для того, чтобы распространить эти произведения.

В принципе термин «книгоиздательство» не содержит ограничений для техники воспроизведения и распространения. Он может относиться и к рукописной книге. Поэтому начало издательской деятельности на Руси не совпадает по времени с основанием первой типографии; оно уходит корнями в глубочайшую древность.

Книгоиздательство — одно из проявлений общественного сознания, которое в соответствии с марксистско-ленинским пониманием исторического процесса определяется экономическим строем общества. Факты книгоиздательской деятельности могут быть правильно поняты лишь в тесной связи с развитием общественного бытия изучаемой эпохи. Исходя из этого, следует объяснять и революционные изменения в технике воспроизведения книги, а именно — переход от книгописания к книгопечатанию.

Полиграфическая техника — одна из наиболее существенных сторон того события, которое именуется началом книгопечатания на Руси. Технику можно определить как «средства труда, развивающиеся в системе общественного производства» [1]. Нельзя рассматривать историю средств труда, абстрагируясь от законов развития производства, отвлекаясь от складывающихся в процессе производства отношений между людьми.

Появление новой технической идеи в принципе не зависит от состояния базиса. Изобретательская мысль может и предвосхищать реально складывающуюся в производстве потребность. Однако внедрение новой идеи в производство является непосредственным результатом изменений экономики.

Все, о чем говорилось выше, тесно связано с *социально-политическими предпосылками* начала книгопечатания на Руси.

Новые средства труда не возникают на пустом месте. Революционизируя технику, изобретатель опирается на некоторую совокупность знаний и представлений, выработанных предшествующими поколениями. При этом нередко технология и методы, возникшие в одной отрасли, переходят в другую. В этой связи нужно рассмотреть вопрос о *технических предпосылках* создания первой типографии.

К моменту возникновения книгопечатания на Руси типографское дело в Европе имело уже столетнюю историю. Вопрос о связях и взаимодействии как в техническом, так и в искусствоведческом плане также исключительно важен.

Набросанный вкратце круг вопросов и составляет в совокупности своей ту проблему, которую мы называем истоками русского книгопечатания. Рассмотрение ее естественнее всего начать с социально-политических предпосылок.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

К середине XVI столетия, когда практически встал вопрос о создании первой русской типографии, Москва завершала объединение русских земель в единое централизованное многонациональное государство. В конце XV в., в 1478 г., к Великому княжеству Московскому были присоединены обширные владения Великого Новгорода, простиравшиеся от Балтики до Печоры и Оби. За Новгородом под власть Москвы подпали Тверское княжество (1485), Чернигово-Северская земля (1503), Псков (1510), Рязанское княжество (1521). Уже Иван III именовал себя «великим князем всея Руси»; его внук Иван Васильевич Грозный в январе 1547 г. венчался на царство.

Границы Московского государства никогда не были спокойными. С востока и юга постоянно угрожали татары. Серьезным соперником Москвы было Великое княжество Литовское.

Объединение русских земель в единое государство значительно повысило их обороноспособность. Это в свою очередь вызвало усиленный хозяйственный и культурный рост страны.

Феодальный в своей основе способ производства к середине XVI в. претерпевает серьезные изменения. Крепнущие из года в год товарно-денежные отношения постепенно подтачивают старинный уклад жизни. В феодальном хозяйстве развивается денежная рента, процветает барщина, происходит расслоение крестьянства. Усиление эксплуатации трудового люда вызывает обострение классовой борьбы. Одним из наиболее характерных проявлений ее были так называемые реформационные движения, тесно связанные с началом книгопечатания.

Широкое развитие товарного производства влечет за собой рост различных ремесел. Из года в год совершенствуется мастерство, оттачивается умение. Закладываются основы технических знаний. На базе небольших местных рынков складываются областные центры торговли. Затем возникает и общерусский рынок. Среди великого множества товаров были и книги.

Политический строй русского государства того времени характеризуется ярко выраженным тяготением к централизации государственной власти. Постепенно отмирают удельные княжества. Вся полнота власти переходит в руки великого князя и Боярской думы. Закладываются

основы государственного аппарата. Возникают приказы; в них сосредоточиваются отдельные стороны управления государством и его военной машиной, руководство внешними связями.

Отмеченные тенденции наиболее ярко проявились в деятельности так называемой «Избранной рады», с которой обычно связывают реформы 50-х гг. XVI столетия. Одной из этих реформ была рационализация книгоиздательского дела.

Прежде чем говорить о содержании и направлении реформ, рассмотрим, при каких условиях пришла к власти «Избранная рада», а также выясним важный вопрос о роли Ивана Грозного.

«Избранная рада». Старые русские историки полагали, что конец правления временщиков Глинских, братьев покойной матери Ивана IV, и начало благодетельного влияния на молодого царя так называемой «Избранной рады» прежде всего связаны с большим московским пожаром в июне 1547 г., во время которого выдвинулись на сцену благовещенский священник Сильвестр и царский спальник Алексей Федорович Адашев. Приход к власти Сильвестра колоритно описан Н. М. Карамзиным. Он повествует, что во время пожара, когда «юный царь трепетал в Воробьевском дворце своем, а добродетельная Анастасия молилась, явился там какой-то удивительный муж, именем Сильвестр, саном иерей, родом из Новагорода, приблизился к Ивану с подъятым, угрожающим перстом, с видом пророка, и гласом убедительным возвестил ему, что суд божий гремит над главою царя легкомысленного и злострастного... потряс душу и сердце, овладел воображением, умом юноши и произвел чудо: Иван сделался иным человеком».

Все это, конечно, красиво, но, по-видимому, далеко от правды. Начать с того, что Сильвестр появился в Москве не во время пожара 1547 г., а ранее; скорее всего он приехал из Новгорода вместе с Макарием в 1542 г.

Да и Глинские потеряли власть не сразу. Лишь в ноябре 1547 г., когда о пожаре и думать забыли, Михаил Глинский с приятелем князем Иваном Турунтай-Пронским побежал в Литву, но заплутался «во ржевских местех и велеких тесных и непроходных теснотах». Князь Петр Иванович Шуйский, посланный в погоню за беглецами, «изымал» их и представил пред царские очи. Грозные годы Ивана были еще впереди, и он простил дядьку.

Место Глинских в конце 1547 г. заняла боярская группировка, состав которой, несмотря на последние исследования А. А. Зимина, не до конца ясен. В нее входили родственники царицы Анастасии — Захарьины. Вместе с тем изо дня в день растет влияние Сильвестра и особенно Алексея Федоровича Адашева, которые к 1549 г. берут в свои руки всю правительственную деятельность.

А. Ф. Адашев происходил из незнатной провинциальной дворянской семьи, которая владела вотчиной в Костроме и поторговывала солью. Какими путями попал он к царскому двору, неведомо. Сам Иван Васильевич много лет спустя писал Курбскому о «собаке Алексее»: «...в нашего царьствия дворе, в юности нашей, не вем каким обычаем из батожников водворивъшуся» [2]. Однако еще в 1539 г. отец Алексея — Федор Адашев — был отправлен гонцом в Царьград к турецкому султану. По сообщению Пискаревского летописца, юноша Алексей ездил с отцом, но в Царьграде «разболелся и тамо остался... а был с год». По возвращении в Москву он явился ко двору, «и князь велики его пожаловал и взял его к себе в приближенье». Так или иначе, но уже в марте 1548 г., посылая подарки виднейшим московским боярам, новгородский архиепископ не забыл отца и сына Адашевых.

Войдя в силу, Адашев всегда испытывал на себе воздействие Сильвестра. Пискаревский летописец так рассказывает об этом: «Да в ту же пору был поп Селивестр и правил Рускую землю с ним заодин, и сидели вместе в избе у Благовещения».

Причт Благовещенского собора — домовой церкви московских царей — с самого начала XVI столетия играл большую роль в придворной жизни. Лишь на короткое время, в середине 50-х гг., он потерял первенство, уступив его причту церкви Николы чудотворца Гостунского, где был дьяконом тогда еще никому не известный Иван Федоров. Это совпало по времени с первыми опытами московского книгопечатания. В дальнейшем мы вернемся к данному вопросу, а пока вкратце рассмотрим те важнейшие реформы, которые были предприняты правительством Адашева — правительством компромисса, как его называют новейшие исследователи С. О. Шмидт[3] и А. А. Зимин[4], развивая точку зрения, ранее высказанную С. В. Бахрушиным[5]. Речь идет о компромиссе между всеми прослойками класса феодалов — боярством, дворянством и церковниками.

Реформы 50-х гг. имеют большое значение для нашей темы: часть их непосредственно предшествовала введению книгопечатания, которое само по себе тоже было реформой как культурно-бытового, так и социально-политического плана. Именно в этом смысле трактуется это событие такими авторами, как А. С. Орлов, М. Н. Тихомиров и А. Д. Маневский. К сожалению, А. А. Зимин, написавший наиболее подробную и документированную работу о реформах Ивана Грозного, ни словом не обмолвился о начале книгопечатания на Руси.

Роль Ивана IV. Нельзя обойти вопрос о том, какова была доля личного участия царя в проведении реформ и кому принадлежит инициатива введения книгопечатания. Послесловие Апостола 1564 г., как известно, приписывает инициативу царю: «...он же начат помышляти, како бы изложити печатныя книги, яко же в грекех, и в Венецыи, и во Фригии, и в прочих языцех, дабы впред святыя книги изложилися праведне».

Кроме этого свидетельства, у нас нет ни документальных, ни мемуарных подтверждений личного участия царя в основании первой типографии. Однако в нашем распоряжении немало материалов об участии Ивана Васильевича в проведении реформ 50-х гг.

Прежде всего дадим слово самому царю. В переписке с Курбским Иван IV впоследствии представил дело так, будто он не имел никакого отношения к государственным преобразованиям, предпринятым в интересующие нас годы. «Селивестр и со Алексеем здружился и начаша советовати отаи нас,— жаловался царь,— мневша нас неразсудных суща; и тако, вместо духовных, мирская начаша советовати и тако помалу всех... бояр начаша в сомовольство приводити». Благовещенский поп, утверждал Иван Васильевич, «ничто же от нас пытая, аки несть нас, вся строения и утверждения по своей воли и своих советников хотение творяще. Нам же что аще и благо советующе, сия вся непотребна им учинихомся»[6].

Дадим слово противной стороне. Как это на первый взгляд ни странно, Андрей Курбский высказывает совершенно аналогичные мысли. В годы правления Адашева и Сильвестра, утверждает он, царь не мог «без их совету ничесоже устроити или мыслити». И продолжает: «...нарицались тогда оные советницы у него Избранная рада... понеж все избранное и нарочитое советы своими производили»[7].

Чтобы дать справедливую и объективную оценку всем этим показаниям и свидетельствам, нужно вспомнить обстановку и время, когда они писались. Годы трогательного единения, годы компромисса были далеко позади. Сильвестр замаливал грехи в далеком Соловецком монастыре. Адашева постигла опала — лишь смерть спасла его от расправы.

Можно легко понять Ивана Васильевича, старавшегося отмежеваться от всего того, что традиция и молва связывали с именем тех людей, которые когда-то были «во времени». Что же касается Курбского, то он в своих новых волынских имениях, дарованных Сигизмундом Августом, все, связанное с царем, видел в черном свете, а прошлое представлялось ему поистине безоблачным.

В оценке роли Ивана Грозного в проведении реформ 50-х гг. нет единодушия и среди историков. Группа работ 30-х и 40-х гг. нашего века,

Иван Васильевич Грозный

сложившихся под воздействием известных условий, провозглашает царя чуть ли не единственным инициатором и организатором государственных преобразований. Характерна статья во втором издании Большой Советской Энциклопедии, принадлежащая перу И. И. Смирнова, А. М. Сахарова и И. А. Короткова [8].

Своеобразный культ личности Ивана Грозного, бытовавший в нашей историографии, в определенной степени питался известными высказываниями И. В. Сталина. Идеализированный образ царя, человека «с сильной волей и характером», был создан в популярных работах Р. Ю. Виппера, С. В. Бахрушина и И. И. Смирнова. Заметим в скобках, что в других своих трудах эти талантливые историки немало способствовали прояснению отдельных сторон и аспектов долгого и трудного царствования Ивана Васильевича. Вопрос о начале книгопечатания на Руси и здесь, к сожалению, остался за бортом.

Новейший исследователь реформ 50-х гг. А. А. Зимин оставляет вопрос о роли Ивана IV открытым. По его мнению, для окончательного решения у нас еще очень мало материалов. Он отмечает, что «в конце 40-х — начале 50-х гг. представления Ивана IV о путях преобразования государственного аппарата совпадали с предложениями Адашева и Сильвестра» [9]. В этом высказывании, на наш взгляд, заложено рациональное зерно истины. Нельзя не вспомнить, что в 1550 г. царю исполнилось 20 лет и, конечно же, от него трудно было ждать того глубокого понимания социально-политической обстановки и насущных нужд Московской Руси, которое характеризует реформы 50-х гг. Здесь видна более опытная рука. Но умный и начитанный Иван не оставался в стороне от государственных преобразований. Присутствуя на заседаниях «Избранной рады»,

он проникся уверенностью в справедливости и необходимости того, что говорилось и предпринималось здесь. И внес свою лепту в общее дело.

Именно так следует рассматривать вопрос, кому принадлежит инициатива основания первой типографии. Послесловие Апостола 1564 г. представляет дело следующим образом. Мысль о том, «како бы изложити печатныя книги», приходит впервые самому царю. Иван «возвещает мысль свою преосвященному Макарию митрополиту всея Русии». Последний «зело возрадовася» и одобрил решение царя.

Нет ли противоречия между нашей точкой зрения и свидетельством современника? Попробуем найти объяснение. Прежде всего припомним, что послесловие к Апостолу 1564 г. писалось в те годы, когда с «Избранной радой» было покончено. Легко понять, что автор послесловия не мог в 1564 г. ставить у истоков московского книгопечатания лиц, так или иначе скомпрометированных в глазах царя.

Такое объяснение было бы самым простым. Мы можем основательно подкрепить его более веской аргументацией. Известен ряд документов раннего происхождения, связывающих отдельные мероприятия рады с именем царя и митрополита Макария. В то время Адашев и Сильвестр еще были всесильны. Тем не менее они остаются в тени. Современной наукой доказано, что помянутые мероприятия восходят к деятельности «Избранной рады».

Вывод может быть один. Во всех официальных документах — вплоть до послесловия Апостола 1564 г.— мы имеем дело с традиционной, издавна сложившейся формулой, которая, однако, не вполне точно отражает действительное положение дел.

Чтобы подкрепить нашу аргументацию, сопоставим послесловие Апостола с отрывком из главы 1-й Стоглава, в которой инициатива проведения знаменитого Стоглавого собора — о нем нам еще придется говорить ниже — в тех же самых выражениях приписывается царю Ивану Васильевичу.

Стоглав	Апостол 1564 г.
...миротворец державный самодержец прекроткий царь Иван, многием разумом и мудростию венчан... подвижеся не токмо о устроении земском, но и о многоразличных церковных исправлении, и возвещает отцу своему преосвященному Макарию митрополиту всеа Русии и собор божиих слуг совокупити повеле вскоре... и егда убо сия слышав, всеа Руския земли архиереи радостию неизглаголанного объяти бывше... [10]	...благоверный царь и великий князь Иван Василиевич ...начат помышляти, како бы изложити печатныя книги... дабы впред святыя книги изложилися праведне. И тако возвещает мысль свою преосвященному Макарию митрополиту всея Русии. Святитель же слышав, зело возрадовася и богови благодарение воздав... [11]

Как видим, мотивировки очень близки, а совпадение фразеологии в некоторых случаях почти дословное. Между тем у нас нет оснований приписывать созыв Стоглавого собора инициативе двадцатилетнего Ивана Васильевича. Не правильно ли будет аналогичный вывод распространить и на начало книгопечатания на Руси...

Речь идет именно о начале. В дальнейшем мы увидим, что у нас нет причин отрицать инициативу царя в основании государственной типографии, которая, однако, не была самой первой московской книгопечатней.

Теперь настало время ближе познакомиться с реформами 50-х гг., не последнее место среди которых занимает и переход к полиграфическому воспроизведению книжной продукции.

Реформы 50-х гг. У нас нет ни одного документа, в котором сколько-нибудь четко была сформулирована программа «Избранной рады». Тем не менее направление ее деятельности хорошо известно современной науке. Трудное и противоречивое царствование Ивана Васильевича Грозного не раз служило, да и служит до сих пор предметом ожесточенных споров между историками. Что же касается оценки реформ 50-х гг., то здесь взгляды различных авторов более или менее единодушны. Все сходятся на том, что основной смысл реформ состоял в укреплении централизованного государства. Острие их было направлено против феодальной раздробленности, тормозившей и сковывавшей развитие Московского государства. Наиболее дальновидные представители феодальной знати понимали, что реформы необходимы. Активными сторонниками централизаторских устремлений правительства были мелкопоместное дворянство и низшие слои духовенства. Обострение классовой борьбы в середине XVI в., городские восстания, одно из которых сопровождало московский пожар 1547 г., напугали феодалов.

Сам Иван Васильевич, выступая на Стоглавом соборе, признался: «От сего убо вниде страх в душу мою и трепет в кости моа и смирися дух мой» [12].

Так возникли предпосылки для компромиссного соглашения между различными слоями господствующих классов. Рост реформационного движения заставил примкнуть к соглашению и крупных церковных феодалов. Компромисс, который, впрочем, никогда не был особенно прочным, организационно оформили на соборе в феврале 1549 г. Выступая на нем, царь даровал феодальной знати «прощение» во всех ее прошлых прегрешениях: «...по се время сердца на вас в тех делах не держу и опалы на вас ни на кого не положу, а вы б впредь так не чинили» [13].

На соборе — в исторической литературе его называют «Собор примирения» — правительство поставило вопрос о судебной реформе. Новый «Судебник» упорядочил судопроизводство, ограничив произвол феодальной аристократии,— «чтоб был праведен суд и всякия дела непоколебима во веки». Впоследствии в интересах дворянства был совершенно отменен институт знатных «кормленщиков», которые произвольно вершили суд на местах. Выколачиваемые «кормленщиками» деньги, которые ранее шли в их карманы, начали поступать в государеву казну. Судить и рядить на местах стало выборное земское самоуправление.

«Избранная рада» позаботилась о формировании органов центральной власти. Постепенно разграничиваются функции. Возникает ряд «изб», а впоследствии и «приказов», которым были подчинены строго определенные области управления. Возникновение приказов — одна из наименее разработанных тем в нашей историографии. Источники, относящиеся к 50-м гг., упоминают о Разбойной, Ямской, Конюшенной, Посольской, Челобитной избах. Нет никакого сомнения, что вскоре же к ним присоединилась и Книгопечатная изба, которая в XVII столетии переросла в Приказ книг печатного дела.

Важным мероприятием было так называемое «испомещение тысячников» — наделение землями в непосредственной близости от Москвы «избранной тысячи» безземельных и малоземельных дворян. Экономически обеспечив дворянство, правительство сделало его своим вернейшим союзником. Дворянское ополчение стало основой вооруженных сил Московского государства. Комплекс военных реформ, предпринятых в те же годы, многократно повысил воинскую мощь Москвы. Это сделало возможным и присоединение Казанского ханства, с которым послесловие Апостола 1564 г. непосредственно связывает основание первой типографии.

Перераспределение земель усилило интерес правительства к колоссальным земельным богатствам, сосредоточенным в руках церкви. Вопрос о секуляризации (отчуждении) монастырских земель ставился еще в самом начале XVI столетия — в ожесточенных спорах между «заволжскими

старцами» и «осифлянами». Идеолог первых Нил Сорский, выступая на соборе 1503 г., предложил, «чтобы у монастырей сел не было, а жили бы чернцы по пустыням, а кормили бы ся рукоделием». Великому князю Ивану III предложение пришлось по душе. Однако собор поддержал противника заволжских старцев Иосифа Волоцкого, основателя Иосифо-Волоколамского монастыря.

Споры между последователями Нила Сорского — нестяжателями и сторонниками Иосифа — осифлянами, в руках которых было большинство командных постов церкви, продолжались на протяжении всей первой половины XVI столетия, то утихая, то возгораясь с новой силой. На 50-е гг. пришелся один из кульминационных моментов. Симпатии правительства Адашева и Сильвестра были определенно на стороне нестяжателей, ибо отчуждение земельных богатств у монастырей поставило бы церковь в экономическую зависимость от государства и вместе с тем создало резервы, чтобы обеспечить землями дворянство. Однако митрополит Макарий, игравший в те годы немалую роль в государственных делах и служивший как бы знаменем политики компромисса, был убежденным осифлянином и всячески противился секуляризации.

Вопрос о секуляризации церковных земель как будто не имеет прямого отношения к нашей теме. В дальнейшем мы увидим, что это не так. Секуляризация, будучи основной экономической подоплекой спора, сплошь и рядом маскировалась и не выступала основным его содержанием. Разговоры большей частью велись в моральном плане. Нестяжатели обличали «нестроение» монастырской жизни, отступление от заповедей «божественного писания», разврат и невежество духовенства. В связи с этим встал вопрос и о «неисправности» богослужебных книг. Отсюда прямая линия к книгопечатанию как к единственному средству, которое могло устранить неисправность.

Весь круг вопросов, связанных с реформой церковно-монастырского уклада, был рассмотрен Стоглавым собором, созванным в начале 1551 г.

Стоглавый собор. Сборник решений собора, о котором пойдет речь, содержит обычно 100 глав. Отсюда, собственно говоря, и название собора, а также и самого сборника — Стоглав. Сборник, сохранившийся в большом количестве списков, служит основным источником для изучения деятельности собора. Он содержит краткое вступление с рассказом об обстоятельствах созыва собора, вступительную речь царя, вопросы от имени царя и ответы на эти вопросы. Круг вопросов достаточно широк. Ставилась, конечно, проблема монастырского землевладения. Шел разговор о непорядках в церковном богослужении. Интересовало царя, почему в монастырях «по келиям инде небрежно жонки и девки приходят», волновало, «чтобы в пьянстве пастыри не погибли», возмущало, что «во Пскове граде моются в банях мужи и жены и чернцы и черницы в одном месте без зазору».

Перейдем к тем вопросам, которые подготовили почву для основания в Москве первой типографии. Пятым по счету был вопрос «О божественных книгах». Приведем его целиком: «Божественные книги писцы пишут с неправленных переводов, а написав, не правят же, опись к описи прибывает и недописи и точки непрямые. И по тем книгам в церквах Божиих чтут, и поют, и учатся, и пишут с них. Что о сем небрежении и о великом нерадении от Бога будет по божественном правилом»[14].

Речь, таким образом, шла о недостатках рукописного метода воспроизведения книг. Недостатки сводились к искажениям канонического текста и к появлению многочисленных редакций священного писания и других применявшихся в церковной практике книг. Какая в этом таилась опасность, Стоглав не указывает. Но в нашем распоряжении имеется ряд источников, позволяющих выяснить это.

Есть и другая сторона вопроса. Ее недавно подчеркнул Б. В. Сапунов[15]. Требования к книге возрастали также в связи с назревающей реформой школьного дела на Руси. Рукописная книга всем своим существом

противилась нормализации и унификации. Ее состав, язык, правописание, особенности каллиграфии и художественного убранства зависели прежде всего от места ее возникновения. Специалист без особых трудностей отличит московскую книгу от новгородской, ярославскую от южнорусской. С диалектными особенностями, пропитавшими рукописную книгу, ныне, когда развитие общерусского рынка потребовало создать единый национальный язык, нельзя было мириться, особенно же в обучении. Вспомним слова К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «в любом современном развитом языке естественно возникшая речь возвысилась до национального языка», в частности, «благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией» [16].

Забегая вперед, отметим, что именно книгопечатание оказалось мощным стимулом в создании общенационального русского языка.

Реформе школьного дела был посвящен следующий, шестой по счету вопрос царя к Стоглавому собору. Назывался он «О учениках» (в некоторых списках — «О училищах») и следовал непосредственно за вопросом «О божественных книгах». Вопрос гласил: «А ученики учатся грамоте небрегомо. А божественное писание о том о всем свидетельствует. А нам пастырем о том небрежении о всем ответ дати» [17].

Собор изменил порядок, предложенный царем, и в решениях своих прежде всего коснулся вопроса «О училищах книжных по всем градом». Ниже мы приводим это решение с некоторыми сокращениями.

«И мы о том по царскому совету соборне уложили в царствующем граде Москве и по всем градом тем же протопопом и старейшим священником и со всеми священники и дьяконы кийждо во своем граде по благословению своего святителя избрати добрых духовных священников и дьяконов и дьяков женатых и благочестивых, имущих в сердцы страх Божий, могущих и иных пользовати и грамоте бы и чести и писати горазди. И у тех священников и у дьяконов и у дьяков учинити в домех училища, чтобы священники и дьяконы и все православные хрестьяне в коемждо граде предавали им своих детей на учение грамоте и на учение книжного писма и церковного петия псалтырного и чтения налойного... А учили бы есте своих учеников грамоте довольно, сколько сами умеете, и силу бы им в писании сказывали по данному вам от Бога таланту, ничтоже скрывающе, чтобы ученицы ваши все книги учили, которые соборная святая церковь приемлет» [18].

Разговоры о реформе школьного дела остались бы платоническими, если бы Стоглавый собор конкретно не определил, что́ нужно сделать. В царском вопросе «о божественных книгах» собор выделил две существенные стороны, осветив их в отдельных, следующих одна за другой главах. Во-первых, речь шла о неисправности существующего книжного фонда и необходимости его пересмотра, во-вторых — о реформе книгописания. Духовным лицам вменялось в обязанность произвести своеобразную инвентаризацию церковного имущества, изъяв из употребления неисправные книги: «Да протопопом же и старейшим священником и избранным священником со всеми священники в коемждо граде во всех святых церквах... дозирати и священных книг святых евангелей и апостол и прочих святых книг их же соборная церковь приемлет... А которые будут святыя книги евангелие и апостолы и псалтыри и прочая книги в коейждо церкви обрящете неправлены и описливы, и вы бы те все святыя книги с добрых переводов справливали соборне, занеже священныя правила о том запрещают и не повелевают неправленных книг в церковь вносити ниже по ним пети» [19].

Мало было пересмотреть существующий фонд. Нужно было добиться, чтобы в новых книгах не появлялись те же ошибки. Этому посвящена следующая глава Стоглава, именуемая «О книжных писцех». Здесь устанавливалась своеобразная предварительная цензура рукописных книг перед их продажею. Духовным властям было предоставлено право кон-

фискации неисправленных рукописей. Текст главы гласит: «Также которые писцы по городом книги пишут и вы бы им велели писати с добрых переводов, да написав правили, потом же бы и продавали, а не правив бы книг не продавали. А которой писец, написав книгу, продаст не справив, и вы бы тем возбраняли с великим запрещением. А кто у него неисправлену книгу купит, и вы бы тем по тому же возбраняли с великим запрещением, чтобы впредь тако не творили. А впредь та таковыи обличени будут продавец и купец, и вы бы у них те книги имали даром безо всякаго зазору, да исправив, отдавали в церкви, которые будут книгами скудны. Да видя таковое вашим брежением и прочие страх приимут. И вы бы о всех о тех предиреченных церковных чинех и о честных иконах и о святых книгах и о всем о том потщалися совершити и исправити елика ваша сила» [20]. Далее обещалась «великая мзда» от бога, а также «хвала и честь» от государя за «священнические труды» по исправлению рукописных книг.

С книжным делом связан еще один из царских вопросов к Стоглавому собору — по счету 22-й. В нем перечисляются еретические книги, которые необходимо изъять из обращения,— Рафли, Шестокрыл, Вороноград, Остромий, Зодей, Алманах, Звездочетьи, Аристотель, Аристотелевы врата... Собор указал «по всем градом запретити и заповедати с великим духовным запрещением, чтобы православные хрестьяне таких богоотреченных и святыми отцы седмью соборы отверженных тех всех еретических книг у себя не держали и не чли» [21].

Важно выяснить, кто был автором вопросов к Стоглавому собору, особенно вопросов о реформе книжного дела. Это поможет решить центральную проблему: в каких кругах зародилась мысль о введении книгопечатания.

Как уже отмечалось, в самом Стоглаве вопросы приписаны царю и даны от его имени. Однако большинство исследователей считает их авторами различных лиц из ближайшего окружения Ивана IV. Д. Стефанович, впервые предпринявший подробный источниковедческий анализ Стоглава, приписывал составление вопросов нескольким лицам. 5-й и 6-й вопросы атрибутировались им Макарию [22]. Е. Е. Голубинский также считал автором Макария и как одно из доказательств выдвигал слова «нам, пастырем» в 6-м вопросе [23]. Однако, как указывал новейший исследователь А. А. Зимин, в 3-й главе Стоглава царь называет «пастырем» даже своего отца Василия III [24]. А. А. Зимин и другие современные исследователи автором большинства вопросов Стоглава считают Сильвестра.

Благовещенский поп Сильвестр и его книгоиздательская деятельность. Общественно-политическое лицо Сильвестра стало ясным в последние годы благодаря исследованиям А. А. Зимина и И. У. Будовница [25]. Старые русские историки, начиная с Н. М. Карамзина и кончая Р. Ю. Виппером, нередко отождествляли взгляды митрополита Макария и Сильвестра, считали благовещенского попа всего лишь выразителем взглядов осифлянского митрополичьего двора. Между тем еще И. Н. Жданов и К. Заусцинский, а в наши дни С. В. Бахрушин говорили о близости Сильвестра к нестяжателям [26]. В последние годы эту точку зрения наиболее тщательно и аргументированно обосновал А. А. Зимин.

Новгородец Сильвестр, как уже говорилось выше, появился в Москве в начале 40-х или же в самом конце 30-х гг. XVI столетия. В 1542—1543 гг. он был уже священником Благовещенского собора — домовой церкви московских царей. Об этом свидетельствует вкладная на рукописном Октоихе, данном «благовещенским попом Селивестром» в Александрову пустынь в 7050 г. [27]

Года два спустя Сильвестр уже был «во времени». Правление его, во многих отношениях неограниченное, однако, не было продолжительным. Вскоре отношения между Иваном IV и благовещенским попом начинают портиться. Первые симптомы охлаждения историки обычно относят к марту 1553 г., когда Иван Васильевич тяжко болел. Встал

вопрос о престолонаследии, и боярская оппозиция, в противовес «пеленичнику» — малолетнему сыну Ивана Васильевича и Анастасии — выдвинула кандидатуру двоюродного брата царя Владимира Старицкого. Утверждается, что и «Сильвестр явно агитировал в этот трудный момент в пользу Владимира Андреевича Старицкого» [28]. Для такого категорического утверждения нет никаких оснований. Известно лишь, что благовещенский поп возражал боярам, не хотевшим пропускать Старицкого к постели царя: «Про что вы ко государю князя Володимера не пущаете? Брат вас, бояр, государю доброхотнее» [29]. Слова эти вполне в духе гуманистических воззрений Сильвестра.

Мнение о том, что власть «Избранной рады» пошатнулась сразу же после болезни царя и «боярского мятежа» 1553 г., в нашей литературе чуть ли не общепринято. Для нас это очень важно, ибо 1553 г. обычно датируется начало книгопечатания на Руси. Если это действительно так, то как будто не следует связывать первые шаги типографского дела с единомышленниками Сильвестра и Адашева.

Источниками наших сведений о «боярском мятеже» служат приписки к летописным сводам, а также послание Ивана Грозного к Андрею Курбскому от 5 июля 1564 г. «Тогда убо еже от тебе нарицаемыя доброхоты,— писал царь своему политическому противнику,— возшаташася, яко пьяни, с попом Селивестром и с начальником вашим Алексеем, мневше нас в небытию быти, забывше благодеянии наших и еже и своих душ, еже отцу нашему целовали крест и нам, еже кроме наших детей, иного государя себе не искати: они же хотеша воцарити... князя Володимира, младенца же нашего... хотеша подобно Ироду погубити, воцарив князя Володимера» [30].

Все источники — поздние, и восходят они к самому Ивану Васильевичу. Писалось это в те годы, когда руководителей «Избранной рады» постигла опала. Если же попытаться отделить правду от вымысла, картина заговора будет несколько иной. Прежде всего отметим, что Курбский, отвечая царю, категорически отмел версию о кандидатуре Владимира Старицкого: «А о Володимире брате воспоминаешь, аки бы есть мы его хотели на царство — воистинну, о сем не мыслих, понеже и не достоин был того» [31].

Ни Адашевых, ни Сильвестра, ни других деятелей «Избранной рады» по выздоровлении царя не постигла опала. Более того, отец Алексея — Федор Григорьевич Адашев — вскоре был пожалован из окольничих в бояре, а ведь если верить припискам к Царственной книге, он не хотел «пеленичнику служити», говоря: «Сын твой, государь наш, ещо в пеленицах, а владети нами Захарьиным Данилу з братиею. А мы уже от бояр до твоего возрасту беды видели многия» [32].

Год спустя, в 1554-м, получил сан окольничего сам Алексей Адашев. Летописные записи свидетельствуют, что до конца 50-х гг. он неоднократно исполнял важнейшие государственные поручения.

Да и Владимир Андреевич Старицкий после выздоровления царя находился в его ближайшем окружении. В многочисленных летописных заметках, упоминающих его имя, нет и намека об опале.

Все это вместе взятое заставило некоторых современных исследователей предполагать, что никакого «боярского мятежа» в марте 1553 г. не было и что рассказ о нем возник позднее, уже в 60-х гг., с целью дискредитировать руководителей «Избранной рады» [33]. А. А. Зимин, частично соглашаясь с этим мнением, полагает, однако, что следует говорить о некотором расколе в составе «Избранной рады» в 1553 г., а именно — о дальнейшем росте влияния Адашевых и о падении престижа Сильвестра и его нестяжательского окружения [34]. Нам эта точка зрения представляется справедливой лишь отчасти. Действительно, в 1553—1554 гг. осифлянская верхушка русской церкви, переходя в наступление, устраняет с политической арены идеологов нестяжательства. Был осужден и обвинен в еретичестве игумен Троице-Сергиева монастыря Арте-

мий, со взглядами которого нам еще предстоит познакомиться. Был отстранен епископ рязанский Кассиан, выступивший на Стоглавом соборе с программой секуляризации церковных земель, а затем поддерживавший Артемия.

Однако по-прежнему сохранял большой авторитет в церковных делах игумен Соловецкого монастыря Филипп, будущий митрополит. Именно к нему и был послан на покаяние Артемий. Между тем нестяжательские симпатии Филиппа и его близость к Владимиру Старицкому ни для кого не были секретом.

В январе 1554 г. церковный собор единогласно поддержал Сильвестра в его споре с дьяком Иваном Михайловичем Висковатым, который усмотрел «еретичество» в новых росписях Благовещенского собора. Висковатый протестовал против введения в иконопись светских мотивов, возмущался, что художники пишут «по своему разуму, а не по божественному писанию». Макарий осадил не в меру ретивого дьяка и посоветовал ему не вмешиваться не в свои дела: «...стал еси на еретики, а ныне говоришь и мудрствуешь не гораздо о святых иконах, не попадися и сам в еретики. Знал бы ты свои дела, которые тебе положены — не разроняй списков» [35].

Собор 1554 г. был уже чисто осифлянским, ему ничего не стоило обвинить Сильвестра, даже если за ним и не было никакой вины. Так поступили, например, с Артемием. Между тем в отношении Сильвестра никаких мер принято не было.

Трудность заключается в том, что мы не можем проследить за деятельностью Сильвестра в интересующие нас годы. Алексей Адашев, как лицо официальное, неоднократно упоминается в летописях. Сильвестр же никогда официальным лицом не был [36].

Определить значение Сильвестра при дворе можно лишь косвенно. Хорошим барометром, как нам представляется, может служить отношение царя к причту Благовещенского собора. Протопопы Благовещенского собора, домовой церкви московских царей, с давних времен играли значительную роль во внутриполитической жизни страны. Любопытно, что с самого начала 1553 г., еще до болезни царя, в противовес протопопу благовещенскому сплошь и рядом выдвигается протопоп церкви Николы Гостунского Амос. Это особенно интересно для нас, ибо у Николы Гостунского был дьяконом Иван Федоров. 26 февраля 1553 г. Амос священнодействовал на крещении казанского царя Едигера Магмета, летом того же года участвовал в прениях осифлян с учеником Артемия Перфиром, а 3 февраля 1555 г. участвовал в поставлении архиепископа казанского Гурия. Во всех этих случаях благовещенский протопоп Андрей не упоминается. Особенно странно его отсутствие при избрании Гурия, где присутствовали не только епископы и игумены крупнейших монастырей, но и многие протопопы.

Однако уже 15 апреля 1554 г. благовещенский протопоп Андрей священнодействует на крещении царевича Ивана, а с лета 1555 г. постоянно упоминается рядом с митрополитом Макарием. Имя Амоса, напротив, из летописи исчезает — и уже навсегда.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что роль Сильвестра в государственных делах действительно несколько ослабевает в начале 1553 г., причем еще до болезни царя, так что ставить это в связь с «боярским мятежом» нельзя. Вскоре благовещенский поп восстановил свое влияние на молодого царя.

Окончательное падение Сильвестра происходит в самом конце 50-х — начале 60-х гг. и совпадает по времени с опалой Адашевых. Сильвестр в 1560 г. принимает постриг в Кирилловом монастыре. Любопытно отметить, что примерно в это же время принимает постриг благовещенский протопоп Андрей, а несколько позднее — сменивший его в этой должности Симеон — старый приятель Сильвестра.

Деятельность Сильвестра, таким образом, охватывает период с начала 40-х гг. до начала 60-х. Именно в эти годы дебатировался вопрос о переходе от рукописного воспроизведения книг к полиграфическому. Именно в эти годы была основана первая московская типография. Именно в эти годы она выпустила по крайней мере пять изданий.

Мы так подробно остановились на деятельности Сильвестра потому, что именно благовещенский священник представляется нам человеком, который может быть поставлен у истоков московского книгопечатания.

Сильвестр был одним из наиболее выдающихся публицистов середины XVI столетия, человеком хорошо образованным и превосходно владеющим пером. Среди его произведений — знаменитый Домострой, несколько посланий, «Слово похвальное» княгине Ольге. Некоторые авторы приписывают благовещенскому попу составление известной Степенной книги [37].

Нас, однако, в данный момент интересует не столько литературная, сколько издательская деятельность Сильвестра. Сильвестр был владельцем большой мастерской, изготовлявшей рукописные книги и иконы. Мастерская была основана им еще в Новгороде. Деятельность ее продолжалась и в Москве. Сильвестр и сам был во всех этих делах великим мастером. Наставляя своего сына Анфима праведной жизни, он вспоминал, как «многих пустошных сирот и работных и убогих, мужеска полу и женска, и в Новегороде, и зде на Москве вскормих и вспоих, до совершена возраста; изучих, хто чево достоин: многих грамоте, и писати и пети, иных иконного писма, инех книжного рукоделия, овех серебреново мастерства» [38].

Мастеров в доме благовещенского попа было много — «иконники, книжные писцы, серебреные мастеры, кузнецы, и плотники и каменщики, и всякие, и кирпищики и стенщики, и всякие рукоделники». Мастерские работали на рынок: «а кому што продавывал, все в любовь, а не в обман; не полюбит хто моего товару, и аз назад возму» [39]. Торговля велась и с иностранцами. В послании к Анфиму Сильвестр говорил, что у него «со многими иноземцы великая торговля и дружба есть» [40].

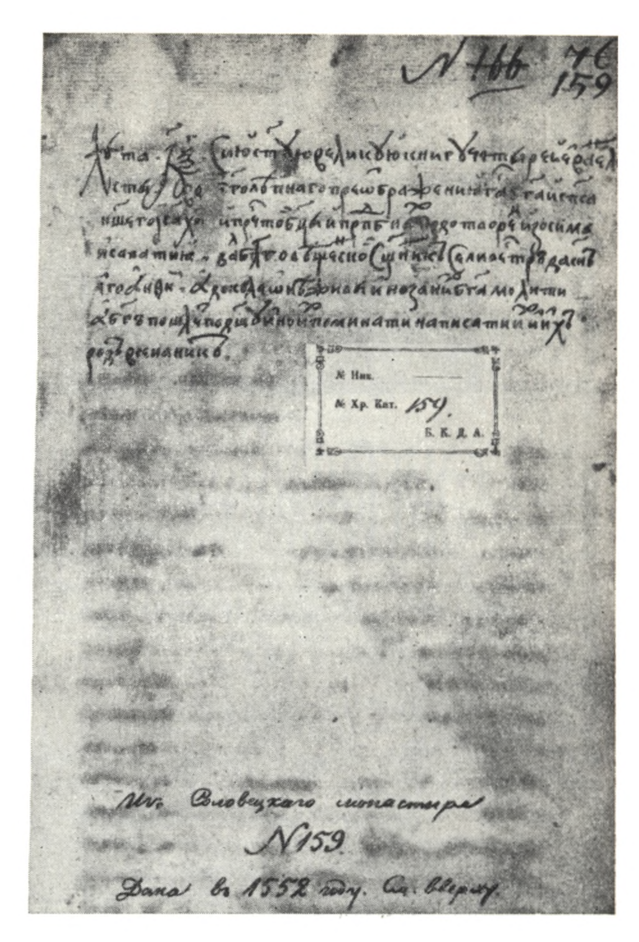
Памятники книгоиздательской деятельности Сильвестра многочисленны. Впервые сведения о них попытался собрать архимандрит Леонид Кавелин; в наши дни аналогичную работу провел А. А. Зимин [41].

Сейчас мы можем назвать лишь книги из личной библиотеки Сильвестра или книги, положенные им в монастыри. На первых сохранились владельческие записи, на вторых — вкладные. Книги, предназначенные для рынка, никаких записей, естественно, не имели.

В книгохранилище Соловецкого монастыря, которое в настоящее время находится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, сохранилось шесть книг со вкладными благовещенского попа и его сына Анфима. Большинство из них было пожертвовано в монастырь в 1551—1552 гг. Это Четвероевангелие [42], Псалтырь [43], «Толкование на Псалтырь» Брунона [44], Толкование на евангелие от Матфея и Марка [45], Толкование на евангелие от Луки [46] и Златоструй [47].

Особенно много книг, принадлежащих Сильвестру, находилось в богатом книгохранилище Кирилло-Белозерского монастыря, с которым благовещенский поп был тесно связан и где он впоследствии принял постриг. Библиотека монастыря, к сожалению, распылена между несколькими собраниями. Однако мы можем судить о ней по многочисленным описям [48], а также по археографическим обзорам XIX в. [49]

Если суммировать литературные данные и сопоставить их со сведениями о рукописях, хранящихся в наших книгохранилищах, можно назвать 17 книг, восходящих к Сильвестру и находившихся в свое время в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря. Это Евангелие-апракос, писанное на греческом языке славянским (кирилловским) шрифтом [50], греческий Апостол [51], «Маргарит» Иоанна Златоуста [52], «Лествица» Иоанна Лествичника [53], «Лествица и Авва Дорофей» [54], «Поучения» Феодора

Вкладные записи Сильвестра на Евангелиях, положенных в 1552 году в Соловецкий монастырь. ГПБ

Студита [55], «Иисус Навин» [56], «Просветитель» Иосифа Волоцкого [57], Сборник XIV в., содержавший, в частности, житие Бориса и Глеба, отрывок из Толковой Палеи [58], «Диоптра» Филиппа Пустынника со «Словом на латын» Максима Грека, в свое время подаренная Сильвестру царем Иваном Васильевичем [59], Толковая Псалтырь [60], Требник [61], Толкования на книгу Бытия с Афанасием Александрийским [62], Псалтырь [63], «Зерцало» [64], греческая Псалтырь, писанная в 1545 г. Максимом Греком [65], а также Сборник с посланием Сильвестра к царю и с посланиями митрополитов Даниила и Фотия [66].

Известны также вклады благовещенского священника в московский Чудов монастырь — «Беседы на евангелие от Иоанна» Максима Грека [67] и в Александрову пустынь — Октоих [68].

Владельческая запись Сильвестра имеется и на лицевой рукописи Козмы Индикоплова [69].

Мы перечислили 26 книг, связанных с именем Сильвестра. Конечно, далеко не все они вышли из мастерской благовещенского попа. Многие книги более раннего происхождения. Таковы, например, Сборник XIV в. с житием Бориса и Глеба или же греческая Псалтырь Максима Грека. Таково Четвероевангелие Сол. 48/130, водяные знаки которого указывают на конец XV в. Эта рукопись вышла из рукописной мастерской Дионисия — Феодосия [70].

Книги эти также должны заинтересовать нас, ибо они говорят о широте интересов благовещенского попа, о его высокой образованности,

Начальная полоса евангелия от Матфея из рукописного Четвероевангелия, положенного Сильвестром в Соловецкий монастырь. ГПБ

о большой библиотеке, собранной им. Отметим, кстати, что большая библиотека была и у второго руководителя «Избранной рады» — А. Ф. Адашева. Библиотека перешла по наследству к И. П. Головину, женатому на дочери Адашева — Анне, а впоследствии — к Федору Петровичу Головину. В ней было «множество книг латинских и немецких» [71].

Книги, связанные с именем Сильвестра, до сего дня сколько-нибудь подробно не изучены. Это, конечно, рано или поздно будет сделано. Тогда мы сможем атрибутировать сильвестровской мастерской и не подписанные благовещенским попом книги. Еще в прошлом веке Л. Кавелин утверждал, что «рукописи XVI века носят на себе печать какого-то особенного типа, большей правильности и внешнего изящества, нежели

в предыдущем и последующем веке; словом, сразу заметно, что работа книжных писцов была направляема чьим-то особенным и к тому же просвещенным и опытным вниманием». И Кавелин называет Сильвестра [72].

Резюмируя все вышеизложенное, подчеркнем, во-первых, что к благовещенскому попу и его ближайшему окружению восходят все критические замечания о недостатках рукописного воспроизведения книг и, во-вторых, что Сильвестр сам практически занимался изготовлением книг и был самым крупным «книгоиздателем» середины XVI в. Эти выводы пригодятся нам, когда мы будем впоследствии говорить об обстоятельствах возникновения первой московской типографии.

«Валаамская беседа». В своей критике «нестроения» трудов и дней осифлянского духовенства Сильвестр, конечно, не был одинок. Более того, он опирался на высказывания идеологов нестяжательства, взгляды которых разделял, хотя и старался не подчеркивать этого.

Для нас исключительно важно то, что говорили нестяжатели о недостатках рукописного воспроизведения книг.

На Стоглавом соборе были категорически осуждены искажения канонического текста и появление многочисленных, отличающихся одна от другой редакций богослужебных книг. В чем опасность этого, Стоглав, как документ компромиссный, не указывает. Но в нашем распоряжении есть источники, позволяющие выяснить это важное обстоятельство. Один из них — «Беседа Валаамских чудотворцев»,— по мнению новейшего исследователя Г. Н. Моисеевой, был составлен в те дни, когда заседал Стоглавый собор [73]. Памятник зафиксировал мысли и чаяния, издавна бытовавшие в нестяжательской среде. «Беседа» направлена против монастырского землевладения. Автор ее утверждал, что монахи тенденциозно искажают тексты священных книг, чтобы извлечь из них цитаты, подкрепляющие право церкви владеть землей: «А сего царие не ведают и не внимают, что мнози книжницы во иноцех по диявольскому наносному умышлению из святых божественных книгах и из преподобных жития выписывают и выкрадывают из книг подлинное преподобных и святых отец писание и на тож место в теж книги приписывают лучьшая и полезная себе, носят на соборы во свидетельство, будьтося подлинное святых отец писание» [74].

Мы в свое время отмечали, что насущный для XVI столетия вопрос о секуляризации монастырского землевладения не так далек от нашей темы. Приведенный отрывок наглядно свидетельствует о точках соприкосновения между этим вопросом и проблемой унификации канонических текстов.

Четкую и определенную программу Стоглавого собора в интересующей нас области было очень трудно провести в жизнь. На Руси в то время не было эталонов для исправления богослужебных книг, не было тех самых «добрых переводов», о которых писал Стоглав. Создать эти «переводы» могла бы только в централизованном порядке специальная, тщательно проработавшая канонические тексты комиссия. Стоглав по этому вопросу никаких рецептов не дает. «Валаамская беседа» значительно восполняет решения соборных старцев.

Автор «Беседы» подчеркивает необходимость избрать из великого множества «переводов» единственный — наилучший и правильный. Точка зрения эта высказана не в лоб, а с помощью притчи о неких «певцах», состязающихся перед царем и хвалящих каждый «свое пение». Характеристика «певцов» беспощадна: «Аки волове ревут друг пред другом, в пении том тщатся, ногами пинающе и руками трясуще, главами киваюше, аки беснующейся, гласы испускающе» [75].

Свои мысли об унификации «добрых переводов» автор «Валаамской беседы» выражает в следующих словах: «Мнози убо в них сыщутся и начнут быти в крыласех по их разуму горазные певцы, собою начнут претворяти в пении свои переводы, кождо их начнет хвалити свое пение, а ни об одном переводе их с небеси свидетельства не было, да и не будет».

Последние слова особенно показательны. Автор «Беседы» утверждает, что исправление богослужебных книг — дело земное и решать его надо исключительно земными средствами, не дожидаясь вмешательства свыше. Далее автор предлагает конкретные средства: «И тако многих переводы и неподобные статии царем и великим князем достоит пение скрепити один перевод, а не мнози». Выбор и исправление доброго перевода должны производиться коллективно: «А царем з боляры и з ближними приятели о всем советовати накрепко, а сверх всех советов доложитися божественных и святых книг...» Текст этот можно понять как совет обращаться в трудных случаях жизни к «божественным книгам». Более определенна в этом случае поздняя редакция «Валаамской беседы»: «А царем з бояры и со ближними приятели о всем советовати и думати крепко-накрепко, а потом смотрити известными своей царския полаты людми святых божественных книг...»[76] Из «известных царския полаты людей» и должна была составиться редакционная коллегия.

Эти рецепты автора «Валаамской беседы», надо думать, были использованы впоследствии, когда практически встал вопрос об исправлении оригиналов первых московских печатных книг.

Проблема редактирования богослужебных текстов не была чем-то новым и неизведанным на Руси. Трудами Г. Воскресенского в свое время были выделены четыре славянские редакции Нового завета, предшествующие началу книгопечатания. Особенно серьезные изменения канонического текста, однако не воспринятые последующей традицией, находим в так называемой Чудовской рукописи, которую приписывают перу митрополита Алексия (род. между 1292 и 1298 — ум. 1378).

Работа по исправлению богослужебных книг в первой половине XVI в. связана с именем Максима Грека.

Максим Грек. Едва ли не М. П. Погодин и В. Е. Румянцев впервые связали имя Максима Грека с началом книгопечатания на Руси[77]. С того времени и поныне это имя постоянно упоминается в трудах по истории отечественного книжного дела. Для авторов, склонных выводить наше книгопечатание из-за рубежа, Максим Грек был счастливой находкой. Из беглого упоминания им книгопечатания делались далеко идущие выводы. Утверждалось даже, что первые московские печатные книги, не имеющие выходных сведений, напечатаны самим Максимом Греком в Троице-Сергиевой лавре[78]. Это анекдотическое высказывание, может быть, и не заслуживает упоминания. Однако и такие серьезные исследователи, как, например, А. С. Орлов, делали Максима главным героем нашего первопечатания[79].

Надо сразу сказать, что мы оцениваем роль Максима Грека значительно скромнее, хотя и не думаем полностью отрицать ее. О Греке — пропагандисте книгопечатания мы поговорим позднее. Пока же нас интересует тот очевидный факт, что труды ученого монаха вливаются в общую струю нестяжательской критики книжного «нестроения».

Жизненный путь Максима изучен достаточно подробно[80]. Его светское имя — Михаил Триволис. Родился он в пределах нынешней Албании в 70-х гг. XV столетия. Юные годы Триволис провел в Италии — изучал философию у прославленного гуманиста Иоанна Ласкариса, переписывался с Дж. Пико делла Мирандола. Познакомился Михаил и со знаменитым венецианским типографом Альдом Мануцием и частенько бывал у него.

В 1505 г. Михаил Триволис принял постриг в Ватопедском монастыре на Афоне, получив при этом имя Максима. Незаурядный ум и глубокая эрудиция молодого монаха вскоре же заслужили ему всеобщее уважение.

15 марта 1515 г. московский великий князь Василий Иванович отправил на Афон грамоту, в которой просил прислать на Русь старца Савву из Ватопедского монастыря. Цель поездки — перевод на русский

Максим Грек. Миниатюра XVI века

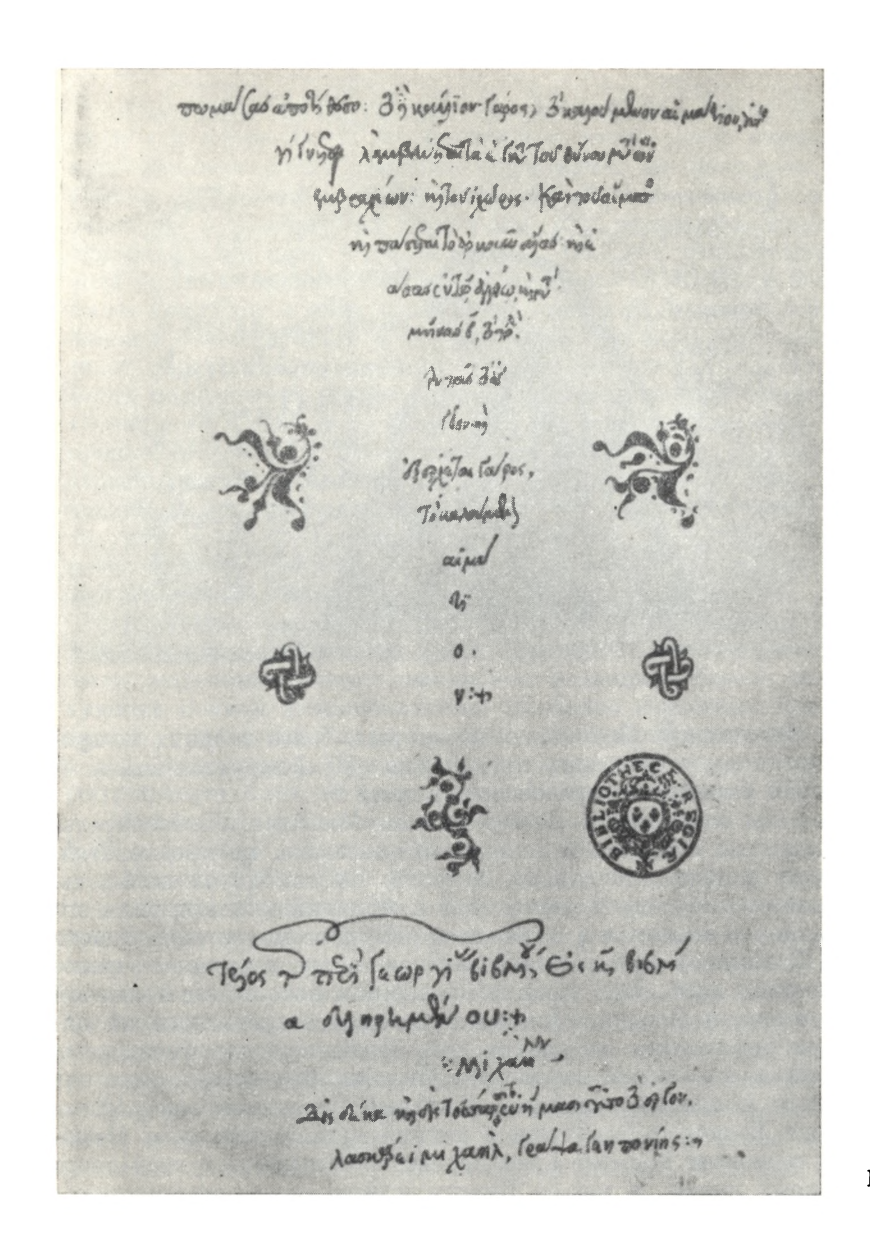
язык Толковой Псалтыри [81]. Впрочем, в некоторых, более поздних по происхождению сказаниях о Максиме Греке цель формулируется иначе — разбор богатейшей библиотеки московских князей [82].

Савва был стар и немощен. Выбор пал на Максима. Любознательный монах с радостью собрался в далекое путешествие, не предполагая, сколь трудно ему придется в стране, которую он так хотел повидать.

Максим прибыл в Москву 4 марта 1518 г. Великий князь принял его с почетом, обласкал и поместил в кремлевском Чудове монастыре. Работа продолжалась 17 месяцев кряду. Максим Грек в ту пору еще «мало разумел» славянский язык. Ему дали в помощники посольских толмачей Дмитрия Герасимова и Власия. Максим переводил с греческого на латынь, а толмачи — с латыни на славянский. Произносимые ими фразы тут же записывали известный каллиграф Михаил Медоварцев и монах Троице-Сергиевого монастыря Сильван. Дмитрий Герасимов так рассказывал о переводе Толковой Псалтыри в письме к дьяку Мисюрю Мунехину: «...ныне, господин, Максим Грек переводит Псалтырь с греческого толковую великому князю, а мы со Власом у него сидим переменяясь: он сказывает по латыни, а мы сказываем по-русски писарям...» [83]

Когда работа была окончена, великий князь попросил Максима заняться исправлением богослужебных книг. Максим правил Четвероевангелие, Апостол, Псалтырь, Часослов, Триодь цветную. О своих трудах он впоследствии повествовал в следующих выражениях: «...преведох от греческыя беседы на рускую съборное тлъкование 150 псалмов, дело пречудно и преполно всяческыа духовныа пищи, такожде и ины богодухновенные книги овых убо преведох, овых же исправив много препорченых бывших от преписующих» [84]. И в другом месте: «Его же повелением (т. е. великаго князя) повинуяся не точию толкование Псалтырное дело нарочито и всякия духовныя пользы и сладости исполнено, преведох от Греческаго языка на Руский, но и иныя богодухновенные книги различно растленны от преписующих я благодатию Христовою и содейством святого Параклита предобрейши исправих» [85].

Исправление канонических богослужебных текстов, предпринятое Максимом, многим в Московской Руси показалось предосудительным. Сам Михаил Медоварцев впоследствии рассказывал, что когда по указанию Грека ему пришлось вносить соответствующие исправления в рукописные книги, его «дрож великая объяла и ужас напал».

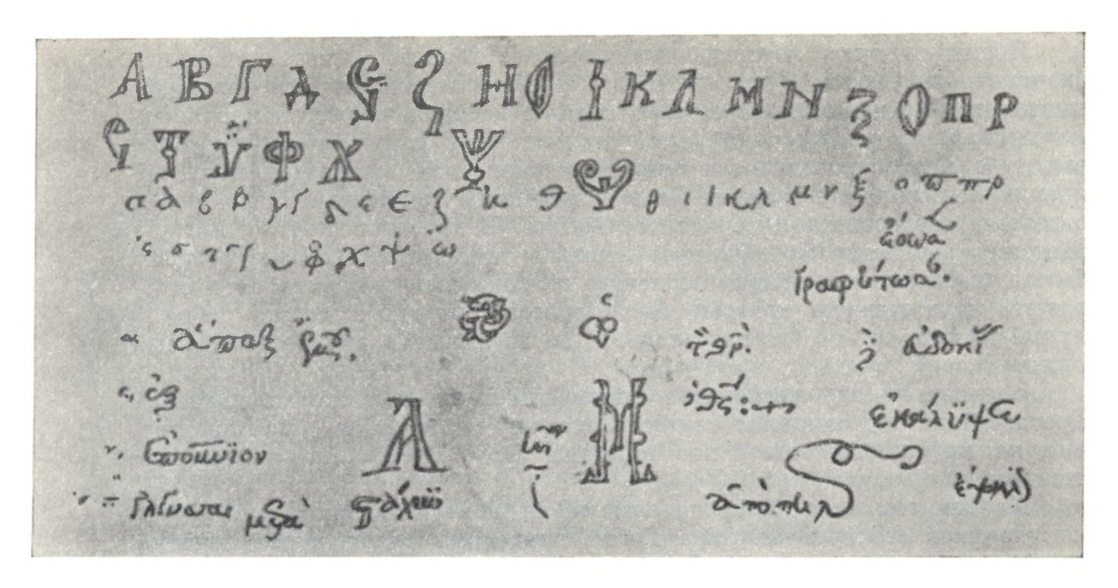

Автограф Михаила Триволиса. Лист из «Геопоники», переписанной Триволисом для И. Ласкариса

Дерзкого пришельца поняли и поддержали лишь реформационно настроенные круги оппозиционного боярства. Князь Вассиан Патрикеев так характеризовал предпринятый Максимом труд: «А здешние книги все лживыя, а правила здешния кривила, а не правила; а до Максима мы по тем книгам Бога хулили, а не славили, ни молили, а ныне мы Бога познали Максимом и его учением» [86].

Над Максимом стали сгущаться тучи. Приезжий монах был втянут в полемику о монастырском землевладении. Он категорически встал на сторону нестяжателей. Пока на митрополичьем престоле сидел незлобивый Варлаам, Греку все это сходило с рук. Но вот в 1522 г. митрополитом стал игумен Иосифо-Волоколамского монастыря Даниил, человек резкий, самолюбивый и властолюбивый, убежденный осифлянин. В начале 1525 г. был созван собор, на котором Максима Грека обвинили в ереси, основываясь на ошибках, допущенных при переводе и исправлении богослужебных книг, особенно же Триоди цветной.

Вина Максима была признана собором. Грека заточили в Иосифо-Волоколамский монастырь, где «любостяжательные мнихи» морили

Автограф Максима Грека. Лист из греческой Псалтыри, принадлежавшей Сильвестру. ГПБ

старца стужею, голодом и угаром. В 1531 г. Максима снова судили, на этот раз вместе с Вассианом Патрикеевым. Старца сослали в Тверской Отрочь монастырь. Здесь режим стал полегче, ибо тверской епископ Акакий глубоко уважал Максима и делал все для того, чтобы старец мог заниматься литературным трудом.

Перу Максима, к тому времени хорошо освоившего русский язык, принадлежит большое количество философско-догматических, дидактических и полемических сочинений, до сего дня еще сколько-нибудь подробно не изученных. Трехтомное собрание сочинений Грека, выпущенное в свое время в Казани, далеко не полно [87]. Неизвестно даже количество «писаний», принадлежащих ему. И. П. Сахаров насчитывал их до 140. По словам В. С. Иконникова и С. А. Белокурова, имеется до 250 рукописей, в которых помещены сочинения Максима.

Вопросы, связанные с исправлением богослужебных книг, разбросаны по многим сочинениям Грека. Их следует искать и в посланиях различным лицам и церковному собору в связи с осуждением Максима как еретика. Отметим следующие «писания», которые следует проанализировать с интересующей нас точки зрения: «Инока Максима Грека слово отвещательно о исправлении книг русских, в нем же и на глаголющих, яко плоть господня по воскресении из мертвых неописанна бысть» [88]; «Инока Максима Грека слово отвещательно о книжном исправлении, списано худоумным иноком Максимом из Святыя горы» [89]; «Инока Максима Грека о пришельцах философех» [90]; «Ответ вкратце к святому собору о них же оклеветан бываю» [91]; послание к митрополиту Иоасафу [92]; «Инока Максима Грека сказание к глаголющим, яко во всю светлую неделю солнце не заходя стояло» [93]; послание «господину и брату Георгию» [94]; «Исповедание православныя веры Максима, инока из Святыя горы» [95] и др.

Делая скидку на более чем 400-летнюю давность, на богословскую ограниченность и догматичность, присущие книжникам далекого XVI столетия, все же можно сказать, что взгляды Максима Грека по интересующему нас вопросу складываются в достаточно стройную и последовательную теорию — мы не боимся употребить здесь этот ко многому обязывающий термин! Высказывания Максима о переводе и исправлении богослужебных текстов были восприняты передовыми публицистами XVI столетия и послужили одним из краеугольных камней великого книжного исправления, предпринятого в XVII в.

Первый вопрос, который рассматривает Максим, имеет решающее значение. Это вопрос о возможности и необходимости исправления канонических текстов. Максим не был первым на Руси редактором священного писания; однако в отечестве нашем в ту пору стойко держался взгляд о предосудительности внесения каких-либо исправлений в сложившуюся издавна редакцию. Всякое изменение привычных и заученных с детства словосочетаний считалось ересью. В противовес этому взгляду Максим Грек четко формулирует мысль о том, что при редактировании богослужебных книг правке подлежит не исконный текст их, а те несуразицы и нелепицы, которые были внесены позднее: «...аще добре и пряме правлю аз, не Святая писания, но всеянныя в них непохвальныя описи» [96].

В ответ на это московские оппоненты заявляли, что утверждение Грека ставит под сомнение святость русских чудотворцев — по Максиму, они не могли «спастись», ибо внимали слово божие по неисправным текстам.

Максим ссылался на прецеденты из церковной истории: славе великомучеников «во времена гонений» не повредило последующее книжное исправление, предпринятое «Симмахом и Федотионом, и Акилою и Лукианом пресвитером Антиохийским, коемуждо исправляющу презренная прежде его бывшим преводником» [97].

Максим Грек рассматривает вопрос об источниках ошибок в канонических текстах. Таких источников три — ошибки переводчиков, ошибки переписчиков и неумелая правка ошибок.

Ошибки переводчиков происходят «от недоумения, или презрения, или забвения». Однако главная причина — плохое знание греческого языка: «От сих же и сицевых описей явлени суть старии преводницы несовершенно ведавше Еллинский язык» [98]. И в другом месте: «...ово же и от самех исперва сотворших книжный превод приснопамятных мужей, речет бо ся истина: есть негде неполно разумевших силу Елиньских речей и сего ради далече истины отпадоша» [99].

Ошибки своих предшественников и плохое знание ими греческого языка Максим великодушно объясняет трудностью этого языка. Себя же, без ложной скромности, объявляет большим знатоком «хитрости грамотикийстей»: «...грешен есмь паче всех грешных, а книжьным разумом греческого учения елико всех вкупе благих податель всесвятыи Параклит сподобил мя есть».

Большой практический интерес для современников представлял анализ переводческих ошибок, данный Греком в обоих его «отвещательных словах о исправлении книг русских». Анализ этот конкретен и предельно убедителен. Его могли не принять во внимание разве лишь «любостяжательные мнихи» осифлянского толка, пытавшиеся любой ценой оговорить чужестранца.

Любопытнейший пример редакторской деятельности Максима Грека приводит церковный писатель XVIII в. Димитрий Ростовский. Речь идет об омофоре (покрывале) богородицы в службе Покрова богородицы, читавшейся 1 октября. В старых рукописных книгах этот текст читался следующим образом: «Твой пречестный омофор, паче електора просвещаяся», или же: «...паче алектора просвещаяся». Максим Грек поправил: «..паче илектра просвещаяся» [100].

Димитрий показывает, в чем смысл исправления, разъясняя соответствующие греческие слова: «Електор толкуется изборщик, избираяй что или кого. Алектор толкуется петух: яко же и в Евангелии пишется: прежде даже не возгласит алектор трикраты отвержешися мене. Илектр же знаменует блещание злата чиста».

Чему же следует уподобить «омофор пречистые девы богородицы»,— вопрошает Димитрий,— «изборщику ли, петуху ли или блещанию злата».

Но и такие, казалось бы, бесспорные исправления Максиму Греку ставились в строку.

Продолжим наше знакомство со взглядами Максима на перевод и редактирование канонических текстов. Чтобы в дальнейшем не появлялись аналогичные ошибки, Грек написал сочинение «О пришельцах философех». Направлено оно против тех неискусных переводчиков-чужеземцев, которые «обходят грады и земли... отнюдь не вкусивше художнаго ведения книжнаго, рекше грамотийскаго и риторскаго и прочих чюдных учительств еллинских» [101]. Максим предвидит, что после «умертвия» его такие самозванцы могут появиться и на Московской Руси. Чтобы сразу вывести их на чистую воду, Грек составил тесты — 16 греческих стихов, написанных гекзаметром и пентаметром. Эти стихи следовало дать пришельцам для перевода.

Вторым источником ошибок в канонических текстах Максим Грек, как уже упоминалось, считает погрешности переписки. Мы приводили выше цитаты о «преписующих». В «Слове отвещательном» Грек говорит о своей редакторской работе над текстами богослужебных книг: «...прилежне и всяким вниманием и божиим страхом и правым разумом исправливаю их, в них же растлешася ово убо от преписующих их ненаученых сущих и неискусных в разуме и хитрости грамотикийстей» [102].

Эта формула Максима Грека, неоднократно повторяемая в его трудах, оказала немалое влияние на последующую книжность. Отголоски ее мы встречаем у многих писателей. Князь Андрей Михайлович Курбский в предисловии к переведенному им на чужбине «Богословию» Иоанна Дамаскина в следующих словах рассказывает о скорби, охватившей его, когда он узнал, насколько неполно и неправильно переведены сочинения «отцов церкви» на русский язык: «Аз же сему зело удивихся и скорбию объят бых, яко большая часть книг учителей наших не преведена есть в словенский язык, и некоторые преведены не прямо, от преводников неискусных, а нецыи от преписующих в конец испорчены» [103]. Любопытно, что в рукописи на полях против слова «испорчены» стоит слово «растленны», примененное в этом случае и Максимом Греком. В другом месте того же предисловия Курбский пишет: «...со прилежанием прочтох книгу блаженнаго Дамаскина, но обретох сию не токмо преведену не добре, или от преписующих отнюдь растленну, но и ко выразумению неудобну...»

Курбский прямо ссылается в своем предисловии на «книгу многострадального Максима, который много бед от клеветников во многие лета претерпел». Такой ссылки нет в послесловии к Апостолу 1564 г., где имеется аналогичная формула. Иван Федоров никогда не упоминал о Максиме Греке. Но источник заимствования здесь совершенно ясен: формула цитируется дословно.

Максим Грек	Апостол 1564 г.
...растлешася ово убо от преписующих их ненаученых сущих и неискусных в разуме...	...растлени от преписующих ненаученых сущих и неискусных в разуме...

В послесловии к Апостолу 1564 г. есть еще одно текстуально-стилистическое совпадение с сочинениями Максима Грека; его отметил впервые А. С. Орлов [104]. Иван Федоров вложил в уста митрополита Макария литургическую цитату, которой Максим Грек начинал свое послание к великому князю Василию Ивановичу. Любопытно, что ту же фразу мы находим и в предисловии к Стоглаву.

Третий источник ошибок в канонических текстах, по мнению Грека,— неумелая редакторская правка. Этот источник по сравнению с первыми двумя не получил сколько-нибудь широкого распространения. Поэтому Максим и говорит о нем скороговоркой и лишь в одном месте: «От сих же и сицевых описей явлени суть старии преводницы несовершенно ведавше Еллинский язык; или паки инии малоумныи после их хотяще то исправити, и наибольше испортили» [105].

Обосновав возможность и необходимость исправления богослужебных книг и показав источники ошибок в них, Грек переходит к актуальному для него вопросу — о праве художника на ошибку. Ум человеческий несовершенен, «ибо и забытие омрачает его, и скорбь смущает, есть же егда и ярость, и гнев, и пианство отемневает его»[106]. Все эти причины ведут к срывам и неполадкам в человеческом творчестве, удивляться которым не следует: «Толиками убо треволнении обуреваемому немощному уму человеческому, аще что негде презрено бысть ему, не подобает дивитися, ни смущатися». И основное — не следует сразу применять к ошибающемуся репрессивные меры — «ересию осуждати его». Оступившемуся надо помочь выйти на правильный путь: «Яже от него презренна или по забвению, или по некоторому иному обстоянию, правити вкупе с ним». Далее следует страстный призыв к взаимопомощи в человеческом общежитии — «понеже никто же в человецех совершенство когда получил есть, вси бо забвению и неведению подлежат, овы убо меньше, овы же больше; вси же друг от друга требуем и совета и помощи».

Эта важная для нас гуманистическая струя в трудах Максима Грека не была каким-то откровением для Руси — ее можно усмотреть и у анонимного автора «Слова о лживых учителях» (XIV в.) и у младшего современника Грека старца Артемия, с высказываниями которого мы познакомимся ниже.

От обличителей своих Максим Грек требует прежде всего знания и понимания вопроса, о котором они осмеливаются судить.

В связи с этим встает вопрос о духовном и светском просвещении. Грек рассказывает, как поставлено образование в западных странах. Ему припомнился Париж. «...Отвсюду бо западных стран и северских,— рассказывает Максим[107],— собираются в предреченном великом граде Парисии желанием словесным художеств не точию сынове простейших человек, но и самех, иже в царскую высоту и болярского и княжскаго сана». Каждый из этих молодых людей «довольно во учениях прилежно упразднився, возвращается во свою страну, преполон всякия премудрости и разума; есть сицевый украшение и похвала своему отечеству». Максим советует и Московской Руси идти по этому пути.

Тема просвещения только-только намечена в трудах Максима Грека. Значительно больше сделали для прославления «книжного учения» русские авторы, связанные с реформационным учением. Упомянем «Слово о лживых учителях», восходящее к XIV столетию и дошедшее до нас в составе сборника «Власфимия». Содержащий «Власфимию» так называемый Трифоновский сборник[108] был недавно подробно изучен А. И. Клибановым[109]. По его мнению, «Слово о лживых учителях» было «манифестом борьбы за демократизацию книжного учения»[110]. Приведем из этого сочинения восторженный панегирик книге: «Увежь же, человече, яко книгы всему добру мати есть, кормяще дети свои. Отселе попытайте, любимице, святых книг, многу скровищю лежащю в них... В них же обрящеши драгый бисер, скровенен сын божий истиньная мудрость отца, его же кто обрящеть блажень будеть, пишет бо ся: блажен человек иже обрете премудрость. Попытай же, любимице, аще богат еси или нищь, или свободен, или работен, святыя бо книги всему добру скровище есть»[111].

Аналогичные мысли о «книжном учении» высказываются и в другом сборнике — «Измарагд», так же как и «Слово о лживых учителях» восходящем к литературе еретиков-стригольников[112].

Логичным и законным воспреемником всего того, что говорилось и писалось в этой области на Руси, явился старец Артемий. Однако, прежде чем мы перейдем к рассказу о его жизни, вернемся ненадолго к Максиму Греку.

Деятельность ученого ватопедского монаха, для которого неласковая Россия стала второй родиной, широкой и мощной струей вливается в общее русло идеологической подготовки начала московского книгопечата-

ния. Любопытно, что сам Грек считал исправление богослужебных текстов необходимой предпосылкой книгопечатания. В этой связи он также приводил близкие ему западные параллели. О высказываниях Максима рассказал князь А. М. Курбский в предисловии к составленному им на чужбине сборнику «Новый Маргарит», в который вошли различные творения Иоанна Златоуста [113].

Курбский передает слова Максима Грека о венецианских типографах, которые исправляли богослужебные тексты перед их типографским воспроизведением по греческим рукописям: «И преводят книги всех учителей наших, елико их обрели, от елинския беседы на римскую, по чину и разуму грамотическому, не отменяюще нималейше. И преложивше их на язык свой, дают в друк на печатование и размножают много и посылают продавающе их легкою ценою не точию в Италии, но и по всем странам западным, на исправление и просвещение народов христианских».

Старец Артемий. Имя старца Артемия, одного из выдающихся русских публицистов XVI столетия, до сего времени ни разу не связывали с началом книгопечатания на Руси. Между тем он, по-видимому, имел к этому событию близкое отношение.

Артемию в нашей исторической литературе не повезло. Письменная традиция, отражавшая в массе своей взгляды господствующей церковной верхушки, приклеила к имени старца ярлык «еретика». Этого было достаточно, чтобы на многие годы вперед определить отношение официальной историографии к Артемию.

Актовые материалы — документация церковных соборов XVI в.,— опубликованные впервые в 1836 г. [114], как будто бы укрепили историков в их отношении к Артемию. Но и эти материалы вышли из-под пера убежденных осифлян.

Несколько сбивал с толку отзыв известного западнорусского публициста Захарии Копыстенского в «Палинодии», распространенной в достаточно большом количестве списков. Захария среди знаменитейших на Руси «дидаскалов» помянул и «преподобного Артемия инока», который «в Литве от ереси Арианской и Лютеранской многих отвернул». «През него Бог справил же ся,— утверждал Копыстенский,— весь народ Русский в Литве в ереси тыи не перевернул» [115].

Лишь в 1870 г. иной взгляд был высказан В. М. Ундольским, в собрании которого нашлась рукопись посланий самого Артемия. Помянув «Артемия старца послания против Будного и других еретиков», Ундольский припомнил мнение Копыстенского: «Сочинитель печатно у нас доселе слывет еретиком, тогда как Захарий Копыстенский в своей Палинодии называет его ревнителем православия...» [116]

Восемь лет спустя «Послания» Артемия по рукописи Ундольского были изданы в «Русской исторической библиотеке» [117].

В начале XX столетия Артемием много занимался одесский историк С. Г. Вилинский. Первая его работа о знаменитом старце была написана на студенческой скамье [118]. Впоследствии С. Г. Вилинский посвятил той же теме магистерскую диссертацию [119].

В послереволюционные годы Артемию не было посвящено ни одного специального исследования. Однако несомненным достижением советской историографии являются строки, написанные И. У. Будовницом [120], А. И. Клибановым [121], и особенно специальный раздел, посвященный Артемию в превосходной работе А. А. Зимина. Работа названа именем И. С. Пересветова, но фактически представляет собой монографию по истории русской общественно-политической мысли 40—50-х гг. XVI столетия [122].

О юности Артемия у нас нет решительно никаких сведений. Единственный источник, относящийся к первому периоду его деятельности,— краткая запись в «Книге о постничестве» Василия Великого, переписанной Артемием и хранившейся в Корнилиевом монастыре. Исходя из этого, некоторые историки утверждали, что Артемий принял постриг

у Корнилия Комельского в Вологде[123]; другие делали его постриженником Псково-Печерского монастыря, игумена которого также звали Корнилием[124]. Совершенно ясно одно — как Корнилиев, так и Псково-Печерский монастырь склонялись к нестяжательству. И в том и в другом монастыре мысли Артемия должны были получить вполне определенное направление.

Печерский монастырь был расположен неподалеку от границы с Ливонией. Артемий однажды поехал в близлежащий ливонский городок Нейгауз, чтобы с тамошними богословами «поговорити книгами». Уже в этой поездке сказалась характерная для Артемия терпимость к инакомыслящим, его стремление ничего не принимать на веру, а постигать истину в споре, в сравнении. Немудрено, что на церковном соборе в Москве поездку в Нейгауз впоследствии поставили Артемию в строку[125].

В Порфириевой пустыни вокруг Артемия сгруппировался нестяжательский кружок. Слава Артемия как проповедника выходит далеко за пределы Белозерского края — Сильвестр впоследствии говорил, что старец стал «всеми людьми видим бысть, и дальними и ближними»[126].

В предчувствии Стоглавого собора и в первые месяцы после него происходит перетасовка высшей церковной иерархии — Сильвестр выдвигает на видные и авторитетные должности сторонников секуляризации монастырских земель. В конце 1550 — начале 1551 г. епископом рязанским становится архимандрит Новгородского Юрьевского монастыря, убежденный нестяжатель Кассиан. С престолов своих были сведены осифляне архиепископ новгородский Феодосий и епископ суздальский Трифон. На место последнего сел кирилло-белозерский игумен Афанасий Палецкий. Позднее, в ноябре 1552 г., новгородским архиепископом был поставлен постриженник заволжской Андриановой пустыни Пимен[127].

Не был забыт и Артемий. Ему на первых порах предложили пост игумена Корнилиева монастыря[128], но старец, не склонный к административной деятельности, отказался.

Тем временем в Москве нашли, что Артемий достоин более высокого и почетного назначения. Родился план сделать его игуменом ближнего к столице Троице-Сергиева монастыря, места «великого» царского богомолья.

Нам представляется вероятным предположение И. Н. Жданова и П. М. Занкова, что игуменство было для Артемия своеобразным отличием за оказанные им правительству «Избранной рады» услуги[129]. И. Н. Жданов считал, что старец был одним из тех нестяжателей, которые «вниде в слух» царя, извещая его о «нестроениях» осифлянского духовенства. Некоторые исследователи предполагают, что отдельные вопросы Стоглава восходят непосредственно к Артемию[130]. С этим можно согласиться.

П. М. Занков, на наш взгляд, прав и тогда, когда говорит, что патроном Артемия, выдвигавшим его на первых порах, был второй благовещенский поп Симеон, земляк Артемия, возможно, знавший его еще по Пскову.

Артемия вызвали в Москву и поместили в кремлевский Чудов монастырь. Здесь с ним познакомился Сильвестр, получивший задание «смотрити в нем всякаго нрава и духовныя ползы»[131]. Благовещенскому попу старец понравился. Взгляды их по многим вопросам совпали. «...От уст Артемьевых ученья книжнова довольно ми показалось,— рассказывал он впоследствии,— и добраго нрава и смирения исполнен бысть».

Для нас особенно важно упоминание о «книжном ученье». Рекомендации Сильвестра, который сам был великим книжником, можно вполне доверять.

Слово благовещенского попа в те годы значило много. Артемий был назначен игуменом Троице-Сергиевого монастыря — царь его «на игуменство взял»[132]. Артемий и здесь пробовал отказываться, говорил, что «не хотел славы мира сего», но тщетно. С царем, именем которого прикры-

вались решения «Избранной рады», спорить было напрасно, да и небезопасно.

Случилось это между февралем и октябрем 1551 г., скорее же всего летом 1551 г. Игуменом Артемий пробыл полгода с лишним. Все это время он переписывался, а иногда и встречался с царем, который, по словам Курбского, старца «зело любяще и многажды беседовавше» с ним [133]. Артемий «возвестил» царю о знакомом ему по Порфириевой пустыни Феодорите, и последний по его рекомендации был назначен игуменом Суздальского Спасо-Евфимьевского монастыря [134]. По просьбе Артемия был переведен к нему в обитель из Твери престарелый Максим Грек. Ученого монаха встретили у Троицы с большим почетом, жил он у Артемия «в великой чести и похвале» [135].

Внутренне близок был новому игумену и Иоасаф, в прошлом митрополит, сведенный с престола Шуйскими в 1542 г. и доживавший дни свои у Троицы. Был он также настроен нестяжательски и, кроме того, уважал «книжное учение». В библиотеке Троице-Сергиевого монастыря сохранилось немало книг с владельческими записями Иоасафа [136].

Однако основная масса монахов была резко настроена против нового игумена. Недовольство вскоре вылилось в открытое выступление против Артемия. Рассказывая об этом, Курбский впоследствии писал о «мятеже» «любостяжателей». Артемий не стал спорить и оставил монастырь, возвратившись в Белозерский край.

В Порфириевой пустыни Артемий пробыл до лета 1553 г. Затем его вызвали в Москву. В ту пору «прозябе ересь и явися шатания в людях» — в таких словах летописец определил вольнодумие сына боярского Матвея Башкина. Социальные и религиозно-догматические взгляды Башкина были далеки от ортодоксального православия как осифлян, так и нестяжателей. И те и другие осуждали новоявившуюся ересь. Разница была лишь в более гуманном отношении нестяжателей к еретикам, их стремлении действовать словом, убеждением, а не репрессивными мерами. Мероприятия правительства против еретиков на первых порах одобрялись нестяжательским окружением Сильвестра. Андрей Курбский, вспоминая об этом времени, уподоблял еретиков плевелам между чистой пшеницы.

Однако вскоре осифляне использовали репрессии против еретиков для расправы с наиболее активными нестяжателями. «...Началось было сие дело исперва добре,— писал Курбский,— но в конец злыи проиде, сего ради, иже восторгающе плевелы исторгали с ними и чистую пшеницу» [137].

Вначале дело свелось к догматическим диспутам. Артемию велели с Башкиным «книгами говорити». Диспут шел и между осифлянским руководством и учеником Артемия — Порфирием. Чувствуя слабость своих логических построений, осифляне мобилизовали себе в помощь силы небесные. В церкви Николы Гостунского, где в ту пору дьяконствовал Иван Федоров, было организовано «чудесное» исцеление паралитика.

Помещенный в московском Андрониковом монастыре, Артемий вскоре почувствовал, что дело может принять для него дурной оборот. Он ясно видел, что осифляне не забыли о его давнем совете царю «села отнимати у манастырей» [138]. На первых порах он пребывал в нерешительности, говорил своему келейнику Леонтию: «Привели, деи, меня к Москве для Матюшки Башкина и нечто, деи, мне велят с ним книгами говорити, ино то, деи, не мое дело, да и на меня, деи, будтося от Матфея некоторые слова есть же, и яз, деи, не ведаю, как быть».

Растерянность длилась недолго — Артемий решился и, не спросясь у митрополита, ушел в заволжские пустыни. Оттуда его привезли уже в цепях вместе с Саввой Шахом, Иоасафом Белобаевым и некоторыми другими заволжскими старцами. На новом соборе главными обвинителями выступали, по характеристике Курбского, «любостяжательно всякого лукавства исполненные мнихи» из Троице-Сергиева монастыря, а также бывший ферапонтовский игумен Нектарий.

Здесь не место передавать все перипетии процесса, а также сущность обвинений, предъявленных Артемию. Все это в последнее время подробно изложено и проанализировано А. А. Зиминым [139]. Противники Артемия шли на прямые подтасовки и передержки. Старец был осужден и сослан в далекий Соловецкий монастырь. Некоторое время спустя он бежал отсюда в Литовскую Русь, по-видимому, не без помощи соловецкого игумена Филиппа [140].

В Литве Артемий обосновался при дворе слуцкого князя Юрия. Здесь он активно занимался публицистической деятельностью, переписывался с князем Чарторизским, известным реформатором Симоном Будным, Евстафием Воловичем и Иваном Зарецким, проявил себя убежденным защитником православия против католичества и лютеранства. Умер он в начале 70-х гг. XVI столетия.

Рассмотрим взгляды Артемия на материале его посланий. Они сохранились в единственном сборнике второй половины XVI в., воспроизведенном белорусским полууставом [141]. С. Г. Вилинский предпринял долгие поиски других списков. Ему удалось найти лишь небольшой отрывок из послания к Симону Будному в рукописном сборнике Киевской духовной академии [142]. А. А. Зимин недавно указал на то, что послание Артемия «на люторы» в более полном виде сохранилось в одном из сборников Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина [143].

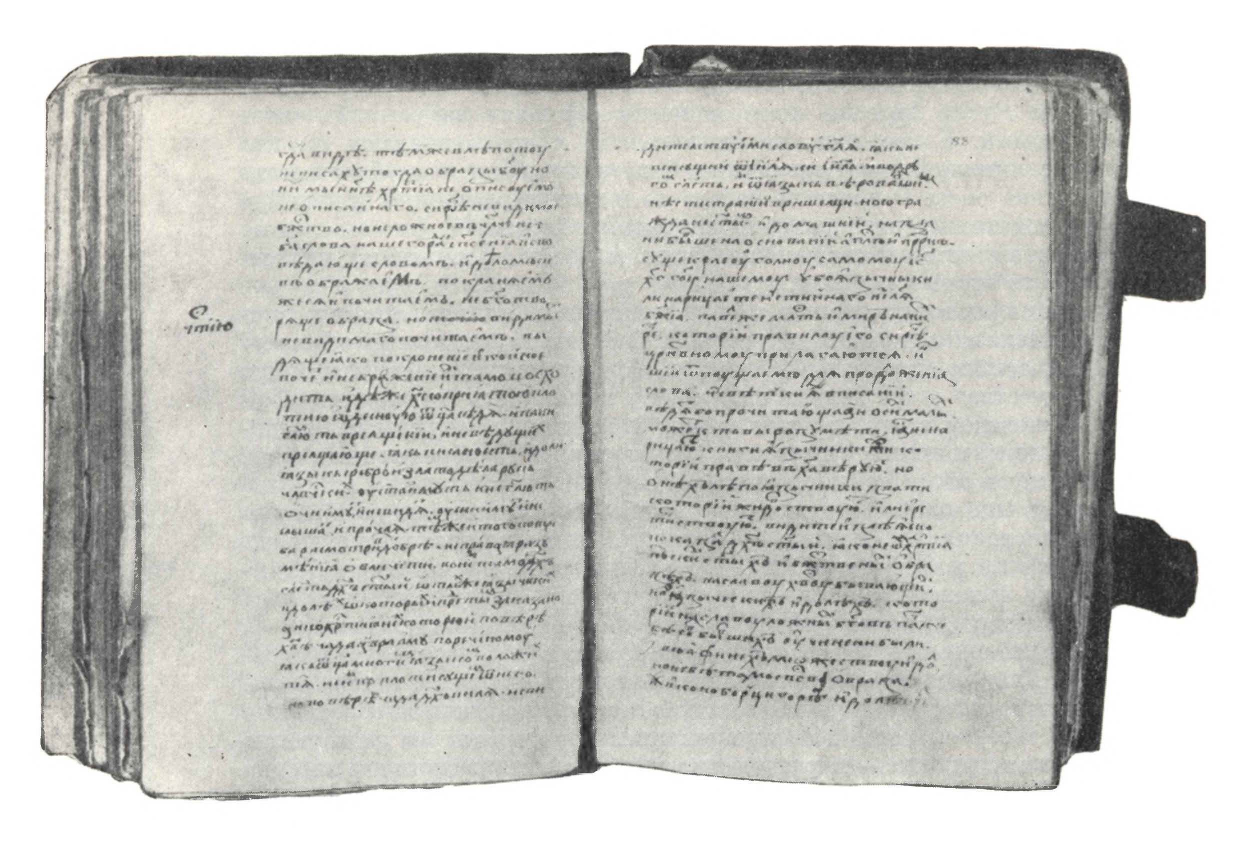
Из 14 посланий Артемия, известных современной науке, пять — если верить датировке С. Г. Вилинского — были написаны в Московской Руси. Среди них наше внимание привлекут два послания, не имеющие заголовка, но, согласно единодушному мнению историков, адресованные царю Ивану Васильевичу. Первое из них С. Г. Вилинский датирует 1552 г. [144], второе — 1551 г. [145]. Датировка эта, принятая априори позднейшими исследователями, в том числе и А. А. Зиминым, на наш взгляд, далеко не бесспорна. Мы склоняемся к мнению более раннего автора, С. Садковского, считавшего, что первое послание предшествовало второму [146].

Оба послания составляют достаточно четкую программу гуманистического плана, основным содержанием которой служит защита «книжного учения» от нападок обскурантов. Разговор, естественно, ведется на основе религиозной терминологии, с позиций «истинной веры». Однако подтекст, до конца не ясный и самому автору, легко может быть выявлен современным исследователем.

Источник истинной веры, по Артемию,— «писания», лежащие также в основе истинного разума. Задачу свою старец видит прежде всего в том, чтобы «подвигнути царскую... душу на испытание разума божественных писаний» [147]. Первое, чему следует научиться,— различать «писания» истинные от ложных. «Суть бо писания многа, но не вся божественна суть»,— заявляет Артемий. В другом месте он в этой же связи указывает на «ложна списаниа... и старческиа басни, и уставы растленных человеков».

Неприкрытый намек на фальсификаторскую деятельность осифлянского руководства слышится здесь — намек, который убедительно перекликается с аргументацией «Валаамской беседы». Да и рецепт против этой болезни, одной из основных причин «книжного нестроения», Артемий дает тот же, что и валаамские чудотворцы. Чтобы постигнуть истину и научиться различать истинные «писания» от ложных, царю надлежит по примеру библейского царя Давида усиленно заниматься чтением и изучением «божественных списаний». «Преже бо подобает разумети и потом действовать»,— утверждает старец, предостерегая Ивана Васильевича от поспешных выводов и действий.

В ту пору (первое послание, по-видимому, писалось в 1551 г., скорее всего — до Стоглавого собора) Артемий претендовал на роль руководителя царским чтением. Он рекомендует молодому царю ряд книг, и прежде всего Василия Великого, любимейшего автора нестяжателей. В послании упоминается и книга, непосредственно посланная Артемием царю. Книга эта, переданная с оказией, попала к благовещенскому попу

«Послания» старца Артемия. ОРЛБ

Симеону. «И будет, государь, тебе есть упражнение,— пишет Артемий,— взем прочти и к нам паки възврати».

Артемий предвидит, что в своей менторско-просветительской деятельности он встретит серьезных противников. Ему известно отрицательное отношение к книге осифлянской верхушки, «мнящихся быти учителей». Это те самые «учителя», которые лет пятнадцать спустя заставили Ивана Федорова покинуть отечество и отправиться испытывать судьбу в «страны незнаемые».

Артемий показывает ложность их утверждений. В своей ненависти к книге противники ее дерзают посягать и на священное писание, «глаголати дрьзают сице: не требе ныне по евангелию жити!» Старец приводит слова, слышанные им от «некоего епископа», то есть от человека, стоящего чуть ли не на самой вершине иерархической лестницы православного духовенства: «Не съидется дей ныне по евангелию жити: род ныне слаб!» Здесь ненависть к книге маскируется, благодаря чему «таковыми растлеными учении и словесы прелщаются мнози...».

Другие противники просвещения протестуют главным образом против распространения книги в массах: «Грех простым чести апостол и евангелие!» Именно эта группа, осифлянские симпатии которой бесспорны, и была главным противником книгопечатания, как наиболее мощного средства распространения просвещения.

В арсенале гонителей книги и такой немудрящий, однако продержавшийся многие столетия аргумент, как утверждение, что именно книга является причиной душевных недугов человека: «И аще къму прилучится недуг, от него же человек естественнаго смысла испадет, тоже прелщающе глаголют: «зашелся есть в книгах!» Это приводит к тому, что люди неискушенные боятся читать книги: «И мнози от ненаказанных боятся и в руки взяти».

Труднее было оспаривать другой аргумент противников книги: «Не чти много книг, да не во ересь впадеши!» Он ставил под удар задачу просвещения Руси. Артемий категорически отрицает какую-либо связь ересей с книгой. Более того, он считает, что в ересь впадают те, кто не знаком с книжной премудростью: «Ведомо же буди всем благочестивым, яко всяка ересь и прелесть бесовскаа и житие растленно привнийде от еже не ведати известно разум божественных писаний. От сего ложна списаниа приемлются, и старческиа басни, и уставы растленных человеков умом и лишенных истины...»

Аналогичную точку зрения, конечно, не без влияния Артемия, впоследствии высказывал и А. М. Курбский. В своем переводе «Богословия» Иоанна Дамаскина к фразе: «...яже в божественных писаниях ищут неякого искусства» — он делает следующее примечание на полях: «Сия ересь в Московской земли носится между некоторыми безумными... непотреба рече книгам много учитись, понеж в книгах заходятся человецы, сиречь безумеют або в ересь упадают» [148].

Приведем еще одно высказывание Курбского по тому же вопросу — из его предисловия к Иоанну Дамаскину, которое мы цитируем по позднему списку в Сборнике XVII в.: «...бога ради не потакаем безумным, паче же лукавым мнящимся быти учительми (вспомним «мнящихся быти учителей» у Артемия.— *Е. Н.*), паче же прелестником. Яко сам аз от них слышах еще будучи во оной Руской земли под державою московского царя. Глаголят бо они прелщающи юнош тщаливых к науце, хотящих навыкати писания, понеже во оной земли еще многия обретаются пекущеся о своем спасении. И спрещением заповедывают им глаголюще: не читайте книг многих — и указуют на тех, кто ума изступил и он сица во книгах зашолся, а он сица в ересь впал от беда от чево беси бегают и исчезают и чим еретицы обличаются...»

Второе послание Артемия посвящено той же теме. Писалось оно в более сложной обстановке. Артемий во многом потерял свое влияние на царя. Многочисленные враги обвиняли его в ереси, так что ему пришлось непосредственно на себе испытать те обличавшиеся им в первом послании взгляды о связи книги с еретическими учениями. Однако Артемий не поступился своими мнениями. Его панегирик книге по-прежнему горяч, его аргументация стала лишь более конкретной. В основу положен вопрос царя о причинной связи между книгой и ересями: «Хотель бых уведати, како божественная писаниа прочитающе, прелщают мнози, ови житие растленно проходяще, неции же в различные ереси уклонишася?» [149]

Ответ Артемия энергичен и экспансивен: «Не от книжнаго читаниа прелщают себе. Не буди то! Но от своего неразумиа и зломудриа». И далее, уже в спокойном тоне, поясняет свою мысль.

Разговор идет о конкретной книге, с которой мы познакомились совсем недавно. Лишь в свете последних находок стал ясен тот отрывок из послания, который мы сейчас приведем: «Тем же неотметна, но и зело нужна божественная сиа азбука к научению детем (разрядка наша.— *Е. Н.*), дондеже отъимется еже от рожениа покрывало и вышше телес оболкшагося в тело уразумеем, якоже и преже в некоей грамотке назнаменах тобе».

Та «грамотка», о которой идет речь, до нас, к сожалению, не дошла. Но и без этого мы можем привести важнейшие параллели. Достаточно назвать наименование первопечатной азбуки, обнаруженной недавно в Англии: «Начало учения детем, хотящим разумети писание». Приведенный выше текст достаточно ясен и не нуждается в комментариях. Пока же отметим, что реплика Артемия не дает, к сожалению, оснований утверждать, что в ней говорится именно об этой книге, хотя это и не исключено. Более того, мы не можем утверждать, что старец защищает от нападок первопечатные азбуки. Вполне возможно, что речь идет о рукописных книгах.

Артемий обрушивается на тех, кто уверяет, что учебные книги не нужны, ибо от них прямой путь к ереси. Книжное учение тренирует ум, развивает воображение. Еретичество здесь ни при чем: «Но несть сиа вина от воображениа. Но от онех самих, не хотящих истинну навыкнути и пачеже ради лучших скудости, понеже сиа въображениа вся сказаниа требуют и научению истинны».

Более того, Артемий дерзает утверждать, что далеко не всякое заблуждение есть ересь. Традиционный для нестяжателей гуманистический подход к инакомыслящим дает себя знать и здесь: «Несть бо уже се еретичество, аще кто от невидениа о чем усумнится, или слово просто речет, хотя истину навыкнути, пачеже о догматех и обычаех неких». Нельзя не вспомнить по этому поводу об аналогичных высказываниях Максима Грека.

Затем следует панегирик учению, как средству устранить еретичество: «Никтоже бо с разумом родися когда, но учитися всякому словеси надлежит нужа. Любовь в божественных — любовь человеческих, от учениа бо разум прилагается, якоже в святых людех глаголется, еже и до смерти учитися подобает».

«До смерти учитися подобает!» — так до Артемия на Руси еще не говорил никто.

Деятельность Артемия была важнейшим этапом идеологической подготовки начала московского книгопечатания. Между русскими первопечатниками и бывшим троицким игуменом существовали, однако, и не столь далекие связи. Они, несомненно, знали друг друга, а возможно, и встречались как в Москве, так и в Литовской Руси.

Нам думается, именно к Артемию относятся те загадочные до сего времени слова Ивана Федорова из послесловия к Апостолу 1574 г. Первопечатник рассказывает, что, прийдя во Львов, «по стопам ходяще топтаным некоего богоизбранна мужа, начах глаголати в себе молитву сию». Дальше следует текст молитвы. Любопытно, что молитва монотеистична — она обращена не к всевышнему в трех лицах, а к «единому началу». Припомним, что монотеизм ставили в строку Матвею Башкину. Вопрос дискутировался и на процессе Артемия. Старец в этом вопросе встал на защиту Башкина. Между митрополитом Макарием и Артемием произошел тогда следующий поучительный диалог:

Макарий. Написал Матфей молитву к единому началу, Бога отца единого написал, а Сына и святого духа отставил.

Артемий. Что деи было ему то и врать, ведь деи молитва готова написана Манасеева к Вседержителю.

Макарий. То было до Христова пришествия, а кто ныне так напишет к единому началу, ино то еретик.

Артемий. Та деи Монасеева молитва и в нефилоне в большом написана и говорят ее.

В ответ на это митрополит не нашел что возразить и прикрикнул на Артемия: «Будешь еси в чем виноват и ты кайся!» [150]

Но Артемий был не таким человеком, чтобы каяться безвинно!

Смысл приведенного выше диалога, который сохранило нам соборное определение по делу Артемия, состоит в том, что Артемий привлек в защиту поступка Башкина библейский прецедент — монотеистическую молитву Манассии. И вот много лет спустя Иван Федоров произносит вариации той же молитвы по примеру некоего «богоизбранна мужа». Кого, как не бывшего троицкого игумена, проделавшего тот же путь десять с лишним лет назад, мог так величать первопечатник. Как тут не вспомнить, что А. М. Курбский называет Артемия «святым преподобным отцом» и «премудрым».

Более того, Иван Федоров помещает полный текст молитвы Манассии в Часовнике 1565 г. и в изданном им в 1574 г. во Львове Букваре. Здесь помещена и другая молитва, принадлежащая Василию Великому —

любимейшему автору Артемия, ссылки на которого сплошь и рядом встречаются в его посланиях.

Мы можем привести и более разительный пример, иллюстрирующий связи между первопечатниками и старцем Артемием. В 1575 г. «клеврет» Ивана Федорова Петр Мстиславец издал в Вильне Четвероевангелие. Послесловие этой книги в значительной части представляет собой выборку из «Послания въпросившему слова Божиа», принадлежащего перу Артемия. Текстуальные совпадения дословны, что легко можно установить, сравнивая оба отрывка[151].

Послание Артемия	Послесловие Евангелия 1575 г.
Похвално желание подвигнуль еси, возлюбленый брате, взыская слышати слово Божие, а непритворено, якоже познаваем от преже бывшаго беседования усты ко устом. И о сем велми благодарим Бога, яко и еще обретаются избрании Божии, пачеже в нынешнее лукавое время, посреди рода строптива и развращена...	Похвално желание подвигнули есте, о благочестивии в человецех, якоже познаваеми от прежебывшаго беседования усты в устом: и о сем велми благодарим Бога, яко и еще обретаются избраннии Божии, пачеже в нынешнее время лукавое, посред рода строптива и развращенна.
Но понеже понудил еси нас, недостойных, выше нашея мере...	Но понеже понудили есте нас недостойных выше нашея меры на сие дело.
Аз есмь человек грешен и немощен, бояхся начати таковая. Слышах рекшаго: вскую ты поведаеши оправданиа моа, и прочая. К тому же смотряа свое неприлежание, и леность, и неразумие, на мнозе отлагах...	Аз же есмь человек грешен и немощен, бояхся начати таковая; к тому же смотряя свое неприлежание, и леность и неразумие, на мнозе отлагах.
Тем же съуза ради духовныя любве и мы устремляемся неразсудным послушанием ваше заповедание сътворити поспешествующим вам в благое молитвами, и веровавше, яко всяко по вере вашей к Богу будет вам. Убедихомжеся на се, не яко довъльны есмы о себе помыслити, что яко от себе, не довольство наше от Бога, давшаго нам божественнаа своя писаниа, в них же удовъли нас, по перекогождо нас. Сего ради аще и един талант верен кто, не ленитися подобает, но прилежно делати боясь приказни съкрившаго.	Темь же сьуза ради духовныя любве, и мы устремляемся неразсудным послушанием ваше заповедание сьтворити, поспешествующим вам молитвами, и веровше, яко всяко, по вере вашей к Богу буди вам. Убедихомжеся на се, недоволни есмы о себе помыслити что, яко от себе, но довольство наше от Бога: сего ради, аще и един талант вверен будет кто, не ленитися подобает, но прилежно делати, боася приказни съкрывшаго.

В датировании этого послания С. Садковский, С. Г. Вилинский и А. А. Зимин единодушны[152]. Они относят его к московскому периоду и считают самым ранним из дошедших до нас посланий старца. Утверждается, что Артемий написал его еще до игуменства в Троице-Сергиевом монастыре или в самые первые месяцы игуменства — то есть до 1551 г. или в первой половине 1551 г. В подтверждение ссылаются на то, что в послании нет и намека на какие-либо преследования со стороны «любостяжательных мнихов». Указывается также, что Артемий подчеркивает

Параллели в орнаментике рукописного Четвероевангелия мастерской Сильвестра (справа) и Четвероевангелия 1575 года Петра Мстиславца (слева)

здесь преимущественное значение духовного поста перед телесным. Исследователи считают, что высказывать такую точку зрения он мог лишь в Москве, «где требовалось усилить значение духовной стороны религии перед наружной», а не в Литве, «где вследствие нападок со стороны еретиков Артемию приходилось отстаивать и наружную сторону религии — обряды, а в том числе и посты».

Чрезвычайно соблазнительно утверждать, что Петр Мстиславец познакомился с посланием Артемия еще в Москве — может быть, в начале 50-х гг. Не исключено, что уже тогда делались первые заготовки для будущего издания. В пользу этого мнения как будто бы говорит и тот факт, что в орнаментальном убранстве Четвероевангелия 1575 г., напечатанном Мстиславцем в Вильне, имеются параллели с орнаментикой рукописного Четвероевангелия, положенного Иваном Грозным в Соловецкий монастырь также в 50-х гг.

Датировка «Послания въпросившему слова Божиа», предлагаемая С. Садковским и С. Вилинским, мало убедительна. Послание могло быть написано и в Литве. С другой стороны, Мстиславец мог ознакомиться со списками послания уже в Вильне, безотносительно к тому, когда оно было написано. Вспомним, что Артемий переписывался со скарбным Великого княжества Литовского Иваном Семеновичем Зарецким, «умышлением и промышлением» которого было издано Четвероевангелие 1575 г.

Вопрос о связях между первопечатниками и старцем Артемием только-только намечен нами. Будущим исследователям предстоит сказать здесь решающее слово. Но одно ясно уже сейчас: деятельность Артемия

представляется весьма значительным событием во многом еще загадочной предыстории московского книгопечатания.

Митрополит Макарий и централизаторские мероприятия в области культуры. Мы выяснили, что критика рукописного способа изготовления книг родилась в нестяжательской среде. Основным мотивом критики было тенденциозное искажение осифлянами канонических текстов. Припомним слова «Валаамской беседы» о «книжницах во иноцех», которые «выкрадывают из книг подлинное... писание и на тож место в теж книги приписывают лучьшая и полезная себе, носят на соборы во свидетельство...» [153]. Одним из объектов этого язвительного памфлета был не кто иной, как сам митрополит Макарий.

Еще до венчания Ивана Васильевича на царство (до 1547 г.) Макарий составил обширное «Писание» молодому великому князю с развернутой аргументацией в пользу монастырского землевладения [154]. Впоследствии, в период подготовки к Стоглавому собору, этот документ вновь был пущен в ход в несколько переработанном виде. Аргументация «Писания» в большей своей части опирается на фальсифицированные источники, такие, как подложная грамота римского императора Константина или ярлык, будто бы выданный ханом Узбеком митрополиту Петру.

Высшее духовенство считало книгу такой же собственностью, как и церковные земли, и всякое покушение на нее со стороны объявляло предосудительным и греховным. Недаром в том же «Писании» Макария среди «вечных церковного имения недвижимых вещей» наряду с селами, нивами, землями, виноградниками, озерами упоминаются и книги [155].

Напрашивается вопрос, почему осифлянская верхушка российского духовенства поддерживала правительство в организации книгопечатания на Руси.

Современные историки называют «Избранную раду» «правительством компромисса». Своеобразным компромиссом между нестяжательским окружением Сильвестра и осифлянскими «лукавыми мнихами» была и реформа книжного дела.

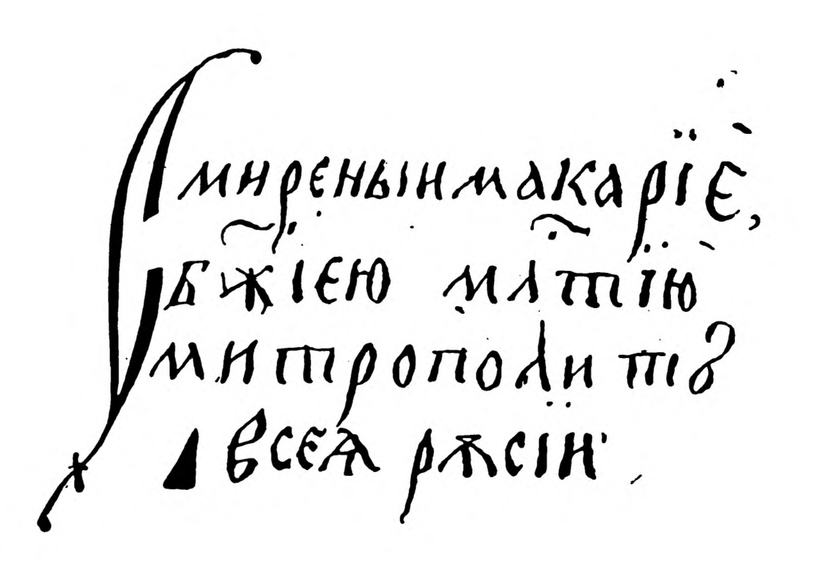
Реформационно настроенные круги духовенства и мелкопоместного дворянства видели в книгопечатании огромную силу, которая может служить торжеству гуманистических идей, просвещению народа.

Нестяжатели считали, что книгопечатание поможет упорядочить канонические тексты; это позволило бы устранить ту фальсификацию и искажения, которые рассматривались ими в общем ряду «нестроений» быта и нравов духовенства.

Осифлянская верхушка церкви хотя и не высказывала особого расположения к предполагаемой реформе, все же считала, что она может способствовать концентрации в руках высшего духовенства монопольного изготовления книг. Здесь интересы митрополичьего окружения совпадали с централизаторскими устремлениями правительства. Книгопечатание вливалось в струю так называемых обобщающих предприятий в области культуры. Б. В. Сапунов недавно критиковал этот термин, предложенный А. С. Орловым и получивший права гражданства в нашей литературе [156]. Сапунов считает возможным говорить о «централизующих мероприятиях», что, пожалуй, может быть принято с небольшой поправкой орфографического плана — «централизаторские мероприятия». Речь идет об унификации духовной жизни русского человека во всех многообразных ее проявлениях, и прежде всего религии. Начинанием в этой области явилась так называемая Геннадиевская Библия 1499 г.— первый на Руси свод библейских текстов.

Большая часть централизаторских мероприятий XVI столетия связана с именем митрополита Макария.

Случилось так, что Макарий, колоссальный авторитет которого признавали самые различные партии, по смерти своей не удостоился канонизации. Жития его мы не знаем. В какой-то мере его заменяет сказание о «немощи, преставлении и погребении» Макария. Это как бы своеоб-

Автограф митрополита Макария

разная заготовка будущего жития, которое так и не было написано [157]. В сказании помянуто, что Макарию в 1542 г., когда его предшественник Иоасаф оставил митрополию, было 60 лет. Родился он, следовательно, в 1482 г.

О том, как прошли молодые годы будущего митрополита, у нас нет никаких сведений. По-видимому, он рано принял постриг, хотя перед этим успел жениться и имел детей. Был Макарий постриженником того самого Боровского Пафнутиевского монастыря, где еще до рождения Макария был игуменом Иосиф Волоцкий. Монастырь всегда был цитаделью осифлянства. И впоследствии Макарий сохранял связи с первой своей обителью, часто жертвовал туда книги.

В 1506 г. мы застаем 24-летнего монаха игуменом Лужицкого монастыря в Можайске [158]. А 4 марта 1526 г. Макарий занимает важнейшую на Руси новгородскую кафедру [159]. Кафедра эта много лет оставалась вакантной, после того как с нее в 1509 г. был сведен архиепископ Серапион — злейший противник Иосифа Волоцкого. Ныне и Москва, где сидел на митрополии убежденный осифлянин Даниил, и Новгород становились оплотом осифлянства.

То, что Макарий был активным осифлянином, не вызывает решительно никаких сомнений. Между тем некоторые авторы почему-то считают его нестяжателем. Утверждают, что он поддерживал книгопечатание, а сменивший его на митрополии осифлянин Афанасий будто бы стал преследовать Ивана Федорова и других типографщиков [160].

Активная деятельность Макария в Новгороде, по словам новейшего исследователя, характеризует его как активного осифлянина [161]. Таковы же и его начинания литературного и книгоиздательского плана [162]. Как литератор и публицист Макарий не был талантлив. Его произведения заурядны и подчеркнуто официальны. Однако уже в Новгороде он собрал вокруг себя способных писателей-осифлян, немало потрудившихся, чтобы обосновать осифлянскую программу. Да и сам Макарий был человеком книжным, начитанным и хорошо образованным. «Яко от бога дана ему бысть мудрость в божественном Писании просто все разумети»,— свидетельствует летописец [163]. Он «знал великоразумно вся премудрости и разума глубоких философских учений и богословенских книг» [164].

В свое время архиепископ Геннадий вычислил пасхалию на 70 лет вперед. Макарий продолжил дело своего знаменитого предшественника. В 1538 г. священник Агафон по его поручению и при его участии составляет «Великий миротворный круг», в котором пасхалия была вычислена уже на 532 года [165].

Наибольший интерес для нас представляет активная деятельность Макария по упорядочению российского олимпа. Здесь издавна царил хаос. В годы феодальной раздробленности «святые» возникали, как грибы. Многочисленные областные жития зачастую обнаруживали антимосковские тенденции. Нужно было разобраться, кто из святых достоин общерусского почитания. В 1537 г. Макарий поручает Василию Тучкову, молодому и способному литератору и, что особенно интересно, лицу не духовному, а, более того, «храброму воину», переделать житие новгородского святого Михаила Клопского, прославленного своими промосковскими взглядами. Переделка усилила эти тенденции жития. Тучков, например, вложил в уста святому осуждение сепаратистских устремлений новгородцев, вполне злободневное и в середине XVI столетия: «...почто, безумнии, яко пияни мятетеся? Аще не утолите гнева доброчестивого царя Ивана Васильевича (речь идет об Иване III.— *Е. Н.*), то многи беды приимите; пришед бо за неисправление ваше, станет в берегах и многу победу покажет».

Эта деятельность Макария стала особенно интенсивной после того, как в 1542 г. он стал главой российской церкви. Года за три перед этим временщики Шуйские свели с престола убежденного осифлянина Даниила, человека властного и жестокосердного. Митрополитом стал близкий к нестяжателям троицкий игумен Иоасаф. Последний, однако, вскоре стал поддерживать враждебную Шуйским группировку князей Бельских. В январе 1542 г. Бельский и его «советники» были сосланы, «а митрополиту Иоасафу начаша безчестие чинити и срамоту великую» [166]. Митрополит бежал со своего двора на подворье Троице-Сергиева монастыря, но и здесь дети боярские «с неподобными речами и с великим срамом поношаста его и мало его не убиша».

На место Иоасафа Шуйские прочили Макария. Новгородский архиепископ был срочно вызван в Москву. 9 марта 1542 г. он прибыл в столицу, 16 марта «возведен на двор на митрополич», а 19 марта — «поставлен на высокий престол первосветительства великия Росия, на митрополию».

Умелый и тонкий политик, Макарий сумел сохранить свое влияние и после скорого падения Шуйских. Он просидел на митрополичьем престоле 21 год и скончался в 1563 г., в почете и уважении.

Став митрополитом, Макарий продолжает свою деятельность по упорядочению российского олимпа. Одним из наиболее активных сподвижников его в этой области был псковский священник Василий, впоследствии принявший постриг под именем Варлаама. Его перу принадлежат жития князя Всеволода Мстиславовича, Александра Невского, основателя Псково-Печерского монастыря Ефросина, новгородских святых Никиты и Нифонта, Саввы Крыпецкого и т. д. [167] Среди других агиографов, принадлежащих к кругу Макария, упомянем крутицкого епископа Савву Черного, составившего житие Иосифа Волоцкого, игумена Данилова монастыря Иоасафа — автора жития Григория и Кассиана Авнежских, епископа вологодского и владимирского Иоасафа — автора жития Стефана Махрищского.

Итогом многолетних трудов Макария и его школы по упорядочению олимпа явились Великие Четьи минеи, первый вариант которых был составлен еще в бытность его новгородским архиепископом. Макарий поставил перед своими сотрудниками поистине грандиозную задачу — собрать воедино «все святые книги, которыя в руской земле обретаются». Великие Четьи минеи по первоначальному замыслу должны были составить собрание оригинальных и переводных житий, бытовавших на Руси за пять с лишним веков, прошедших после принятия христианства. Однако замысел этот был расширен таким образом, что Четьи минеи стали своеобразным энциклопедическим сводом древнерусской церковной письменности [168].

В состав свода вошли: 1) книги священного писания и толкования на них, в том числе четыре евангелия, все апостольские послания и деяния, некоторые разделы Ветхого завета, Псалтырь с толкованиями Афанасия, Брунона и Феодорита и т. п.; 2) Патерики — Синайский, Азбучный, Иерусалимский, Египетский, Скитский, Сводный, Римский, Киево-Печерский и др.; 3) Прологи, или Синоксари; 4) сочинения отцов церкви; 5) жития; 6) всевозможные популярные на Руси сочинения нецерковного характера — «Пчела», «Златая цепь», «Иудейская война» Иосифа Флавия, «Козма Индикоплов», «Странник» игумена Даниила, различные послания, грамоты, акты.

Известно три списка Великих Четьих миней. Первый из них — Софийский — был положен Макарием в 1541 г. в новгородский Софийский собор. Два поздних списка — Успенский и Царский — были изготовлены уже в Москве. Первый из них Макарий в ноябре 1552 г. положил в московский Успенский собор [169], второй вручил молодому царю [170].

Работа над первым списком продолжалась 12 лет «многим имением и многими различными писарями, не щадя серебра и всяких почестей». Успенский список заключен в 12 колоссальных томах, содержащих в общей сложности 13 581 лист [171]. Еще больше был Царский список, который полностью до нас не дошел [172].

Работа по упорядочению русского олимпа была организационно оформлена на соборах 1547 и 1549 гг., где были канонизированы многие «новые чудотворцы» и установлено общерусское почитание некоторых местных святых, как писал об этом в «окружной грамоте» от 26 февраля 1547 г. митрополит Макарий: «...уставили есмя ныне праздновати новым чюдотворцом в Руской земли, что их господь бог прославил, своих угодников, многими и различными чудесы и знаменми и не бе им доднесь соборного пения...» [173]

Вторым централизаторским предприятием в области культуры, также связанным с митрополичьим кругом, была так называемая Степенная книга. Составление ее падает на те годы, когда Иван Федоров печатал в Москве первую точно датированную печатную книгу — Апостол 1564 г. Авторство Степенной книги приписывают обычно благовещенскому протопопу Андрею, принявшему постриг под именем Афанасия и сменившему Макария на митрополичьей кафедре. Основная идея книги — единство светской и церковной власти на Руси, начиная с Владимира Киевского и кончая Иваном IV. Агиографическое преломление политической истории Русского государства играло на руку осифлянам. Острие было направлено против еретиков и фрондирующих нестяжателей. Мысль о преемственности самодержавной власти московских великих князей, восходящей к Владимиру и княгине Ольге, отвечала централизаторским устремлениям правительства [174].

С именем Макария связывали и третье централизаторское предприятие в области культуры, а именно составление обобщающих летописных сводов, и прежде всего так называемого Летописца начала царства. Новые исследователи связывают этот памятник, созданный не позднее 1555 г., с А. Ф. Адашевым или его ближайшим окружением [175]. В 1558 г. Летописец редактировался, причем Адашев опять-таки принимал участие в этой работе. Новое редактирование и дополнение летописи было предпринято в 60—70-х гг. XVI столетия в связи с созданием грандиозной исторической энциклопедии — иллюстрированного летописного свода, где рассматривалась мировая история, начиная с сотворения мира и кончая 60-ми годами XVI в. [176] Это был многотомный труд — детище царской книгописной мастерской; сохранившиеся его части содержат около 20 000 страниц и 16 000 иллюстраций.

К обобщающим централизаторским предприятиям в области культуры нужно отнести и такие памятники, как Стоглав и Домострой, появление которых связано главным образом с именем благовещенского попа Сильвестра.

Избрание казанского архиепископа. Миниатюра летописного свода XVI века. ГИМ

«Казанское взятие» и его связь с началом книгопечатания. Говоря о причинах, побудивших царя Ивана Васильевича «помышляти, како бы изложити печатныя книги», послесловие к Апостолу 1564 г. прежде всего упоминает о нуждах новой Казанской епархии. Рассказывается о том, как «повелением» царя и «благословением» митрополита по всей русской земле, а «паче в новопросвещенном месте, во граде Казани» воздвигались «святые церкви», для которых понадобилось много богослужебных книг. На первых порах царь повелел «святые книги на торжищих куповати». Рукописные книги, однако, были неисправными: «В них же мали обретошася потребни, прочии же вси растлени от преписующих ненаученых сущих и неискусных в разуме». Тогда-то было принято решение основать государственную типографию.

Связь начала книгопечатания на Руси с «Казанским взятием» не является вымыслом автора послесловия к Апостолу 1564 г. Она может быть подкреплена документально, хотя, как мы увидим в дальнейшем, с некоторыми оговорками.

Казанское царство пало в октябре 1552 г. Началось освоение завоеванного края. Немалую роль в этом играла церковь. Прежде всего были торжественно, в присутствии царя и митрополита, крещены плененные и привезенные в Москву казанские цари. Затем началась массовая христианизация края. Город заселили переселенцами из поволжских и северных городов. Писцовая книга Казани 1565—1568 гг. насчитывает в бывшей татарской столице всего лишь 43 татарина, чуваша и «новокрещенов». На месте разрушенных мечетей были воздвигнуты белокаменный Благовещенский собор, две каменные церкви над городскими воротами, Зилантьев и Преображенский монастыри [177]. На противоположном берегу Волги, в Свияжске, возник Успенский монастырь с прекрасной одноверхой церковью Успения, уцелевшей до наших дней.

Вскоре была основана новая Казанская епархия; первым архиепископом «царству Казанскому и Свияскому городу» был поставлен игумен Селижарова монастыря Гурий, убежденный осифлянин.

Тогда же был начат сбор богослужебных книг для Казани в монастырях и церквах Московского государства. Сведения об этом сохранились, в частности, в записных и переписных книгах монастырей. В записной книге Иосифо-Волоколамского монастыря отмечено: «Евангелие тетр в десть, строки и заставицы и статьи золотом писаны» — вклад новгородского архиепископа Феодосия (1491—1563), воспреемника Макария на епископской кафедре. Далее указано: «И то евангелие по государеву велению дано в Казань в соборную церковь к Благовещенью на престол» [178].

О сборе книг для Казанской епархии упоминается и во второй Новгородской летописи под 1555 г.: «И того лета, по всем монастырем Новгородцким, сбирали денги на владыку Казанского на Гурья, да и книги певчии имали по манастырем, апостолы и еуангелиа и четьи, в Казань» [179].

По некоторым сведениям, в Казанской епархии были и первопечатные московские издания. Так, например, в писцовой и межевой книге Свияжска, составленной в 1565—1567 гг., упоминаются «Евангелье печатное в десть на бумаге», а также «пятеры псалмы в полдесть печатных». Первым может быть одно из безвыходных Четвероевангелий. Московское происхождение Псалтырей сомнительно, ибо вопреки утверждению М. Н. Тихомирова безвыходные Псалтыри отпечатаны «в лист», а не «в четверку» («в полдесть») [180].

В 1574 г. архиепископ казанский и свияжский Лаврентий дал вкладом в Иосифо-Волоколамский монастырь «Евангелие в десть, тетр печатное, поволока камочка дымчата, да Апостол тетр печатной же» [181]. Здесь идет речь об одном из безвыходных Четвероевангелий и Апостоле 1564 г. Ивана Федорова и Петра Мстиславца.

Некоторые данные можно извлечь и из вкладных и владельческих записей на сохранившихся экземплярах первопечатных изданий. Одно из среднешрифтных Четвероевангелий и первопечатный Апостол уже во второй половине XVI в. находились в Свияжске, в Троице-Сергиевом монастыре. Однако это был частный вклад — дар некоего Варсонофия Замыцкого [182].

Владельческая запись на одном из экземпляров первопечатного Апостола свидетельствует, что он, правда достаточно поздно — в 1645 г.,— принадлежал протопопу из Свияжска Владимиру [183]. Эта запись — единственная, указывающая на Казанскую епархию, из записей около 40 известных нам экземпляров Апостола 1564 г. Из этого как будто бы можно сделать вывод, что какой-либо массовой отправки первых печатных книг в Казань не было. Поэтому-то свидетельство послесловия к Апостолу если и можно принять, то лишь с определенными оговорками. Вкладные на

сохранившихся экземплярах первопечатных книг — об этом мы будем говорить подробно несколько позднее — показывают, что издания эти распространялись по всей территории Московского государства.

Первопечатная книга, конечно, играла определенную роль в колонизаторской политике самодержавной Москвы. Однако не следует преувеличивать эту роль и, подобно И. В. Новосадскому, делать печатную книгу «прежде всего идеологическим орудием политического и экономического закрепощения русского крестьянства и крестьянства национальностей Поволжья и Сибири, завоеванных в эпоху Грозного» [184].

* * *

Мы подробно познакомились с тем, как протекала идеологическая подготовка начала книгопечатания в Москве. Основное внимание было уделено вопросу, который уложился в чрезвычайно емкую формулу послесловия к Апостолу 1564 г.: «Дабы впред святыя книги изложилися праведне».

Есть еще одна сторона проблемы, именуемой социально-политическими предпосылками русского первопечатания. Она также отражена в послесловии первой точно датированной московской печатной книги. Мы говорим о фразе: «...начат промышляти, како бы изложити печатныя книги, якоже в грекех, и в Венецыи, и во Фригии, и в прочих языцех». Речь, таким образом, идет о западноевропейской традиции в нашем книгопечатании.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ

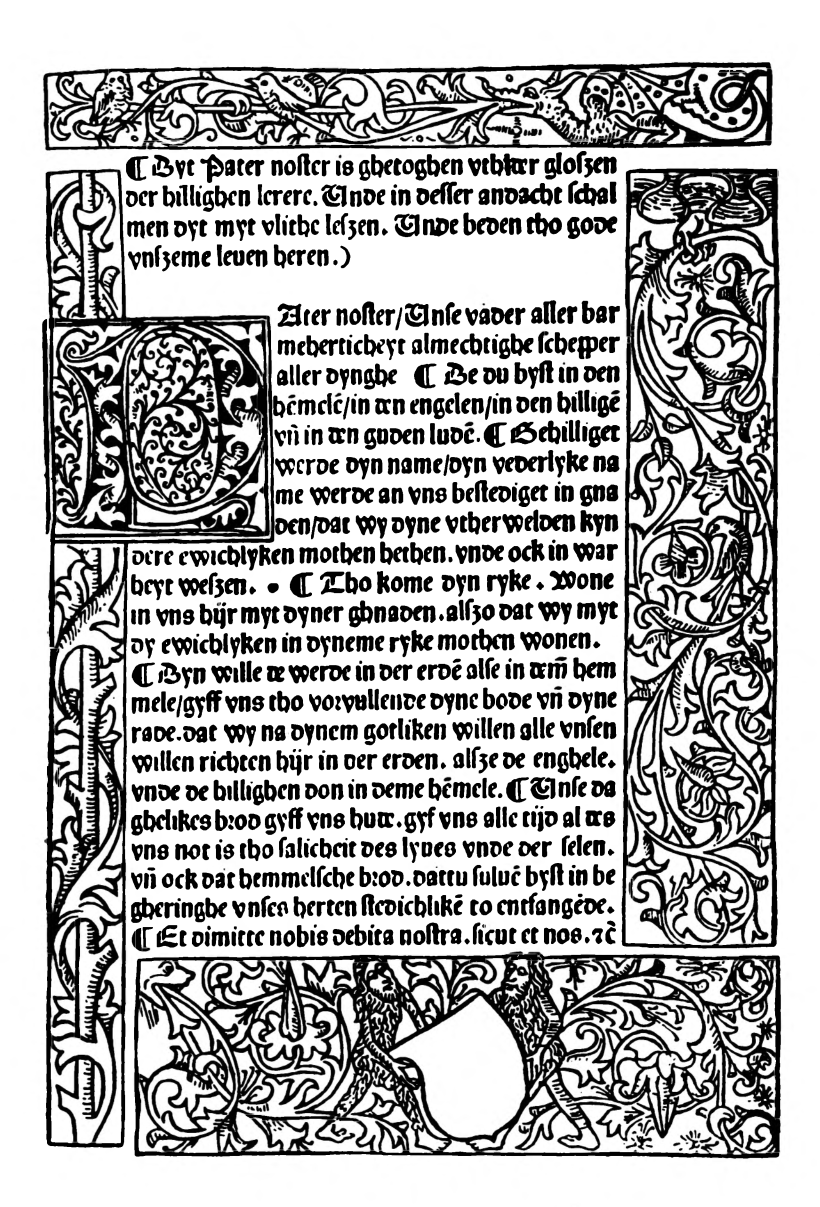
Некритическое отношение к источникам, людское легковерие, а иногда и легкомыслие породили несколько дат, которые традиция связывала с появлением печатного стана в нашей стране. Даты эти откровенно легендарны. Некоторые из них до сего времени фигурируют на страницах специальной литературы, особенно за рубежом.

Переросшие в традицию легенды играют немалую роль в истории начального этапа русского книгопечатания. Из-за ограниченности места мы не сможем остановиться на легендарных датах [185] и сразу перейдем к вопросу о западноевропейской традиции в нашем первопечатании.

Бартоломей Готан. Н. М. Карамзин, рассказывая о начале книгопечатания на Руси, помянул мимоходом, что «великий князь Иоанн давал жалование славному любекскому типографщику Варфоломею» [186]. Здесь не сказано, печатал ли «Варфоломей» книги в самой России. Однако уже К. Я. Тромонин выражал сомнение: «Неужели Варфоломей оставил в забвении славное свое искусство, и притом в такое время, когда оно у нас могло быть чрезвычайной новостью, и у любознательных исстари наших соотечественников могло иметь большой успех, особенно при таком государе, как Иоанн III» [187]. К. Я. Тромонин при этом основывался на утверждении И. Росковшенко, что помянутый Варфоломей после 1492—1493 гг. находился на службе в Московском государстве [188].

С совершенной определенностью назвал «Варфоломея» первым русским книгопечатником С. В. Арсеньев, упомянувший и его фамилию,— Готан [189]. В основу своего категорического утверждения названный автор положил свидетельство любекской хроники Реймара Кока о том, что Готан печатал в России и был за это утоплен.

Некоторые авторы впоследствии с легким сердцем восприняли это утверждение [190]. С другой стороны, П. Н. Берков подверг его справедливой и обоснованной критике [191]. В самое последнее время немецкий историк Г. Рааб вновь почел невероятным, «чтобы книгопечатник Готан, который... энергично действовал в различных странах, не попытался организовать в России книгопечатание» [192]. По его мнению, Готан перевез

¶ Dyt Pater noster is ghetoghen vthkær gloszen
der billighen lerere. Unde in desser andacht schal
men dyt myt vlithe leszen. Unde beden tho gode
vnszeme leuen heren.)

P Ater noster/Unse vader aller bar
mehertichheyt almechtighe schepper
aller dynghe ¶ De du byst in den
hēmele/in den engelen/in den billigē
vñ in den guden ludē. ¶ Gebilliget
werde dyn name/dyn vederlyke na
me werde an vns bestediget in gna
den/dat wy dyne vtherwelden kyn
dere ewichlyken mothen hethen. vnde ock in war
heyt weszen. • ¶ Tho kome dyn ryke. Wone
in vns hÿr myt dyner ghnaden. alszo dat wy myt
dy ewichlyken in dyneme ryke mothen wonen.
¶ Dyn wille de werde in der erdē alse in dē hem
mele/gyff vns tho vorvullende dyne bode vñ dyne
rade. dat wy na dynem gotliken willen alle vnsen
willen richten hÿr in der erden. alsze de enghele.
vnde de billighen don in deme hēmele. ¶ Unse da
ghelikes brod gyff vns hude. gyf vns alle tijd al des
vns not is tho salicheit des lyues vnde der selen.
vñ ock dat hemmelsche brod. dattu suluē byst in be
gheringhe vnses herten stedichlikē to entfangēde.
¶ Et dimitte nobis debita nostra. sicut et nos. rē

«Speygel
der dogede»
Бартоломея
Готана

свою типографию в Новгород и здесь, вероятно, предпринимал какие-то опыты печатания.

Познакомимся вкратце с жизненным путем Бартоломея Готана [193]. Он происходил из Магдебурга и здесь же в начале 80-х гг. XV столетия начал свою деятельность типографа. В 1484 г. Готан перебирается в Любек — в документах сохранилось известие о доме, приобретенном им здесь в сентябре 1484 г. Два года спустя мы встречаем его в Стокгольме. Он заводит здесь типографию (вторую в Швеции — после Иоганна Шнелля), печатает «Жизнь Катерины» (26 июня 1487 г.), Служебник (1487), Псалтырь, «О восьми частях речи» Элия Доната и ряд других книг.

С лета 1488 г. Готан снова в Любеке. Издания, выпущенные им здесь, встречаются до 1492 г. В списке отпечатанных Готаном книг, составленном В. Глезером, 66 названий. Число это сильно преувеличено: Глезер приписывает нашему типографу книги, отпечатанные в Любеке без указания имени типографа и имеющие в качестве типографской марки изображение гербового щита с тремя маковыми головками [194]. Новейшие исследователи считают, что для издателя, украшавшего издания этой маркой, работали многие типографы [195].

В 1492 г. имя Готана неожиданно встречается в документах московского посольства к римскому королю Максимилиану. В инструкции великого князя Ивана III Васильевича, датированной 6 мая 1492 г., имеется следующая запись: «Ивану же Волку дати Бартоломею Любчанину, печатнику книжному, от великого князя камка, а молвити так: государь вси России тебя жалует камка. А дати ему как придет на подворье к послом, к Юрью и к Михаилу, а к нему Волку на подворье не ходити» [196]. Упоминаемый здесь Иван Волк — видный московский дипломат Иван Васильевич Курицын, впоследствии, в 1504 г., сожженный за участие в новгородско-московской ереси.

В донесении московских послов Юрия Траханиота и Михаила Яропкина от 25 июля 1492 г. сообщается, в частности, о просьбе Готана к Ивану III выдать ему «отворчатую грамоту», которая помогла бы ему реабилитировать себя в каком-то проступке, совершенном им в Швеции. Мы узнаем, что шведские власти конфисковали имущество Готана стоимостью в 550 любекских марок. Дмитрий Ралев, дипломатический агент Ивана III, обращался по делу Готана в магистрат Любека, однако не встретил здесь сочувствия [197].

Наконец, из другого донесения, написанного 25 августа 1492 г., мы узнаем, что Готан переводил для московского посольства всевозможную дипломатическую документацию. Здесь же сообщается, что печатник поклялся служить Ивану III верой и правдой, целовал крест «на том, что ему, государь, служити тебе государю верно и твоим послом... а целовал, государь, у нас крест из рук, да и право свое нам на том крепкое дал, каково дело твое государево ни придет к нему, а ему служити тебе, государю, головою своею да и твоим людем» [198].

В актовых материалах Любека имя Готана последний раз упоминается в середине января 1493 г. В июле того же года мы встречаем печатника в Швеции — ему поручено передать письмо епископа стренгнесского Конрада Рогге епископу Магнусу из Або. Как справедливо заметил новейший исследователь Г. Рааб, путь Готана совпадал с путем московского посольства, возвращавшегося в ту пору на родину.

Следующее упоминание о любекском типографе содержится в письме некого Иоганна ван Ункеля от 29 мая 1494 г., направленном из Новгорода в Ревель. Письмо было опубликовано давно, однако для нашей темы его привлек впервые в 1958 г. Г. Рааб [199]. Ункель советует Ревельскому магистрату не доверять Готану, который, не заплатив долги, скрылся из Любека, приехал в Новгород и поступил на службу к великому князю и к новгородскому епископу.

Последнее упоминание о Готане мы находим в любекской хронике Реймара Кока, написанной в середине XVI столетия. Полный текст хроники до сего дня не опубликован, однако отрывок из нее, относящийся к судьбе Готана, в средненижненемецком оригинале и переводе на современный немецкий язык приведен в работе В. Глезера. Отрывок гласит: «В 1488 году, когда русский (князь) воевал с татарами и сарацинами, обитающими на Востоке, он дал торжественный обет в случае победы над татарами признать учение римской церкви и ввести по всей своей стране обряды, принятые этой церковью. Случилось так, что ему повезло — он одержал победу, побил татар и завоевал большой город Казань. Русский князь отправил послание в Рим и выразил пожелание, чтобы папа принял его под свою руку и прислал людей, которые бы ввели римское богослужение в его стране. Однако папа выставил условия, которые русские не могли принять, а именно, чтобы все епископы получали бы конфирмацию в Риме у папы и чтобы все новые «ленники» платили папе дань; это означало, что каждый человек в России ежегодно должен был дать папе по шкурке горностая. Соглашение не состоялось.

Русский все это намеревался хорошо сделать и уже договорился с печатниками из Любека, чтобы они напечатали на латинском и русском языках книги, при помощи которого римские обряды могли быть введены

в его стране. Был в Любеке печатник по имени Бартоломей Готан, который по этой причине был щедро одарен великим князем. Однако ввиду жадности папы все это не состоялось. Когда Бартоломей снова поехал в Россию, русские у него все отобрали, бросили его в воду и утопили».

Как видим, сообщение Кока содержит откровенно фантастические сведения относительно намерений Ивана III принять католичество. Кроме того, в нем допущено хронологическое смещение событий — завоевание Казани в 1552 г. отнесено к царствованию Ивана III (не считать же завоеванием эпизодический поход 1487 г.). Сообщение о Готане может быть признано справедливым в той его части, которая свидетельствует о пребывании печатника в Московском государстве. Драматическую кончину Готана можно поставить в связь с закрытием новгородской ганзейской конторы.

У нас не вызывает никаких сомнений, что Бартоломей Готан поставлял печатные книги в Россию — его «клиентами» были новгородский архиепископ Геннадий, Иван III и, скорее всего, новгородско-московские еретические круги.

Вместе с тем следует категорически отмести предположения о типографской деятельности Готана на Руси. Внутриполитическая обстановка в Московии той поры никак не способствовала книгопечатанию, к тому же находящемуся в руках иностранца.

Веский аргумент против Готана — отсутствие каких-либо параллелей между художественным убранством его изданий и орнаментикой и миниатюрой русских рукописных книг конца XV — начала XVI в. В 1484—1492 гг. Готан выпустил в Магдебурге три и в Любеке — 15 иллюстрированных изданий. Среди последних — превосходно иллюстрированное «Speygel der dogede» с 30 гравюрами. Мотивы их чужды московской книге. Единственный общий момент, который может быть найден,— акантовый вьюнок, которым Готан обрамляет страницы и орнаментирует штамбы буквиц. Вьюнок, как мы узнаем в дальнейшем, широко применялся в русской книге. Однако мотив этот был достаточно распространен и мог попасть на Русь и без посредства любекского печатника. О том, как это случилось, читатель узнает из дальнейшего изложения.

Сегодня же мы с полным основанием можем повторить слова, написанные П. Н. Берковым 30 лет назад: «Из числа русских печатников Готана лучше вычеркнуть».

Миссия Ганса Шлитте. Имя предприимчивого немецкого авантюриста Ганса Шлитте зачастую упоминается в литературе, посвященной русскому первопечатанию. Традиция восходит к XVIII столетию. И. Бакмейстер, а вслед за ним и Н. М. Карамзин помянули, что Шлитте в 1547 г. был послан царем Иваном IV «искать в Германии художников для книжного дела» [200]. Это утверждение, которое названные авторы почерпнули у старых немецких писателей [201], впоследствии повторялось историками книгопечатания и повторяется до наших дней со всевозможными вариациями, однако без привлечения каких-либо новых материалов. Миссия Шлитте до сего времени — одна из темных страниц в историографии внешнеполитических связей Московского государства. Документация по этому вопросу обширна. Ловкий, хотя и не во всем удачливый авантюрист Ганс Шлитте сумел вызвать интерес к своему предприятию чуть ли не у большинства коронованных особ Европы. Документы, упоминающие его имя, хранятся во многих городах. Однако они не проанализированы и воедино не собраны, поэтому нам представлялось целесообразным дать здесь краткую сводку повествующих о Шлитте материалов.

В 1773 г. Антон Фридрих Бюшинг впервые опубликовал выдержки из письма Шлитте к датскому королю Кристиану III [202].

В 1810 г. Карл Фабер выступил с чрезвычайно интересной публикацией материалов о Шлитте из прусских архивов [203]. Он напечатал, в частности, немецкий вариант грамоты Ивана IV, привезенной Шлитте, а также, что особенно интересно для нас, подробное перечисление

специальностей тех 123 ремесленников, которые были завербованы предприимчивым агентом для поездки в далекую Московию.

Два новых документа о Шлитте извлек из Ватиканского архива и в 1841 г. опубликовал А. И. Тургенев[204]. Это охранная грамота, данная Шлитте папой Юлием III, и записка о предлагавшихся авантюристом переговорах о воссоединении православной и католической церквей.

В 1860 г. И. Фидлер публикует относящиеся к нашей теме материалы Венского архива — среди них грамота, данная Шлитте императором Карлом V[205].

В начале 90-х гг. прошлого столетия вопросом о Гансе Шлитте мимоходом занимался Г. В. Форстен, изучавший состояние и развитие балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. Форстен изучил материалы Любекского и Мюнхенского архивов, опубликовал послание Карла V Любекскому магистрату по делу Шлитте и достаточно подробно изложил содержание других найденных им документов[206].

В 1893 г. Ю. Н. Щербачев, подробно изучавший материалы о России в Государственном Копенгагенском архиве, напечатал письмо Шлитте к Кристиану III, известное уже в отрывках из публикации Бюшинга. Он опубликовал также письмо к Кристиану III некоего Берварда Бернера, поручителя Шлитте[207].

Наконец, в самое последнее время, в 1955 г., появилась публикация И. И. Полосина, содержащая материалы Венского домового, придворного и государственного архива — грамоты французского короля Генриха II Валуа к Ивану IV, турецкому султану Сулейману, шведскому королю Густаву I Вазе и французскому послу при турецком дворе де Мартинесу. Грамоты относятся к июлю 1555 г.— они касаются возвращения Шлитте в Москву. Из того же архива извлечено и более позднее (1582) донесение нюрнбергского купца Фейта Зенга Аугсбургскому рейхстагу, в котором также повествуется о посольстве Ганса Шлитте[208].

Кем же был Ганс Шлитте, в чем состояла его миссия и какое отношение имеет она к началу книгопечатания на Руси?

Акты показывают, что Шлитте происходил из саксонского города Гослара. Был он членом достаточно большой и богатой семьи, имел влиятельных родственников. Какими судьбами Шлитте попал в Москву, неизвестно. По словам Фабера, наш саксонец «еще в ранней юности, стремясь изучить далекие страны, отправился путешествовать»[209]. Надо думать, что руководили им мотивы, далекие от голой любознательности. Практическая жилка видна во всех дальнейших его предприятиях. Тот же Фабер, а вслед за ним и другие авторы сообщают, что Шлитте, попав в Москву, «изучил язык и обычаи страны и приобрел особую благосклонность царя». Ловкому иностранцу удалось повидать Ивана IV, а может быть, кого-нибудь из руководителей «Избранной рады». Подчеркнем (и это для нас особенно важно), что миссия Шлитте датируется 1547 г.— годом, в котором началась деятельность правительства компромисса. Предприимчивый саксонец предложил набрать в Германии различных специалистов, которые помогут Московской Руси в освоении наук и ремесел. Это отвечало устремлениям гуманистически настроенного кружка, заботившегося о просвещении страны и, конечно же, о заведении книгопечатания.

Шлитте получил на руки грамоту Ивана IV, немецкий перевод которой сохранился в прусском архиве и был опубликован Фабером. Сразу же скажем, что мы совсем не уверены в подлинности этой грамоты. Саксонский авантюрист позже будет подделывать не менее важные документы. В пользу достоверности грамоты говорит сдержанный тон ее, который в подделках Шлитте заменен безграничными посулами и обещаниями.

Царь удостоверял, что он поручил Гансу Шлитте «привезти в наше государство перечисленные ниже персоны, а именно: мастеров и докторов, которые умеют ходить за больными и лечить их, книжных людей, понимающих латинскую и немецкую грамоту, мастеров, умеющих изготовлять броню и панцири, горных мастеров, знающих методы обработки

золотой, серебряной, оловянной и свинцовой руды, людей, которые умеют находить в воде жемчуг и драгоценные камни, золотых дел мастеров, ружейного мастера, мастера по отливке колоколов, строительных мастеров, умеющих возводить каменные и деревянные города, замки и церкви, полевых врачей, умеющих лечить свежие раны и сведущих в лекарствах, людей, умеющих привести воду в замок, и бумажных мастеров»[210]. Для нас важно упоминание о бумажных мастерах, в какой-то мере о мастерах, знающих методы обработки свинцовой и оловянной руды. Печатники в грамоте не упоминаются.

Однако последуем за Шлитте. Оборотистый иностранец добрался до Аугсбурга и явился в заседание рейхстага, когда там присутствовал император Карл V. Шлитте вручил императору грамоту и, кроме того, на словах рассказал об обещанных щедротах царя в случае успеха миссии. Посулы саксонца дошли до нас в изложении Фейта Зенга. Именем Ивана IV Шлитте обещал Карлу ссудить Римской империи на десять лет не больше не меньше, как 74 бочки золота. Предлагался также союз против турок, который Московское государство подкрепляло 30 тысячами всадников, выставляемых «на благо империи»[211]. Особенно подчеркивалось желание царя воссоединить русскую церковь с католической.

И впоследствии Шлитте не скупился на обещания. Римской империи он сулил союз против турок, французам и туркам — против Римской империи и короля испанского... Папе обещал воссоединение церквей под эгидой Ватикана, Кристиана III уверял в симпатиях московитов к протестантству... Безответственность Шлитте побудила некоторых историков считать посольство бессовестной авантюрой, предпринятой саксонцем на свой страх и риск.

Карл V склонился на доводы Шлитте и 30—31 января 1548 г. передал ему послание к царю и охранную грамоту, предписывающую всем властям Римской империи оказывать содействие агенту Москвы в исполнении его миссии[212]. Вскоре Шлитте навербовал нужных специалистов. Старые немецкие авторы называют цифру в 300 человек. Однако из подробного перечня, извлеченного Фабером из прусских архивов, явствует, что Шлитте навербовал 123 человека.

Среди них упоминаются бумажный мастер, переводчики, печатник, переплетчик и мастер по изготовлению карт, или, попросту говоря, гравер. Речь, таким образом, шла о полном штате издательско-полиграфического предприятия.

С набранными людьми Шлитте направился к границам Московского государства. Экспедиция разделилась на две группы. По свидетельству Зенга, одна часть отправилась сушей через Пруссию на Лифляндию, другую же часть Шлитте взял с собой в Любек, чтобы оттуда ехать с людьми на Ревель.

Но в Любеке саксонца задержали и посадили в тюрьму. Причина этого нам ясна. Ливонский орден и балтийские города, связанные с Любеком ганзейскими соглашениями, забили тревогу, боясь, что приведенные Шлитте мастера усилят военный потенциал Русского государства. Г. Форстен обнаружил в Любекском архиве письмо Ревельского магистрата от 19 июля 1548 г.[213] Ревель просил Любекский магистрат сделать все возможное, чтобы не пропустить Шлитте и его спутников в Москву. Ревель отвергал домыслы Шлитте о желании Москвы принять католичество. В письме рисовалась страшная картина бедствий, которые постигнут «Ливонию и всю немецкую нацию, если московиты ознакомятся с военным искусством Запада».

Поддерживая партнеров по Ганзе, Любек предъявил саксонцу иск на крупную сумму денег. Шлитте отказался платить и был посажен за решетку. Началась долгая и изнурительная тяжба.

Тем временем и вторую группу ремесленников, которую возглавляли доктор прав Иоганн Цегендер фон Россенек и некий Вольф из Страсбурга, постигла неудача. Их захватили в Вендене, продержав в заключении

пять лет. Цегендера отпустили лишь в июне 1553 г., взяв с него клятву не пытаться пробраться в Московию. Ремесленники же остались на службе в Лифляндии.

Так печально окончилась попытка пересадить книгопечатание из Германии в Россию.

Н. М. Карамзин, а за ним и Ф. Аделунг высказывали мнение, что «многие из немецких художников, оставленных в Любеке... умели тайно проехать в Россию и были ей полезны в важном деле гражданского образования» [214]. Более того, Н. М. Карамзин утверждал, что «царь Иоанн в 1547 г. искал в Германии художников для книжного дела и, как вероятно, нашел их для образования наших собственных, ибо в 1553 г. он приказал устроить особенный дом книгопечатания» [215]. Начало книгопечатания в России, таким образом, непосредственно связывается с миссией Шлитте. Для всех этих утверждений нет решительно никаких оснований. Не подлежит никакому сомнению, что ни один из ремесленников, набранных Шлитте, в Москву не попал.

Франциск Скорина в Москве? История Ганса Шлитте имела любопытное продолжение. Находясь в любекской тюрьме, ловкий саксонец делает все возможное, чтобы известить московское правительство о своей судьбе. 17 января 1549 г. он просит у Любекского магистрата разрешения написать о случившемся Ивану IV [216]. Получив отказ, Шлитте решается на рискованный шаг. Действуя подкупом и посулами, он добивается расположения тюремной охраны и бежит из Любека в городок Рассеберг. Любек требует его выдачи, угрожает саксонцу смертной казнью. Шлитте бежит и из Рассеберга.

Император Карл V разгневан — он мечет громы и молнии по адресу любекцев — как смели они игнорировать его волю! Однако блестящие годы Карла уже позади. Император стар и тяжело болен. Священную Римскую империю раздирают междоусобицы. Оценив политическую обстановку, подсчитав и взвесив все за и против, Шлитте мгновенно меняет ориентацию. В 1555 г. он оказывается в Париже и вскоре проникает к королю Генриху II Валуа. Королю он обещает поддержку Москвы в неоформленной еще коалиции Франции, Швеции и Турции против империи Карла V [217].

Несколько ранее Шлитте делает и другой ловкий ход. Познакомившись с таким же авантюристом — австрийским дворянином Иоганном Штейнбергом,— он объявляет его «московским канцлером» и отправляет в Рим к папе Юлию III, предварительно снабдив рекомендательным письмом Карла V. Штейнберг везет сенсационное предложение о воссоединении католической и православной церквей под эгидой римского папы.

В Риме новоявленного канцлера встречают с великим почетом. Польский посол в Ватикане сообщает об этом своему правительству. Король Сигизмунд Август бьет тревогу — сближение Москвы с Римом не обещает ничего хорошего. В начале 1553 г. срочно снаряжаются два польских посольства — одно из них следует в Рим, другое в Вену. В грамотах, данных этим посольствам, Сигизмунд Август предупреждает папу и императора о неизменной враждебности Москвы к римской курии. Среди многочисленных примеров, приводимых в грамоте, наше внимание привлечет один, важность которого для нашей темы переоценить трудно.

Рассказывается, что в годы правления короля Сигизмунда I один из подданных его, издатель «Священного писания, напечатанного на русском языке», ездил в Москву, но потерпел здесь неудачу — книги были публично сожжены [218].

Грамота Сигизмунда Августа была опубликована И. Фидлером еще в 1860 г. Однако важное сообщение, которое мы только что привели, странным образом не привлекло к себе внимания историков русского первопечатания. Между тем слависты знали о нем. Так, например, профессор Варшавского университета И. И. Первольф, цитируя Фидлера, заметил: «Здесь говорится, вероятно, о книгах Скорины» [219].

Так родилась версия о поездке белорусского первопечатника Франциска Скорины в Москву. Версию эту подробно обосновал А. В. Флоровский[220]. Между тем, как явствует из документации, приведенной тем же автором, речь идет, по всей вероятности, о поездке не самого Скорины, а его финансиста и покровителя, виленского купца Богдана Онкова (или Онкевича). Рукописные надписи: «А то ся стало накладом Богдана Онкова сына радцы места Виленского» — имеются на некоторых экземплярах пражских изданий Скорины. Так как надписи эти не отпечатаны, а сделаны от руки, А. В. Флоровский делает предположение, что Онков «вступил в дело» уже тогда, когда тираж был отпечатан. Возможно, что он приобрел большую часть тиража.

В делах московского посольства к королю «Сигизмунду Казимировичу» (декабрь 1526 — апрель 1527 гг.) имеются любопытные упоминания об Онкове[221]. 30 марта 1527 г. в Москву прибыл гонец Васька Безобразов и привез грамоту от посла Ивана Васильевича Лятцкого с подробным донесением, «что ему от короля говорили». В грамоте этой среди всевозможных претензий содержится и жалоба на ограбление Богдана Онкова, поехавшего в Москву, чтобы получить деньги со своих должников. Среди вещей, отнятых у Онкова «на лутцкой дорозе», книги не упоминаются. Однако не исключено, что виленский купец, который вел широкие торговые операции в различных странах, собирался распродать в Москве часть тиража изданий Франциска Скорины.

Заслуживает доверия также и версия о сожжении книг. Вспомним, что на 20-е гг. падает жесточайшая осифлянская реакция, связанная с приходом на митрополию Даниила. В 1525 г., незадолго до приезда Богдана Онкова, был осужден Максим Грек. Легко понять, какой прием могли встретить в Москве привезенные из Литвы «еретические» книги.

Справедливой нам представляется догадка А. В. Флоровского, что известное сообщение Андре Теве о сожжении в Москве шрифтов, привезенных из Польши, следует относить к эпизоду с Богданом Онковым, а не к разгрому типографии Ивана Федорова, как это делалось до последнего времени.

Не исключено, что это же событие послужило первоосновой для аналогичного сообщения Флетчера о типографском станке, привезенном из Польши и сожженном московитами.

Так или иначе, но поездка Онкова не может быть поставлена в какую-либо связь с началом московского книгопечатания. Делать Скорину или Онкова учителями наших первопечатников нет никаких оснований.

Вопрос о Гансе Богбиндере[222]. Датский историк Нильс Краг, составивший в 90-х гг. XVI столетия историю короля Кристиана III, сообщает, что царь Иван Васильевич в 1550 г. обратился с письмом к Кристиану, в котором просил его прислать в Москву различных ремесленников. По словам Крага, царь подчеркивал, что он слышал о больших успехах Дании в науках и ремеслах. Наряду с прочими ремеслами в письме упоминалось и книгопечатание, причем Иван Васильевич сообщал, что он очень заинтересован в распространении этого искусства. Царь просил короля прислать к нему мастера, который «знал бы это дело и смог организовать типографию».

Если верить Крагу, король осторожно ответил Ивану Васильевичу, что он должен узнать у своих подданных, есть ли среди них желающие отправиться столь далеко... и что лучше уговорить необходимых для дела людей с помощью посулов, чем заставлять их насильно ехать в далекую и незнакомую страну[223].

Другой датский историк, Арильд Витфельд, писал в 1595 г. в своей «Истории Дании», что приглашение Ивана Васильевича принял «один человек из Копенгагена по имени Ганс Богбиндер (Hans Bogebinder)». Однако, замечает Витфельд, «в то время было очень мало людей, которые

захотели бы поехать в варварскую страну. Ганс Богбиндер также отказался от своих намерений относительно подобной типографии» [224].

Переписка Ивана Васильевича и Кристиана III, которую они вели в 1550 г., к сожалению, ни в русских, ни в датских архивах не сохранилась. Однако еще в начале прошлого столетия в Копенгагене находилось послание Кристиана к царю, написанное в мае 1552 г. Послание было в 1816 г. опубликовано в десятом томе «Теологической библиотеки» [225]. Перевод его с латыни на русский язык был сделан И. Снегиревым и напечатан в 1840 г. на страницах издаваемого Обществом истории и древностей российских «Русского исторического сборника» [226].

Воздав должное «могущественнейшему, победоноснейшему и славнейшему государю Иоанну, императору всей Руси, великому князю Владимирскому, Московскому и пр.» и пожелав ему процветания и успехов в делах, Кристиан III переходит к сути вопроса, заставившего его взяться за перо. Кристиан говорит, что он посвятил свою жизнь заботам «о всемерном распространении славы и слова Иисуса Христа». Ему удалось развеять «тьму папистскую, долгое время омрачавшую страны наши».

Речь, таким образом, идет о лютеранской реформации, проведенной Кристианом III в 1536 г. Легко понять, что Кристиан задумал склонить к переходу в лютеранство и московского государя.

Король сообщает, что посылает в Москву «искренно нами любимого слугу и подданного нашего Иоанна Миссенгейма (Joann Missenheim) с Библиею и двумя другими книгами, в коих изложена сущность нашей христианской веры». Если предложение короля будет принято царем и одобрено его «митрополитом, патриархами и епископами», то Миссенгейм «позаботится о переводе упомянутых книг и изготовлении их в многих тысячах экземпляров» (vestrate lingua versos ad multa exemplarium millia excudi curet).

Публикатор, напечатавший послание Кристиана в «Теологической библиотеке», основываясь, по-видимому, на трудах старых датских историков, заметил в своих комментариях, что упоминаемые в послании Иоанн Миссингейм и Ганс Богбиндер Арильда Витфельда — одно и то же лицо.

Отталкиваясь от сообщений старых датских историков и публикации в «Теологической библиотеке», зачинатели нашего книговедения сделали Ганса Богбиндера учителем московских первопечатников. Указания их в этом отношении недвусмысленны и достаточно определенны. По мнению В. С. Сопикова, Апостол 1564 г. был «напечатан... под смотрением книгопечатного дела мастера датчанина Ганса» [227]. Аналогичное мнение высказывает Евгений Болховитинов [228]. К. Калайдович говорит о том, что Кристиан III послал в 1552 г. в Москву «типографщика Ивана Богбиндера». «Вероятно,— добавляет он далее,— сей художник, известный у нас под именем датчанина Ганса, был образователем наших собственных — Иоанна Федорова Москвитина и Петра Тимофеева Мстиславца» [229].

Еще более категоричен в своих высказываниях П. Строев. «Честь Российского Гутенберга,— заявляет он,— принадлежит датчанину Иоганну Богбиндеру. Под его надзором (в 1564 г.) вышла из Московской книгопечатни первая книга, Апостол» [230].

П. Кеппен, впервые у нас упомянувший (в 1822 г.) о публикации «Теологической библиотеки», отождествил «датчанина Ганса» Сопикова и Евгения Болховитинова с «Гансом Богбиндером» этой публикации: «...слывущий у нас под именем Ганса датчанин, под надзором коего Гостунский диакон Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец напечатали первую в России книгу, был типографщик Иван Богбиндер, отправленный к Иоанну Васильевичу Грозному датским королем Христианом III» [231].

Нас не удивляет, что первые наши книговеды единодушно присвоили Гансу Богбиндеру почетное звание «российского Гутенберга». В те годы, годы неверия в отечественные силы и разум, было обыденным выводить

все прогрессивное и лучшее из-за рубежа. «Имеем ли мы о сю пору свою классическую словесность? — риторически спрашивал Евгений Болховитинов.— Есть ли хотя двести книг оригинальных русских?» И это писал автор известных библиографических словарей, собравший в общей сложности свыше 700 биографий русских писателей!

Удивительно другое. Мнение, высказанное в первой четверти XIX столетия, оказалось на редкость живучим и дожило до наших дней.

Со времен К. Калайдовича и П. Строева за Гансом Мейссенгеймом прочно закрепилось звание «типографа». Это звание не отбирают у датчанина и новейшие авторы.

Но был ли Ганс Мейссенгейм Богбиндер типографом? Ведь ни старые датские историки, ни Кристиан III в своем письме к Ивану Васильевичу не называют его так. Каким же образом возникла легенда о датчанине Гансе-книгопечатнике?

Изучение первоисточников показывает, что в этом случае недобрую службу Гансу Мейссенгейму сослужила... его собственная фамилия. Уже И. Снегирев отмечал, что «слово Бокбиндер должно быть не родовое имя, но название его (т. е. Мейссенгейма.— *Е. Н.*) ремесла, тогда значительного в Европе; ибо Bockbinder то же, что Buchbinder, т. е. переплетчик» [232].

Впоследствии имя нашего датчанина толковали (да и писали) поразному. Однако из всех этих толкований следовало, что Ганс Мейссенгейм имел отношение к книжному делу.

Между тем, если обратиться к датским источникам, легко доказать, что наш датчанин не был осведомлен в практических вопросах типографского дела. Его фамилия говорит лишь о том, что к книгопечатанию могли иметь отношение его предки в третьем или четвертом колене.

Первый из Богбиндеров, о котором мы можем привести вполне определенные сведения,— Ганс Мейссенгейм Богбиндер-старший — был бургомистром Копенгагена и умер в 1515 г. [233] У него было двое сыновей — Амброзиус и Ганс. Старший сын — Амброзиус Богбиндер — пошел по стопам отца: он стал бургомистром нынешней датской столицы. Амброзиус активно поддерживал короля Кристиана II в его борьбе за абсолютизм против своеволия феодалов-аристократов. Король отстранил от власти феодальный ригсрод, фактически правивший страной, запретил продажу крепостных крестьян, предоставил городам монополию внешней торговли.

В 1523 г. Кристиан II был свергнут с престола заговорщиками-аристократами и изгнан за пределы страны — в Нидерланды.

Младший брат — Ганс Мейссенгейм Богбиндер (Hans Meissenheim Bogbinder),— так же как и Амброзиус, был преданным сторонником Кристиана II. Он последовал за королем в изгнание и в 1532 г. стал его личным секретарем. Ганс пользовался большим доверием короля и неоднократно выполнял ответственные дипломатические поручения. Был он высокообразованным человеком, имел степень магистра, состоял в переписке с крупнейшими умами Европы и среди них с Эразмом Роттердамским [234].

В 1550 г. Кристиан III разрешил Гансу Богбиндеру вернуться на родину и предоставил ему значительную по тем временам правительственную ренту. В том же году, как свидетельствует Нильс Краг, Иван Васильевич обратился к датскому королю с просьбой о присылке ремесленников. А два года спустя, как мы уже знаем, было написано послание Кристиана III с упоминанием о миссии Ганса Мейссенгейма.

Сопоставляя все эти факты, нетрудно прийти к выводу, что Кристиан III задумал посольство Богбиндера в далекую Московию как своеобразную почетную ссылку. Желание короля отправить куда подальше убежденного оппозиционера можно легко понять.

Такой человек, как Ганс Мейссенгейм Богбиндер, мог только возглавлять посольство. Если бы ему удалось убедить Ивана IV принять

доктрину Мартина Лютера (что с самого начала было маловероятно), то в Москве могла быть основана типография для печатания богослужебных книг. Печатником в этом случае выступал бы, конечно, не сам Богбиндер, а ремесленник из обоза посольства.

Нам кажется, мы достаточно убедительно показали, что датчанин не мог выступать в роли «российского Гутенберга», даже если он был в Москве. Между тем и сам этот факт вызывает серьезные сомнения.

Датчанин мог побывать у нас только в 1552—1553 гг., ибо уже в 1554 г. документы показывают, что он находился в Копенгагене. Десять лет спустя, в год издания Апостола, Ганса Мейссенгейма Богбиндера уже не было в живых.

Русские летописцы не знают датского посольства, побывавшего в Москве в этот период. Между тем наши летописцы тщательно регистрировали все факты «присылок» из-за рубежа. Так, в 1553 г. упоминается о прибытии гонца от крымского хана, о грамоте виленского епископа, о послах польского короля Сигизмунда Августа, о ногайских послах... Молчат о посольстве Богбиндера и материалы датских архивов, опубликованные Ю. Н. Щербачевым.

Тем не менее в нашей литературе с легкой руки И. Снегирева утвердилось мнение, что датское посольство побывало в Москве в 1554 г. (по утверждению А. И. Некрасова, в 1552 г.[235]). Датские послы будто бы вели переговоры о Ливонии с А. Ф. Адашевым, И. М. Висковатым и мифическим Костюриным-Добровским. В этой загадочной личности, которая впоследствии — у А. И. Некрасова — раздвоилась и превратилась в Кастюрина и Добровского, легко угадать Казарина Дубровского, участвовавшего в переговорах с датским посольством в 1559 г.[236] По летописным источникам легко установить, что посольство, о котором говорят И. Снегирев, А. Некрасов, да и многие другие, в действительности было прислано не Кристианом III из Дании, а «из немец от маистра Ливонского». В посольство это, прибывшее в Москву в мае 1554 г., входили «Иван Бокостр, да Артем, да писарь Венедикт, да от бискупа Юрьевского Гармана послы Володимер с товарыщи»[237]. Русская транскрипция имен не отличается точностью, но тем не менее позволяет установить, что в составе посольства, во всяком случае, не было Ганса Богбиндера. Послы действительно вели переговоры с Алексеем Федоровичем Адашевым и Иваном Михайловичем Висковатым. Это подтверждают и материалы датских архивов, позволяющие к тому же уточнить дату переговоров: 28 апреля — 1 июня 1554 г.[238]

И. Снегирев и А. Некрасов связывают с упомянутым посольством обвинение Висковатого (Некрасов добавляет Башкина и игумена Артемия) в ереси, датируя собор на еретиков 1554 г., а посольство, как уже отмечалось выше, 1552 г. Здесь все перепутано. Собор на Башкина состоялся примерно за год до прибытия посольства — летом 1553 г. Иван Михайлович Висковатый к ереси Башкина и Артемия, а значит, и к реформационным движениям на Руси действительно имел отношение, однако прямо противоположное. Он в конце октября 1553 г. сочинил на Башкина донос, по которому того заточили в Волоколамский монастырь[239]. Надо отметить, что имя Висковатого упоминалось на соборе 1554 г.— за его критические высказывания о новых росписях Благовещенского собора. Но критика эта не имела ничего общего с лютеранством — это была критика справа, а не слева.

В свете изложенного мы не видим сколько-нибудь веских оснований для того, чтобы связывать собор на Башкина с миссией Ганса Мейссенгейма Богбиндера, как это делают и новейшие историки, например М. Н. Тихомиров[240].

Если посольство 1554 г. не имело никакого отношения к нашему датчанину, то, может быть, Богбиндер входил в состав более ранних или более поздних датских посольств? Обратимся к летописным источникам и к материалам датских архивов. В 1523—1528 гг.[241] состоялось посоль-

ство Серена Норби от короля Кристиана II к великому князю Василию Ивановичу. Далее — перерыв до января 1559 г., когда, как сообщает летопись, «прислал ко царю и великому князю король Христиан Датской гонца Власа: бьют челом о опасной грамоте на послов» [242]. Аналогичные сведения извлечены Ю. Щербачевым из датских архивов.

Никаких датских посольств в Московское государство в промежутке между 1528 и 1559 гг. ни датские архивы, ни летописи не регистрируют.

Это заставляет нас предположить, что миссия Ганса Мейссенгейма Богбиндера так и не состоялась. Нашу версию подкрепляет сообщение датского историка XVI столетия Арильда Витфельда о том, что Богбиндер «отказался от своих намерений» посетить Москву и основать там типографию. Ивану IV, по-видимому, не пришлось прочитать послание Кристиана III и познакомиться с его планами приобщения Московского государства к лютеранству.

Из всего вышеизложенного следуют два основных вывода.

Ганс Мейссенгейм Богбиндер не был ни печатником, ни переплетчиком и, в силу одного этого, не мог принять практического участия в основании первой русской типографии.

Миссия Ганса Мейссенгейма Богбиндера, по-видимому, не состоялась, и ему не привелось побывать в Москве.

Отсюда явствует, что навязанная датчанину роль «российского Гутенберга» лишена сколько-нибудь серьезных оснований.

Западная печатная книга на Руси. Переводы Дмитрия Герасимова. Рассказывая о начале московского книгопечатания, послесловие Апостола 1564 г. ссылается на конкретные зарубежные примеры. Задумав реформировать книжное дело, Иван IV «начат помышляти, како бы изложити печатныя книги, якоже в грекех, и в Венецыи, и во Фригии, и в прочих языцех». Второе из сказаний о начале московского книгопечатания — «Сказание известно и написание вкратце» — еще более расширяет круг западных предтеч: «яко же в Греках, и в Немецъких землях, в Винициеи, и во Фригии, и в Белои Руси, в Литовъстеи земли, и в прочих тамошних странах».

Таким образом, недвусмысленно подчеркивается, что первотипографы наши знали о книгопечатании в странах Западной и Восточной Европы и, более того, видели напечатанные там книги. Вопрос о западноевропейской традиции в московском книжном деле наименее разработан. Причин тому немало. Еще 60 лет назад А. И. Соболевский писал: «У нас господствует убеждение, что Московское государство XV—XVII вв. боялось иноземцев и было как бы отгорожено от Западной Европы стеною, до тех пор пока Петр Великий не прорубил в Европу окно. Трудно сказать, откуда взялось у нас это убеждение; можно отметить лишь то, что оно держится еще крепко. А между тем фактов, говорящих против него, множество, и факты эти достаточно известны» [243]. В нашей области, да и не только в ней, помянутое Соболевским мнение до сего дня дает себя знать.

Факты же, если подходить к ним беспристрастно, говорят, что наши предки и в те далекие времена были достаточно умны, чтобы прислушиваться к новому и прогрессивному, откуда бы оно ни исходило.

Факты говорят, что произведения печатного станка стали известны на Руси чуть ли не в первые же десятилетия после начала книгопечатания в Европе. Есть два пути, по которым может пойти исследователь, изучая проникновение печатных книг в Московское государство. Первый — выяснить, какие печатные книги послужили оригиналом достаточно многочисленных переводных произведений древнерусской литературы. Второй путь — проследить мотивы художественного убранства западной книги в богатой рукописной орнаментике Москвы. Оба пути в нашей историографии пока еще только намечены. Предстоит сделать немало усилий, чтобы превратить их в широкие дороги, ведущие к истине.

Познакомимся с переводной литературой Московской Руси.

В конце XV столетия в Новгороде вокруг умного и образованного архиепископа Геннадия сложился литературный кружок, вскоре ставший своеобразным издательским центром. Отсюда вышло большинство переводных произведений того времени. Делом жизни Геннадия была ожесточенная борьба против антифеодального еретического движения, которое в ту пору, да и позднее, называли «ересью жидовствующих». Современные авторы в этом случае говорят о «новгородско-московской ереси». Еретики были великими эрудитами и книгочиями, и в борьбе с ними, которая вначале велась на идеологической основе, Геннадий чувствовал себя неуверенно. Главным оружием еретиков был Ветхий завет — отсюда они черпали цитаты, аргументацию, основные посылки. На Руси же не было свода библейских книг. Первое, с чего решил начать Геннадий,— создание полной славянской Библии.

Новый завет с его четырьмя евангельскими книгами, деяниями и посланиями апостолов и Апокалипсисом издавна был известен на Руси. Переведены были также отдельные книги Ветхого завета — Пятикнижие, Книги Царств и Пророков... Нужно было критически пересмотреть славянские тексты, отредактировать их, перевести недостающие разделы и собрать всю Библию в единой книге.

Во главе переводческо-издательской группы, созданной для работы над Библией, Геннадий поставил архидиакона Герасима Поповку[244]. Переводили Дмитрий Герасимов, Влас и доминиканец Вениамин. Подготовленные и отредактированные тексты переписывали дьяки[245]. В 1499 г. работа была окончена. Старейший список Геннадиевской Библии в настоящее время хранится в Отделе рукописей и старопечатных книг Государственного Исторического музея[246].

Тщательный текстологический анализ Геннадиевской Библии был в свое время предпринят А. Горским и К. Невоструевым. Выводы их сохраняют значение до сего дня[247]. Названные авторы выделили в тексте библейского свода разделы, источником для которых служили древнееврейские, греческие, латинские, немецкие оригиналы. Относительно всевозможных начальных статей и предисловий они высказали твердое убеждение, что оригиналом для них являлось «какое-нибудь издание Библии на немецком языке»[248]. В оглавлении, составляющем одно целое с предисловием, о книге «Песнь песней» замечено: «...несть преведена на германский язык». Имеется также ряд других ссылок, свидетельствующих, что переводчик имел перед собой немецкую Библию.

Что это было за издание, сказать не так легко. В XV столетии вышло в свет 16 полных немецких Библий[249]. В свете дальнейшего изложения станет ясным, что наше внимание должны привлечь тексты на нижненемецком наречии. Таких Библий в XV столетии было всего лишь три: два издания, выпущенных в 1478 г. кельнским печатником Генрихом Квентелем[250], а также издание, выпущенное в 1494 г. в Любеке Стефеном Арндесом[251]. Особенно роскошно любекское издание — в нем 152 ксилографии. Одна из этих Библий, по-видимому, и послужила источником для переводчиков архиепископа Геннадия.

Ряд разделов и в том числе все ветхозаветные книги от первой книги Паралипоменон и до Юдифи, по мнению А. Горского и К. Невоструева, переведены с латинской Библии — так называемой Вульгаты[252]. Мнение это доказывается достаточно наглядными текстологическими сопоставлениями. Кроме того, в Геннадиевской Библии многие латинские слова не переведены, а написаны в самом тексте в кирилловской транскрипции. При этом на полях рукописи иногда даются толкования. Так, например, латинское слово «exedra» толкуется следующим образом: «екседрас — есть жилище окрест церкви, где живут служебницы церковные».

В одном из списков библейских книг имеется непосредственное указание на перевод их с латинского. Здесь же названо имя переводчика:

«Сии книги Макавеискыа преведоша с латинска языка на русκы лета 1-го по седми тысящах (т. е. 1493 г.) повелением господина преосвященнаго Генадия от некоего мужа честнаго презвитера паче ж мниха обители святаго Домника именем Вениамина родом словенина ведуща латиньски язык и граматику ведуща ж отчасти и греческаго языка и фряжска. Месяца августа день 1»[253].

Найти латинский оригинал, бывший в руках новгородских переводчиков, значительно труднее, чем отыскать немецкий оригинал — в XV в. вышло в свет 94 издания Вульгаты, начиная с всемирно известных гутенберговских 42-строчной и 36-строчной Библий.

Подробное оглавление Книги псалмов в Геннадиевской Библии опущено. Впоследствии оно было заменено списком заглавий псалмов, переведенных из немецкой Псалтыри.

Источник в этом случае устанавливается достаточно точно по записи переводчика после 150-го псалма. Русская транскрипция первой фразы убедительно доказывает нижненемецкое происхождение оригинала. Запись с некоторыми разночтениями сохранилась в двух списках[254]. Мы приводим ее полностью, указывая разночтения в скобках:

«Зде имаеть (имать) конец псалътыри, гиръ гевенъ їень. (еен) енде де саатиръ (саалтирь) хвала (хвала Богу) лаус део (деи). Се (сде) надписания псалмом приведены (преведены) на руський язык из немецьския псалтыри в лето 7000 осмаго. А в латыньской псалтыри надписания однаки с нашими руськими слово в слово. А велел переводить архиепископ Генадей Новгородцкий. А переводил Митица Малой. А преже того года за два переводил (их) архиепископ (архиепископу) первыя Власти (пръвое Влас) и потом Митя, а ту же (то уже) у третьия (в третье) опять Митя переводил».

Упоминаемый здесь Митица Малой — все тот же знакомый нам Дмитрий Герасимов. Знаем мы и толмача Власа.

Чрезвычайно интересные выводы проистекают из поиска оригинала, использованного переводчиком. Нам нужно искать нижненемецкое издание Псалтыри. Была в руках переводчиков и латинская Псалтырь, в которой, как они установили, «надписания однаки с нашими руськими». Среди инкунабул мы можем назвать лишь две нижненемецкие Псалтыри. Первая из них была выпущена в свет в Любеке Лукашем Брандисом около 1473 г.[255] Вторая издана в том же Любеке в 1493 г.[256]

Неподалеку от Любека — в Магдебурге — в 1481 г. была издана латинская Псалтырь, которая легко могла попасть в Новгород[257]. Дело в том, что она вышла в типографии Бартоломея Готана.

Таким образом, подбирается группа нижненемецких изданий, происходящих преимущественно из Любека. Естественно предположить, что эти издания переслал на Русь Бартоломей Готан, поставлявший книги московскому правительству. Не исключено также, что их привез сам Готан, приехавший в конце 1493 г. в Новгород.

В борьбе против еретиков архиепископ Геннадий охотно прибегал к накопленной веками схоластической мудрости католической церкви. Связующим звеном между новгородским архиепископом и «латынами» могли служить доминиканец Вениамин, медик и астролог Николай Булев, да и сам Бартоломей Готан. Среди переводных полемических сочинений, появившихся на Руси в те годы, назовем «Магистра Николая Делира, чина меньших, феологии проследователя, прекраснейшия стязания, иудейское безверие в православней вере похуляюще»[258]. Как явствует из выходной записи, переводчиком был все тот же Дмитрий Герасимов: «Повелением архиепископа Генадия преложил сие на русский язык Митя толмач лета 7009 (т. е. в 1501 г.)». Оригиналом для перевода послужило сочинение Николауса де Лира «Quaestiones disputatae contra Hebraeos», изданное анонимно, без указания места и времени печатания[259].

Вторым полемическим сочинением того же плана было «Учителя Самоила обличение на иудейская блужения, Мессиина пришествия еще чающих»[260]. В одном из списков указано, что перевод этого сочинения сделан с латинского в Новгороде повелением архиепископа Геннадия. В некоторых списках имеются и весьма интересные для нас указания об оригинале: «Напечатано в Колонии Индриком Квентель лета воплощения Господня 1493, а на русский язык переведено лета 7012-го (т. е. 1504 г.)». Справившись с каталогами инкунабул, мы легко можем установить оригинал — «Rationes breues magni rabi Samuelis iudei nati...», — изданный в Кельне уже знакомым нам Генрихом Квентелем[261]. И опять-таки перед нами издание, вышедшее из круга нижненемецких типографов. Переводчик этого издания в списках не назван. А. И. Соболевский считает им Дмитрия Герасимова.

Тот же Герасимов, по-видимому еще в ранние свои годы, перевел популярную на Западе грамматику Доната. Считается, что латинский оригинал этой грамматики был привезен Герасимовым около 1481 г. из Рима: в его известном послании «о белом клобуке» упоминается «Осмочастная книга». Донат издавался в XV столетии неоднократно. Для нашей темы представляет интерес стокгольмское издание 1487 г., вышедшее из типографии Бартоломея Готана[262].

Назовем еще одну переводческую работу Дмитрия Герасимова — Псалтырь с толкованиями вюрцбургского епископа Брунона (ум. 1045). Перевод этот был сделан Герасимовым уже на закате его деятельности, в 1535 г. Он сохранился в достаточно большом количестве списков и впоследствии был включен в макарьевские Четьи минеи (под 20 августа)[263]. Оригиналом Герасимову могло служить одно из трех известных в настоящее время изданий Брунона, предпринятых в XV в. Первое из них, анонимное, по-видимому, было напечатано в конце 80-х — начале 90-х гг. типографом из Ойштадта Михаэлем Рейсером[264]. Второе и третье вышли из типографии знаменитого Антона Кобергера в 1494 и 1497 гг.[265] Если связывать с именем Готана проникновение на Русь и Толковой Псалтыри Брунона, следует признать, что Дмитрий Герасимов пользовался изданием Рейсера. Именно с этим изданием и следовало бы сравнить русские списки.

Переводные повести. Изучать пути проникновения западной печатной книги на Русь удобно на материале древнерусской переводной повести. Здесь нам неоднократно придется назвать имя Бартоломея Готана. Начнем с широко распространенного в книжности XVI—XVII столетий сюжета, известного под наименованием «Прение живота и смерти».

Как показал в свое время И. Н. Жданов, «Прение» в древнейшей своей редакции представляет дословный перевод одного нижненемецкого стихотворения[266]. Пробный оттиск стихотворения был в 1875 г. найден немецким филологом В. Мантелем в рукописи XV столетия[267]. Оттиск был сделан на чистом обороте бракованного листа из какого-то медицинского издания. Последующие исследования установили, что лист взят из книги О. фон Байернланда «Книга лекарств», отпечатанной в 1484 г. в Любеке Бартоломеем Готаном[268]. Сохранился лишь фрагмент оттиска без указания печатника и времени издания, так что немецкий оригинал «Прения живота и смерти» приписывать Готану можно было только предположительно. Но вот впоследствии в Вольфенбюттельской библиотеке была найдена рукописная копия стихотворения с выходными сведениями, гласящими «Bartholomeus Gothan impressit in Lübeck» (т. е.: «Бартоломей Готан напечатал в Любеке»). Немецкий славист Г. Рааб недавно довершил работу И. Н. Жданова, сравнив недостающие в оттиске и имеющиеся в вольфенбюттельской копии строфы с соответствующими строфами русских списков[269]. В результате он пришел к выводам о том, что повесть «Прение живота и смерти» в древнейшем своем списке является дословным переводом нижненемецкого стихотворения, напечатанного около 1484 г. в Любеке Бартоломеем Готаном. Доказательством этого

служит и тот факт, что древнейший список имеет новгородское происхождение [270].

К Готану восходит и оригинал другой древнерусской повести — «Сказания о Дракуле воеводе». Прототипом деспотического тирана Дракулы послужил молдавский воевода Влад Цепеш. Один из первых исследователей повести А. Х. Востоков считал, что ее автором был дьяк Федор Курицын, возглавлявший московское посольство 1482 г. к венгерскому королю Матвею Корвину. По мнению Востокова, Курицын мог познакомиться с устными рассказами о Цепеше в Венгрии [271]. Курицын вернулся в Москву лишь в марте 1486 г.; между тем древнейший известный нам список «Сказания о Дракуле» (1490) восходит к списку, датированному 13 февраля 1486 г. Поэтому новый исследователь А. Д. Седельников отрицал авторство дьяка Федора [272].

Издавна велись поиски оригиналов «Сказания о Дракуле». Ф. Буслаев называл «Космографию» Себастиана Мюнстера (1489—1552) [273]. Версия эта не может быть принята, ибо «Космография» вышла в свет лишь в середине XVI столетия. Известен значительно более ранний нижненемецкий вариант «Сказания о Дракуле», найденный еще в начале XIX столетия И. Энгелем в будапештской библиотеке графов Шехени [274]. Это шестилистная брошюрка «в четверку». На обороте титульного листа помещено гравированное на дереве изображение Дракулы [275]. Румынский ученый И. Богдан сопоставил «Сказание о Дракуле» по четырем древнерусским спискам с текстом, опубликованным Энгелем, а также с рукописным немецким текстом (ок. 1500 г.) и пришел к выводу о том, что русский перевод восходит к немецкому оригиналу [276]. Аналогично мнение и новейшего западногерманского исследователя И. Штриддтера [277]. Откуда же, из какой типографии вышел немецкий оригинал, известный нам в единственном, хранящемся в Будапеште экземпляре? Экземпляр этот не датирован, однако изучение шрифта оттиска позволило знатокам нижненемецкой библиографии К. Борхлингу и В. Клаузену атрибутировать его Бартоломею Готану и датировать временем около 1483 г. [278] Печатник выпустил его в свет в Любеке, а может быть, еще в своей первой типографии в Магдебурге.

Надо сказать, что как «Прение живота и смерти», так и «Сказание о Дракуле воеводе» имеют на русской почве длинную и интересную историю. Впоследствии были созданы новые варианты этих повестей, имеющие в основе своей другие зарубежные оригиналы. Известен вариант «Прения», восходящий к польскому оригиналу XVI в. [279] Этот пример также говорит о сравнительно широком знакомстве наших предков с зарубежной печатной книгой. Вместе с тем интересующий нас вывод о происхождении оригиналов древнейших списков помянутых повестей из типографии Готана остается без изменений.

Третьей широко известной русской переводной повестью, возникшей на рубеже XV и XVI столетий, была «Троянская история» одного из основателей сицилийской поэзии Гвидо де Колумна. Х. Лопарев в свое время сличил один из древнерусских списков с латинским оригиналом — страсбургскими изданиями 1489 и 1493 гг. [280] — и нашел, что перевод буквально совпадает с оригиналом. По мнению Н. В. Геппенер, изучавшей список из собрания Мазурина (№ 368), перевод был сделан в Новгороде в конце XV столетия [281].

Конечно, и страсбургские издания могли быть привезены в Новгород Бартоломеем Готаном. Но нам представляется необходимым назвать здесь нижненемецкое издание Гвидо де Колумна, выпущенное в свет в Любеке около 1478 г. предшественником Готана Лукашем Брандисом, из типографии которого вышла и нижненемецкая Псалтырь, бывшая в руках Дмитрия Герасимова [282].

К Готану может быть возведен и оригинал общеобразовательного сборника «Книга именуема Лусидариос, сиречь Златый бисер». В основе перевода лежит популярный в средние века сборник «Elucidarius sive

dialogus de summa totius christianae theologiae», автором которого считают писателей XI—XII вв. Гонория Отенского или Ансельма Кентерберийского. «Луцидариус» был переведен в первой четверти XVI столетия неким Георгием, в котором некоторые исследователи видят Георгия Ивановича Токмакова, автора повести о выдропусской иконе Божьей матери. Перевод вызвал протест Максима Грека, считавшего, что догматика «Луцидариуса» противоречит православию.

Известно большое количество латинских изданий «Луцидариуса». Однако Н. Тихонравов в свое время отметил, что наличие германизмов в русском тексте заставляет предполагать, что оригиналом его был не латинский, а немецкий оригинал [283]. Мы можем указать такое издание. Оно было выпущено в свет в Любеке в 1485 г. Матвеем Брандисом [284].

Любопытно отметить, что впоследствии на Юго-Западной Руси бытовала другая редакция «Луцидариуса», восходящая к чешскому изданию 1498 г. [285]

В заключение упомянем еще об одной переводной книге, оригиналом которой также является любекская инкунабула. Это один из первых на Руси медицинских трактатов — «Благопрохладный цветник». Нам известна копия 1616 г., однако в ней содержится ссылка на список 1534 г., а также, что самое главное, на оригинал: «А печатана была по приказу Стефана Андреева, сына правого писца, живущаего в царском граде Любкe по Р. X. 1492 лета. Повелением же господина преосвященнаго Данила, митрополита всей Руси Божею милостью, книга сия преведена бысть с немецкого языка на словенский, а перевел полонянин Литовский, родом немчин, Любчанин... А преведена сия книга лета 7042 (т. е. 1534)» [286].

Немецкий оригинал в этом случае может быть легко обнаружен. Стефан Андреев — это любекский типограф Стефен Арндес, уже известный нам по роскошному нижненемецкому изданию Библии 1494 г. В 1492 г. он напечатал труд Иоганна фон Кубе «Gaerde der Suntheit», который, бесспорно, является оригиналом нашего «Благопрохладного цветника» [287]. Книга эта также могла быть привезена на Русь Бартоломеем Готаном.

«Благопрохладный цветник», а год спустя и Толковая Псалтырь Брунона переведены в Москве. Библиотеку Готана мог перевезти сюда, например, Дмитрий Герасимов, который уже в 1518 г. вместе с толмачом Власом был в Москве и помогал Максиму Греку. Впоследствии библиотека могла влиться в царское книгохранилище. Подтверждением этому служит следующее упоминание в описи царского архива 1575—1584 гг.: «Коробья ноугородцкая, а в ней книги латынские» [288].

Бартоломей Готан, приехав на Русь в 90-х гг. XV столетия, познакомил наших предков с нижненемецкой печатной книгой. Говоря о заслугах любекского типографа, не следует их преувеличивать. Кроме Готана у Москвы были и другие источники знакомства с зарубежной книгой. Если говорить о произведениях немецкого печатного станка, то и после Готана они поступали в Московское государство. Упомянем, например, текст «О Молукицких островех и инех многих дивнех...» [289]. Источником его служит кельнское издание 1523 г. [290] К более позднему времени относится текст «В лето 7050 (т. е. 1542) года в Римской земли во граде в Шимбории, тако же и в Турской земли погибель граду Солоникии» [291]. Текст этот является переводом одного из ранних немецких газетных листков [292].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что на Руси бытовали не одни лишь немецкие печатные книги. Круг знаний наших предков в этой области был значительно шире. Старые русские авторы, да и новейшие немецкие историки склонны подчас преувеличивать роль и значение германской струи в культурной жизни Руси XVI столетия. Отголоском этого является пресловутая «немецкая теория» происхождения московского книгопечатания.

Не следует стремиться отыскивать корни русской печатной книги где-нибудь в одном, к тому же вполне определенном месте. Влияния и заимствования в любой отрасли человеческого знания многообразны и, что самое главное, взаимны. В истоках русского первопечатания можно выделить польскую, южнославянскую, немецкую, итальянскую, скандинавскую, чешскую струю. С другой стороны, можно и нужно говорить о влиянии нашего типографского дела на румынское, польское, болгарское, литовское, грузинское книгопечатание.

Отдельные струи, берущие начало из разных источников и сливающиеся в общий поток, не одинаковы по своей силе. Это зависит, конечно, не от каких-либо специфических качеств каждого из народов, а от своеобразных исторических условий, действовавших в те годы.

У нас нет никаких оснований говорить об особой роли немецкой печатной книги в формировании и развитии нашего типографского дела. Это станет ясным читателю из последующего изложения. Пока же помянем еще об одной струе — чешской.

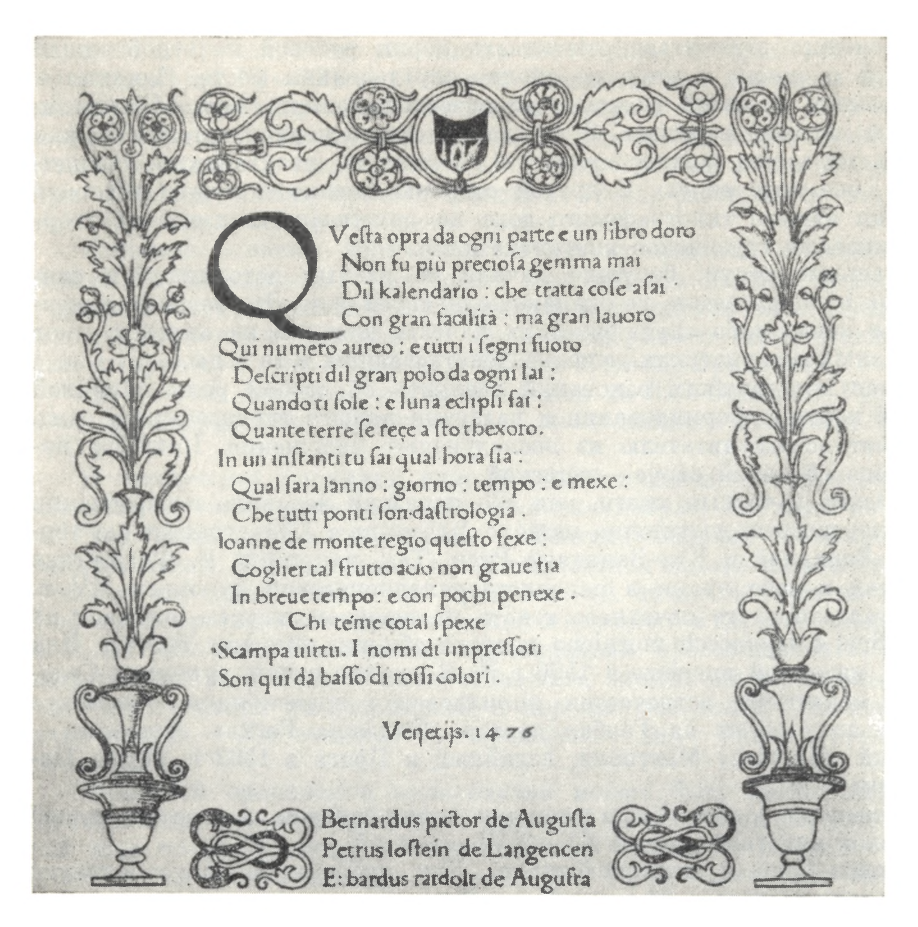
Чешские печатные книги, как это показали недавние исследования А. В. Флоровского, достаточно широко бытовали в XVI столетии на территории Западной и Юго-Западной Руси. Так, например, В. Флайшганс обнаружил в свое время в переплете западнорусской рукописи XV в. лист двухстолбцового печатного текста на чешском языке — отрывок из книги «Spis o nemocech mornich» деятеля общины чешских братьев Яна Черного, изданной впервые в 1506 г.[293] В составе одной рукописи Соловецкого монастыря встречается кирилловская транскрипция чешского текста — «предмлувы на Гербар доктора Фадеаша Гагка». Источник — известный «Herbáre» Маттиоли, изданный в Праге в 1562 г. Иржи Мелантрихом[294].

Достаточно хорошо были знакомы наши предки и с итальянской и греческой печатной книгой XV—XVI столетий.

Максим Грек и книгопечатание. Для пропаганды книгопечатания на Руси немало сделал Максим Грек. Подчеркивая его заслуги, мы, так же как в случае с Готаном, хотели бы заранее оговориться, что и Максим не был для наших предков единственным источником знакомства с печатной продукцией стран Средиземного моря. Итальянские инкунабулы попадали в Москву задолго до приезда Максима. Их могли захватить такие итальянские мастера, как Аристотель Фиораванте — строитель Успенского собора — или же Алевиз Новый, воздвигший в 1505—1509 гг. Архангельский собор. Привозили книги и московские посольства — вспомним письмо Дмитрия Герасимова Геннадию об «Осмочастной книге».

Доказательством достаточно раннего знакомства русских с итальянской печатной книгой служат орнаментальные мотивы венецианских инкунабул, использованные в московской рукописной книге. Уже в 90-х гг. XV столетия московские художники книги держали в руках «Календарь», вышедший в 1476 г. из венецианской типографии Эрхарда Ратдольта, Петруса Лозляйна и Бернгарда Пиктора[295], и «Миссал», напечатанный в 1490 г. И. Баптистой де Сесса[296].

Орнаментальное убранство «Календаря» послужило одним из источников тем и сюжетов для художников книгописной мастерской Дионисия — Феодосия при оформлении «Слов Григория Богослова», превосходно орнаментированной рукописи, датируемой 80—90-ми гг. XV столетия[297]. Поле одной из страниц рукописи украшено исходящим из причудливой вазы стволом, обрамленным многолопастными листьями и веточками с ягодами. Ствол завершен пушистым цветком. Контуры орнамента достаточно точно совпадают с аналогичным узором на одной из страниц помянутого венецианского «Календаря». Русский мастер добавил сюда цветок, придающий сюжету удивительную законченность. Внесенная им опушка листьев повысила декоративность. Самое же главное — яркая, но достаточно гармоничная окраска, которой в венецианской инкунабуле, конечно, не было.

QVesta opra da ogni parte e un libro doro
Non fu più preciosa gemma mai
Dil kalendario : che tratta cose asai
Con gran facilità : ma gran lauoro
Qui numero aureo : e tutti i segni fuoro
Descripti dil gran polo da ogni lai :
Quando ti sole : e luna eclipsi fai :
Quante terre se fece a sto thexoro.
In un instanti tu sai qual hora sia :
Qual sara lanno : giorno : tempo : e mexe :
Che tutti ponti son dastrologia .
Ioanne de monte regio questo fexe :
Coglier tal frutto acio non graue tia
In breue tempo : e con pochi penexe .
Chi teme cotal spexe
Scampa uirtu. I nomi di impressori
Son qui da basso di rossi colori .

Venetijs . 1476

Bernardus pictor de Augusta
Petrus loslein de Langencen
E: bardus ratdolt de Augusta

Орнаментика из «Календаря» 1476 года

Из того же издания, а может быть, из «Миссала» 1490 г. московский художник взял и нарядные буквицы, выполненные из перевитых сучковатых веток, которые обильно украшены листьями и цветами. Любопытно, что тот же сюжет впоследствии использовали московские первопечатники Никифор Тарасиев и Невежа Тимофеев в Псалтыри 1568 г. [298]

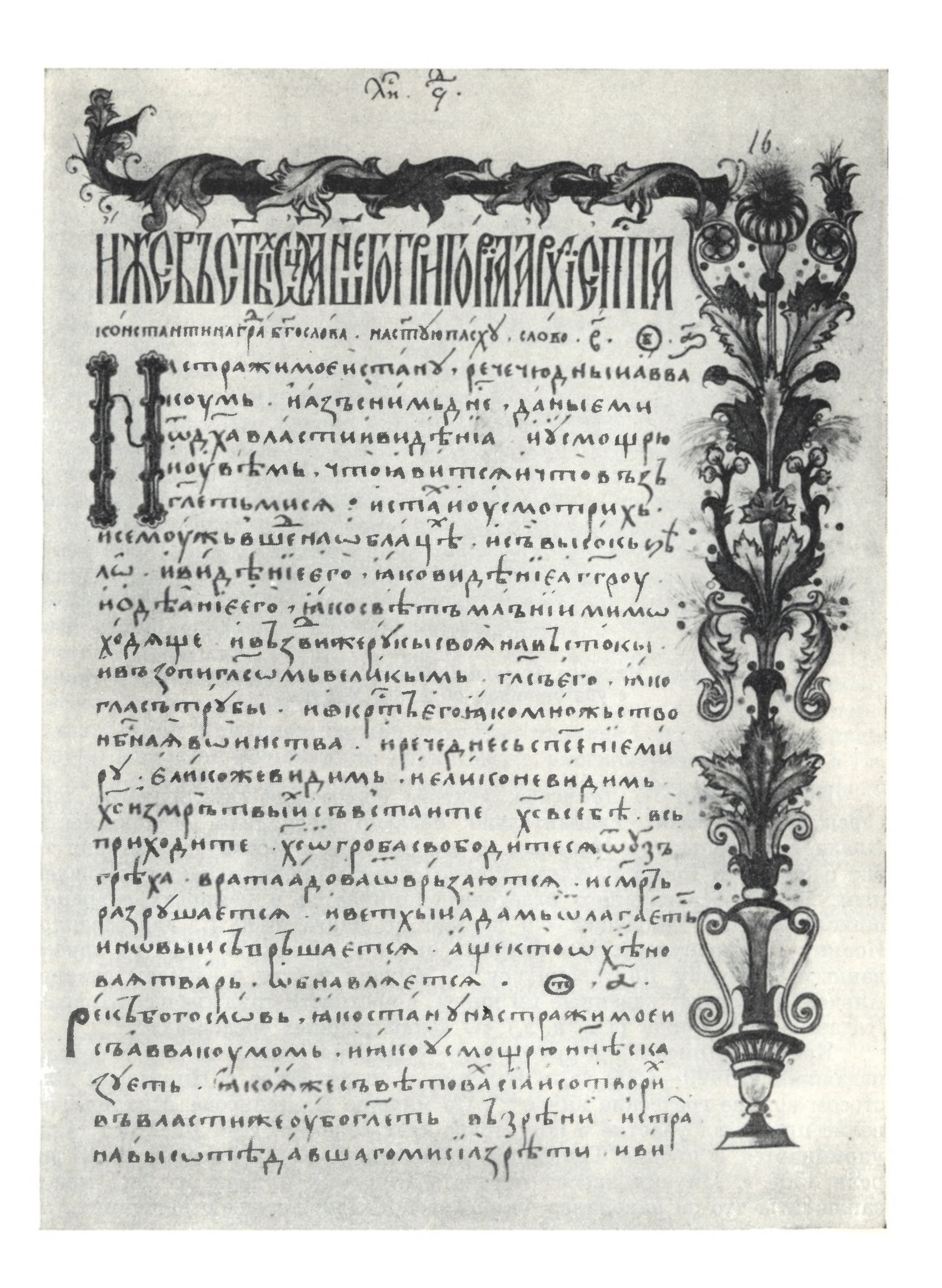
Широкий диапазон творческих связей московских орнаменталистов станет ясным, если мы упомянем, что в той же рукописи использованы мотивы совсем иного происхождения — гравированные листы немецко-нидерландских граверов по металлу XV в.

Отдельные орнаментальные мотивы «Календаря» использовались в московской рукописной книге и позднее [299].

Все сказанное выше убеждает в том, что москвичи познакомились с итальянской печатной книгой до того, как Максим Грек приехал на Русь. Однако он немало потрудился, чтобы знание это стало глубже.

О близости Максима Грека к знаменитейшему издателю того времени Альду Мануцию известно с его собственных слов. В рукописи Костромского Богоявленского монастыря (№ 829), сведения о которой были опубликованы П. М. Строевым, дано любопытное объяснение типографской марки Альда, приведенное Максимом в письме к некоему Василию Михайловичу. Это, скорее всего, Василий Тучков, человек образованный и книжный, о котором шла речь выше, автор известного жития Михаила Клопского.

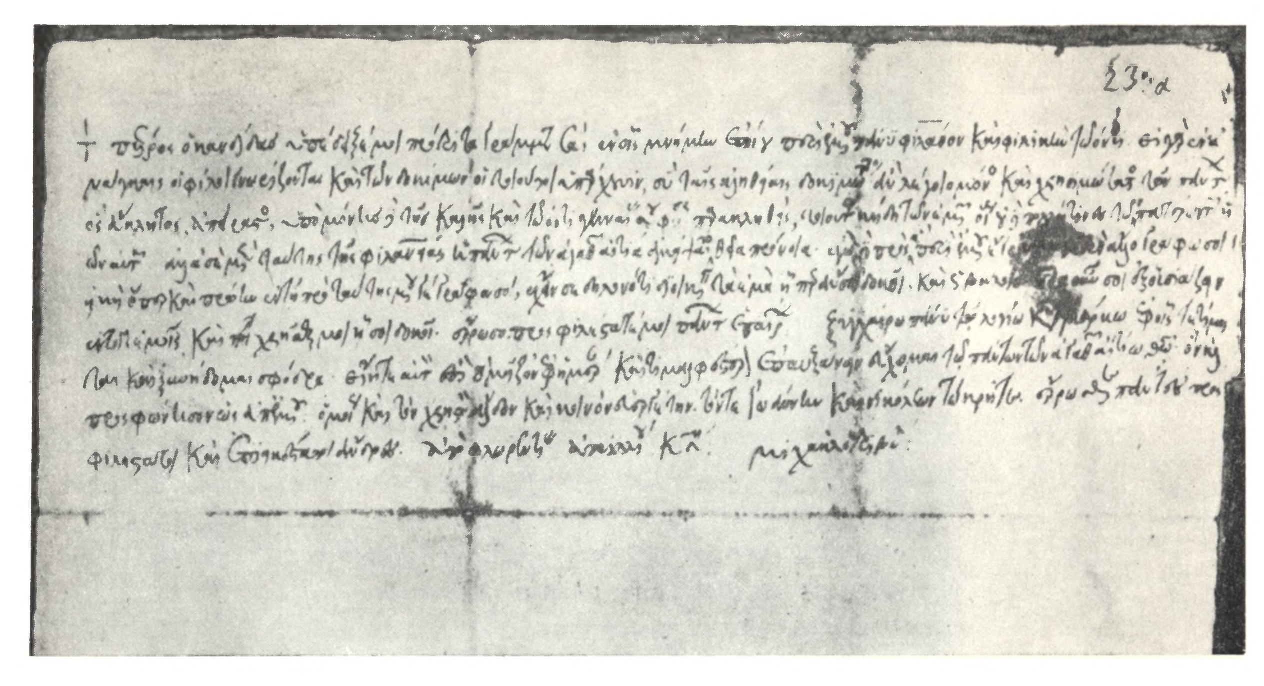
«Велел еси мне, князь, государь мой, Василий Михайлович, сказати тебе,— пишет Максим,— что есть толк знамению, его же видел еси в книзе печатней. Слыши же внятно: в Виниции был некый философ добре хытр, имя ему Алдус, а прозвище Мануциус, родом фрязин, отчеством

Орнаментика рукописных «Слов Григория Богослова». ОРЛБ

римлянин; ветхаго Рима отрасль, граммоте и по римьскы и по гречески добре горазд; я его знал и видял в Винициеи и к нему часто хаживал книжным делом, а я тогда еще молод, в мирском платие. Тот Алдус Мануциус римлянин, по своей мудрости, замыслил себе таково премудрое замышление, вспоминая притчею сею всякому и властелю и невежду, како мочно им будет да получити вечный живот, аще истиною желают ему: и якорем убо являет утверждение и крепость веры, рыбою же душу человечю» [300].

О близком знакомстве Максима Грека с Альдом Мануцием свидетельствует и другой источник XVI в.— предисловие А. Курбского к «Новому Маргариту».

Письмо Михаила Триволиса Сципиону Картеромахосу с упоминанием об Альде Мануции

Исследования И. Денисова, доктора философии католического университета в Лувене, сравнительно недавно прояснили обстоятельства жизни и деятельности Максима до его приезда в Москву [301]. Сегодня тезис о близости Грека и Альда можно считать окончательно установленным. Имя прославленного издателя упоминается в немногих сохранившихся письмах Триволиса — в письме от марта 1500 г., адресованном Иоанну Грегоропулосу, и в письмах от 21 и 24 апреля 1504 г., адресованных Сципиону Картеромахосу [302]. Михаил пишет о «нашем славном Альде», упоминает изданные им книги, в частности труд греческого врача Педания Диоскорида (I в. н. э.) «О лекарственных средствах» [303].

Названо в письмах и другое имя — Захария Каллерги. Это типограф, издавший в 1499—1500 гг. в Венеции в содружестве с Николасом Властосом четыре греческие книги [304]. По мнению И. Денисова, Михаил Триволис принимал участие в подготовке этих изданий. Имя Властоса также упоминается в письме Триволиса к Сципиону Картеромахосу от 21 апреля 1504 г. Михаил просит передать Николасу привет, из чего можно заключить, что он находился с типографом в дружеских отношениях.

Собираясь в далекую Московию, Михаил, ныне Максим Триволис, несомненно, захватил с собой небольшую библиотечку. Книги эти впоследствии были отобраны у приезжего грека, и он жаловался на это митрополиту Иоасафу [305]. О том же он писал князю П. Шуйскому: «Отдадите ми яже со мною оттуда (с Афона) пришедшия зде книги греческия» [306].

У Максима Грека, несомненно, были альдины — издания Альда Мануция. Это удостоверяется цитированным выше письмом к В. М. Тучкову. Максим, по-видимому, имел с собой греческую Псалтырь, изданную Альдом в 1497—1498 гг. Это можно было бы установить точно, сравнив издание с греческой Псалтырью, самолично переписанной Максимом и впоследствии принадлежавшей благовещенскому попу Сильвестру [307].

В трудах Максима неоднократно встречаются цитаты, а также отсылки к трудам различных греческих авторов — Пифагора, Платона, Эпикура, Диагора, Сократа, Аристотеля, Гомера, Гесиода, Плутарха, Ме-

нандра. Многие из них были изданы Альдом. Упомянем, к примеру, пятитомное собрание сочинений Аристотеля (1495—1498) или издание речей Цицерона (1497) [308]. В подготовке к печати всех этих изданий Максим мог принимать участие.

С. И. Абакумов отмечал, что высказывания Максима Грека по вопросам пунктуации, изложенные, в частности, в такой его работе, как «О грамотики инока Максима Грека Светогорца обявлено на тонкословие» [309], сложились под влиянием греческой грамматики Константина Ласкариса [310]. Грамматика эта была впервые издана в Милане в 1476 г., а затем неоднократно переиздавалась. Выпускал ее и Альд Мануций (1495) [311]. Это издание определенно было привезено Максимом в Московское государство.

Имя «князя Василия Михайловича», которого отождествляют с В. М. Тучковым (последнему адресовано послание о марке Альда), упоминается еще в одном письме Максима Грека. Грек препровождает своему корреспонденту «повести о Оригене и Аврааме и о Иове и Мелхиседеке», которые были переведены им «из книги греческыа философьскиа, глаголемыа Суидас» [312]. Максим послал Василию Михайловичу черновик своего перевода, который просил переписать и вернуть: «Аще полюбишь, государь князь Василий Михайлович, вели списати их себе на чистую тетратку, а черную ту опять отсли ко мне Бога ради, занеже и ини такоже пытают такыя вещи». Строки приоткрывают перед нами завесу над методами распространения полюбившихся книжникам XVI столетия произведений письменности. Книга «Суидас» — это, несомненно, греческий «Лексикон» Свидаса, напечатанный в 1484 г. в Милане типографами Иоанном Биссоли и Бенедиктом Манги [313]. В 1514 г. «Лексикон» Свидаса был переиздан Альдом Мануцием, однако последнее издание вряд ли могло попасть в руки Максима, ибо он в это время был с миссионерской миссией в Валахии, а два года спустя отправился в Московское государство. Переводы Максима Грека из «Лексикона» Свидаса были популярны на Руси — сохранилось немало списков их [314].

Среди других переводных произведений Максима Грека, оригиналом которых могли послужить греческие печатные книги, упомянем жития и слова Симеона Метафраста, автора, чрезвычайно им любимого, сочинения Константина Порфирородного, Менандра и др. [315]

Орнаментика греческих печатных книг, привезенных Максимом на Русь, оказала определенное, впрочем небольшое, влияние на художественное убранство древнерусской рукописной книги. Отсюда пришел к нам так называемый византийский вьюнок, чрезвычайно характерные образцы которого можно видеть в «Этимологикум магнум грекум», изданном друзьями Максима Триволиса — Каллерги и Властосом.

Определенное влияние оказал Максим и на терминологию нашего первопечатания. Уже В. Е. Румянцев отмечал, что большинство терминов, бытовавших среди русских типографщиков, имеет итальянское происхождение. Правда, терминология восходит в основном к документации XVII столетия. О ее употреблении и в XVI в. можно говорить лишь предположительно. Среди терминов — наименования типографских рабочих: «тередорщик» (итальянское tiratore) и «батыйщик» (battiore),— названия отдельных узлов и частей печатного стана: «пьям» (piano), «тимпан» (timpano), «фрашкет» (frascato) и т. д. [316]

Один из терминов итальянского происхождения употреблял еще сам Иван Федоров в послесловии к Часовнику 1565 г.: «Штанба сиречь печатных книг дело». Слово восходит к итальянскому «stampa».

А. И. Некрасов отметил в слове «штанба» переход «с» перед «т» в «ш», что, по его мнению, могло произойти только на немецкой почве [317]. В противовес этому мнению мы можем указать на аналогичное произношение у южных славян. Слова «штампа», «штампане» встречаются в послесловии к Псалтыри 1546 г. Виченцо Вуковича и с небольшими изменениями бытуют в сербском языке вплоть до наших дней.

Влияние Максима Грека чувствуется и в круге зарубежных отсылок послесловия Апостола 1564 г.: «...в грекех, и в Венецыи, и во Фригии». С другой стороны, в этом случае нельзя не видеть и южнославянских влияний. На «фругов» и греков ссылается Божидар Вукович в Молитвеннике 1520 г., напечатанном в Венеции.

В «Фригии» наши авторы, как правило, видят Италию по аналогии с многочисленными упоминаниями о «фрягах», «фряжском деле».

На наш взгляд, здесь предпочтительнее говорить о «Фругии» и о «фругах», как южные славяне называли французов. Французская традиция неоднократно подчеркивается в книгах южных славян. «И паки слово о Фругохь,— пишет иеромонах Феодор Горажданин в послесловии к изданному им в 1523 г. Требнику.— Того ради любимицы вьложих више писаное правило да се обрета вь книгах сихь въ нашем рукоделию».

Любопытной параллелью к нашей трактовке служит приведенный выше рассказ Максима Грека о постановке образования во Франции.

Греческие и итальянские книги поступали на Русь и после приезда Максима. Об этом говорит хотя бы достаточно большая коллекция их в библиотеке Московской Синодальной типографии, в основу которой легла библиотека Печатного двора [318]. Это подтверждают и русские переводы с греческого, которые делались помимо Максима и после Максима. Укажем, например, «Житие Езопа баснослова и о хождении его и о его мудрости, како стязася с еллинскими мудрецы и свою мудрость показуя многим царем», переведенное «с греческого диалекта на словенский язык Феодором Касьяновым сыном Гозвинским в царствующем граде Москве, от создания миру 7116 (т. е. 1607) октября в 19 день» [319]. Источником для этого перевода послужило, по-видимому, базельское издание 1518 г.

Максим Грек мог быть и консультантом, советчиком первых наших типографов или их патрона, каковым нам хотелось бы видеть Сильвестра. Так и только так можно толковать вопрос об отношении Максима к возникновению книгопечатания в Москве. О практическом участии Грека в создании типографии говорить не приходится. И, конечно же, у нас нет никаких оснований для того, чтобы ставить 85-летнего старца во главе первой русской типографии, как это делают А. Филиппов и Г. И. Коляда.

Нет и оснований преувеличивать роль просветительской деятельности Максима. Можно лишь осудить высказывания католического профессора И. Денисова о том, что Максим «облагодетельствовал русских» и что именно он «был распространителем света гуманизма и одним из тех, кто дал первый импульс искусству книгопечатания в далекой Москве» [320].

Однако деятельность Максима Грека несомненно вливается в общее русло ознакомления москвичей с западной и средиземноморской печатной книгой.

НАЧАЛО СЛАВЯНСКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ

Говоря об истоках московского первопечатания и привлекая зарубежные параллели, нельзя не вспомнить о славянском книгопечатании в Польше, Черногории, Румынии, Венеции, Чехии, Литве.

Славянский первопечатник Швайпольт Фиоль. Первые отпечатанные кириллицей книги появились в Кракове в последнем десятилетии XV в. Книги эти известны науке давно. Едва ли не первым помянул их Захария Копыстенский (ум. 1627), архимандрит Киево-Печерской лавры, страстный противник католичества и блестящий по своему времени публицист [321]. Копыстенский на страницах своего труда «Палинодия, или Книга Обороны кафолической святой апостольской Всходней Церкви и святых патриархов, и о Грекох, и о Россох христианех», доказывая примат православия перед католичеством, припомнил, как в далеком XV столетии в сердце католической Польши — Кракове издавались церковно-славянские книги. Чтобы никто не усомнился в справедливости его слов,

архимандрит тут же перечислил, в каком монастыре или церкви можно видеть то или иное издание.

Называет Захария Копыстенский и имя печатника — «неякогось Швайполта Фиоля». Источник его сведений обнаруживается просто — стоит только обратиться к самим изданиям. В двух из них — Октоихе, или Осмогласнике, и в Часослове — на последних страницах находим гравированное изображение герба города Кракова, под которым помещена следующая запись:

«Докончана быс сия книга у великомь граде оу Кракове при державе великаго короля полскаго Казимира. И докончана быс мещанином краковьскымь Шваиполтомь, Феоль, из немець немецкого родоу, Франкь. И скончашас по божием нарожениемь 14 съть. девятьдесят и 1 лето».

Нами приведен здесь текст, помещенный на обороте л. 169 Осмогласника. Текст на л. 384 Часослова аналогичен приведенному выше, за исключением несущественных, орфографических различий. Кроме того, текст этот в Осмогласнике занимает шесть строк, а в Часослове — семь.

Две другие книги, о которых упоминает Копыстенский,— Триодь постная и Триодь цветная — не имеют выходных сведений. Однако, как доказано еще Калайдовичем, веские основания позволяют атрибутировать их тому же самому печатнику.

Выходные листы Осмогласника и Часослова недвусмысленно указывают время выхода изданий в свет и имя человека, которому они обязаны своим появлением. Правда, неустоявшаяся пунктуация и непривычная для глаза орфография XV столетия не раз давали почву различным толкованиям.

Особенно много толкований вызвала фраза: «И докончана быс мещанином краковьскымь Шваиполтомь, Феоль, из немець немецкого родоу, Франкь». Известный польский библиограф и историк Кароль Эстрейхер в 1867 г. на страницах своей работы «Гюнтер Цайнер и Святополк Фиоль» прочитал эту фразу следующим образом: «...Швайполтом Феоль и з немец...» — то есть Швайпольтом Фиолем с немцем... Исходя из этого чтения, он сделал вывод, что здесь идет речь о двух различных лицах: во-первых, о краковском мещанине и, по-видимому, поляке Швайпольте Фиоле (Эстрейхер тут же переименовал его в Святополка) и, во-вторых, о некоем немце по имени Франк. При этом Эстрейхер отметил, что краковские документы начала XVI столетия неоднократно упоминают о пребывавшем в этом городе книготорговце Мельхиоре Франке из Аугсбурга [322]. Тем не менее легко доказать, что Мельхиор Франк не мог принимать в 1491 г. никакого участия в опытах славянской первопечати, ибо имя его впервые встречается в краковских актах лишь 30 марта 1502 г. [323] При этом Франк более или менее постоянно поселился в Кракове лишь с 1509 г., когда он признал над собой городскую юрисдикцию [324].

Я. Ф. Головацкий склонялся к тому, чтобы признать немецкое происхождение Фиоля, а родиной типографа считать Франконию [325].

Мнение это впоследствии было убедительно подтверждено архивными документами [326]. Однако оно неоднократно оспаривалось и, несмотря на то, что вопрос как будто бы уже окончательно решен, оспаривается до сих пор.

В документах Краковской магдебургии имеется запись о том, что в 1479 г. городскую юрисдикцию принял «Schweipolt Fyol von der Newnstad an der Eysch» — Швайпольт Фиоль из Нойштадта на Эйше [327]. Нойштадт — небольшой городок во Франконии между Нюрнбергом и Ротенбургом. Мы не знаем, родился ли будущий типограф в этом городе или нет. Фиоли издавна имели дела с Краковом. В краковских актах XV в. не раз встречается эта фамилия. Однако в Нойштадте постоянно жили родственники Швайпольта.

В первых относящихся к нему актах Фиоль фигурирует как «золотошвей». Это сравнительно редкая профессия — вышивание золотом и серебром по ткани. Документы подробно рассказывают об изобретениях

Швайпольта в области горного дела, о коммерческих операциях с какими-то конюшнями, о финансовых отношениях с цехом кожевников. Фигура мастера на все руки, предприимчивого человека с определенной коммерческой жилкой встает перед нами. Нет, он не был «культуртрегером», этот немец, приехавший в Краков из далекой Франконии. Иные мотивы вдохновляли его. И ему бы, пожалуй, показался смешным порыв Ивана Федорова, который отказался от «веси», дарованной гетманом Ходкевичем, ибо видел свое назначение в том, чтобы «духовныя семена по вселенней разсевати».

В Краков Фиоль приехал, по-видимому, с немалым капиталом и вскоре пустил его в оборот. Первый известный нам документ, в котором упоминается имя Фиоля (не считая записи о принятии им городской юрисдикции), датирован 13 декабря 1483 г. Гласит он следующее: «Ганнус Якель признал, что он должен Швайпольту Фиолю, золотошвею, 6 гульденов, половину которых он обязан отдать сразу же после пасхи — за арендную плату, которую Швайпольт должен заплатить за конюшню... а еще признал Ганнус Якель, что он должен названному Швайпольту 29 гульденов за домашнюю утварь, а именно — за кровати и столы, из которых денег он обязан заплатить сразу же после Рождества 10 гульденов, а затем...» Далее подробно указываются сроки, в которые должна быть выплачена Якелем сумма [328].

Таким образом, в самом конце 1483 г. Швайпольт Фиоль вошел в компанию с неким Ганнусом Якелем — в документах он называется стряпчим. Они взяли в аренду конюшню и, неизвестно для какой цели, приобрели большое количество мебели. Дело первоначально финансировал Фиоль. Якель же обязался своевременно вернуть компаньону свою долю общих затрат. Как явствует из последующих документов, обещания своего он не выполнил. Швайпольт притянул нерадивого компаньона к суду.

В этой первой коммерческой операции Швайпольта Фиоля некоторые исследователи видят начало работ по основанию первой славянской типографии [329]. Мы не разделяем этого мнения. Да и действительно, если допустить, что типографию можно было разместить в конюшне, то как связать с этим покупку мебели?

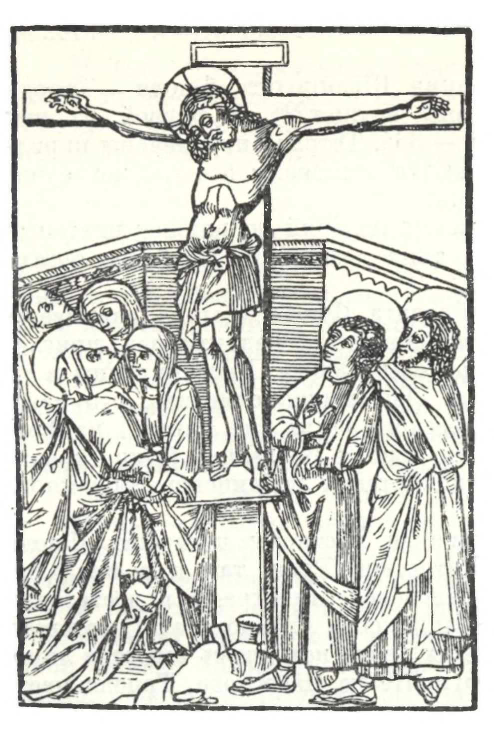
Далее мы встречаем имя предприимчивого немца в совершенно новой для него отрасли. 9 марта 1489 г. король Казимир выдает Фиолю привилегию на преимущественное право использования изобретенной им машины для откачки воды из шахт. Этой машиной заинтересовались известные горнопромышленники — выходец из Венгрии Ян Турзон и его шурин Ян Тешнар; Швайпольт предоставил им соответствующую лицензию [330].

Документ от 4 февраля 1491 г. сообщает, что Швайпольт опять, не в первый уже раз, заинтересовался новым для себя делом. По заказу Фиоля некий Рудольф Борсдорф из Брауншвейга изготовил «русский шрифт» (rewsische schrifft) и обязался впредь ни для кого, в том числе и для себя лично, не отливать аналогичных шрифтов [331]. Рудольф был с 1485 г. студентом Краковского университета и, видимо, мастером на все руки. Еще в 30-х гг. нынешнего столетия в Ягеллонской библиотеке в Кракове хранилась сооруженная Борсдорфом астролябия.

1491 г. помечены два из четырех дошедших для нас изданий Фиоля — Осмогласник и Часослов. Два других издания, напечатанных тем же шрифтом, Триодь постная и Триодь цветная, не имеют выходных сведений.

Имеется еще одна книга — Псалтырь с восследованием, которая, возможно, была напечатана Швайпольтом Фиолем. О ней упомянул в 1721 г. нижегородский архиепископ Питирим [332]. Однако до наших дней ни один экземпляр издания не дошел, и многие библиографы вообще сомневаются в его существовании.

Книги Швайпольта Фиоля подробно описаны старыми русскими библиографами, а в последнее время В. И. Лукьяненко, выявившей ряд любопытных типографских вариантов.

Октоих Швайпольта Фиоля 1491 года

Наиболее редкое издание Фиоля — Осмогласник. Описано шесть экземпляров [333]. Осмогласник отпечатан в лист на 170 ненумерованных листах, из которых последний — пустой. Тетради перемечены кирилловской сигнатурой, проставленной в виде последовательного ряда чисел (от 1 до 84, цифра 4 пропущена) на первых трех листах первой тетради и первых четырех каждой из последующих.

Книгу открывает фронтиспис — гравированное на дереве изображение распятия с предстоящими. На спусковой полосе — гравированная заставка балканского стиля. Контуры ее представляют собой три пересекающихся между собой круга, размещенных по горизонтали. Внутреннее пространство кругов тесно заполнено узором из переплетенных ремней. Оттиски с той же доски находим и в остальных трех известных нам изданиях Фиоля.

Отметим особенности полиграфической техники этого и последующего изданий Фиоля — особенности, знание которых понадобится нам в дальнейшем. Первая из них относится к шрифту: многочисленные надстрочные знаки его отлиты отдельно от литер. Эта особенность в дальнейшем будет характерна для московских первопечатных изданий. Вместе с тем следует отметить, что Фиоль четко выдерживает линии нижних и верхних выносных элементов, чего не будут делать московские типографы.

Вторая особенность относится к процессу двухкрасочной печати. Фиоль применял двухпрокатную печать с одной формы. Аналогичный прием, как мы увидим в дальнейшем, использовали и московские первотипографы. Второе датированное издание Швайпольта Фиоля — Часослов — менее редко, чем Осмогласник: нам известно по крайней мере 15 экземпляров этой книги [334]. Наряду со Служебником Часослов чаще всего употребляется при богослужении — легко понять, почему выбор Фиоля пал на него.

Часослов 1491 г. отпечатан «в четверку» на 382 ненумерованных листах. Первый и третий листы каждой тетради перемечены кирилловскими

сигнатурами. На первом листе оттиснута та же заставка, что и в Октоихе, однако она опрокинута.

Два других недатированных издания Швайпольта Фиоля — Триодь постная и Триодь цветная — отпечатаны в лист [335]. В первой из них 314 ненумерованных листов, во второй — 364. Тетради перемечены кирилловскими сигнатурами. Книги открываются оттисками все той же, единственной у Фиоля гравированной заставки.

Орнаментальное убранство краковских изданий дополняют плетеные инициалы, а также простые буквицы типа ломбардов. Особенно богата инициалами Триодь цветная.

Возникновение типографии Швайпольта Фиоля обычно связывают с нуждами группы так называемых славянских бенедиктинцев, приглашенных в Краков еще во времена королевы Ядвиги. Бенедиктинцы в ту пору пользовались большим влиянием. Любопытно отметить, что даже в часовне кафедрального собора королевского замка (на Вавеле) на фресках, написанных в 1478 г. повелением короля Казимира, были славянские надписи. Такие же надписи есть и на стенах люблинского тюремного костела [336].

Предназначая напечатанные им книги местному читателю, Фиоль рассчитывал и на сбыт их как в Литовской Руси, так и в пределах Московского государства. Издания краковского типографа в достаточно большом количестве экземпляров сохранились в библиотеках Советского Союза. В то же время в самой Польше их почти нет (здесь имеются лишь Триодь цветная и три небольших фрагмента из Часослова, Триоди цветной и Триоди постной) [337].

О распространении фиолевских изданий в Московском государстве говорят также вкладные и владельческие надписи на сохранившихся экземплярах. Правда, все они достаточно позднего происхождения. Один из известных нам Часословов в XVI столетии принадлежал семье Злобиных (Бухвостовых). На полях его немало записей, сделанных московской скорописью,— запись о рождении сына Федора 15 июня 1560 г., запись о неурожае: «Был глад на Руси по три годы... купили рожь по штинадцати денег ноугороцкую» — и т. д. [338]

В одном из экземпляров Триоди постной имеется вкладная 1598 г., сделанная на северо-восточной окраине Московского государства — в Устюжне [339].

Сохранился Часослов, в свое время принадлежавший патриарху Никону и положенный им в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь в 1658 г. [340] В другом экземпляре того же издания в Месяцеслове на декабрь сделана скорописью XVI в. киноварная вставка, свидетельствующая о пребывании книги в Московской Руси: «преставление преподобного отца Савы игумена Сторожевьского манастыря» [341].

Перечисление вкладных и владельческих записей великорусского происхождения можно продолжить. Однако и того, что сказано выше, достаточно для утверждения о сравнительно широком распространении изданий Швайпольта Фиоля в Московской Руси XVI—XVII вв. Не исключено, что издания эти были в руках у наших первопечатников и в какой-то мере повлияли на создание московской полиграфической техники.

В заключение несколько слов о судьбе Швайпольта Фиоля. Издательская деятельность славянского первопечатника была прервана краковской инквизицией, арестовавшей Фиоля по обвинению в еретичестве. Случилось это в ноябре 1491 г. Вскоре Фиоль по просьбе Яна Турзона был выпущен на поруки — под заклад в 1000 дукатов и с обещанием не покидать Кракова до окончания процесса. Приговор был вынесен 22 марта 1492 г. Фиоля присудили к произнесению очистительной клятвы и уплате судебных издержек. Однако издательскую деятельность он вынужден был прекратить. Вскоре Фиоль покидает Краков. В 1502—1503 гг. он заведует шахтами в Силезии. Впоследствии он занимается горным делом в Венгрии. На старости лет славянский первопечатник возвратился в Краков.

Сохранилось завещание Фиоля, подписанное им 7 мая 1525 г. Вскоре после этого он умер.

Начало книгопечатания у южных славян. Макарий. Три года спустя после прекращения деятельности краковской типографии Швайпольта Фиоля вышла в свет первая книга, отпечатанная кирилловским шрифтом в Цетинье (Черногория). Однако книгопечатание у южных славян началось раньше, на основе глаголического шрифта. Эти книги не имеют непосредственного отношения к нашей теме — глаголические издания не могли найти распространения в Московской Руси. Первым из них был хорватский «Миссал», или Служебник, выпущенный в свет 12 февраля 1483 г. без обозначения места печатания и имени типографа. Сохранились девять сравнительно полных экземпляров этого редчайшего издания и четыре небольших фрагмента [342]. Ранее считалось, что Служебник напечатан в Венеции. Последними исследованиями югославских книговедов устанавливается (впрочем, пока еще без достаточной определенности) новое место печатания — хорватская деревня Косиньи. Называют и типографа — дьякона Колунича Броза [343].

Первая у южных славян кирилловская типография была основана в Цетинье — столице черногорских властителей Черноевичей. Старший Черноевич — Стефан, его сын — Иван и внук — Георгий были близки с Венецией и с ее помощью удерживали наступление турок. Иван был человеком книжным; сохранились книги, переписанные по его приказанию. По-видимому, именно ему и принадлежала мысль об основании типографии. Однако заложить ее было суждено Георгию Черноевичу. Первая книга, напечатанная здесь, вышла в свет 4 января 1494 г. Южнославянская типография, как и краковская, начала свою деятельность изданием Осмогласника.

В предисловии и послесловии книги назван типограф — «священник мних Макарие от Чрьные горы». Восемь человек, работавших в типографии, «сьставих форми, на них же вь едино лето... сьврьшити охтоих».

О Макарии мы, к сожалению, ничего не знаем. Единственным памятником ему служат его издания [344].

Известно шесть книг, выпущенных Макарием; некоторые из них сохранились в одних лишь фрагментах.

Первенец цетиньской типографии — Осмогласник (гласы I—IV) [345]. Книга отпечатана в лист на 270 ненумерованных листах; последний из них — пустой. Тетради перемечены кирилловскими сигнатурами, проставленными на первом и обороте последнего листа каждой тетради. Отметим в скобках, что точно такой же порядок простановки сигнатур характерен для русской рукописной книги XVI столетия.

Художественное убранство Осмогласника составляют три большие заставки и четыре гравированных инициала [346]. Орнаментика восходит к венецианским изданиям. Параллели могут быть найдены, например, в изданиях Эрхарда Ратдольта.

К этому же источнику восходит и типографская техника. Уровень ее намного выше, чем у Швайпольта Фиоля. Отметим весьма характерную особенность — надстрочные знаки Макарий отливает вместе с литерами, в отличие от Фиоля. Идущая от Макария традиция будет воспринята большинством южнославянских печатников. Пойдут по его стопам белорусский первопечатник Франциск Скорина и типографы московского безвыходного узкошрифтного Четвероевангелия. Однако в дальнейшем московские печатники откажутся от этого приема.

Макарий превосходно осуществлял выключку строк. И в этом смысле его издания превосходят книги Фиоля.

Техника двухкрасочной печати, применяемая Макарием,— это двухпрокатная печать с одной формы, причем «красное» оттискивается раньше «черного». Аналогичные приемы применял и краковский первотипограф.

онеже въ троици покланиемыи
бг҃ъ бл҃гоизволи испльнити сво
ю црк҃вь, различными книгами
Вьдѣвь азь вь х҃а бг҃а блг҃овѣри
ыи и бм҃ь хранимы г҃нь гюргь ц
рноевикь. црк҃вы праздны ст҃ых
кн҃гъ, грѣхъ ради наших расхи
щениемь и раздраниемь агаранскыхъ чедь. Вьзрѣ
вновахь поспѣшениемь ст҃го дх҃а, и любви юже кь бж҃
твным црквам и написах сию дш҃еспсную книгу ѡс
могласникь. вь испльнение славословию трисл҃нчнаг
о вь единствѣ покланиемаго бж҃ства. мл҃ю же юние
и сь вьзрастные и старие, уьтоище и или вьспѣвающеи
и или пишуще любве ҳ вѣра ди исправлити. нас же оусь
рдне потьщавших се на сие дѣло бл҃свлити. да ѡ бои
славѣ еще ѡц҃а и сн҃а его же вьса с҃паи м же вьса. ст҃го дх҃а
ѡ ние м же вьса. здѣ оулучим млсть тамо же сие вѣ
том ѡзарымсе, амин. Повелѣнием г҃на м гюрги
црноевик азь х҃у рабь сщ҃енонинокь макарие, роуко
делисах сие при всеѡсщ҃енном митрополите зетс
ком кур вавуле. вьлѣто ӡа кв҃г слнц. а луне. а

Октоих 1494 года

Второй книгой, отпечатанной в Цетинье, по-видимому, было продолжение Осмогласника, содержащее гласы V—VIII. Старые наши библиографы этого издания не знали, в силу чего и последние авторы не упоминают о нем. В литературе описано два фрагмента книги. Один из них находился перед войной в Белградской народной библиотеке; в настоящее время его местонахождение неизвестно. Второй экземпляр хранится в ризнице монастыря Дечана. Он состоит из 37 полных листов и одного, сохранившегося лишь частично; фрагмент вплетен в рукописную книгу. Издание впервые описано в 1903 г. В. Ягичем и Л. Стояновичем[347].

В сохранившихся фрагментах второго тома Осмогласника имеется заставка, уже знакомая нам по первой книге Макария, а также два инициала. Однако наиболее примечательны шесть листовых иллюстраций, исполненных гравюрой на дереве. Иллюстрации исключительно выразительны. Темой для них служат различные библейские сюжеты. Изображения заключены в киотцы с полукруглым навершием, окруженные широкими декоративными рамками, по полю которых, белым по черному, пущен сложный растительный орнамент. Причудливо изогнутые ветви с листьями, бутонами и цветами обрамляют фигурки ангелочков, птиц и драконов. Непосредственно под гравированной иллюстрацией помещен герб Черноевичей, а по углам — символы евангелистов. Рисунок всех рамок полностью повторялся. Очевидно, применялась лишь одна доска с отверстием, в которое вставлялась гранированная доска для оттискивания иллюстрации.

Третьим изданием Макария была Псалтырь с восследованием, законченная печатью 22 сентября 1495 г. Здесь уже определенно названо место, где находилась типография,— «на Цетиню». Книга отпечатана «в четверку» на 348 ненумерованных листах. Тетради пронумерованы кирилловскими сигнатурами, поставленными на первом и обороте последнего листа. Книга достаточно редка[348]. Иллюстраций в Псалтыри нет, однако орнаментальное убранство богато — четыре заставки с трех досок и большое количество инициалов — с 27 досок.

Четвертое издание Макария — Молитвенник, или Требник. В полном виде неизвестен. Ленинградский фрагмент его состоит из семи ненумерованных листов[349]. Более полон фрагмент, найденный в селе Црколез, около Дечанского монастыря. Он содержит 41 лист, вплетенный в рукописную книгу[350]. Сохранившаяся часть книги украшена 16 инициалами, отпечатанными с шести досок. Большинство из них уже применялось в Псалтыри.

П. Шафарик, которому был известен третий фрагмент Молитвенника (всего лишь один лист), считал, что в полном виде книга содержала около 256 листов[351].

Пятое издание Макария — Триодь цветная до последнего времени не была известна в литературе. Лишь в 1951 г. в Дечанском монастыре были найдены пробные макулатурные листы из этой книги[352]. По литературным данным, известно шестое издание Макария — Четвероевангелие.

В 1499 г. Черногория была захвачена турками. Георгий Черноевич эмигрировал в Венецию. Типография в Цетинье прекратила свою деятельность.

Издания Швайпольта Фиоля уже в XVI столетии были достаточно широко распространены на Руси. Сказать то же самое об изданиях Макария мы не можем. Нам не известен ни один экземпляр цетиньских изданий с достаточно ранними вкладными и владельческими записями великорусского происхождения.

Однако в Москве, несомненно, знали о поздних южнославянских книгах кирилловского шрифта. Такие книги на протяжении XVI столетия выпускались несколькими типографиями как в Венеции, так и в Сербии. С технической точки зрения типографии эти восприняли приемы, выработанные Макарием.

Начало славянского книгопечатания в Румынии. Макарий. 10 ноября 1508 г. вышел в свет Служебник, отпечатанный повелением Радула — воеводы «вьсея земли Угровлахийской». Как сказано в послесловии книги, над ней «трудижеся» «мних и священникь Макарие». То же самое имя мы находим и в двух других румыно-молдавских изданиях — Осмогласнике 1510 г. и Четвероевангелии 1512 г.

Совпадение имен сербского и румынского первопечатников наводит на вполне определенные размышления. Уже такие старые авторы, как К. Калайдович и П. Кеппен, утверждали, что оба типографа — одно и то же лицо[353]. И. Руварац попытался конкретизировать это утверждение. По его мнению, Макарий в свое время уехал вместе с Георгием Черноевичем в Венецию и жил здесь до 1502 г. Затем сюда прибыл иеромонах Максим, посланный одним из сербских феодалов, Иованом Смедеревацем, братом жены Георгия, искать помощи у венецианского дожа. Максим будто бы вывез из Венеции сына Георгия, своего племянника Соломона, а вместе с ним и типографа Макария. Дальнейшие пути привели Макария в Румынию[354].

Впоследствии было доказано, что рассказ Руварапа — не более чем вымысел. Документы венецианских архивов свидетельствуют, что Соломон Черноевич оставался в Италии значительно позднее 1502 г.[355] О Макарии же вообще нигде нет никаких упоминаний.

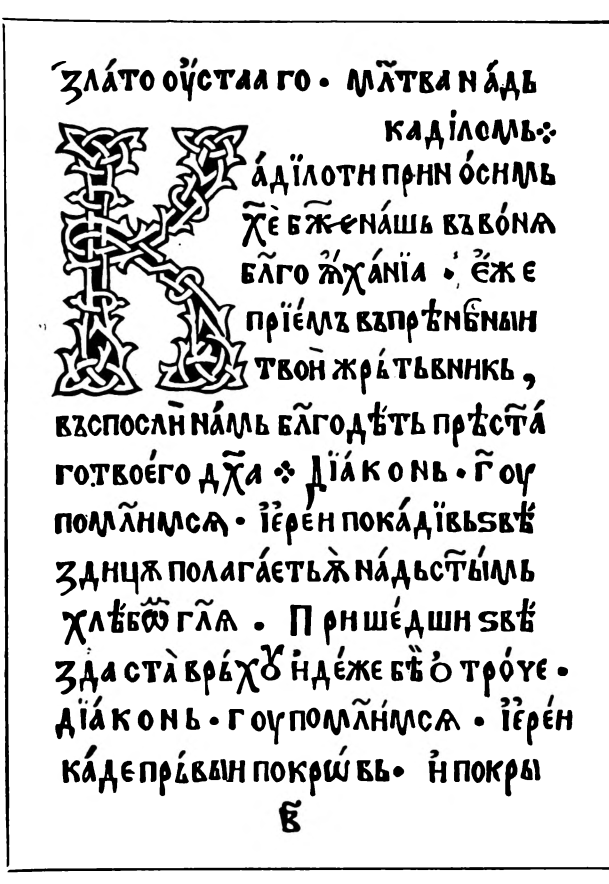
Версия Руварапа пустила глубокие корни и в настоящее время является едва ли не общепринятой. Между тем еще В. Ягич протестовал против отождествления обоих типографов[356]. В последнее время ту же точку зрения отстаивал болгарский историк П. Атанасов[357].

Познакомимся подробнее с изданиями румынского первопечатника. Первая его книга — Служебник — отпечатана «в четверку» на 128 ненумерованных листах. Тетради помечены кирилловскими сигнатурами, проставленными на первом и обороте последнего листа. Техника набора и двухкрасочной печати аналогична приемам сербских первопечатников. Однако строки румынский Макарий не выключает. В книге шесть заставок балканского стиля, отпечатанных с трех гравированных досок, и большое количество плетеных инициалов[358].

Второе издание Макария — Осмогласник, вышедший из печати 26 августа 1510 г. Впервые он был обнаружен Л. А. Кавелиным в библиотеке сербского Хилендарского монастыря[359]. Впоследствии нашли еще один экземпляр этого издания — на этот раз в митрополичьей библиотеке гор. Блаж (Румыния). Этот экземпляр подробно описан П. Панаитеску[360]. Осмогласник отпечатан в лист на 200 ненумерованных листах. Сигнатуры проставлены так же, как и в Служебнике. В книге три гравированных на дереве заставки, а также некоторое количество инициалов.

Третье издание румынского первопечатника — большое напрестольное Четвероевангелие, вышедшее в свет 25 июня 1512 г. Это первое известное нам славянское печатное Евангелие (если не считать несохранившегося сербского издания). Книга отпечатана в лист на 289 листах, не имеющих нумерации. Сигнатуры — обычные для южнославянских изданий — на первом и обороте последнего листа каждой тетради. Художественное убранство Четвероевангелия составляют большие заставки перед каждым из четырех евангелий, девять малых заставок перед оглавлениями и предисловиями, а также красивые плетеные инициалы. Одна из больших заставок раньше встречалась нам в Осмогласнике, три другие вырезаны вновь.

В послесловии книги отмечено, что напечатать ее приказал «Басараба, великыи воевода и господинь вьсеи земли Угровлахийской и Подунавию». В Библиотеке Румынской Академии наук найдена рукописная копия Четвероевангелия 1512 г., в послесловии которой имя воеводы Нягое Басараба заменено именем воеводы Влада Великого. Это позволило румынскому ученому П. Панаитеску утверждать, что изданий Четвероевангелия было не одно, а два[361].

златоустаго. молтва надь
кадиломь:
Кадило ти приносимь
Хе Бже нашь въ вона
блго ѹханиа. еже
прiемъ въ прѣнбныи
твои жрьтьвникь,
въспосли намь блгодѣть прѣста
го твоего дха. Дiаконь. Гоу
помлимса. Iерен покадивь ѕвѣ
здицѫ полагаеть ж надь стымь
хлѣбомь глѧ. Пришедши ѕвѣ
зда ста връхѹ идеже бѣ отроче.
Дiаконь. Гоу помлимса. Iерен
кадепрьвыи покрwвь. и покры
в

Полоса из Служебника 1508 года

Были ли известны румынские первопечатные издания в Московской Руси? Сказать что-либо определенное по этому вопросу пока еще не представляется возможным. Нам неизвестны издания Макария с достаточно ранними вкладными и владельческими записями великорусского происхождения.

Определенные параллели могут быть проведены в области орнаментики. В русской рукописной книге, а впоследствии изредка и в печатной встречаются плетеные инициалы, похожие на буквицы Макария. Однако аналогичные буквицы применялись и в более поздних сербских изданиях, например в Псалтыри с восследованием Божидара Горажданина (1521).

Одна из заставок Осмогласника 1510 г. близка к схеме, зарегистрированной в альбоме Т. Б. Уховой под № 7. Схема, однако, применялась в русской рукописной книге с начала XV столетия. В этом случае, повидимому, приходится говорить об общих источниках, восходящих к старой балканской традиции.

После издания Четвероевангелия 1512 г. книгопечатание на румынской земле прекратилось до 1535 г. Новый очаг славянского типографского дела возникает в эти годы в Праге. История его связана с именем знаменитого белорусского просветителя Франциска Скорины.

Начало белорусского книгопечатания. Франциск Скорина. Биографическая канва жизни и деятельности Франциска (Георгия) Скорины достаточно подробна и обстоятельна. Известно немало подлинных документов, упоминающих его имя. Скорина — единственный из славянских первопечатников, которому посвящены обстоятельные монографические исследования [362].

Франциск Скорина. Гравюра на дереве

Родился Франциск в 80-х гг. XV столетия в богатой купеческой семье древнего города Полоцка. Отец его Лука (Лукиан) Скорина упоминается в одном из актов 1492 г.[363] Торговлей занимался и брат Франциска — Иван[364].

Будущий белорусский первопечатник получил превосходное образование. В 1504 г. мы встречаем его имя — Franciscus Luce de Ploczko, то есть «Франциск Лукич из Полоцка», в списке студентов прославленного Краковского университета[365]. Два года спустя он получает здесь степень бакалавра. Однако Скорина считает необходимым продолжить свое образование. Через несколько лет он — в Падуанском университете. 5 октября 1512 г. медицинская коллегия университета слушает вопрос об освобождении «juvenis» («молодого человека») «Dominus Franciscus, quondam D. Lucae, Scorina de Ploczko» от платы за сдачу экзаменов. Вопрос был решен положительно, и 6—9 октября Скорина успешно сдал экзамены и получил степень доктора медицины[366].

После этого молодой «в лекарских науках доктор», как он впоследствии будет называть себя, на пять лет ускользает от нашего внимания. Мы снова встречаем его в 1517 г. в Праге.

6 августа 1517 г. выходит в свет славянская Псалтырь, в послесловии которой сказано: «...я Францишек Скоринин сын с Полоцка, в лекарских науках доктор, повелел есми псалтырю тиснути рускими словами а словенским языком». Издание свое белорусский первопечатник адресо-

Титульный лист Библии Франциска Скорины

вая «детем малым як початок всякое доброе науки грамоты, еже добре чести и мовить учит».

И в дальнейшем издательская деятельность Скорины носит прежде всего просветительский характер.

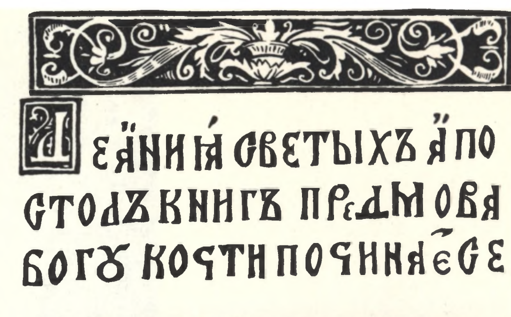
Наиболее грандиозным предприятием Скорины был перевод Библии на белорусский язык. Ветхий завет он печатает отдельными книгами. В настоящее время известно 22 такие книги, вышедшие в свет в 1517—1519 гг. в Праге. Печатать их Скорина начал тотчас же по окончании Псалтыри.

Кроме сохранившихся библейских книг, напечатанных Скориной, возможно, имелись и другие, в настоящее время нам не известные. Можно также предположить, что Скорина перевел всю Библию, однако напечатать ее почему-либо не смог. В этом нас убеждает тот примечательный факт, что наука знает рукописные списки библейских книг в переводе Скорины, печатные издания которых до сего дня неизвестны. Это «Книги пророков», найденные в 40-х гг. прошлого века М. П. Погодиным, а также книги «Паралипоменон», обнаруженные несколько позднее Я. Ф. Головацким в библиотеке львовского Онуфриевского монастыря [367].

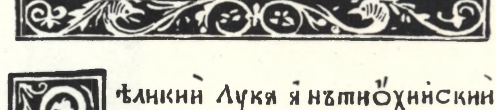
Сохранилось также общее «Предъсловие доктора Франъциска Скорины с Полоцка во всю Вивлию рускаго языка». Оно напечатано отдельной

Починаетьсе книга деяния и посълания апостольская зовемая апостолъ, збожию помочью справлена докторомъ францискомъ скориною сполоцька

Деяния светыхъ апостолъ книгъ предмова богу к чти починаетсе

Великии Лука антиохинскии в лекарскихъ наукахъ докторъ преизяченыи. И евангелистъ Іс Хсъ предивныи. Товаришъ славного всехъ народовъ учителя, и апостола Павла. Онже будучи лекаремъ телеснымъ досконалымъ. видамеси речи телесные иже суть суетны, и минущи.

Апостол Франциска Скорины. Вильна, 1525 год

тетрадкой, которой предпослан гравированный титульный лист. Это первый известный нам титульный лист славянской печатной книги.

Работа по переводу Библии, естественно, требовала немалого времени. Вполне возможно, что Скорина занимался этим в 1512—1517 гг., то есть в те самые годы, о которых у нас нет никаких сведений.

Свой труд, свершенный в далекой Праге, Скорина адресует своим землякам. Все его помыслы устремлены на службу родному народу. «Понеже от прирожения звери, ходящие в пустыни, знают ямы свои,— пишет он в предисловии к Книге Иудифь.— Птицы, летающие по воздуху, ведають гнезда своя. Рыбы, плывающие по морю и в реках, чують виры своя. Пчелы и тым подобныя боронять ульев своих. Також и люди, игде зародилися и ускормлены суть по бозе, к тому месту великую ласку имають». Эта «великая ласка», стремление быть поближе к «своей братии Руси», для просвещения которой он трудился, заставляют Скорину перенести типографию на родину.

Он поселился в Вильне, устроив мастерскую «в дому почтивого мужа Якуба Бабича, наистаршего бурмистра славнаго и великаго места Виленскаго». Здесь в марте 1525 г. вышла в свет первая печатная книга на территории нашей страны — Апостол.

Впоследствии в той же типографии без обозначения года издания была напечатана «Малая подорожная книжица», включавшая Псалтырь, Часослов, Акафисты, Каноны, Шестодневец, краткие Святцы и Пасхалию. Другие издания Франциска Скорины нам не известны.

В конце 20-х и начале 30-х гг. он живет в Вильне — имя его в эти годы неоднократно упоминается в документах судебного характера. В 1530 г. Франциск Скорина короткое время служит у прусского герцога Альбрехта-старшего. Вскоре, однако, семейные обстоятельства вынудили Франциска покинуть Кёнигсберг. 16 мая 1530 г. герцог выдал ему пропускной лист, а также послание к виленскому воеводе Гаштольду с прось-

бой оказывать всяческое содействие «выдающемуся и многоученому мужу». Два дня спустя герцог обратился к Виленскому магистрату с просьбой вернуть Скорине конфискованное имущество. После отъезда Скорины выяснилось, что с ним вместе покинули Кёнигсберг личный врач герцога и какой-то еврей-типограф. Раздраженный Альбрехт по этому поводу обратился 26 мая 1530 г. с жалобой к воеводе Гаштольду [368].

Эпизод с типографом наводит на мысль, что Скорина собирался после 1530 г. возобновить издательскую деятельность. Однако каких-либо новых изданий его мы не знаем. Правда, некоторые авторы относят ко времени после 1530 г. недатированную «Малую подорожную книжицу». Однако для этого серьезных оснований нет.

В 30-х гг. имя белорусского первопечатника снова встречается в судебной документации. Много неприятностей доставили Скорине кредиторы его брата Ивана. В эти годы Франциск служит секретарем и врачом виленского епископа. Однако ему приходится нередко покидать Вильну в связи с претензиями по наследству умершего в Познани Ивана Скорины, в имуществе которого имелась доля Франциска. Споры вокруг наследства привели Франциска в познанскую тюрьму, куда он был заключен по ложному обвинению; через десять недель он был реабилитирован и освобожден [369].

В середине 30-х гг. белорусский первопечатник покидает Вильну и перебирается в хорошо знакомую ему Прагу, куда его пригласили на должность королевского садовника. В пражских архивах сохранился документ от 29 января 1552 г., в котором именем короля Фердинанда Симеону Русу дозволяется получить имущество, оставшееся после его покойного отца «доктора Франтишка Руса Скорины с Полоцка» [370]. Таким образом устанавливается, что Скорина умер в Праге до 1552 г.

А. В. Флоровский, который впервые опубликовал помянутый документ, привлек к интересующей нас теме описание пражского пожара 1541 г., принадлежащее перу хрониста Вацлава Гайека. В описании, изданном несколько недель спустя после пожара, среди погибших упоминается «младенец Франтишек, сын покойного доктора Руса» [371]. Если отождествить упомянутого здесь «доктора» с Франциском Скориной, что вполне допустимо, кончину белорусского первопечатника следует отнести ко времени около 1541 г.

Познакомимся подробнее с изданиями Скорины и основными приемами полиграфической техники, применяемой им или служившими у него типографами.

Библейские книги, выпущенные в свет в Праге в 1517—1519 гг., напечатаны «в четверку». Скорина впервые среди славянских типографов применил полистовую пагинацию кирилловскими числами, которые проставлены в Псалтыри внизу, в книгах Иова, Царств, Исуса Навина, Иудифь, Бытия, Исход, Левит, Числа, Второзакония, Руфь, Судей, Эсфирь, пророка Иеремии, пророка Даниила — вверху справа и в других книгах — вверху слева. Потетрадной сигнатуры в этих изданиях нет.

Художественное убранство пражских изданий Скорины состоит из большого количества гравюр на ветхозаветные темы, портрета самого Скорины (в двух вариантах), гравированного общего титульного листа, заставок, концовок, полевых украшений и буквиц. Уровень полиграфического исполнения очень высок.

Шрифт — четкий и красивый, с большим количеством вариантов одноименных знаков. Надстрочные знаки, как и у Макария, отлиты вместе с литерами. Выключка хорошая.

Во всех пражских изданиях Скорины нет второй краски. Единственное исключение — «Песнь песней», где киноварью отпечатаны текст на титульном листе и заглавия. Много киновари и в тексте. Печать — двухпрокатная, по-видимому, с одной формы.

Любопытнейшим приемом, который ранее нам не встречался (за исключением глаголического Служебника 1483 г.), является так называемое

слепое тиснение, техническая сущность которого будет подробно рассмотрена в следующей главе. Этот прием у Скорины встречается редко и, как правило, на последних пустых листах, которые сохранились в очень немногих экземплярах. При этом другие экземпляры тех же изданий не обнаруживают никаких признаков тиснения. Явные следы слепого тиснения связного текста имеются на л. 52 об. Книги Иова и на л. 48 Притч Соломона [372].

Заключая рассмотрение пражских изданий, отметим, что на многих экземплярах их имеются надписи, сделанные несомненно в самой типографии, полууставом, имитирующим шрифт Скорины. Надписи гласят: «А накладом Богдановым Онкович з Виленского места» [373]; «А то ся стало накладом Богдана Онкова сына радци места Виленского» [374].

Виленский Апостол 1525 г. отпечатан «в восьмушку» на 351 нумерованном листе. Кирилловская пагинация проставлена в правом верхнем углу каждого листа раздельно для деяний, соборных посланий, посланий апостола Павла и Месяцеслова. Сигнатуры тетрадей, как и в пражских изданиях, нет.

Киноварью отпечатаны текст титульного листа, заголовок предисловия и буквица. Много киновари в Месяцеслове (Соборнике). В тексте киноварью печатаются указания «под строкой», указания в тексте и на полях на конец недельных чтений и др. Любопытно, что имеются экземпляры, в которых киноварь — лишь на титуле, в предисловии и в Соборнике. Киноварные надписи текста здесь попросту опущены [375].

В виленских изданиях Скорина применяет все ту же, общую для первопечатных славянских изданий технику двухпрокатной печати с одной формы.

Методы набора и верстки пражских изданий повторяются и в виленских. Однако слепого тиснения в них обнаружить не удалось.

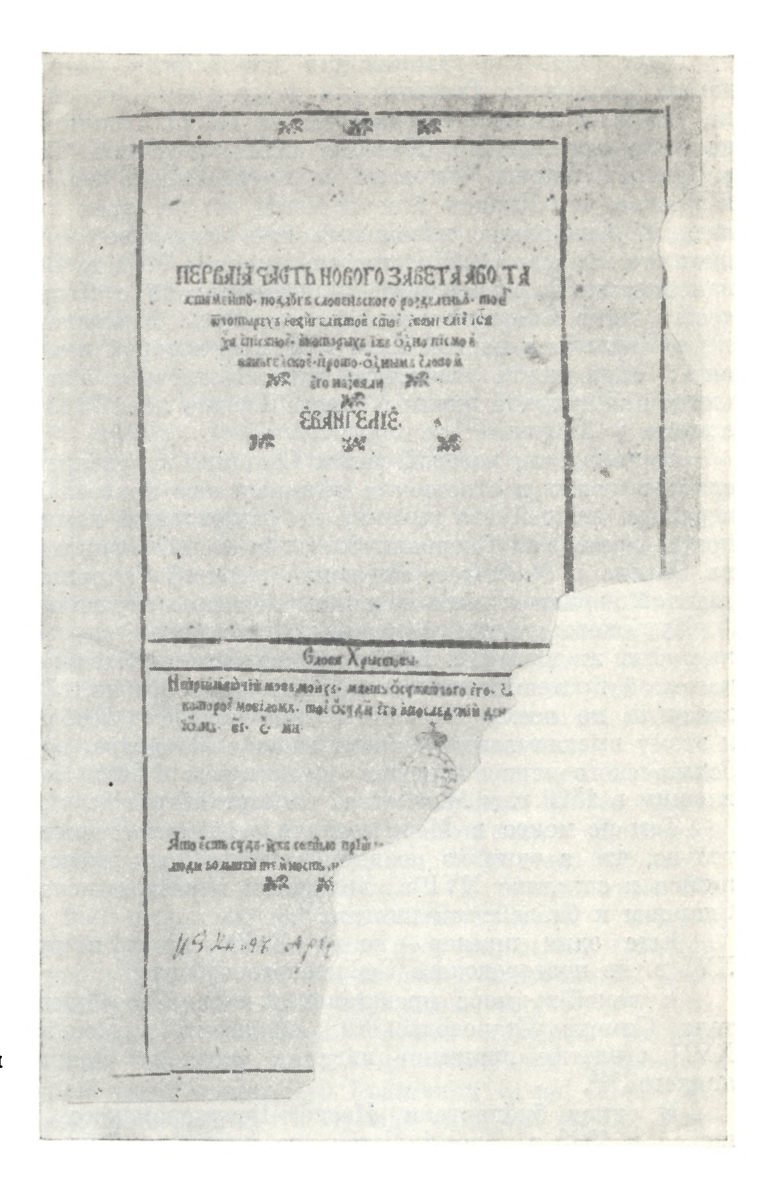
Иллюстраций в виленском Апостоле нет. Однако здесь великое обилие заставок, концовок и гравированных буквиц (по подсчетам А. Анушкина, 624 украшения) [376].

Последнее издание Франциска Скорины — «Малая подорожная книжица» — отпечатано в 12-ю долю листа. Каждый из разделов книги имеет собственную кирилловскую пагинацию. В Псалтыри — 140 л., в Часословце — 60 л. Шестнадцать акафистов и канонов имеют каждый свою нумерацию. В Шестодневце с канонами — 48 л. Наконец, в Святцах — 13 л. Мы не знаем ни одного экземпляра «Малой подорожной книжицы», в котором бы сохранился последний раздел «Пасхалия». Между тем он упоминается в предисловии. Поэтому общий объем издания установить нельзя.

Деятельность выдающегося белорусского просветителя Франциска Скорины оставила значительный след в истории отечественной культуры. О значении этой деятельности здесь говорить не приходится; она оценена по заслугам такими историками, как В. И. Пичета, да и новейшими авторами [377].

Для нашей темы представляет интерес другой вопрос, а именно влияние типографской техники Скорины на последующую традицию. Приходится признать, что влияние это не было сильным. Его можно проследить главным образом на книгах, изданных в пределах Белоруссии и Литвы. Прежде всего нужно упомянуть о Несвижской типографии.

Душой этой типографии был виднейший деятель протестантского движения в Литовской Руси Симон Будный. Покровителем ее был князь Николай Радзивилл, а номинальным владельцем — несвижский староста Матвей Кавечинский. В 1562 г. здесь были отпечатаны кирилловским шрифтом два сочинения Будного: «Катихисис, то есть наука стародавняя христианская от светого писма для простых людей языка руского» и «О оправдании грешного человека пред Богом». Графика шрифта аналогична скорининской. Однако техника набора совершенно другая. Скорина, как уже известно читателю, отливал надстрочные знаки вместе с лите-

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ НОВОГО ЗАВЕТА ЯБО ТА

ЕВАНГЕЛІЕ

Евангелие Василия Тяпинского. Титульный лист. ГПБ

рами. Шрифт Несвижской типографии, напротив, имел отдельно отлитые надстрочные знаки. Поэтому нет никаких оснований утверждать, что здесь работал один из мастеров Скорины. В типографии скорее всего трудились польские печатники. Документально установлено пребывание в Несвиже в 1562—1571 г. известного польского печатника Даниила Ленчицкого [378].

Влияние графики шрифта Скорины можно проследить и в Евангелии Василия Тяпинского, изданном в 70-х гг. XVI в. [379] В дальнейшем в Белоруссии и на Украине господствует московский полуустав, привезенный сюда Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем.

Говоря о влиянии орнаментики Скорины, следует назвать несколько виленских изданий конца XVI — начала XVII в. С досок Скорины отпечатаны заставки и буквицы в нескольких книгах, вышедших из виленской Братской типографии — «Грамматике» Лаврентия Зизания (1596), «Псаломнице» (1596), «Вертограде душевном» (1620) и др. [380] Близкие копии орнаментики имеются в Псалтыри, изданной в Евью в 1611 г.

В московской печатной традиции влияние Франциска Скорины отыскать трудно.

Исключительно важный для нас вопрос — распространялись ли издания Франциска Скорины на территории Московской Руси — решить не так-то просто. С географической точки зрения для этого, казалось, не было препятствий. Как мы знаем, издания Фиоля, напечатанные в Кракове, широко бытовали на Руси. Вильна же, как известно, ближе к Москве, чем Краков. Тем не менее мы не знаем ни одного экземпляра изданий Скорины с вкладными или владельческими записями великорусского происхождения, относящимися к XVI в. В XVII в. положение изменяется. Во время многочисленных войн с Польшей большое количество книг Скорины попадает на Русь. Упомянем, например, пражскую Библию, в первой Книге Царств которой имеется следующая запись: «Сия книга Алексеева дому Петровича Гладкова, а взята сия книга в Литовской земли в городе Гродно лета 7163 (1655) году месяца августа в 26 день» [381].

Причину, по которой книги Скорины не распространялись на Руси, следует искать в отношении официального православия к самому факту перевода священного писания на разговорный язык, а также и к личности Франциска Скорины. Здесь не лишне припомнить поездку Богдана Онкова в Москву и сожжение изданий Скорины. Отношение православной церкви к этим изданиям косвенно отразилось в высказываниях А. Курбского: книги «Скорины Полотскаго» «преведены... с препорченых книг жидовских». Курбский связывает деятельность Скорины с пропагандой протестантства: «...аз сам видел Библии Люторов перевод, согласующ по всему Скориным Библием» [382]. Любопытной параллелью к этому высказыванию служит мнение Копитара, который отождествлял белорусского первопечатника с «доктором Франциском Поляком», побывавшим в 1529 г. у М. Лютера в Вюртемберге [383].

Тем не менее в Москве знали о книгах Скорины. Наиболее показательно, что в один из поздних списков Геннадиевской Библии, относящийся к середине XVI в., включены переводы почти всех предисловий Скорины к библейским книгам [384].

Еще один пример — копия Книги Иова в рукописном сборнике XVI в. из новгородского Софийского собора [385].

В какой-то мере представляет интерес сообщение польского писателя Симона Старовольского, видевшего в Москве в самом начале XVII столетия пражские издания «доктора Франциска Скорины Полоцкого» [386].

В описи библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря, относящейся к 1545 г., упоминаются два печатных Апостола. Это могли быть лишь виленские издания 1525 г., ибо других славянских Апостолов, изданных до 1545 г., мы не знаем. Книги Скорины встречаются и в других монастырских описях, правда, более поздних. Среди них опись 1650 г. библиотеки Спасо-Евфимьевского монастыря в Суздале. Упомянутую здесь скорининскую Библию еще в 1881 г. видел в монастыре И. А. Шляпкин [387]. В 1675 г. из Воскресенского монастыря в Москве пражская Книга Царств была взята в Патриаршую ризную казну [388].

Книги Скорины, по-видимому, имелись и в частных библиотеках. Пражские издания были в Сольвычегодском книгохранилище Строгановых [389]. Издания эти известны и одному из первых наших библиографов — автору «Оглавления книг, кто их сложил».

Из всего вышеизложенного следует вывод: издания Франциска Скорины были известны в Московской Руси, однако одобрением официального православия не пользовались и в литургической практике не применялись.

Теперь нам предстоит решить важнейший вопрос о практической связи между типографией Скорины и московскими первопечатниками. Вопрос этот давно решен положительно... некоторыми беллетристами. В драматической трилогии «Георгий Скорина» белорусского писателя М. Н. Климковича (1899—1955) живописно изображена встреча Ско-

рины с дьяком Посольского приказа (?) Иваном Федоровым, которого приводит в дом к Франциску его друг и ученик Петр Мстиславец[390]. В романе М. Садковича и Е. Львова «Георгий Скарина» московский печатный мастер Тихон Захаров (?) и его подручный, теперь уже 15-летний мальчик «Петька Мстиславцев», приходят «по зову» Скорины в Вильну[391].

Аналогичные мнения можно встретить и не в художественной литературе. Имя московского первопечатника Петра Тимофеева Мстиславца как будто бы указывает на его литовско-русское происхождение — из гор. Мстиславля. Отсюда делают далеко идущие выводы. Еще А. Гатцук считал, что именно Мстиславец и был учителем Ивана Федорова[392]. Многие авторы подчеркивают географическую близость Мстиславля к Полоцку[393], а следовательно, и возможность обучения Петра Тимофеева в типографии Скорины, забывая, что типография эта была не в Полоцке, а в Вильне. К. Н. Бестужев-Рюмин считал, что Мстиславец был одним из мастеров Скорины[394]. Т. Ильяшевич даже сообщает подробности: Петр Мстиславец в ранней молодости пришел в Вильну, научился здесь типографскому ремеслу у Франциска Скорины, затем с кочевой типографией перебрался в Новгород и отсюда уже попал в Москву[395].

Для таких утверждений нет решительно никаких оснований. Это чистейший вымысел, не подкрепленный ни одним документальным свидетельством. Внешний облик московских изданий, их орнаментика и фигурная гравюра не обнаруживают никакого сходства с книгами Франциска Скорины. Различна и типографская техника, за исключением разве лишь слепого тиснения, которое Скорина применял очень умеренно.

Расскажем еще об одной легенде, начало которой положил А. Попов. В составленном им описании библиотеки А. И. Хлудова он так описал московское безвыходное узкошрифтное Четвероевангелие: «Евангелие без выхода, печать близка к несвижской, около 1560 года, 325 л.»[396]. Аналогичное мнение впоследствии высказывал П. В. Владимиров — он утверждал, что книга напечатана «подражательным шрифтом — несвижскому, сходному со скорининским»[397]. Мнение получило права гражданства в нашей литературе и впоследствии неоднократно повторялось. Даже такой серьезный исследователь, как А. И. Некрасов, говорил, что узкошрифтное Четвероевангелие «напечатано... грубым шрифтом, схожим с несвижским»[398]. Дальше — больше. В. Л. Ластовский счел возможным утверждать, что «литеры этого анонимного Евангелия те же самые, что и в книгах Несвижской типографии»[399]. Отсюда следовал вывод: узкошрифтное Четвероевангелие напечатано не в Москве, а в... Несвиже.

На самом деле шрифты несвижских изданий и узкошрифтного Четвероевангелия не имеют решительно ничего общего. Об этом писал еще Н. Н. Щекотихин, хотя и он не преминул подчеркнуть «зависимость московского книгопечатания от Скорины», которая, по его мнению, «бесспорна»[400].

Парадоксально само утверждение, что книги для православной Москвы могли печататься в Несвижской типографии у Симона Будного, которого считал еретиком даже такой реформационно настроенный писатель, как Артемий. Адепты помянутого мнения не приняли во внимание и такой очевидный факт, как основание Несвижской типографии лишь в 1562 г.; узкошрифтное Четвероевангелие вышло в свет за восемь-десять лет перед этим.

На протяжении 27 лет, между 1525 и 1562 гг., на территории Литовско-Русского государства не функционировала ни одна славянская книгопечатня. Да и из польских типографий могут быть названы лишь сравнительно поздние мастерские Бернарда Воеводки (1553—1554) и Станислава Мурмелиуса (1558—1561) в Брест-Литовске. Очевидно, что Петр Тимофеев, если принять во внимание гипотезу о его литовско-русском происхождении, мог учиться только у Скорины. Но тогда приходится

признать, что свою виленскую типографию он основал, будучи 70 с лишним лет от роду. Нам не кажется вероятным это предположение.

Все это вместе взятое заставляет нас отвергнуть версию о литовско-русских и польских истоках московского книгопечатания, не отрицая, впрочем, отдельных влияний и заимствований.

Книгопечатание у южных славян в первой половине XVI в. Новейший исследователь Иосип Бадалич насчитывает 28 славянских книг кирилловского шрифта, изданных южными славянами в первой половине XVI в.[401] К этому числу нужно прибавить по крайней мере шесть книг, выпущенных в Румынии и учитываемых румынскими библиографами[402]. Книги эти вышли из разных типографий. Среди книгопечатен были такие, которые имели своеобразный меценатский характер. Другие, напротив, были чисто коммерческими предприятиями. Третьи работали при монастырях и поддерживались монашеским рвением.

Крупнейшая и наиболее активная типография у южных славян начала работать в 1519 г. в Венеции[403]. Основал ее черногорский просветитель и политический деятель Божидар Вукович. Эмигрировав в Венецию после захвата Черногории турками, он познакомился здесь с типографским делом: «... и дошьдшоу ми вь граде Венетиани, видех сьставливающих божьстьвнаа писаниа на типарехь Фроуги же и Грькы и иние езыку, желаниемь вьжделех и наша срьбьскаа же и бльгарскаа такожде на типарехь съставити». Так рассказывал он сам в послесловии к Молитвеннику 1521 г. Фраза составляет любопытную параллель к соответствующему месту из послесловия московского Апостола 1564 г. Особенно показательно уже отмечавшееся нами сходство в отсылках к «фругам» и грекам.

Божидар Вукович сам типографом не был. В его мастерской трудились разные печатники. Из них, по упоминаниям в послесловиях, нам известны иеромонах Пахомий родом «от Црьние Гори от Реке»[404], иеродиакон Моисей «от срьбские земли, отчьством же оть места нарицаемаго Боудимля»; священники Феодосий и Геннадий из монастыря Милешево. Книги, вышедшие из типографии Вуковича, делали разные мастера, однако всем им свойственно определенное стилистическое единство. Одинакова и полиграфическая техника.

Первым изданием Божидара Вуковича был Служебник, вышедший в свет 7 июля 1519 г. За ним последовали Псалтырь с Часословцем (1519—1520) и Молитвослов (1521). Затем типография прекращает свою деятельность на 15 лет. После долгого перерыва, в апреле 1536 г., в свет выходит Молитвенник (Соборник). В дальнейшем Божидар Вукович издал Осмогласник — гласы V—VIII (1537), Праздничную Минею (1538), Молитвенник (1538—1540).

После смерти Божидара (ок. 1540) типографскую деятельность продолжал его сын Виченцо Вукович. Характер издательства при нем изменился и приобрел откровенно коммерческий оттенок. Выпуская православные богослужебные книги, Виченцо одновременно предлагал свои услуги Ватикану для издания католической пропагандистской литературы[405]. Первым изданием Виченцо была Псалтырь с Часословцем, вышедшая в 1546 г. и повторявшая издание 1520 г. За Псалтырью последовали Соборник (Молитвослов) 1547 г., Служебник 1554 г., Соборник 1560 г., новое издание Псалтыри — 1561 г. В 60-х гг. в типографии Виченцо Вуковича были напечатаны Триоди постная и цветная, издателем которых выступал Стефан из города Скутари в Албании[406]. А несколько лет спустя книгопечатню приобрел болгарин Яков Крайков[407].

Полиграфическое исполнение венецианских изданий Вуковичей превосходно. Они хорошо орнаментированы и иллюстрированы. Выключка правильная. Шрифт четкий, линии строк ровные.

Октоих и Праздничная Минея отпечатаны в лист, Псалтыри и Служебники — «в четверку», Молитвенники — в восьмую долю листа. Тетради, как правило, восьмилистные. Пагинацию Вуковичи не приме-

няли, однако не забывали проставлять сигнатуры. В изданиях Божидара Вуковича сигнатура поставлена на первом и обороте последнего листа каждой тетради. Виченцо Вукович проставлял сигнатуру кирилловскими и латинскими буквами на первых четырех листах каждой тетради и обозначал соответствующим количеством черточек порядковый номер листа.

Надстрочные знаки шрифта отлиты вместе с литерами. Некоторые знаки имеют по два и более начертаний (например, «твердо» низкое и высокое). Характерная особенность шрифта — большое количество лигатур и логотипов. Некоторые лигатуры отлиты вместе с надстрочными знаками (например, «рдц» в слове «сердце»). Верхняя часть таких лигатур выходит за линию нижних выносных элементов предшествующей строки, благодаря чему в книгах Вуковичей наблюдается некоторое «перекрещивание» строк, что сближает их с московскими первопечатными изданиями.

Любопытными особенностями обладает двухкрасочная печать. Как и в остальных славянских типографиях, здесь применяли одну наборную форму, содержащую «черные» и «красные» элементы. «Красное» печатали раньше «черного». Оригинальной была методика нанесения киновари. Для этого применяли «маску» — лист с вырезанными в нем участками «красного» набора. Если лист во время нанесения краски случайно сдвигался, киноварь попадала на «черные» литеры, а «красный» набор покрывался краской неполностью. При этом четко вырисовывалась граница маскирующего отверстия [408].

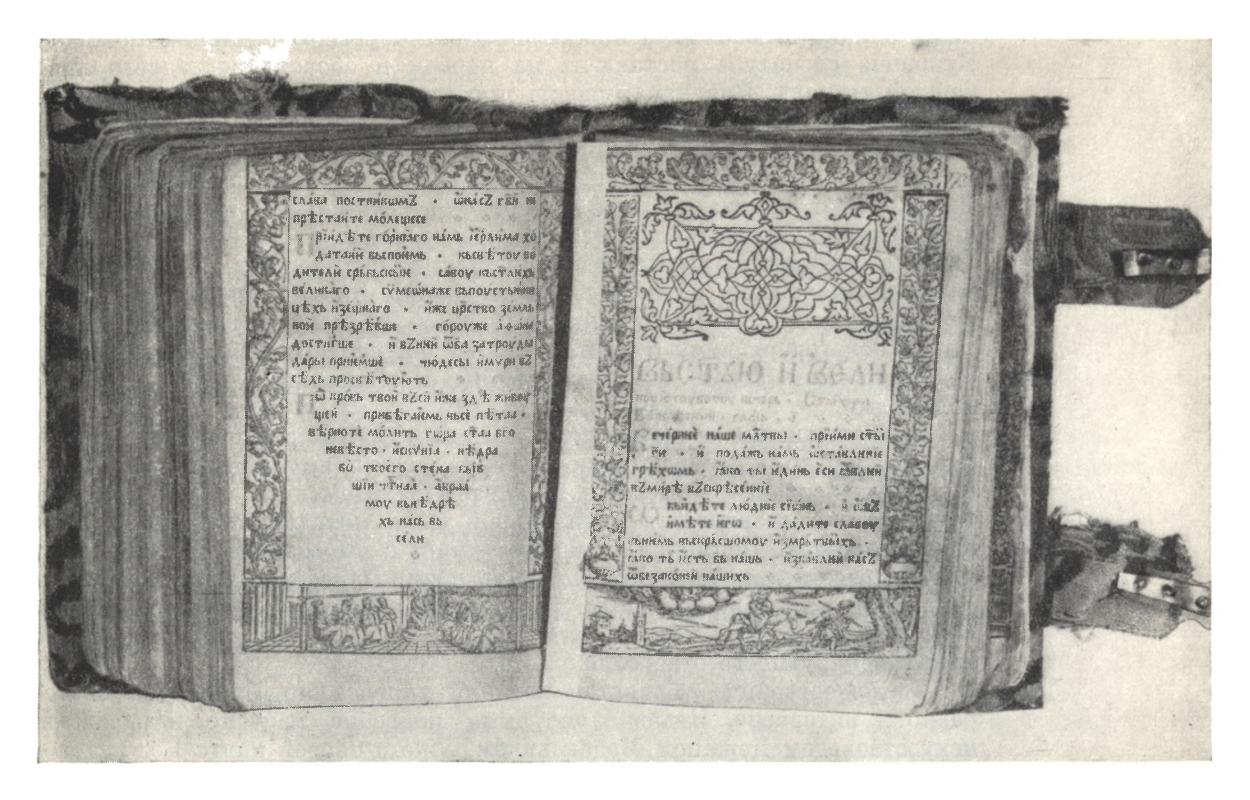
Художественное убранство изданий типографии Вуковичей своеобразно и интересно. Недавно оно было подробно изучено югославским искусствоведом Дежаном Медаковичем. Уже в первой книге Божидара — Служебнике 1519 г. — мы встречаем две заставки и две небольшие виньетки. Заставки воспроизводят традиционную схему балканского плетения. Параллели к ним легко можно найти и в древнерусской рукописной книге. Эти же заставки впоследствии употреблены в Служебнике 1554 г., а вторая из них, кроме того, и в Псалтыри 1546 г. Интересно, что близкие копии заставок мы находим в Служебнике 1583 г., вышедшем из виленской типографии Мамоничей [409]. Это доказывает, что издания Вуковичей были во всех славянских странах.

В Псалтыри с Часословцем 1520 г. — те же самые виньетки, а также три новые заставки, выполненные в том же балканском стиле. Как Служебник, так и Псалтырь с художественной стороны достаточно скромны. Этого нельзя сказать о Молитвеннике (Соборнике) 1536 г. и Праздничной Минее 1538 г. В Минее свыше 30 гравированных на дереве иллюстраций, доски которых частично были употреблены и в Молитвеннике.

Виченцо Вукович значительно улучшил оформление книг. Среди них весьма примечателен небольшой по формату, но чрезвычайно изящный Соборник 1547 г. Открывается он нарядным гербом Вуковичей. Каждая страница книги заключена в гравированную рамку. Верхняя горизонтальная перекладина и вертикальные боковые части рамки заняты растительным орнаментом с играющими ангелочками. Нижняя перекладина представляет собой небольшую гравюрку с сюжетом на библейские темы. Известно до девяти вариантов гравированных рамок.

Своеобразным декоративным приемом изданий Вуковичей было использование второго цвета. Ритмическое чередование «красного» и «черного» создавало здесь удивительные эффекты. Об этом недавно писал А. А. Сидоров [410]. Оригинальное использование киновари резко выделяет группу южнославянских изданий, отличая ее, например, от книг Франциска Скорины или же от московских первопечатных книг.

Многие авторы указывали на точки соприкосновения между изданиями Вуковича и московским первопечатанием [411]. При этом чаще всего обращали внимание на орнаментику — своеобразные арабесковые заставки, впервые появляющиеся в изданиях Виченцо Вуковича. Уже в первом

Соборник Вуковича. Венеция, 1547 год

из них — Псалтыри 1546 г. — мы встречаем небольшую виньетку с арабеской, выполненной белым по заштрихованному фону. Несколько в ином ключе исполнены арабесковые заставки Соборника 1547 г. Здесь господствует тонкий черный штрих по белому фону. Аналогичные заставки и в Соборнике 1560 г.

Исследователи справедливо проводили параллели между орнаментикой Виченцо Вуковича и некоторыми заставками московского широкошрифтного Четвероевангелия. Мы присоединяемся к этому мнению. Издания венецианских славянских типографий имели распространение в Московском государстве и, конечно же, были в руках наших первопечатников. Об этом свидетельствуют отмеченные выше параллели в текстах послесловий, а также и в стиле орнаментики. Однако об определяющем и преобладающем влиянии и в этом случае говорить не приходится.

Расскажем вкратце о других книгопечатнях южных славян первой половины XVI в. Типично монастырской типографией была мастерская, возникшая в 1519 г. в Горажде (Герцеговина). Основателем ее был «старец» Божидар Горажданин, пославший своих «детей» братьев Джуру и Феодора Любавичей учиться типографскому ремеслу в Венецию. Джура во время учения умер, а Феодор приобрел шрифты и печатное оборудование и вернулся на родину. Типография Феодора Горажданина выпустила три книги — Служебник 1519 г., Псалтырь с восследованием 1521 г. и Требник — Молитвенник (ок. 1523). В послесловии Требника привлекают внимание рассуждения о французах — «фругах», находящие параллели в послесловии к московскому первопечатному Апостолу.

Впоследствии Любавич перенес свою типографию в Румынию, в Терговище, и здесь напечатал Молитвенник 1545 г. и Апостол 1547 г. Около того же времени в Румынии возникает типография Филиппа Молдованина, из которой вышло чрезвычайно редкое Четвероевангелие 1546 г.[412]

Возвращаясь в Сербию, упомянем типографии Руянского монастыря (Четвероевангелие 1537 г.)[413], Грачаницкого монастыря (Октоих 1539 г.)[414], Милешевского монастыря (Псалтырь с Часословцем 1544 г., Молитвенник 1546 г., Псалтырь 1557 г.)[415]. Большой интерес представляет Руянское Четвероевангелие, издание, в высшей степени несовершенное. Шрифт его характеризуется большим количеством вариантов одноименных знаков. Шрифты разных разделов отличаются друг от друга по рисунку и по кеглю. Не претендуя на исчерпывающе полное и достаточно верное описание книги, отметим, что в ней использованы по крайней мере четыре шрифта: первым набрано евангелие от Матфея и часть евангелия от Марка, вторым — евангелие от Марка и часть евангелия от Луки, третьим — евангелие от Луки, четвертым — евангелие от Иоанна и Соборник. Любопытен и своеобразен узкий четвертый шрифт[416].

Обилие шрифтов породило широко распространенную в литературе точку зрения, согласно которой Руянское Четвероевангелие отпечатано ксилографическим путем — с цельных гравированных досок. Мы не можем согласиться с этой точкой зрения по той простой причине, что в Четвероевангелии совершенно не выдерживаются линии строк. Используя цельногравированную форму, сделать это было сравнительно просто. Другое дело, если типограф оперировал несовершенным, кустарно отлитым шрифтом, размеры литер которого не были унифицированы. В пользу нашего мнения говорит и то, что на любой полосе книги можно встретить немало совершенно идентичных оттисков одноименных знаков. Кроме того, надстрочные знаки шрифта отлиты вместе с литерами.

На полях книги много марашек от обкладочного материала, что доказывает низкий уровень полиграфической техники. Со сходным явлением мы встретимся и в первых московских печатных книгах — узкошрифтном Четвероевангелии и Триоди постной.

Мастер Руянской типографии применял традиционную для славянского книгопечатания двухпрокатную печать с одной формы. Однако «красное» он, по-видимому, печатал после «черного».

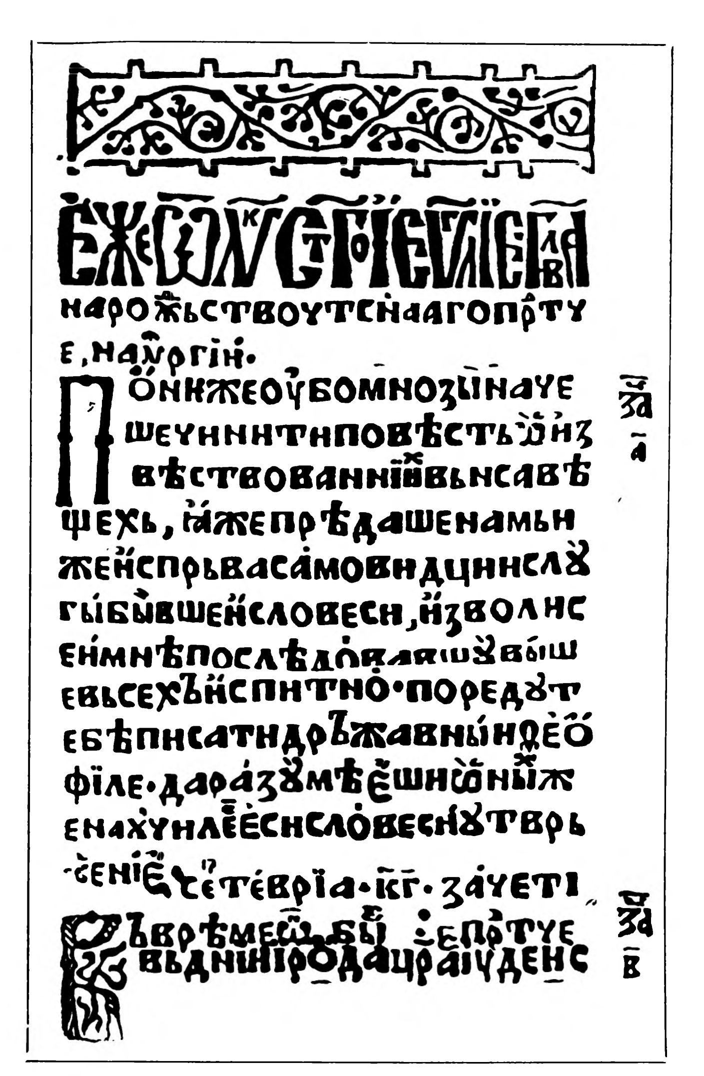
Печатный стан типографии был очень небольшим. Поэтому мастерам приходилось печатать одновременно лишь одну полосу. Лист при этом складывали пополам. В результате на парных половинах листа оттискивалось рельефное изображение текста, что легко обнаружить при сколько-нибудь внимательном изучении сохранившихся экземпляров книги.

Значительно более высок уровень полиграфического исполнения двух других южнославянских Четвероевангелий — Белградского 1552 г. и типографии при монастыре Мркишина церковь — 1562 г. Однако эти издания были выпущены уже во второй половине XVI столетия и на искусство московских первопечатников оказать какого-либо влияния не могли.

* * *

Мы подробно рассказали о зарубежных печатных книгах, которые бытовали в Московском государстве в конце XV — первой половине XVI в. Материал свидетельствует о широких культурных связях Москвы в этот период[417]. Диапазон творческих влияний и взаимодействий исключительно широк — средневековая латинская богословская премудрость, гуманизм эллинистического кружка Альда Мануция, немецкая и чешская реформация, южнославянское православие... Столь же широки географические границы — немецкие города Любек, Кельн, Магдебург, столица типографов Венеция, древняя Прага, седой Краков, укрепленный замок черногорского феодала Цетинье, близкая, но исстари соперничавшая с Москвой Вильна...

Собранный нами материал — лишнее доказательство абсурдности и вздорности стародавней легенды о культурной отсталости Древней

Руянское Четвероевангелие. Начальная полоса евангелия от Луки. ГПБ

Руси, а также чрезвычайно живучего взгляда об оторванности наших предков от гуманистической культуры эпохи Возрождения. В этом смысле мы лишь распространили на наш предмет методику, выработанную в других областях такими советскими исследователями, как М. П. Алексеев, В. П. Андрианова-Перетц, М. В. Алпатов, Д. С. Лихачев, В. П. Зубов, А. А. Зимин, Т. И. Райнов, Б. И. Пуришев, Я. С. Лурье, А. И. Клибанов... Общий вывод согласуется с точкой зрения М. П. Алексеева, сформулированной в короткой, но исключительно емкой фразе: «...русская культура XV—XVII вв. в разнообразных ее проявлениях была вовсе не так далека от гуманистической культуры эпохи Возрождения, как это обычно считается» [418]. «Мы имеем полное право говорить о явлениях гуманизма на русской почве в этот период»,— утверждает М. П. Алексеев. Скромные пока еще факты предыстории русского первопечатания, идеологической подготовки этого примечательного события отечественной истории подтверждают и подкрепляют мнение компетентного исследователя.

Материалы о широких культурных связях Московской Руси наносят серьезный удар пресловутым «теориям» немецкого и итальянского происхождения русского первопечатания. У нас нет никаких претензий к авторам и сторонникам помянутых теорий — мы понимаем, как и по-

Псалтырь 1544 года типографии в Милешеве

чему эти теории возникли. В пору первичной систематизации обширного материала трудно оценить удельный вес каждого явления. Новые, только что найденные факты нередко становятся в глазах исследователя основополагающими, хотя, по сути дела, им должно быть отведено куда более скромное место.

Мы привели немало примеров, показывающих отдельные заимствования русского первопечатания в области художественного убранства печатной книги и в области полиграфической техники. В дальнейшем, когда будут подробно рассмотрены отдельные издания, круг примеров расширится. Примеры говорят о том, что московские мастера умело использовали многовековой опыт художников книги самых различных стран, а также столетнюю практику сравнительно нового для Европы изобретения — книгопечатания. Ни одно из многих зарубежных воздействий не было главным и определяющим. Вместе с тем не был забыт и отечественный опыт. В результате скрещивания всех этих веяний возникло своеобразное и глубоко национальное явление, которое мы называем московским первопечатанием.

О том же говорят факты, связанные с материально-техническими предпосылками русского книгопечатания, факты, к рассмотрению которых мы переходим.

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ. РУКОПИСНАЯ КНИГА

Сложная и точная полиграфическая техника московского первопечатания не могла возникнуть на пустом месте. «Пересадка» из другой страны в этом случае исключается, ибо без необходимых материально-технических предпосылок росток не привился бы и в скором времени зачах. Становлению и развитию книгопечатания предшествовала многовековая история производств и ремесел, в которых были найдены и отточены сходные технические приемы.

Первый этап на пути овладения сложным искусством печатного дела — создание типографского шрифта. Процесс начинается с изготовления *пунсона* — металлического бруска, на торце которого выгравировано изображение шрифтового знака. Вдавливая пунсон в медный брусок, получают *матрицу*, которая служит для отливки литер одноименных знаков в необходимом печатнику и обычно достаточно большом количестве.

Процесс изготовления шрифта, таким образом, складывается из трех основных производственных операций, находящих аналогии в издавна известных русским ремесленникам *гравировании по металлу*, *чеканке и литье.*

Рассмотрим эти процессы, не претендуя, впрочем, на сколько-нибудь исчерпывающее изучение их. Основное внимание мы уделим случаям, связанным с воспроизведением шрифтовых знаков [419].

Резьба по камню, дереву и металлу. Истоки этой операции, впоследствии широко распространенной в древнерусском ювелирном деле, мы видим в процарапывании всевозможных узоров и надписей по камню, керамике и другим материалам.

Многие из древнейших дошедших до нас памятников кирилловского письма связаны с резьбой по камню. Среди них надпись 943 г., найденная совсем недавно — в 1950 г.— в Добрудже, надпись 993 г. болгарского царя Самуила, вырезанная на надгробной плите, и, наконец, первый отечественный памятник — Тмутараканский камень с надписью 1068 г. [420]

К этой же области относятся каменные резные иконки, известные у нас с XI в. На таких иконках можно встретить и различные надписи [421].

Чрезвычайно интересно то, что Маруша Нефедьев, первый упомянутый в документации русский печатный мастер, был одновременно резчиком по камню. Да и упомянут он в связи с этими работами.

Немало примеров дает другой материал — керамика. На черепках разбитого кувшина сохранилась древнейшая кирилловская надпись, найденная на территории нашей страны [422].

Можно назвать и достаточно ранние надписи, процарапанные по металлу. Среди них медные кресты-складни (XI в.) из собрания Государственного Исторического музея, золотой перстень XI—XII вв., найденный на Куликовом поле, и многое другое.

Замечательные примеры гравирования по металлу мы находим в черневом искусстве. На первых порах черневой узор наводили по тисненому рельефу. Впоследствии в этом случае стали прибегать к резьбе. Высокого искусства требовало так называемое золотое письмо по меди. Превосходным памятником служат Суздальские врата 1222—1238 гг. [423]

От последующих столетий сохранилось немало великолепных памятников резьбы по металлу, для исполнения которых резчик должен был обладать достаточно сложным инструментарием. Упомянем высокохудожественную рогатину тверского князя Бориса Александровича (XV в.).

Многочисленны гравированные изображения и надписи на драгоценных окладах богослужебных книг. Среди них оклад Евангелия московского великого князя Симеона Гордого с 13 накладными серебряными пластинами, на которых выгравированы распятие, четыре евангелиста и вкладная надпись князя. Полвека спустя повелением боярина Федора Андреевича Кошки был «построен» другой замечательный оклад (1392),

Изготовление печати. Миниатюра XVI века. ГИМ

который наряду с литьем, сканью и чеканкой дает превосходные образцы резьбы по металлу [424].

Все эти примеры убедительно свидетельствуют о том, что русские мастера превосходно освоили сложную и тонкую технику резьбы. Особенно интересно, что гравированные предметы зачастую снабжены надписями. В дальнейшем мы покажем, как эта техника породила первый полиграфический процесс, примененный на территории нашей страны,— глубокую (или углубленную) гравюру.

Чеканка. Браслеты, шейные гривны, наголовники, встречающиеся уже в курганах X—XI вв., обнаруживают древнейшие приемы чеканки, для которой, согласно реконструкции Б. А. Рыбакова, применялись

Древнерусские чеканы для монеты

всевозможные пунсоны, а также зубчатые колесики [425]. Археологи различают мелкопунсонную орнаментальную чеканку, плоскую чеканку и рельефную (или обронную) чеканку. Последний тип, появившийся, повидимому, в XII в., представлен в наших музеях многими высокохудожественными изделиями древнерусских ювелиров. Упомянем шлем князя Ярослава Всеволодовича (1206—1216), найденный в 1808 г. на поле Липецкой битвы. Шлем имеет чеканную надпись. Разнообразные надписи зачастую встречаются на чеканных изделиях. Многочисленные примеры приведены А. С. Орловым и Б. А. Рыбаковым.

Своеобразным развитием обронной чеканки, еще более приближающим нас к истокам полиграфической техники, явились тиснение и штам-

повка орнаментики, изображений и надписей на тонких золотых и серебряных листах. Древнерусские мастера в этом случае использовали железную или медную матрицу с рельефным изображением. На матрицу помещали металлический лист, поверх него укладывали свинцовую пластину. Ударяя по пластине деревянным молотком, мастер заставлял лист заполнять углубления матрицы. Отечественная археология знает тисненые изделия, относящиеся к IX—X вв.

Аналогичная техника положена в основу так называемого басменного тиснения, широко применявшегося в Древней Руси для украшения окладных переплетов богослужебных книг.

Приемы изготовления типографского шрифта полностью аналогичны процессам, применявшимся в монетном деле. Пунсону здесь соответствовал стальной *маточник* с прямым рельефным изображением одной из сторон будущей монеты. С помощью маточника изготовлялись *чеканы* с зеркальным углубленным изображением — они соответствуют нашим матрицам. Здесь, однако, аналогия кончается: матрицы используются для отливки в них расплавленного металла, чеканами же штампуют расплющенные металлические пластинки [426].

Регулярная чеканка монеты началась на Руси в XIV в. [427] В Москве чеканить деньги начал Дмитрий Донской. В годы правления Елены Глинской в 1534 г. была проведена денежная реформа — в стране стали чеканить общегосударственную монету. В это время в Москве уже существует специальный Денежный двор. Его мастера, вне всякого сомнения, могли участвовать в создании комплекта пунсонов для первых русских типографских шрифтов.

Литье. Литейное дело, известное на Руси с древнейших времен, очень рано дает нам образцы литых надписей. Литая, впоследствии прочеканенная надпись есть, например, на так называемой Владимировой гривне, найденной в прошлом веке около Чернигова и датируемой XI столетием [428].

Любопытный пример литого текста находим на раскопанных во Вщижском городище арках. Надписи эти раньше считались гравированными. Однако макрофотографическое исследование, проведенное Б. А. Рыбаковым, убедительно доказало, что они были сделаны на восковой модели, использованной в процессе литья [429].

В XIV и XV столетиях на Руси уже лили колокола и пушки, которые, как правило, снабжали литыми надписями. В конце XV в. в Москве был создан Пушечный двор. Древнейшая из сохранившихся пищалей датируется 1483 г., на ней есть надпись московского мастера Якова.

В годы создания первой московской типографии на Пушечном дворе работали замечательные литейные мастера Кашпир Ганусов и Степан Петров. В сентябре 1554 г. Кашпир Ганусов закончил отливку колоссального орудия весом в 19 300 пудов. В источниках оно именуется «Кашпировой пушкой» [430]. Стреляла пушка каменными ядрами, каждое из которых весило 320 *кг*.

Среди превосходных мастеров литья — младший современник Ивана Федорова, ученик Кашпира Ганусова, прославленный Андрей Чохов, отливший в 1586 г. колоссальную Царь-пушку. Мастера Пушечного и Печатного дворов, несомненно, знали друг друга, были в дружеских отношениях, а бывало, переходили на работу с одного двора на другой. Андрей Чохов был другом и сотрудником технического руководителя Пушкарского приказа Анисима Михайлова Радишевского, который начинал свою деятельность, по-видимому, в Острожской типографии Ивана Федорова, а в конце XVI — начале XVII в. служил на Московском Печатном дворе.

Опыт талантливых русских литейщиков, несомненно, был использован при создании первых московских типографских шрифтов.

Печати. Набивные ткани. После изготовления шрифта и иллюстрационных печатных форм (о них пойдет речь ниже) первотипографам

предстояло овладеть печатной техникой. И в этой области на Руси имелись богатые традиции. Печатание в том виде, в каком мы его понимаем сегодня, то есть процесс получения красочных оттисков, произошло от тиснения — операции получения рельефных оттисков. Говоря о русских граверах по металлу, мы привели немало примеров тиснения на Руси — от обронной чеканки и до чеканки монеты.

Старые русские печати, известные с древнейших времен, на первых порах, по-видимому, также были штампами. О печатях упоминается еще в договоре князя Игоря с греками (945). Князь Святослав в 971 г. свою грамоту к византийскому императору Иоанну Цимисхию заключает словами: «Се же имейте во истину, яко же створихом ныне и вам, написахом, на хартье сей и своими печатьми запечатахом» [431].

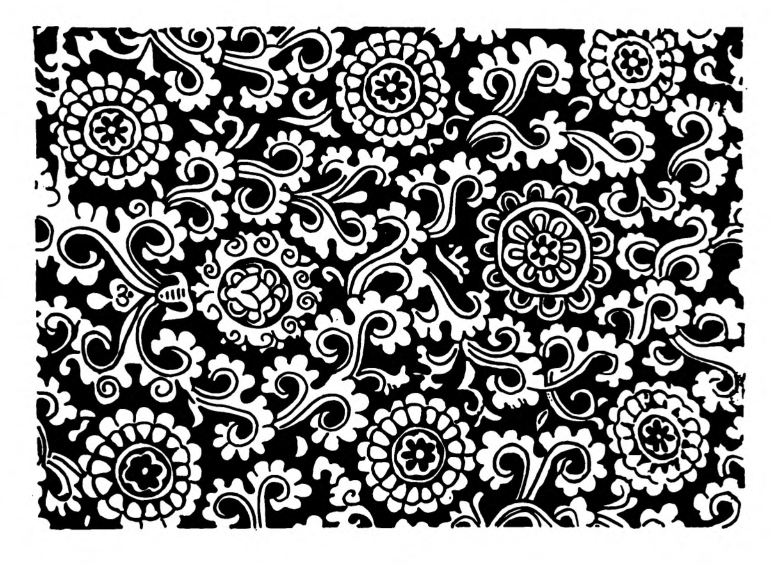
Уже в Киевской Руси на княжеском дворе мы находим «печатника» — заведующего печатью. Ипатьевская летопись рассказывает, что у князя Даниила Галицкого был печатник Кирилл.

Из этого следует, что тогда уже были и «печатные резцы» — мастера, изготовляющие печати. Древнейший русский резчик печатей, имя которого сохранилось до наших дней, упоминается в книге монаха-путешественника XIII в. Иоанна де Плано Карпини «История монгалов» [432].

Еще ранее печатание применяли для украшения тканей. Русские набивные ткани, то есть ткани с рисунком, отпечатанным при помощи гравированной доски, известны с глубокой древности. В начале нынешнего столетия Д. Я. Самоквасов обнаружил в могилах славян-северян два фрагмента набивных тканей X—XI вв. Эти ткани были сравнительно недавно описаны Л. И. Якуниной. Она установила и доказала «существование у нас набивного искусства приблизительно в то же время, как и на Западе, где известные образцы набивного искусства имеют давность менее 1000 лет» [433]. На одном из образцов узор оттиснут черной краской по шерстяной ткани. Якунина отмечает, что «набивка узора на шерстяную ткань много труднее, чем на льняную, и работа по шерстяной ткани указывает на полное овладение этим искусством».

В Древней Руси применялись набивные доски двух типов. Известны печатные формы с углубленным рисунком. Они использовались для так называемой «выбойки» — изготовления ткани с окрашенным фоном и незакрашенным узором. Печатные формы с выпуклым рисунком применяли для «набойки» — изготовления ткани с окрашенным узором по незакрашенному фону.

Несколько гравированных досок, относящихся, по-видимому, к домонгольскому периоду, сохранились до наших дней. Они были найдены

Русская набивная ткань

при раскопках старой Рязани и сейчас, по сообщению Б. А. Рыбакова, находятся в Рязанском краеведческом музее [434]. Доски для изготовления набивных тканей полностью аналогичны ксилографической печатной форме. Опыт мастеров этого дела мог быть с успехом использован при организации первой московской типографии.

Экскурс в историю древнерусского ремесла, предпринятый нами, свидетельствует, что к середине XVI в. на Руси, несомненно, существовали технические предпосылки для создания книгопечатания. В это время были отработаны и освоены все основные приемы, в совокупности своей составляющие полиграфический способ воспроизведения книжной продукции. Сложилась и устоялась к тому времени и вполне определенная форма книги.

Рукописная книга. Древнерусская рукописная книжность поистине огромна. Каких-либо точных цифр назвать нельзя, ибо даже первичный учет сохранившихся рукописных книг не налажен. Однако существуют приблизительные оценки; даже они дают внушительные цифры. Н. К. Никольский, который на протяжении всей своей жизни составлял картотеку древнерусской письменности, определял число рукописных книг XI—XVIII вв. в наших библиотеках и архивах от 80 000 до 100 000. По мнению Д. С. Лихачева, подсчет этот более чем скромен [435].

Сохранился незначительный процент книжного фонда Древней Руси. Большинство памятников письменности погибло. Но и то, что имеется в нашем распоряжении, предоставляет исследователю колоссальный материал для выводов и сопоставлений. К сожалению, история древнерусского книжного дела до сего времени не написана. Да и реальных путей к созданию такой истории пока нет. На первых порах необходимы первичная регистрация и сводка обширного материала, что также еще не сделано. Многие важные собрания (например, великолепная библиотека Кирилло-Белозерского монастыря, хранящаяся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) до сего дня не имеют печатных описей. Немало рукописных (а кстати, и старопечатных) собраний областных архивов и краеведческих музеев даже не разобраны. Практически не начат учет художественного убранства рукописной книги; работы в этой области насчитываются единицами [436]. Несмотря на героические усилия таких энтузиастов, как П. К. Симони и С. А. Клепиков, все еще темна история древнерусского переплетного искусства. Нет капитальных обобщающих трудов и по истории книжной миниатюры [437].

Мы не знаем, когда появились первые книги на Руси. Первый известный нам по имени русский писец поп Упырь Лихой работал в Новгороде в 1047 г. Имя упоминается в позднейших списках. Десять лет спустя, в 1057 г., была закончена работа над древнейшей, сохранившейся до наших дней русской книгой — Остромировым Евангелием 1056—1057 гг.

Считается, что от XI в. до нас дошло немногим больше 20 книг — среди них всего семь датированы. Следующее, XII столетие представлено примерно 60 книгами [438].

Древнейшие русские книги — Остромирово Евангелие, Изборники 1073 и 1076 гг., Архангельское Евангелие 1092 г., Мстиславово Евангелие 1115 г. — сравнительно хорошо изучены. Многие из них изданы [439].

Все эти книги написаны на пергамене. Этот материал — специально выделанная кожа — применялся и первыми европейскими типографами. Среди 48 известных в настоящее время экземпляров Гутенберговской 42-строчной Библии 12 напечатано на пергамене. Использовали его и южнославянские печатники.

Московских книг XVI в., отпечатанных на пергамене, мы не знаем. Для нашей темы важна техника изготовления древнерусской рукописной книги, материалом для которой служила бумага. Этот писчий материал появился в нашей стране, по-видимому, в XIV столетии. Древнейшей

русской датированной книгой на бумаге Л. В. Черепнин считает «Поучения Исаака Сирина», где имеется запись писца с датой «6889» (1380—1381)[440].

Бумага значительно дешевле и доступнее, чем пергамен. Она позволила сделать рукописную книжность более массовой. С первых же лет применения бумаги использовалась определенная брошюровочная техника, впоследствии без каких-либо изменений перешедшая и в печатную книгу.

Основой книги стала 16-страничная тетрадь, составленная из четырех сфальцованных пополам и подобранных вкладкой листов. Сам термин «тетрадь» (от греческого «четверка») навечно закрепил в языке основы описанной технологии.

Тогда же сложились основные форматы, которые впоследствии перешли в печатную книгу. Если брошюровались несфальцованные листы, книга считалась написанной «в большой лист» или «в дестевой лист». Этот формат, редкий и для рукописной книги, в практике первых наших типографий не применялся[441]. Однако широко был распространен формат «в десть», или «в лист»,— с листами, сфальцованными пополам. Если лист фальцевали в два сгиба, обычно говорили о формате «в полдесть», или «в четверку». Фальцовка в три сгиба давала формат «в осьмушку».

В период феодальной раздробленности на Руси существовало несколько обособленных центров книжного производства, каждому из которых присущи своеобразные, глубоко оригинальные приемы художественного убранства. Московская школа сложилась в XIV столетии. Древнейшим памятником ее служит Сийское Евангелие 1339 г. Оно еще написано на пергамене, как, впрочем, и более поздние памятники, например прославленные Евангелия Хитрово и Кошки. К середине XV в. в книжной продукции Москвы, да и других центров книжного производства определенно преобладали книги на бумаге.

Изготовление рукописных книг сосредоточивалось в книгописных мастерских. Не так давно считалось, что мастерские эти по преимуществу были монастырскими. Б. А. Рыбаков сгруппировал всех известных ему русских писцов XI—XII вв. по признаку отношения их к церкви. Вывод чрезвычайно интересен — 72 % писцов были светскими. Для XIV—XV вв. аналогичный подсчет (правда, весьма приблизительный) дает 57 % светских писцов[442].

Вкладные и владельческие записи, выходные летописи и приписки очень рано обнаруживают, что книжные писцы работают на рынок. Одна из таких записей — в Новгородском Евангелии XIV в. — опубликована И. И. Срезневским[443].

К концу XV в. относится текст «Послание от друга к другу», автором которого был Василий Дмитриевич Ермолин — выдающийся русский зодчий, большой любитель книг. «Пан писарь Якуб» (возможно, посол польского короля Казимира IV) попросил Ермолина приобрести для него некоторые книги. Зодчий сообщает приятелю, что эти книги есть в продаже, «да не так зделано, какия тобе хочет». Хорошие, художественно оформленные книги обычно делают на заказ — «кто будет таково написал ин собе то и держит, а на денги того не продаст». Ермолин предлагает другу нанять для него переписчиков — «коли уж пришла твоя воля, тобе, пане, нам прислать свой папер да того дела подождать, и яз многим доброписцам велю таковы книги сделать по твоему приказу с добрых списков». Одновременно Ермолин просит Якуба прислать и денег — «ты с своею паперию и пенязей пришли немало»[444].

Работа переписчиков на рынок способствовала возникновению книжной торговли. Тема до сего времени не изучена. Торговля книгами, повидимому, бытовала на Руси задолго до того, как она упоминается в Стоглаве и сочинениях Максима Грека. Ко времени основания первой московской типографии, то есть к середине XVI в., она получила широ-

кое распространение. В эти годы в Москве уже появились книготорговцы, которые вели оживленную торговлю. Едва ли не крупнейшим среди них был Иван Данилов, имя которого сохранилось на многих прошедших через его руки книгах [445]. Данилов поставлял рукописи митрополиту Макарию. Известны имена и других книготорговцев середины XVI в., например «Богдана Тимофеева сына, книжника» [446].

О развитии книжной торговли говорит и то, что на некоторых книгах имеются записи XVI в. с обозначением цены книги [447].

Чрезвычайно интересно для нашей темы появление рукописных мастерских. По мнению Б. А. Рыбакова, они бытовали уже в конце XI в. в Новгороде. Уже здесь можно встретить элементы разделения труда между мастерами и их помощниками — подмастерьями [448].

К концу XV столетия такие мастерские становятся обыденным явлением. Они существуют в монастырях, при владыках-архиепископах, в крупных городах, при великокняжеском дворе. Художники книги обычно объединялись в артели, во главе которых стояли крупнейшие живописцы того времени, такие, как Феофан Грек, Андрей Рублев, Дионисий, Феодосий Изограф.

Читатель уже знаком с книгописной мастерской новгородского архиепископа Геннадия, а также с писцами, группировавшимися вокруг Максима Грека. Шла у нас речь и о книгописном деле благовещенского попа Сильвестра.

В середине XVI в. наряду с мастерской Сильвестра крупнейшим изготовителем рукописных книг была мастерская митрополита Макария. Возникла она еще в Новгороде, в бытность Макария новгородским архиепископом. Сохранилось немало книг, вышедших из этой мастерской,— Макарий охотно жертвовал книги в монастыри [449].

В одной из рукописей — роскошном Четвероевангелии 1532 г. Боровского Пафнутьева монастыря — имеется запись, раскрывающая приемы работы над рукописной книгой. Запись свидетельствует о том, что разделение труда в этой области в первой половине XVI столетия зашло уже достаточно далеко. Макарий счел нужным сообщить потомкам о великих расходах, произведенных им на изготовление книги. Наряду с записями о цене всевозможных материалов здесь же имеются сведения о «заработной плате» мастеров: «...доброписцу чернописному, сиречь книжному, вдано две тысящи сребрениц противу трудов его в московское число, живописцу иконному четыреста сребрениц, златописцу же, заставочному писцу и статейному писцу тысяща сребрениц и четыреста в московское число. Злата же пошло на заставицы и на статии и на прописи и на тетрование и на точки и на запятыя и на скань евангельскую дску семьдесят златниц угорских, а всякой златой по полтине, и того восмь тысящь сребрениц. Сребра же чистой плави на всю евангельскую дску и с сканью дванадесят гривенок, а всякая гривенка по полутретья рубля з гривною, и того шесть тысящь сребрениц и двесте и четыредесят сребрениц. Бархат же на евангелии в четыриста сребрениц, застежки же евангельские и подковы шестьсот сребрениц. Златокузньцем же и среброкузньцем и сканному мастеру тысяща сребрениц и четыреста сребрениц московским же числом. И всего того злата и сребра считается под едино число равеньством двесте тысящь сребрениц в тысящу же гривен и дванадесят гривен, московским же числом сбирается сто рублев и дванадесят гривен московских, опроче женчугов и яхонтов и прочих камених...» [450]

Как видим, «построение» книги было делом достаточно дорогим. Нас, однако, сейчас интересует совершенно другой вопрос. Составляя запись, приведенную нами в извлечениях, Макарий меньше всего думал о технологии книжного производства. Но запись стала исключительно важным документом, повествующим о широком разделении труда в книгописных мастерских.

Запись показывает, что над «построением» этого Четвероевангелия трудился большой коллектив мастеров, в состав которого входили:

1. Доброписец чернописный — писец, воспроизводивший основной текст рукописи.
2. Статейный писец — писец, воспроизводивший киноварью вязь, подстрочные и надстрочные записи, точки и другой текст, впоследствии прописывавшийся золотом.
3. Заставочный писец — художник, рисовавший заставки и буквицы.
4. Живописец иконный — художник, рисовавший миниатюры.
5. Златописец — мастер, покрывавший золотом «статии», заставки и отдельные участки миниатюр.

6—8. Златокузнец, среброкузнец и сканный мастер — ювелиры, изготовлявшие драгоценный оклад книги.

О глубоком разделении труда уже в самом начале XVI в. свидетельствует запись на знаменитом Четвероевангелии 1507 г., речь о котором пойдет ниже. Над этой книгой трудились три человека — писец Амос «калиграфосник», златописец Михайло Медоварцев и иконописец Феодосий Изограф [451].

Художественное убранство рукописной книги. Многолетняя практика книгописных мастерских породила своеобразный «стандарт» оформления основных богослужебных книг. Облик этих книг складывался в течение многих десятилетий и стал почти каноническим. Малейшее нарушение привычных норм показалось бы крамольным.

Сложившиеся приемы художественного убранства представляют для нас значительный интерес, ибо впоследствии они без каких-либо существенных изменений перейдут и в печатную книгу.

Познакомимся с обликом книги, именуемой Четвероевангелием. Четыре основных раздела — евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна — таков основной материал, данный мастеру. Традиция требовала разграничить разделы один от другого. Традиция же предлагала решение задачи: во-первых — изображения четырех евангелистов, помещаемые в виде фронтисписа перед каждым разделом; во-вторых — большие заставки и выполненные вязью заглавия, открывавшие начальную полосу. Вспомогательные разделы книги — всевозможные оглавления и предисловия, а также своеобразный указатель — «Соборник 12 месецем» — подчеркивались малыми заставками. Это, впрочем, делалось редко — лишь в роскошных Четвероевангелиях.

Сюжет миниатюр — изображения четырех евангелистов — традиционен. Эти изображения предваряют каждое из четырех евангелий едва ли не с первых годов христианства.

Традиционна в древнерусской рукописной книге и разработка фигур евангелистов. Они изображены читающими или пишущими, сидя на невысоких табуретках. Представлены и необходимые атрибуты — книга, свиток, инструменты письма. Каких-либо других фигур на миниатюрах нет. Исключение — апостол Иоанн, который изображен с молодым Прохором, одним из семи первых дьяконов, на фоне пещеры в скалистых горах острова Патмоса. Но и это изображение восходит к стародавней традиции [452]. Комплекс определенных приемов изображения евангелистов был достаточно рано зафиксирован в иконописных подлинниках — греческих и древнерусских,— которых живописец должен был неукоснительно придерживаться. Вот как описано изображение Иоанна в афонском подлиннике: «Иоанн Богослов и евангелист, восхищенный, сидит в пещере. Он обратил голову назад к небу, правую руку положил на колени, а левую протянул к св. Прохору. Прохор сидит перед св. Иоанном и пишет слова: «В начале бе слово». Это почти точное описание соответствующих миниатюр многих русских Евангелий XV—XVI вв.

Подлинник содержит лишь внешние приметы изображения и не посягает на его духовную суть — на передачу характера, мыслей, порывов

Рукописное Четвероевангелие первой половины XVI века. Начальная полоса евангелия от Матфея. ГИМ

героев. Каждый живописец волен был по-своему изображать, например, «восхищение» Иоанна, охватившее его при божественном откровении. Но переступить через безличие и стандартность дано было лишь немногим. Для этого нужно было родиться Феофаном Греком, Андреем Рублевым или Феодосием Изографом.

С изображениями евангелистов обычно соседствуют изображения символизирующих их существ — ангела, орла, вола и льва. Вопрос о символике подробно освещен А. С. Уваровым [453].

Ранние христианские писатели распределили символы по евангелистам. При этом они придерживались самых различных мнений о смысле библейских текстов. Получилось так, что одному и тому же евангелисту приписывались различные символы. На площади св. Марка в Венеции, покровителем которой считается помянутый евангелист, можно видеть колонны с крылатыми львами. Тот же символ изображен на миниатюре «Евангелист Марк» древнерусского Остромирова Евангелия.

Однако впоследствии в нашей иконографии был принят иной порядок распределения символов. При этом Марк вместо льва получил орла. Распределение символики регламентируется предисловием болгарского архиепископа Феофилакта (ум. 1107) к евангелию от Марка. Это предисловие сравнительно рано стали помещать в русских рукописных, а затем и печатных Евангелиях. В XV—XVI вв. в нашей книге бытовало следующее атрибутирование символов: Матфей — ангел, Марк — орел, Лука — вол, Иоанн — лев.

Символов могло и не быть в книге. Каких-либо строгих указаний по этому поводу не существовало. Различным было и место расположения символов. В некоторых, правда редких, случаях каждый из них представлял собой страничную миниатюру — своеобразный второй фронтиспис, непосредственно соседствующий с первым. Так оформлено Евангелие Хитрово (Евангелие-апракос) [454]. В Четвероевангелии 1507 г. символы помещены над заставками на начальных полосах каждого из евангелий. В Четвероевангелии 1531 г., переписанном Исааком Биревым,— на тех же полосах, но на боковом поле, справа от вязи [455]. Мастера русских печатных Евангелий конца XVI — начала XVII в.: Петр Мстиславец (Вильна, 1575), Анисим Михайлов Радишевский (Москва, 1606), Кондрат Иванов (Москва, 1627) — вводили символы в орнаментальное обрамление фигуры евангелиста, объединяя оба мотива в одной гравюре.

Своеобразным элементом художественного убранства Четвероевангелия были так называемые предохранители — склеенные между собой бумажные рамки с помещенной в них тканью: тафтой, шелком, а то и просто редким холстом. Предохранитель должен оберегать от повреждений и отмарывания на соседний лист миниатюру или заставку. В Евангелиях предохранители обычно помещали между фронтисписом и начальным листом. Очень рано их стали украшать орнаментикой. Появились предохранители в конце XV в., в XVI в. они стали обычными. Едва ли не самая ранняя известная нам рукопись с предохранителями — Четвероевангелие Гурия Тушина из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, которое мы датируем 90-ми гг. XV в. [456] Опираясь на московское происхождение этого памятника, а также и других рукописных книг с предохранителями, мы можем говорить о московских истоках этого элемента рукописной книги.

В печатной книге предохранять было нечего — здесь не было миниатюр. Поэтому отпали и предохранители. Однако они остались в тех, на первых порах достаточно частых случаях, когда миниатюра вводилась на отдельных листах в печатную книгу или когда раскрашивались гравюры [457].

Значительно богаче, чем в Четвероевангелии, орнаментальное убранство Апостола. Однако миниатюры здесь встречались реже. Сюжет их прежний — четыре евангелиста [458], а чаще всего один лишь евангелист Лука или его символ [459]. Последний случай мы встречаем и в первопечат-

ном Апостоле Ивана Федорова. Впрочем, изредка встречаются исключения. Среди них так называемый Апостол Паузе, в котором кроме начального фронтисписа миниатюры помещены на полях при начале каждого послания. Одних лишь изображений апостола Павла здесь тринадцать. Апостол изображен сидя, стоя, с развевающимся плащом, в беседе с невидимым нам собеседником и т. д.[460]

Повторим, что Апостол Паузе — исключение. Обычно же каждое послание и другие разделы предварялись большими заставками. В Апостоле 1470—1480 гг. из собрания Московской духовной академии 32 заставки[461], в Апостоле 1540-х гг. из того же собрания 49[462], в Апостоле 1560-х гг. из ризницы Троице-Сергиевой лавры 38[463]. Этой традиции следовали и мастера первых печатных Апостолов — в Апостоле 1564 г. Ивана Федорова 48 заставок, в Апостоле 1597 г. Андроника Тимофеева Невежи 52.

При оформлении Псалтыри столь строгих канонов, как в Четвероевангелии и Апостоле, не придерживались. Чаще всего Псалтырь оформлена скромно — фронтиспис, изображающий царя Давида[464], и три-четыре заставки. Этот тип оформления (за исключением фронтисписа) свойствен и московским первопечатным безвыходным Псалтырям. Встречались, однако, и обильно орнаментированные Псалтыри. Среди них Псалтырь XVI в. из собрания Пискарева с большим количеством заставок и буквиц[465]. В знаменитой Буслаевской Псалтыри с восследованием 45 заставок и большое количество инициалов, некоторые из них, по сути дела, являются миниатюрами[466]. Своеобразный тип оформления представляют собой так называемые лицевые Псалтыри, на полях которых много миниатюр. Укажем Угличскую Псалтырь 1485 г.[467] и серию однотипных лицевых Псалтырей, писанных по распоряжению Дмитрия Ивановича Годунова в 1594—1600 гг. и положенных им в различные монастыри[468].

Исключительно скромно убранство рукописных Триодей. Миниатюр здесь, как правило, нет, а заставка обычно одна[469]. Таково же убранство и первопечатных московских Триодей.

Из всего вышеизложенного следует вывод, который станет вполне очевидным при рассмотрении первопечатных изданий. Орнаментика первых московских печатных книг — продолжение той же линии, тех же приемов художественного убранства, которые в течение многих десятилетий были выработаны мастерами рукописной книги. А значит, и не было глубокого разрыва, пропасти между рукописной и печатной книгой.

Стиль орнаментики, под флагом которого проходят первые десятилетия в истории московской печатной книги, пришел в книгопечатание также из рукописных мастерских. Определяющее влияние на его развитие оказала школа Феодосия Изографа.

Феодосий Изограф и его мастерская. Феодосий Изограф был сыном прославленного Дионисия, с именем которого связана целая эпоха в древнерусской живописи[470]. Первое известное нам упоминание о Феодосии относится к 1486 г., когда он под руководством отца вместе с братом Владимиром, старцем Паисием и другими мастерами расписывал соборную церковь Успения Божией матери в Иосифо-Волоколамском монастыре. Рассказывая об этой росписи, автор жития Иосифа Волоцкого называет мастеров «хитрыми живописцы в Русской земли»[471].

В 1500—1502 гг. та же иконописная артель расписала Богородничный храм в Ферапонтовом монастыре[472]. Эти сохранившиеся до наших дней фрески, по-видимому, были последней работой Дионисия. Во главе артели становится Феодосий.

В начале XVI в. Феодосий — ведущий живописец Московской Руси. Документально зафиксирована лишь одна его работа — фрески Благовещенского собора в Кремле, придворной церкви московских великих князей. О росписи собора, свершенной в 1508 г., рассказывается во многих летописях[473]. Однако деятельность мастерской Феодосия была значительно шире, хотя мы и не можем сколько-нибудь точно установить ее

 границы. Некоторые авторы приписывают Феодосию фрески церкви

Дрезденский фрагмент с Мадонной (гравюра на металле)

Покрова в городе Александрове, а также роспись Успенского собора в Московском Кремле[474].

Любопытная биографическая черточка — близость Феодосия к Иосифу Волоцкому, с которым он переписывался. Мастер часто бывал и подолгу гостил в Волоколамском монастыре, делал туда богатые вклады[475]. В синодике монастыря имя художника записано для вечного поминания[476].

Феодосий много и плодотворно занимался оформлением рукописной книги. Имя его в этой связи упоминается лишь дважды — на страницах Четвероевангелия 1507 г., а также на первой известной нам русской гравюре; о ней пойдет речь ниже. Однако анализ художественно-технических особенностей приемов Феодосия позволяет приписать его школе многие прославленные шедевры древнерусского книжного искусства.

У истоков мастерства Феодосия Изографа лежат «Толковые книги 16 пророков» — книга во многом необычная[477]. Она не раз уже привлекала внимание исследователей. О ней писали Ю. А. Олсуфьев, Г. П. Георгиевский, А. Н. Свирин и Е. В. Зацепина[478]. Большинство авторов считает, что рукопись вышла из мастерской Дионисия. Наибольший интерес возбудили поистине замечательные миниатюры рукописи.

В чем необычность рукописи? Главным образом в том, что создатели ее резко порывают с канонами, с общепринятыми в XV столетии нормами оформления книги. Этот разрыв с традициями сказывается и в орнаментике и в миниатюрах.

Необычность оформления — и в его эклектичности. Разнообразные влияния — отечественные и зарубежные, ортодоксально православные и по-своему еретические, западные и восточные — скрещиваются в этой книге. Мастер ее превосходно образован. Он знает многое и многое умеет. Однако секретом придирчивого отбора, умением слить различные влияния в общую струю, подчиняя ее направление и характер единой цели,— он еще не владеет.

При всем своеобразии исполнения и отточенности техники облик книги отдает ученичеством. Это, однако, не мешает «Книгам пророков» оставаться замечательнейшим произведением нашего книжного искусства.

Нам представляется, что «Толковые книги 16 пророков» — одна из первых работ Феодосия, выполненных в мастерской отца под его непосредственным руководством.

Книга совершенно точно датирована. На обороте первого листа надпись: «В лето 6998 (1489) декабря 25 написаны сия божественныя пророческия книги в преименитом и славнем граде Москве...»

Текст начинается с третьего листа. Каждому «пророчеству» предшествует фронтиспис, изображающий одного из 16 пророков. Всего в книге, таким образом, шестнадцать страничных миниатюр. Начальная полоса «пророчества» открывается узорной заставкой. Орнаментальное обрамление текста завершают инициалы и киноварная вязь, сообщающая читателю название раздела.

Страничные миниатюры «Книг пророков» исполнены в двух, значительно отличающихся одна от другой манерах. Миниатюры заключены в одинаковые по технике исполнения и по стилю рамки, составленные из двух полос, чаще всего одного цвета, но различных оттенков. Полосы разделены тонкой пробелкой в виде прямой линии с двойными или тройными лепестками и двумя параллельными черточками. Любопытной особенностью, объединяющей миниатюры обеих манер, является техника исполнения «земли», покрытой причудливыми «крапинками».

Художник книги молод и не выработал еще собственного почерка. Вместе с тем он опытен и начитан, превосходно знает древнерусскую книгу, следует иконописной традиции и вместе с тем чувствует ее недостатки. Совершенно порвать с традициями он не решается. Но со свойственным молодому человеку задором пытается искать новые пути — и не безуспешно. Себе в помощь он привлекает различные источники, многие из которых в глазах старых иконописцев были безусловно предосудительны. Среди источников — листовая немецко-нидерландская гравюра, о воздействии которой на творчество Феодосия еще придется говорить.

Воздействие зарубежной гравюры больше всего сказалось на орнаментике рукописи — 16 заставках, предваряющих «пророчества». Как и следовало ожидать, преобладает традиционный для XV в. балканский стиль: его мы находим в восьми заставках. Шесть заставок представляют собой комбинацию листьев, бутонов и веток. Наконец, две заставки являются своеобразными миниатюрами. На одной из них (л. 36) изображены ангелы в коричневых рясах. Один ангел играет на лютне, другой — на виоле. Фигурки обрамлены цветочным орнаментом, который занимает и центральное поле заставки. Привлекает внимание пятилепестковый цветок с исходящими из него тремя остроконечными листьями. Около него большая синяя птица с распластанными крыльями.

Миниатюра из «Толковых книг 16 пророков» (сравни инициал из «Слов Григория Богослова» на странице слева). ОРЛБ

А. Н. Свирин, Е. В. Зацепина, да и другие авторы не раз писали о «нерусском» характере заставки с ангелами. Мы можем указать ее прототип. Вряд ли следует строго подходить к художнику, только-только осваивающему тайны многотрудного живописного ремесла, и корить его за прямое заимствование. Мастер с завидной точностью перенес на свою заставку изображения играющих ангелов и орнаментику с гравюры немецкого мастера второй половины XV в., известного в специальной литературе под наименованием «мастера берлинских страстей». Гравюра изображает сидящую на троне Мадонну. Она сохранилась в единственном экземпляре, да и то неполностью, и именуется в каталогах «дрезденским фрагментом с сидящей Мадонной»[479].

Для нас важно, что этот фрагмент — *гравюра на меди*. Таким образом, устанавливается, что уже в 80-х гг. XV столетия в Москве бытовали гравированные листы первых в мире граверов на металле.

К тому же источнику восходят и две другие заставки «Толковых книг 16 пророков», на которых изображен причудливо изогнутый остроконечный лист. Очертания его навеяны гравюрой «Орнамент с шестью птицами»[480]. Она принадлежит не известному нам по имени немецко-нидерландскому мастеру, который подписывался монограммой ES. Московский художник, впрочем, из семи птиц в первом случае (л. 72) не оставил ни одной, а во втором (л. 82) — лишь одну.

Тот же мотив встречается в другой рукописи конца 80-х гг. XV в., также вышедшей из мастерской Дионисия — Феодосия. Это «Слова Григория Богослова» из собрания Троице-Сергиевой лавры[481]. Нам уже приходилось говорить о мотивах орнаментики венецианских инкунабул в этой книге. Очень интересно, что наряду с этим художник испытал воздействие и другого источника — листовой немецко-нидерландской гравюры. Здесь мы видим все тот же остроконечный лист (л. 288), идущий от гравюры мастера ES. Но особенно любопытен инициал на л. 433 об., украшенный пятилопастным цветком, взятым из «дрезденского фрагмента с сидящей Мадонной».

Мы покажем в дальнейшем, что листовая зарубежная гравюра в творческом преломлении школы Феодосия Изографа послужила одним из источников старопечатного стиля орнаментики.

Исключительное внимание к орнаментальному убранству рукописи вообще характеризует Феодосия Изографа. Это сказывается уже в его юношеских, по-своему ученических работах — меньше в «Книгах пророков», больше — в «Словах Григория Богослова» и особенно в Четвероевангелии Гурия Тушина из собрания Кирилло-Белозерского монастыря[482].

Последняя рукопись не датирована. Однако хронологическая привязка может быть установлена косвенным путем. На последнем листе — запись: «Сие Евангелие дал князь великий Василей Гурию Кирилловскому Тушину». Гурий Тушин был игуменом Кирилло-Белозерского монастыря недолго — всего на протяжении девяти месяцев 1485 г., а умер 8 июля 1526 г.[483].

Рукопись написана на французской бумаге; водяные знаки дают следующие границы: 1465—1491 гг., что подтверждает подлинность записи о вкладе великого князя Василия Ивановича. Исходя из того, что книга писалась по заказу великого князя и заранее предназначалась для вклада в монастырь, мы датируем рукопись концом 80-х — началом 90-х гг. XV в.

Рукопись воспроизведена полууставом московского типа по 16 строк на полосе. Художественное убранство книги состоит из четырех миниатюр и семи заставок, а также инициалов и предохранителей миниатюр с орнаментированными рамками.

Миниатюры Четвероевангелия в истории нашего книжного искусства — явление примечательное, хотя сюжет их традиционен.

Если говорить о самих фигурах евангелистов, то здесь мастеру не удалось подняться над общим уровнем эпохи и сколько-нибудь существенно отойти от канонов. Более того, он сделал шаг назад по сравнению

с такими рукописями, как Евангелие Хитрово. Евангелисты, особенно Иоанн, исполнены неумело, в блеклых тонах. Фигуры скованны, жесты неестественны. Несколько лучше у мастера получаются лики. Они индивидуализированы и исполнены с определенным мастерством.

Что же заставляет нас считать миниатюры Четвероевангелия Кирилло-Белозерского монастыря примечательным явлением в русском книжном искусстве?

Жемчужина убранства кроется в орнаментальном обрамлении фигур евангелистов. Для XV столетия традиционен золотой фон миниатюр. Гладкая, блестящая поверхность изредка нарушается статичностью архитектурных аксессуаров. Однако лик святого обычно покоится на однообразном цветовом фоне. Ничто не нарушает спокойной созерцательности, вызываемой всем обликом миниатюры. Феодосий Изограф впервые широко вводит в миниатюру орнамент. Игра узоров занимает его гораздо больше, чем передача внутреннего состояния евангелиста, его дум и помыслов. Здесь наш художник — великий мастер. Он словно любуется причудливыми извивами линий, сочетанием цветовых пятен, игрой узора на белом листе бумаги. Причем сплошь и рядом делает это в ущерб общей композиции миниатюры.

Фигуры евангелистов помещены в трехлопастные арки, своды которых орнаментированы. Исключение составляет евангелист Марк, которого мастер поместил под полуциркульной аркой. В этом случае, казалось бы, должны напрашиваться архитектурные аналогии. Но мы затрудняемся привести их. Порталы старых русских храмов, как правило, полуциркульны или килевидны. Многолопастные арки в порталах и окнах появляются позже и становятся характерными лишь в XVII столетии. Правда, еще в XIV в. в новгородской и псковской архитектуре применялось многолопастное арочное завершение стен, придававшее храму легкость и стремительность. Вспомним храм Успения на Волотовом поле с трехлопастным покрытием или знаменитый новгородский храм Федора Стратилата с его семилопастным завершением стены над апсидой. Но во всех этих случаях дуги, образующие лопасти, пересекаются плавно, под тупым углом. У мастера Четвероевангелия углы остроконечны. Это придает орнаментальному обрамлению несколько нерусский характер. Забегая вперед, отметим, что впоследствии, в замечательном Четвероевангелии 1507 г., Феодосий смягчит угловатость, сделает переходы более плавными, благодаря чему общее впечатление от миниатюры станет менее резким.

Обильно орнаментирован также фон внутри арок. Узоры исполнены контрастирующими красками, создающими яркое цветовое пятно. На этом пятне почти полностью теряются фигуры евангелистов, решенные в блеклых серых тонах. Недостаточный опыт художника сказывается и в том, что он сплошь и рядом делает хитон и гиматий евангелиста, а также «землю» почти одинакового цвета.

Перейдем к орнаментальному убранству миниатюр. Именно в Четвероевангелии Гурия Тушина едва ли не впервые появились многие характерные элементы разделки, совокупность которых впоследствии и создала тот новый стиль в книжном искусстве, о котором мы уже не раз говорили. Выявить эти элементы проще всего при рассмотрении отдельных миниатюр.

Арка первой миниатюры — «Евангелист Матфей» — обрамлена снизу мелким повторяющимся рисунком, который Т. Б. Ухова[484] называет полосой раздвоенных лепестков. Синее поле разделано воспроизведенными белилами веточками с узорными завитками и спиралевидными розетками. Это так называемый тонкотравный орнамент. Такой же орнамент, однако выполненный черным по красному полю и без розеток, занимает фон внутри арки.

Колонны, поддерживающие перекрытие, сделаны витыми, причем витки подчеркнуты разноцветной окраской — синей, красной, зеленой. Капителями служат узорные стилизованные листья — характерная

принадлежность так называемого нововизантийского стиля орнаментики. Углы над аркой с внешней стороны обрамлены яркими цветками и шишками, окрашенными в разные цвета и связанными между собой мохнатыми ветками, обрамленными усиками. Такая разделка неоднократно встретится нам и впоследствии. Условимся называть ее «цветочным орнаментом с пятиконечными розетками». Пятиконечная большая розетка помещена и над самой аркой в центральной части средней лопасти.

Опять-таки приходится отметить, что фигура евангелиста в орнаментальном обрамлении пропадает. Зрительный центр тяжести — в верхней части миниатюры. Глаз прежде всего останавливается на ярком убранстве арки и ее цветочном обрамлении. В Четвероевангелии 1507 г. Феодосий, почти полностью сохранив композицию и элементы орнаментики, смягчит элементы разделки и умело поставит в центре фигуру евангелиста.

Следующая миниатюра — «Евангелист Марк» — помещена в однолопастной арке, над которой изображен орел — символ евангелиста. Точно такое же изображение, совершенно идентичное в мельчайших деталях, мы встретим над одной из заставок Четвероевангелия 1507 г. Это еще одно доказательство тесной связи между рукописями.

Фигура Марка выполнена более умело, чем изображение Матфея. Однако фон по-прежнему подавляет евангелиста. Фон очень ярок — по вишневому полю белый тонкотравный орнамент. Однолопастная полуциркульная арка покоится на зеленых колонках, усеянных красными и белыми крапинами. Свод арки заполнен характерным нововизантийским орнаментом. Миниатюра «Евангелист Лука» отделена от книги и находится в Государственном Историческом музее в составе Уваровского собрания. Евангелист изображен под трехлопастной аркой на фоне, частично прокрытом черной тушью. Можно думать, что опыт работы над «Матфеем» и «Марком» убедил художника в необходимости отказаться от яркого фона. Вместо него — оригинальный узор в виде цепочки с пересекающимися завитками. Этот орнамент, который мы встречаем здесь впервые, в дальнейшем будет сравнительно широко применяться в русской книге, и его судьбы можно проследить вплоть до первопечатного широкошрифтного Евангелия и Часовника Ивана Федорова и Петра Мстиславца (см. рис. на стр. 240 и 242).

Наконец, последняя миниатюра книги — «Евангелист Иоанн». Композиция миниатюры традиционна. Фигуры евангелиста и Прохора выполнены неумело. Однако орнаментальное обрамление по-прежнему хорошо. Изображение помещено под трехлопастной аркой, покоящейся на колоннах с двумя утолщенными бочкообразными частями, связанными между собой розетками. Опыт предыдущих миниатюр кое-чему научил художника. Ныне он отделяет колонны от основного изображения, благодаря чему оно кажется иконкой, вставленной в фигурный киотец. Легко понять, почему этот прием появился именно в миниатюре «Евангелист Иоанн». В ранее рассмотренных миниатюрах колонны, поддерживающие арку, могли сойти за один из архитектурных аксессуаров, которых немало в изображении. Здесь же в сочетании с пещерой и горными склонами острова Патмос колонны становятся уже чужеродным телом. Понятно стремление художника отделить сюжет миниатюры от обрамления. Впоследствии этот удачно найденный прием Феодосий применит во всех четырех миниатюрах евангелического цикла.

Контуры арки обрамлены двумя синими полосами тройных лепестков, а широкое поле между ними заполнено тонкотравным орнаментом и розетками. Фон изображения внутри арки белый с коричнево-желтозеленым тонкотравным орнаментом. В углах арки — цветочный орнамент с пятиконечными розетками.

Попытаемся подвести итоги. Главный вывод таков. В 80-х гг. XV столетия в Москве появился мастер, который смело нарушает устоявшиеся каноны оформления рукописных книг.

Он вводит в миниатюру орнаментику. Это усиливает декоративную сторону и снижает изобразительные качества миниатюры.

Он, правда еще робко, приступает к выработке определенных приемов орнаментального украшения рукописи, подбирает, а частично создает наново элементы, которые впоследствии в совокупности своей дадут новый стиль. Среди этих элементов — тонкотравный орнамент, цветочный орнамент с пятиконечными розетками, полосы раздвоенных и тройных лепестков.

Определенные изменения претерпевает и облик рукописной книги. Появляются предохранители, ставшие впоследствии необходимым составным элементом сколько-нибудь богато иллюстрированной рукописи. Определенной регламентации подвергается порядок размещения заставок, количество листов в тетради и т. д.

Наш мастер, наконец, впервые вводит в русскую книгу элементы старопечатной орнаментики, которая по-настоящему расцветет в зрелых работах Феодосия Изографа.

Происхождение старопечатного стиля. Орнаментика, о которой идет речь, получила свое название в силу достаточно ясной аналогии. Еще Ф. И. Буслаев в этом случае говорил о *фряжском* стиле [485]. Но уже В. Н. Щепкин употребляет термин, вынесенный нами в заглавие. Этот автор недвусмысленно раскрывает происхождение термина: «...под влиянием орнаментов московских печатных книг XVI в. внутри неовизантийской заставки появляются «клейма» (узорные рамки) *старопечатного* стиля» [486]. Он же указывает главный мотив орнаментики — «крупные травы, иногда со стилизованными плодами или цветами, исполненные черной краской». Впоследствии искусствоведы отождествили остроконечные многолопастные листья с травянистым растением «акантом». Надо все же сказать, что орнаментальный узор, с которым мы будем достаточно часто встречаться, весьма далек от традиционного акантового орнамента капителей, фризов и карнизов эпохи Возрождения.

Мнение о происхождении старопечатного стиля из орнаментики первых печатных книг долго бытовало в нашей литературе и стало общепризнанным. Между тем еще А. И. Некрасов, правда очень осторожно, говорил о том, что старопечатные мотивы встречаются в рукописной книге первой половины XVI в. [487] Впоследствии эта точка зрения получила подтверждение и детальное обоснование в трудах А. А. Сидорова, Н. П. Киселева, Н. Г. Порфиридова, Е. В. Зацепиной [488].

По мнению А. И. Некрасова, мотив акантового вьюнка в сочетании с шишками, яблоками, грушами, а также цветами мака, гвоздики, розы появился в Германии в XV в. Аналогичный мотив он нашел и в миниатюрах фламандско-французской школы XV в. Мы не считаем правильной ни хронологическую, ни географическую привязку. Знакомый нам мотив появляется в западной рукописной книге еще в XIII в. В XIV и особенно в XV вв. он уже распространен повсеместно. Сужать границы распространения полюбившегося художникам книги мотива не следует. Вслед за А. А. Сидоровым мы можем повторить, что «этот мотив растительной жизни трав и листьев в данную эпоху очень обычен» [489]. За примерами ходить недалеко. Мы постараемся привести те из них, которые выходят за пределы немецко-нидерландской школы. Ряд памятников дает Словакия. Среди них «Миссал», переписанный около 1403 г. каноником Братиславы Михаэлем из Трнава [490]. Поля рукописи орнаментированы растительным узором с остроконечными длинными шишками. По штамбам нарядных инициалов пущен растительный вьюнок, напоминающий акант. Воспроизводя листву, художник, впрочем, избегает острых углов, всячески скругляя их и сглаживая.

Характерный остроконечный акантовый вьюнок мы встречаем в другом «Миссале», датируемом 1410—1420-м гг. и также происходящем из Братиславы [491]. Любопытную форму растительного вьюнка, обвитого вокруг центральной ветки, дает пергаментная Библия первой половины

XIV в. из собрания будапештской библиотеки Шехени[492]. С этой формой нам придется часто встречаться в русских рукописных и первопечатных книгах.

Превосходные примеры акантового вьюнка, а также растительной орнаментики с плодами и шишками можно встретить на страницах «Понтификаля» епископа Збигнева Олесницкого (1447) — детища краковской школы миниатюристов[493].

Старопечатные мотивы — в том числе шишки с параллельной пересекающейся штриховкой или со спиральными линиями — встречаются и у южных славян, например в «Миссале» Юрия Топуско (1498), ныне хранящемся в ризнице Загребского кафедрального собора.

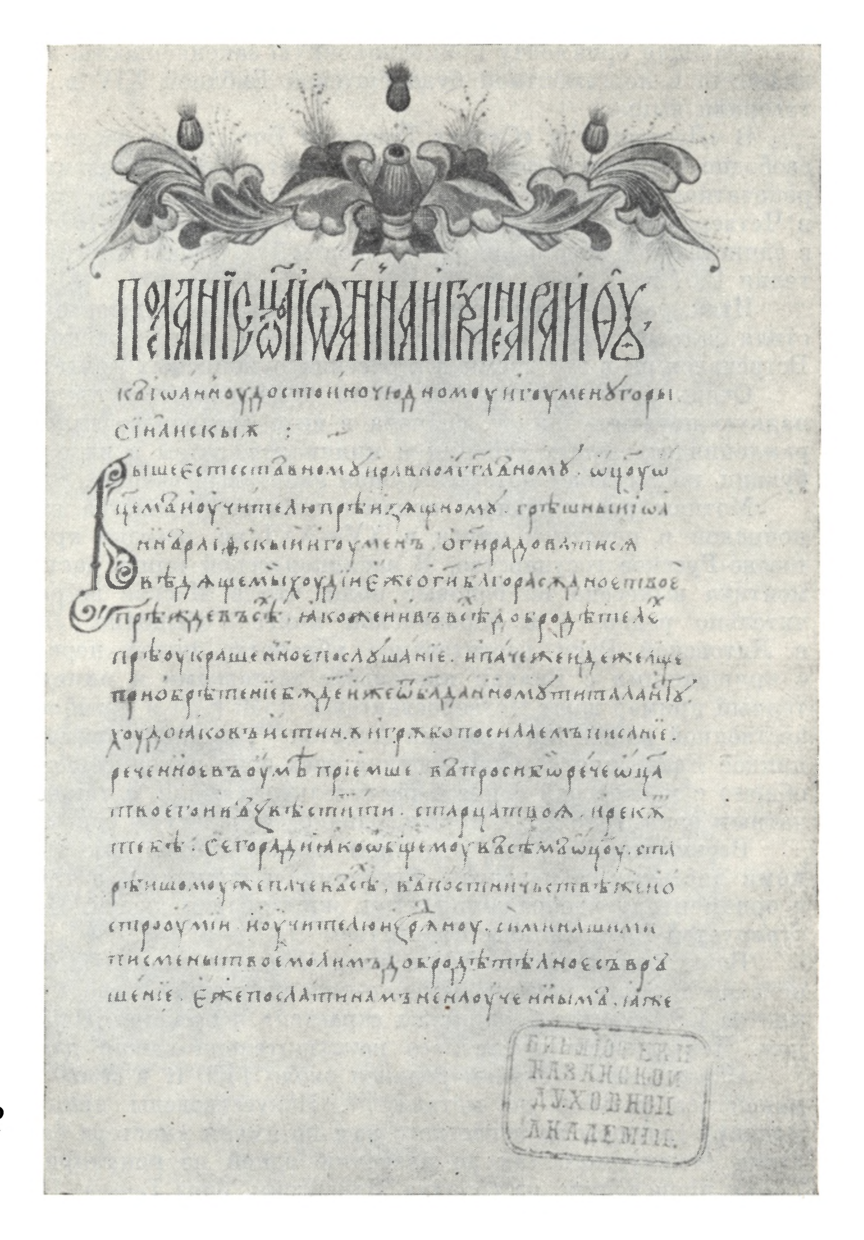
В XV в. элементы этого стиля появляются и в русских рукописных книгах.

Вполне сложившаяся старопечатная заставка — на страницах Торжественника (собрание Соловецкого монастыря), который был написан в середине XV в.[494] В этом случае, однако, мы ничего не можем утверждать категорически. Характер орнаментики как будто бы указывает на середину XVI в. На рукописи — вкладная запись: «Сию книгу дал в Соловки государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии», а также: «Соборник великого князя старой». Нам думается, что заставку пририсовали позднее на свободном месте в рукописи, написанной лет за сто перед этим.

Орнаментика с растительными мотивами попадается изредка уже в рукописях XIII в.[495], когда у нас безраздельно господствуют старовизантийский и тератологический («звериный») стили. Значительно чаще растительные мотивы начинают встречаться с середины XV в. К этому времени относится знаменитая Буслаевская Псалтырь, о которой у нас много и охотно писали[496]. В растительном орнаменте этой книги мы в противовес Е. В. Зацепиной не видим связи с итальянским Возрождением и не чувствуем «вольного духа Ренессанса». Своеобразны некоторые заставки этой рукописи — узколопастные листья с изогнутыми «змейкой» концами, которые колышет ветер (лл. 87, 101, 129, 149, 153). С акантовым вьюнком эти листья ничего общего не имеют. Однако отсюда многое почерпнул Феодосий при создании своего оригинального стиля.

Орнаментика Буслаевской Псалтыри находит близкие параллели в уже знакомых нам «Словах Григория Богослова» и «Толковых книгах 16 пророков». Нежные, трепетные листья заставки (Ух. 284), варианты которой есть в обеих этих книгах, и тонкие усики с точками, несомненно, перешли сюда из заставки на л. 153 (Ух. 283) Буслаевской Псалтыри. Один из элементов «Феодосиевского» стиля — тонкотравный орнамент — вышел из византийского вьюнка. В Буслаевской Псалтыри мы наблюдаем переходные формы (л. 23 об.).

Показательно совпадение мотивов заставки на л. 41 Буслаевской Псалтыри и на л. 381 «Слов Григория Богослова». В обоих случаях в центре заставки изображен сидящий юноша, резко повернувшийся направо. Проработка лика заставляет вспомнить ангелов из «Книг пророков». Фоном фигурки служит лиственный орнамент, характер которого в двух книгах различен. В Буслаевской Псалтыри — это вишневые, синие и зеленые «листья» с плавными изгибами, направление их дано пробелкой. Листья колышет ветер. В «Словах Григория Богослова» листья застыли. Границы их четко намечены. Перед нами типичная нововизантийская разделка. Однако фигурка юноши здесь тоньше и реалистичнее. Этот мотив в XV в. был популярен. Аналогичную заставку с юношей мы встречаем, например, в Четвероевангелии из собрания Тверского кафедрального собора[497]. С другой стороны, такая же, как в «Словах Григория Богослова», схема разделки с разбросанными по золотому фону ветками с чередующимися зелеными и голубыми листьями, однако без фигурки юноши — в Псалтыри с восследованием 1480-х гг.[498]

Начальная форма акантового вьюнка в рукописи «Лествица» Иоанна Лествичника. конца XV века. ГПБ

Возвращаясь к Буслаевской Псалтыри, отметим, что заставка с юношей заключена в широкую зеленую рамку с желтым растительным вьюнком, листья которого отделены друг от друга. Здесь уже параллели с акантовым вьюнком напрашиваются сами собой.

Дальнейшее развитие темы — в изящной легкой заставке «Лествицы» Иоанна Лествичника [499]. Рукопись эта, созданная в конце XV в., вышла из мастерской Дионисия в ту пору, когда там уже совершенно самостоятельно работал Феодосий Изограф. С Буслаевской Псалтырью и «Словами Григория Богослова» ее роднит заставка на л. 10, в центре которой помещено миниатюрное изображение Иоанна Лествичника. Особенно интересны для нас заставки на лл. 1 об. и 3 с начальной формой акантового вьюнка, листья которого раскрашены в разные цвета и окаймлены пушком. Здесь же три поистине старопечатных бутона.

Еще ближе к старопечатному вьюнок на л. 16 «Слов Григория Богослова». Листья здесь многолопастны и остроконечны. Кроме того, впервые присутствует центральная ветвь, связывающая листья в одно целое

и придающая орнаменту композиционную законченность. Напрашиваются аналогии с пергаментной будапештской Библией XIV в., о которой мы говорили выше.

В «Лествице» и «Словах Григория Богослова» растительный вьюнок свободно распластан по поверхности листа. Вполне развитую форму старопечатного вьюнка, заключенного в прямоугольную рамку, находим в Четвероевангелии Гурия Тушина, уже знакомом читателю [500], а также в единственной подписанной Феодосием Изографом книге — Четвероевангелии 1507 г.

Итак, растительный орнамент с элементами будущего старопечатного стиля бытовал в различных странах Европы на протяжении XIII—XV вв. Встречался он в это время и в русских рукописных книгах.

Очень рано орнаментика этого типа начинает проникать и в западную печатную книгу, сначала в виде воспроизведенного от руки обрамления отдельных страниц и инициалов, затем в виде гравированных буквиц, по штамбам которых пущен акантовый вьюнок.

Мотивы растительного орнаментального убранства европейской рукописной и печатной книги в XV—XVI вв. широко проникают в Литовско-Русское государство. В западнорусской книге растительная орнаментика вынесена на боковые поля, что в Москве встречается исключительно редко, а в европейской книге — обыденно. Любопытно, что в Литовской Руси растительное убранство полей нередко сочетается с пришедшими с Балкан плетеными заставками и инициалами. Характерный пример дают Четвероевангелие 1546 г. [501] и погибший в годы Отечественной войны Загоривский Апостол [502], а также знаменитое Пересопницкое Евангелие [503]. Орнаментика всех этих рукописей не имеет ничего общего с московской формой растительного стиля, а также и со старопечатным орнаментом, с которым, однако, ее зачастую связывали [504].

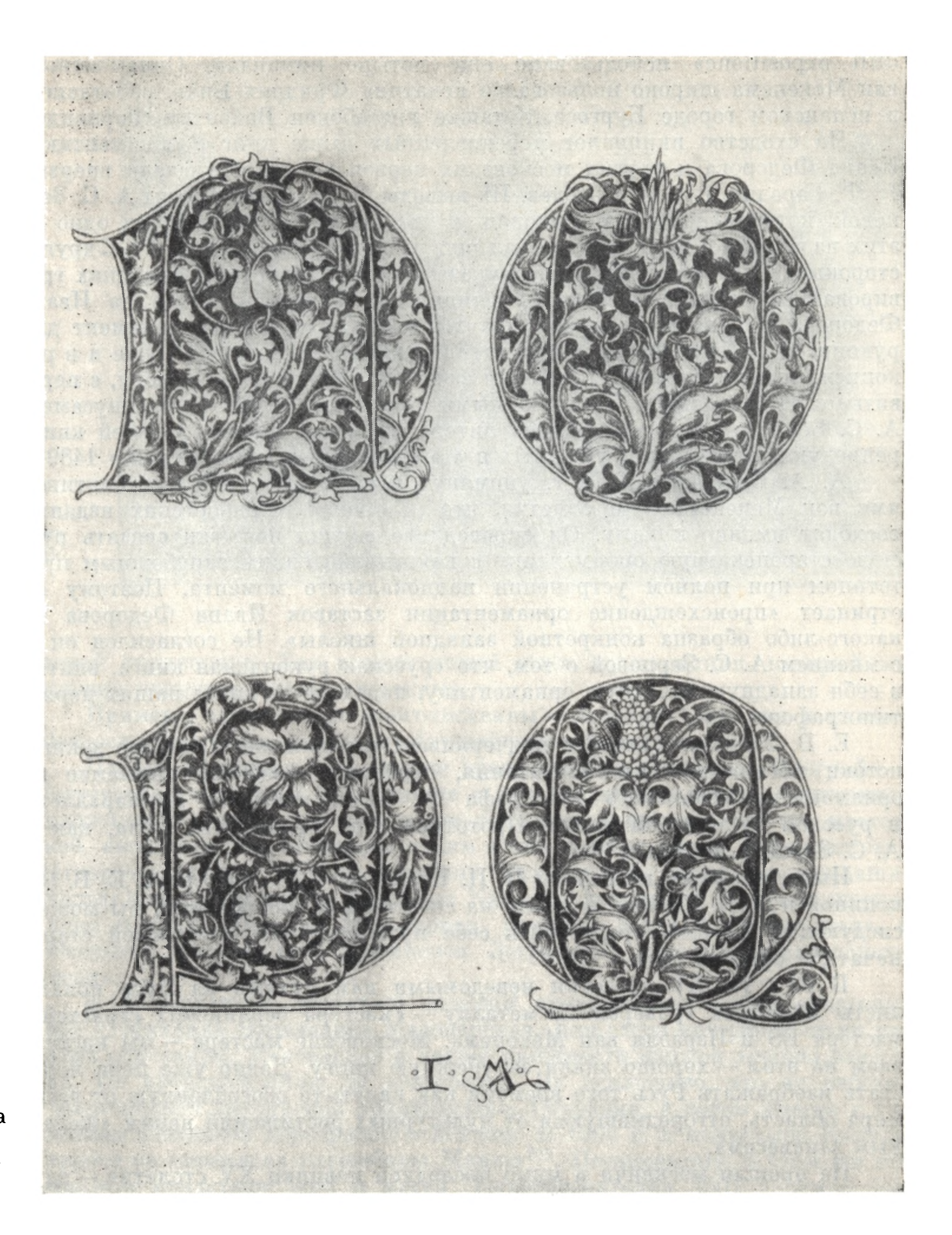
Весьма характерным отличием служат тонкие длинные ветви с редкими листьями, а изредка — бутонами и шишками, а также включение в орнаментику изображений птиц, животных и людей. Последнее иллюстрируется Волковицким Евангелием [505].

Во второй половине XV в. разрабатывать элементы будущего старопечатного стиля начали немецко-нидерландские граверы по металлу — мастер ES, «мастер берлинских страстей» и особенно Израэль ван Мекенем. Деятельность последнего исключительно важна для нашей темы.

Израэль ван Мекенем родился около 1450 г. в семье ювелира, занимавшегося резьбой по металлу [506]. Искусствоведы приписывают этому ювелиру гравюры не известного нам по имени «мастера берлинских страстей» (именуемого так по названию одной из популярных его работ). Семья происходила из городка Мекенгейм, близ Бонна. Название города впоследствии дало имя нашему граверу. В 1466—1469 гг. юный Израэль работает у мастера ES. По окончании учебы в 1470 г. мы встречаем его в Бамберге, откуда он на непродолжительное время возвращается в отчий дом в небольшой городок Клеве, а затем поселяется в Бокхольте. Здесь он купил дом на рынке — об этом свидетельствуют архивные документы от 1482—1499 гг. Умер Израэль ван Мекенем 10 ноября 1503 г.; дату можно прочитать на надгробной плите, поздняя зарисовка которой сохранилась в Британском музее.

До наших дней дошло достаточно много гравюр Израэля ван Мекенема [507]. Нас интересует серия гравированных буквиц — «Das grössere Majuskel-Alphabet». В серии шесть листов; на каждом из них размещено по четыре знака. Весь алфавит состоит из 24 знаков. При этом буква «W» отсутствует, а буква «T» повторена два раза (рисунок различен).

В основу своего алфавита ван Мекенем положил знакомые уже нам растительные мотивы, издавна бытовавшие в орнаментике рукописной книги различных стран. Среди них и акантовый вьюнок. Известность мотивов нисколько не умаляет заслуг мастера, создавшего высокохудожественное произведение декоративно-прикладного искусства. Алфавит

Гравированный на металле алфавит И. ван Мекенема. Лист 4

его удивительно выразителен и наряден. Для нас особенно интересно, что отдельные элементы гравюр, а иногда и целые знаки мы встречаем в заставках московской рукописной и старопечатной книги [508].

О том, как эти мотивы проникли на Русь, высказывались разные мнения.

В конце XV столетия ксилографические копии инициалов ван Мекенема встречаются в книгах, отпечатанных в Антверпене, Нюрнберге, Магдебурге, Бургосе. Едва ли не первая копия — перевернутый инициал «D» в антверпенском издании 1488 г. «Die vier vterste». Широко популярен в свое время был медицинский трактат «Versehung von Leib, Seele, Ehre und Gut», отпечатанный в 1489 г. в Нюрнберге Петером Вагнером. Здесь имеются 9 ксилографических копий инициалов ван Мекенема. В том же году в нюрнбергском издании «Alexandri Grammatici opus cum brevi ac

utili expositione» использовано еще четыре инициала. Орнаментикой ван Мекенема широко пользовался печатник Фридрих Биль, работавший в испанском городе Бургосе, а также лиссабонец Валентин Фернандес.

На сходство инициалов перечисленных выше книг с орнаментикой Ивана Федорова и других московских первопечатников указали впервые Н. Ф. Гарелин и Н. П. Киселев. Их выводы были использованы А. С. Зерновой, которая признала возможным, что «Иван Федоров видел одно из этих изданий и с него заимствовал рисунок своего орнамента»[509]. С другой стороны, она не исключает, что «указанные выше образцы немецких гравированных инициалов оказали влияние не непосредственно на Ивана Федорова, а раньше побывали у художников, рисовавших орнамент для рукописей, и Иван Федоров и печатники анонимных изданий уже и в рукописях видели рисунки на черном фоне, напоминающие гравюру, с перевитыми гирляндами и с указанными шишками, ягодами и конусами». А. С. Зернова впервые в нашей литературе воспроизвела в своей книге репродукции инициалов «D», «H» и «I» из нюрнбергского издания 1489 г.

А. А. Сидоров в 1951 г. упомянул в связи с нашей орнаментикой имя ван Мекенема[510] и отметил, что инициалы нюрнбергских изданий восходят именно к нему. Он справедливо осудил попытки связать русскую старопечатную орнаментику с каким-либо одним зарубежным прототипом при полном устранении национального момента. Поэтому он отрицает «происхождение орнаментации заставок Ивана Федорова от какого-либо образца конкретной западной школы». Не согласился он и с мнением А. С. Зерновой о том, что «русская рукописная книга, впитав в себя западную печатную орнаментику, передала ее книге наших первотипографов».

Е. В. Зацепина, которая подчеркивает итальянские и вообще южные истоки московского книгопечатания, обращает особенное внимание на орнаментику испанского типографа Ф. Биля, указывая ее параллели в русской рукописной книге. Прототипа этой орнаментики она, как и А. С. Зернова, не знала[511].

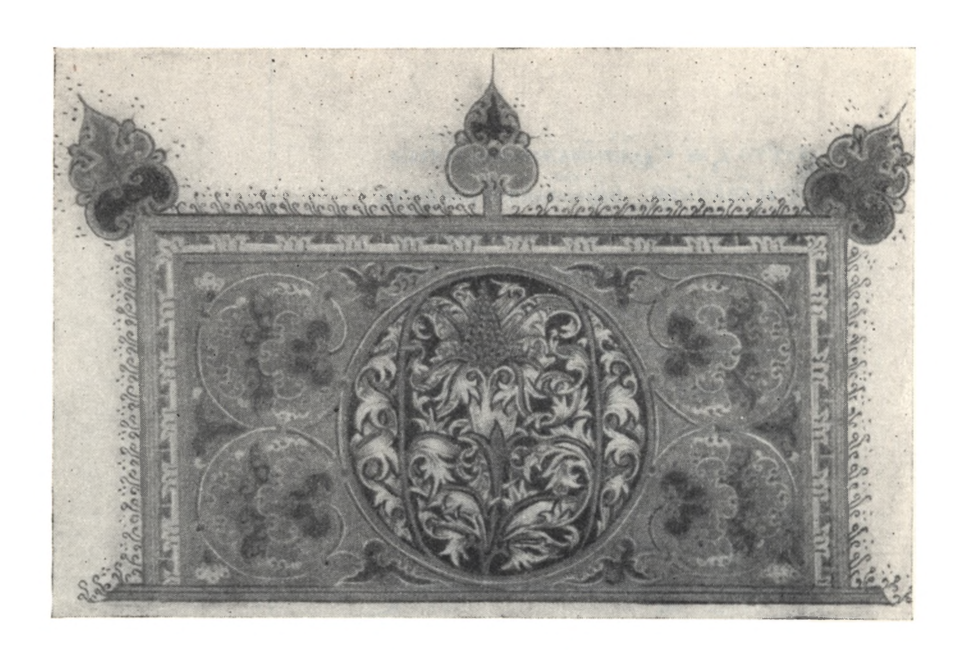
Ныне, опираясь на работы Н. П. Киселева, А. А. Сидорова, Е. В. Зацепиной и Т. Б. Уховой, а также на собственные наблюдения, мы можем следующим образом представить себе пути создания московской старопечатной орнаментики.

В 80-х гг. XV столетия неведомыми нам путями на Русь попали листы немецких граверов по металлу — «мастера берлинских страстей», мастера ES и Израэля ван Мекенема. Московские мастера — мы настаиваем на этом — хорошо знали зарубежную книгу. Давно уже пора перестать изображать Русь того времени как какую-то обособленную от всего мира область, отгородившуюся от культурных достижений неким «железным занавесом».

Не прошли москвичи и мимо последней новинки XV столетия — глубокой гравюры на металле. Листы первых граверов попали в мастерскую Дионисия — Феодосия, и вскоре отдельные мотивы из них проникают в рукописную орнаментику.

Попали на Русь и листы с гравированным алфавитом Израэля ван Мекенема. Московские мастера своеобразно использовали понравившиеся им орнаментальные мотивы. Уместно подчеркнуть, что западная книга тех лет почти не знала заставки. Основным элементом художественного убранства был инициал да, пожалуй, еще украшения на полях. В Московской Руси же главную роль играла заставка, а не инициал[512].

Орнаментальные мотивы ван Мекенема перерабатывались в духе отечественной традиции. Мастера школы Феодосия переносят инициалы или отдельные их части в заставку, окружая центральное черно-белое пятно богатым красочным обрамлением нововизантийского стиля. Важную роль при этом играют традиционные элементы разделки — тонкотравный орнамент, полосы двойных и тройных лепестков, всевозможные цепочки, ко-

Инициал «Q» в заставке из Четвероевангелия 1531 года. ОРЛБ

лючий трилистник. Так возник новый стиль орнаментики, который мы условно называем «Феодосиевским».

Примеры этого стиля многочисленны — восходят они как к самому Феодосию Изографу, так и к его ближайшим эпигонам.

Первая известная нам вполне зрелая работа Феодосия Изографа — Четвероевангелие 1507 г.[513] Вместе с тем это единственная подписанная художником книга — все остальные рукописи, вышедшие из его мастерской, анонимны или помечены одним лишь именем писца. В послесловии Четвероевангелия 1507 г., напротив, перечислены лица, принимавшие участие в создании книги. Это Амос Каллиграфосник[514], который «черное писмо писал», Михайло Медоварцев, который «златом прописывал», и «Феодосие Зограф сын Дионисиев Зографов», который «евангелисты писал».

Е. В. Зацепина посчитала автором орнаментики Четвероевангелия 1507 г. Михаила Яковлевича Медоварцева. Для этого нет решительно никаких оснований. Медоварцев в нашей книжности фигура хорошо известная. По происхождению он новгородец. Не исключено, что он работал в книгописной мастерской архиепископа Геннадия, а затем вместе с Герасимом Поповкой перебрался в Москву. В 1505 г. в монастыре Николы Старого он переписал служебную Минею[515]. По-видимому, в этом же московском монастыре жил и писец Четвероевангелия 1507 г. Амос, ибо помянутая книга также была написана «в дому великаго чюдотворца Николы Старого». Медоварцев оставался в монастыре и десять лет спустя — в 1517 г., когда старец Исаия привез с Афона из Ватопедского монастыря «Житие святого Савы». Медоварцев переписал эту книгу и подарил ее в Кирилло-Белозерский монастырь, «чтоб помянули в святых своих молитвах мое окаянство»[516]. Впоследствии это житие было переписано уже знакомым нам Гурием Тушиным[517].

В дальнейшем Михаил Медоварцев, как уже известно читателю, работал у Максима Грека и разделил его участь. В 1533 г., когда Максима заключили в Тверской Отрочь монастырь, Медоварцева сослали в Коломну.

Ни в одной из переписанных Медоварцевым книг не говорится о том, что он одновременно украшал их. По оформлению своему они более чем скромны. Да и орнаментика их далека от «Феодосиевского» стиля Четвероевангелия 1507 г. Последнюю книгу, напротив, тесно связывают с

Четвероевангелие 1507 года. Выходная запись. ГПБ

«Книгами 16 пророков», «Словами Григория Богослова» и Четвероевангелием Гурия Тушина общие, известные уже нам приемы и формы художественного убранства.

То, что лишь намечалось в ранних работах Феодосия, в Четвероевангелии 1507 г. получило вполне законченную форму. Миниатюры книги восходят к Четвероевангелию Гурия Тушина. Однако здесь нет и в помине прежнего противоречия между фигурами евангелистов и орнаментикой фона. Прием «киота», заключенного в нарядную арку, найденный в последней миниатюре первого Четвероевангелия, в рукописи 1507 г. сделан правилом.

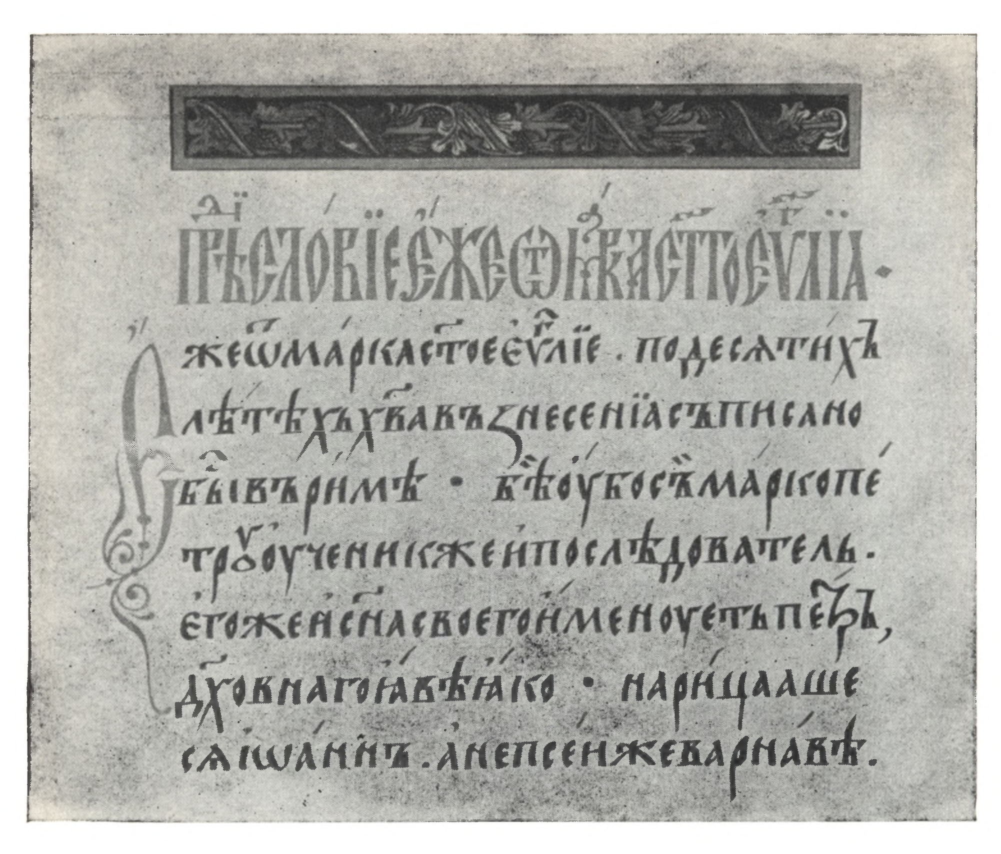
Усилены и подчеркнуты мотивы, которые впоследствии будут восприняты граверами первой московской типографии. Среди них — характерная арабеска с двухлопастными листьями на миниатюрах с Матфеем, Марком и Лукою (лл. 10 об., 109 об., 173 об.). Тонкотравный орнамент с виноградной листвой, которым разделана арка евангелиста Матфея, станет излюбленным мотивом мастера первых безвыходных Четвероевангелий. Там же встретим мы и акантовый старопечатный вьюнок, заключенный Феодосием в рамку и впервые пущенный по черному фону (л. 106 об.). Первые русские типографы возьмут из Четвероевангелия 1507 г. большие буквицы и ломбарды. Конфигурация буквицы «земля» перейдет в безвыходные Четвероевангелия, буквица «П» со звездочкой на верхней перекладине будет воспринята Иваном Федоровым.

Разворот Евангелия от Луки из Четвероевангелия 1507 года. ГПБ

Четвероевангелие 1507 года. Начальный лист евангелия от Луки. ГПБ

Старопечатный вьюнок в рукописном Четвероевангелии 1507 года

Исключительно нарядные заставки, расцвеченные всеми цветами радуги, связывают Четвероевангелие 1507 г. как с предшествующей, так и с последующей московской книгописной традицией. Маленькая заставка перед оглавлением от Матфея (Ух. 164) ранее встречалась нам в «Словах Григория Богослова». Впоследствии мы находим ее в роскошном Апостоле 1540-х гг., также вышедшем из мастерской Феодосия Изографа. Большая заставка (л. 12) перед евангелием от Матфея нам знакома по «Словам Григория Богослова». Схема заставки (л. 111 — Ух. 150) перед евангелием от Марка использована в упомянутом выше Апостоле. Малая заставка (л. 170 об.) будет повторена в роскошном Четвероевангелии 1531 г., с которым мы подробно познакомимся ниже. Примеры можно продолжить.

В орнаментике Четвероевангелия 1507 г. вполне развиты элементы разделки, которые на многие годы станут излюбленными приемами московских художников книги. Это тонкотравный орнамент, полосы двойных и тройных лепестков, золотая цепочка с цветочными розетками, колючий трилистник...

В первые два десятилетия XVI в., как явствует из ознакомления с рассмотренными выше рукописями, старопечатный стиль в московской книге бытует лишь в виде акантового вьюнка. Усложняется мотив в третьем десятилетии. Показательно в этом смысле Учительное Евангелие 1524 г.[518] Оно было переписано «по благословию и замышлению Троицкого Сергиева монастыря игумена Порфирия и соборных старцев рукою многогрешного инока Исаака Собакы».

Несколько попутных замечаний. В древнерусской книжности нередко в качестве переписчиков фигурируют высокопоставленные лица духовной иерархии. Сохранились книги, которые приписывают митрополиту Алек-

Старопечатная заставка из Четвероевангелия 1524 года. ОРЛБ

сию, митрополиту Иоасафу, новгородскому архиепископу Серапиону Курцову. Достаточно видной фигурой был и Исаак Собака — впоследствии он стал архимандритом Чудова монастыря в Московском Кремле; его упоминает Иван Грозный в известном послании в Кирилло-Белозерский монастырь [519]. Одно время Исаак Собака, как и Михаил Медоварцев, работал у Максима Грека.

Нет никаких оснований приписывать оформление Учительного Евангелия 1524 г. самому Исааку Собаке. Орнаментика принадлежит мастерам школы Феодосия Изографа. Большая нововизантийская заставка в форме буквы «П» с вязью внутри (л. 406) впоследствии встретится в роскошном Апостоле 1540-х гг. Нас в данный момент интересует заставка на л. 7. Это сложный узор из переплетающихся акантовых листьев. Нижний край заставки ограничен прямой; замыкающая линия с боков и сверху имеет сложные очертания — это в московской книге встречается редко. Две золотые, вертикально расположенные ветви образуют в центре заставки столбик, разделяющий поле на две равные и приблизительно симметричные части. По столбику пущен акантовый вьюнок. Поле дробят также два горизонтальных синих прямоугольника с тонкотравным орнаментом, искусно выписанным белилами. Заставка обрамлена цепочкой с красными, синими и зелеными розетками — этот мотив известен нам по Четвероевангелию 1507 г. Обрамление хорошо гармонирует с инициалом «Н», который находится в нижнем левом углу полосы.

Заставка Учительного Евангелия 1524 г.— превосходный пример того стиля, который впоследствии назовут старопечатным. В 1520-х гг. он все чаще и чаще начинает встречаться в рукописных московских книгах. Второй пример — Ирмолой, переписанный в 1529 г. иноком Давидом [520].

Новый мотив прочно входит в практику художников книги. В эти годы в мастерской Феодосия вспомнили о гравированном алфавите Израэля ван Мекенема, листы его были привезены на Русь, по-видимому,

еще в конце XV в. вместе с гравюрами «мастера берлинских страстей» и мастера ES — об использовании их в московской книжной орнаментике уже говорилось. Весь строй инициалов, а также отдельные элементы их удивительно гармонировали с полюбившимся московским книжникам мотивом. Тогда-то московские художники по-своему использовали инициалы ван Мекенема. Сохранив основные элементы буквиц, художники умело комбинируют их и вводят в качестве черно-белых «клейм» в богатый цветом узор нововизантийской заставки, обогащенный тонкой феодосиевской разделкой.

Один из первых опытов — знаменитое Четвероевангелие 1531 г.[521] Оно переписано «грешным иноком» Исааком Биревым. По-видимому, это все тот же Исаак Собака. В выходной летописи книги Бирев сам подчеркивает, что у него было много произвищ — «по вине греховней многыми именованьми порекломь зовомь».

В рукописи пять миниатюр. Первая из них — евангелист Матфей — повторяет композицию из Четвероевангелий Гурия Тушина и 1507 г. Витые колонны, в капителях которых изображения двух баранов, а в подножии — колючий трилистник, копируют колонны миниатюры с Иоанном из рукописи 1507 г. Тот же излюбленный Феодосием колючий трилистник пущен по полю большой прямоугольной заставки на л. 103 (Ух. 217). Аналогичный мотив встретится нам в неоднократно упоминавшемся Апостоле 1540-х гг. Под заставкой на л. 103 помещен инициал «земля», который точно повторяет очертания одноименных инициалов из Четвероевангелий Гурия Тушина и 1507 г., только по штамбу буквицы пущен не тонкотравный орнамент, а старопечатный вьюнок. Эта буквица почти без изменений будет скопирована граверами первопечатных московских изданий.

В Четвероевангелии Исаака Бирева широко используются все элементы традиционной московской разделки — полосы двойных и тройных лепестков, колючий трилистник, тонкотравный орнамент.

Наибольший интерес для нас, однако, представляют четыре заставки со старопечатными клеймами. В первую же из них (л. 13) художник вводит мотивы инициала «Q» И. ван Мекенема, заключая черно-белый круг в прямоугольное, насыщенное цветом нововизантийское обрамление. В обрамлении — полоса тройных лепестков. Точно такое же построение, однако с инициалом «О» в качестве клейма мы встретим в Апостоле 1540-х гг.

Во второй старопечатной заставке (л. 163) умело использованы мотивы двух инициалов ван Мекенема — в левой части «N», в правой «H». Эту заставку мы встретим в Апостоле 1540-х гг. и Четвероевангелии Муз. 3443 из собрания Государственного Исторического музея. В Апостоле имеется и другая заставка с совершенно аналогичной композицией, в левой части ее мотив инициала «V». Эта композиция будет почти без изменений воспринята Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем в первопечатном Апостоле 1564 г.

В третьей старопечатной заставке (л. 259) Четвероевангелия Исаака Бирева находим мотивы инициала «I» ван Мекенема. Мотив впоследствии будет чрезвычайно популярен в русской рукописной и старопечатной книге.

Наконец, в четвертой старопечатной заставке — сравнительно небольшое круглое черно-белое клеймо (л. 329).

В начале 30-х гг. XVI в. из московских мастерских вышли два других превосходно оформленных Четвероевангелия. Одно из них сейчас находится в Государственном Историческом музее[522], а другое — в собрании Рогожского кладбища (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина)[523]. Первое из них особенно роскошно. Большие заставки преимущественно нововизантийского стиля помещены здесь не только перед четырьмя евангелиями, но и перед всевозможными оглавлениями, предисловиями и указателями чтений. Так называемые каноны

заключены в арабесковую рамку, в которой мы узнаем знакомый мотив из Четвероевангелий Гурия Тушина и 1507 г. Нововизантийские заставки дают превосходный пример типично «Феодосиевской» разделки. Одна из старопечатных заставок (л. 19) повторяет композицию, с которой мы познакомились в Четвероевангелии Исаака Бирева. Вторая заставка искусно скомпонована из двух, симметричных относительно вертикальной оси частей, в которых мы узнаем нижнюю часть инициала «S» И. ван Мекенема. Использована она дважды, причем один раз — зеркально. Композиция заставки впоследствии пользовалась большой популярностью. Мы встречаем ее в рукописном Четвероевангелии Ужгородского университета, в Октоихе 1530-х гг.[524], в Триоди постной, отпечатанной Андроником Тимофеевым Невежей в 1589 г. (Зерн. 129).

В Четвероевангелии из собрания Рогожского кладбища — четыре заставки со старопечатными клеймами (лл. 9, 96, 153, 247), целая страница, обрамленная старопечатным вьюнком (л. 9), а также арабесковая заставка (л. 314), к которой восходят мотивы некоторых заставок первопечатного широкошрифтного Четвероевангелия.

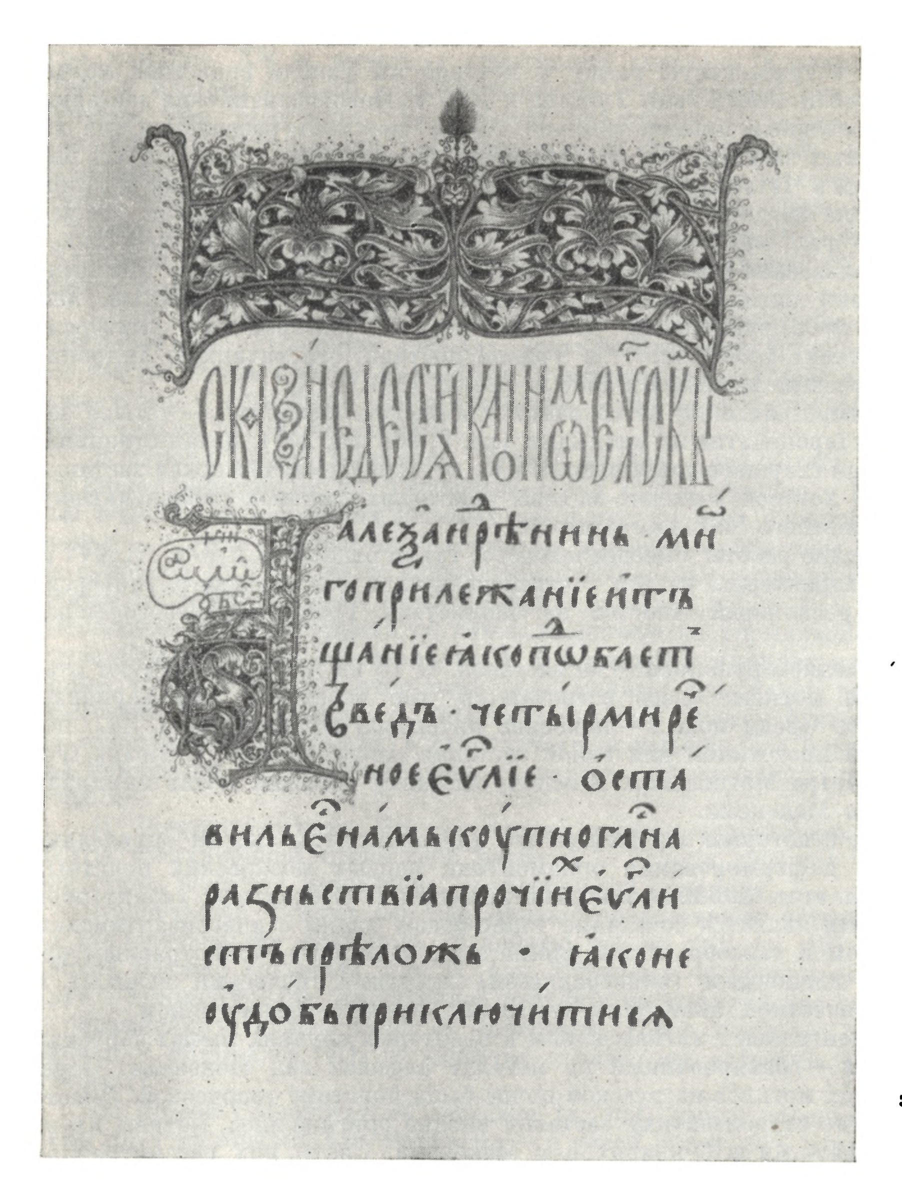
Последние работы «Феодосиевского» стиля относятся к 40-м гг. XVI в. Наиболее характерны из них Четвероевангелие Ужгородского университета[525] и роскошный Апостол из библиотеки Троице-Сергиевого монастыря[526].

В последней рукописи — 49 заставок. В 15 из них главенствуют старопечатные мотивы. Здесь встречаются уже известные нам варианты композиции. Среди новых — наиболее интересна заставка на л. 347, послужившая прототипом для одной заставки Апостола 1564 г. Ивана Федорова и Петра Мстиславца. В основу заставки положен мотив инициала «Т» И. ван Мекенема.

Стиль, с которым мы только что познакомились, сыграл определяющую роль в формировании орнаментики первых московских печатных книг. Стиль этот сложился в первой половине XVI столетия; характерной чертой стиля является сочетание черно-белых клейм с нововизантийским обрамлением и своеобразными элементами разделки — тонкотравным орнаментом, кленовыми (виноградными) листьями, полосами двойных и тройных лепестков, акантовым вьюнком, колючим трилистником.

Орнаментальные мотивы клейм в некоторых случаях имеют зарубежные истоки — гравированный на металле алфавит ван Мекенема. Переработка этих мотивов на русской почве была поистине творческой. Вместе с тем многие старопечатные заставки вполне оригинальны, мотивы их не находят аналогии в буквицах ван Мекенема. Среди них рассмотренная выше заставка из Учительного Евангелия 1524 г.; заставка на л. 8 Ужгородского Четвероевангелия, послужившая прототипом орнаментики широкошрифтной Псалтыри; заставка на л. 2 Октоиха 1530-х гг.[527], послужившая прототипом для Андроника Тимофеева Невежи (Зерн. 97) и т. д.

В конце 40-х — начале 50-х гг. XVI в. «Феодосиевский» стиль теряет свою первозданную чистоту и постепенно перерастает в чисто старопечатный стиль. Исчезают нововизантийское обрамление и традиционные элементы разделки, на первое место выступают черно-белые клейма. Такова орнаментика небольшого Апостола из ризницы Троице-Сергиева монастыря[528]. В монастыре этом зародился и другой вариант орнаментики, также вышедший из «Феодосиевского» стиля. Он характеризуется устранением угловатости и резкости акантовой листвы, сочетанием черно-белого клейма с красными рамками или с красными (вместо голубых у Феодосия) полями, по которым пущен черный тонкотравный узор (у Феодосия — белый). Художественное значение и уровень исполнения не высоки. Этот тип орнаментики представлен «Словами Василия Великого», переписанными в 1556 г. Исаей Каргопольцем[529], Минеями 1558 г. писца Фирсишки[530], Толковой Псалтырью 1551—1553 гг., переписанной архиепископом новгородским Серапионом Курцовым[531], Четвероевангелием 1550-х гг.[532] и др.

Полоса со старопечатной заставкой из рукописного Четвероевангелия первой половины XVI века

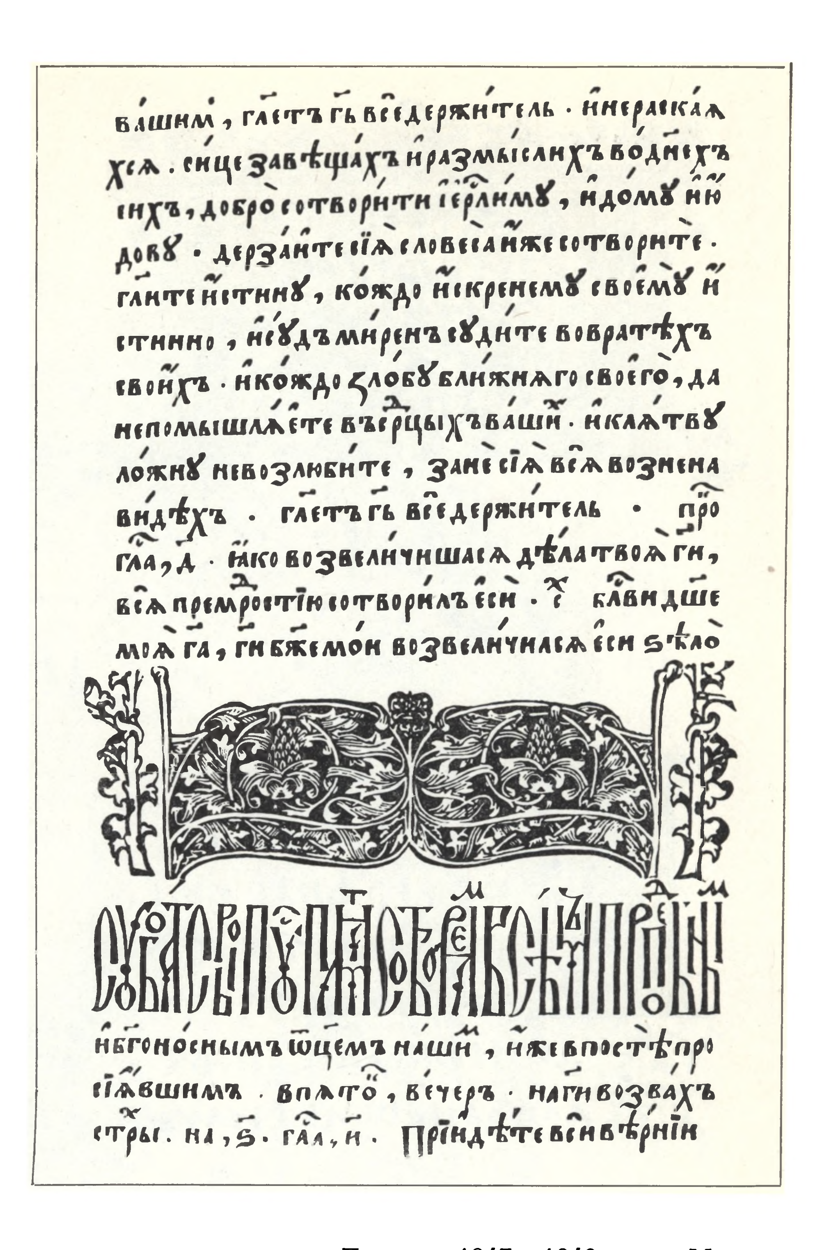
В 1560—1570-х гг. возникает еще один вариант «Феодосиевского» стиля — роскошный до безвкусицы, перегруженный всевозможными элементами разделки, модернизированным и плоским нововизантийским обрамлением, однако сохраняющий в качестве ядра заставки черно-белое старопечатное клеймо. Вариант представлен Четвероевангелием [533] и Евангелием-апракосом [534], по-видимому, составлявшими пару и вышедшими из одной мастерской.

Все эти варианты «Феодосиевского» стиля никакого влияния на искусство московских первопечатников не оказали.

У истоков старопечатной орнаментики, таким образом, стоит школа Феодосия Изографа, занимавшая ключевые позиции в русском книжном искусстве первой половины XVI в.

В мастерской Феодосия были освоены и испробованы и первые в нашей стране методы полиграфического репродуцирования.

Первые опыты глубокой гравюры. Иллюстрации и орнаментика первых московских печатных книг были воспроизведены методом высокой печати. На протяжении полутораста с лишним лет ксилография удерживала

вашим, глетъ гь вседержитель. и нераскаа
хся. сице завещахъ и размыслихъ во днехъ
ихъ, добро сотворити иерлиму, и дому иу
дову. дерзайте сия словеса, иже сотворите.
глаголите истину, кождо искреннему своему и
стинно, и судъ миренъ судите во вратехъ
своихъ. и кождо злобу ближняго своего, да
непомышляете въ срцыхъ ваших. и клятву
ложну невозлюбите, зане сия вся вознена
видехъ. глетъ гь вседержитель. про
гла, д. яко возвеличишася дела твоя гн,
вся премдростию сотворилъ еси. с. блгви дше
моя га, ги бже мой возвеличился еси зело

...богоносным отцем нашим, иже в посте про
сиявшим. в пято, вечеръ. на ги воззвахъ
стры. на, ѕ. гла, и. приидете вси верніи

Полоса из печатной
Триоди постной 1589 года

первенство в русском книжном деле. Лишь в 1647—1649 гг. в Москве появилась книга с иллюстрациями, изготовленными методом гравюры на меди,— «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» — с известным титульным листом, «назнаменованным» золотописцем Григорием Благушиным, и 35 гравированными таблицами. Гравюры были вырезаны и отпечатаны в Голландии. Поэтому начало глубокой печати в России обычно отодвигают еще на два десятилетия и датируют 1665—1668 гг. Эти даты стоят под гравюрами замечательного русского художника XVII в. Симона Ушакова. Наконец, в 1680 г. появляется «Псалтырь в стихах» Симеона Полоцкого с гравированным изображением царя Давида — первой московской книжной гравюрой на меди.

Таковы общеизвестные факты, относящиеся к вопросу о начале глубокой печати в России.

Находка, сделанная недавно в Отделе рукописей Государственного Исторического музея, позволяет в корне изменить сложившееся на протяжении многих десятилетий и общепринятое в науке мнение. Речь идет о Четвероевангелии XVI в. из собрания А. С. Уварова[535]. Это рукопись

пасхы. на литꙋргїи. ѿ дѣа
нїи стых апл чтенїе:
Прьвое оубо слово с
творихъ ѿ всѣхъ
о Ѳеофиле. ѡ нихже
начатъ іс. тво
рити же и оучити
до негоже дне заповѣ
давъ апломъ дхомъ

Рукописный Апостол 1540-х годов. ОРЛБ

форматом в лист, составленная из 16-страничных тетрадей с форматом полосы 186 $\times$ 292 *мм*. Иллюстрации и орнаментика книги традиционны: изображения евангелистов Матфея, Марка, Луки и Иоанна, а также узорные заставки перед началом каждого из разделов, перед предисловиями и оглавлениями. На первой полосе каждого из евангелий — инициал и цветок на полях.

Книга заключена в новый картонный переплет, изготовленный при реставрации рукописи в прошлом столетии. Тогда же, а может быть, несколько ранее в рукопись были вклеены изображения евангелистов. Это гравюры К. Иванова из издания XVII в., наклеенные на плотные листы белой бумаги, резко отличающейся от основной бумаги рукописи. Гравюры раскрашены от руки, причем довольно искусно. Любопытно отметить, что архим. Леонид в своем описании собрания А. С. Уварова счел гравюры миниатюрами, отметив, что они воспроизведены «по золотому полю красками, весьма изящной работы» [536]. Не обратил внимания

Школа Феодосия Изографа. «Евангелист Матфей» из Четвероевангелия 1531 года. ОРЛБ

Леонид и на орнаментику рукописи. Между тем она заслуживает тщательного изучения.

В рукописи 12 заставок, четыре больших инициала и четыре цветка. Четыре большие заставки помещены перед евангелиями. Первая из них (л. 12) исполнена в типично «Феодосиевском» стиле (старопечатное клеймо с нововизантийским обрамлением), однако отсутствие элементов разделки говорит о ее более позднем происхождении. Последняя заставка (л. 293) — типичный пример старопечатной орнаментики 50—70-х гг. XVI в. Две средние заставки (лл. 113 и 180) одинаковы по рисунку. Изучение их показывает, что они воспроизведены способом глубокой печати в технике резцовой гравюры. Тем же самым способом воспроизведены три из четырех цветков, украшающих первые полосы евангелий.

Таким образом, пять гравюр на меди четырех различных рисунков наклеены на листы рукописи XVI столетия. Рукопись не датирована. О времени написания свидетельствуют водяные знаки бумаги. Бумага — французская. Водяной знак — «кораблик с раздвоенным флагом на мачте» — указывает на 50—60-е гг. XVI в. Аналогичные знаки встречаются и в безвыходных первопечатных изданиях.

Остается доказать русское происхождение гравюр. Это не составит особого труда. Предварительно же познакомимся с самими гравюрами.

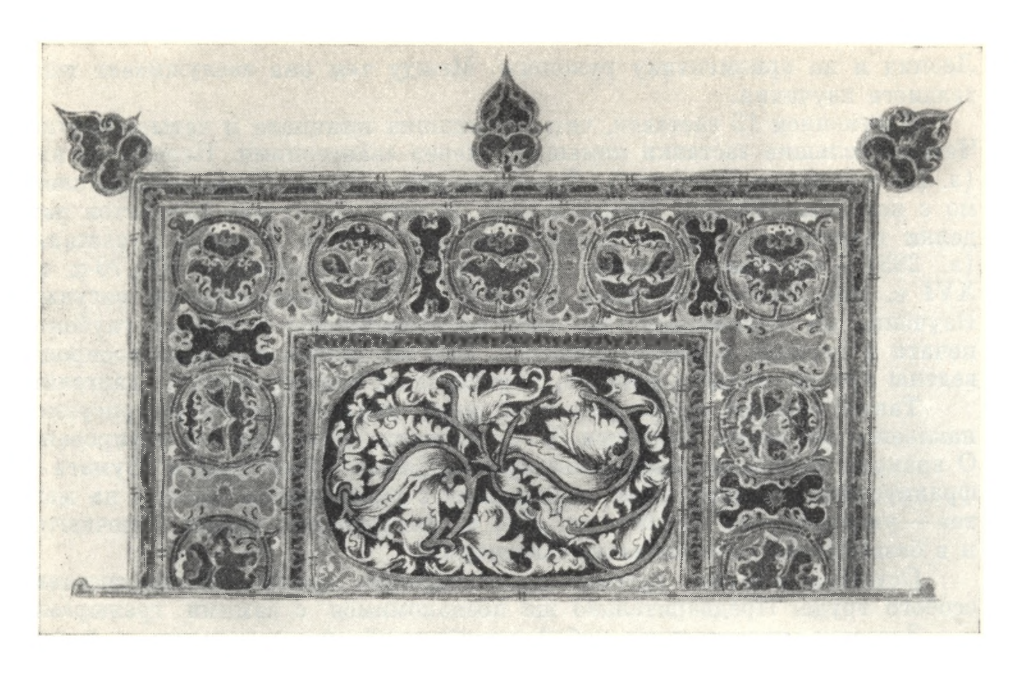
Заставка представляет собой удлиненный прямоугольник с размерами 82×47 *мм.* Из нижней центральной части изображения исходит сучковатый ствол, разделяющийся на две ветви, которые переплетаются между собой и расходятся в разные стороны, образуя два почти правильных круга. Затем ветви снова пересекаются, идут по окружностям, концентричным первым, и оканчиваются стилизованными бутонами. Общий рисунок подобен лежащей восьмерке, причем бутоны находятся примерно в центре каждой из ее петель. Ветви оторочены листьями, образующими некое подобие колокольчиков, расположенных симметрично относительно вертикальной средней линии. В верхней центральной части заставки изгиб листьев образует характерный рисунок типа креста с утолщенной перекладиной. Свободные поля по краям заполнены тонкотравным орнаментом. Пространство в промежутке между листьями внутри петель восьмерки заштриховано тонкими параллельными линиями, идущими от периферии к центру и снизу вверх примерно под углом 45° к горизонтали. Перекрещивающихся штрихов нет, что говорит о начальной стадии развития гравюры на металле.

Рисунок во многих местах пересекают тонкие, незаметные для невооруженного глаза полосы, которые частично вызваны царапинами на доске, а частично говорят о характерном для глубокой печати явлении «полошения».

Фоном нижней части ствола служит доска типа гербовой, на которой в промежутках между переплетением ветвей помещена надпись: «Изограф Феодосие».

Найти имя мастера на гравированной заставке — исключительная удача. В истории русской первопечатной орнаментики мы можем назвать лишь один такой случай — инициалы «ПАНМ» (т. е. печатный мастер Андроник Невежа) на заставке из Триоди цветной 1591 г. Невежа, кстати говоря, в оформлении своих изданий часто следовал традициям мастерской Феодосия Изографа, заимствовал из книг этой мастерской варианты заставок и буквиц.

Однако вернемся к гравированным заставкам Феодосия. Они раскрашены от руки. Обрез гербовой доски покрыт коричнево-красной краской. Бутоны синие с красными прожилками. По заштрихованному полю разбросаны точки, покрытые при ручной разрисовке золотом. Гравюра помещена в узкую золотую, оттененную киноварью рамку со стрельчатыми окончаниями по горизонтали. Заставку венчает широкая синяя рамка, также оттененная красной линией.

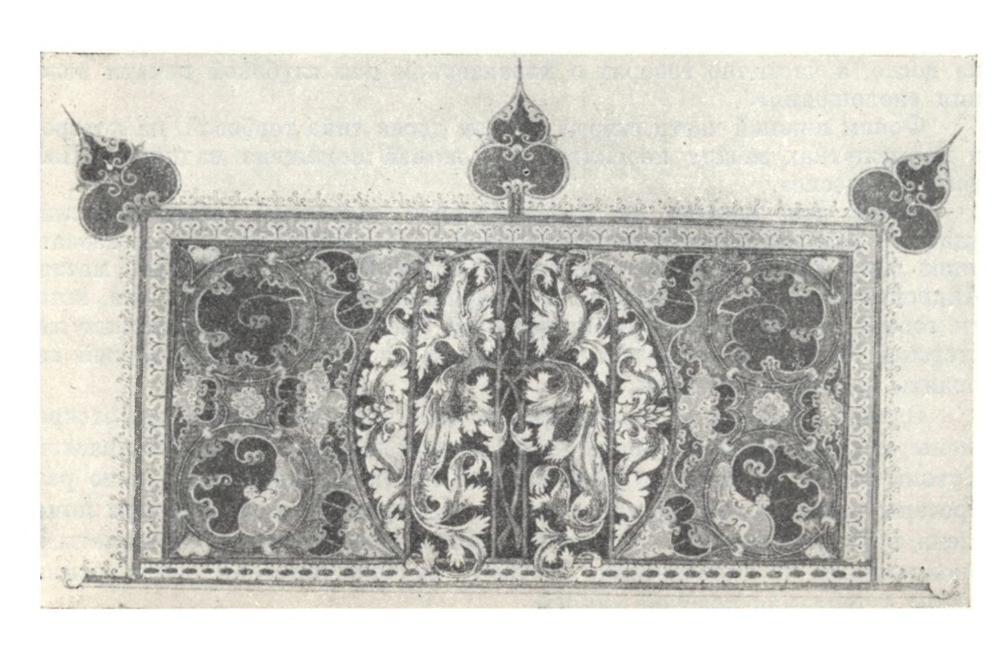

Заставка со старопечатным клеймом из рукописного Четвероевангелия Рогожского кладбища. ОРЛБ

Второй оттиск гравюры (на л. 180) по рисунку и размерам полностью идентичен первому. Отличается он раскраской и характером обрамления. Ветки здесь синие, а обрез ствола красный. Рамка составлена из нескольких тонких разноцветных полос.

Первый цветок (л. 113) представляет собой сучковатый ствол с бутоном в виде стилизованной шишки, закрученной по спирали. Шишка обрамлена фигурными лепестками. Верхняя часть цветка покрыта характерным пунктирным штрихом в манере, свойственной старым немецким мастерам-ювелирам конца XV столетия. В этом цветке, да и в гравированной заставке манера Феодосия особенно близка технике «мастера берлинских страстей» и Израэля ван Мекенема.

Второй цветок (л. 180) представляет собой стилизованный плод с обручами и точками между ними. Все это обрамлено лепестками и оканчивается конусообразным навершием.

Заставка со старопечатным клеймом из рукописного Четвероевангелия Рогожского кладбища. ОРЛБ

От Матфеа святое благовестие

Книга родства Іс Хв сна двдва,
сна авраамля. авраамъ ро
ди исаака. исаакъ роди іакова.
іаковъ же роди іуду и братію его.
іуда же роди фареса и за
ру, ѿ ѳамары. фаресъ же
роди есрома. есромъ же роди арама. а
рамъ же роди аминадава. аминадавъ

Полоса из рукописного Четвероевангелия Рогожского кладбища. ОРЛБ

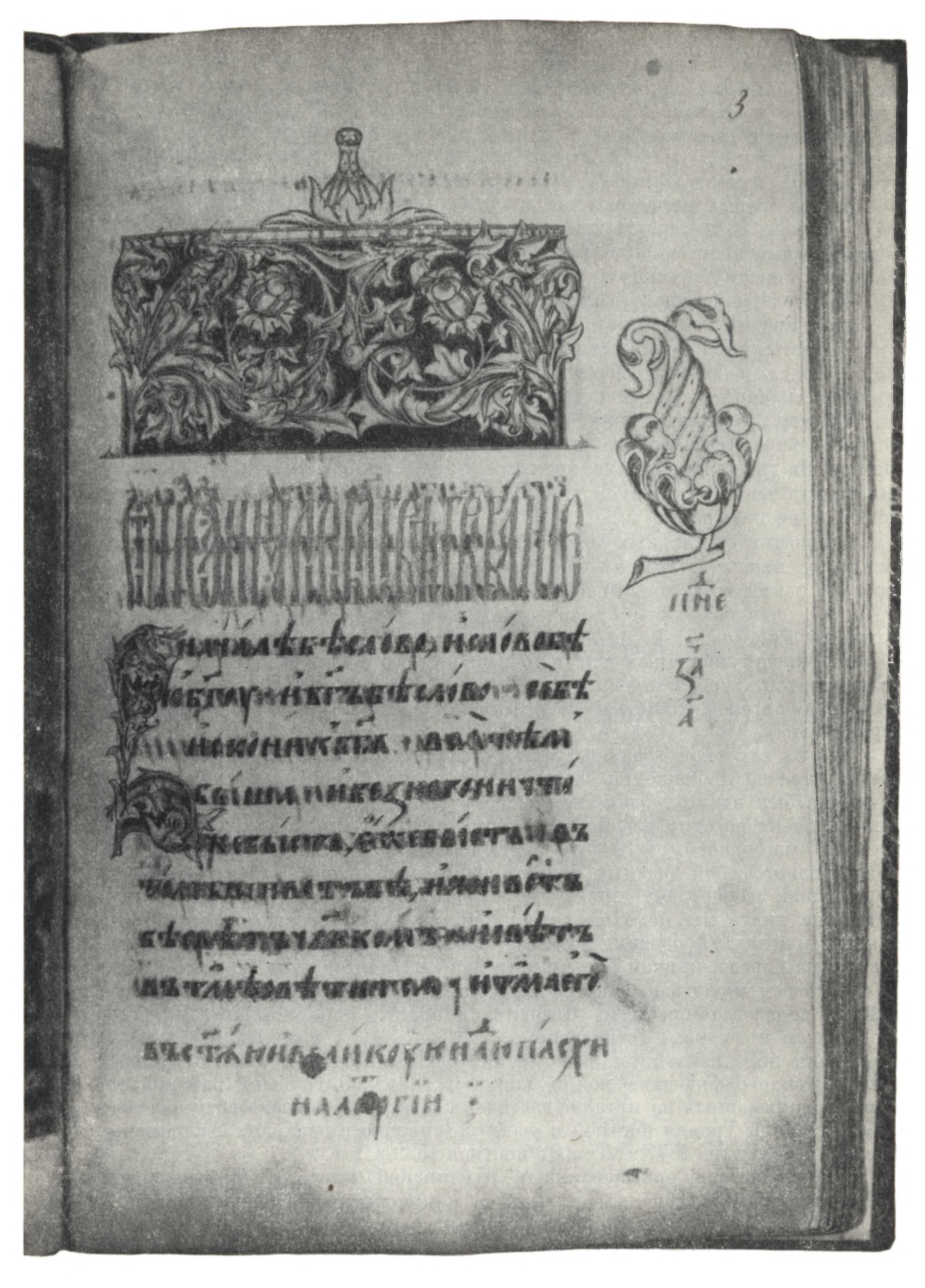
Феодосий Изограф. Заставка и цветок Уваровского Четвероевангелия. Гравюра на металле. ГИМ

Третий цветок (л. 293) представляет собой шишкообразный плод в окружении фигурных лепестков. Высота цветков 60—70 *мм*.

Наш гравер еще не вполне уверенно владеет резцом. Однако композиция заставки обнаруживает талантливого художника, много поработавшего в книжной орнаментике.

Прототипы отдельных элементов гравированных заставок и цветков Феодосия — бутоны, листья в форме колокольчиков, переплетение ветвей, сучковатые стволы, спиральные шишки — мы находим на листах серии «Орнаментика с фигурами», принадлежащей резцу «мастера берлинских страстей». Наши гравюры выполнены рукой зрелого мастера. О копировании, как в известном читателю случае с «дрезденским фрагментом» и заставкой с ангелами из «Толковых книг 16 пророков», здесь и речи быть не может, Феодосий заимствует лишь мотивы и перерабатывает их, исходя из требований заранее созданной им композиции. Вместе с тем в заставке немало и собственных, сугубо национальных элементов. Среди них тонкотравный орнамент, один из традиционных элементов «Феодосиевского» стиля. Характер этого орнамента заставляет предполагать, что гравюры Феодосия были созданы в самом начале XVI в., ибо уже в Четвероевангелии 1507 г. мы встречаемся с вполне развитой формой тонкотравного орнамента. Как же быть тогда с Уваровским Четвероевангелием, в котором мы обнаружили гравюры? Ведь водяные знаки датируют рукопись серединой XVI столетия.

Дело в том, что, по нашему глубокому убеждению, Феодосий не имел никакого отношения к созданию Уваровского Четвероевангелия. В этом нас убеждают рукописные заставки книги, техника исполнения которых достаточно примитивна. Их нельзя даже сравнить с высокохудожественной и по-настоящему оригинальной орнаментикой Четвероевангелия 1507 г.

Уваровское Четвероевангелие. Начальная полоса евангелия от Иоанна с рукописной заставкой и гравированным на металле цветком. ГИМ

Художник Уваровского Четвероевангелия, по-видимому, имел в своем распоряжении доски Феодосия, а может, лишь оттиски с этих досок.

Надо сказать также, что Феодосий никогда не поместил бы две одинаковые заставки в одной книге. Может быть, в одном из наших хранилищ лежит рукопись, для которой талантливый мастер создавал свою гравированную орнаментику! И в этой рукописи кроме найденной нами заставки должны быть и другие, образующие в комплексе орнаментальную сюиту. Так это или нет, покажут будущие разыскания.

Листы старых немецких мастеров были первопричиной, побудительным толчком, привлекшим внимание Феодосия к глубокой гравюре. Научить его техническим приемам резьбы они, естественно, не могли. Кто же помог первому русскому граверу освоить эти приемы?

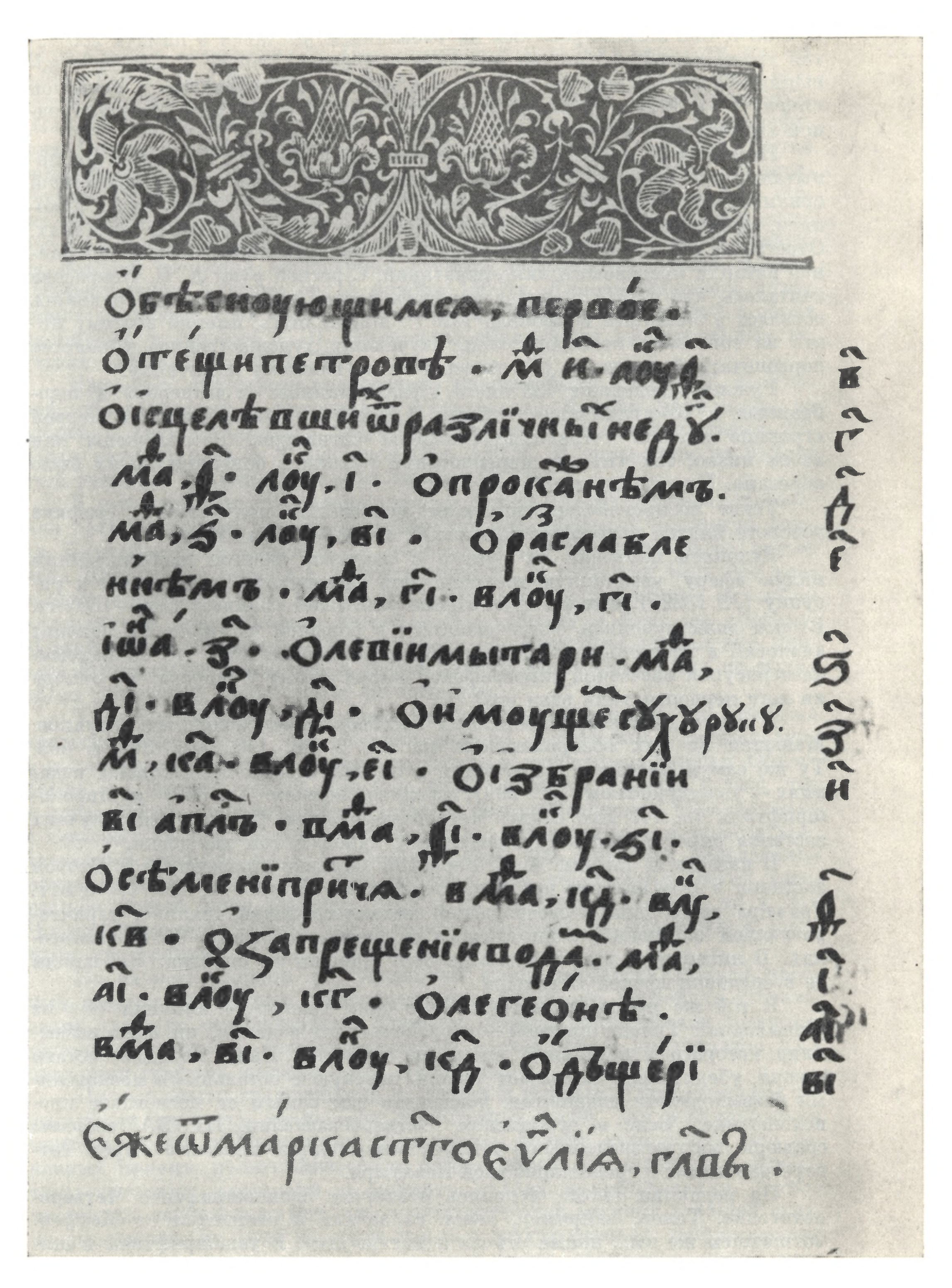
Читателю известно, что гравирование по металлу издавна бытовало на Руси. Гравированной резьбой русские мастера украшали кубки, подносы, кресты, панагии... Гравированные медные и серебряные доски служили окладами богослужебных книг. Д. А. Ровинский в свое время рассказал о гравированных окладах Евангелий, хранившихся в Троице-Сергиевой лавре. Эти памятники, указывает Ровинский, «выгравированы на медных досках без наводки чернью, так что со всех с них можно сделать оттиски на граверном станке, хотя, собственно говоря, они не предназначались для таких отпечатков, так как все надписи на них награвированы прямо, а не навыворот» [537].

Отпечатки с окладных досок и гравированных иконок и явились, повидимому, первым шагом глубокой гравюры на Руси. Мы можем указать один из таких оттисков, правда, более позднего происхождения (конец XVII в.), использованный в качестве иллюстрации в рукописной книге «Страсти Христовы». В этой книге наряду с гравюрами, отпечатанными с досок, предназначенных для полиграфического воспроизведения, имеется отпечаток, изображающий Христа в облаках и под ним, на земле, несколько ангелов. Надписи на отпечатке: «IC XC» и «Аггли Гдни» — зеркальны [538].

Опыты глубокой гравюры, по-видимому, проводились в Московском государстве на протяжении всего XVI столетия. В этом отношении Феодосий не был одинок. Упомянем еще об одной русской гравюре XVI в. Она наклеена на один из листов рукописной Псалтыри с восследованием, которую мы относим к 60—70-м гг. помянутого столетия [539]. Гравюра представляет собой розетку растительного орнамента. Техника резьбы примитивна и передает лишь очертания изображения. Любопытно, что в той же книге мы находим оттиск одного из известных нам гравированных цветков Феодосия, а также свыше 200 оттисков примитивных гравюр на дереве, причем большинство из них повторяется по многу раз. И что совсем интересно — в той же Псалтыри есть оттиски гравированной на дереве концовки из Часовника 1565 г., напечатанного Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем.

Наши первопечатники, несомненно, были знакомы с работами Феодосия. Ксилографические копии (причем довольно грубые) найденных нами гравированных на металле заставок и цветков Феодосия встречаются в безвыходной Триоди постной и особенно широко в изданиях Андроника Невежи (Псалтырь 1577 г., Триодь постная 1589 г. и т. д.).

Гравированная орнаментика в рукописной книге. В Центральном государственном архиве древних актов в рукописном собрании библиотеки Московской Синодальной типографии хранится рукописное Четвероевангелие [540], художественное убранство которого далеко не обычно. Вместо воспроизведенных от руки заставок, предваряющих каждое из четырех евангелий, а также предисловия и оглавления к ним, мы встречаемся здесь с оттисками, изготовленными гравюрой на дереве. Оттиски эти не наклеены, как в Уваровском Четвероевангелии, а отпечатаны непосредственно на листах книги, на которых находится рукописный текст.

Гравированная заставка из безвыходных Четвероевангелий в рукописном Четвероевангелии середины XVI века. ЦГАДА

Четвероевангелие, о котором идет речь, известно в литературе. В 1908 г. оно экспонировалось на Юбилейной выставке в память 200-летия гражданской азбуки как пример, «иллюстрирующий взаимные отношения старой рукописной практики и только что появившейся печатной книги»[541]. В 1914 г. рукопись показывали в Русском отделе Международной выставки печатного дела и графики в Лейпциге[542].

Несмотря на известность Четвероевангелия, никто и никогда не попытался описать его. Неизвестно было, каков характер гравированной орнаментики, воспроизведенной здесь, сколько оттисков находится в рукописи, дублируются ли они, встречаются ли в первопечатных изданиях. Ответы на все эти вопросы представляют значительный интерес для ранней истории московского книгопечатания. С легкой руки А. И. Некрасова считалось, что в 1914 г., когда началась первая мировая война, рукопись осталась в Лейпциге и пропала там[543]. Может быть, именно поэтому никто из советских исследователей, изучавших художественное убранство первопечатной книги, не обратился к этому важному памятнику.

Рукопись содержит 433 листа, сфальцованных «в четверку» и подобранных в 16-страничные тетради. В центре нижнего поля на первой странице каждой тетради проставлены сигнатуры. Расположены они очень низко, так что при переплетении рукописи большинство их было обрезано. Пагинации нет.

Текст воспроизведен типичным московским полууставом, графика которого близка к шрифту московских первопечатных книг.

Рукопись написана на бумаге с водяным знаком, изображающим малую сферу, увенчанную пятиконечной звездочкой. Знак близок к рисунку (№ 13995), для которого Брике указывает границы 1550—1564 гг. Второй знак рукописи, встречающийся в большей части ее, не находит аналогий в известных указателях. Любопытно отметить, что он напоминает рисунок известной типографской марки Ивана Федорова. Не отсюда ли наш первопечатник взял его?

В книге девять гравированных заставок двух различных рисунков. Меньшая из них воспроизведена на лл. 3 об., 118, 189, 312 и 403. Ту же самую заставку мы находим в первопечатных безвыходных изданиях — узкошрифтном (л. 299), среднешрифтном (л. 369) и широкошрифтном (л. 103 2-го счета) Четвероевангелиях. Во всех этих случаях заставка определенно воспроизведена с одной и той же доски.

В известном альбоме А. С. Зерновой заставке присвоен № 5. Второй заставки в этом альбоме нет. Она отпечатана на лл. 11, 122, 195 и 317. Гравюра выполнена в своеобразной металлографской технике, характеризующей заставки узкошрифтного и среднешрифтного Четвероевангелий. В литературе эта заставка до сего времени не описана. Мы нашли ее в среднешрифтной Псалтыри.

В той же рукописи находим еще одну гравюру — инициал «В» из безвыходной Триоди цветной — первопечатного издания, ни один экземпляр которого в настоящее время не известен. Наша находка, кстати говоря, убедительно связывает Триодь цветную с остальными московскими безвыходными изданиями, доказывая тем самым ее московское происхождение. Ведь в рукописном Четвероевангелии ЦГАДА собраны гравюры, воспроизведенные в четырех безвыходных изданиях — трех Четвероевангелиях и среднешрифтной Псалтыри.

По редакции текста рукопись повторяет среднешрифтное Четвероевангелие. Таков, например, текст из зачала 4 евангелия от Матфея: «отшедшем же им... поими отрочя и матере его». В узкошрифтном и широкошрифтном Четвероевангелиях тот же текст читается так: «отшедшим же им... и матерь его». Повторяются даже явные опечатки среднешрифтного Четвероевангелия. Так, при первом зачале евангелия от Марка на поле обозначено: «зач. 1», в остальных евангелиях — «глава 1».

Таким образом, рассматриваемая рукопись была списком указанного издания, а может быть, служила оригиналом при наборе его.

В свое время А. И. Некрасов отмечал, что пример использования гравированной орнаментики в рукописной книге, с которым мы познакомились выше, «единичен»[544]. Последующие разыскания показали, что он в этом случае был неправ. В 1955 г. Т. Н. Протасьева опубликовала сведения о трех гравированных заставках, обнаруженных ею в рукописных «Пандектах» Никона Черногорца[545]. Одна заставка взята из узкошрифтного Четвероевангелия, вторая из безвыходной Триоди постной, третья ранее известна не была. Рукописи, в которых найдены гравюры, не датированы. Но водяные знаки убедительно указывают на середину XVI столетия. Один из этих знаков — перчатка с короной над пальцами и литерой на ладони (№ 3354) — Н. П. Лихачев в свое время извлек из бумаги, на которой написана жалованная грамота стрелецкому голове Даниле Парфентьевичу Хохлову от 15 ноября 1560 г. Для аналогичного знака Брике указывает 1561 г. (№ 11027). Эти филиграни встречаются в обеих рукописях, в которых Т. Н. Протасьева обнаружила гравированные заставки (ГИМ, Син. 196 и 264).

Несколько лет спустя аналогичная находка была сделана Т. Б. Уховой, обнаружившей в рукописном «Тактиконе» Никона Черногорца из собрания Троице-Сергиевой лавры[546] оттиск той же самой заставки, которая находится на л. 1 рукописи Син. 196[547]. И опять-таки на бумаге этой рукописи мы встречаем знак Лихачев № 3354.

В рукописи Син. 196 владельческая запись гласит: «Книга, глаголемая великая первая Никонская господних божественных заповедей Якова Данилова сына Великого. А подписал Яков Великого своею рукою лета 7082 (1574) апреля в десятый день»[548]. В рукописи Син. 264 владельческих записей нет. Но обе эти книги, несомненно, вышли из одного источника и принадлежали первоначально одному и тому же хозяину. В этом кроме общности водяных знаков нас убеждают одинаковые приемы проставления сигнатур, а также пометы «зри», сделанные на полях обеих рукописей одним и тем же почерком.

Т. Н. Протасьева в свое время сделала предположение, что пробные макулатурные листы, не удовлетворявшие печатников, передавались в рукописные мастерские и использовались в рукописных книгах. Объяснение это, на наш взгляд, принято быть не может. Начать с того, что в типографии гравированные заставки воспроизводились одновременно с текстом. Чистые листы с заставками не могли попасть в макулатуру. Во-вторых, гравюра на л. 1 рукописи Син. 196 оттиснута определенно после того, как текст уже был написан, ибо надстрочные знаки вязи, расположенной ниже заставки, попали на гравюру. В-третьих, на л. 317 Четвероевангелия ЦГАДА мы встречаем заставку из Псалтыри и одновременно инициал из Триоди цветной.

По нашему мнению, все указанные выше рукописи служили пробным камнем для наших первопечатников. Здесь они проверяли соответствие заставки определенному формату набора, отрабатывали композиционную стройность полосы, выясняли, соответствует ли характер изображения графике шрифта, вязи, инициалов.

Первые опыты гравирования на дереве и металле, с которыми мы познакомили читателя, технически подготовили почву для возникновения книгопечатания в Московском государстве. Можно утверждать, что основные приемы полиграфического репродуцирования были уже отработаны русскими мастерами к моменту начала книгопечатания. Новые изыскания свидетельствуют, что полиграфическая техника в нашей стране развивалась по тому же пути, что и в других странах: использование гравированной орнаментики в рукописной книге, совместное применение наборной формы и гравированных иллюстраций и орнаментики.

ПЕРВЫЕ МОСКОВСКИЕ ПЕЧАТНЫЕ КНИГИ

ервым произведением московского печатного станка была сравнительно большая группа изданий, за которыми в нашей литературе прочно закреплено наименование *безвыходных*, или *анонимных*. Названы они так потому, что не имеют выходных данных — предисловий или послесловий, обычно сообщающих время и место издания, а также принадлежность типографии тому или иному владельцу и имя типографа.

Московское происхождение этих книг было в свое время доказано А. Е. Викторовым, Л. А. Кавелиным и А. А. Гераклитовым [1], мотивировки которых уже в наши дни уточнены М. Н. Тихомировым, А. С. Зерновой и Т. Н. Протасьевой [2].

Группу составляют семь изданий: узкошрифтное Четвероевангелие, Триодь постная, среднешрифтное Четвероевангелие, среднешрифтная Псалтырь, Триодь цветная, широкошрифтное Четвероевангелие и широкошрифтная Псалтырь [3]. Мы используем здесь удобную, выдвинутую М. Н. Тихомировым терминологию, в основу которой положен характер шрифта.

Все эти издания были выпущены в свет в Москве в 50—60-х гг. XVI столетия. Это общепризнанно. Однако о порядке выпуска существуют различные мнения.

Вопрос достаточно сложен — мы подробно рассмотрим его в последнем разделе этой главы. Отметим лишь, что у нас есть серьезные основания считать первой московской печатной книгой узкошрифтное Четвероевангелие.

УЗКОШРИФТНОЕ ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛИЕ

Старые русские книговеды, описывая безвыходные Четвероевангелия, помещали на первое место узкошрифтное издание. Так делали, например, А. Е. Викторов и И. П. Каратаев. А. Е. Викторов определенно считал узкошрифтное Четвероевангелие первой московской печатной книгой, хотя и не высказывался об этом категорически. Л. А. Кавелин отдал первенство среднешрифтной Псалтыри. Однако, как ни парадоксально, он ни разу не видел этого издания.

В новое время мнения разделились. А. И. Некрасов и Г. И. Коляда вслед за А. Е. Викторовым первой московской печатной книгой считают узкошрифтное Четвероевангелие. А. С. Зернова отдает первенство среднешрифтному Четвероевангелию, а М. Н. Тихомиров и Т. Н. Протасьева — Триоди постной. Мы придерживаемся точки зрения А. Е. Викторова.

История изучения и известные в настоящее время экземпляры. Узкошрифтное Четвероевангелие впервые было упомянуто в печати в 1833 г. в описании собрания старопечатных книг А. С. Ширяева [4]. Поэтому А. Е. Викторов называл его «Ширяевским». Однако наименование в литературе не привилось. Составитель «Реестра» книг А. С. Ширяева отнес издание Четвероевангелия к началу XVI в., отметив, что «оно есть одна из первых вышедших на славянском языке книг». Несовершенство печати библиограф объяснил тем, что книга «отпечатана не свинцовыми, а деревянными буквами». Это было дежурным объяснением для первой половины XIX столетия. Так же объясняли несовершенство Четвероевангелия 1537 г., напечатанного в Руянском монастыре, Брашовского Четвероевангелия и т. д.

Составителю «Реестра» был известен экземпляр издания, находившийся в библиотеке Московской Синодальной типографии.

У А. С. Ширяева, по-видимому, было два узкошрифтных Четвероевангелия; второй экземпляр он впоследствии продал А. Д. Черткову (за 50 рублей!). Этот экземпляр описан в одном из прибавлений к каталогу библиотеки Черткова. Из описания нельзя понять, о каком именно безвыходном Четвероевангелии идет речь. Однако в собрании Черткова, которое находится ныне в Государственном Историческом музее, из всех безвыходных изданий имеется лишь узкошрифтное Четвероевангелие, что заставляет нас предполагать, что именно о нем и шла речь в каталоге [5].

Краткие, предельно лаконичные описания каталога известного в свое время собрания А. И. Кастерина также не дают возможности установить, идет ли здесь речь об узкошрифтном Четвероевангелии [6]. Однако книга эта, как явствует из позднейших сообщений И. П. Каратаева, у Кастерина была; известно даже, что он заплатил за нее 18 рублей.

И. П. Каратаев знал уже шесть экземпляров интересующего нас издания [7]: экземпляры Петербургской Публичной библиотеки, Московского Публичного и Румянцевского музеев, Библиотеки Академии наук (ширяевский экземпляр), собраний Кастерина, Каратаева и Хлудова.

А. Е. Викторов в своем неопубликованном труде о первопечатных безвыходных изданиях упоминает о семи известных ему узкошрифтных Четвероевангелиях [8]. К четырем из упомянутых Каратаевым здесь прибавлены экземпляры П. В. Щапова [9], Московской Синодальной типографии и Московской духовной академии.

В 1870 г. новый экземпляр интересующего нас издания в составе собрания И. Я. Лукашевича поступил в Московский Публичный и Румянцевский музеи. Некоторое время спустя он был описан А. Е. Викторовым в очередном отчете музеев [10].

В 1872 г. хлудовский экземпляр узкошрифтного Четвероевангелия был описан А. Поповым, который без всяких к тому оснований утверждал, что «печать (его) близка к несвижской» [11].

В течение тридцати с лишним лет ни одного нового экземпляра узкошрифтного Четвероевангелия не было описано. Наконец, в 1908 г.

И. Свенцицкий ввел в научный оборот сведения об экземпляре, принадлежавшем в те годы Церковному музею во Львове[12].

В 1925 г. А. А. Гераклитов подробно описал узкошрифтное Четвероевангелие из собрания Мальцева, которое в первые послереволюционные годы перешло в Библиотеку Саратовского университета[13]. Таким образом, к этому времени в литературе упоминалось 13 экземпляров интересующего нас издания.

В 1935 г. на страницах академического сборника «Иван Федоров» А. И. Малеин описал узкошрифтное Четвероевангелие из собрания Института книги, документа, письма[14]. Примечательным отличием экземпляра было изображение так называемых «орудий страстей» в конце зачала 45 от Иоанна, воспроизведенное в две краски.

М. Н. Тихомиров в интересной статье, опубликованной в 1940 г., привел вкладную узкошрифтного Четвероевангелия Государственного Исторического музея из так называемого собрания «Меньших»[15].

В «Описании первопечатных русских книг» Т. Н. Протасьевой зарегистрировано 11 экземпляров узкошрифтного Четвероевангелия, при этом по крайней мере два из них описаны впервые[16]. Это книги из собраний Общества истории и древностей российских и Московской Синодальной библиотеки.

В 1958 г., наконец, в научный оборот был введен восемнадцатый по счету экземпляр узкошрифтного Четвероевангелия, принадлежащий ныне Государственной Публичной библиотеке УССР[17].

К этому числу мы можем прибавить еще четыре, ранее никем не учтенных и не описанных экземпляра — из собраний Общества любителей древней письменности, Московского государственного университета, Музея религии и атеизма и собрания Петухова. Общее число известных к настоящему времени экземпляров узкошрифтного Четвероевангелия, таким образом, равняется двадцати двум. Однако мы сегодня не знаем, где находятся два экземпляра — из собраний И. Я. Лукашевича и Московской духовной академии. Первые два собрания попали в Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина; однако интересующих нас книг там нет. При этом, как мы уже упоминали, в «Отчете Московского Публичного и Румянцевского музеев» документально зафиксировано поступление лукашевичевского экземпляра в библиотеку.

Сведения об известных экземплярах таковы. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина владеет тремя узкошрифтными Четвероевангелиями. Одно из них (№ 3602) — из собрания Н. П. Румянцева, положенного в основу библиотеки Румянцевского музея. Второе (№ 3604) в прошлом принадлежало Московской Синодальной библиотеке, о чем свидетельствует приклеенный к оборотной стороне верхней доски экслибрис. Синодальная библиотека, как известно, в 1920 г. поступила в Государственный Исторический музей. Любопытно, какими путями оказалось это Четвероевангелие в Библиотеке им. В. И. Ленина. Третий экземпляр той же библиотеки (№ 3601) в прошлом принадлежал Обществу истории и древностей российских.

В Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — четыре экземпляра издания. Один ранее принадлежал И. П. Каратаеву (№ 153), другой — Обществу любителей древней письменности (№ 5228). Два экземпляра (№ 151—1.3.5^{а} и № 152 — 1.3.5^{б}) не дают возможности судить об их происхождении. По-видимому, первый из них — из собрания М. П. Погодина[18], а второй — из собрания А. И. Кастерина.

Государственный Исторический музей имеет четыре экземпляра — из собраний Хлудова (№ 15), Черткова (№ 270), Щапова (№ 16) и «Меньших» (№ 1680).

В Библиотеке Академии наук — три экземпляра узкошрифтного Четвероевангелия — известный ширяевский экземпляр (7. 4. 8—инв. 3 сп), экземпляр Института книги, документа и письма (7.7.34 — инв. 980 сп),

а также экземпляр, приобретенный 15 декабря 1939 г. у некоего Петухова (7.7.33 — инв. 979 сп).

По одному экземпляру узкошрифтного Четвероевангелия имеют Центральный государственный архив древних актов (ф. 1251, № 221 — экземпляр Московской Синодальной типографии), Московский государственный университет (287—1—59), Государственный музей украинского искусства во Львове № 8 (245), Музей истории религии и атеизма Академии наук СССР, Государственная Публичная библиотека УССР (Кир. 753) и Научная библиотека Саратовского государственного университета.

Вкладные и владельческие записи. На шести известных нам экземплярах узкошрифтного Четвероевангелия имеются вкладные и владельческие записи XVI столетия и на четырех — XVII столетия. Древнейшая из них относится к 1559 г. Кстати, ни на одном из первопечатных безвыходных московских изданий нет более старой надписи.

Запись сильно смыта. Ее обнаружила М. В. Щепкина, а впервые опубликовал в 1940 г. в извлечениях М. Н. Тихомиров.

Запись гласит: «В лето 7067 (1559) положил сию книгу в Пречисту на Каменке Иван Клементьев сын Нехорошево» [19]. По словам М. Н. Тихомирова, названий «Каменка» было очень много, и поэтому «Пречисту на Каменке» нельзя указать с достоверностью [20].

Запись очень важна. Она позволяет непреложно установить, что узкошрифтное Четвероевангелие было выпущено в свет по крайней мере до 1559 г.— то есть за пять лет до первопечатного Апостола Ивана Федорова и Петра Мстиславца.

Вторая известная нам запись относится к 1563 г. Она была впервые опубликована А. Е. Викторовым в 1878 г. [21] и с того времени цитировалась неоднократно, нередко с ошибками [22]. Гласит она следующее: «Лета 7071 (1563) сию книгу нопечатное еуангелье положили на Лампожне страстотерпцу Христову Георгию в дом Кирило Михайлов сын Офутина з братьею, а подписал Кирило сам своею рукою апреля в 23 день» [23].

Еще А. Е. Викторов указал, что Лампожня — слободка в Архангельской губернии на Мезени [24], крупный торговый пункт, центр товарообмена с народами Севера — «самоядью». Итак, появляется конкретный географический пункт, с названием которого мы можем непосредственно связать первичное распространение узкошрифтного Четвероевангелия. Мезенская округа и Печорский край были активными потребителями первопечатной продукции Москвы. В дальнейшем мы познакомимся с другим безвыходным изданием, экземпляр которого в XVI в. находился в Окладниковой слободке — также на Мезени, неподалеку от Лампожни.

Следующая запись относится к 1566 г.: «Лета 7074 (1566) марта в 29 день по цареве государеве великого князя Ивана Васильевича всея Русии грамоте путивльской городовой приказщик Ондрей Панин дал в церковь святому Офонасию великому и Кирилу сию книгу Евангелие Псолского города козны, а на Евангельи подписал Тренка Иванов сын Воротников» [25].

Запись эта тоже очень важна. Она приоткрывает завесу над методами распространения первопечатной книги. Упоминается здесь тот самый Путивль, где «зегзицею» плакала Ярославна по своем супруге Игоре Святославовиче. В середине XVI в. Путивль был центром Северской земли, одним из городов юго-западной «украйны» Московского государства.

В годы польско-шведской интервенции книга была вывезена на запад, в пределы Польско-Литовского государства. Об этом говорит следующая запись: «Сию книгу душеполезную, глаголемую Евангелие, тетро надаль раб божий Кондратей Федорович мещанин Пиратинский до храму Успения пресвятей Богородицы, стоячой в месте Пиратине, за отпущение грехов своих року 1620 месяца августа 14 дня» [26].

Экземпляр, о котором идет речь, замечателен вплетенными в него миниатюрами превосходной московской работы конца XV в.

Вкладная запись 1563 года на щаповском экземпляре узкошрифтного Четвероевангелия. ГИМ

Следующая в хронологическом отношении запись на известных нам экземплярах узкошрифтного Четвероевангелия не имеет точной даты: «Сия книга домовая соборново храму Благовещения Святей Богородицы и пределов ея у Вычегодцкие Соли на посаде, положение Анекея... (на одном листе запись оборвана) Строганова» [27].

Итак, от одной «украйны» до другой, от Путивля на крайнем юго-западе до Соли Вычегодской на крайнем северо-востоке — такова область распространения узкошрифтного Четвероевангелия. Торговые люди Строгановы — отец Аникей (ум. 1570), сыновья его Яков, Григорий и Семен и внуки Максим Яковлевич и Никита Григорьевич — были людьми книжными и владели большой библиотекой [28]. В соборный храм Благовещения Богородицы в Соли Вычегодской они не раз делали богатые вклады — особенно же книгами [29].

По-видимому, на рубеже XVI и XVII столетий были сделаны вкладные записи в львовском и киевском экземплярах. Записи эти неразборчивы и частично вытерты, чтение их затруднительно. Львовский экземпляр, впоследствии вывезенный из пределов Московской Руси и попавший в библиотеку духовных владык Львовщины — Шептицких, в XVI в. находился неподалеку от Москвы — в церкви Николы Чудотворца села Лучинского [30], поместного владения князей Черкасских, земли которого раскинулись по берегам реки Истры [31].

Киевский экземпляр имеет полустертую запись южнорусской скорописью о вкладе в церковь св. Василия. Впоследствии этот экземпляр принадлежал Киево-Михайловскому монастырю и был переплетен в 1811 г. «иждивением Иринея епископа Чигиринского» [32].

Первая известная нам датированная вкладная XVII в. на экземплярах узкошрифтного Четвероевангелия гласит: «Сие Евангелие Симана Парфениева сына, а положил есми сие Евангиле на престол к Николе чюдотворцу к Белому. И сея Евангелия от Николы чюдотворца никому роду и племяни с престола не винуть. А положил есми на престол лета 7119 (1611) августа в 15 день» [33]. Запись дает нам мало. Атрибутировать ее географически какому-либо определенному пункту мы затрудняемся. Возможно, здесь идет речь о монастыре св. Николая на Белом море — в устье Двины.

Следующая в хронологическом отношении запись — на ширяевском экземпляре: «Лета 7133 (1625) положил Евангелие у Рожества Христова в Козельску на посаде. Дал к церкви козелской пушкарь Ондрон Яковлев сын Онаньин про свое здаровья и по своих родителех» [34].

Эта запись опять-таки ведет нас на юго-запад от Москвы, где между Окой и Десной, с одной стороны, и между Калугой и Брянском — с другой, и находился Козельск. На престоле в церкви Рождества Христова книга пролежала недолго. О ее дальнейшей судьбе рассказывает следующая запись: «Лета 7177 (1669) генваря в 29 день сию книгу Евангелие продал козельской соборной поп. Продана Василю Григоревичю Яшкову. А взял поп 3 рубля» [35]. Так и пошла книга по частным рукам, пока не была приобретена А. С. Ширяевым.

В экземпляре Общества истории и древностей российских имеется несколько вкладных XVI—XVII вв., частично обрезанных и вытертых [36]. Одна из них датирована 1646 г. Какие-либо новые, интересные для нас сведения из этих записей извлечь нельзя.

Приведем текст еще одной записи: «Лета 7204 (1695) октября в 1 день Николаевского Песношеского монастыря при архимандрите Феодосии и казначее старце Иосифе з братиею выдано сие Евангелие из монастырские казны в монастырскую ж нашу вотчину в село Суходол в церковь чуда архистратига Михаила» [37].

Эта запись ведет нас уже на север от Москвы — в восточные районы бывшего Великого княжества Тверского.

На крайнем северо-западе Московского государства находился другой экземпляр узкошрифтного Четвероевангелия, о чем свидетельствует следующая, правда достаточно поздняя (XVIII в.) запись: «Евангелие церкви святых первоверховных апостол Петра и Павла, что Гдовского уезда в селе Ветвенике на берегу Чудского озера» [38]. Этот экземпляр впоследствии перешел во владение Кубасовской единоверческой Николаевской церкви, а затем был приобретен Обществом любителей древней письменности.

Заканчивая обзор вкладных и владельческих записей узкошрифтного Четвероевангелия, мы хотим подчеркнуть важность такого рода исследований. Мы далеко не уверены, что обзор исчерпывающе полон. Нет никакого сомнения, что последующие изыскания откроют новые экземпляры, а вместе с тем и новые записи, которые — кто знает — могут внести в науку много интересного и неизведанного. Пока же подведем итоги.

Все сколько-нибудь ранние записи на экземплярах узкошрифтного Четвероевангелия были сделаны в пределах Московской Руси. Это косвенно свидетельствует о московском происхождении книги. Две записи относятся ко времени до выхода в свет первопечатного Апостола Ивана Федорова и Петра Мстиславца — это записи 1559 и 1563 гг. Итак, узкошрифтное Четвероевангелие напечатано по крайней мере до 1559 г., а следовательно, Апостол 1564 г. не был первой московской печатной книгой.

Запись 1559 г. — самая ранняя запись на безвыходных изданиях. Утверждать на основании этого, что узкошрифтное Четвероевангелие — первая московская печатная книга, было бы легкомысленно. Однако этот вывод подкрепляется многими другими материалами.

В заключение — о географическом распространении узкошрифтного Четвероевангелия. Вкладные записи позволяют сделать следующую сводку.

Центральные области России: Лучинское, Песношский монастырь.
Южные области России: Путивль, Козельск.
Поморье: Лампожня, Соль Вычегодская, монастырь св. Николая.

Вывод таков: узкошрифтное Четвероевангелие было широко распространено по всей территории Московской Руси.

Общее описание. Внешние признаки узкошрифтного Четвероевангелия достаточно подробно описаны А. Е. Викторовым, И. П. Каратаевым, А. С. Зерновой и Т. Н. Протасьевой. Это максимально упрощает нашу задачу — остается лишь суммировать все то, что говорилось по этому поводу, устранив по ходу дела явные противоречия. Вместе с тем ряд моментов до сего времени оставался не изученным; среди них — графика шрифта, приемы набора и верстки, печатная техника.

Узкошрифтное Четвероевангелие отпечатано в лист. Размеры полосы можно определить лишь приблизительно, так как большинство экземпляров сильно обрезаны. По измерениям А. А. Сидорова, формат издания $25 \div 28{,}3 \times 17{,}2 \div 18{,}5$ *см*. Формат полосы набора, по наблюдениям того же автора, $93 \div 103 \times 190$ *мм*[39]. Число строк на полосе 18.

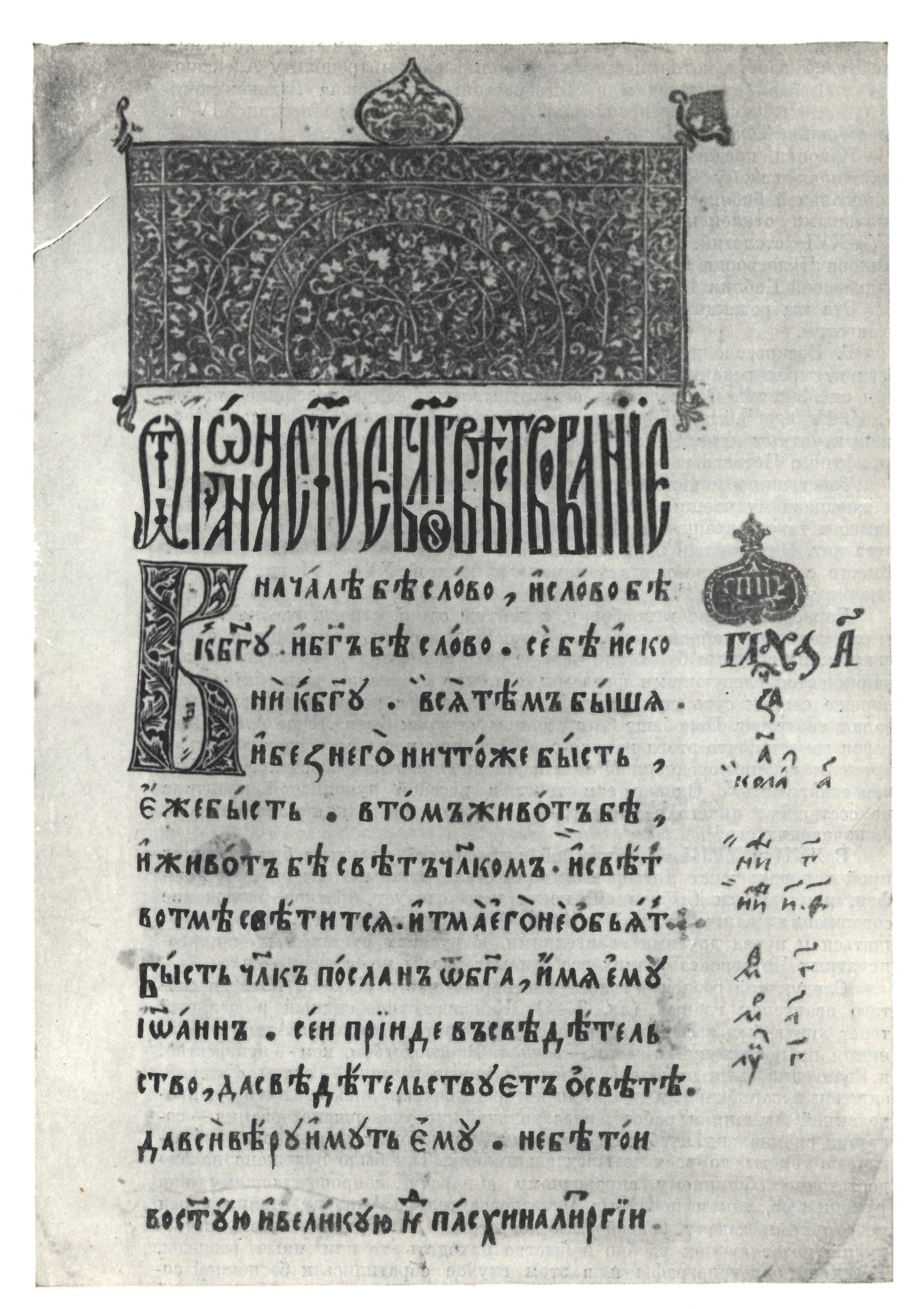
Тетради составлены из четырех двухсгибных листов. Каждая тетрадь, таким образом, содержит восемь листов, или 16 страниц. Есть исключения — одна из всех (41) тетрадей имеет десять листов и одна — четыре листа. Сколько-нибудь правильной печатной нумерации тетрадей, а также пагинации в издании нет. Нумерация мысленно начата с первого листа евангелия от Матфея. Перед этим идет одна тетрадь с оглавлением и предисловием, которая в нумерации не учитывается. Второй лист евангелия от Матфея помечен справа на нижнем поле сигнатурой «б», то есть «2». С этой же полосы начинается пагинация, проставленная в нижнем левом углу полосы. Продолжается она на протяжении всей второй тетради — от 9-го до 16-го листа. После этого пагинация прекращена и больше не возобновляется. Что же касается сигнатур, то они проставлены на тетрадях 6, 7, 8 и 9-й — на нижнем поле слева[40]. По наблюдениям Г. И. Коляды, пагинация и сигнатура проставлены штампами уже в сфальцованных тетрадях.

Состав. Состав богослужебной книги, именуемой Четвероевангелием, или Евангелием-тетр, на русской почве формировался в течение многих столетий. К середине XVI в. существовала прочная и устойчивая традиция, которой и следовали первые русские книгопечатники. Традиция была непреклонной, когда речь шла об основных разделах книги — четырех евангелиях, или благовествованиях (благовестиях), а также предисловиях к ним. Что же касается всевозможных вспомогательных материалов, или, говоря современным языком, справочного аппарата, то здесь допускались перестановки и купюры. Варианты мы найдем и в безвыходных Четвероевангелиях, отдельные издания которых разнятся одно от другого.

Первые русские переводы Четвероевангелия появились, по-видимому, вскоре же по принятии Киевской Русью христианства. Древнейшие сохранившиеся русские Евангелия — Остромирово 1056—1057 гг., Архангельское 1092 г., Мстиславово ок. 1115 г. и Юрьевское 1119—1128 гг.— содержат чтения, предназначенные для церковной службы и расположенные по дням недели. Это так называемые Евангелия-апракосы. Евангельский текст здесь приведен неполностью, зачастую опущены начала и концы чтений, есть и добавления. Канонический полный текст содержат так называемые Четвероевангелия, или Евангелия-тетр. Первое из сохранившихся отечественных Четвероевангелий — Галичское — датировано 1144 г.

Г. Воскресенский, подробно и тщательно изучивший судьбы Евангелия на отечественной почве, установил наличие четырех редакций славянского перевода этой книги[41]. Древнейший перевод, восходящий к так называемой лукиано-константинопольской редакции греческого текста, находится во всех первых Евангелиях, как апракосных, так и Евангелиях-тетр (Остромирово, Архангельское, Саввино, Галичское и др.).

Древнейший славянский перевод, по мнению Г. Воскресенского, возник на землях, населенных южными славянами. Старейшая русская редакция евангельского текста восходит, по словам того же исследователя, к концу XI — началу XII в. (Мстиславово и Юрьевское апракосные Евангелия).

Ѿ Іωанна стое бл҃говѣствованїе

Глава а

Вначалѣ бѣ слово, и слово бѣ
къ Бгу и Бгъ бѣ слово. се бѣ иско
ни к Бгу. вся тѣмъ быша.
и безнего ничтоже бысть,
еже бысть. втомъ животъ бѣ,
и животъ бѣ свѣтъ члкомъ. и свѣт
во тмѣ свѣтитеся. и тма его не обьят.
Бысть члкъ посланъ ѿ Бга, имя ему
Іωаннъ. сей прiиде въ свѣдѣтель
ство, да свѣдѣтельствуетъ о свѣтѣ.
да вси вѣру имуть ему. не бѣ тои
востую и великую н пасхи на литургiи

Узкошрифтное Четвероевангелие. Начальная полоса евангелия от Иоанна

Третья редакция относится к XIV в. и содержится в Чудовском списке Нового завета, который предание приписывает митрополиту Алексию. Эту же редакцию находим в Четвероевангелии Никона Радонежского из собрания Троице-Сергиевой лавры, а также Четвероевангелии XIV в. из собрания Толстого [42].

Наконец, позднейшая, русско-болгарская редакция восходит к Константинопольскому Четвероевангелию 1382 г. из собрания Московской Синодальной библиотеки. Эта редакция с незначительными и непринципиальными отклонениями становится обычной в русских Евангелиях XV—XVI столетий. Ее мы встречаем, в частности, в Четвероевангелии Никона Чудотворца из собрания Московской духовной академии, в Геннадиевской Библии 1499 г. [43] и во множестве других списков.

Эта же редакция положена в основу текста безвыходных Четвероевангелий.

Г. Воскресенский провел подробное текстологическое исследование всех четырех редакций и опубликовал с разночтениями тексты евангелия от Марка [44]. Опираясь на его труды, а также на новейшие работы Г. И. Коляды [45], мы и предпримем ниже анализ текста первых московских печатных книг. Пока же продолжим ознакомление с составом узкошрифтного Четвероевангелия.

Текст книги начинается краткой молитвой человека, приступающего к ежедневному чтению Евангелия: в ней говорится о пользе и необходимости такого чтения (л. 1—1 об.). В Геннадиевской Библии этого текста нет. Нет его и в полном библейном списке 1558 г. (ГИМ, Син. 2). Вместе с тем можно назвать немало рукописей XV—XVI вв., которые содержат этот текст [46].

Непосредственно в подборку, с той же самой строки, где кончается текст молитвы, набрано известие о так называемом четвертичном числе евангелий: «Ведомо буди, яко четыре суть евангелия». Известие это заканчивается следующими фразами: «Четыре евангелия дана быша нам понеже столпи суть сия миру. Миру же четыре части имущу: восток, запад, север, юг. Подобаше бо и столпом четырем быти». Еще А. Е. Викторов заметил, что этого наивного объяснения нет уже в следующих по времени издания среднешрифтном и широкошрифтном безвыходных Четвероевангелиях [47]. Однако сам текст в русской рукописной практике не составляет ничего особенного — мы можем назвать немало списков, включающих его [48].

В XVII и XVIII вв. в русской издательской практике будет принят иной порядок: текст Четвероевангелия станет открываться житием Матфея, написанным Софронием, после чего следует краткое изложение содержания евангелия от Матфея [49]. Аналогичные тексты будут помещаться и перед другими евангелиями. В русских рукописных и первопечатных Четвероевангелиях все эти материалы не встречаются.

Следующий раздел — оглавление первой части «Еже от Матфея святаго евангелия главы» (лл. 2—4). Как известно, единый и цельный текст книги был в свое время разделен некиим Аммонием Александрианином на небольшие отрывки — *зачала*. Впоследствии, кем — неизвестно, в Евангелии были выделены более обширные разделы — *главы*. Евсевий, епископ кесарийский, в послании которого сохранились сведения о проделанной Аммонием работе, внес дальнейшие усовершенствования — составил специальные таблицы — *каноны*,— в которых указывались аналогичные тексты во всех четырех евангелиях. Так было положено начало достаточно обширному справочному аппарату, сопровождавшему как рукописные, так и печатные Четвероевангелия. Аппарат ставил перед печатниками задачу разработать достаточно наглядную систему выделений, позволяющих удобно и быстро находить те или иные разделы. Русские первотипографы и в этом случае обратились к бесценной сокровищнице многовекового опыта, накопленного мастерами рукописной книги.

Послание Евсевия, а также созданные им каноны нередко предшествуют евангельскому тексту во многих рукописях — назовем хотя бы роскошное Четвероевангелие из собрания Государственного Исторического музея[50]. В безвыходных Четвероевангелиях упомянутых разделов нет. Это понятно — табличный набор затруднял типографов, только-только осваивавших тайны многотрудного ремесла.

Каноны до некоторой степени заменены ссылками на аналогичные материалы в других евангелиях, которые приводятся в каждом оглавлении. Так, при главе 6 «О прокаженем» оглавления от Матфея имеются следующие отсылки: «В Ма^{р}, д̄. В Лу^{к}, в І̄». Это означает, что аналогичные материалы следует искать в главе 4 евангелия от Марка и в главе 12 евангелия от Луки. Приведем пример такой же ссылки, относящейся к главе 26 евангелия от Матфея и называющейся «О пятих хлебех и двою рыб»: «В М^{р}, 16. В Лу^{к}, 28. Въ Іω^{к}, 8»[51].

В оглавлении цифровые обозначения глав помещены на внешнем поле. Таким образом, на лицевой стороне листа они расположены справа, после названия главы, а на обороте листа — слева, перед названием.

Следующий текст, который мы встретим, перелистывая страницы узкошрифтного Четвероевангелия: «Феофилакта архиепископа болгарского предисловие еже от Матфея святого евангелия» (лл. 4—7 об.). Предисловие это составляет необходимый элемент традиционного евангельского текста — его мы неизбежно встречаем во всех рукописных Евангелиях[52]. Вслед за предисловием идет само евангелие от Матфея (лл. 9—85 об.). Название его, воспроизведенное гравированной на дереве вязью, гласит: «От Матфея святое благовествование».

Несколько слов об истории названий отдельных разделов Четвероевангелия. В древнейших списках первой редакции, начиная с Галичского 1144 г., принято следующее написание: «Евангелие еже от Матфея»[53]. В третьей редакции, представленной Чудовским списком Нового завета, встречаем другой вариант: «Еже от Матфея евангелие» (или «Еже от Матфея святое евангелие» в других рукописях той же редакции). Древнейший список четвертой редакции — Константинопольский — дает нам аналогичное написание: «Еже от Матфея святого еванулие». В Никоновском академическом списке XIV—XV вв. слово «евангелие» уступает место слову «благовествование»: «Еже от Матфея святое благовествование». И, наконец, в Геннадиевской Библии 1499 г. отбрасывается слово «еже»: «От Матфея святое благовествование». Точно такое же написание находим в роскошных рукописных Четвероевангелиях первой половины XVI в., вышедших из мастерской Феодосия Изографа[54], а также во всех первопечатных безвыходных Четвероевангелиях. Этот вариант удержался в последующих печатных изданиях и был возведен в норму.

Текст евангелия от Матфея разделен на 68 глав и 116 зачал. Индексы глав и зачал обозначаются на внешнем поле книги: первые черной краской, а вторые киноварью.

Столетия богослужебной практики и здесь выработали определенную форму, определенный справочный аппарат, упрощающий и облегчающий пользование книгой и нахождение в ней определенных материалов. Первые наши типографы и в этом случае следуют традиции, применяя формы и методы, сложившиеся в рукописной книге.

В конце каждого зачала киноварью указывается день, в который полагается читать это зачало, например: «конец, недели» (то есть — воскресенье) или же «конец, вто^{к}» (то есть — вторник). Слово «конец» везде отделяется от названия дня запятой, вообще говоря, излишней. В следующем по времени выхода в свет среднешрифтном Четвероевангелии запятой в этом случае уже нет.

Первая буква следующего зачала выделена прописной литерой, отпечатанной киноварью. Бывает, что конец чтения не совпадает с концом зачала. Тогда в начале нового чтения, после киноварных слов

«конец, ... (название дня)», прописная киноварная литера не ставится. Она стоит только в начале зачала.

Для удобства пользования книгой первые слова каждого зачала иногда в сокращенном виде выносятся «под строку» — на нижнее или верхнее поле. Эта своеобразная индексация напечатана киноварью. Фразе предшествует указание дня и недели, когда это зачало необходимо читать. Конец вынесенной фразы в тексте отмечается красным крестиком. Тот же крестик повторяется и под строкой. Этот прием аналогичен принятым в настоящее время подстрочным ссылкам.

Исключительный интерес представляет тот факт, что в узкошрифтном Четвероевангелии редакция одной и той же фразы в основном тексте и в подстрочных примечаниях — различна. При этом текст «под строкой» преимущественно следует Мстиславову Евангелию ок. 1115 г.— второй русской редакции евангельского текста. Печатник узкошрифтного Четвероевангелия в этом случае, по-видимому, слепо следовал имеющемуся у него рукописному оригиналу.

Упомянем еще об одном виде индексации. В левом верхнем углу оборота каждого листа ставится сокращенное обозначение соответствующего раздела Четвероевангелия: $М^{θ}$,— то есть «от Матфея», $М^{р}$— «от Марка», $Лоу^{к}$ — «от Луки» и Iω — «от Иоанна».

Однако продолжим ознакомление с составом узкошрифтного Четвероевангелия.

Евангелие от Матфея, как и остальные три евангелия, оканчивается указанием на количество стихов в этом разделе; напечатано все это киноварью.

Далее — оглавление следующего раздела: «Еже от Марка святого евангелия главы» (лл. 85 об.— 87) и «Предисловие еже от Марка святого евангелия» (лл. 87—88 об.).

Текст самого евангелия, открывающийся заставкой, гравированным инициалом и выполненным вязью названием: «От Марка святое благовествование» — занимает лл. 89—139. Раздел этот включает 48 глав и 71 зачало.

Следующий раздел также открывается оглавлением: «Еже от Луки святого евангелия главы» (лл. 139 об.—141 об.) и предисловием (лл. 142—143 об.). Пустой лист (л. 144) отделяет вспомогательный аппарат от основного текста (лл. 145—230 об.), именуемого «От Лукы святое благовествование». В этом разделе 83 главы и 114 зачал.

Четвертый раздел также имеет оглавление: «Еже от Иоанна святого евангелия главы» (л. 231) — и предисловие (лл. 231 об.— 233 об.). Затем расположен пустой лист (л. 234) и основной текст (лл. 235—298), именуемый «От Иоанна святое благовествование». Здесь 18 глав и 67 зачал.

На этом, собственно говоря, канонический текст заканчивается. Далее размещен справочный аппарат, существенно дополняющий индексацию самой книги и оглавления с их системой отсылок. Прежде всего мы сталкиваемся с разделом, называемым «Соборник 12 месецем» (лл. 299—310). Это указатель, поясняющий, на какие дни какого месяца приходятся непереходящие (неподвижные) праздники и «памяти» того или иного святого и чтением какого раздела Евангелия следует почтить эту «память».

Под 15 июля в «Соборнике» помещено «успение великого самодержца русского Владимира», под 24 июля — «святых правдивых страстотерпец Бориса и Глеба». Все это — великорусские святые, «памяти» которых в южнославянских богослужебных книгах не встречаются. Отсюда косвенно следует вывод о московском происхождении узкошрифтного Четвероевангелия.

Система отсылок в «Соборнике» такова. Прежде всего указывается месяц со сведениями о количестве дней и продолжительности дня и ночи. Например: «месяц септеврии, имать днии, 30. день имать часов, 12. а нощь, 12». Чтобы понять этот текст, вспомним, что в Древней Руси

Узкошрифтное Четвероевангелие с вплетенной миниатюрой

продолжительность дня колебалась в зависимости от времени года от 7 до 17 часов. Приведенный выше текст, являющийся как бы заголовком (их в «Соборнике» 12 — по числу месяцев), печатается киноварью.

Числа месяцев в узкошрифтном Четвероевангелии указываются на полях черными кирилловскими цифрами. В тексте же все напечатано в подборку, но начало каждого дня выделяется киноварной буквой.

Большие непереходящие праздники в тексте «Соборника» целиком напечатаны киноварью. Так, в сентябре выделены: «Рождество пречистыя владычица нашя богородица» — 8 сентября и «Воздвижение честнаго и животворящего креста» — 14 сентября. Киновари, как мы видим, в «Соборнике» много, гораздо больше, чем в основных разделах. Это создавало дополнительные трудности для печатников. Поэтому они сплошь и рядом печатали этот раздел прежде, чем основной текст книги.

Следующий раздел справочного аппарата называется «Сказание еже како на всяк день должно есть чести евангелие неделям всего лета» (лл. 311 и сл.). Это роспись чтений на каждый день года, начиная с пасхи. Воскресные чтения указываются в заглавии каждого параграфа (их 52 — по числу недель в году). Например: «Во святую великую неделю пасхи на литургии, евангелие от Иоанна глава 1, в ту ж неделю вечерня...» и т. д. Все это печаталось киноварью, которой здесь еще больше, чем в «Соборнике».

Остальные шесть дней недели — от понедельника до субботы — расположены вертикально один под другим. Текст, относящийся сюда, набран в виде пяти колонок, разделенных пробельным материалом. Мы имеем в этом случае таблицу с заменой линеек пробелами. Современный полиграфист применил бы здесь слово «выводы». Таким образом, мы можем утверждать, что наши первопечатники удовлетворительно освоили и технологию сложного набора.

В первой из вертикальных колонок указывается день недели, во второй стоит сокращенное слово «евангелие», в третьей указывается соответствующий раздел, например: «От Иоанна»,— в четвертой — слово «глава», в пятой — номер главы.

Заканчивается узкошрифтное Четвероевангелие всевозможными справочными материалами — указателями: «Последование часом светого и великого пятка» (лл. 323) [55], «Евангелия различна в память святым» (л. 324), «Евангелия различна на всяку потребу» (л. 324 об.) — здесь перечислены чтения «на освящение маслу», «за болящих», «за бездождия», «о победе цареви», «о нашествии язык» и т. д. В заключение помещены указатель «Евангелия за упокой на всю седмицу» (л. 325 об.) и «Указ како чтутся тетраевангелия великия недели на часовех».

Язык и правописание. Новозаветные тексты предоставляют исследователям превосходную, но, к сожалению, до сего дня не использованную возможность изучить постепенное становление русского литературного языка. Мы не знаем другого памятника письменности, известного в столь обильном количестве списков, древнейшие из которых восходят к XI столетию. Мертвящие богословские каноны оказали определенное влияние на евангельский текст. Ни в коей мере нельзя ставить знак равенства между языком богослужебных книг и древнерусской разговорной речью. Но не следует и преувеличивать влияние традиции. Развитие литературного языка оказывало сильное воздействие на евангельский текст, отражавший как в зеркале любое изменение привычных норм и правил.

Древнерусский евангельский текст не оставался неизменным, как это обычно считается. На протяжении столетий менялся, как мы видели, состав книги. Определенные изменения претерпели лексика, совокупность фонетических, морфологических и синтаксических норм.

В XVI столетии на Руси бытовала главным образом четвертая редакция евангельского текста. Однако в грамматическом смысле отдельные списки сильно отличались один от другого. Отличия не считались чем-то предосудительным. Эта практика дала себя знать и при подготовке к печати первых безвыходных изданий. Одно из безвыходных Четвероевангелий—узкошрифтное — отпечатано со списка, близкого к разговорной речи. Два других — среднешрифтное и широкошрифтное — более архаичны. Существование двух редакций, в грамматическом смысле сильно отличающихся одна от другой, как будто бы говорит о том, что сколько-нибудь серьезно канонический текст перед сдачей в набор не редактировался. Ведь все эти книги — дело рук одного издательства и одной типографии!

Словарный фонд Четвероевангелия на протяжении его многовековой истории на русской почве подвергся серьезным изменениям. Сказались самые различные влияния, идущие с востока и запада, севера и юга. Едва ли не древнейшими были заимствования из языков германских племен, такие, как «вельбудь» (готское ulblandis).

Лексика Евангелия обнаруживает сильное воздействие греческого языка. Это естественно, ибо греческий был в данном случае языком оригинала. Любопытно, что при многократных повторных переводах евангельского текста с греческого на русский переводчики нередко заменяли греческие слова русскими. Таков текст: «...и нача проповедати в десяти градех» (Марк, V, 20) [56]. В первых трех редакциях — «проповедати в деканомии». Безвыходные Четвероевангелия следуют четвертой редакции (в узкошрифтном — вариант «в десяти граде»). Аналогичный пример —

слово «сокровищница» (Марк, XII, 41), заменившее древнее «газофолакия».

Однако, и едва ли не чаще, наблюдается и обратная тенденция: «...пославъ царь спекулятора» (Марк, VI, 27). В первых двух редакциях — «пославъ... воина». Безвыходные издания, как и следовало ожидать, повторяют четвертую редакцию. В другом случае слово «стькляница» (Марк, XIV, 2) первых двух редакций впоследствии было заменено словом «алавастръ».

Изменение лексики иллюстрируется примером из рассказа о том, как Христос накормил 5000 человек двумя рыбами и пятью хлебами. Стоимость «провианта» — «двема стома пенязь» (Марк, VI, 37). Пришедшее из Германии «пенязь» находим в древнейшей первой редакции, а также в позднейшей, четвертой (здесь не обошлось без польско-литовского воздействия). Во второй редакции — древнерусское «сребрьникъ», в третьей — греческое «динарии».

Тенденция к архаизации и привлечению греческой лексики видна в словах о том, что человека не может осквернить то, что входит не в сердце, а в чрево и «афедроном исходит» (Марк, VII, 27). В первой редакции употреблено исконное русское выражение — «и сквозе проход исходит». Автор второй редакции предпочел в этом случае не конкретизировать: «и сквозе проходит». Пресловутый «афедрон» появляется в третьей редакции, возводится в норму и, конечно же, переходит в безвыходные Четвероевангелия.

По своим лексическим нормам узкошрифтное Четвероевангелие во всем следует четвертой редакции. Каких-либо серьезных отступлений от нее обнаружить не удалось. Тот или иной вариант слова не всегда выдерживается неукоснительно. Так, одно и то же понятие в узкошрифтном Четвероевангелии обозначается общеславянским «пятел» (Марк, XIV, 30; в древних редакциях в этом случае — «коуръ») и греческим «алекторъ» (Марк, XIV, 68 и 72). Последнее чтение восходит к Геннадиевской Библии, во всех других редакциях в этом случае «коур».

Еще больше вариантов в нормах фонетики и правописания. Язык рукописи, с которой печаталось узкошрифтное Четвероевангелие, близок к русскому литературному языку XVI в. Редактор издания во всех случаях предпочитает стародавним омертвевшим нормам живые и современные ему написания. При использовании отдельных знаков кирилловского алфавита это проявляется главным образом в устранении «дублетов», пришедших из греческого алфавита.

Постараемся перечислить основные тенденции.

1. Из знаков, обозначавших в стародавние времена носовые гласные, сохраняется лишь «юс малый». «Юс большой», а также йотированные юсы не встречаются ни в одном из безвыходных Четвероевангелий. «Юс малый» употребляется обычно вместо «а йотированного», причем одни и те же слова нередко пишутся и с той и с другой буквой. «Юс большой», которого в нашем Четвероевангелии нет, можно найти во многих московских рукописных Четвероевангелиях XV—XVI вв., а также в печатном виленском Четвероевангелии 1575 г., вышедшем из типографии Петра Мстиславца. Использовался «юс большой» вместо буквы «у»[57].

2. Вслед за Чудовским Новым заветом узкошрифтное Четвероевангелие определенно предпочитает лигатурный вариант буквы «у»: «веру» вместо «вероу», «в дому» вместо «в домоу» и т. д.

3. Буква «земля» предпочитается букве «зело»: «стезя» вместо «стеѕя», «мнози» вместо «мноѕи» и т. д.

4. Буква «омега» («от») встречается редко. Как правило, «омега» заменена буквой «о»: «домъ» вместо «дѡмъ», «народъ» вместо «нарѡдъ». Но есть и исключения: «мнѡгажды» (Марк, V, 4). В среднешрифтном Четвероевангелии в этом случае «многажды». «Омеги широкой», которая встречается в среднешрифтном Четвероевангелии («ѡ роде неверенъ» — Марк, IX, 19), в узкошрифтном издании нет совсем.

5. Вместо буквы «пси» применяется сочетание «пс». Ср. «псом» (Марк, VII, 27). В среднешрифтном Четвероевангелии в этом случае «пси».

6. «Фита» применяется очень редко. Обычно ее заменяет «ферт». Ср.: «Фома» и «Фаддей», но «Варѳоломей» (Марк, III, 18). В среднешрифтном Четвероевангелии все эти имена написаны через «фиту».

Говоря о фонетических особенностях узкошрифтного Четвероевангелия, прежде всего необходимо отметить исчезновение редуцированных гласных «ер» и «ерь» в слабой позиции и их прояснение до гласных полного образования в сильной позиции. Чаще всего эти гласные исчезают на конце слова, особенно же — в предлогах. Во многих случаях твердый знак на конце заменяется своеобразным надстрочным знаком — «ериком» (Марк, VIII, 25). В предлогах, а чаще в префиксах редуцированные гласные нередко проясняются до «о» и «е». Любопытный пример — «во гробехъ и в горахъ» (Марк, V, 5). Здесь в одной фразе в первом предлоге редуцированная гласная прояснена, а во втором — опущена. Это свидетельствует, что фонетические нормы не были твердыми.

Примеры прояснения редуцированных гласных в префиксах: «сотворю» вместо «сътворю», «восходя» вместо «въсходя», «собрался» вместо «събрался» и т. д. Здесь также не обходится без исключений, например «и сътрясе его духъ нечистыи, и возопи гласом великомъ» (Марк, I, 26). В первом из выделенных слов редуцированная гласная осталась, во втором же прояснилась. В среднешрифтном Четвероевангелии в обоих случаях сохраняются редуцированные гласные.

Тенденция сохранения редуцированных обнаруживается в прямой речи (ср. «въстани» в обращении Христа — Марк, V, 41).

Следствием падения редуцированных было сокращение количества слогов, например «дщи» и «дъщи» (Марк, V, 34), «вълияти» и «влияти», «чли» и «чьли» и т. д. Другое следствие того же явления — упрощение групп согласных: «раздрешити» — «разрешити», «ждребя» — «жребя» и т. д.

Важная фонетическая особенность узкошрифтного Четвероевангелия — применение мягких сочетаний «ги», «хи», «ки» вместо твердых «гы», «хы», «кы», что также свидетельствует о близости к современной разговорной речи. В среднешрифтном Четвероевангелии, где, напротив, тенденция к архаизации исключительно сильна, мы встречаемся с обратным явлением. Образуются такие пары: «грехи» и «грехы», «ученики» и «ученикы», «мехи» и «мехы» и т. д.

Чрезвычайно характерно для узкошрифтного Четвероевангелия отвердение шипящих и «ц». В среднешрифтном издании, напротив, сплошь и рядом бытуют мягкие шипящие: «оуслышать» вместо «оуслышятъ» (Марк, III, 16), «положатъ» вместо «положятъ» (Марк, IV, 20), «жатва» вместо «жятва» (Марк, IV, 29). Тенденция к отвердению шипящих не была, однако, стойкой. Наряду с «оуслышатъ» в узкошрифтном Четвероевангелии встречается «слышятъ» (Марк, IV, 20), наряду с «пробиша» (Марк, XI, 4) — «убишя» (Марк, XI, 5). Различные написания можно наблюдать даже в одной фразе (ср.: «...бежаша и возвестишя» — Марк, V, 14).

Морфологические и синтаксические нормы узкошрифтного Четвероевангелия не обнаруживают столь резких отличий от последующих московских изданий и предшествующей рукописной традиции, как это мы наблюдали в области фонетики и правописания. Отметим главнейшие особенности. Краткие прилагательные чаще всего употребляются в роли сказуемого, а не в роли определения, как в среднешрифтном Четвероевангелии. И в этом случае узкошрифтное Четвероевангелие значительно ближе к разговорной речи. Г. И. Коляда справедливо отметил, что в узкошрифтном издании «косвенные падежи кратких прилагательных встречаются главным образом в таких словосочетаниях, которые получили характер штампов,— «гласом велием», «в пещ огнену» [58].

Обратный случай дает нам фраза: «...иже на земли добре сеянии» (Марк, IV, 20),— повторяющая древнюю редакцию. В среднешрифтном Четвероевангелии, напротив, усвоена позднейшая редакция — «добреи».

Любопытны варианты сочетания существительных с числительными. В узкошрифтном Четвероевангелии числительное «полъ» (половина) управляет родительным падежом существительного («полъ моря» — Марк, V, 1), в среднешрифтном — дательным («полъ морю»). В сочетаниях существительных с числительными «пять», «шесть», «седмь», «осмь», «девять», которые склонялись как существительные женского рода четвертого склонения, в узкошрифтном Четвероевангелии числительное управляет винительным падежом единственного числа: «прием седмь хлебъ» (Марк, VIII, 6). В среднешрифтном Четвероевангелии в этом случае — множественное число: «...седмь хлебы». Во всех четырех редакциях рукописного евангельского текста встречается первый случай. Среднешрифтное Четвероевангелие здесь гораздо ближе к разговорной речи — оно полностью разрывает с рукописной традицией[59]. Но это опять-таки редкость. Как правило, среднешрифтное издание в сравнении с узкошрифтным более архаично.

В известном изречении: «Чти отца твоего и матерь твою» (Марк, X, 19) — слово «отецъ», относящееся ко второму склонению, употреблено в форме родительного падежа, а слово «мати», относящееся к пятому склонению,— в форме винительного падежа. В среднешрифтном Четвероевангелии, как это отмечает и Г. И. Коляда, обычно встречается родительный падеж — «матере», «дъщере»[60].

Среди вариантов глагольных форм отметим использование в узкошрифтном издании второго лица повелительного наклонения, а в среднешрифтном второго лица настоящего времени изъявительного наклонения: «не прелюбы сътвори» и «не прелюбы сътвориши» (Марк, IX, 19).

Резюмируя все сказанное выше, отметим, что с точки зрения фонетических, морфологических и синтаксических норм узкошрифтное Четвероевангелие обнаруживает определенную тенденцию близости к разговорной речи. Это особенно наглядно при сравнении со среднешрифтным изданием той же книги. Хорошим доказательством служат статистические выкладки, проведенные Г. И. Колядой.

Архаичные формы на страницах узкошрифтного Четвероевангелия сплошь и рядом соседствуют с разговорными, что может свидетельствовать лишь об отсутствии сколько-нибудь серьезной редакторской обработки. Это можно было бы объяснить и тем, что нормам правописания в середине XVI в. не придавали сколько-нибудь серьезного значения. Такой вывод, однако, неправилен. Вспомним мнение Стоглавого собора о «недописях» и «непрямых точках» в богослужебных книгах!

Отмеченные нами особенности языка и правописания узкошрифтного Четвероевангелия характерны для великорусского литературного языка. Языковые нормы во всем следуют московской традиции и категорически чужды южнославянской. Отсюда вывод о московском происхождении издания.

Бумага. Изучая бумагу первопечатных безвыходных изданий, такие авторы, как А. А. Гераклитов, А. С. Зернова и Т. Н. Протасьева, пытались использовать показания водяных знаков для того, чтобы установить дату выпуска издания в свет. По нашему глубокому убеждению, попытки эти привести к успеху не могут. Мы не знаем, сколько времени проходило между датой изготовления бумаги и датой ее использования. Величина эта переменна и в каждом отдельном случае — другая. Она всегда остается неизвестным в уравнении, решаемом палеографом.

Водяные знаки — превосходное подспорье в том случае, когда надо датировать документ с точностью, допустим, до одного десятилетия. Но они бессильны, если требуется определить последовательность изданий, выпущенных в свет в течение одного десятилетия.

Показательно, что исследователи наши, пользуясь при датировании безвыходных изданий по водяным знакам примерно одинаковой методикой, дают для узкошрифтного Четвероевангелия различные даты. А. А. Гераклитов предпочитает не указывать узких границ; его датировка — 1551—1563 гг.[61] А. С. Зернова первоначально датировала издание временем «около 1564 г.», затем — «около 1560 г.»[62] Т. Н. Протасьева предлагает дату 1555 г., М. Н. Тихомиров 1558 г.[63]

Узкошрифтное Четвероевангелие напечатано на французской бумаге. Т. Н. Протасьева называет следующие знаки.

1. Перчатка с короной над пальцами (Лихачев, № 2859, 2860; Брике, № 10942). 1551—1555 гг.
2. Перчатка с лилией на ладони и шестиконечной звездой над пальцами (Тромонин, № 669, 688; Лихачев, № 3451, 3452). 1564 г.
3. Перчатка с короной над пальцами и литерой «Р» на ладони (Лихачев, № 3450; Брике, № 11039). 1542—1564 гг.
4. Перчатка без манжета с пятиконечной звездой над пальцами (Тромонин, № 686). 1564 г.
5. Кувшин с полумесяцем над крышкой (Лихачев, № 1709; Брике, № 12817; Тромонин, № 687). 1545—1564 гг.
6. Кувшин с двумя ручками и ветвистым навершием (Лихачев, № 1779; Брике, № 12894, 12896, 12900, 12904; Тромонин, № 670). 1553—1564 гг.
7. Кувшин с литерами «РВ» (Брике, № 12717, 12786). 1549—1556 гг.
8. Сфера (Брике, № 13996; Тромонин, № 646, 1318). 1531—1564 гг.
9. Сфера (Брике, № 13995; Тромонин, № 666). 1550—1564 гг.

Это перечисление — далеко не исчерпывающее. А. А. Гераклитов, большой авторитет в изучении филиграней, пишет, что в узкошрифтном Четвероевангелии он встретил пять вариантов знака «сфера», причем два из них тождественны знакам Лихачев, № 1837 и 1758. Знак «перчатка» отмечен им в шести вариантах (у Зерновой — восемь вариантов). Для этой филиграни кроме знаков Тромонин, № 669 и 686, указываемых и Протасьевой, Гераклитов приводит знак Лихачев, № 1747, датируемый 1551 г. Знак «кувшин» А. С. Зерновой отмечен в 13 вариантах.

Отсюда ясно, что даже исследование Т. Н. Протасьевой, наиболее тщательное и аккуратное, нельзя признать исчерпывающим. Важнейший вывод из изучения бумаги узкошрифтного Четвероевангелия заключается в вероятном датировании его 50-ми гг. XVI столетия. Подчеркнем, что это издание напечатано на французской бумаге, которая использовалась в подавляющем большинстве московских первопечатных книг.

Шрифт. Человека, который впервые раскрывает древнерусскую рукопись или старопечатную книгу, поражает великое множество теснящихся между строчками значков. Это всевозможные знаки сокращения — «титла», знаки ударения и придыхания. Незадачливый поэт и «профессор елоквенции» Василий Тредиаковский, посвятивший старой русской пунктуации и правописанию несколько разделов своего «Разговора между чужестранным человеком и российским об ортографии...», считал, что надстрочные знаки появились в Московской Руси с началом книгопечатания: «...но и старина сея ортографии не Аредовых, как говорится, веков: много много, что ей у нас со сто с восемьдесят лет, разумея от начала нашея печати»[64].

Профессор «елоквенции» ошибался — применение надстрочных знаков восходит к греческой традиции и имеет глубокую древность. Мы встречаемся с ними уже в первых дошедших до нас русских книгах — Остромировом Евангелии и Изборнике Святослава.

Уже первые печатники славянских книг сразу столкнулись с проблемой, каким образом передавать в печати надстрочные знаки. Впрочем, если быть точным, с этой проблемой столкнулся еще Иоганн Гутенберг, ибо в рукописных готических почерках также немало расположенных между строками знаков. Гутенберг решил проблему, дублируя отдельные буквы. Он отливал литеры каждого знака в нескольких вариантах — с раз-

личными надстрочными знаками. По этому же пути пошли славянские первопечатники — черногорец Макарий и белорус Франциск Скорина. Швайпольт Фиоль некоторые литеры отливал с надстрочными знаками и в то же время некоторые надстрочные знаки без литер.

Как же решали проблему московские первопечатники? Вопрос этот далеко не праздный. Мы с вами увидим впоследствии, что он потянет за собой ряд попутных проблем и, что самое главное, позволит сделать далеко идущие выводы о связях и традициях.

Правила применения надстрочных знаков ударения и придыхания, а также всевозможных «титл» до сего дня изучены совершенно недостаточно, хотя в этот вопрос пытались внести ясность такие, например, великие знатоки славянской филологии, как И. В. Ягич [65]. Несмотря на это, мы в настоящее время едва ли находимся в лучшем положении, чем «чужестранный человек» из сочинения Василия Тредиаковского, который, выслушав объяснения «профессора елоквенции», воскликнул: «Уф! В пот меня кинуло слушаючи. Впрочем, доношу вам с горестию, мне никогда не выучиться хорошенько читать старыя вашея печати. Сии титлы, словотитлы, и еще не помню какие дикие имена, мне теперь страшнее всякого медведя кажутся, и для того, где не попадутся мне сии звери, я их везде обегать буду» [66].

Мы с вами лишены этой возможности. Поэтому давайте разберемся, как применялись надстрочные знаки в узкошрифтном Четвероевангелии.

Прежде всего расскажем о знаках ударения и придыхания. Их в рассматриваемом нами издании пять: «оксия», или «острая», «вария», или «тяжкая», «псилия», или «густая», «исо» и «апостроф». Знаки эти ставятся над гласными буквами, обозначая ударение, или же, как писал Мелетий Смотрицкий, «протяжение или сокращение гласного либо слога» [67].

Изучение шрифта показывает, что типографы применяли литеры, отлитые совместно со знаками ударения и придыхания. Поэтому каждую гласную букву приходилось отливать в нескольких вариантах (до шести). Одноименные литеры с разными знаками подчас сильно отличаются одна от другой. Так, «иже» с «варией» значительно шире остальных вариантов.

Отдельно от литер отливались знаки «ерик», «титло» и «кендема», ставившиеся преимущественно над согласными, а также надстрочные буквы под титлами и без них.

Кроме различных вариантов гласных шрифт нашего Четвероевангелия имеет и отдельные варианты некоторых согласных. Одни из них (например, «с» в широком и узком начертаниях) вызваны к жизни нормами правописания. Другие же («д», «земля», «т» — каждое в двух вариантах) восходят к особенностям рукописного оригинала и правописными нормами не оправдываются.

Большинство литер в узкошрифтном Четвероевангелии не имеет ни нижних, ни верхних выносных элементов. Нижние выносные элементы встречаются чаще верхних. Как верхние, так и нижние выносные элементы имеет лишь одна литера — «ферт».

Внутри гарнитуры можно выделить четыре группы шрифтовых знаков: 1) без выносных элементов; высота очка 3,5—4 *мм*; 2) с нижними выносными элементами; высота очка 5; 6; 7 *мм*; 3) с верхними выносными элементами; высота очка 5,5; 6 *мм*; 4) с верхними и нижними выносными элементами; высота очка 10 *мм*.

Кроме строчных литер в распоряжении типографа были в большом количестве вариантов и прописные знаки, также отлитые вместе со знаками ударения и придыхания. Высота очка прописных литер 6—7 *мм*. В наборе они опускаются под строку таким образом, что верхняя линия прописных и строчных совпадает. Одна и та же, самая большая в алфавите буква «ферт» применяется и в качестве строчной и в качестве прописной. Прописные буквы употребляются печатником в начале зачал и, реже, в начале недельных чтений.

Пробельный материал. Приемы набора и верстки. В литературе было высказано мнение, что московские первопечатники не знали пробельного материала или в лучшем случае использовали шпации лишь одного размера. Для отделения одного слова от другого, а также для выключки приходилось использовать знаки препинания [68]. Мнение это не верно.

Печатая узкошрифтное Четвероевангелие, московские типографы только-только осваивали полиграфическую технику. Отсутствие достаточного опыта сказалось, в частности, в том, что рост пробельных элементов наборной формы мало отличался от роста литер со шрифтовыми знаками. На поверхность пробельных элементов попадала краска, и при печатании пробельные участки отмарывали. Оттиски шпаций, квадратов и бабашек зачастую можно встретить на полях узкошрифтного Четвероевангелия. Такие оттиски сколько-нибудь широко (однако реже, чем в нашем издании) встречаются впоследствии лишь в Триоди постной. В поздних безвыходных изданиях, а также в книгах, напечатанных Иваном Федоровым, отмарывания пробельного материала уже нет.

Отмарывание пробельного материала — минус в работе первотипографов. Однако в наших глазах минус этот имеет огромную цену — благодаря ему мы можем определить, какой пробельный материал применялся в первой московской типографии.

Нет никакого сомнения в том, что в распоряжении первопечатников было большое количество шпаций, начиная от тончайших и кончая полукруглыми и круглыми. Кегль шпаций таков же, как и кегль литер,— 10 *мм* (26,6 пункта). Что же касается толщины, то нами зарегистрированы шпации в 2, 3, 4, 6, 7, 9 и 10 *мм* [69]. По-видимому, их было значительно больше.

Наборная полоса с четырех сторон обкладывалась пробельным материалом — квадратами, бабашками и марзанами — и помещалась в раму, по-видимому, деревянную. Размеры рамы по внутреннему краю 138 × × 240 *мм*. Рама имела отверстие для литер, обозначающих индексацию (колонтитулы) каждого из четырех евангелий. Отверстий было несколько. Случалось, что из одного отверстия забывали вынуть литеры; тогда «чужой» индекс оттискивался на нижнем поле в перевернутом положении [70].

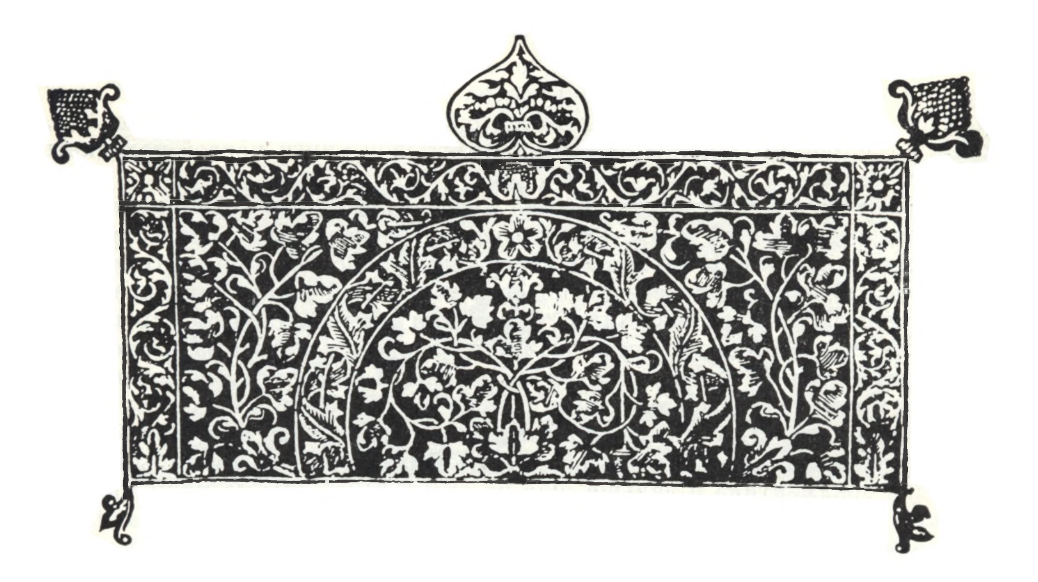
Выключку печатники узкошрифтного Четвероевангелия не производили не потому, что у них не было пробельного материала, а потому, что они попросту не умели делать ее.

Техника набора была удивительно простой. Большинство литер без выносных знаков, а также отлитых с надстрочными знаками имели кегль 10 *мм*. Кроме того, часть литер, преимущественно согласных, отливали на кегль 7 *мм*. Это позволяло помещать над ними надстрочные буквы.

Все выносные знаки в узкошрифтном Четвероевангелии расположены в междустрочии, в промежутке между линией нижних выносных элементов одной строки и верхней линией шрифта следующей строки. Линия нижних выносных элементов первой строки и линия верхних выносных элементов второй строки совпадают (см. рис. на стр. 172).

В древнерусских рукописных книгах, напротив, линия нижних выносных элементов постоянно пересекает надстрочные знаки следующей строки; будем условно называть эту особенность «перекрещиванием строк». Узкошрифтное Четвероевангелие шло вразрез с многовековой практикой — по своему внешнему облику оно резко отличалось от рукописных книг. Это не понравилось в Москве. Тогда первопечатники изобрели новую технику набора — очень трудоемкую, но вполне оригинальную. Она позволила искусно имитировать облик текстовой полосы рукописной книги. Эта техника будет применена в следующих по времени выпуска московских печатных книгах.

Орнаментика. Убранство узкошрифтного Четвероевангелия достаточно богато — пять заставок, отпечатанных с четырех деревянных досок, четыре инициала — с четырех досок и 20 цветков (рамок) — с шести до-

Заставка Зерн. 7 из узкошрифтного Четвероевангелия

сок. Все элементы оформления традиционны. Художник, трудившийся над украшением издания,— первый московский художник печатной книги — ничего в этом смысле не изобретал наново. В его распоряжении был многовековой опыт мастеров рукописной книги, опыт, лучшие черты которого воплощены в трудах умельцев первой половины XVI столетия.

Великолепные Евангелия первой половины XVI в., и среди них такие шедевры, как Четвероевангелие 1507 г. Феодосия Изографа, Четвероевангелие 1531 г. Исаака Бирева и Четвероевангелие из собрания Государственного Исторического музея, давали превосходный материал если не для простого копирования, то для сопоставления и творческого использования. Читатель знает, что все эти книги вышли из московской мастерской, которую мы условно называем «школой Феодосия Изографа».

Гравер издания только-только осваивал многотрудное искусство ксилографии. Изображение человека затрудняло его — особенно такое ответственное, как изображение евангелиста. Поэтому он отказался от фронтисписов. Он немногим погрешил против традиции — изображения евангелистов сравнительно редко встречались и в рукописных книгах. Так, в 1638 г. в соборе Иосифо-Волоколамского монастыря имелось «восьмь евангильев с евангилисты да двадцать два евангилья без евангилисты — в полдесть, да восмь — в четверть, да в осмушку — одна» [71].

На первых порах можно было отказаться и от небольших заставок перед оглавлениями и предисловиями. Остались четыре большие заставки перед каждым из евангелий и одна меньшего размера — перед «Соборником». Их-то и вырезал гравер. Впрочем, он решил несколько облегчить себе работу и одну и ту же заставку использовал дважды — перед евангелиями от Матфея и Иоанна.

Итак, мы имеем пять заставок четырех различных рисунков. Все они решены в одинаковом ключе — удлиненные прямоугольники с растительными угловыми украшениями — акротериями и треугольным навершием в центре (у больших заставок). Размеры основного поля примерно одинаковы и составляют $107 \div 108 \times 44 \div 46$ *мм*.

Первая заставка (лл. 9 и 235 — Зерн. 7) — прямоугольник, украшенный сверху сердцевидным навершием и двумя акротериями. Основание заставки не подчеркнуто выходящими за пределы боковых граней стрелками, как это обычно делалось в рукописной книге. Более того, грани продолжены вниз, где они завершены изогнутой веточкой с листочком. Это единственный в своем роде случай в нашей первопечатной орнаментике.

С боков и сверху заставку ограничивает бордюр с растительным вьюнком. Две концентричные дуги делят центральное поле на три части, средняя из которых представляет собой усеченный снизу круг. Схема типична для заставок нововизантийского стиля (ср., например, Ух. 203, 216 и т. д.), обычных для московской рукописной книги первой половины XVI столетия.

Гравер наш, естественно, не мог передать в ксилографии эмалевых перегородчатых цветов и листьев нововизантийского стиля. Он сохранил лишь схему, наполнив ее новым содержанием. Основу орнаментики составляют изогнутые и пересекающиеся между собой ветви с «кленовыми» (или «виноградными») листьями. Очертания листьев сильно упрощены. Мотив ведет к Четвероевангелию 1507 г. Феодосия Изографа. Виноградные листья, также значительно стилизованные,— один из излюбленных приемов применяемой им разделки [72]. Исполненные белилами по голубому фону, они выглядели очень декоративно и нарядно. В скупом черно-белом ксилографическом оформлении нарядность была потеряна. Если бы первопечатная орнаментика и дальше шла по этому пути, нам не пришлось бы говорить о ней, как о выдающемся достижении русского декоративно-прикладного искусства. К счастью, наш гравер нашел в рукописной книге мотив, который впоследствии стал доминировать в ксилографическом убранстве московских печатных книг. Речь идет о растительном акантовом вьюнке, который мы находим уже на первой заставке — в промежутке, ограниченном двумя концентричными кругами. Вьюнок обвит вокруг центральной ветви. Как уже известно читателю, в русском книжном искусстве мотив этот восходит к школе Феодосия Изографа. Используя бытующую в литературе терминологию, мы будем условно именовать его «старопечатным вьюнком».

Читатель знает, что акантовые листья в сочетании с шишками, бутонами, маковыми головками станут основой нового стиля орнаментики, который также называется старопечатным. Стиль этот имел парадоксальную, более чем оригинальную судьбу. Элементы его восходят к рукописной книге эпохи Возрождения: первичная обработка связана с деятельностью немецко-нидерландских граверов XV в.— мастера ES, «мастера берлинских страстей» и Израэля ван Мекенема. Стиль этот нигде не привился сколько-нибудь прочно, кроме как на русской почве. Разработанный, улучшенный и поистине созданный наново московскими умельцами, он именно здесь стал по-настоящему национальным.

Техника исполнения заставок узкошрифтного Четвероевангелия своеобразна. Она совершенно не похожа на западноевропейскую ксилографию, на гравированные заставки южнославянских печатных книг. Характеризуя эту технику, А. А. Сидоров говорит о *белом штрихе* и о *металлографских приемах* [73]. Оба термина верно передают замечательное своеобразие гравированной орнаментики узкошрифтного Четвероевангелия. Контуры изображения исполнены белым штрихом по черному фону. Гравер вынимает не фон вокруг штриха, а сам штрих. Так поступает мастер, гравирующий по металлу.

Отсюда сами собой напрашиваются выводы. Ксилографию русские художники книги осваивали впервые. Между тем гравирование по металлу было достаточно широко распространено в Московской Руси на протяжении уже многих столетий. Читатель знает, что гравюра на металле применялась и для оформления рукописной книги. Пример, иллюстрирующий это утверждение, пока единичен [74]. Он снова ведет нас к Феодосию Изографу.

Вторая заставка узкошрифтного Четвероевангелия (Зерн. 8) помещена на спусковой полосе евангелия от Марка (л. 89) и представляет собой удлиненный прямоугольник с килевидным навершием и акротериями. Веточек, продолжающих боковые грани и спускающихся за линию основания, здесь нет. Основание подчеркнуто стрелочками»; в этом отношении заставка следует многовековой традиции.

Заставка Зерн. 8 из узкошрифтного Четвероевангелия

Центральное поле со всех четырех сторон ограничено бордюром со старопечатным вьюнком. По бокам он обвит вокруг центральной ветви; вверху и внизу ветви нет. В углах помещены четырехлепестковые розетки. Графика их находит аналогии в рисунках басм, применявшихся в Московской Руси при тиснении на переплетах.

В центре среднего поля заставки — низкая и широкая ваза, из которой исходят три ветви. Одна из них отвесно поднимается — строго перпендикулярно к горизонтали. Эта короткая ветвь, завершенная стилизованным бутоном, делит поле на две равные части с симметричным рисунком. Крайние ветви уходят вправо и влево, закручиваются по спирали и оканчиваются шишками. Моделировка их весьма приблизительна. Гравер не передает объем, и элементы изображения выглядят плоскими, лишенными третьего измерения. Ветки и шишки обильно оторочены все теми же акантовыми листьями.

Третья заставка (Зерн. 4) — перед евангелием от Луки (л. 145) — опять-таки удлиненный прямоугольник с килевидным навершием и акротериями. Основание подчеркнуто стрелками. Трехсторонний бордюр заполнен своеобразным вьюнком с трехлопастными цветками. Среднее поле занимают закрученные по спирали ветви с виноградными листьями.

Эта же заставка впоследствии будет повторена в другом безвыходном издании — среднешрифтном Четвероевангелии. Кроме того, очень чистый, ясный и хороший оттиск с той же доски обнаружен Т. Н. Протасьевой в рукописных «Пандектах» Никона Черногорца середины XVI столетия [75].

Четвертая заставка (Зерн. 5) — перед «Соборником» (л. 299) — удлиненный прямоугольник (105×30 *мм*) с подчеркнутым основанием, но без навершия и акротериев. Ветви с виноградными листьями образуют подобие двух лежащих восьмерок с симметричным рисунком. В тех петлях восьмерок, которые расположены ближе к центру, помещены треугольные плоские шишки, в петлях по краям — пятилепестковые цветки. Очертания шишек и характер их исполнения точно такие же, как в уже рассмотренной нами заставке Зерн. 8.

Хотелось бы подчеркнуть одну небольшую деталь, которая говорит о стилистическом единстве некоторых первопечатных заставок. Выходящие из центральной части заставки ветви перехвачены ленточкой, как букет. Гравер передает ленточку прямоугольной рамкой с вертикальной штриховкой. Такие рамочки мы находим в заставках Зерн. 5 и Зерн. 4 из узкошрифтного Четвероевангелия, а также в заставке Зерн. 3 из среднешрифтного Четвероевангелия.

Заставка перед «Соборником» объединяет все три безвыходных Четвероевангелия в общую группу — она использована во всех трех изданиях. Поэтому мы можем предположить, что они вышли из одной типо-

Заставка Зерн. 4 из узкошрифтного и среднешрифтного Четвероевангелий

графии. Пять оттисков той же заставки мы находим в рукописном Четвероевангелии из собрания Московской Синодальной типографии [76].

В некоторых экземплярах узкошрифтного Четвероевангелия заставка перед «Соборником» не отпечатана (саратовский экземпляр, описанный А. Гераклитовым; ГПБ, № 152—1. 3. 5[б]).

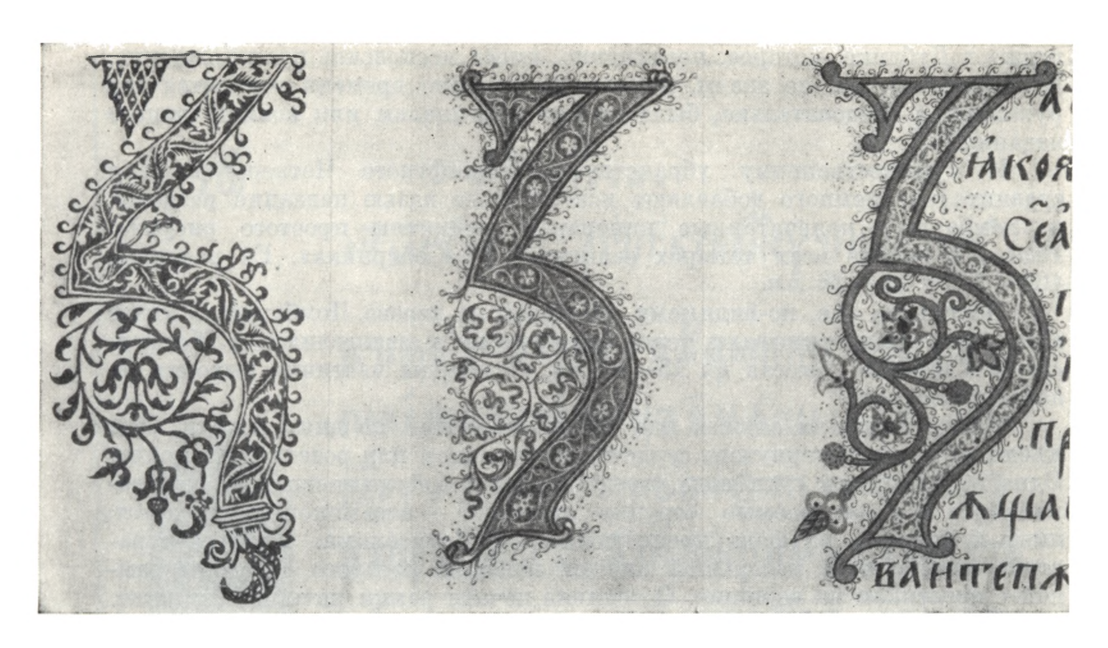
Орнаментальное убранство узкошрифтного Четвероевангелия дополняют инициалы (буквицы), цветки (рамки на полях) и ломбарды. Гравированных инициалов в книге четыре. Они помещены на начальных полосах каждого из четырех евангелий — на тех же полосах, что и заставки.

Первый инициал — «К» — на спусковой полосе евангелия от Матфея (л. 9 — Зерн. 48). Вертикальный штамб заполнен старопечатным вьюнком, обвитым вокруг центральной ветви. Правую часть литеры образует широколопастный извивающийся лист со многими ответвлениями и завитками. Эти орнаментальные мотивы использовались не раз. Старопечатный вьюнок по вертикальному штамбу широко распространен в инициалах рукописной книги первой половины XVI в. Назовем Псалтырь из собрания Пискарева [77], Четвероевангелие Исаака Бирева 1531 г. [78], Апостол Путятинский [79], Апостол из собрания Московской духовной академии [80]... Этот список можно продолжить. Реже встречается мотив, положенный в основу правой сучковато-лиственной части инициала. Но и здесь можно привести аналогии — рукописные «Слова Григория Богослова» (конец XV в.) [81] или Четвероевангелие, которое в 1552 г. дали вкладом в Соловецкий монастырь «благовещенский священник Селивестр да сын его Анфим» [82].

В русскую рукописную книгу этот мотив пришел из венецианских инкунабул, на что справедливо указывает Е. В. Зацепина [83].

В заключение отметим, что почти идентичный прототип инициала «К» встречается на страницах рукописного Четвероевангелия, положенного в Соловецкий монастырь Иваном Васильевичем Грозным [84].

Второй инициал узкошрифтного Четвероевангелия — «земля» (Зерн. 41) — находим на начальной полосе евангелия от Марка (л. 89). По размерам своим (высота 90 *мм*) он более чем вдвое превышает все остальные инициалы нашего издания. Изогнутый ствол литеры заполнен тем же старопечатным вьюнком — на этот раз без центральной ветви. Верхняя перекладина завершена плоской стилизованной шишкой, ствол литеры снизу заканчивается шишкой с загнутым хвостиком, а по краям украшен завивающимися «усиками». Овальное поле, образованное нижней частью буквицы, занимает своеобразный растительный узор. Гравер исполнил его «черным по белому».

Инициалы «земля» из рукописного Четвероевангелия 1507 года (справа), из Четвероевангелия Муз. 3443 (в центре) и из безвыходных Четвероевангелий (слева)

И в этом случае мы можем указать совершенно определенные рукописные прототипы. Силуэт знака почти дословно повторяет очертания инициалов «земля» из Четвероевангелия 1507 г. Феодосия Изографа [85] или Четвероевангелия Государственного Исторического музея [86]. Отсюда же взяты усики по контуру ствола. Однако сам ствол заполнен тонкотравным орнаментом с пятилепестковыми розетками. Точно такой же инициал находим в великолепном Четвероевангелии 1531 г. Исаака Бирева [87]. Здесь уже штамб заполнен старопечатным вьюнком. На овальном поле тот же тонкотравный орнамент. Передать его тончайшие изивы граверу узкошрифтного Четвероевангелия было нелегко. Он выпрямил линии, устранил завитки. При этом, конечно, узор потерял свою прелесть.

Орнаментика упомянутых выше рукописных книг принадлежит школе Феодосия Изографа. К этому же имени нас ведет форма шишки, завершающей снизу ствол буквицы «земля». Она очень напоминает своим рисунком и прежде всего наклонными линиями с расположенными между ними точками цветки на полях Уваровского Четвероевангелия, гравированные на металле Феодосием [88].

Инициал «земля» впоследствии будет использован и в среднешрифтном Четвероевангелии. Мастер его, не меняя доски, найдет замечательный прием, подчеркивающий изобразительные качества гравюры.

Третий инициал нашего издания — «П» (Зерн. 49) — на начальной полосе евангелия от Луки (л. 145) нельзя признать удачным. Он приземист, что никак не вяжется с удлиненными пропорциями полосы. Старопечатный вьюнок, пущенный по штамбам, сжат и вследствие этого лишен декоративности. Растительное навершие, а также фигурные подножия штамбов выглядят излишними. Кроме того, буквица лишена верхней перекладины и потому «не читается» (см. рис. на стр. 216).

Плохо «читается» и четвертый инициал — «В» (Зерн. 47),— помещенный на спусковой полосе евангелия от Иоанна. Конфигурация его напоминает знак «К». Штамбы буквицы заполнены все тем же старопечатным вьюнком, на этот раз без центральной ветви.

Заканчивая рассмотрение орнаментики узкошрифтного Четвероевангелия, нам хотелось бы упомянуть, что существует почти точный рукописный двойник его. Это Четвероевангелие из собрания «Тринити кол-

ледж» в Дублине, которое, несомненно, имеет московское происхождение. К сожалению, мы не знаем, к какому примерно времени относится эта рукопись, а следовательно, была ли она оригиналом или копией нашего издания[89].

К художественному убранству узкошрифтного Четвероевангелия сравнительно немного добавляют исполненные вязью названия разделов и ломбарды — напечатанные киноварью инициалы простого рисунка. Вязь — в начале всех четырех евангелий и «Соборника». Ее размеры: 101 ÷ 106 × 25 ÷ 26 *мм.*

Исполнена она, по-видимому, гравюрой на дереве. Ломбардов в книге всего три — они открывают текст предисловий к евангелиям от Матфея, Луки и Иоанна. Высота их 18—20 *мм.* Ломбарды частично выходят на корешковое поле.

Рамки на полях служат для указания чтений по дням недели. Они имеют форму перевернутого сердечка с крестиком или розеткой на конце. Одна из рамок, по сути дела, представляет собой иллюстрацию, изображающую так называемые «орудия страстей» — восьмиконечный крест, пику и трость — на фоне крепостных стен Иерусалима. «Орудия страстей» помещены в небольшой киотец, контуры которого обведены рамкой с крестиком на вершине. О технике печати рамки речь пойдет ниже.

Слепое тиснение. Ни один из исследователей, изучавших первопечатную книгу, не писал ничего о слепом тиснении. Во многих изданиях XVI столетия, преимущественно московских, на некоторых страницах можно заметить слабый, сглаженный временем рельеф. Присмотревшись, вы узнаете очертания отдельных шрифтовых знаков кирилловского алфавита. Какой-то текст был вытиснен на страницах первых печатных книг с набора, не покрытого при печатании краской. Слепое тиснение наблюдается чаще всего на чистых страницах, разделяющих самостоятельные разделы книги, а также на концевых полосах. Изредка его можно заметить и под напечатанным впоследствии текстом.

В узкошрифтном Четвероевангелии мы встречаемся со слепым тиснением прежде всего на л. 138. Здесь вытиснена одна строка, забитая литерой «ю» с надстрочными знаками — «апострофами». Лист 143 совершенно пуст — обе стороны его свободны от текста. Однако лист с обеих сторон покрыт слепым тиснением. Изучение его показывает, что здесь повторен текст, который отпечатан с обеих сторон л. 136. Слепое тиснение на л. 143 — совершенно точная копия отпечатка на л. 136.

Продолжаем перелистывать страницы книги. На л. 229 об. вытиснено 11 строк. Каждая строка забита какой-либо одной литерой: первая — литерой «д», четвертая — литерой «м», шестая — литерой «ц» и т. д. На л. 232 об.— две строки слепого тиснения. Рассматривая эти строки во многих экземплярах книги, мы прочитали следующий текст: «Будет попираем языки, дондеже скончаются времена язык». Эти две строки набора перенесены с одного из соседних листов.

Слепое тиснение на чистом л. 233 повторяет отпечаток на л. 303, на л. 309 об.— отпечаток л. 313 об. На концевой полосе л. 297 три строки забиты литерами «т». На обороте этого листа — также какое-то тиснение.

Изучая первопечатные книги зарубежных славянских типографий, мы видели слепое тиснение в южнославянских глаголических изданиях и в пражской Библии Франциска Скорины. Там это было приемом своеобразной шифровки какого-либо текста (имени печатника и т. д.). В московской типографии слепое тиснение приобрело иной характер, совершенно оригинальный. На первых порах наши первопечатники используют в качестве пробельного материала для воспроизведения пустых полос, соседствующих при печати с занятыми текстом полосами, неразобранный набор уже отпечатанной полосы. Отсюда мы можем сделать важные выводы. Первый из них: в московской типографии с самого начала стоял стан, рассчитанный на одновременное печатание двух полос. В противном

іѡ єѵаліе . а .

стыстртеи . рече гь своиоученикомъ

к чемꙋ речеемꙋ . нѣцыиже мнахꙋ,

понеже ковчежецъ имаше іюда, ꙗко

глетъ емꙋ іс . кꙋпи еже требоуемъ

на празникъ . или нищимъ да нѣчто

дастъ . прїемже онъ хлѣбъ, абїе изы

де . бѣже нощь егда ізыде . гла іс.

за нынѣ прослависа снъ члческїи . и бгъ

мѕ прослависа онемъ . аще бгъ прослави

са онемъ, и бгъ прославитъ его все

бѣ . іабїе прославитъ его . чадца,

еще свами мало есмъ . взыщете ме

не . і ꙗкоже рѣхъ іюдеомъ . ꙗко ꙗмо

же азъ идꙋ . вы неможете прїити,

и вамъ глю нынѣ . заповѣдь новꙋю

даю вамъ . да любите дрꙋгъ дрꙋга .

ꙗкоже возлюбихъ вы, да и вы люби

те себе . о семъ разꙋмѣютъ вси, ꙗко

мои оученицы есте, аще любовь имате

Полоса с гравюрой «Орудия страстей» узкошрифтного Четвероевангелия

случае (как в Руянской типографии) не было нужды забивать пространство пустой полосы набором или пробельным материалом.

Второй вывод относится к последовательности печатания отдельных разделов книги. Слепое тиснение набора л. 303 на л. 233 заставляет предполагать, что последний раздел книги — «Соборник» — печатался раньше евангельского текста. Можно, правда, предположить, что первопечатники, как и современные полиграфисты, прежде всего изготовляли формы для всей книги, а затем уже приступали к печатанию. Но это маловероятно, ибо в таком случае необходимо допустить, что в первой нашей типографии было очень много шрифта и пробельного материала. Да и помещение типографии должно было быть очень большим, чтобы вместить готовые формы 652 полос будущей книги.

Факт первичного печатания «Соборника», как наименее ответственного раздела, не нуждающегося в редакторской правке, так сказать в опытном порядке, очень вероятен. Наблюдения над слепым тиснением узкошрифтного Четвероевангелия подтверждают это предположение.

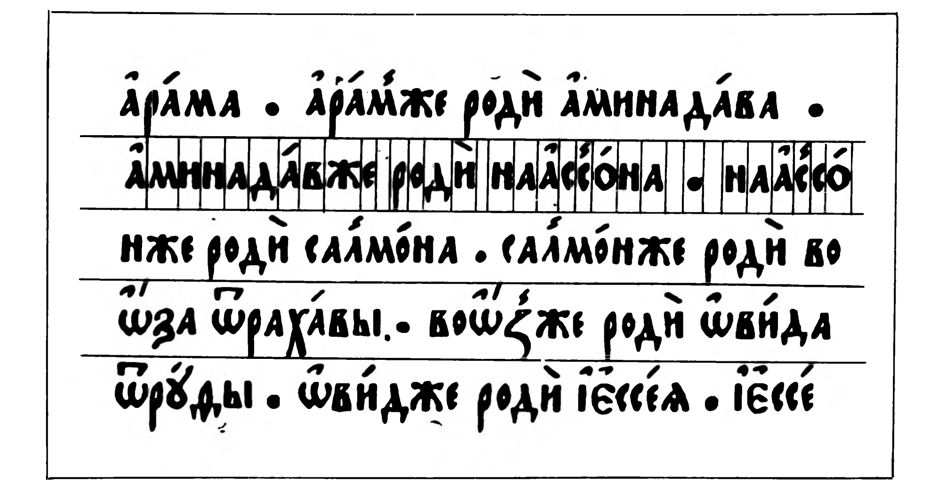
В дальнейшем первые московские типографы начинают использовать слепое тиснение как своеобразный прием художественного убранства книги. Зачатки этого есть уже в узкошрифтном Четвероевангелии — на тех полосах его, которые вперемежку с пробельным материалом забиты отдельными литерами.

Рассмотренные нами приемы слепого тиснения не встречаются ни в западноевропейской, ни в зарубежной славянской книге. Они имеют чисто московское происхождение и служат одним из серьезных доказательств самостоятельного освоения в Москве полиграфической техники.

Приемы двухкрасочной печати. Использование второй краски — киновари — в узкошрифтном Четвероевангелии, да и в других московских безвыходных изданиях строго регламентировано. В этом отношении наше первопечатание, как отмечает и А. А. Сидоров[90], представляет резкий контраст практике западных и особенно южнославянских изданий. Там двухкрасочная печать носит резко выраженный декоративный характер. В черногорском Октоихе 1494 г. чередуются черные и красные инициалы. В венецианских изданиях отца и сына Вуковичей нередко чередуются наборные украшения и знаки препинания, отпечатанные то красным, то черным.

В Москве вторая краска применяется лишь в смысловом порядке — для облегчения пользования книгой. В узкошрифтном Четвероевангелии киноварью воспроизведены:

1) заголовки отдельных разделов — евангелий, выполненные вязью; заголовки предисловий и оглавлений;

Приемы набора узкошрифтного Четвероевангелия

2) первые буквы названий глав в оглавлениях;

3) указатели зачал на полях (указания на главы отпечатаны черным);

4) указания «под строкой» и «над строкой» (вверху и внизу полосы) на порядок чтения отдельных зачал;

5) указания в тексте на конец очередного недельного чтения;

6) первые (прописные) буквы зачал, недельных чтений и некоторых фраз. Ломбарды в начале предисловий;

7) индексы евангелистов в левом верхнем углу оборотной стороны каждого листа;

8) указания на количество стихов в конце каждого евангелия.

Очень много киновари в «Соборнике 12 месецем» и в «Сказании еже како на всяк день должно есть чести евангелие», где применение красного также регламентируется.

Впрочем, были и случаи, когда применение красного и черного определенным правилам не подчинялось. Это прежде всего рамки («цветки») на полях, указывающие начало недельных чтений. В отдельных случаях и в различных экземплярах рамки воспроизводятся по-разному. Так, например, на л. 88 рамка в некоторых экземплярах отпечатана черным[91], а в других — киноварью[92]. То же можно сказать и о цветке на л. 9[93].

Печатая некоторые листы, типограф определенно экспериментировал. Сам цветок он воспроизводит киноварью, а небольшой крестик сверху делает черным[94]. Иногда и наоборот: цветок черный, а крестик красный[95].

«Орудия страстей» на полях евангелия от Иоанна в большинстве экземпляров узкошрифтного Четвероевангелия отпечатаны киноварью[96]. Лишь в одном из экземпляров весь знак оттиснут черным[97]. Нам известен также один экземпляр, в котором сам знак отпечатан черным, а тонкая рамочка вокруг него сделана красной[98], и другой экземпляр, в котором знак красный, а крестик на вершине черный[99].

Сразу встает вопрос, как это сделано. Во всех случаях мы имеем дело с цельной формой. Так мы подходим к вопросу об однопрокатной двухкрасочной печати — оригинальному изобретению московских первопечатников.

Первые наблюдения в этой области принадлежат М. А. Доброву. Техническая суть процесса раскрыта А. А. Сидоровым при консультации С. М. Михайлова и В. В. Попова[100].

Киноварные оттиски в узкошрифтном Четвероевангелии очень редко бывают чистыми. К киновари почти всегда примешана черная краска. Это можно, конечно, объяснить загрязненностью самой краски. Однако наблюдения говорят о другом. Легко заметить, что отдельные участки «черных» литер, примыкающие к «красному» набору, бывают окрашены киноварью. Следовательно, печать с двух форм в ее общераспространенном варианте отпадает. В момент нанесения краски на «красный» набор «черный» набор присутствует. Отсюда следует неизбежный вывод — печать производилась с одной формы.

А. А. Сидоров восстанавливает процесс следующим образом. Первоначально на всю форму, включая как «черные», так и «красные» ее участки, наносили черную краску. Затем ее осторожно вытирали со слов и литер, которые должны быть отпечатаны красным. На эти участки формы кисточкой наносили киноварь. Под киноварью оставалась какая-то часть черной краски. С другой стороны, кисточка задевала соседние «черные» литеры. В результате киноварные оттиски получались загрязненными «черным», а соседние литеры нередко окрашивались киноварью.

Однопрокатность печати превосходно объясняет все описанные выше случаи — двухцветный знак «орудия страстей» и черные цветки с красными крестиками (или наоборот).

Раскрашивая отдельные участки киноварью, печатники нередко делали ошибки. Так, в экземпляре Московской Синодальной типографии в зачале 68 евангелия от Марка указания в тексте на конец очередного

недельного чтения («преступи, пя^к»), которые всегда печатались красным, воспроизведены черным[101]. Слова эти обведены тушью и на полях сделана помета: «Напиши киноварем». Во всех остальных известных нам экземплярах узкошрифтного Четвероевангелия текст напечатан красным. Можно думать, что помета сделана в корректурном экземпляре — вспомним, что в основу собрания Московской Синодальной типографии положена библиотека Печатного двора, комплектовавшаяся в XVI—XVII столетиях.

В другом случае в зачале 36 от Марка пропущен киноварный текст «конец, соу^к» [102]. На этой же странице есть немало слов и литер, отпечатанных красным. Нельзя, следовательно, говорить о том, что пропущен «красный оттиск». Печатники попросту забыли нанести киноварь на два слова. Это еще одно доказательство однопрокатности печатного процесса.

«Опечатки» в распределении красного и черного нередки. Так, в одном экземпляре пагинация «гI» отпечатана киноварью[103] (во всех других случаях — черным).

ТРИОДЬ ПОСТНАЯ

Триодь постная — одно из любопытнейших безвыходных изданий. А. А. Сидоров называет его «загадочным»[104]. Эпитет этот во многих отношениях оправдан. Современные исследователи никак не могут договориться между собой в оценке отдельных аспектов истории Триоди постной. Особенно большие сомнения вызывает датировка издания. Т. Н. Протасьева считает Триодь первой московской печатной книгой[105]. С этим мнением соглашается и М. Н. Тихомиров[106]. Вместе с тем такой авторитет, как А. С. Зернова, считает, что до Триоди в Москве были изданы по крайней мере две печатные книги — среднешрифтное Четвероевангелие (по терминологии Зерновой, Евангелие первого шрифта) и Псалтырь[107].

«Первая русская печатная книга» — титул чрезвычайно ответственный. Позже мы попытаемся объективно рассмотреть все «за» и «против», которые кладутся на чашу весов, когда речь заходит о Триоди постной.

История изучения и известные в настоящее время экземпляры. На страницы славяно-русской библиографии интересующее нас издание ввел в 1829 г. П. М. Строев. Описывая библиотеку Ф. А. Толстого, он помянул о безвыходной Триоди постной, принадлежавшей в свое время Боровицкому Духову монастырю. Библиограф ошибочно посчитал книгу несуществующим московским изданием 1592 г. Эта ошибка, идущая от Сопикова, впоследствии была исправлена И. П. Сахаровым.

В 1836 г. тот же П. М. Строев зарегистрировал экземпляр безвыходной Триоди постной из собрания И. Н. Царского. Описание предельно лаконично: «Триодь постная, без выхода, в лист, 369 и 19 листов (счет их внизу). Издание, не известное библиографам, также южной типографии, начала XVI века...» Первый из упомянутых Строевым экземпляров ныне находится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, второй — в Государственном Историческом музее[108].

Вслед за Строевым издание упоминает в 1848 г. В. М. Ундольский, описывая библиотеку А. И. Кастерина. В своем известном «Хронологическом указателе» тот же автор атрибутировал Триодь «южным типографиям»[109].

Первым исследователем Триоди постной, как и других анонимных изданий, был А. Е. Викторов[110]. Он составил подробное и точное библиографическое описание книги, рассказал об известных ему экземплярах и провел поистине титаническую работу, сравнив текст безвыходной Триоди с одноименными изданиями, выпущенными в 1491 г. в Кракове Швайпольтом Фиолем и в 1589 г. в Москве Андроником Тимофеевым

Невежей. Викторов впервые указал на московское происхождение безвыходной Триоди постной.

А. Е. Викторов изучал экземпляр Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. Кроме того, ему были известны описанный П. Строевым экземпляр из библиотеки И. Царского, перешедший к тому времени в собрание графа Орлова-Давыдова, а также экземпляры Московской Синодальной типографии, Московской духовной академии и Петербургской Публичной библиотеки.

В 1876 г. Триодь постная из собрания Воскресенского Новоиерусалимского монастыря была кратко описана архимандритом Амфилохием [111]. Он привел текст одной из вкладных записей экземпляра.

В 1877 г. на страницах очередного «Отчета Московского Публичного и Румянцевского музеев» А. Е. Викторов описал экземпляр Триоди, обмененный им в Петербургской Публичной библиотеке (экземпляр А. И. Кастерина) на дублеты старопечатных изданий. Здесь Викторов еще раз подчеркнул, что «эта Триодь несомненно принадлежит к изданиям типографии московской» [112]. Два года спустя А. Е. Викторов регистрирует на страницах «Отчета» другой экземпляр Триоди постной, поступивший в музеи вместе с коллекцией старопечатных книг, полученных в обмен на дублеты из библиотеки Ярославского архиерейского дома [113].

Девятый по счету экземпляр безвыходной Триоди описан в 1908 г. И. Свенцицким [114]. Экземпляр этот приобретен для Церковного музея во Львове у московского букиниста Шибанова.

Подробно исследовал издание в послереволюционные годы А. А. Гераклитов [115]. Он описал экземпляр из собрания П. М. Мальцева, поступившего в Библиотеку Саратовского государственного университета. Гераклитов первым предпринял изучение шрифта Триоди в сравнении со шрифтом других безвыходных изданий. Обстоятельно изучена была бумага издания и выполнен тщательный палеографический анализ филиграней.

Т. Н. Протасьевой известно семь экземпляров Триоди постной [116]. Два из них — из собраний Щапова (ГИМ, Щап. 17) и Егорова (ЛБ, № 3912) — были зарегистрированы ею впервые.

Из упомянутых нами 11 экземпляров мы можем указать местонахождение по крайней мере десяти. Неизвестно, где находится Триодь постная из собрания Воскресенского Новоиерусалимского монастыря — наиболее интересный для нас, как мы увидим из дальнейшего изложения, экземпляр.

В Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина сейчас хранятся четыре безвыходных Триоди. Это экземпляры Ярославского архиерейского дома (№ 3911), Московской духовной академии (№ 3914), собрания Егорова (№ 3912) и дублет Петербургской Публичной библиотеки (№ 3913). Экземпляр Публичной библиотеки и в Москве числился в дублетах. В таком качестве он фигурирует в «Списке дублетов», который сохранился в архиве А. Е. Викторова [117]. Викторов ошибочно посчитал книгу Триодью цветной, и мы узнаем ее единственно по присвоенному ей инвентарному номеру (№ 1576), который и сегодня можно видеть на экслибрисе, наклеенном на оборотной стороне переплета. В Петербургскую Публичную библиотеку этот экземпляр попал из собрания А. И. Кастерина [118].

В Государственном Историческом музее в настоящее время находятся два экземпляра Триоди постной — книги, поступившие из собраний И. Н. Царского (Цар. А. 13) и П. В. Щапова (Щап. 17).

По одному экземпляру Триоди имеют Центральный государственный архив древних актов (экземпляр Московской Синодальной типографии) (ф. 1254, № 1019), Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (экземпляр из собрания Толстого) (№ 160—1. 3. 8), Львовский государственный музей украинского искусства (№ 78/298) и Научная библиотека Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

Вкладная запись 1562 года на экземпляре Триоди постной из Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. По факсимильной копии из архива А. Е. Викторова. ОРЛБ

Вкладные. Старейшая вкладная запись на безвыходной Триоди постной относится к 1562 г.— она была сделана за два года до выхода в свет первопечатного Апостола. Это запись на экземпляре Воскресенского Новоиерусалимского монастыря — ее публиковали И. П. Каратаев, А. Е. Викторов, архим. Амфилохий и архим. Леонид, а в новое время М. Н. Тихомиров и Т. Н. Протасьева.

Текст записи гласит: «Лета 7070-го дал книгу сию в дом чюдному Богоявленю старец Севастьян, митрополич ключник, по своей душе и по своих родителех на поминок»[119]. Л. А. Кавелин указал, что «чюдное Богоявление» — это церковь на подворье Троице-Сергиева монастыря в Московском Кремле, в конце XVI столетия преобразованного в Богоявленский монастырь[120]. Старец Севастьян, первый владелец книги, стоял близко к митрополиту Макарию, ведал его хозяйством. Этот факт, по мнению М. Н. Тихомирова, позволяет предположить, что издание Триоди постной связано с митрополичьим двором[121].

История экземпляра на этом не кончается. В 1661 г. Триодь была изъята из Богоявленского монастыря; известный реформатор, патриарх Никон, вложил ее в излюбленный им Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Об этом свидетельствует запись, которую мы воспроизводим по копии, снятой А. Е. Викторовым: «Лета 7169 года сию книгу положил в дом святого живоноснаго Воскресения Господа Бога и спаса наш (его) Ісуса Христа Новаго Ерсалима на Истре реке смиренный Никон божиею милостию патриарх. А (кто) возхощет ю усвоит яко Ахав сын Хормоев или утаит якоже Ананья и Сапфира, да отымет от него Господь Бог святую свою мать...»[122] Далее следует заклятие патриарха Никона.

Следующая вкладная датируется 1594 г. Это запись на экземпляре из собрания Егорова. Сохранилась она плохо — на многих листах частично заклеена и вытерта: «Лета 7102 (дата повторена на двух листах: 1-м и 2-м) месяца марта в 4 день... положил... на свое здравие и по своих... родителех, а кто... сию книгу возмет из... никакими хитростьми... из церкви ее не вынести... а кто сию книгу из дома... а тому бог судит»[123].

На том же экземпляре есть и более поздняя запись, сделанная в 1612 г. Сохранилась она плохо. Запись гласит: «Лета 7121 году, месяца октября в 1 день... иконово ряду, а взят за нее полтора... положил к великомученику Георгию... в Малоярославец на торговище... Притыньскому, а пели бы...»[124] Имеется и третья запись, датированная 6 ноября 1612 г.[125] Установить ее текст мы затрудняемся. В XVIII в. книга принадлежала пошехонскому купцу Федору Алексееву Пермякову, о чем свидетельствует запись на обороте последнего листа.

В 1595 г. была написана вкладная на толстовском экземпляре Триоди. Гласит она следующее: «Лета 7104 году ноября в 11 день положил сию книгу Треодь постную к шествею святаго духа к Покрову святей богородицы и святаго блаженнаго Якова Боровицкого монастыря Курач Дметреевич Губкинин по своих родителей по отце по Дметрее и по жене своей Стефаниде» [126].

Книгохранитель монастыря также оставил свою запись: «Сия книга глаголемая Треодь посная печатная Ново-Духовского монастыря и святаго праведнаго Иякова Боровцхкого чудотворца» [127]. В том же экземпляре — еще одна неоконченная запись, датированная 3 февраля 1651 г.

Следующая запись XVI столетия — на экземпляре А. И. Кастерина, поступившем в ноябре 1874 г. в собрание Московского Публичного и Румянцевского музеев. Запись точно не датирована: «...Триодь постную дал в дом великаго чюдотворца Николы Стороженской монастырь на Ладожском озере царьствующаго града Москвы великия соборныя апостольския церкви пречистыя богородицы честнаго и славнаго ея Успения ключарь Федор Елеуферев сын Протопопов по своих родителех по отце своем благовещенском протопопе Елеуфери во иноцех Еуфимии и по брате своем Петре и по своих родителех в вечный поминок доколе мир вселенней стоит и святая обитель сия» [128].

Запись снова вводит нас в круг близкого к царю кремлевского духовенства. Мы уже познакомились с митрополичьим ключником Севастьяном, обладателем одного из экземпляров безвыходной Триоди постной. Теперь перед нами другой владелец — ключник Успенского собора в Московском Кремле — Федор Елеуферьев сын Протопопов. Можно предположить, что книга принадлежала еще его отцу — протопопу Благовещенского собора — домовой церкви московских царей.

К концу XVI — началу XVII в. Т. Н. Протасьева относит недатированную запись на щаповском экземпляре. Сохранились лишь обрывки записи: «...Белегостицкий манастырь... келаре старъце при Исае и при свещенике Васия... им поминати родите...» [129] Здесь упоминается Белогостицкий монастырь Ярославской губернии, основанный в XV в.

В самом начале XVII столетия была сделана первая запись на экземпляре, принадлежавшем Московской Синодальной типографии. Говорит она о продаже книги в июне 1611 г.: «...Треодь посную... Васильев сын продал, а дал полтретья рубли да и руку приложил лета 7119 году месяца июня в 3 день» [130].

Интересны сведения о цене книги. Географического указания, к сожалению, нет. Но оно содержится в следующей записи, датированной 1628 годом: «Лета 7137 году сентября в 10 день приложили сию книгу Треодь посную в дом пречистыя богородицы Казанския прихожане. А дано за нее полтора рубли. А подписал книгу сию положили сию книгу Треодь постную Березн... волости... Богдашко Матвеев сын Кожевников... Сава да Парфен Ермохины...» [131]

Та же церковь упоминается и в записи, датированной несколькими месяцами позже, а именно февралем 1629 г.: «Лета 7137 году февраля в 30 (так!) день куплена сия книга Треодь постная миром к церкви пречистой Богородицы Казанской при попе Богдане Иванове сыне, да при попе Клименте Иванове сыне. А дана сия книга Треодь полтора рубли. Да в сию книгу Треодь посную и цветную прикладу приложил Первой Деменьтев сын» [132]. Запись, по-видимому, была сделана самим попом Богданом. Он же увековечил на страницах книги следующее событие: «А собирал в сию книгу деньги поп Богдан Иванов сын Попов... по 3 деньги». Позднее (а может быть, и ранее) книга была дана в «Юревце поволском на посаде в дом Воскресения Христа бога нашего» [133].

На саратовском экземпляре — запись 13 марта 1642 г. о продаже книги «покровскими соборянами».

Не датированную запись, относящуюся скорее всего к первой половине XVII в., находим в одном из экземпляров Государственной библио-

теки СССР им В. И. Ленина. Она гласит: «Книга Триодь посная Спаса Боголепного Преображения и святых чудотворцев благолепных князей Феодора, Давыда и Константина» [134]. В библиотеку Московского Публичного и Румянцевского музеев эта книга поступила из собрания Ярославского архиерейского дома [135]. В связи с этим вполне вероятна справедливость предположения Т. Н. Протасьевой, что упоминаемый во владельческой записи «Спас Боголепного Преображения» — это Спасский монастырь в Ярославле.

Запись XVII в. имеется и на львовском экземпляре: «Сия книга села Никольского церкви Николая Чудотворца четыредесять...» [136]

Весьма интересна запись на экземпляре И. Н. Царского, относящаяся к концу XVII столетия. Она свидетельствует о том, что этот экземпляр находился в руках у Петра I: «Сия книга глаголемая Треоть худая и старая государю царю и великому князю Петру Алексеевичу» [137].

М. Н. Тихомиров, анализируя вкладные записи безвыходной Триоди постной, утверждал, что книга была распространена в средней полосе России. Мы не видим оснований для такого ограничения. Легко понять, что сохранение экземпляров с определенными вкладными в известной мере случайно. Кроме того, описанный нами экземпляр ЦГАДА уже в начале XVII столетия находился в Казанской епархии.

Общее описание. Опишем внешние признаки Триоди постной. Задача максимально облегчается, ибо общее описание издания давали А. Е. Викторов, И. П. Каратаев и Т. Н. Протасьева. Варианты набора, количество строк на полосе, листовая формула и высота шрифта указаны А. С. Зерновой [138]. Вместе с тем остается ряд не изученных еще моментов: формат и пропорции набора, вязь, ломбарды, шрифты.

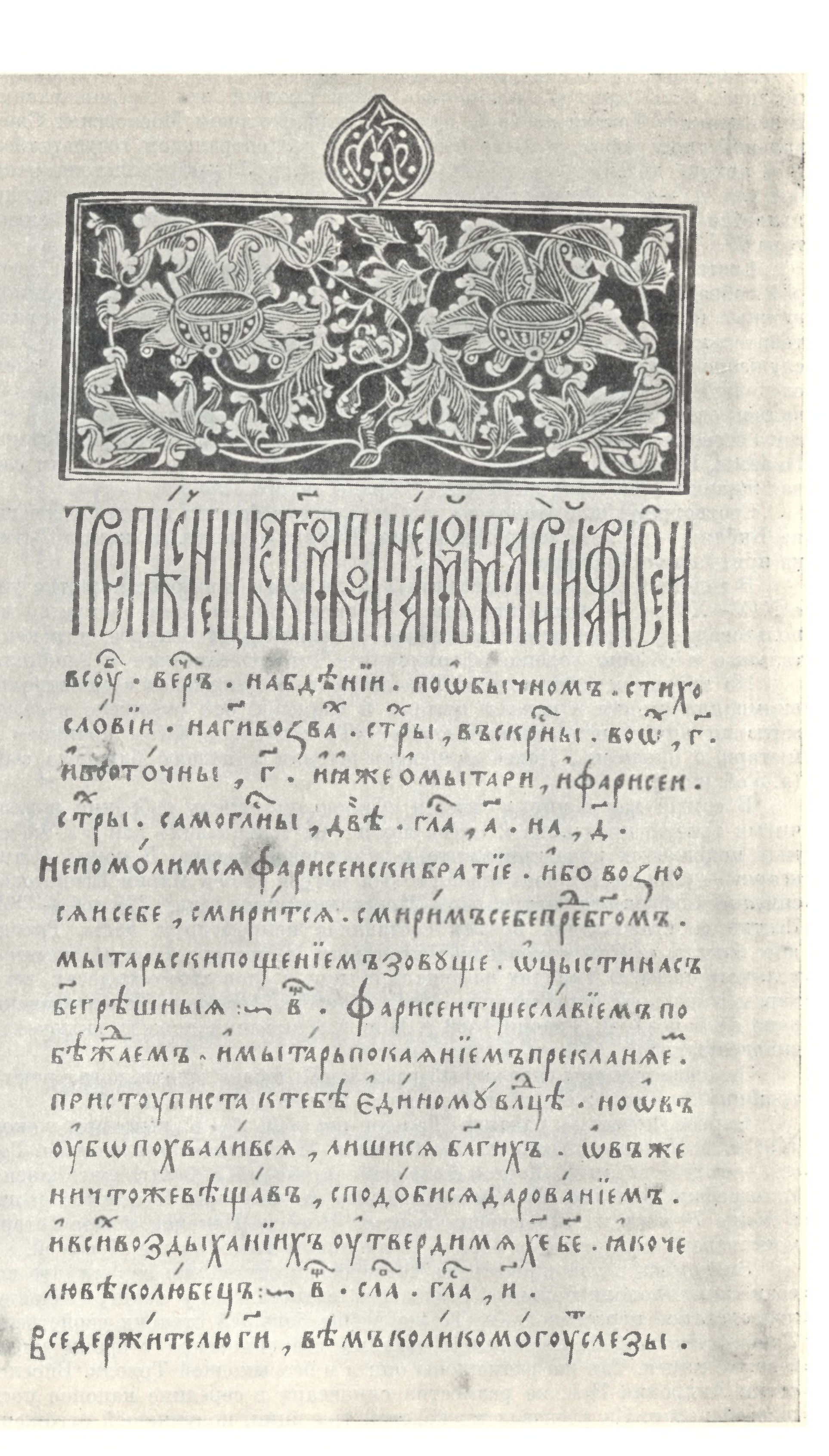
Триодь постная отпечатана в лист. Формат полосы определить затрудняемся: все известные нам экземпляры, как и большинство других первопечатных изданий, сильно и неоднократно обрезаны. Тетради составлены из четырех односгибных листов. Каждая тетрадь, таким образом, содержит восемь листов, или 16 страниц. Есть исключения: две из 52 тетрадей имеют всего по четыре листа [139]. Помета сигнатур кирилловскими цифрами начинается с 13-й и кончается 49-й тетрадью. Сигнатуры проставлены посередине нижнего поля на первой полосе каждой тетради.

Проставлена в книге и нумерация листов, также кирилловскими цифрами. Она идет в два счета: сначала перенумерованы 396 листов, затем нумерация начинается снова с единицы и насчитывает 19 листов. В порядке листов сделана ошибка: числа с 320 по 329 пропущены и после листа 319 сразу же идет лист 330.

Формат полосы набора: 220 × 111 ÷ 122 *мм*. На полосе, как правило, 25 строк. Высота десяти строк 83 *мм*.

Помета сигнатур, как уже отмечалось выше, начинается с 13-й и кончается 49-й тетрадью. Здесь нам придется внести небольшую поправку в сведения, сообщаемые всеми книгоописателями — от И. П. Каратаева до А. С. Зерновой. В нумерации сигнатур имеется пропуск — не пронумерована тетрадь 16-я, на первом листе которой проставлена лишь пагинация — 121.

Есть еще одно важное обстоятельство, не замеченное ни одним из исследователей. Все недостающие сигнатуры, а именно 2-я — на л. 9, 3-я — на л. 17, 4-я — на л. 25, 5-я — на л. 33, 6-я — на л. 41, 7-я — на л. 49, 8-я — на л. 57, 9-я — на л. 65, 10-я — на л. 73, 11-я — на л. 81, 12-я — на л. 89 и, наконец, 16-я — на л. 121 — все эти сигнатуры проставлены от руки. Сделано это, несомненно, в самой типографии, еще до подборки и до брошюровки книги. Рукописные сигнатуры мы видели во всех известных нам экземплярах Триоди постной. Правда, на некоторых из листов сигнатуры обрезаны. Но это лишь доказывает тезис. Сигнатуры в типографии ставились очень низко и при переплетении книги обрезались. Так, в экземпляре ЛБ № 3913 сохранились сигнатуры 2, 6, 7, 8, 11, 12 и 16-я. На л. 73 видна лишь верхняя часть обрезанной сигнатуры 10.

всоу. вер. на бдѣніи. по ωбычномъ. стихо
словіи. на Ги возва. стры, въскрны. вос, г.
и восточны, г. и нажє о мытари, и фарисеи.
стры. самоглны, двѣ. гла, а. на, д.
Не помолимсѧ фарисейски братїє. ибо возно
сѧи себе, смиритсѧ. смиримъ себе пред бгомъ.
мытарьски пощенїемъ зовуще. ωщисти нас
бже грѣшныѧ: — в. Фарисеи тщеславїемъ по
бѣждаемъ. и мытарь покаѧнїемъ преклонѧе.
приступисте к тебѣ єдиному влцѣ. но ωвъ
оубω похвалисѧ, лишисѧ блгихъ. ωвъ же
ничто же вѣщавъ, сподобисѧ дарованїемъ.
и в сих воздыханїихъ оутверди мѧ хе бе. ꙗко че
ловѣколюбецъ: — в. сла. гла, и.
Вседержителю ги, вѣмъ колико могоут слезы.

Триодь постная. Начальная полоса 1-го издания

Допустим, что сигнатуры проставлены владельцами книг значительно позднее. Есть пример, полностью исключающий это предположение. В экземпляре Триоди постной, ранее принадлежавшем Московской Синодальной типографии, а ныне находящемся в Центральном государственном архиве древних актов[140], 5-я тетрадь (лл. 33—40) вплетена после 6-й (лл. 41—48). Между тем на 6-й тетради, которая в этом экземпляре является пятой по счету, стоит, как и следовало предполагать, сигнатура 6.

Состав. Триодью постной называется богослужебная книга, в которой собраны молитвословия, предназначенные для пения в церкви в подвижные праздники, предшествующие пасхе. Это так называемые приготовительные дни к великому посту и сам великий пост. Столетия богослужебной практики выработали непререкаемые каноны, которым свято следовала церковь. Каждый день был размечен и для каждого предназначались свои молитвословия. В разные дни великого поста отмечалась память всевозможных святых — великомученника Федора Тирона, Григория Паламы, Иоанна Лествичника, Андрея Критского и т. д. На все эти случаи жизни в Триоди постной были собраны молитвословия.

Соответствующие чтения не изобретались, а брались преимущественно из Библии — из книг пророков Исаии, Иоиля, Захарии, из книги Бытия, из притч царя Соломона.

В великорусском книгописании Триодь постная широко известна уже в XIV—XV вв.[141] Были эти книги и ранее. Однако они постоянно использовались в церковной практике — изнашивались быстрее, чем капитальные и обычно хорошо оформленные Четвероевангелия и Апостолы.

По традиции безвыходная Триодь постная открывается молитвословиями для чтения в неделю мытаря и фарисея. Это отражено в самом заглавии книги, исполненном вязью: «Трепеснець с богом починаем о мытари и фарисеи». Далее помещены чтения в неделю блудного сына (л. 5 об. и сл.) и т. д.

В самый конец книги отнесен «Синоксарь сиречь събрания в нарочитыя триодю праздник...». Здесь помещены «синоксари» для тех же самых подвижных праздников, что и в основном тексте. В конце «Синоксаря» — «Житие и жизнь преподобныя матере нашея Марии Египетской, списано Софронием, патриархом Иерусалимским» (лл. 376 об.— 382). Житие со стародавних времен составляло непременную часть Триоди, ибо память святой отмечалась «стоянием» в четверг «пятой седмицы» великого поста. В Триодях помещали обычно и «повесть» о чудесах, «егда персы и варвары царьствующий град облегоша бранию». Такое название дано ей в поздней Триоди 1589 г. В нашем издании повесть включена в синоксарь пятой субботы великого поста.

Завершает книгу справочный раздел: «Подобает ведати, когда поются троичны...»,— снабженный собственной пагинацией (лл. 1—19).

Первое печатное издание Триоди постной было выпущено около 1491 г. в Кракове Швайпольтом Фиолем. Московская безвыходная Триодь — второе издание. Третье было напечатано в 1561 г. в венецианской типографии Виченцо Вуковича Стефаном из Скутари. Четвертое вышло в конце 70-х гг. из типографии дьякона Кореси. Наконец, пятое (второе московское) напечатано в 1589 г. Андроником Тимофеевым Невежей.

Знакомясь с узкошрифтным Четвероевангелием, мы видели, что всевозможные дополнительные разделы к евангельскому тексту зачастую подвергались перестановкам. То же в еще большей степени свойственно Триоди постной. В краковском издании все синоксари собраны вместе в конце книги. Так же размещены они и в безвыходной Триоди. Впоследствии Андроник Невежа разместил синоксари в середине канонов после шестой песни. Он следовал московской традиции, получившей отражение во многих списках[142]. Тот же порядок удержался в позднейших изданиях.

По содержанию безвыходная Триодь сильно отличается от издания 1589 г. Нет здесь, в частности, так называемых «Марковых глав» или

[illegible]

В сбу. веч. на бдѣнии. по обычном сти
слові. на ги возва. стры, воскрны. вос г.
и восточны, г. и иже о мытари, и фарисеи.
Стры. самогласны, два. первую, повтори. Гл а
Не помолимся фарисейски братие. ибо возно
сяй сам себе, смирится. смиримся себе пред бгом.
мытарьски пощением зовуще. очисти ны бже
грешныя. Тот. фарисей тщеславием
побежаем. и мытарь покаянием преклоняем.
приступиста к тебе едином влдце. но ов
убо похвалився, лишися благих. ов же
ничтоже вещав, сподобися дарований.
и в сих стенаниих утверди ны, хе бе яко
человеколюбец. Слава. Гл а, и
Вседержителю ги, вем колико могут слезы.

Триодь постная. Начальная полоса 2-го издания. По факсимильной копии из архива А. Е. Викторова. ОРЛБ

извлечений из церковного устава — инструкций священнику, как править службы.

Во всех этих отношениях безвыходная Триодь постная близка к краковскому изданию 1491 г. Едва ли не оттуда пришел в нее и своеобразный знак препинания — «стишица»,— употребляемый вместо «большой точки».

Отличительные особенности безвыходной Триоди и ее близость к краковскому изданию побудили многих исследователей посчитать издание не московским. Однако уже А. Е. Викторов в своей неопубликованной работе с непреложностью установил, что язык безвыходной Триоди близок к московскому изданию 1589 г. и весьма далек от краковского и венецианского изданий [143]. Проведенное им текстологическое исследование авторитетно и точно; оно подкреплено наглядными примерами.

Изучение текста позволило А. Е. Викторову сделать вывод: «...для издателей Постной Триоди 1589 г. служила образцом, а может быть, и оригиналом Постная Триодь не краковская, и не венецианская, и не рукописная, а именно печатная, изданная также в Москве прежде московского первопечатного Апостола».

Вывод бесспорен в той его части, которая касается московского происхождения безвыходной Триоди. Он сомнителен, когда речь идет об использовании этой Триоди в качестве оригинала для издания 1589 г. Скорее всего у печатников анонимной типографии и у Андроника Тимофеева Невежи были в руках два списка книги, различные по редакции, но одного происхождения.

Полиграфическое оформление текста безвыходной Триоди постной обнаруживает неопытность типографа. Колонтитулов, обычных в последующих изданиях, здесь нет. Поэтому отыскать нужный раздел труднее. Начало недельных чтений печатник выделяет киноварью, которой отпечатаны заголовки. Андроник Невежа в этом случае ставил заставки.

Киноварью отпечатаны и заголовки чтений внутри разделов: «От пророчества Исаина чтения», «От притчеи чтение» и т. д. Неопытность типографа сказалась и в том, что он не выделяет заголовков отдельной строкой, чаще всего печатая его в подборку с последней фразой предыдущего чтения. В некоторых случаях заголовок помещен в самом конце страницы, а чтение начинается с другой (л. 85 об. и др.).

Неопытность мы видим и в том, что киноварными ломбардами подчеркнуты первые строки не недельных разделов, а подчиненных им по структуре внутринедельных чтений.

Первое и второе издания. В процессе изготовления Триоди постной, после того как бóльшая часть тиража уже была отпечатана, первопечатники сочли возможным и необходимым внести в текст книги ряд изменений. Варианты набора вообще зачастую встречаются в первопечатных изданиях. Однако в данном случае варианты настолько многочисленны и основательны, что представляется возможным говорить о двух изданиях книги.

К великому сожалению, нам известны лишь экземпляры первого издания. Единственный экземпляр второго издания в свое время находился в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре. Собрание монастыря поступило в Государственный Исторический музей. Однако интересующей нас книги в музее нет.

А. Е. Викторов в 70-х гг. прошлого века снял факсимильную копию первой страницы воскресенского экземпляра, предназначая ее для своего труда о безвыходных изданиях [144]. Одновременно он отметил карандашом некоторые из разночтений в экземпляре Румянцевского музея [145]. Таковы те скромные данные, которыми мы можем пользоваться, говоря о двух изданиях Триоди постной.

Одним из важнейших усовершенствований, если судить по первому листу книги, было введение индексации на полях — по образцу узкошрифтного Четвероевангелия. Продолжено ли это нововведение и на

остальных листах, мы не знаем. А. Е. Викторов не упоминает об этом.

Из 15 строк первого листа перебраны 12. Ряд исправлений касался редакции текста. Так, в 13-й строке в словосочетании «и в сих воздыханиихъ» было поставлено другое слово — «стенаниихъ». Введены указания для священника о порядке чтений: в четвертой строке — «Первую, повторим», в восьмой — «Тот же». Чтобы внести дополнение в 8-й строке, пришлось перебрать 7—9-ю строки. Наборщик остроумно вышел из трудного положения. Он экономит место тем, что выносит над строкой окончания с «ером». «Ер» в этом случае пропадает. Вынесены окончания слов «насъ» в 7-й строке и «побеждаемъ» — в 9-й.

Характерны исправления орфографического плана. В первом издании обычны, как и в узкошрифтном Четвероевангелии, окончания «ги», «ки», «хи» — «фарисеиски», «мытарьски». Второе издание принимает написание «фарисеискы», «мытарьскы», что отражает тенденцию к архаизации, которая особенно сильно проявилась впоследствии — в среднешрифтном Четвероевангелии.

Более архаично и написание «Мѵсеи» (через ижицу) во втором издании вместо «Моисеи» — в первом (л. 8, строка 5).

А. Е. Викторов отмечает, что значительные изменения текста имелись на лл. 1, 8, 154 и 159 второго издания. В экземпляре ЛБ № 3913 разночтения отмечены на лл. 8, 8 об., 67, 69, 70 и некоторых других.

Надо надеяться, что последующие изыскания откроют экземпляр второго издания. Только тогда мы сможем сколько-нибудь подробно судить о характере исправлений, предпринятых первопечатниками.

Бумага. Как и узкошрифтное Четвероевангелие, безвыходная Триодь постная напечатана на французской бумаге. Водяные знаки изучались А. А. Гераклитовым, А. С. Зерновой и Т. Н. Протасьевой. Были обнаружены следующие знаки.

1. Перчатка с короной над пальцами (Лихачев, № 2859, 2860; Брике, № 10942). 1551—1555 гг.
2. Перчатка с короной над пальцами и буквой «Р» на ладони (Лихачев, № 3450; Брике, № 11039). 1542—1564 гг.
3. Большая перчатка с короной над пальцами (Брике, № 11393). 1558 г.
4. Перчатка с короной над пальцами и рожком на ладони (Лихачев, № 3449; Тромонин, № 349, 350). 1564 г.
5. Перчатка со звездой над пальцами и с лилией на ладони (Тромонин, № 351, 688). 1564 г.
6. Сфера, увенчанная пятиконечной звездочкой (Брике, № 13996; Тромонин, № 646, 1318). 1531—1564 г.
7. Сфера, увенчанная шестиконечной звездой (Брике, № 13995; Тромонин, № 666). 1550—1564 гг.
8. Сфера с литерами «I» и «В» по сторонам и с лилией в навершии (Брике, № 14056; Тромонин, № 790). 1548—1564 гг.
9. Рука, держащая сферу (Лихачев, № 1667; Брике, № 13994; Тромонин, № 1258). 1536—1553 гг.
10. Кувшин с одной ручкой и литерами «РВ» (Брике, № 12717, 12786). 1549—1556 гг.
11. Кувшин с двумя ручками, на поддоннике (Лихачев, № 1779; Тромонин, № 670). 1555—1567 гг.
12. Кувшин с двумя ручками, без поддонника (Брике, № 12903). 1553—1564 гг.
13. Кораблик (Брике, № 11973, 11974; Лихачев, № 1864, 1865, 3455, 3456, 3457; Тромонин, № 361, 362). 1552—1566 гг.

Сводка знаков, сделанная нами главным образом по данным А. С. Зерновой и Т. Н. Протасьевой, далеко не исчерпывающая. Так, А. С. Зернова указывает, что знак «перчатка» встречается в безвыходной Триоди постной в 15 вариантах.

**Исходя из показаний водяных знаков, А. А. Гераклитов датирует издание 1555—1556 гг., А. С. Зернова — около 1556 г. и Т. Н. Протасьева 1552—1553 гг. Мы уже говорили, что датировка по одним лишь филиграням более чем приблизительна. Это приходится повторить и в случае с Триодью постной. Так или иначе, выкладки А. А. Гераклитова и А. С. Зерновой представляются нам более справедливыми. Любопытно, что Т. Н. Протасьева, дающая для Триоди наиболее раннюю дату, не учитывает в своих расчетах показания поздних знаков, приведенных в нашем списке под № 4 и 5 [146].

Чрезвычайно интересно, что многие водяные знаки узкошрифтного Четвероевангелия и Триоди постной совпадают (в нашем списке № 1, 2, 5, 6, 7, 10, 11). Это лишнее доказательство в пользу того, что оба издания вышли из одной типографии, одно вскоре после другого.

Шрифты. Безвыходная Триодь постная отпечатана более мелким шрифтом, чем узкошрифтное Четвероевангелие (10 строк — 83 *мм*). Графика шрифта обладает некоторыми особенностями, подчеркнуть которые необходимо. Первая состоит в применении нескольких начертаний знака «о». Среди них «о» с точкой (в слове «око», например л. 156) и «о» с двумя точками (в слове «очи», лл. 63, 122 об., 283 и др.). А. С. Зернова считает это признаком архаичности шрифта, вспоминая издания Швайпольта Фиоля, где были такие же варианты. Мы не можем согласиться с этим. Известно немало рукописей московского происхождения, относящихся к XVI и даже к XVII вв., в которых имеются знаки «он» с одной и двумя точками.

Буква «р» применена в безвыходной Триоди постной в двух вариантах. Первый из них — с длинным, опускающимся под строку штамбом — обычен для московского полуустава XV—XVI вв. Зато второй вариант — с короткой ножкой, не выходящей за пределы строки,— в московских рукописных книгах не встречается. Обе формы встречаются в пражских изданиях Скорины. Непривычная графика литеры «рцы» не понравилась в Москве. Перебирая текст книги для второго издания, наборщик Триоди везде заменяет второй вариант буквы первым (на л. 1 в строках 3, 5, 10).

Своеобразная особенность шрифта Триоди постной — использование лигатуры «ау», над которой обычно ставится выносное «д» (в словах «радуются», «радующеся» — лл. 58, 243 и др.).

Кроме буквы «р» в двух начертаниях имеются буквы «земля», «т», «ять», «фита», «омега», «у».

По величине очка литеры Триоди постной могут быть сгруппированы следующим образом:

1) без выносных элементов; высота очка 3 *мм*;
2) с нижними выносными элементами; высота очка 4; 6; 7 *мм*;
3) с верхними выносными элементами; высота очка 4; 5; 6; 7 *мм*;
4) с нижними и верхними выносными элементами; высота очка 9 *мм*.

Выносные буквы (высота очка 2—3 *мм*), как правило, отлиты отдельно от литер. Любопытно применение двух форм выносного «т»: под титлом и без него. Архаическую форму под титлом находим, например, в слове «на утрени» (л. 95, строка 6).

По сравнению с узкошрифтным Четвероевангелием, где применены одни лишь строчные буквы, в Триоди постной — великое обилие прописных. Можно выделить прописные буквы трех основных видов, причем в каждом из них имеются знаки одинаковых наименований. Первая группа: «черные» прописные, употреблявшиеся внутри строки после точек и «стишиц». Буквы эти хорошо держат линию шрифта со строчными знаками. Высота очка — около 4 *мм*.

Вторая и третья группы: «красные» прописные, употребляемые для выделения абзацев, чтений и т. д. Вторая группа держит линию шрифта. Третья группа характеризуется тем, что знаки ее выходят за пределы как верхней, так и нижней линии шрифта. Высота очка прописных знаков этих групп 4,5—12 *мм*.

Гравированная на металле заставка Феодосия Изографа, заставка из безвыходной Триоди постной и заставка из Псалтыри 1577 года

Знаков препинания в Триоди также больше, чем в узкошрифтном Четвероевангелии. Новые знаки: двоеточие и «стишица».

Широко применяет типограф Триоди постной всевозможные надстрочные знаки ударения и придыхания, отливая их отдельно от шрифтовых знаков.

Мы видим, что ассортимент шрифтов у печатника Триоди богаче, чем у его предшественников. Это относится главным образом к прописным знакам, а также к ломбардам, которые, по сути дела, являются элементом орнаментики и подробно рассматриваются ниже.

Орнаментика. Орнаментальное убранство безвыходной Триоди постной небогато. Оно ограничивается единственной заставкой (л. 1 — Зерн. 6), под которой расположен узорный заголовок, выполненный вязью. Гравированных буквиц в книге нет. Столь скромное художественное убранство в рукописных Триодях не представляло ничего необычного. Однако печатные издания выполнены богаче. Особенно роскошно второе московское издание книги, выпущенное Андроником Тимофеевым Невежей в 1589 г., где 16 заставок и два инициала. Если обратиться к западным изданиям, то даже в скромной Триоди постной, выпущенной Стефаном Мариновичем в Венеции в 1561 г., — две заставки и несколько гравированных инициалов [147].

О заставке из безвыходной Триоди постной писали А. И. Некрасов и А. А. Сидоров. Первый отметил ее грубое исполнение, а также утверждал, что она исполнена «из немецких зубчатых трав, почти лишенных русской обработки» [148]. Впоследствии А. И. Некрасов еще раз подчеркнул зарубежный характер орнаментики: «Мы имеем дело с несомненной копировкой иноземного образца без особых его каких-либо осмысленных изменений» [149].

А. А. Сидоров, склоняясь к тому, что Триодь постная появилась после узкошрифтного и среднешрифтного Евангелий и Псалтыри, приписывает заставку второму по счету московскому граверу — первым он считает Васюка Никифорова. А. А. Сидоров отмечает, что заставка «выполнена на черном фоне, но не белым, а черным штрихом» [150].

Заставка представляет собой удлиненный прямоугольник (112 × 52 *мм*), контуры которого подчеркнуты рамочкой из двух параллельных белых линий. Сверху в центральной части прямоугольник увенчан узорным навершием (высота 18 *мм*), напоминающим луковицы церковных глав. Прямо под луковицей — изогнутый сучковатый ствол, обрубленный сверху. От ствола исходят две тонкие белые линии, изображающие ветви. Они идут влево и вправо, поднимаются вверх, затем снова направляются к центру. Ветви заканчиваются стилизованными бутонами, напоминающими чаши. Ветви обильно обрамлены причудливо изогнутыми, многолопастными листьями.

Столь интенсивного черного цвета, как в нашей заставке, мы не находим ни в одной из заставок первопечатных изданий. Насыщенное цветовое пятно в верхней части полосы сразу привлекает внимание. Мы не можем согласиться с утверждением о «грубости» заставки. Проистекает оно из того прискорбного обстоятельства, что хороших и полных оттисков почти не сохранилось. В большинстве известных экземпляров Триоди постной первые листы с заставкой истрепаны и запачканы; недостающие части оттиска воспроизведены от руки тушью. Но мы можем назвать и один превосходно сохранившийся оттиск [151]. Он оставляет незабываемое впечатление.

Вопреки мнению А. И. Некрасова, видевшему в заставке Триоди постной исключительно зарубежные мотивы, можно указать отечественный прототип ее — гравированную на металле заставку Феодосия Изографа. Гравер Триоди еще неуверенно владеет резцом. Да и материал не позволил ему скопировать заставку Феодосия во всем ее композиционном богатстве. Сходство очевидно в сучковатом стволе, который, однако, не продолжен, как у Феодосия, а неестественно обрублен. Близки по кон-

фигурации стилизованные бутоны, расположенные в обоих случаях симметрично относительно центральных вертикальных осей заставок.

Впоследствии в московской старопечатной орнаментике — у Андроника Тимофеева Невежи — встречаются более близкие копии заставки Феодосия (Зерн. 112 и 179)[152]. Искусство Феодосия Изографа питало наших первопечатников — они постоянно обращались к его животворному источнику, черпали здесь отдельные мотивы, заимствовали композиционное построение и элементы орнаментальной разделки.

Мы можем представить, как гравер положил перед собой заставку Феодосия и начал копировать ее. Он следовал металлографским приемам — там, где на заставке Феодосия была черная линия, вынимал штихелем борозду. Фон же оставил совершенно нетронутым. И вот результат. Ксилография, несомненно, выполнена в металлографской технике. Так проработана поверхность ствола, заштрихована верхняя часть бутонов. О том же говорят извивающиеся белые линии ветвей. Металлографскими приемами выполнены и рамки, ограничивающие изображение.

Что же касается «черного» штриха, которым отделана поверхность листьев, то совершенно такой же штрих есть и на заставках узкошрифтного Четвероевангелия. В этом отношении техника первых безвыходных изданий аналогична.

Сюжет же, как мы уже говорили, близок Андронику Тимофееву Невеже. Здесь опять-таки придется дать коррективы к высказанным в литературе утверждениям, что мотивы заставки Триоди постной позднее в старопечатной орнаментике не встречаются.

Отметим, что очень плохой и, по-видимому, пробный оттиск заставки находится в рукописных «Пандектах» Никона Черногорца — это установлено Т. Н. Протасьевой[153]. Там же есть оттиск еще одной заставки — в известных нам первопечатных изданиях такая заставка не встречается. О ней мы расскажем ниже.

Ломбарды. Скромность убранства Триоди и отсутствие гравированных буквиц в какой-то мере восполняется обилием ломбардов. Все они напечатаны киноварью и, как и прописные киноварные литеры, вынесены на корешковое поле. Этим нарушена левая линия набора.

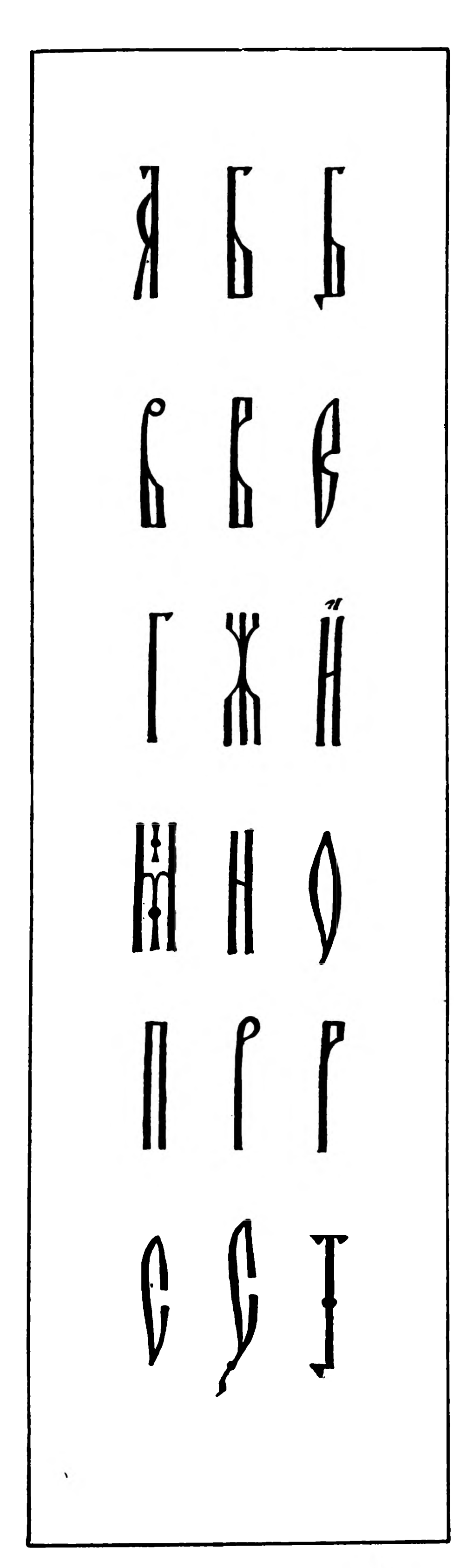
Высота очка всех ломбардов одинакова — около 28 *мм*. По росту они занимают примерно четыре строки. Репертуар их ограничен — 18 начертаний 13 различных наименований. Ломбард «В» имеется в трех вариантах, ломбарды «Б» и «Т» — в двух.

Применение ломбардов строго регламентировано — ими начинаются отдельные песнопения. Чаще всего применены ломбарды «С» — 27 раз и «Т» (первый вариант) — 18 раз. С другой стороны, ломбарды «А» (л. 256), «В» (третий вариант — л. 343 об.), «Ж» (л. 240 об.), «М» (л. 235 об.) и «Т» (второй вариант — л. 376 об.) использованы всего лишь по одному разу.

Отдельные буквы имеют несколько вариантов; это можно было бы объяснить тем, что одноименные ломбарды встречаются на полосах, которые печатались одновременно, например полосы 1-я и 8-я об., 2-я и 7-я об. и т. д. Однако такое объяснение уместно далеко не всегда. Так, например, второй вариант ломбарда «Т» появляется лишь на л. 376 об., в то время как первый вариант той же литеры был последний раз употреблен на л. 255. Вместе с тем три варианта ломбарда «В» — явное следствие весьма частого их употребления в разделе «Синоксарь».

Укажем полистное применение каждого из трех вариантов ломбарда «В»: первый вариант — лл. 62 об., 350, 356, 360, 363 об., 370, 371 об., 393 об.; второй вариант — лл. 98, 148, 355, 358 об., 366, 367 об., 375, 392; третий вариант — л. 343 об.

Графика ломбардов Триоди постной своеобразна и, надо сказать, имеет мало общего с манерой, сложившейся в Московском государстве к концу XV столетия и свойственной как московским, так и новгородским рукописям. Характерны извилистые линии, исходящие из нижнего

Ломбарды Триоди постной

края литеры, причем одна из них закручивается кверху по спирали, а вторая круто идет вниз. Иногда можно наблюдать и третью кривую, идущую кверху. Такие ломбарды применялись и в рукописях: назовем Четвероевангелие новгородского письма из собрания архимандрита Амфилохия [154], знаменитое Четвероевангелие 1531 г. Исаака Бирева [155].

В ломбардах Триоди постной извилистую линию, отходящую от ствола литеры вниз, нам привелось наблюдать лишь однажды — в ломбарде «Б» на л. 194 экземпляра Московской Синодальной типографии [156]. При сравнении с другими экземплярами выяснилось, что эта линия искусно воспроизведена от руки.

Штрихи ломбардов прямолинейны и строги. Некоторые из них напоминают вязь в изданиях Швайпольта Фиоля. Особенно близкие аналогии в них находит ломбард «В» (первый вариант) с закругленной верхней частью и пятиугольной нижней, причем обе части соединены прямой. Похож на фиолевские и ломбард «Ж» из Триоди постной (л. 235 об.) [157].

Особенности полиграфической техники. С полиграфической точки зрения безвыходная Триодь постная во многом несовершенна. Это побуждает нас поставить ее непосредственно за узкошрифтным Четвероевангелием. Как и в этой книге, на полях Триоди можно найти немало оттисков пробельного материала. В дальнейшем отмарывание пробелов встречается исключительно редко.

Изучая оттиски, можно установить, что кегль шрифта Триоди был равен 8 *мм* (20 пунктов). На этот кегль отливались базовые строчные литеры без нижних выносных элементов, а также шпации. Нами зарегистрировано применение шпаций толщиной от 1 до 6,5 *мм* [158]. Марзаны отливались на кегль 5 *мм* и использовались для обкладки полосы. По высоте строчной литеры 3 *мм* приходилось на очко, 4 *мм* — на верхние заплечики и 1 *мм* — на нижние заплечики [159].

Кроме базовых были и литеры другого кегля. Прежде всего это литеры с нижними выносными элементами. Кегль этих литер равен 12 *мм*.

С другой стороны, все шрифтовые знаки (за исключением литер с верхними выносными элементами) отливались не только на базовый, но и на укороченный кегль, равный для литер без выносных элементов примерно 5 *мм*. Применение двух вариантов литер — обычных и укороченных — вытекало из своеобразнейшей техники набора, впервые принятой именно в безвыходной Триоди постной. Эта техника была московским изобретением — ранее мы нигде с ней не встречаемся. Она будет усвоена всеми московскими первопечатниками и их учениками, перейдет границы Московской Руси и станет обычным явлением в Литовской Руси и Румынии.

Рассказывая об узкошрифтном Четвероевангелии, мы упоминали, что в этом издании линия нижних выносных элементов первой строки совпадала с линией верхних выносных элементов второй строки. В Триоди постной — другое. Здесь линия верхних выносных элементов второй строки заходит выше линии нижних выносных элементов первой строки. Условимся называть это явление «перекрещиванием строк». «Перекрещивание» позволило превосходно имитировать внешний облик полосы рукописной книги.

По-видимому, именно к этому стремились первопечатники. В узкошрифтном Четвероевангелии это не удалось. Печатники Триоди постной первыми удовлетворительно справились с задачей.

Эффект достигался, во-первых, тем, что литеры отливались на основной и укороченный кегли, и, во-вторых, тем, что надстрочные знаки отливались отдельно от литер. Набирали строку, по-видимому, первоначально обычными литерами. Затем те литеры, над которыми должны были стоять надстрочные знаки, изымали из набора и заменяли укороченными, а в образовавшийся промежуток вставляли литеру с выносным элементом.

Укороченные литеры ставились в строку сразу в тех местах, над которыми находились нижние выносные элементы предшествующей строки.

Техника набора, как видим, значительно усложнилась. Во многих случаях приходилось специально подгонять литеры одну к другой, делать в них пазы и выемки.

Наборная техника Триоди постной, впоследствии получившая широкое распространение, свидетельствует о самостоятельном освоении технических основ книгопечатания в Москве. Заимствовать где-либо эту технику московские первопечатники не могли.

Ряд важных особенностей имеет и двухкрасочная печать Триоди постной. А. А. Сидоров [160] первым указал, что листы Триоди печатались сначала тем же однопрокатным приемом, с которым мы познакомились при изучении узкошрифтного Четвероевангелия. Затем техника меняется — печать становится двухпрокатной. Но что самое интересное — и это также заметил А. А. Сидоров,— в конце книги техника снова становится прежней — однопрокатной.

А. С. Зернова в своем известном исследовании «Начало книгопечатания в Москве и на Украине» говорит об изменении методов печатания «приблизительно» после десятой тетради, объясняя это тем, что «во время печатания книги произошла какая-то перемена: или мастера научились западному приему, или, вернее, среди них оказался мастер, знавший этот прием» [161]. О возвращении к прежней технике А. С. Зернова умалчивает, за что ее справедливо критиковал А. А. Сидоров [162].

В другой работе А. А. Сидоров снова подчеркивает различие в техниках, причем сравнивает одну из них — двухпрокатную — с приемами Ивана Федорова [163].

Вот, собственно, и все, что сказано по этому вопросу. Чтобы взвесить все «за» и «против» и прийти к какому-либо определенному выводу, необходимо обратиться к самому изданию.

Однопрокатная двухкрасочная печать наблюдается в тетрадях 1—10-й Триоди постной. Тетради 11—43-я — почти три четверти книги — напечатаны двухпрокатным методом. В тетрадях 44—52-й мы вновь встречаемся с однопрокатной техникой.

Когда мы будем знакомиться с широкошрифтными Четвероевангелиями и Псалтырью, мы увидим, что в них типографы применяли печать в два проката с одной формы с первичным оттискиванием красного текста. Техника эта пришла из старых славянских типографий Польши и Черногории, где ее широко использовали. Впоследствии она будет усвоена Иваном Федоровым, а от него перейдет к московским, белорусским и украинским типографам.

В западноевропейской полиграфии едва ли не с первых шагов книгопечатания применялось первичное оттискивание черного текста и двухпрокатная печать с двух форм.

Именно эту технику мы и встречаем в Триоди постной. Это подтверждают многие факты. Прежде всего на тех листах Триоди постной, которые отпечатаны двухпрокатным методом, мы нигде не найдем дублирования отдельных элементов «черных» литер киноварью, что характерно для двухпрокатной печати с одной формы. О печатании с двух форм говорят также многочисленные оттиски «красных» бабашек, занимавших пробельные участки второй из форм. И что наиболее интересно — оттиски эти сделаны поверх «черных» литер [164]. Если бы печатание производилось с одной формы, мы никогда не смогли бы наблюдать ничего подобного. Ведь в общей форме вокруг «красных» литер находятся не бабашки или какой-либо другой пробельный материал, а «черные» литеры.

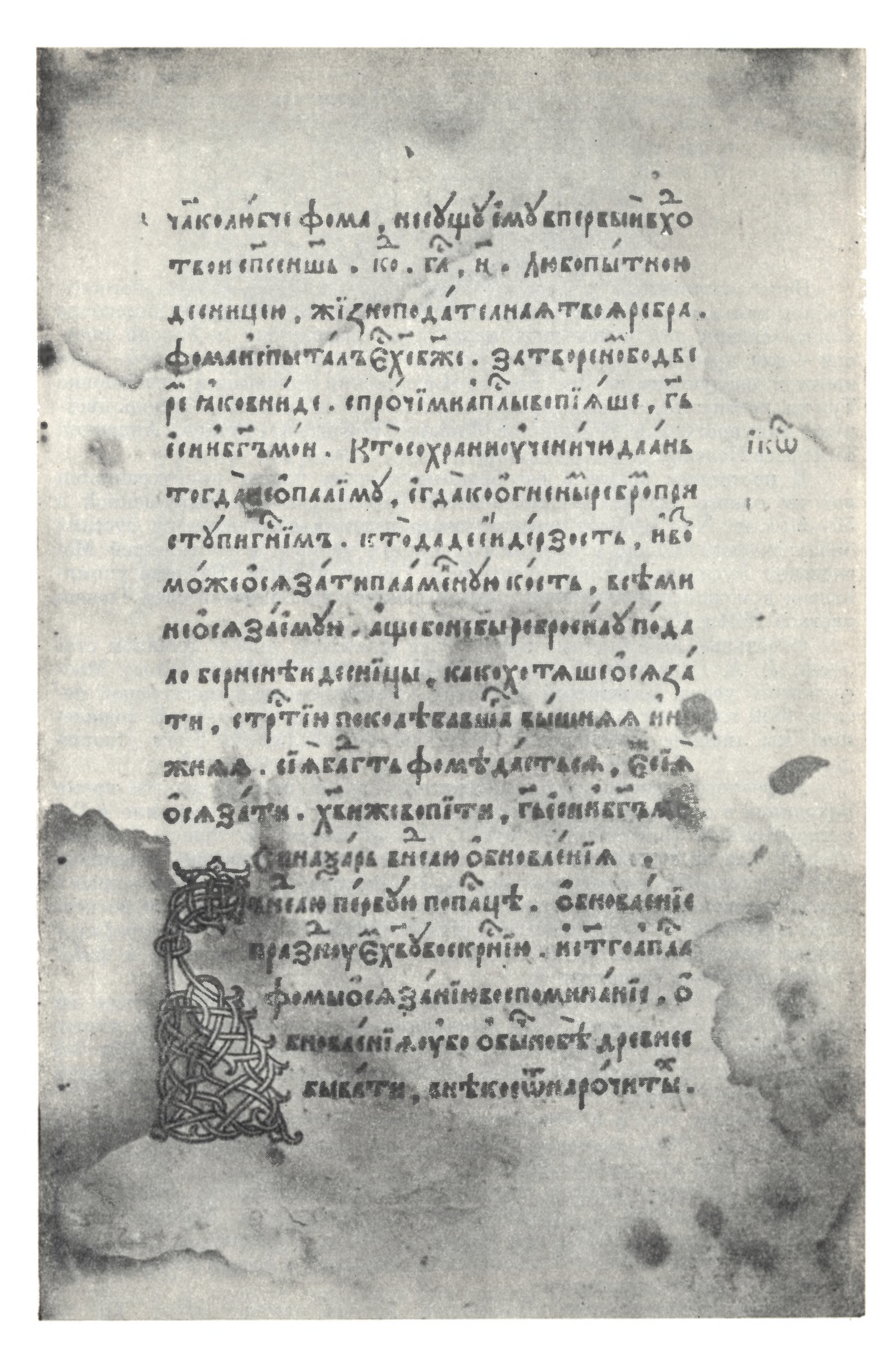
Наконец, третье доказательство. Отпечатки краев «черных» литер, которые широко встречаются в Триоди постной, в свое время помогли нам определить размеры типографского материала. Ныне они будут непреложно свидетельствовать о своеобразном характере двухкрасочной печати. Отпечатки краев «черных» литер пересекают нижние выносные элементы «красных» литер. Это возможно лишь в том случае, если «красные» литеры печатались отдельно.

Последовательность наложения отдельных красок в первопечатных изданиях установить нелегко. Все зависит от того, насколько велика кроющая способность краски. Как правило, черная краска обладает значительно большей кроющей способностью, чем киноварь. Поэтому почти во всех случаях наложения цветов друг на друга кажется, что «красное» находится под «черным».

Анонимная Триодь постная в этом смысле составляет счастливое исключение. Нам удалось обнаружить в рассматриваемом издании несколько вполне очевидных примеров наложения красной краски поверх черной [165].

Уже приходилось отмечать своеобразие и «необычность» Триоди постной в сравнении с другими московскими безвыходными изданиями XVI столетия. Это касалось шрифта, орнаментики, приемов набора и верстки, манеры ставить пагинацию и сигнатуры. Ныне приходится распространить тот же тезис «необычности» на методику двухкрасочной печати.

В заключение отметим, что во многих случаях печатники Триоди постной забывали вторично пропустить лист с отпечатанным «черным» текстом через печатный станок. Неотпечатанный «красный» набор впоследствии вписывали от руки. Это, несомненно, делалось в самой типографии — во многих экземплярах издания, просмотренных нами, записи сделаны одним почерком. Нам не приходилось видеть ни одного экземпляра, в котором бы на месте пропущенной киновари оставалось пустое место.

Триодь цветная. По фотографии из архива А. Е. Викторова. ОРЛБ

А. С. Зернова отмечает пропуски киновари на лл. 139, 140 об., 171 и 174 об. Кроме того, во всех известных экземплярах Триоди постной пропущена и впоследствии вписана от руки прописная киноварная литера «веди» на л. 139[166]. В дополнение к этим сведениям мы можем привести и другие случаи пропуска киновари: лл. 137, 144 об., 153, 153 об., 160, 160 об.[167], 139 и 142 об.[168] и т. д.

ТРИОДЬ ЦВЕТНАЯ

Непосредственным продолжением Триоди постной служит богослужебная книга, именуемая Триодью цветной. И в той и в другой помещены молитвословия для подвижных церковных праздников: в Триоди постной — для праздников, предшествующих пасхе, в Триоди цветной — для пасхи и следующих за нею недель. Славянские типографы, печатавшие Триодь постную, непосредственно вслед за ней выпускали и Триодь цветную. Так поступали Швайпольт Фиоль, Стефан из Скутари, Андроник Тимофеев Невежа.

В настоящее время в разобранных фондах наших книгохранилищ нет ни одного экземпляра московской Триоди цветной, выпущенной в 50—60-х гг. XVI в. Не учитывает этого издания и ни один из русских библиографов. Однако в переписных книгах церквей и монастырей Московской Руси сохранились сведения о Триоди цветной. Издание упоминается в можайских писцовых книгах задолго до выхода в свет Триоди цветной 1591 г.[169]

Отдельные экземпляры книги были известны еще в прошлом столетии. Л. А. Кавелин в 60-х гг. видел в церкви села Покровского, Массальского уезда, Калужской губернии «Пентикостерион московской печати 1550 г.»[170]. Особенный интерес здесь представляет дата. К сожалению, мы лишены возможности проверить справедливость этого утверждения.

Дефектный экземпляр первопечатной Триоди цветной в свое время находился в собрании П. В. Щапова. Собрание в 1888 г. поступило в Государственный Исторический музей, однако экземпляр Триоди передан не был. Где он находится сейчас, никто не знает. К счастью, экземпляр этот был подробно изучен и описан А. Е. Викторовым. Описание вошло в неопубликованную работу археографа, посвященную безвыходным московским изданиям[171]. В архиве Викторова сохранились также литографированная факсимильная копия одной из страниц Триоди цветной и фотография другой ее страницы[172].

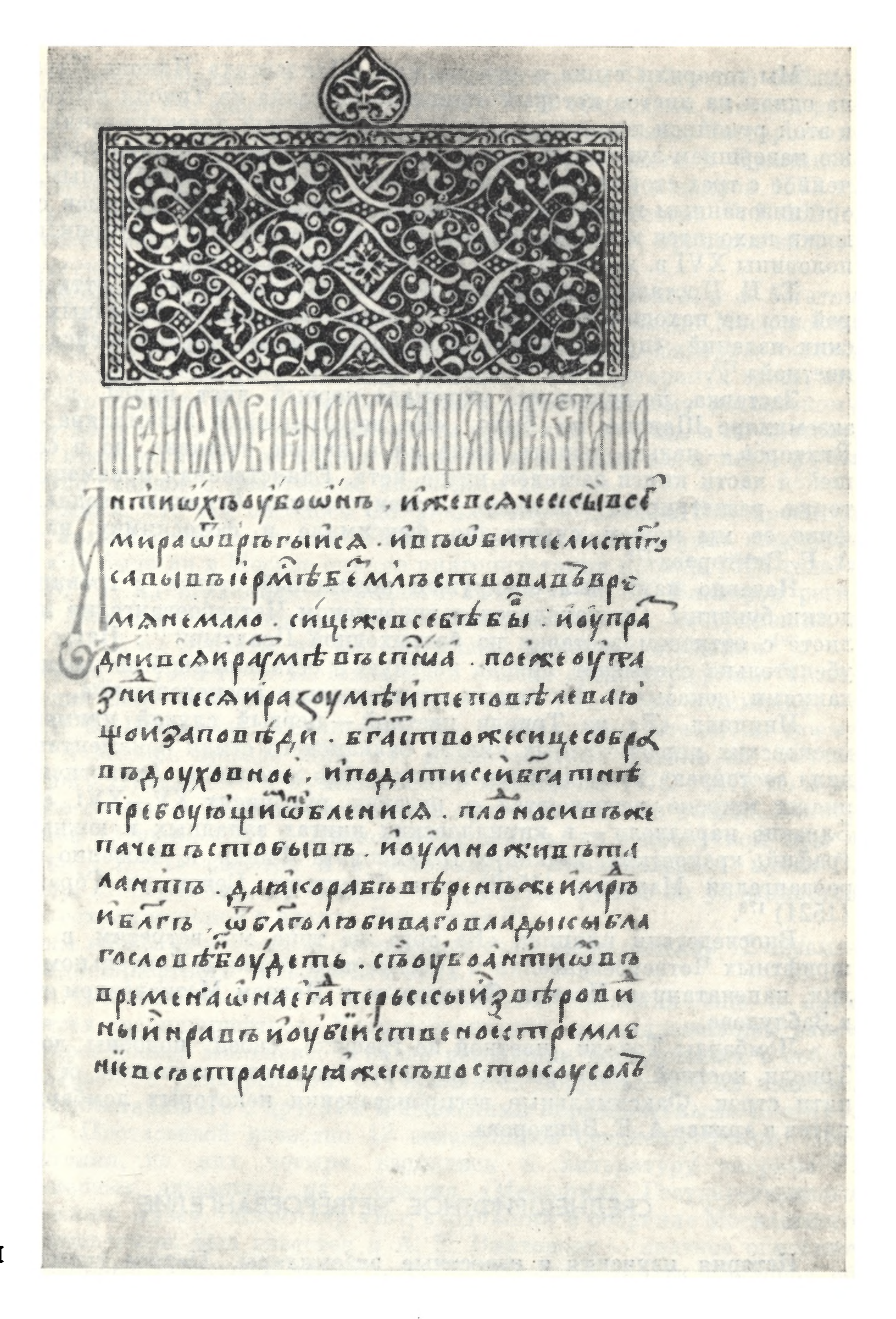
Судя по описанию Викторова, щаповский экземпляр состоял из 36 тетрадей (288 листов), что составляло около половины всей книги. Начинался он 2-й тетрадью, содержащей последние листы службы 6-й недели поста, и оканчивался 37-й тетрадью, содержащей молитвословия для недели св. Фомы.

Синоксари, как и в безвыходной Триоди постной, были вынесены в конец книги. Здесь типограф следовал практике, сложившейся в зарубежных славянских типографиях.

А. Е. Викторов провел сопоставительное исследование текстов щаповского экземпляра и Триодей цветных, изданных в Кракове около 1491 г., в Скутари в 1563 г. и в Москве в 1591 г. По редакции своей щаповский экземпляр близок к московскому изданию и весьма далек от краковского и южнославянского.

По полиграфическому исполнению Триодь цветная выше Триоди постной.

Печатник овладел выключкой строк — это новое достижение московских первотипографов на пути к овладению полиграфической техникой. В технике набора применяется прием «перекрещивания строк», найденный в предыдущем издании. Надстрочные знаки отлиты отдельно от

Гравированная заставка в рукописной книге. ГИМ

литер. Сам шрифт другой,— третий по счету в Москве. Высота десяти строк по факсимильной копии составляет около 103 *мм*. Графика шрифта близка к Триоди постной. Здесь также есть варианты литер «р» и «ять» с укороченным штамбом. Однако штамб укороченного «р» выходит за пределы строки. Варианты с укороченными нижними выносными элементами есть и для литер «ф» и «х».

Шаг к московской традиции был сделан и в пунктуации. Печатник Триоди цветной отказался от «стишиц», столь неумеренно используемых в Триоди постной, и везде заменил их точками.

Орнаментика сохранившейся части книги ограничивалась гравированными инициалами, которых, как помнит читатель, в Триоди постной не было. Во множестве представлены и ломбарды.

Мы говорили выше о рукописных «Пандектах» Никона Черногорца, на одном из листов которых оттиснута заставка из Триоди постной. Есть в этой рукописи и вторая заставка — удлиненный прямоугольник с таким же навершием-луковицей, как и в первой заставке. Среднее поле, ограниченное с трех сторон бордюрной рамкой, заполнено своеобразным, хорошо организованным геометрически-растительным узором [173]. Оттиск с той же доски находится и в «Тактиконе» Никона Черногорца — рукописи второй половины XVI в. из собрания Троице-Сергиевой лавры [174].

Т. Н. Протасьева высказала мнение, что эта заставка, оттиски которой мы не находим ни в одном из известных нам безвыходных московских изданий, «представляет собой орнамент не сохранившейся Триоди цветной» [175].

Заставка, по-видимому, украшала первый лист книги, которого в экземпляре Щапова не было. «По несохранности экземпляра,— пишет Викторов,— нельзя решить, была ли в начале заставка, но в сохранившейся части книги заставок нигде нет». Единственная орнаментика, которую регистрирует Викторов,— гравированные буквицы «веди». О графике ее мы можем судить по факсимиле и фотоснимку из архива А. Е. Викторова [176].

Недавно нами был обнаружен подлинный оттиск с гравированной доски буквицы. Он находится в рукописном Четвероевангелии на одном листе с оттиском заставки из безвыходной Псалтыри [177]. Наша находка убедительно связывает Триодь цветную с остальными безвыходными изданиями, доказывая тем самым ее московское происхождение.

Инициал «В» из Триоди цветной — первый случай применения в московских первопечатных книгах балканского стиля орнаментики. Буквица составлена из перевитых между собою ремешков. Аналогичные инициалы широко встречаются в русских рукописях XV—XVI столетий. Близкие параллели — в кирилловских книгах западных и южных типографий: краковских изданиях Швайпольта Фиоля и особенно в Четвероевангелии Макария (1512) и в Псалтыри Божидара Горажданина (1521) [178].

Впоследствии инициал «В» того же типа мы встретим в широкошрифтных Четвероевангелии и Псалтыри, а также в Учительном Евангелии, напечатанном Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем в 1569 г. в Заблудове.

Ломбарды Триоди цветной по графике своей подобны ломбардам Триоди постной. Размеры их варьируются — они занимают от трех до пяти строк. Факсимильные воспроизведения некоторых ломбардов хранятся в архиве А. Е. Викторова.

СРЕДНЕШРИФТНОЕ ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛИЕ

История изучения и известные экземпляры. Первое упоминание о среднешрифтном Четвероевангелии было сделано в 1836 г. П. М. Строевым в «Описании старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке... Ивана Никитича Царского» [179]. Здесь под № 12 зарегистрировано «Евангелие (напрестольное), без выхода, в лист, 397 листов. Пометы никакой нет». По мнению библиографа, издание напечатано «где-нибудь на юге, в начале XVI века». В приложенных к «Описанию...» «Палеографических снимках» Строев воспроизвел одну из страниц книги (табл. IV, № 5).

Впоследствии упоминания об среднешрифтном Четвероевангелии начинают часто встречаться на страницах указателей старопечатных книг. В 1845 г. тот же Строев регистрирует экземпляр, принадлежавший Обществу истории и древностей российских [180], в 1848 г. В. М. Ундольский — экземпляр, принадлежавший А. И. Кастерину [181]. В 1861 г. И. Каратаев упоминает в своей «Хронологической росписи...» об экземплярах

из собственного собрания, а также из императорской Публичной библиотеки (возможно, это экземпляр Кастерина) [182]. В «Описании славяно-русских книг» И. П. Каратаев регистрирует 8 среднешрифтных Четвероевангелий; впервые упоминаются им экземпляры Публичного и Румянцевского музеев, собрания Хлудова, а также экземпляр со вкладной 1573 г., местонахождение которого нам в настоящее время неизвестно [183]. В 1891 г. А. Родосский описал среднешрифтное Четвероевангелие, принадлежавшее Петербургской духовной академии [184].

Экземпляр среднешрифтного Четвероевангелия имелся и в богатом собрании И. Я. Лукашевича, которое в 1870 г. было куплено Московским Публичным и Румянцевским музеями. В 1873 г. А. Е. Викторов описал этот экземпляр в очередном «Отчете» музеев [185]. Он подчеркнул здесь, что издание «по шрифту и орнаментам близко к первопечатному московскому Апостолу 1564 г. и к первым московским изданиям вообще, а по составу, тексту и правописанию (за исключением юсов, которых здесь нет) почти совершенно сходное с Евангелием виленским 1575 г.».

Напомним, что это писалось до знаменитого доклада Викторова на Третьем археологическом съезде в Киеве. Таковы были первые подступы к теме: «Не было ли в Москве опытов книгопечатания прежде 1564 года?»

В 1877 г. на страницах очередного «Отчета» А. Е. Викторов регистрирует экземпляр среднешрифтного Четвероевангелия, поступивший в музеи в обмен на дублеты из Петербургской духовной академии [186].

Наконец, в 1908 г. А. И. Миловидов описал среднешрифтное Четвероевангелие Виленской Публичной библиотеки [187]. На этом экземпляре — запись А. Е. Викторова: «Евангелие без выхода, напечатано, по моему мнению, в Москве прежде 1564 г.». Далее следуют ссылки на «Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев» за 1873—1875 гг. и на известную статью в «Трудах» киевского археологического съезда. Запись датирована 15 июня 1881 г. Аналогичная запись, но с пропуском года в ссылке на «Отчет» имеется и в экземпляре Румянцевского музея [188]. Экземпляр, по-видимому, происходил из дублетов музея; он упоминается в списке, сохранившемся в архиве Викторова [189].

Таким образом, в предреволюционные годы было описано 12 экземпляров среднешрифтного Четвероевангелия.

А. А. Гераклитов ввел в научный обиход сведения еще о двух экземплярах среднешрифтного Четвероевангелия, принадлежавших ранее купцу-старообрядцу Мальцеву, а после революции поступивших в собрание Саратовского университета [190]. Гераклитов подробно описал издание, а также сопоставил его с другими московскими первопечатными книгами.

Т. Н. Протасьевой известно 12 экземпляров среднешрифтного Четвероевангелия, из них четыре вводились в литературу впервые [191]. Это, во-первых, экземпляр из собрания «Меньших» Государственного Исторического музея. Экземпляр этот, входивший в собрание Московского Чудова монастыря, был известен и А. Е. Викторову — краткое описание его сохранилось в бумагах археографа [192]. Однако в печати Викторов об этом не упоминал. Два других экземпляра, впервые описанных Т. Н. Протасьевой, принадлежат Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Один — из собрания Е. Е. Егорова, второй — из библиотеки Рогожского кладбища. Четвертый впервые упоминаемый экземпляр поступил в Исторический музей из коллекции П. В. Щапова.

В 1958 г. в печати было описано среднешрифтное Четвероевангелие Государственной Публичной библиотеки УССР [193], в прошлом принадлежавшее Обществу истории и древностей российских и впервые учтенное П. М. Строевым.

Всего, таким образом, к настоящему времени учтено 17 экземпляров издания. К этому мы можем прибавить еще пять экземпляров, до сего времени никем не зарегистрированных и не описанных.

Итого 22 экземпляра. Напомним, что нам известно 22 узкошрифтных Четвероевангелия. Превратности, которые претерпели оба издания в

течение прошедших веков, примерно одинаковы. Можно, следовательно, говорить о том, что и тираж их был одинаков. В настоящее время мы не знаем, где находятся три экземпляра — экземпляр Виленской Публичной библиотеки, второй саратовский экземпляр и экземпляр со вкладной 1573 г., описанный И. П. Каратаевым.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина владеет пятью среднешрифтными Четвероевангелиями. Одно из них (№ 3603) — дублет Петербургской духовной академии, поступивший в 1874 г. в Румянцевский музей, второе (№ 3605) — из собрания Егорова, третье (№ 3607) — из собрания Рогожского кладбища. Происхождение двух других (№ 3608 и 3954) неизвестно. По-видимому, одно из них — из собрания Лукашевича.

В Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина находятся четыре среднешрифтных Четвероевангелия. Один экземпляр — из собрания И. П. Каратаева (№ 155а — 1.3.6[в]). Происхождение трех других не ясно. Два из них (№ 154 — 1.3.6[а] и № 155 — 1.3.6[б]) можно отнести к собраниям Кастерина и Петербургской духовной академии. Четвертый дублетный экземпляр (№ 4924 — 1. 3. 6) описывается нами впервые.

Государственный Исторический музей владеет четырьмя экземплярами — из собраний Царского (№ 12), Щапова (№ 42), Хлудова (№ 11) и Чудова монастыря (Меньш. 1292).

По одному экземпляру среднешрифтного Четвероевангелия имеют Библиотека Академии наук СССР (7. 5. 1 — инв. 527 сп.— куплен в 1761 г. у частного лица) [194], Государственная Публичная библиотека УССР (Кир. 751 — экземпляр Общества истории и древностей российских), Библиотека Московского государственного университета (142—4—59—приобретен в 1959 г. у частного лица), Государственная Публичная историческая библиотека (№ 1394926 — приобретен в 1962 г. у частного лица), Библиотека Саратовского государственного университета (экземпляр из собрания Мальцева), Государственная научная библиотека им. В. Г. Короленко в Харькове (№ 750454).

Вкладные и владельческие записи. Старейшая вкладная среднешрифтного Четвероевангелия датируется 1561 г. Эта запись на втором экземпляре из Библиотеки Саратовского университета, который в свое время был описан А. А. Гераклитовым: «Лета 7070-го месяца сентября 1 купил сие евангелие тетро благовещенской поп Леонтей Устинов сын устюжанин у старца у Мисаила у Сукина» [195]. Запись представляет большой интерес: Мисаил Сукин производил следствие по делу Сильвестра. Благовещенский поп Леонтий, несомненно, служил в придворной церкви московских царей и, возможно, был непосредственным преемником Сильвестра после ухода его в монастырь. Мы вернемся к записи в последнем разделе этой главы.

В той же книге имеются еще две записи, говорящие о принадлежности ее тому же владельцу: «Евангелие благовещенского попа Леонтия».

На харьковском экземпляре среднешрифтного Четвероевангелия имеется вкладная 1564 г.: «Лета 6072 месяца марта в 25 день на Благовещение пресвятые владычицы нашия богородицы и девы Мареи положил сия евангелья у Николы...» Далее запись обрезана [195а]. Впоследствии книга принадлежала Будятычской церкви в гор. Владимире Волынском.

М. Н. Тихомиров упоминает о существовании вкладной записи 1566 г., не указывая, однако, источника и не приводя текста записи [196]. Нам такая вкладная неизвестна. По-видимому, здесь какая-то ошибка.

Следующая в хронологическом отношении — запись 1567 г. в экземпляре из собрания И. Н. Царского: «Лета 7075 положил сие евангелие старець Варлаам Палицын ко Успенью пречистые и к великому предтече Ивану на Кубрь в монастырь да пять рублев денег. И при его животе о его здравие бога молить, а бог пошлет по его душу, ино его в сенаник

Вкладная запись 1561 года в среднешрифтном Четвероевангелии. Научная библиотека Государственного Саратовского университета

написати, да и родители его ныне же поминати по вся дни и на обеднех проскуры вымимати и на литеях и на всяких понахидах поминати. А родителем имяна писаны в сем же евангилие от исподние цки. А из монастыря сей евангилия никому не вынести покаместа... А хто вынесет то евангелие, и тому со мною будет суд пред богом. А пяти рублев не истеряти ж, держати их на престоле, а давати их в люди а имал... на рубль росту по гривне. А болши бы не имал или бы в торговлю давали» [197].

Запись любопытна в чисто бытовом отношении — вкладчик счел необходимым ограничить ростовщические устремления церковников. Точен и географический адрес: по указанию М. Н. Тихомирова монастырь Успения на Кубри находился неподалеку от Москвы — в Переяславском уезде.

Грозное заклятие Варлаама Палицына — не выносить Евангелие из монастыря — не возымело действия. Уже в XVII в. книга переходила из рук в руки, пока снова не осела в одной из церквей. Об этом рассказывает запись 1691 г.: «199 (т. е. 7199) году марта в 20 день продал сию книгу Евангелие церковное Новодевича монастыря вотчины Керенского уезду села Красного богородицской поп Михаил Алексеев Нижнеломовского уезду села Черные Петины в церковь Николая Чюдотворца пятидесятнику Стефану Мартинову с товарищы. А денег взято шесдесят алтын. А подписал я поп Михаил своею рокою (так!)» [198].

В тот же Переяславский уезд ведет нас следующая вкладная — 1573 г., опубликованная впервые И. П. Каратаевым. Она была извлечена им из экземпляра, который нам в настоящее время неизвестен. Запись

гласит: «Лета 7081 генваря 3 дня положил сие Евангелие тетрь печатное Федорова монастыря из Переславля с горы игумен Харитон в пострижение свое в монастыр к Николе Чудотворцу на Комелское озера по своей душе и по своих родителех, или хто захочет сие Евангелие взят от Николи Чудотворца или отдалит или продат и ему са мною судит на оном свете» [199].

Еще Леонид Кавелин отметил, что здесь упоминается Озерско-Николаевский, что на Комельском озере, монастырь, основанный в 1520 г., а также Федоровский Переяславль-Залесский монастырь, в котором в 1561—1567 гг. и был игуменом Харитон [200].

Следующая вкладная XVI в. ведет нас в Свияжск, в ту самую Казанскую епархию, для снабжения которой книгами и создавалась, по словам послесловия к Апостолу 1564 г., первая московская типография.

Запись эта, находившаяся в первом экземпляре Библиотеки Саратовского университета и впервые опубликованная А. А. Гераклитовым, гласит: «Се яз раб божий инок старец Варсунофей Замыцкой положил есми в дом живоначалные Троицы две книги Евангелье да Апостол, обе книги печатные тетр на бумазе в Свиязском городе в монастыре в церковь живоначалные Троицы у чюдотворца у Сергия. И хто будет игумен в том монастыре и священники и им тех книг не изнесити из церкви никуде, а по них пети. А старца Варсунофя на понахидах и на обедне поминати... из церкви те книги или хитрость которую учинят и им судитися... И поминати Варсунофевы родители Василья, иноку Маремьяну Евдокею, а о Варсунофеве здравие за него бога молити, а бог пошлет Варсунофя по душу и Варсунофя поминати» [201].

Запись, как видим, точно не датирована. Однако, как указывает Гераклитов в соответствии с известными «Списками иерархов...» П. М. Строева, первым игуменом Троицкого Сергиева монастыря в Свияжске был Мартирий в 1557 г., а с 1618 г. в монастыре уже были не игумены, а «строители». Следовательно, книга могла быть положена в монастырь именно в указанный промежуток времени.

В экземпляре Государственного Исторического музея, ранее принадлежавшем Московскому Чудову монастырю, имеется полустертая запись XVI в., частично восстановленная Т. Н. Протасьевой: «...положил в дом живоначалные Троицы... по брате своем по старце по Мисаиле по схимнике... написали во вседневныи сенаник в вечный поминок» [202]. В том же экземпляре есть запись 1611 г.: «Лета 7120 октября... продал сию книгу Ивану Петрови Шереметову старец Данилова монастыря свещенник Тимофеи» [203]. Впоследствии книга попала в Чудов монастырь, о чем свидетельствует печать «Библиотека Кафедрального Чудова монастыря в Москве» на обороте верхней крышки и некоторых листах книги. «Живоначальная Троица», упоминаемая в первой записи (если судить по тому, что книга впоследствии находилась в Москве),— скорее всего Троице-Сергиев монастырь.

Не датированную запись XVI в. находим и в экземпляре Библиотеки Академии наук СССР: «Книга, глаголемая Евангелие рождества пречистей богородицы Коневского монастыря» [204]. Это, по-видимому, подмосковный Коневский стан Коломенского уезда. 2 октября 1761 г. книга куплена библиотекой у некого Василия Севрина.

Среди вкладных записей XVII столетия многие — западнорусского происхождения. В этом смысле среднешрифтное Четвероевангелие — исключение среди других безвыходных изданий. Все записи достаточно поздние. Можно как будто бы предположить, что книги попали за пределы Московского государства в годы польско-шведской интервенции. Однако первая запись датирована 1605 г.— это было еще до Смутного времени.

Мы имеем в виду запись на экземпляре из собрания Общества истории и древностей российских. Она сильно смыта и частично обрезана: «Изволением отца и святого духа дана сия книга, глаголемую Еванге-

лие... раб божий Феодор Медринский (?) обыватель Ярошевский и з (малжонкою) своей Агафиею и чады своими Иоанном... и предал ее до храму святого Рождества господа бога и спасителя нашего Исуса Христа в месте Старом Ярошеве за свое отпущение грехов и родителей своих за панованя кроля полского Жигмонта третьего и за... Радзивила. Року божиего 1605. Которая бо книга, помененная Евангелие, не мает быти отдалено от помененного храму под клятвою святых отец...» [205]

В дальнейшем экземпляр попал в Молдавию, о чем говорят записи на обороте последнего листа евангелия от Матфея: «Изволением отца и свершением сына и споспешением святого духа сию книгу Евангелие тетр купил раб божий Мирон Штефенко от роду Игнатца старого Могилевского в лето 7164 (т. е. 1656) перед Званном (?) в Хотеню на ярмарку на вознесение Спаса. Дал за сию книгу Мирон дванадесят талярив битых за отпущение грехов отца ево Штефана и матери своей Марии и всех родителей своих померших, помяни их господи в царствии небесном. Брат Миронов Феодор, дворянин Окнинский. Жена Миронова. Сыни Симеон и Василь» [206].

Мирон Штефенко любил книгу и берег ее. Три года спустя он давал ее «поновлять», о чем рассказывает вторая запись, на том же листе: «В лето 7178, а от рождества Христова 1669, 26 октября дня сию книгу Евангелие Мирон Штефенко давал рядити. Которую поновлял многогрешный раб Стефан Моисеевич писарь и родич Могилевский в селе Юричяне и земли Молдавской...»

Следующая запись западнорусского происхождения относится, по-видимому (дата написана неразборчиво), к 1618 г.: «Сия книга, глаголемая Евангелие-тетр, надана есть от казаков воиска Запорозкого Михаила Филимонова и Семена Шумака и з фонаси (?) и с потомством их и вечными часы, абы были неотдалени от дому пресвятои богородицы Успениа... если бы хто мел еи отдалити, нехаи буде проклят. Если бы который из них мел ся преставити... месце у том же храма Успения богородицы и положены быти... их надана есть сия книга. 1618 месяца мая в 8 день» [207].

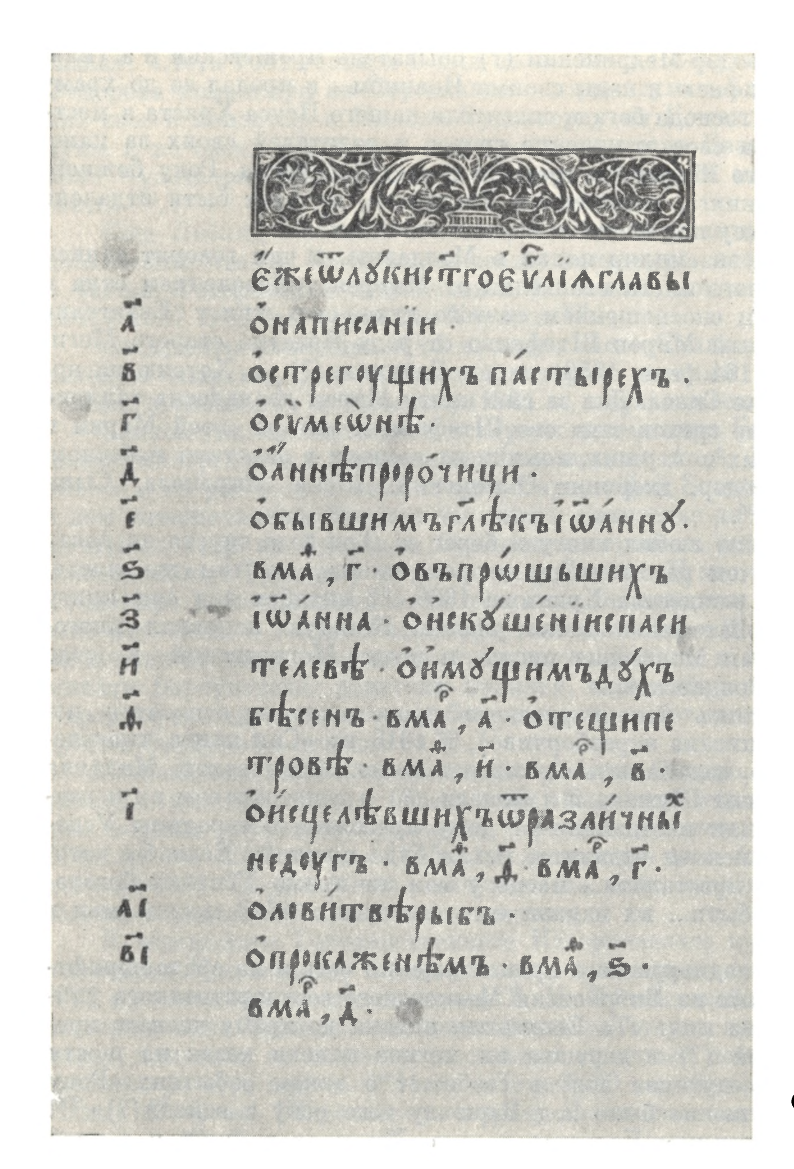
Ряд записей западнорусского происхождения есть и на среднешрифтном Четвероевангелии из Библиотеки Московского государственного университета. Первая из них: «Та Евангелия надана до храму чеснаго креста до села Негоной (?) в державі их могцов панови козек на щостя подъ суютъ» [208]. Следующая запись сообщает о таком событии: «Року 1697 посполито роушение было под Варшаву того року з войски(?)» [209]. Ниже частично обрезанная польская запись. Имеются в книге и записи XIX столетия.

Еще одна запись западного происхождения относится к началу XVIII столетия. Ее мы находим на превосходно сохранившемся экземпляре Государственной Публичной исторической библиотеки, который совсем недавно — в 1962 г.— был приобретен у частного лица. Запись гласит: «Evanglium perpetuis temporibus applicit do Cerkui Monastyri Leszecynskego. Datum... 23 Juni Anno 1719» [210].

Приведем еще одну запись XVIII в., сохранившуюся на хлудовском экземпляре Государственного Исторического музея: «Сия духовная книга Евангелие принадлежит хозяйки Марии Петровной девицы Стрятеной» [211].

Анализируя вкладные записи среднешрифтного Четвероевангелия, М. Н. Тихомиров сделал вывод, что издание это «распространялось в средней полосе России, как и Триодь постная» [212]. Мы не считаем это мнение верным. Записи XVI—XVII столетий дают следующую картину географического распределения известных нам экземпляров.

Центральные области России: Москва, монастырь Успения на Кубри, Озерско-Николаевский монастырь на Комельском озере, Троице-Сергиев монастырь, Коломенский уезд.

Еже ѿ Луки ст҃го еѵ҃лiа главы
а҃ О написанiи.
в҃ О стрегущих пастырехъ.
г҃ О Сумеѡни.
д҃ О Аннѣ пророчици.
е҃ О бывшим глаголѣ къ Iѡанну.
ѕ҃ вма, г҃. О въпрошьших
з҃ Iѡанна. О искушенiи спаси
и҃ телевѣ. О имущем духъ
ѳ҃ бѣсенъ. вма, а҃. О тещи пе
тровѣ. вма, и҃. вма, в҃.
i҃ О исцелѣвших ѿ различны
недугъ. вма, д҃. вма, г҃.
аi О ловитвѣ рыбъ.
вi О прокаженѣмъ. вма, ѕ҃.
вма, д҃.

Среднешрифтное Четвероевангелие.
Оглавление евангелия от Луки

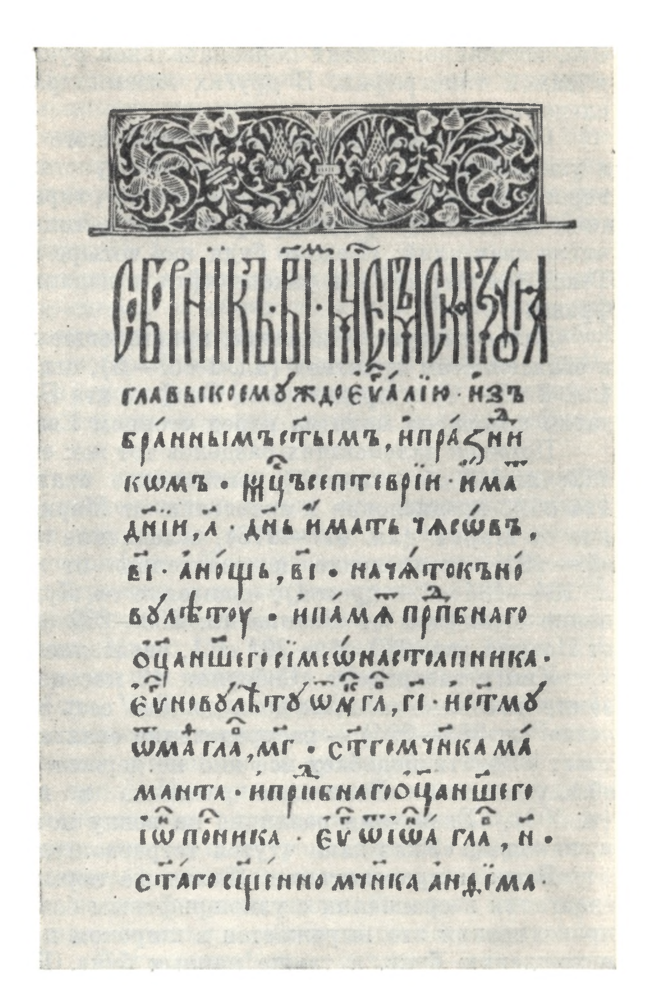
Поволжье: Свияжск.

Западнорусские и южнорусские области: Старое Ярошево, Молдавия, Запорожье, Владимир Волынский и т. д.

Особенный интерес представляет обилие записей западнорусского происхождения. Нам кажется вероятным, что большая партия тиража среднешрифтного Четвероевангелия вскоре после выхода в свет была продана какому-нибудь литовско-русскому купцу. Купец вывез книги за пределы Московской Руси. Вспомним, что Сильвестр, имевший, как мы полагаем, непосредственное отношение к первой московской типографии, поддерживал тесные торговые связи с иностранцами.

Мнение наше подтверждает известный в литературе факт о московском Евангелии, бывшем в 70-х гг. XVI в. в руках у Василия Тяпинского. Это могло быть все то же среднешрифтное Четвероевангелие.

Общее описание. Внешние признаки среднешрифтного Четвероевангелия изучены и описаны А. Е. Викторовым, И. П. Каратаевым, А. А. Гераклитовым, А. С. Зерновой и Т. Н. Протасьевой. Книга отпечатана в

Соборникъ · вi · мсцемъ сказуя
главы коемуждо еѵалiю · изъ
браннымъ стымъ, и праздни
комъ · мцъ септеврiи · имать
днiи, л · днь имать часовъ,
вi · а нощь, вi · начатокъ но
вому лѣтоу · и памя прпбнаго
оца нашего сѵмеѡна стлпника ·
еѵ ни ѡ бдѣтѣ ѡ лк гла, гi · и стмѵ
ѡма гла, мг · стгѡ мчнка ма
манта · и прпбнаго оца нашего
iѡ постника · еѵ ѿ iѡа гла, н ·
стагѡ сщенно мчнка анѳiма ·

Среднешрифтное Четвероевангелие. Начальная полоса «Соборника»

лист. Формат издания по данным измерений А. А. Сидорова составляет 250 ÷ 283×172 ÷ 185 *мм.* Формат полосы набора по наблюдениям того же автора 186 ÷ 195×92 ÷ 103 *мм.* Число строк на полосе 18.

Тетради, как всегда в первопечатных изданиях, составлены из четырех листов, сфальцованных пополам. Каждая тетрадь, таким образом, содержит восемь листов, или 16 страниц. Исключения, которые, как мы уже видели, нередки в первопечатании, встречаются и в среднешрифтном Четвероевангелии. Здесь их особенно много. Из 53 тетрадей две имеют по два листа и четыре — по четыре листа.

Печатной нумерации тетрадей (сигнатура) и листов (пагинация) в книге нет. В некоторых экземплярах имеется рукописная пагинация, но она, несомненно, более позднего происхождения. Такова пагинация в экземплярах из собраний Царского или Егорова [213]. Пагинация в экземпляре Царского учитывает рамки с ткаными предохранителями, вклеенные позднее перед раскрашенными заставками. Предохранители, кстати говоря, дошли до нас далеко не все, однако лакуны в пагинации говорят, что они вклеивались едва ли не перед каждой заставкой.

В том же экземпляре попадаются потетрадные пометы. Но и они проставлены позднее — проставлены с ошибками и как попало — через 4, 6, 8, а то и 16 листов. Один из владельцев книги явно привык видеть сигнатуры в рукописных книгах, но значения их не знал!

На немногих листах того же экземпляра внизу в правом углу первой страницы листа и в левом углу последней страницы можно заметить следы правильной нумерации тетрадей, уничтоженной при обрезке [214].

Это, возможно, остатки первоначальной рукописной сигнатуры, сделанной в самой типографии. В других экземплярах книги, впрочем, никаких следов сигнатуры нет.

Состав книги. Состав среднешрифтного Четвероевангелия тот же, что и узкошрифтного, но с некоторыми перестановками. Узкошрифтное Четвероевангелие, как помнит читатель, открывалось молитвой перед чтением Евангелия, среднешрифтное же начинается текстом о четвертичном числе евангелий: «Ведомо буди яко четыре суть евангелия» (л. 1—1 об.). Текст тот же, что и в узкошрифтном издании. Опущены лишь последние фразы.

Далее следует «Сказание, приемлющее всю лета число евангельского и евангелистом приятие» (лл. 1 об.— 3), оглавление евангелия от Матфея (лл. 3 об.— 6) и предисловие Феофилакта Болгарского (лл. 6—10). Лишь затем помещена молитва перед чтением Евангелия (л. 10—10 об).

Порядок дальнейших разделов тот же: евангелие от Матфея (лл. 11—112; л. 112 об.— пустой), оглавление евангелия от Марка (лл. 113—114 об.), предисловие к евангелию от Марка (лл. 115—116 об.), евангелие от Марка (лл. 117—178), оглавление евангелия от Луки (лл. 178 об.— 181), предисловие к евангелию от Луки (лл. 181 об.— 183 об.; л. 184—184 об.— пустой), евангелие от Луки (лл. 185—288 об.), оглавление евангелия от Иоанна (л. 289—289 об.), предисловие к евангелию от Иоанна (лл. 289 об.— 292 об.), евангелие от Иоанна (лл. 293—368 об.).

Книгу завершают «Соборник 12 месецем» (лл. 369—382 об.), «Сказание еже како на всяк день должно есть чести евангелие неделям всего лета» (л. 382—394) — распределение евангельских чтений на целый год, текст «Ведати подобает исе яко не держит церкви вселенская...» (л. 394 об.), указатели «Евангелия различна в память святым бесплотным» (л. 395), «Евангелия различна на всяку потребу» (лл. 395 об — 396 об.) и, наконец, «Указ како чтутся тетраевангелия» (л. 396 об).

Язык и правописание. Языковые нормы среднешрифтного Четвероевангелия в сравнении с узкошрифтным более архаичны. С точки зрения правописания это выражается в широком применении греческих по происхождению букв, а также парных букв. Буква «пси», которой в узкошрифтном Четвероевангелии нет, в среднешрифтном применяется не только в словах типа «псалм», что было обычно для московской книгописной практики, но и в бытовой лексике (например, «псом», Марк, VII, 27). Довольно широко употребляется буква «кси». Ижица, которую мы встречали и в Триоди постной, используется, в частности, в слове «евангелие».

К особенностям использования парных букв следует отнести явное предпочтение, оказываемое во многих случаях знаку «зело». Наборщик узкошрифтного Четвероевангелия в этом случае использовал букву «земля» (например, в словах «мноѕи», «стеѕя»).

В греческих именах «фита» заменяет «ферт». Так, в евангелии от Марка (III, 18) имена «Фома», «Фаддей» и «Варфоломей» написаны через «фиту». В узкошрифтном издании «фита» сохранена только в последнем случае. С другой стороны, в некоторых именах, где наборщик узкошрифтного Четвероевангелия ставит «фиту», наш мастер предпочитает «твердо» («ЕлисавеѲь» — «Елисаветь», Лука, зач. 2; «НазареѲъ» — «Назареть», Лука, зач. 3) [215].

В отдельных случаях «и восьмиричное» перед гласными заменяется «і десятиричным» («вопіющаго», Марк, I, 3). Впрочем, это далеко не правило. «Восьмиричное и» в конце слова после гласной часто заменяют значком «кендема», поставленным над гласной.

Характерна для среднешрифтного Четвероевангелия замена «он» знаком «от»: «слѡво» (Марк, II, 2), «дѡм» (Марк, II, 11), «нарѡд» (Марк, II, 13) и т. д.

Когда мы познакомимся со шрифтами рассматриваемого издания, мы увидим, что ряд парных знаков здесь значительно расширен. Это ка-

сается главным образом звука «о», для обозначения которого применяется большое количество литер. Применение каждой литеры регламентировано и ограничивается определенными словами.

Вслед за чудовской редакцией Нового завета оба безвыходных Четвероевангелия предпочитают лигатурный вариант знака «у» слитному написанию «оу». Однако в среднешрифтном Четвероевангелии слитное написание, восходящее к греческой традиции, встречается чаще («требоуют», Марк, II, 17; «бяхоу», Марк, II, 18).

Судьба редуцированных гласных в безвыходных Четвероевангелиях была рассмотрена выше на примерах из обоих изданий. Напомним, что в среднешрифтном Четвероевангелии редуцированные гласные в слабой позиции не исчезают, как в узкошрифтном, а сплошь и рядом сохраняются. Сохраняются они и в предлогах (в узкошрифтном издании в этом случае обычно ставились «ерик» или же гласные полного образования).

Применяя редуцированные в приставках, наборщик среднешрифтного Четвероевангелия более последователен, чем его предшественник. Приведем пример: «и сътрясе его доухъ нечистый и възопи гласомъ великомъ» (Марк, I, 26). В узкошрифтном Четвероевангелии редуцированная гласная в первом случае сохранена, а во втором прояснена до «о»[216].

Характерны для среднешрифтного издания также и твердые сочетания «гы», «кы», «хы» («недугы», Марк, III, 15; «погыбаемъ», Марк, IV, 41). То же можно сказать и о мягких шипящих. Нередко встречаются и исключения («излезшоу», Марк, V, 2; в узкошрифтном — «излезшю»).

Морфологические и синтаксические нормы среднешрифтного Четвероевангелия также обнаруживают тенденцию к архаизации (здесь она, впрочем, проявляется не столь ярко). Краткие прилагательные используются в качестве сказуемого, числительные управляют винительным падежом множественного числа существительных; родительный падеж слов «мати», «дочи» («матере», «дъщере») используется в значении прямого дополнения. Все эти случаи были рассмотрены выше. Отметим еще применение предложного падежа множественного числа в словосочетании «в десяти градех» (Марк, V, 20). В узкошрифтном издании — «в десяти граде» — предложный падеж единственного числа.

Смысловых и фразеологических разночтений в обоих изданиях сравнительно немного. Как мы видели выше, правописные и языковые нормы среднешрифтного Четвероевангелия обнаруживают тенденцию к архаизации. Редакционные изменения текста, напротив, более близки к позднейшим редакциям. Г. И. Коляда отметил, что в среднешрифтном Четвероевангелии нередко пропускается имя Иисуса Христа и заменяющие это имя местоимения[217]. Бывает, что имя заменяется местоимением. В первых русских редакциях имя, как правило, писалось полностью. Сравни, например, в Мстиславовом Евангелии: «Посълаша архиереи и книжьници къ Иисусу» (Марк, XII, 12). В безвыходных Четвероевангелиях: «И послаша к немоу некия от фарисеи». Однако в подстрочной ссылке в них сохраняется старая редакция с полным именем: «Послаша к Иисусу архиерее некия». В этом случае в обоих Четвероевангелиях редакция одинакова. Однако Г. И. Коляда приводит немало случаев сохранения имени в узкошрифтном издании и пропуска его в среднешрифтном. Например: «видев же Иисус веру их» — и соответственно: «видев же веру их» (Марк, II, 5)[218].

Сильное искажение текста, впоследствии устраненное в широкошрифтном Четвероевангелии, замечено впервые Г. И. Колядой: «иже не от крови, ни от похоти плотьския, ни от крови мужьския, но от бога родишяся» (Иоанн, I, 13)[219]. В рукописных и печатных текстах в этом случае везде стоит «ни от похоти мужьския». Отметим также перестановку «приидошя оубо мати и братия его» в узкошрифтном и «братия и мати его» — в среднешрифтном (Марк, III, 31).

В заключение хотелось бы еще раз повторить, что отмеченные нами тенденции не были сколько-нибудь обязательными. Наборщик сплошь и рядом отступает от них. Различные написания одних и тех же слов, применение исключающих друг друга правил — частое явление в среднешрифтном Четвероевангелии. Все это свидетельствует о том, что сколько-нибудь серьезное редактирование текста перед сдачей в набор не проводилось. Отмеченные же нами тенденции — результат слепого следования оригиналу, который лежал перед наборщиком.

Если не было редактирования, то отбор оригинала несомненен. Близость узкошрифтного Четвероевангелия к разговорной речи явно не понравилась в Москве. Поэтому первое издание не было использовано как оригинал для второго. Последнее же послужило оригиналом для третьего издания — широкошрифтного Четвероевангелия.

Бумага. Среднешрифтное Четвероевангелие — единственное среди московских первопечатных изданий — напечатано не на французской, а на немецкой бумаге. В большей части книги — бумага с водяным знаком «кабан». А. А. Гераклитов указывает 12 вариантов знаков [220] (Т. Н. Протасьева отмечает три варианта, А. С. Зернова — семь вариантов). Эта бумага изготовлялась на бумажной мельнице силезского городка Свидница (Швайднитц), существование которой прослеживается до 90-х гг. XV в. [221] Н. П. Лихачев регистрирует водяной знак «кабан» в московских рукописях с 1541 г. Исключительно интересно для нас, что на такой же бумаге, как и среднешрифтное Четвероевангелие, написан один из томов Лицевого летописного свода Ивана Грозного [222]. Это лишнее доказательство московского происхождения рассматриваемого издания.

Познакомимся подробнее с водяными знаками бумаги издания (по А. С. Зерновой и Т. Н. Протасьевой).

1. Кабан (Лихачев, № 1754, 1755; Тромонин, № 423, 438, 439, 442). 1542—1576 гг.
2. Тиара (Тромонин, № 1531; Брике, № 4983). 1553—1562 гг.
3. Медведь в ошейнике с охотничьим рожком на туловище (Лихачев, № 1730, 4164; Брике, № 12366). 1544—1555 гг.
4. Малый медведь в ошейнике (Брике, № 12334). 1552—1562 гг.
5. Голова шута (Брике, № 15724, 15726). 1558—1561 гг.

Основываясь на показаниях водяных знаков, А. А. Гераклитов датирует среднешрифтное Четвероевангелие 1551—1552 гг., А. С. Зернова — около 1555 г. и Т. Н. Протасьева — 1553—1555 гг. Здесь приходится повторить, что датировка в пределах одного десятилетия на основании одних лишь водяных знаков недостоверна.

Шрифт. Шрифтовое хозяйство печатника среднешрифтного Четвероевангелия богато и разнообразно. Это прежде всего 55 литер строчных знаков кирилловского алфавита 39 различных наименований. Уже из одного сопоставления чисел 55 и 39 явствует, что некоторые знаки имеют по нескольку различных начертаний. Особенно богата начертаниями буква «он» — их пять. Сюда же фонетически примыкает буква «от» (омега), имеющаяся в трех начертаниях. Таким образом, звук «о» передается по крайней мере восемью начертаниями. Познакомимся с ними подробнее. Первые две формы: «о» — узкое и «о» — широкое обычны для первопечатной графики. Широко встречаются они и в рукописных книгах. Этого не скажешь о трех других формах: «⊙» — с одной точкой, «⊙» — с двумя точками и «⊕» — с крестом. Применение их ограниченно и строго регламентированно. «О» с одной точкой применяется в слове «око» (см., например, Лука, зач. 28, л. 211); «о» с двумя точками — в различных формах множественного числа того же слова: «очию», «очеса» (Марк, зач. 64, л. 169 об.); «о» с крестом — только в одном лишь слове «окрест» (Лука, зач. 4, л. 190). Все это излюбленные приемы южнославянских писцов, восходящие к XIV столетию [223]. В XV столетии все эти формы мы находим и в московских рукописных книгах, например в «Словах Григория Богослова» [224]. Приемы эти воспринял Швайпольт Фиоль.

«Омега» в среднешрифтном Четвероевангелии применяется в обычном варианте с высоким средним штрихом — начертание это встречается самостоятельно, а также в сочетании с надстрочным «т»; в последнем случае оно обозначает звукосочетание «от». Кроме того, здесь же можно встретить широкий вариант «омеги» без среднего штриха и своеобразную форму той же буквы — так называемое «двойное о». Оно ставится в словах «оба», «двою» (Матф., зач. 34). «Двойное о» применял Швайпольт Фиоль, а также типографы безвыходной Триоди постной и узкошрифтного Четвероевангелия.

Три варианта имела буква «ять». Первый из них широко распространен, его характеризует высокая, подымающаяся над строкой мачта и прямая крестовина, совпадающая с верхней линией строки. Второй вариант образован из первого путем усечения мачты. Он употребляется в тех случаях, когда высокая мачта пересекалась с нижними выносными элементами верхней строки. Третий вариант «ять» своеобразен — он также характеризуется высокой мачтой, далеко выходящей за пределы строки. Однако крестовина не прямолинейна. Она сначала несколько поднимается вверх, пересекает мачту, а затем круто опускается вниз. Нам не удалось установить какие-либо особые случаи применения первого и третьего вариантов — они встречаются в одних и тех же словах. Ту же практику мы находим и в московских рукописных книгах середины XVI столетия — назовем хотя бы «Пандекты и Тактикон» Никона Черногорца, вклад Ивана Грозного в Троице-Сергиев монастырь [225].

В двух начертаниях в среднешрифтном Четвероевангелии встречаются буквы «д», «е», «земля», «с», «т», «у», «ер».

В первом варианте буквы «д» нижние выносные элементы треугольны и едва выступают за линию шрифта. Во втором варианте выносные элементы на 3 *мм* выходят за пределы строки: одна из линий (более длинная) перпендикулярна линии шрифта, вторая — наклонна к ней. В рукописных книгах Московской Руси первый вариант широко применялся уже в XV столетии — эту форму буквы «д» мы встречаем, например, в знаменитых Евангелиях Кошки и Хитрово [226]. Впоследствии этот вариант широко применял Швайпольт Фиоль. Оба варианта в XVI столетии соседствуют друг с другом в московских рукописных книгах, причем фонетически или грамматически применение того или иного варианта не регламентируется. Пример — роскошное Четвероевангелие, возникшее в школе Феодосия Изографа [227].

Звук «з» в русской письменности издавна передавался при помощи букв «зело» и «земля». Первая буква в среднешрифтном Четвероевангелии встречается в традиционной для XVI столетия конфигурации, напоминающей латинское «s». В XV в. эта буква нередко писалась как современное скорописное «г».

Литера «земля» в среднешрифтном Четвероевангелии, как и в рукописных памятниках XVI столетия и ранее рассмотренных безвыходных изданиях, встречается в двух начертаниях. Одно из них имеет сугубо геометрические формы: верхняя часть в виде незавершенного треугольника, нижняя — в виде незавершенного овала. Верхняя горизонтальная грань треугольника здесь едва намечена. Такое написание буквы «земля» характерно для XVI столетия — назовем хотя бы уже упоминавшееся Евангелие Муз. 3443 из собрания Государственного Исторического музея. Второй вариант литеры близок к написанию тройки. Эта конфигурация также не составляет ничего необычного.

Буква «с» в рассматриваемом нами издании встречается в двух вариантах — узком и широком. В последнем начертании эта буква несколько опущена за линию шрифта.

Буква «т» — также в двух вариантах. В русской письменности начертание этого знака эволюционировало следующим образом. Для старого русского устава, а также для полуустава XIV в. характерен вариант с треугольными вертикальными засечками по краям горизонтальной пере-

кладины. Этот вариант мы встречаем в изданиях Швайпольта Фиоля и в анонимной Триоди постной. В XV столетии, возможно под влиянием южнославянской графики, засечки начали постепенно удлиняться и достигли линии шрифта. В московских рукописях XVI столетия «т» встречается как в этом последнем варианте, так и в промежуточном — с длинной левой засечкой и треугольной правой. Здесь опять-таки можно сослаться на Евангелие Муз. 3443. Этот промежуточный вариант мы и встречаем в среднешрифтном Четвероевангелии. Второе начертание буквы «т», примененное здесь, своеобразно и любопытно. Оно характеризуется высокой, далеко выходящей за верхнюю линию шрифта мачтой с идущей только налево горизонтальной перекладиной, кончающейся короткой засечкой. Знак подобен зеркальному изображению буквы «г». Применяется вариант очень редко.

Наконец, «ер» — «твердый знак» — также встречается в двух вариантах. Первый из них не выходит за пределы строки. Он во всем обычен. Второй вариант, напротив, характеризуется высокой мачтой. Она выходит за пределы верхней линии шрифта и оканчивается уходящей влево горизонтальной чертой.

Варианты букв «т», «ять» и «ер» с высокими мачтами наряду со своеобразными многочисленными начертаниями буквы «о» являются характерными признаками графики шрифта среднешрифтного Четвероевангелия и отличают его от других московских первопечатных изданий.

Прописные литеры среднешрифтного Четвероевангелия своеобразно «вписываются» в набор полос. Литеры эти в основном опущены под строку, хотя их верхняя часть несколько поднята и над верхней линией шрифта. Мы зарегистрировали в нашем издании 22 прописные литеры 21 наименования. В двух начертаниях — узком и широком — встречается литера «он». Для некоторых литер в качестве прописных используются строчные (например, «ф»).

В среднешрифтном Четвероевангелии много литер для выносных надстрочных знаков, которые в XVI столетии применяются очень широко. Надстрочные знаки употребляются как под округлыми титлами, так и без них. Без титл применены знаки «д», «м», «т», (в двух вариантах с различными размерами перекладины — 5 или 6 *мм*), «ж» и «фита».

Среди знаков препинания мы встречаем жирную и обычную точки, запятую и очень редко «стишицу». Новинкой является применение точки с запятой.

Сгруппируем строчные шрифтовые знаки среднешрифтного Четвероевангелия по размеру очка и конфигурации:

1) без выносных элементов; высота очка 4 *мм*;
2) с нижними выносными элементами; высота очка 5; 7; 9 *мм*;
3) с верхними выносными элментами; высота очка 5,5; 7; 8 *мм*;
4) с верхними и с нижними выносными элементами; высота очка 11—12 *мм*.

По сравнению со шрифтом ранее рассмотренных безвыходных изданий в среднешрифтном Четвероевангелии больше знаков с верхними выносными элементами. Это вызвано стремлением к имитации рукописной книги. Полоса среднешрифтного Четвероевангелия живописнее, шрифт исключительно красив. Однако обилие знаков с выносными элементами еще более усложнило технологию набора.

Орнаментика. Художественное убранство среднешрифтного Четвероевангелия богаче, чем в узкошрифтном издании: девять заставок с пяти досок, четыре инициала с четырех досок, 21 цветок с десяти досок, пять строк вязи и пять ломбардов. Заставки помещены не только перед евангелиями и «Соборником», но и перед оглавлениями — для этого вырезана новая доска.

Мастер, печатавший издание, как видно, старался использовать уже готовые доски узкошрифтного Четвероевангелия. Однако это не всегда удавалось. Первые московские граверы не умели подбирать материал

Заставка Зерн. 3 из среднешрифтного Четвероевангелия

для своих досок; тиражеустойчивость их была незначительной. Большая заставка Зерн. 7 в узкошрифтном Четвероевангелии использовалась дважды. По окончании печатания тиража она вышла из строя. Не удалось сохранить и заставку Зерн. 8, изобиловавшую мелкими печатающими элементами. Остались заставки Зерн. 4 и Зерн. 5. Первая из них в среднешрифтном Четвероевангелии явно воспроизведена с сильно изношенной доски. Насколько чисты и четки оттиски в узкошрифтном издании и в рукописных «Пандектах» Никона Черногорца, где имеется тот же оттиск, настолько грязны и смазаны оттиски в среднешрифтном Четвероевангелии. Что же касается заставки Зерн. 5, то, возможно, доска была вырезана заново, причем достаточно точно.

Общий итог — три новые заставки. Вырезаны они в том же ключе и в той же металлографской манере. Для больших заставок сохранена форма удлиненного прямоугольника с подчеркнутым основанием, килевидным навершием и растительными акротериями.

Среднешрифтное Четвероевангелие имеет более узкую и удлиненную полосу набора, чем узкошрифтное. Новые заставки, вырезанные специально для этого издания, имеют значительно меньшую длину: малая 95 *мм*, а большие 102 *мм*. На этом фоне резко выделяется длинная (107 *мм*) заставка из узкошрифтного Четвероевангелия. Кстати говоря, за время, прошедшее с момента напечатания первого издания, она несколько усохла — ранее ее длина равнялась 108 *мм*.

Первая новая заставка (Зерн. 1) использована четыре раза (лл. 3 об., 113, 178 об., 289). В дальнейшем она будет дважды применена еще в одном безвыходном издании — среднешрифтной Псалтыри. Здесь мы опять сталкиваемся с непрочностью гравированных досок. Стрелочки, подчеркивающие основание, в первых двух оттисках превосходно видны, в последних же четырех они обломались и отсутствуют. По композиции заставка аналогична заставке перед «Соборником» — те же лежащие на боку восьмерки с симметричным рисунком. Рисунок, однако, другой. В центре помещена низкая ваза, составленная из нескольких цилиндриков и усеченных конусов.

Третья заставка (Зерн. 3) — мы пока пропускаем вторую — перед евангелиями от Марка и Иоанна (лл. 117, 293) — по композиции повторяет аналогичную заставку из узкошрифтного Четвероевангелия. Она лишь чуть укорочена (размеры 102 $\times$ 46 *мм*). В связи с этим ваза и средний бутон заменены перевязанным пучком виноградных листьев. Изъята также центральная ветвь в старопечатном вьюнке боковых бордюров. Вообще для этого издания характерен вьюнок без центральной ветви — это правило выдерживается и в заставках и в инициалах.

Заставка с Матфеем (Зерн. 2) из среднешрифтного Четвероевангелия

Наибольший интерес среди гравированной орнаментики среднешрифтного Четвероевангелия представляет «заставка с Матфеем». Заставка (Зерн. 2) помещена на л. 11 книги. Размер основного поля (без стрелочек, навершия и акротериев) — 102 × 46 *мм.*

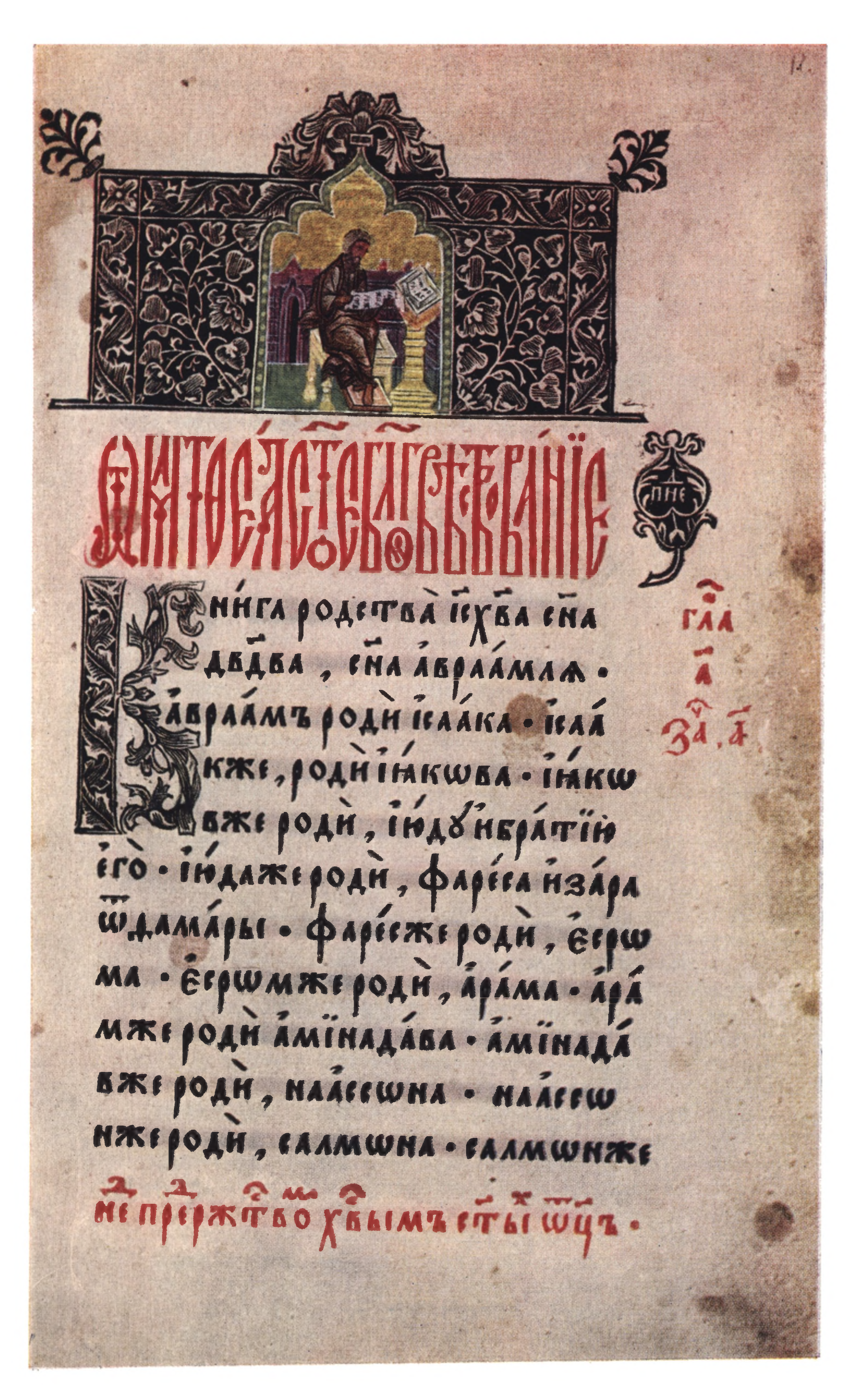
Из пяти заставок среднешрифтного Четвероевангелия лишь «заставка с Матфеем» воспроизведена один раз — она не повторяется ни в этом, ни в других безвыходных изданиях. Не знаем мы ее оттисков и в рукописной книге.

В небогатой литературе о древнерусской книжной графике «заставке с Матфеем» положительно повезло. Ей посвятил специальную статью А. И. Некрасов [228]. Н. С. Большаков уделил заставке около трети своего, пускай небольшого исследования о московской фигурной гравюре XVI в. [229] Недавно блестящий искусствоведческий анализ заставки дал А. А. Сидоров [230]. Внимание искусствоведов к этой гравюре станет понятным, если вспомнить, что она занимает особое место в первопечатной орнаментике.

Наиболее разительное отличие заставки — ее фигурный характер: среди традиционного узора из виноградных листьев, композиция которого повторяет заставку Зерн. 7, в небольшом пятилопастном киотце помещено изображение евангелиста Матфея. Стародавняя традиция мастеров рукописной книги — украшать верхнее поле спусковой полосы узорной заставкой — объединялась здесь с другим традиционным приемом — предварять отдельные части Четвероевангелия портретами их легендарных авторов.

Сочетание портрета и заставки в московской первопечатной книге уникально. По крайней мере до последней четверти XVII столетия пример остается единственным. Наше утверждение относится лишь к печатной книге. В рукописной орнаментике объединение заставки и портрета не представляет ничего необычного ни до, ни после выпуска в свет среднешрифтного Четвероевангелия.

Н. С. Большаков провел аналогии между «заставкой с Матфеем» и фигурными заставками из болгарского рукописного Евангелия XVI в., смоленской Псалтыри 1395 г. и псковского Евангелия 1409 г. Заставки эти, опубликованные в известных альбомах В. В. Стасова [231] и Н. П. Лихачева [232], а также в одном из томов «Древностей» [233], содержат заключенные в рамки изображения: первая — евангелиста Матфея, вторая — царя Давида, третья — евангелиста Луки. А. А. Сидоров дополнил Н. С. Большакова указанием на аналогичные заставки болгарского и сербского происхождения, помещенные в том же альбоме Стасова [234]. Но особенно поу-

Ѿ Матѳеа стое бл҃говѣствованїе

Глава а

Зач. а

Книга родества Іс Ха сна
Двдва, сна Авраамля.
Авраамъ роди Ісаака. Іса
акже, роди Іакωва. Іакω
вже роди, Іюду и братію
его. Іюдаже роди, Фареса и Зара
ѿ Ѳамары. Фаресже роди, Єсрω
ма. Єсрωмже роди, Арама. Ара
мже роди Аминадава. Аминада
вже роди, Наассωна. Наассω
нже роди, Салмωна. Салмωнже

Не пред ржтвом Хвымъ сты ѿцъ.

Полоса среднешрифтного Четвероевангелия
со вписанной в заставку миниатюрой. ЛБ

чителен и интересен проведенный А. А. Сидоровым сопоставительный анализ «заставки с Матфеем» и фигурной заставки знаменитой Геннадиевской Библии 1499 г. Им же указаны соответствующие параллели в армянской миниатюре — заставка XIV в.[235].

Все эти примеры достаточно отдалены от нашего — как во времени, так и в пространстве. Мы можем указать аналогичные примеры московского происхождения, сравнительно ранние, а также примерно одновременные среднешрифтному Четвероевангелию. Синтез заставки и портрета на московской почве появляется в конце XV столетия в рукописях, изготовленных в мастерской Дионисия — Феодосия. Один из наиболее ранних примеров, «Лествица Иоанна Лествичника и Авва Дорофей»,— вклад Ивана Васильевича Грозного в Соловецкий монастырь[236]. Рукопись не датирована, но водяные знаки бумаги убедительно указывают на 90-е гг. XV в. (Лихачев 1242, 1243—1495 г.). Книга замечательна своей орнаментикой, представляющей в различных обличиях начальные формы старопечатного вьюнка в сочетании с характерными для того же стиля бутонами. На листе 10 рукописи находится заставка растительного типа с расположенным в центре ее миниатюрным изображением Иоанна Лествичника — во весь рост.

В начале XVI столетия аналогичных примеров становится больше, причем восходят они как непосредственно к школе Феодосия Изографа, так и к его ближайшим эпигонам. Упомянем Путятинский Апостол, названный так по имени одного из первых его владельцев — Посника Игнатьева сына Путятина, который 26 октября 1547 г. «положил сию книгу Апостол в церкви святого священномученика епископа Пергамакийского»[237]. На листе 9 рукописи помещена большая нововизантийского стиля заставка с разделкой типа Ух. 198 (или Ух. 197). В центре ее по золотому фону — миниатюрное изображение апостола Луки. Сверху заставку ограничивает полоса двойных лепестков — один из излюбленных школой Феодосия приемов.

Совершенно аналогичную схему Ух. 198, но с зеркальным расположением бутонов находим в рукописном «Маргарите» Иоанна Златоуста, переписанном в 1530 г. в Ферапонтовом монастыре «многогрешным чернецом Ионишкой»[238]. В центре заставки — изображение Иоанна Златоуста со свитком, на котором воспроизведен поистине микроскопический текст. Богатая орнаментика рукописи несет на себе печать откровенного подражания Феодосию Изографу. Техника миниатюриста несколько примитивна. Наряду с известными элементами разделки он применяет и свои, вполне оригинальные (полоса встречных сердечек и т. д.). Правильные круги, к которым склонен Феодосий, заменяет овалами.

Наиболее интересны для нас два рукописных Четвероевангелия, оформление которых идентично среднешрифтному Четвероевангелию (начальная полоса от Матфея), а время возникновения примерно то же. Прежде всего это рукопись, изготовленная, по-видимому, в московской мастерской Сильвестра и положенная Иваном Грозным в Соловецкий монастырь[239]. Орнаментика рукописи исполнена тушью и решена в ксилографическом черно-белом ключе. По духу, манере исполнения, конфигурации отдельных элементов она близка орнаментике узкошрифтного и среднешрифтного Четвероевангелий. Использованный здесь растительный мотив впоследствии будет точно скопирован Петром Мстиславцем в одной из гравюр Четвероевангелия 1575 г. Но что особенно важно — в центре каждой заставки, предваряющей отдельные евангелия, помещены исполненные пером изображения евангелистов Матфея, Марка, Луки и Иоанна.

Второй пример, относящийся к тому же времени,— «Евангелие в десть апракос священника Касьяна», также из собрания Соловецкого монастыря[240]. Заставки книги решены в другом ключе — это характерный для второй половины XVI в. «Феодосиевский» стиль, отягощенный всевозможными добавлениями и производящий впечатление чересчур «роскош-

Заставка из рукописной Геннадиевской Библии 1499 года. ГИМ

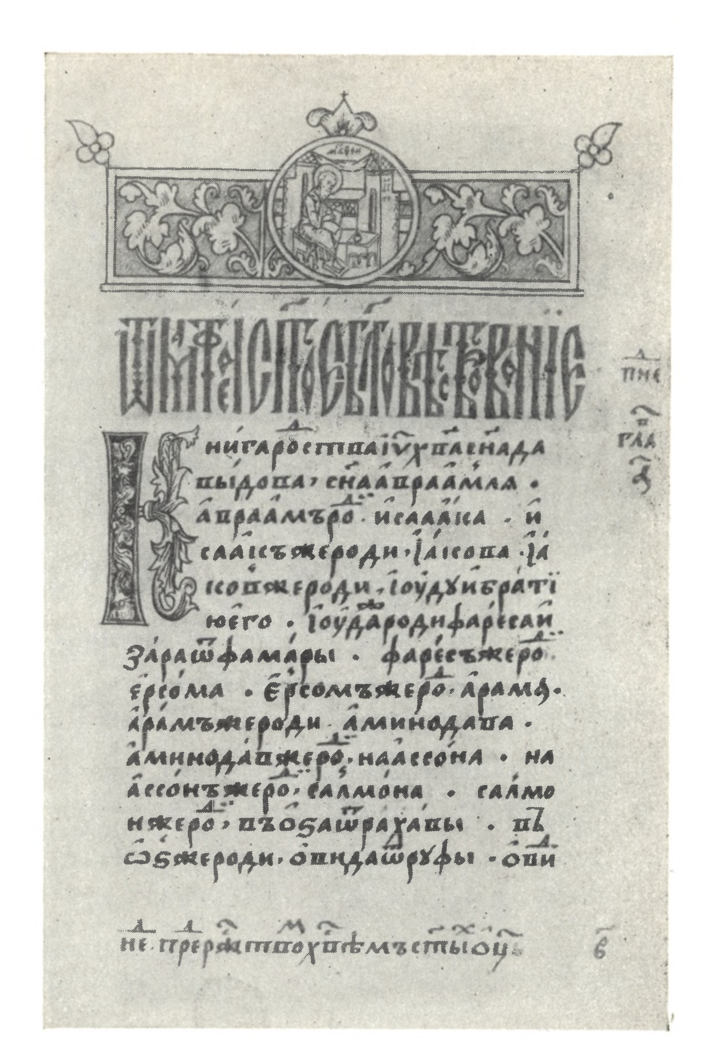
ного». Но и здесь в заставках, в круглых медальонах, помещены изображения евангелистов, писанные яркими красками по золотому фону.

Гравер среднешрифтного Четвероевангелия, несомненно, подражал рассмотренному только что типу орнаментики. Сначала он, по всей вероятности, собирался дать заставку с евангелистом к каждому из четырех евангелий. Трудности гравирования человеческой фигуры заставили его ограничиться одной заставкой.

Первоначальный замысел автора был воплощен в одном из экземпляров издания, возможно подносном [241]. Здесь в каждую заставку вписано от руки изображение евангелиста, причем вписано чрезвычайно искусно. Полностью сохраненная орнаментика боковых частей заставок гармонирует с миниатюрами (см. иллюстрацию между стр.).

Все эти сопоставления, думается, доказывают национальный характер «заставки с Матфеем» (как в ее истоках, так и в конкретном выполнении) в противовес не раз высказывавшимся мнениям о «немецком воздействии» и т. д. и т. п.

Приведем более поздний пример портретной заставки в рукописной книге XVII в.— «Творения Дионисия Ареопагита» из Пискаревского собрания [242]. Здесь три большие заставки, где орнаментальные мотивы объединены с портретным изображением. Первая из них (л. 1) предваряет житие афинского епископа Дионисия Ареопагита, предпосланное его «Творениям», и включает портрет автора книги. Он изображен во весь рост, в епископском облачении. Заставка на л. 25 содержит искусно воспроизведенное пером изображение головы Христа. Наиболее интересна третья заставка (л. 33). В отличие от других она воспроизведена одной лишь черной тушью и настолько искусно имитирует гравюру на дереве, что даже великий знаток старой книги А. Е. Викторов принял ее за ксилографию [243]. Тем не менее техника воспроизведения — безусловно рисунок пером. Растительный узор удачно оживляют птицы, сидящие на краях верхнего обреза заставки. Внутри узора изображение богоматери с младенцем, за ее спиной — архангелы Михаил и Гавриил.

Рукописное Четвероевангелие середины XVI века. Начальная полоса евангелия от Матфея. ГПБ

Вернемся к «заставке с Матфеем». Этот первый в истории русской гравюры портрет в изобразительном решении фигуры евангелиста не несет в себе ничего принципиально нового или необычного, вступающего в разрыв со стародавней традицией изображения евангелистов.

Апостол сидит на низкой и широкой скамье, несколько наклонясь вправо. Под ногами у него квадратная скамеечка. Перед ним на массивном основании стоит пюпитр. На верхней доске лежит раскрытая книга. В руках у Матфея свиток, который он, по-видимому, читает. Фоном для фигуры служит несложная архитектурная композиция, в которой Н. С. Большаков хочет видеть узкий храм с удлиненной во всю высоту его арочной дверью, а также стену с зубцами.

Традиционен прежде всего разворот фигуры — слева направо. Мы знаем очень мало русских изображений евангелистов, в которых пюпитр стоит не с правой, а с левой стороны и в ту же сторону наклонена фигура апостола. Одно из таких исключений — миниатюра XV в. в Евангелии Чудова монастыря, изображающая евангелиста Матфея [244].

Традиционны и аксессуары — четырехугольная низкая скамья, скамеечка под ногами, пюпитр с книгой и архитектурная композиция.

Любопытно сочетание двух форм книги — стародавнего свитка в руках евангелиста и книги в форме кодекса, лежащей на пюпитре. Это также восходит к далекой традиции, к тому времени, когда кодекс бытовал наравне со свитком. Примеры аналогичных сочетаний многочисленны [245].

Книга родства Іс Ха сна Двдва . сна
авраамля . авраамъ роди иса
ака : исаакже роди іакова : іако
въже роди іоуду и братію его . іоу
даже роди фареса и зару от Ѳамары . фаресже роди есрома . есро
мъже роди . арама . арамъже роди
аминадава . аминадавъже роди
наасона . наасонъже роди салмо
на .

Рукописное Четвероевангелие священника Касьяна. Начальная полоса евангелия от Матфея. ГПБ

Как свиток, так и кодекс мы находим и на знаменитом фронтисписе Апостола 1564 г. Ивана Федорова и Петра Мстиславца. Однако здесь книги поменялись местами — кодекс лежит на коленях у апостола Луки, а свиток перед ним на пюпитре. Впоследствии, в гравюрах виленского Четвероевангелия Петра Мстиславца, а также в московских гравюрах Андроника Невежи, Кондрата Иванова и более поздних мастеров, кодекс окончательно изгоняет свиток. Изгоняет вопреки логике, ибо апостолы, если бы они существовали, во всяком случае, должны были писать на свитках. Единственное исключение — гравюры Анисима Михайлова Радишевского к Четвероевангелию 1606 г., где мы опять-таки встречаемся и со свитком и с кодексом.

Гравированных инициалов в среднешрифтном Четвероевангелии, так же как и в узкошрифтном, четыре. Один из инициалов — «земля» — отпечатан с той же доски, что и в узкошрифтном Четвероевангелии, формы для трех других вырезаны заново. Своеобразную преемственность безвыходных изданий можно проследить и по этим трем доскам. Две из них перейдут в среднешрифтную Псалтырь, а третья — «П»,— кроме того, и в широкошрифтные Четвероевангелие и Псалтырь.

О графике буквицы «земля» мы уже говорили в разделе, посвященном узкошрифтному Четвероевангелию. Тогда же были намечены параллели в рукописных книгах. Однако в узкошрифтном Четвероевангелии этот инициал монохромен. Мастер среднешрифтного издания, заимствуя доску, усложняет процесс печатания. Он делает инициал двухцветным, используя опыт, полученный при печатании рамки «орудия страстей» в одном экземпляре узкошрифтного Четвероевангелия. Техника печати остается однопрокатной. На одни участки формы наносится черная краска, а на другие — киноварь.

Результат получился отличный. Киноварью исполнен тонкотравный орнамент, заполняющий овальную выемку в нижней части гравированной буквицы. Страница стала более нарядной. Буквица перекликается с красной строкой вязи между заставкой и текстом и выносной строкой снизу, также отпечатанной киноварью.

А. А. Сидоров указал исторические параллели — знаменитые двухцветные инициалы из Псалтырей 1457 и 1459 гг. Петера Шеффера [246]. Шеффер, конечно, более умелый типограф, чем мастер нашего Четвероевангелия. Он вводит на полосу третий цвет — голубой, и его инициал, выполненный красным по голубому фону, производит незабываемое впечатление. Отпечатан он, по-видимому, с составной формы, каждая часть которой набивалась краской раздельно. А. А. Сидоров описал фрагмент Псалтыри Шеффера из коллекции Г. И. Фишера фон Вальдгейма, хранящейся ныне в Библиотеке Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова [247]. Здесь инициал отпечатан с одной доски, раскрашенной наполовину розовой краской и наполовину голубой. Приемы Шеффера в этом случае приближаются к однопрокатной технике печатника среднешрифтного Четвероевангелия.

Смешно, конечно, искать точки соприкосновения или преемственность между учеником Иоганна Гутенберга и русскими первопечатниками. Наши мастера шли своим оригинальным путем, вспахивая неизведанную целину. Пускай им сплошь и рядом приходилось изобретать изобретенное — суть дела от этого не меняется. Тезис о самостоятельном освоении на Руси полиграфической техники остается в силе.

Другие инициалы среднешрифтного Четвероевангелия отличаются от одноименных инициалов узкошрифтного издания прежде всего пропорциями — они вытянуты в высоту. Совершенствование, улучшение вкуса заметны и здесь. Достаточно сравнить начальные полосы евангелия от Луки в обоих изданиях. Одна и та же заставка и сходный рисунок вязи. И что же — новый инициал резко меняет общее впечатление. В узкошрифтном Четвероевангелии он приземист. Тяжелая заставка и киноварная вязь как бы придавливают его, загоняют в угол. Удлиненные пропорции шрифта никак не гармонируют с этой неудачной буквицей. Иное — в среднешрифтном Четвероевангелии. Пропорции инициала удлинены. Тонкотравный орнамент из навершия убран, он оставлен только между штамбами. Убрано и претенциозное подножие. Буквица стала проще и благороднее. Она превосходно вписалась в общую композицию полосы.

Удлинены по сравнению с узкошрифтным Четвероевангелием также инициалы «В» (л. 293 — Зерн. 39) и «К» (л. 11 — Зерн. 42). Последний построен по тому же типу — широкая вертикальная мачта со старопечатным вьюнком и отходящие от нее вниз и вверх сучковатые отростки. Почти аналогичный инициал находим в рукописном московском Чертвероевангелии середины XVI в. из собрания Ужгородского государственного университета [248].

Графика буквицы «В» коренным образом изменена. Этот инициал в узкошрифтном Четвероевангелии «не смотрелся». Верхняя и нижняя перекладины были настолько тонки, что букву легко было принять за «К». Гравер среднешрифтного Четвероевангелия придает знаку округлость и вместе с тем заполняет ранее пустые верхнюю и нижнюю петли характерным тонкотравным орнаментом.

ѾМАРКАСТОЕБЛГОВѢСТВОВАНЇЕ

Зачало еѵалїа ісха сна бжїа. ꙗкоже есть писано в прроцѣх. се азъ посылаю аггела моего пред лицемъ твоимъ, иже оуготовитъ путь твой пред тобою. гласъ вопиющаго в пустыни. оуготоваите путь гнь, правы творите стезѧ его. бысть іѡаннъ кртѧ в пустыни. и проповѣдаа крщенїе покаꙗнїа во ѿпущенїе грѣховъ. и исхо

нед пред просвѣщенїемъ. зачало еѵалїа

ПН

ѿ гла а

Начальная полоса евангелия от Марка узкошрифтного Четвероевангелия

Ѿ Марка свѧтое благовѣстованїе

Начало еѵⓖлїа Іс Ха | За
Сна Бжїа. ꙗкоже есть | А
писано въ пррцѣхъ. се азъ
посылаю аггела моего
предлицемъ твоимъ,
иже уготовитъ путь
твои пре тобою. гла
съ вопїющаго въ пу
стыни. уготоваите
путь Гнь. правы творите сте
зи его. Бысть Іѡаннъ кртѧ
не пре просвѣщенїем

Начальная полоса евангелия от Марка среднешрифтного Четвероевангелия

Ѿ Луки святое благовѣствованіе

Понеже оубо мнози начаша
чинити повѣсть, о извѣство
ванныхъ в насъ вещехъ. яко
же предаша намъ иже испе
рва самовидцы и слуги бывшеи слове

Начальная полоса евангелия от Луки узкошрифтного Четвероевангелия

Штамбы всех инициалов среднешрифтного Четвероевангелия заполнены старопечатным вьюнком, точно таким же, что и в рамках заставок. Здесь, как и в заставках, мы сталкиваемся с любопытной деталью, отличающей друг от друга оба безвыходных издания. Если в узкошрифтном Четвероевангелии вьюнок обвит вокруг ветви (в буквице «К»), то в среднешрифтном ветвь пропадает.

Орнаментальное убранство нашего издания дополняют цветки на полях, вязь и ломбарды. Цветки стали разнообразнее. Их в этом издании 21 (на один больше, чем в прежнем). Однако число досок увеличилось почти вдвое (10). Рамка с «орудиями страстей», которую мы условно относим к цветкам, напечатана с той же доски, что и в узкошрифтном Четвероевангелии. Но в противоположность последнему во всех просмотренных нами экземплярах среднешрифтного издания она оттиснута черной краской.

Большинство цветков, как и в узкошрифтном Четвероевангелии, имеет форму опрокинутого сердечка. В орнаментальной разделке встречаем зна-

ГЛ
А

Понеже оубо мнѡзи начѧ
шѧ чинити повѣсть ·
о извѣстованныхъ въ
насъ вещехъ · ꙗкоже пре
дашѧ намъ иже испервa
самовидцы и слугы бывше и сло

Начальная полоса евангелия от Луки среднешрифтного Четвероевангелия. Заставка раскрашена

комый мотив — ветви, перехваченные ленточкой. Два цветка выполнены в виде бутонов на тонкой загнутой ножке.

Вязь предваряет каждое из четырех евангелий и «Соборник». Рисунок вязи в обоих изданиях настолько близок, что некоторые авторы (А. Е. Викторов, Т. Н. Протасьева и др.) считают ее отпечатанной с одной гравированной доски. Это неверно по крайней мере для евангелий от Марка и Луки. Рисунок здесь один и тот же, но доски разные, что видно по язычку «Е» — в среднешрифтном Четвероевангелии он с завитушкой. Доски в среднешрифтном издании несколько короче: в евангелии от Марка размеры гравюры соответственно 104×26 *мм* и 103×26 *мм*, в евангелии от Луки — 106×26 *мм* и 105×26 *мм*. В евангелиях от Матфея и Иоанна, а также в «Соборнике» доски, с которых отпечатана вязь, по-видимому, одни и те же (размеры: 102×26 *мм*, 101×26 *мм* и 104×25 *мм*).

Ломбарды во втором издании наряднее, чем в предыдущем. Но их по-прежнему немного: пять оттисков пяти различных наименований («В», «И», «Е», «Л» и «Я»). Первый из них помещен в начале «Сказа-

ния приемлюще всего лета...», остальные — в начале предисловий к отдельным евангелиям.

Высота ломбардов 25—27 *мм.* Любопытно отметить, что они не вынесены на корешковое поле, как в некоторых других безвыходных изданиях, например в Триоди постной, а частично входят в набор. Графика предельно упрощена. В этом отношении между ломбардами среднешрифтного Четвероевангелия и Апостола 1564 г. нельзя провести решительно никаких параллелей.

Особенности полиграфической техники. В среднешрифтном Четвероевангелии применяется найденная впервые в Триоди постной московская по происхождению техника «перекрещивания строк». Линия верхних выносных элементов второй строки лежит выше линии нижних выносных элементов первой строки. Прием, позволяющий имитировать внешний вид рукописной книги, в Четвероевангелии выражен гораздо ярче, чем в Триоди.

Несколько примеров иллюстрируют приемы набора среднешрифтного Четвероевангелия. Первый пример: выносное «ц» под титлом заходит за границу нижних выносных элементов верхней строки. Второй пример: в пределы верхней строки вторгаются надстрочное «н» и знак «оксия» над «а». Третий пример: надстрочное «с» размещено между нижними выносными элементами знаков «щ» и «х». В четвертом примере надстрочная «фита» пришлась как раз под знаком «х». Чтобы разместить выносную букву, в знаке «х» пришлось пропиливать специальный паз. В пятом и шестом примерах аналогичным образом делались выемки в литерах «ять» и «земля». Седьмой пример иллюстрирует применение двух вариантов литеры «ять». Литера с укороченной мачтой использовалась в том случае, если против нее приходился нижний выносной элемент верхней строки (здесь — литера «у»).

Характерный признак среднешрифтного Четвероевангелия — удлиненный формат полосы набора. Здесь наборщик, несомненно, следовал рукописному образцу. Мы можем назвать такой образец — Четвероевангелие, положенное благовещенским попом Сильвестром в Соловецкий монастырь (ГПБ, Сол. 48/130).

Наборщик среднешрифтного Четвероевангелия делал немало опечаток. На л. 7 об. он, например, пропустил целую строку, а на л. 8 об. ошибочно набрал вторично последнюю строку предыдущей страницы (см. экз. ЛБ № 3603). Ошибка была сразу же замечена. В большинстве известных нам экземпляров она исправлена. Для этого наборщику пришлось делать переверстку — сдвигать набор полос 7 об. и 8 на одну строку.

Небольшую переверстку пришлось делать и на л. 200 об.

Прием «слепого тиснения» мастер среднешрифтного Четвероевангелия применяет значительно реже, чем его предшественник. Мы обнару-

Ломбарды и прописные литеры среднешрифтного Четвероевангелия

жили этот прием всего лишь на двух полосах: на л. 184 об. оттиснут набор л. 179 об. и на л. 292 об.— набор первых девяти строк л. 288 об. На других пустых листах (лл. 178, 181) нет никаких признаков слепого тиснения.

Печатник среднешрифтного Четвероевангелия вернулся к старому приему однопрокатной двухкрасочной печати. Опыт печатания Триоди постной удался. Однако при новой технологии оказалось сложнее соблюдать приводку. Мастер предпочел вернуться к испытанному, хотя и трудоемкому методу.

При ручном раскрашивании формы ошибки в распределении цвета естественны. Таких ошибок в среднешрифтном Четвероевангелии немало (л. 65 об., строка 5-я и т. д.).

СРЕДНЕШРИФТНАЯ ПСАЛТЫРЬ

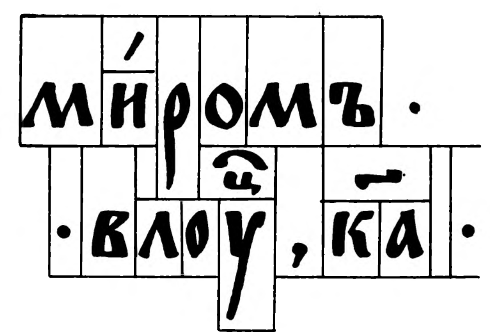
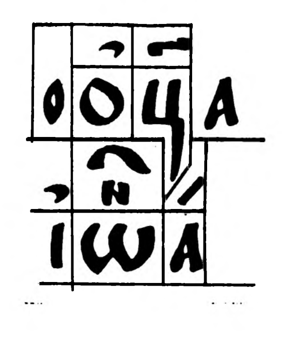
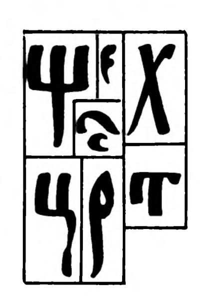
История изучения. В. М. Ундольский, комплектуя свое великолепное собрание старопечатных книг, приобрел у купца А. К. Кочуева, «соревнователя» Общества истории и древностей российских, ветхий и неполный экземпляр Псалтыри, не имевшей выходных данных. Книгу эту он помянул в своем «Очерке славяно-русской библиографии» (М., 1871) под № 135, однако неверно указал формат.

Это первое упоминание о среднешрифтной Псалтыри. Второе было сделано семь лет спустя. И. П. Каратаев в своем известном труде снабдил описание среднешрифтного Четвероевангелия следующим примечанием: «Есть издание Псалтыри учебной, в лист, напечатанное такими же буквами, как и это Евангелие. В тексте местами помещены красные точки, без пометы листов» [249].

Архимандрит Леонид Кавелин, штудируя «Описную книгу» церквей Княгининского уезда, составленную в 1672 г. [250], обнаружил упоминание о том, что в селе Воронине на речке Удомке в ту пору имелась «Псалтирь учительная, в десть, древняя печать», и отождествил это издание с Псалтырью, упомянутой Каратаевым. Эта гипотеза послужила для Л. А. Кавелина лишним доказательством московского происхождения одинакового с Псалтырью по шрифту среднешрифтного Четвероевангелия, а также и остальных безвыходных первопечатных изданий. При этом он вслед за И. П. Каратаевым назвал Псалтырь учебной, отметив, что книга «по своему составу есть произведение чисто русское, точнее же сказать, московское, очевидно, обязанное своим происхождением пресловутому Стоглавому собору 1551 года» [251].

Книгу эту Л. А. Кавелин произвольно объявил первым московским печатным изданием. Он долго разыскивал издание. 2 марта 1883 г. архимандрит писал А. Е. Викторову: «Прошу мне указать, могу ли надеяться взять у Вас дестевую Учебную Псалтырь, а если таковой у Вас в музее нет, то где мне достать ее?» [252] Обращался Кавелин и к И. П. Каратаеву, препроводив ему одновременно экземпляр своего исследования о безвыходном широкошрифтном Четвероевангелии. Но Каратаев относился отрицательно к идее о московском происхождении безвыходных изданий. Он не ответил Леониду. «Верно, как говорит наш пейзан, «осерчал»,— иронически комментировал архимандрит в письме к А. Е. Викторову.

26 марта 1883 г., отвечая Кавелину, Викторов отождествил Учебную Псалтырь, указанную Каратаевым в примечании к № 58, с Псалтырью № 135 Ундольского. «Я не сомневаюсь,— писал он,— что Каратаев в своем примечании имеет в виду именно эту Псалтырь, а не другую какую-либо, а потому могу сказать положительно, что в музее есть эта Псалтырь, а именно из библиотеки Ундольского, только в неполном экземпляре. Помнится, есть эта Псалтырь и в императорской Публичной библиотеке, но тоже неполная. Наш экземпляр по музейному каталогу значится под № 72» [253].

Приемы набора и верстки мастера среднешрифтного Четвероевангелия

Леонид еще раз подтвердил свое желание познакомиться с безвыходной Псалтырью в письме к А. Е. Викторову от 30 марта 1883 г.[254] Однако сделал он это или нет — мы не знаем.

В 1883 г. И. П. Каратаев во втором издании своего труда дал более подробное описание среднешрифтной Псалтыри. Он помянул, в частности, что видел это издание «лет 25 тому назад, у торговца старыми книгами»; «...сколько всех тетрадей и по скольку строк на странице, не помню»[255].

Леонид в рецензии на каратаевское описание, опубликованной в 1884 г., еще раз подчеркнул свою уверенность в том, что помянутая Псалтырь — «первое по времени выхода» московское издание. Мнение свое он никакими сколько-нибудь убедительными доводами не подкрепил, если не считать следующего наивного утверждения: «...весьма естественно было, по тому времени, книгопечатанию в Москве в 1550-х годах начаться с Учебной Псалтыри, как такой книги, которую особенно чтили наши благочестивые предки, крепко держась той святой истины, что она научит их детей прежде всего страху Господню, который есть начало премудрости»[256].

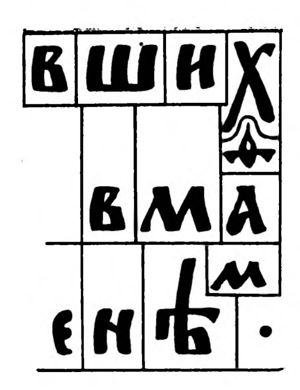
А. Е. Викторов в своем неопубликованном труде «Описание безвыходных старопечатных книг» не успел описать среднешрифтную Псалтырь, хотя определенно собирался сделать это. Первое подробное описание было опубликовано лишь в 1926 г. А. А. Гераклитовым[257]. Описание это обстоятельно и точно. Отдельные коррективы к нему были впоследствии внесены А. С. Зерновой[258].

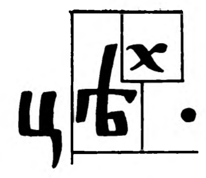
Известные экземпляры издания. Упомянутый в письме А. Е. Викторова экземпляр среднешрифтной Псалтыри из собрания В. М. Ундольского в настоящее время находится в Отделе редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (№ 2616). Экземпляр не полон. Он начинается с листа 29; в начало книги вплетено 24 листа рукописного текста на синей бумаге XVIII в. Многие листы (лл. 33, 39, 40, 210, 281, 282) отсутствуют. Ряд листов (лл. 30, 79, 100, 123, 127, 191, 192, 232) заменен рукописными. Шестнадцать рукописных листов вплетено и в конец книги. Очень многие страницы сохранились неполностью. Они подклеены, и недостающий текст восполнен от руки.

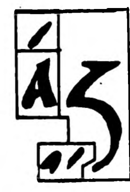
Переплет — доски в коже, верхняя доска не сохранилась. На обороте нижней доски наклеен экслибрис Публичного и Румянцевского музеев с № 72 — тем самым номером, который указывает А. Е. Викторов.

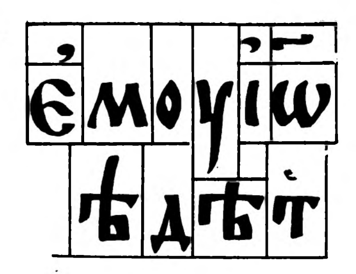
До В. М. Ундольского экземпляр, как мы уже упоминали, принадлежал А. К. Кочуеву. Владельческая запись его находится по листам 29, 33, 40, 47, 48 (нумерация данного экземпляра). Кроме того, на л. 43 об. оттиснута печать Кочуева.

А. А. Гераклитов в своем исследовании пользовался почти полным экземпляром из собрания Саратовского государственного университета. В университет этот экземпляр попал в 1920—1921 гг. вместе с национализированной коллекцией крупного капиталиста, старообрядца П. Мальцева. Часть листов экземпляра заменена рукописными (лл. 58, 105, 123,

190, 191), которые, по словам Гераклитова, вплетены в книгу в половине XVII столетия. Перед текстом в качестве фронтисписа вклеена поздняя гравюра, изображающая царя Давида. Где находится в настоящее время экземпляр, описанный Гераклитовым, мы не знаем.

Упомянутого в письме А. Е. Викторова экземпляра императорской Публичной библиотеки в собрании Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в настоящее время нет. Вполне возможно, что Викторов ошибался и этого экземпляра в действительности не существовало. Но зато в Публичной библиотеке имеются два почти полных экземпляра Псалтыри, попавшие сюда из собрания Соловецкого монастыря. Как известно, собрание это в годы Крымской войны, когда ожидалась бомбардировка Соловков, перевезли в Антониев-Сийский монастырь (в 1854 г.), а год спустя передали Казанской духовной академии. Оттуда в 1928 г. собрание поступило в Публичную библиотеку.

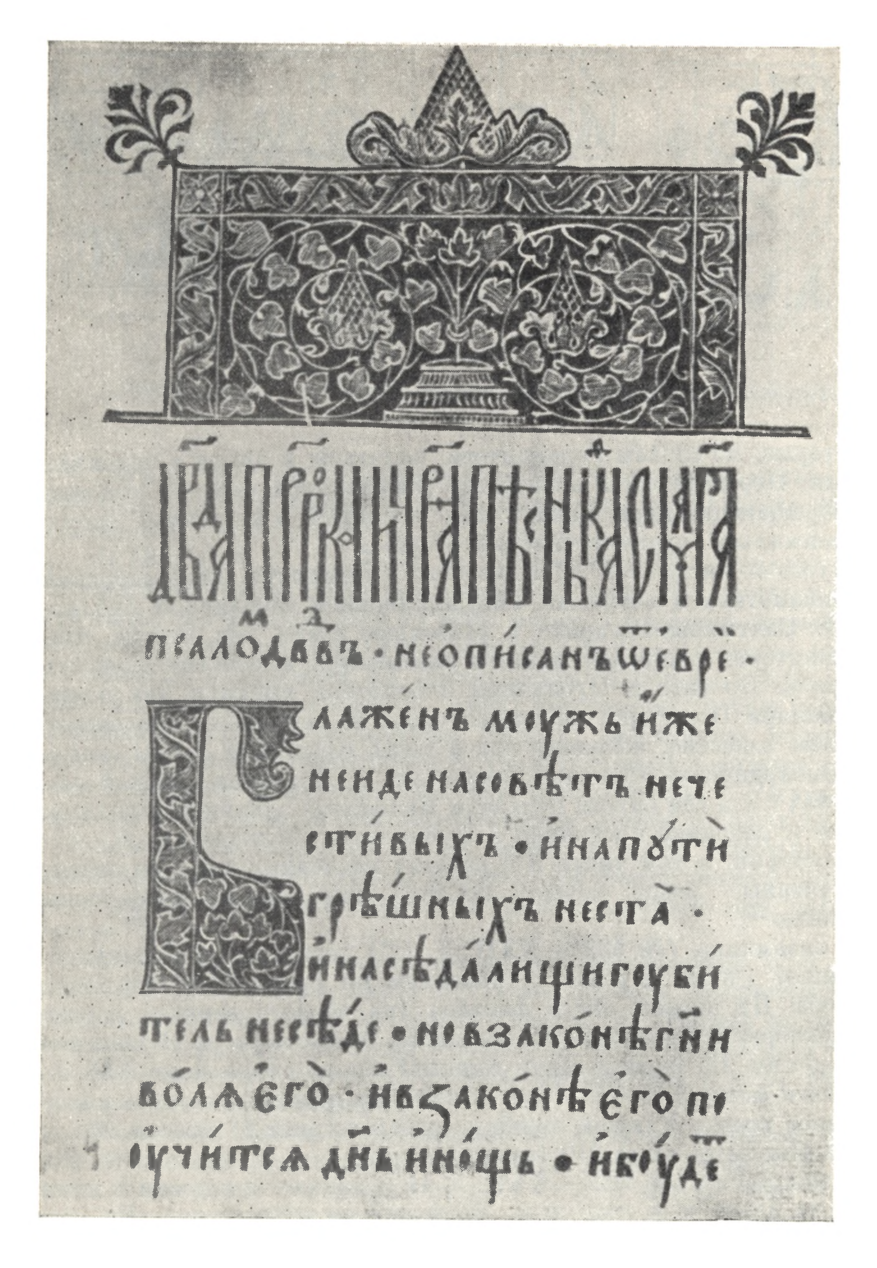
В библиографии, в том числе и в работах последних лет, эти экземпляры не учтены. Лишь совсем недавно они были обнаружены В. И. Лукьяненко [259].

Первый экземпляр (№ 5223—XXII. 5. 11[а]) заключен в реставрированный переплет (доски в коже с тиснением на сторонках). Застежки не сохранились. На первом листе форзаца (на обороте верхней доски) наклеены экслибрисы библиотек Соловецкого монастыря и Казанской духовной академии. На первом листе имеется запись скорописью XIX в.: «Из Соловецкого монастыря № 1465». Экземпляр полный, реставрированный в последнее время. Укажем ошибку подборки: лист 11 вклеен между листами 8 и 9. Нет лишь листа 210 (пустого).

Второй экземпляр (№ 5224—XXII. 5. 11[б]) заключен в доски в коже с тиснением на корешке и сторонках. Застежки не сохранились. На первом листе форзаца наклеен экслибрис библиотеки Соловецкого монастыря. Экслибрис библиотеки Казанской духовной академии находим на одном из первых переплетных листов. Здесь же запись: «Из Соловецкого монастыря № 1466». На первом листе — печать библиотеки Казанской духовной академии. В конец книги вплетено 29 листов рукописного текста «В святую великую субботу кафисма надгробная», относящегося, по-видимому, ко второй половине XVI в. (водяной знак — перчатка с короной над пальцами). Экземпляр сравнительно полон. Нет третьего листа (пустого). Листы 23, 26, 173, 178, 190—194, 228 — заменены рукописными.

Таким образом, мы можем говорить всего лишь о четырех экземплярах среднешрифтной Псалтыри, имеющихся в книгохранилищах или описанных в литературе. Эта книга — самое редкое безвыходное издание (если не считать Триоди цветной). Впрочем, достаточно редки все первопечатные Псалтыри.

Вкладные. Ни на одном из просмотренных нами экземпляров среднешрифтной Псалтыри нет достаточно ранних вкладных и владельческих записей. Не было их и на гераклитовском экземпляре.

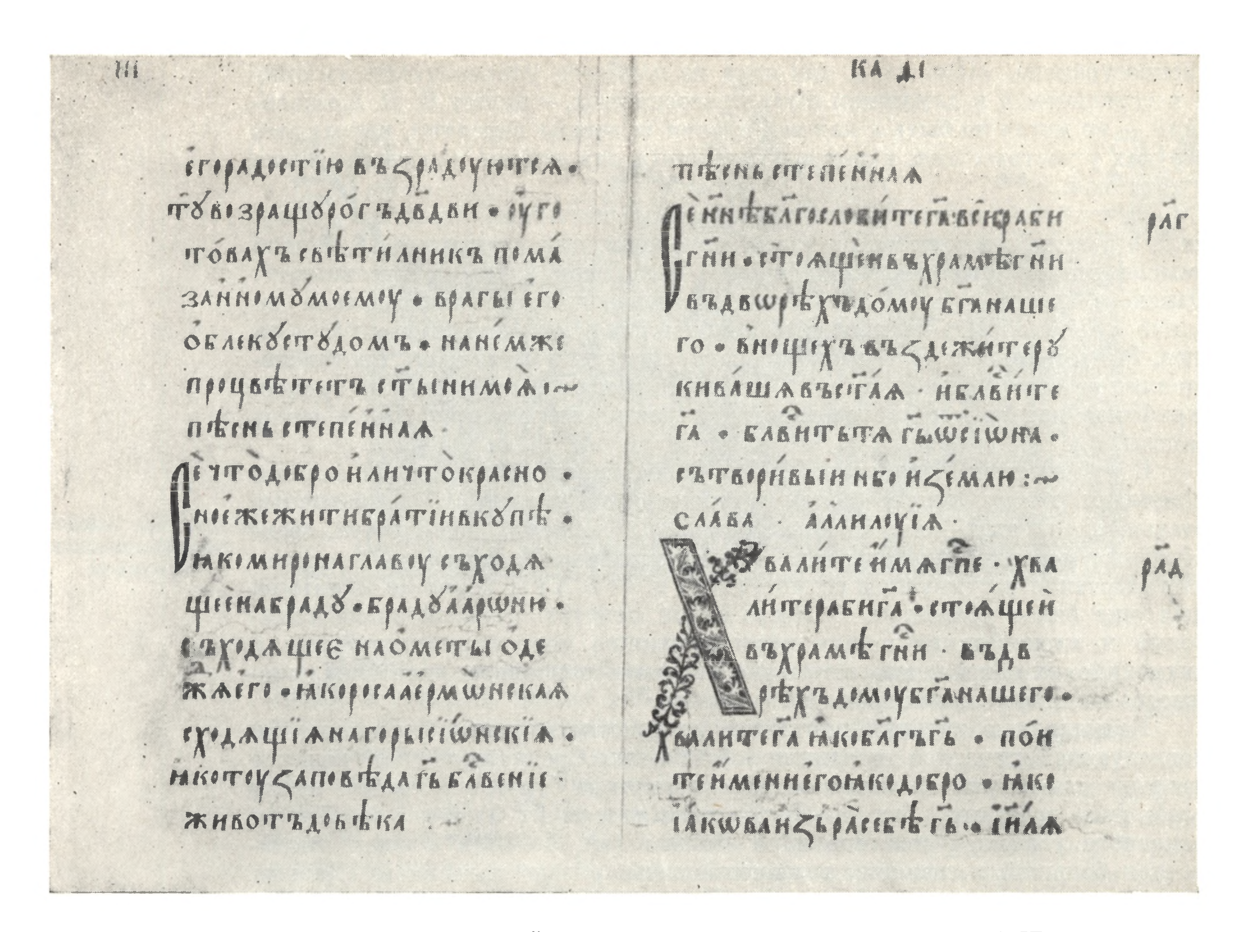

псаломъ двдвъ. не описанъ ѿ еврѣ.
блаженъ моужь иже
не иде на совѣтъ нече
стивыхъ. и на поути
грѣшныхъ не ста.
и на сѣдалищи гоуби
тель не сѣде. но в законѣ гни
воля его. и в законѣ его по
оучится днь и нощь. и боуде

Среднешрифтная Псалтырь. ГПБ

Первый экземпляр Псалтыри из Соловецкого собрания ранее имел вкладные и владельческие записи на л. 231 об. Одна из записей помещена в прямоугольную рисованную рамку. Впоследствии тексты записей были тщательно вытерты и прочитать их сейчас, не прибегая к криминалистическим методам, невозможно. Экземпляр, по-видимому, входил в основное ядро монастырской библиотеки и поступил туда вскоре же после напечатания.

Второй экземпляр попал в Соловки позднее. Скорописная запись XVIII столетия указывает, что он принадлежал церкви Вилейского погоста Олонецкого уезда. В том же экземпляре на переплетных листах — помета кирилловскими знаками, которые можно прочитать как дату: «7074»,— то есть 1566 г. Водяной знак переплетных листов — голова шута с бубенчиками на воротнике.

Общее описание. Среднешрифтная Псалтырь отпечатана в лист. Число строк на полосе 16. Тетради составлены из четырех односгибных листов. Каждая тетрадь, таким образом, содержит 16 страниц. Ни паги-

Среднешрифтная Псалтырь. Разворот с инициалом. ГПБ

нации, ни сигнатур книга не имеет. Всего в книге 282 листа, составляющих 35 тетрадей (одна тетрадь составлена из пяти односгибных листов). Листы 3, 210 и 282 — пустые.

Состав книги. Псалтырь — богослужебная книга, входящая в Ветхий завет и содержащая молитвословия — псалмы, приписываемые царю Давиду. Книга появилась на русской почве с первых годов принятия христианства. Древнейшие списки восходят к XI в. В. И. Срезневский выделяет три основные редакции славянской Псалтыри, однако отмечает, что эти редакции сплошь и рядом выражены нечетко [260]. Судьбы Псалтыри изучали также Е. Ф. Карский, В. Погорелов и некоторые другие исследователи [261].

В русской рукописной книжности бытовало три основных варианта Псалтыри: Псалтырь простая («келейная», или «малая»), Псалтырь толковая и Псалтырь с восследованием («следованная»). В Псалтыри толковой псалмам сопутствовали «толкования» церковных писателей. Читатель помнит, что для перевода одной из толковых Псалтырей был приглашен на Русь Максим Грек.

Псалтырь со следованием в греческом оригинале неизвестна, почему В. И. Срезневский и считает ее «славянским изобретением». В этом случае к основному тексту прибавляют Часослов, избранные из различных богослужебных книг «тропари» и «кондаки», а также молитвословия, связанные с обрядом причащения.

Среди других богослужебных книг Псалтырь выделяется тем, что с древнейших времен использовалась для обучения чтению. Благодаря своему учебному характеру книга была на Руси исключительно широко

распространена. «Псалтырь, как одна из наиболее употребительных книг и в церковном и в домашнем быту православных,— пишет В. И. Срезневский,— не могла не быть в каждой церкви и, весьма вероятно, находилась в руках у частных лиц, как домашняя книга для чтения, особенно чтимая и читаемая...» [262]

За учебный характер Псалтырь (преимущественно «простая») получила в русской книжности название «учебной», или «учительной». В этом смысле все московские первопечатные Псалтыри были «учительными». Однако с легкой руки И. П. Каратаева, назвавшего среднешрифтное издание «Учебной Псалтырью», это неправильное название закрепилось за ним. Эпитет прибавляют только к среднешрифтной Псалтыри, противопоставляя ее остальным изданиям [263]. Между тем по составу своему среднешрифтное издание и последовавшее за ним широкошрифтное — очень близки.

В рукописных Псалтырях XV—XVI вв. перед каноническим текстом помещали всевозможные вспомогательные материалы и прибавочные статьи. Среди них — оглавление, текст «Указ правилу келейному», своеобразные методические указания об использовании книги в учебных целях «Правило не умеющим грамоте» и т. д. [264] В XVII в. состав Псалтыри был еще более усложнен. В книге стали печатать всевозможные «символы» и «исповедания веры», принадлежащие перу александрийских и антиохийских патриархов, «отзывы о псалмах» церковных писателей, множество дополнительных тропарей и молитв [265].

Безвыходные издания в отличие от предшествующей рукописной и последующей печатной традиции облегчены. Среднешрифтное издание открывается вступительным текстом «Разумно да будет, како начати иноку особь пети псалтырь» (лл. 1—2). Пустым листом (л. 3) текст отделен от основного раздела — псалмов царя Давида (лл. 4—209). Раздел открывается большой заставкой и выполненным вязью заглавием «Давыда пророка и царя песнь кафисма 1». В книге 150 псалмов и, кроме того, еще один, не входящий в общую нумерацию. Начало каждого псалма отмечено порядковым номером, проставленным кирилловскими цифрами на боковом поле книги. Псалмы собраны в 20 кафизм. Начало каждой кафизмы подчеркнуто гравированным инициалом, а также колонтитулом, вынесенным на верхнее поле.

Вслед за псалмами помещены десять библейских песен (лл. 211—232), в начале которых отпечатаны заставка и заголовок, выполненный вязью: «Песнь Моисеева во исходе. Песнь 1». Книгу заключает раздел «Многомилостивое певаемо в праздники господския и во дни нарочитых святых» (лл. 233—281).

Бумага. Среднешрифтная Псалтырь, как и остальные безвыходные издания (за исключением среднешрифтного Четвероевангелия), напечатана на французской бумаге. А. А. Гераклитовым и А. С. Зерновой выявлены следующие водяные знаки.

1. Малая сфера (Лихачев, № 1288 и др.). 1550—1560-е гг.
2. Большая сфера в руке (Лихачев, № 1667, 1668, 1753). 1536—1555 гг.
3. Сфера с инициалами «I» и «B» (Тромонин, № 790; Брике, № 14056). 1548—1564 гг.
4. Перчатка с короной над пальцами (Лихачев, № 1688, 1690, 1743, 1744, 1746—1749, 1760, 1789). 1540—1550-е гг.
5. Знак «I» с лилией в навершии.

А. А. Гераклитов указывает шесть вариантов знака «малая сфера». А. А. Зернова упоминает о трех вариантах знака сферы с инициалами.

Все эти знаки встречаются и в Триоди постной. Можно, следовательно, предположить, что издания эти во времени соседствовали одно с другим. Не исключено, что Псалтырь печатали одновременно со среднешрифтным Четвероевангелием — впоследствии мы остановимся на этом вопросе.

Большая заставка из среднешрифтной Псалтыри

Интересно и то, что бумагу со знаком большой сферы в руке мы находим в царском списке макарьевских Великих Четьихминей — лишнее доказательство московского происхождения безвыходных изданий.

Орнаментика. В среднешрифтной Псалтыри — три заставки, отпечатанные с двух досок. Первая большая заставка (л. 4) впервые репродуцирована в 1962 г.[266] Ни в одном из первопечатных изданий эта заставка больше не встречается. Но зато мы находим ее в рукописном Четвероевангелии из собрания Московской Синодальной типографии, где она оттиснута четыре раза[267]. При этом один раз — на листе с буквицей «веди» из безвыходной Триоди цветной.

Заставка представляет собой удлиненный прямоугольник с подчеркнутым основанием, завершенным стрелками. Среднее поле утяжелено сверху килевидным навершием, а по бокам декорировано акротериями. Центральная часть заставки ограничена бордюром. Мотив бордюра такой же, как и в заставках среднешрифтного Четвероевангелия,— старопечатный вьюнок без центральной ветви. В верхних углах бордюра — четырехлепестковые розетки с белыми точками между лепестками, точно такие же, как и в «заставке с Матфеем».

Центральная часть занята растительным орнаментом — расходящиеся по спиралям ветви образуют подобие восьмерки. Ветви обильно обрамлены все теми же виноградными листьями и заканчиваются стилизованными плоскими шишками. Рисунок их точно такой же, как в заставке «Соборника», общей для всех трех безвыходных Четвероевангелий. Ветви, имеющие общее основание, исходят из большой вазы, которая составлена из трех усеченных конусов. Заставка выполнена все в той же металлографской технике, о которой уже говорилось в связи с первыми безвыходными изданиями. Приемы гравирования особенно близки к технике мастера среднешрифтного Четвероевангелия. Нет никакого сомнения, что здесь работал один и тот же гравер, причем примерно в одно и то же время.

Во второй заставке Псалтыри (лл. 211 и 233) находим аналогичную по рисунку вазу. Эта заставка уже знакома нам — она взята из среднешрифтного Четвероевангелия (Зерн. 1), причем напечатана с той же самой доски. В Евангелии доска была употреблена четыре раза, в Псалтыри — два раза. По наблюдениям А. С. Зерновой, первые два отпечатка сделаны с совершенно новой доски, а четыре других (два во второй половине Четвероевангелия и два в Псалтыри) уже с несколько изношенной: стрелки основания здесь почти не видны[268]. Из этого А. С. Зер-

Заставка из среднешрифтной Псалтыри и буквица из Триоди цветной в рукописном Четвероевангелии середины XVI века. ЦГАДА

нова правомерно делает вывод о том, что Четвероевангелие напечатано раньше Псалтыри. Мы присоединяемся к этому выводу и можем привести в его пользу некоторые другие аргументы.

Среднешрифтная Псалтырь гораздо богаче инициалами, чем безвыходные Четвероевангелия. В каждом из последних всего по четыре буквицы. В Псалтыри 21 инициал, отпечатанный с 11 досок. Созданный для этого издания алфавит включает следующие буквицы: «Б» (лл. 4, 134, 171, 201 об.), «В» (лл. 21, 67, 110), «Г» (лл. 53 об., 143 об.), «И» (лл. 11 об., 153), «К» (лл. 32 об., 183 об.), «Н» (л. 98 об.), «П» (в двух вариантах: 1-й вариант — лл. 78 об., 123 об., 2-й вариант — л. 211), «Р» (лл. 43 об., 163), «Т» (л. 88), «Х» (л. 191). Три буквицы — «В», «К» и «П» — взяты готовыми из среднешрифтного Четвероевангелия и определенно отпечатаны с тех же досок.

По мнению А. С. Зерновой, инициалы «П» (1-й вариант), «И» и «Н» отпечатаны с одной и той же доски[269]. Для этого у инициала «покой» была срезана верхняя перекладина, а между двумя штамбами вставлены две линейки с наклоном в разные стороны — слева направо («И») и справа налево («Н»). Мы склоняемся к мнению, что в этих трех случаях применены три разные доски. Перекладина, срезанная у буквицы «П», естественно, не могла появиться снова. Этот инициал первый раз встречается на л. 78 об.— уже после буквицы «И» (л. 11 об.), а второй раз — на л. 123 об.— после буквицы «Н». «И», кроме того, встречаем и на л. 153. Легко понять, что «И» и «Н» со срезанными перекладинами не могли появиться раньше «П».

Графика восьми новых инициалов, выгравированных специально для Псалтыри, находит аналогии в орнаментике среднешрифтного Четвероевангелия. Композиция решена в том же самом ключе. Ее основу составляет старопечатный вьюнок без центральной ветви, пущенный по штамбу буквицы. Наряден и своеобразен инициал «Х», который до сего времени не воспроизводился и в каталоге Зерновой не учтен.

Орнаментальное убранство книги дополняет вязь, которую мы находим под заставками на двух полосах (лл. 4 и 211). Достаточно полон ассортимент ломбардов. В безвыходных Четвероевангелиях ломбардов так же мало, как и гравированных буквиц. В Псалтыри мы сталкиваемся с совершенно иной картиной. Здесь встречаются ломбарды 20 наименований. Наиболее распространены «Б» (32 случая), «В» (29) и «Г» (25). С другой стороны, ломбарды «Д», «М» и «А» встречаются лишь по два раза, а ломбарды «Ж» (л. 133), «Ч» (л. 74 об.), «омега» (л. 125), «Я» (л. 185 об.) — по одному.

Ломбарды среднешрифтной Псалтыри

Многие ломбарды встречаются в нескольких различных начертаниях. Так, для ломбарда «Б» было сделано по крайней мере четыре формы. Количество вариантов не зависит от частоты встречаемости тех или иных знаков. Ломбард «А» в книге встречается всего два раза, однако для него сделано два клише (1-й вариант — л. 80 об., 2-й — л. 187). Оба случая отстоят друг от друга достаточно далеко. Следовательно, нельзя объяснить этот факт невозможностью использования одной доски на одном и том же листе.

Исследователь старопечатной книги неоднократно убеждался, что логика бессильна там, где идет речь о богатстве вариантов шрифта. Все сказанное по этому поводу относится и к ломбардам.

Высота ломбарда — около 27 *мм*; каждый из них занимает три с лишним строчки. Таковы же размеры ломбардов среднешрифтного Четвероевангелия. В этом издании мы находим два недостающих в Псалтыри знака — «Е» и «Л». Таким образом, в распоряжении типографии, из которой вышли оба издания, имелось 22 ломбарда из 40 знаков кирилловского шрифта.

Особенности полиграфической техники. Знакомство со среднешрифтной Псалтырью обнаруживает те же типографские приемы, что и в среднешрифтном Четвероевангелии. Применен тот же шрифт; остались прежними приемы набора и верстки. В качестве отличительного признака упомянем вновь отлитый знак «ч» своеобразного начертания. Литера применяется лишь на полях книги для цифровой индексации.

Киноварью отпечатаны заголовки, ломбарды в начале псалмов. Типограф применяет известную уже нам двухкрасочную однопрокатную печать с одной формы. В распределении краски нередки ошибки и варианты. В экземпляре ЛБ № 2616 на л. 230 об. пропущен и впоследствии восполнен от руки киноварный ломбард «М». На л. 43 в первой строке буква «Т» в начале фразы в одном случае напечатана черным (ГПБ, № 5224), в другом — красным (ГПБ, № 5223). В экземпляре ГПБ № 5223 на л. 128 об. в седьмой строке пропущено и восполнено от руки киноварное «И».

Любопытны типографские варианты на л. 235. В одном из экземпляров сдвинуты вправо относительно полосы строки первая и третья (ГПБ, № 5224). На той же полосе в десятой строке буквы «п» и «в» в одном случае напечатаны красным, в другом — черным. Все эти варианты — лишнее свидетельство в пользу гипотезы об однопрокатности печати.

При заключке полос среднешрифтной Псалтыри использовались рамы, приготовленные для среднешрифтного Четвероевангелия. Об этом говорит слепое тиснение индексов евангелистов в перевернутом состоянии на нижних полях книги [270]. Можно сделать вывод, что печатание Псалтыри производилось в той же самой мастерской, где было изготовлено среднешрифтное Четвероевангелие, причем одно издание печатали непосредственно после другого. Об этом же свидетельствует использование в той и другой книге одинаковых типографских материалов.

Не исключено, что оба издания печатались одновременно. Об этом как будто бы говорит следующий факт. На некоторых полосах среднешрифтной Псалтыри мы встречаем слепое тиснение. Однако характер его совсем иной, чем в безвыходных Четвероевангелиях. Там тиснение встречалось исключительно на пустых полосах. В Псалтыри тисненый рельеф сплошь и рядом обнаруживается на листах с текстом.

Вспомним, что тетради безвыходных изданий подобраны из листов, сфальцованных пополам. Так вот, тиснение на одной половине листа среднешрифтной Псалтыри повторяет набор второй половины листа (например, на л. 97 экз. ГПБ № 5223 тиснен набор л. 94). Аналогичное явление мы наблюдали лишь однажды — в Руянском Четвероевангелии 1537 г. Объяснение здесь может быть только одно — лист печатался в сфальцованном состоянии.

В свое время мы установили, что в первой московской типографии был печатный стан, рассчитанный на полный формат — на одновременную печать двух полос. Печатать на таком стане лист в сфальцованном состоянии — сначала одну полосу, потом другую — не имело никакого смысла. Значит, в типографии был и второй стан — половинного формата. Такой небольшой станок стоял на Московском Печатном дворе в начале XVII в.— он сохранился и сейчас находится в Государственном Историческом музее. Не было ли аналогичного станка и в первой русской типографии? А может быть, сохранившийся станок относится к более древним временам, чем это обычно считается?

Слепое тиснение парных полос наблюдается лишь на немногих листах среднешрифтной Псалтыри. Отсюда мы делаем вывод, что книгу начинали печатать тогда, когда изготовление среднешрифтного Четвероевангелия не было закончено. Печатали параллельно — на маленьком и большом станах. Когда же печатание тиража Евангелия было закончено, Псалтырь начали печатать на большом стане.

ШИРОКОШРИФТНОЕ ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛИЕ

История изучения и известные в настоящее время экземпляры. Широкошрифтное Четвероевангелие встречается значительно реже, чем узкошрифтное и среднешрифтное издания. Нам известно всего 14 экземпляров этой первопечатной московской книги.

Впервые она была описана П. М. Строевым в каталоге библиотеки И. Н. Царского [271]. Уже тогда, в 1836 г., археограф высказывал мысли о московском происхождении книги: «Издание не известное библиографам, конечно, южное; или не первое ли московское, если оно действительно было». В «Палеографических снимках», приложенных к каталогу, Строев поместил литографированный снимок одной из полос широкошрифтного Четвероевангелия (№ 7, табл. VI). Он же опубликовал вкладную запись 1569 г. из экземпляра, принадлежавшего Царскому.

В 1848 г. В. М. Ундольский зарегистрировал экземпляр из собрания А. И. Кастерина [272]. Впоследствии широкошрифтное Четвероевангелие попадает на страницы указателей И. П. Каратаева [273], В. М. Ундольского [274] и А. Родосского [275].

И. П. Каратаеву было известно пять экземпляров. Три из них — из собраний автора, Публичной библиотеки и Московского Публичного и Румянцевского музеев — упоминались впервые.

В 1873 г. А. Е. Викторов на страницах «Отчета Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1870—1872 гг.» описал экземпляр библиотеки И. Я. Лукашевича [276]. Викторов отметил сходство издания по составу и правописанию со среднешрифтным Четвероевангелием, а по орнаментике — с виленским изданием 1575 г. Он впервые с достаточной определенностью высказал мнение о московском происхождении безвыходных Четвероевангелий: «Названные три издания несомненно вышли из типографий русских и бесспорно прежде московского первопечатного Апостола». Это положение, впервые сформулированное в весьма лаконичной форме в 1873 г., как известно, впоследствии было подробно аргументировано А. Е. Викторовым в его докладе на Третьем археологическом съезде в Киеве и особенно в неопубликованном труде, о котором шла речь выше. В реферате доклада, который увидел свет в 1878 г., археограф лишь назвал широкошрифтное Четвероевангелие, высказав попутно следующее мнение: «Очень может быть, что последнее издание есть то самое, принадлежащее Ивану Федорову Евангелие, за которым в нашей библиографии было столько поисков» [277].

Это мнение сделано лейтмотивом «библиографического исследования» архимандрита Леонида Кавелина «Евангелие, напечатанное в Москве. 1564—1568» (Спб., 1883). В основу исследования положен экземпляр,

Ѿ Матѳеа стое блговѣствованїе

Книга ростьва Їс Хва сна двдва, сна авраамля.
Авраамъ роди, Ісаака.
Ісаакъже роди, Іакова.
Іаковже роди, Июду и братїю его. Июдаже роди фареса и зара ѿ дамары. фаресже роди
не прежтво хвымъ сты ѿцъ.

Глава а

Широкошрифтное Четвероевангелия. Начальная полоса евангелия от Матфея

который хранился в ризнице Троице-Сергиевой лавры. Краткое описание его, а также тексты вкладных были опубликованы Леонидом за год перед этим[278]. В своем исследовании он сделал вывод, что рассмотренное им издание и есть «то искомое Евангелие московской печати времен царя Ивана Васильевича Грозного, которое доселе не отыскивалось единственно потому, что искали его не там, где следовало». По мнению Леонида, «оно было напечатано ранее 1568 года и, следовательно, нашими первопечатниками: дьяконом Иваном Федоровым и Петром Тимофеевым Мстиславцем, после напечатания Апостола 1564 года»[279].

В послереволюционные годы экземпляр широкошрифтного Четвероевангелия, принадлежавший Покровской старообрядческой церкви в Саратове, был описан А. А. Гераклитовым[280]. Изучение экземпляра убедило ученого в том, что «мнение Каратаева о немосковском происхождении Евангелия не обосновано». «Напротив,— утверждает Гераклитов,— все доказательства сходятся на том, что эта книга напечатана в пределах Московского государства». Т. Н. Протасьева в «Описании первопечатных русских книг» зарегистрировала девять экземпляров широкошрифтного Четвероевангелия[281]. Три экземпляра были описаны ею впервые — это книги из собрания «Меньших» Государственного Исторического музея, из собрания Е. Е. Егорова и из Библиотеки Академии наук СССР. В самое последнее время Дж. Симмонс привел сведения об экземпляре, находящемся ныне в одной из лондонских библиотек[281]. Упомянем еще один экземпляр широкошрифтного Четвероевангелия из Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ранее никем не учтенный и не описанный.

Всего, таким образом, к настоящему времени известно 14 экземпляров. Мы знаем, где находятся 11 из них. Наиболее богата этим изданием Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Здесь пять экземпляров широкошрифтного Четвероевангелия.

Раньше других попал в библиотеку экземпляр № 159 (1. 3. $7^{г}$). На первом листе книги внизу скорописью начала XIX в. сделана помета: «Из собрания Петра Фролова 1820 года». Это собрание (115 томов), приобретенное в 1817 г., положило начало коллекции старопечатных кирилловских книг Публичной библиотеки[282].

Экземпляр № 156 (1. 3. $7^{а}$) имеет экслибрис: «Из библиотеки Ивана Прокофьевича Коротаева». Это собрание, насчитывавшее 485 томов, поступило в Публичную библиотеку в 1861 г.

Три других экземпляра (№ 157—1.3.$7^{б}$, № 158—1.3.$7^{в}$, № 4348 — XVIII.11.5) не имеют экслибрисов или каких-либо помет прежних владельцев. Два из них, вне всякого сомнения, входили в собрания А. И. Кастерина и Петербургской духовной академии. Документально установлено, что оба эти собрания включали широкошрифтные Четвероевангелия и оба поступили в Публичную библиотеку. Третий экземпляр, повидимому, происходит из собрания М. П. Погодина[283].

В Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина — два экземпляра широкошрифтного Четвероевангелия. Первый из них (№ 3610) имеет экслибрис: «Из библиотеки Ивана Лукашевича». Это тот самый экземпляр, который был описан А. Е. Викторовым в 1873 г.

Второе широкошрифтное Четвероевангелие Ленинской библиотеки (№ 3609) входило в собрание Е. Е. Егорова.

Надо сказать, что в свое время в Московском Публичном и Румянцевском музеях был и другой экземпляр интересующего нас издания, а именно тот, который был учтен Каратаевым. Когда в библиотеку поступило собрание И. Лукашевича, он был переведен в дублетный фонд. Этот экземпляр по каталогу музеев носил № 11[284], экземпляр же Лукашевича — № 21. Где в настоящее время находится дублет, нам неизвестно.

Государственный Исторический музей владеет двумя экземплярами широкошрифтного Четвероевангелия. Первый из них (Цар. А. 14) — из

собрания И. Н. Царского. Это тот самый экземпляр, который в свое время был описан П. М. Строевым, а затем подробно изучен А. Е. Викторовым. Второй экземпляр (Меньш. 508) находится в собрании «Меньших».

Одно широкошрифтное Четвероевангелие хранится в Библиотеке Академии наук СССР (инв. 16 сп.— 7. 4. 29).

Неизвестно в настоящее время местонахождение экземпляров Покровской старообрядческой церкви [285], Троице-Сергиевой лавры и дублета Московского Публичного и Румянцевского музеев.

Вкладные. Древнейшая вкладная на широкошрифтном Четвероевангелии датируется 1569 г. Это запись на экземпляре из собрания И. Н. Царского — экземпляре, хорошо известном в литературе и наиболее изученном. Текст вкладной публиковался неоднократно, начиная от П. М. Строева и кончая Т. Н. Протасьевой: «Лета 7 (тысяч) семьдесят седмаго положили сию книгу святое Еуангелие в дом Воскресенью Христову и пророку Ильи поп Стефан да Павел Ефремов сын» [286]. Страницей спустя эта запись продолжена: «а поделывал ту книгу переплетал в ново лета 7142 году (т. е. 1634 г.) Воскресенскои черной поп Игнатьище из Окладниковы слоботки с Мезени, а родом ис Пустоозерского острогу».

Географическая привязка здесь совершенно точная. Л. А. Кавелин, который продолжения записи не знал, полагал, что здесь упомянута церковь Воскресения Христова с приделом пророка Ильи, находящаяся в Москве за Даниловым монастырем [287]. На самом деле книга была положена в церковь Воскресения, находившуюся за много сотен верст от столицы Московского государства. Это отметил впервые М. Н. Тихомиров.

Вторая по древности запись датируется 1594 г. Опубликована она Т. Н. Протасьевой. Текст гласит: «Положил книгу Еваниле тетрь во храм святые великомученицы Пасковгеи нареченые пятницы на престол у Каданова коладезя при свещенике Григоре Маркове сыне Володимерь Офонасьев сынь Псковитинов по душе своеи и по родителях лета 7 тысящь 102-го месяца маия в пятынадесеть ден на паметь преподобъново и богоносного Пахомъя великого» [288].

В этом случае географическое указание приблизительно. Где находился Каданов колодезь, сказать затрудняемся.

Еще менее определенна третья запись, которая к тому же точно не датирована: «Сие Евангелие положил Илье Пророку в дом игумен Ефрем по своей душе и по своих родителех» [289]. Надпись воспроизведена полууставом с юсами, почему мы и относим ее к концу XVI столетия. Церкви Ильи-пророка были во многих местах, какая из них здесь упомянута, догадаться невозможно.

В конце XVI в., по-видимому, была сделана запись и на том экземпляре книги, который хранился в ризнице Троице-Сергиевой лавры: «Евангелие печатное, а то Евангелие положите в церковь к Никону на престол по моей душе, или будет в которой нет Евангелия, туда и отдать». Это распоряжение сделано Евстафием Головкиным — в 1570—1581 гг. келарем Троице-Сергиева монастыря, а в 1598 г.— «строителем» Богоявленского монастыря в Московском Кремле. Скончался Головкин 8 сентября 1603 г. Четвероевангелие «оковано» в серебропозлащенный оклад, украшенный жемчугом и драгоценными камнями. По краям оклада вычеканена вязью следующая надпись: «Лета 7110 (т. е. 1602) августа в 26 день при царе и великом князе Борисе Феодоровиче всея Руси, и при благоверной царице великой княгине Марии Григорьевне, и при их благородных чадех при царевиче князе Феодоре Борисовиче всея Руси и при царевне княжне Ксении Борисовне всея Руси, и при святейшем патриархе Іеве Московском всея Руси, моляся Богу и пресвятей Богородице и великим чудотворцам Сергию и Никону, положил сие Евангелие старец Евстафий Головкин в храм на престол к Никону чудотворцу» [290].

К началу XVII столетия относится недатированная запись на одном из экземпляров Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Сал-

тыкова-Щедрина, которую мы публикуем впервые: «Дали Евангилие Овдотя Федовна да Иван сын Васильев сын Ямской в дом к Иакову апостолу брату господню по плоти на Добрыню улицу по Василия по Ондрееву сыну...» [291] В том же экземпляре на последнем листе имеется следующая, частично обрезанная запись, дублирующая первую: «...вдотья Федорова да Иван Васильев сын Ямской... по плоти на Добрыню улицу... поминати по умерших». Речь идет о церкви св. Иакова на Добрыниной улице в Великом Новгороде, церкви, которая впервые упоминается в летописях под 1181 г. [292]

В другом экземпляре той же библиотеки имеется частично вытертая и с трудом разбираемая запись конца XVII в. Т. Н. Протасьева прочла здесь следующее: «...Евангелье... положил... церковь Преображение господне и... богородице Казанской...» [293]

Наш обзор вкладных на экземплярах широкошрифтного Четвероевангелия мы закончим записью достаточно поздней — она относится к концу XVIII столетия. Она своеобразна, и мы считаем возможным привести ее здесь: «Сие святое Еуангелье взято в дом города Клина ямщика Григорья Фаддеева сына Баранихина с тем словом — пока господу богу угодно есть из дому моего от наследников моих Баранихина нежели от сына моего заблудившагося в пиянстве Андрея Григорьева сына Баранихина, отнюдь никому православном христианом завещеваю не купить и в заклад не брать, в чего ради во свидетельство сию и надпись по духовной христианской совести яко Григорей Фаддеев сын Баранихин в целом своем уме сие завещание своею, грешныи скверныи покаянныи человек подписал, потому христианом всем пишет в Маргарите судия совесть, тысяща семьсот девяносто осьмаго года апреля пятаго на десять дня» [294].

С болью в сердце написаны эти строки. Нет у старого ямщика Баранихина никакой надежды на сына Андрея, который может пропить даже святую книгу...

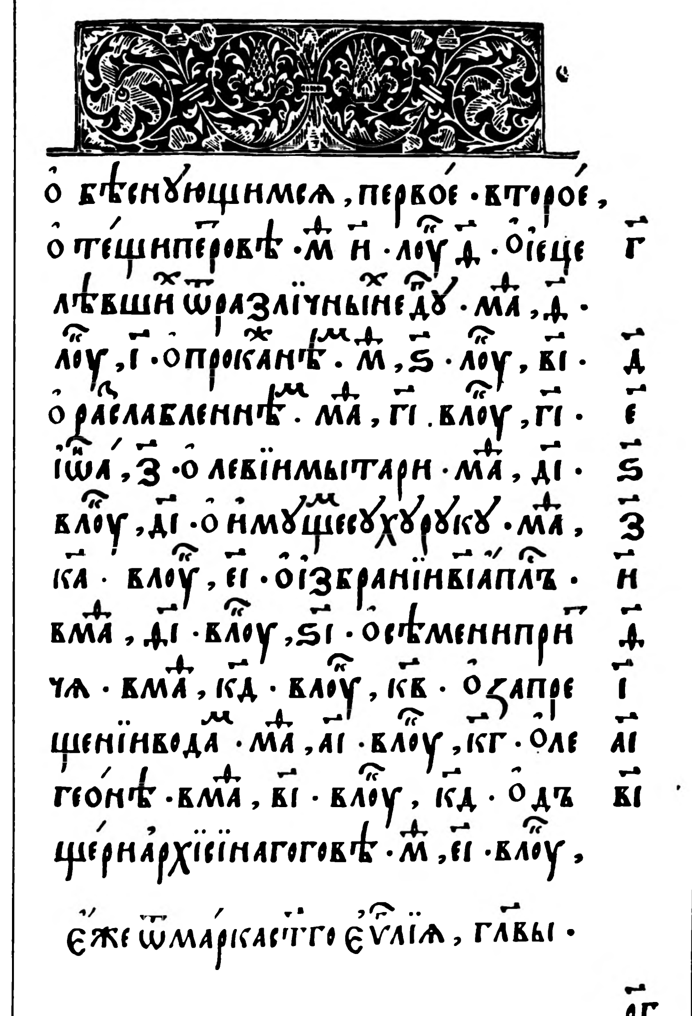
Сведения, которые мы извлекаем из вкладных, говорят о широком распространении широкошрифтного Четвероевангелия по всей стране. Здесь и далекая, затерявшаяся на Мезени Окладниковая слободка, и Великий Новгород на крайнем северо-западе Русского государства, и ближайшее Подмосковье — Клин и Троице-Сергиева лавра. И опять-таки нельзя отдать предпочтение какому-либо району. Можно лишь повторить уже сделанный однажды вывод — безвыходные первопечатные издания распространялись по всей стране среди самых различных слоев населения.

Общее описание. Широкошрифтное Четвероевангелие описано А. Е. Викторовым, И. П. Каратаевым, Л. А. Кавелиным, А. С. Зерновой и Т. Н. Протасьевой. К сожалению, и в этом случае не обходится без ошибок и противоречивых мнений.

Книга отпечатана в лист. Число строк на полосе — 15. Объем книги 400 л. Тетради, как правило, составлены из четырех листов, сфальцованных пополам (16 полос). Есть исключения: одна тетрадь включает 20 полос, а вторая 12. Всего тетрадей 50.

Первые десять листов книги не имеют пагинации. Она начата с первого листа евангелия от Матфея и продолжена до конца евангелия от Марка (лл. 1—168). В нумерации есть ошибки. После листа с пагинацией «105» идет лист со вторично повторенной пагинацией «104», затем ненумерованный лист, листы «106» и «107». Далее начинается правильная пагинация «110—168». Ошибки приходятся на начало Евангелия от Марка, которое могло печататься параллельно с первым разделом книги. В другом экземпляре (ЛБ, № 3610) не пронумерованы листы 102 и 104. Последние 222 листа (включая один лист пустой) не имеют пагинации.

Сигнатура тетрадей начата с евангелия от Матфея. Первая 20-страничная тетрадь не имеет нумерации. Сигнатура есть во всей книге, однако имеет пропуски (не пронумерованы тетради 22, 23, 32 и 36-я).

Широкошрифтное Четвероевангелие. Оглавление евангелия от Марка. Заголовок по ошибке помещен внизу

Состав и редакция. Состав и порядок расположения текстов в широкошрифтном Четвероевангелии несколько отличаются от предыдущих изданий. Как и среднешрифтное издание, оно открывается известием о четвертичном числе евангелий (л. 1 ннм.— 1 об. ннм.). Вслед за этим идет текст: «Ведомо да есть, яко чтется ряд от Иоанна» (лл. 1 об. ннм.— 3 ннм). В прошлом издании на этом месте было напечатано «Сказание приемлюще всего лета число евангельское». Далее следует оглавление евангелия от Матфея (лл. 3 об. ннм.— 6 ннм.) и предисловие к нему Феофилакта Болгарского (лл. 6 ннм.— 10 ннм.). Затем — молитва человека, приступающего к ежедневному чтению Евангелия (л. 10 ннм.— 10 об. ннм.). В узкошрифтном издании эта молитва открывала книгу.

Текст евангелия от Матфея занимает лл. 1—102. Затем следуют оглавление евангелия от Марка (лл. 103—104 об.), предисловие к нему (лл. 105—104 об. Ошибка в нумерации!) и сам текст (лл. 106—168). С евангелия от Луки пагинация прекращается. Оглавление евангелия занимает ненумерованные лл. 1—3 об., предисловие (лл. 4—6), сам текст (лл. 7—110 об.). Последний раздел евангелия от Матфея начинается оглавлением (л. 111—111 об.— здесь и ниже — ненумерованные

листы 3-го счета). Далее — предисловие (лл. 111 об.— 114 об.) и сам текст (лл. 115—190 об.).

По традиции широкошрифтное Четвероевангелие заканчивается справочным аппаратом — указателем «Соборник 12 месецем» (лл. 119—203 об.), вслед за которым помещено «Сказание приемлюще всего лета...». В среднешрифтном издании этот текст помещен в начале книги. Затем следуют текст «Ведати подобает исе...» (л. 219—219 об.), указатель «Евангелия различна...» (лл. 219 об.— 221) и, наконец, «Указ, како чтутся тетраевангелия...» (л. 221 об.).

Текст широкошрифтного Четвероевангелия, как заметил еще А. Е. Викторов, повторяет редакцию среднешрифтного. Г. И. Коляда установил, что в ряде случаев здесь усилена тенденция к архаизации, свойственная второму московскому изданию.

Бумага. Л. А. Кавелин в приложении к своему исследованию опубликовал изображения водяных знаков из экземпляра Троице-Сергиевой лавры [295]. Впоследствии филиграни изучали А. С. Зернова и особенно подробно и тщательно Т. Н. Протасьева. Ими выявлены следующие знаки.

1. Перчатка с короной над пальцами и с литерой «Р» на ладони (Лихачев, № 3450; Брике, № 11039). 1542—1564 гг.
2. Малая перчатка с короной над пальцами (Лихачев, № 3453; Брике, № 10932, 10938). 1555—1564 гг.
3. Кувшин с двумя ручками (Лихачев № 1779; Тромонин, № 670). 1557—1564 гг.
4. Сфера с лилией в навершии (Лихачев № 3179, 3439, 3440). 1560—1564 гг.
5. Кораблик (Тромонин, № 361, 362; Брике, № 11973, 11974). 1552—1566 гг.
6. Сердце с короной в навершии (Тромонин, № 1551). 1564 г.
7. Сфера с лилией в навершии и с сердцем в основании (Тромонин, № 1805). 1564 г.

Приведенный нами список не является исчерпывающим. Так, Л. А. Кавелин обнаружил в экземпляре Троице-Сергиевой лавры кроме знаков, приведенных нами под № 5, 6 и 7, также знаки сферы со звездочкой (Тромонин, № 645, 646).

Знаки перчатки с короной и литерой «Р» и кувшина с двумя ручками мы встречали в узкошрифтном Четвероевангелии и в Триоди постной. С другой стороны, и это особенно важно для нас, бумага с одинаковыми знаками («кораблик», «сердце», «сферы со звездочками и лилиями», «перчатки») была применена в широкошрифтном Четвероевангелии и первопечатном Апостоле 1564 г. Ивана Федорова и Петра Мстиславца.

Исходя из показаний водяных знаков, А. С. Зернова датирует широкошрифтное Четвероевангелие «ок. 1564 г.», а Т. Н. Протасьева 1560—1564 гг.

Шрифт. Для широкошрифтного издания был отлит новый, наиболее крупный в московском первопечатании шрифт. Размер десяти строк набора этой книги равен 126 *мм.*

В графике шрифта типограф пошел в сторону упрощения. Устранены многочисленные парные знаки, которые характерны для среднешрифтного Четвероевангелия. Нет здесь и многочисленных начертаний буквы «о» (с одной и двумя точками, с крестом). Даже те литеры, которые по стародавней традиции имели два начертания («д», «т»), отлиты лишь в одном варианте. Единственная литера, имеющая два начертания,— «земля». Сохранены также узкий и широкий варианты букв «е», «о» и «от».

По сравнению со среднешрифтным Четвероевангелием значительно уменьшено количество знаков с верхними выносными элементами. Таких знаков оставлено только четыре: «у» (лигатурный вариант»), «ф», «ять» и «пси».

Строчные знаки издания можно разделить на следующие группы:
1) без выносных элементов; высота очка 4,5 *мм*;
2) с нижними выносными элементами; высота очка 6; 6,5; 8; 9 *мм*;
3) с верхними выносными элементами; высота очка 9 *мм*;
4) с нижними и верхними выносными элементами; высота очка 11—12 *мм*.

Типограф широкошрифтного Четвероевангелия применяет большое количество надстрочных букв. Многие из них («д», «земля», «ж», «м», «т» — в двух вариантах, «х», «ц» и др.) утратили «титла». С «титлами» употреблены знаки «в», «г», «к», «н», «с».

Знаки ударения и придыхания, а также знаки препинания используются в основном те же, что и в ранних безвыходных изданиях (за исключением «стишицы», которая есть в Триоди и в среднешрифтных изданиях).

Орнаментика. Художественное убранство широкошрифтного Четвероевангелия складывается из девяти заставок, отпечатанных с шести досок, четырех гравированных инициалов — с четырех досок, 19 цветков — с пяти досок, четырех строк вязи и пяти ломбардов. Как в среднешрифтном Четвероевангелии, заставки помещены не только перед евангелиями и «Соборником», но и перед оглавлениями.

Лишь одна из заставок встречалась нам ранее — в узкошрифтном и среднешрифтном Четвероевангелиях она (Зерн. 5) стояла перед «Соборником», в широкошрифтном — заверстана перед оглавлением Марка. Все остальные заставки вырезаны вновь.

При первом же ознакомлении с книгой нас поражает эклектичность ее художественного убранства. Мастерство исполнения каждой отдельной заставки гораздо выше, чем в ранних безвыходных изданиях. Однако общий облик книги лишен того органического стилевого единства, которое свойственно узкошрифтному и среднешрифтному Четвероевангелиям. Мы встретим здесь легкую воздушную арабеску, переплетение ремней балканского стиля, скупую металлографскую технику, великолепную декоративность подлинно старопечатного стиля, который по-настоящему расцвел в изданиях Ивана Федорова.

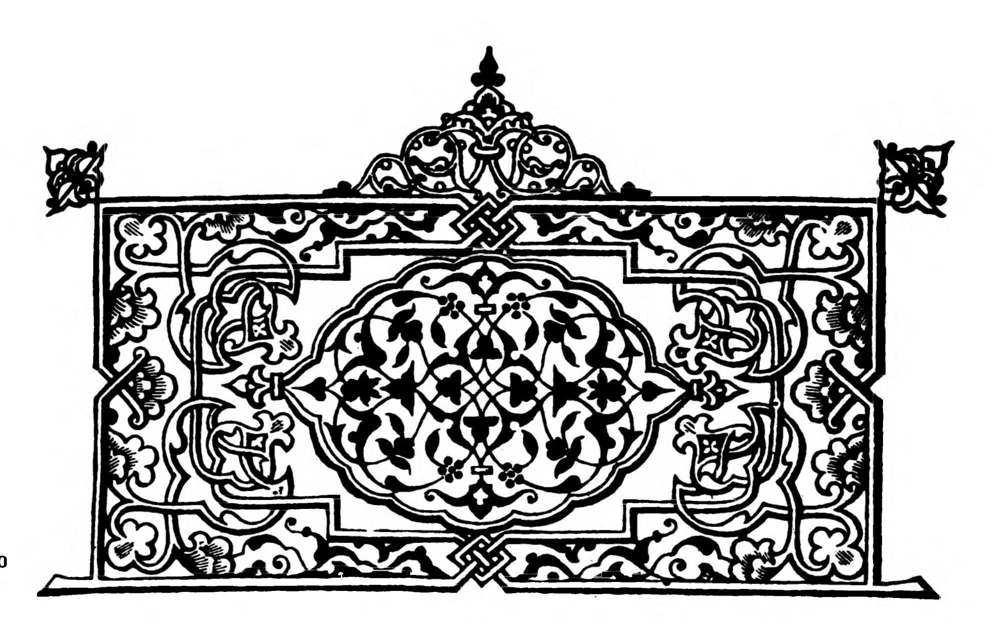
Различны и размеры заставок (длина основного поля от 111 до 120 *мм*).

Первая большая заставка (Зерн. 10) широкошрифтного Четвероевангелия вводит нас в новый мир художественных приемов. Ничего подобного мы не встречали ранее ни в одном из безвыходных изданий. Заставка эта в нашем Четвероевангелии воспроизведена дважды — перед евангелиями от Матфея (л. 1 2-го счета) и Луки (л. 7 3-го счета). Оба оттиска, вне всякого сомнения, сделаны с одной доски, хотя размеры их несколько отличаются друг от друга (112×57 *мм* в первом случае и 111×57 *мм* — во втором). Это можно объяснить усыханием доски по мере печатания тиража или изменениями влажности бумаги.

Конфигурация заставки оставлена прежней. Перед нами все тот же вытянутый по горизонтали прямоугольник с фигурным треугольным навершием в центре, акротериями в верхних углах и стрелками, продолжающими основание. Силуэт традиционен. Однако содержание изменено.

Самое первое впечатление, которое охватывает нас, когда мы открываем широкошрифтное Четвероевангелие — это чувство легкости, воздушности. Заставка не давит на текст, а как бы парит над ним. Более того, она воспринимается отдельно от текста. От этого даже страдает общая композиция полосы.

В чем причина? Где интенсивное цветовое пятно в верхней части полосы, к которому мы привыкли и которое составляет одно из характернейших отличий московских первопечатных изданий? Присмотревшись, обнаруживаем причину. Исчез черный фон, неизбежная принадлежность всей ранее рассмотренной нами орнаментики. Заставка выполнена «черным по белому». В центре ее помещен фигурный медальон, заполненный

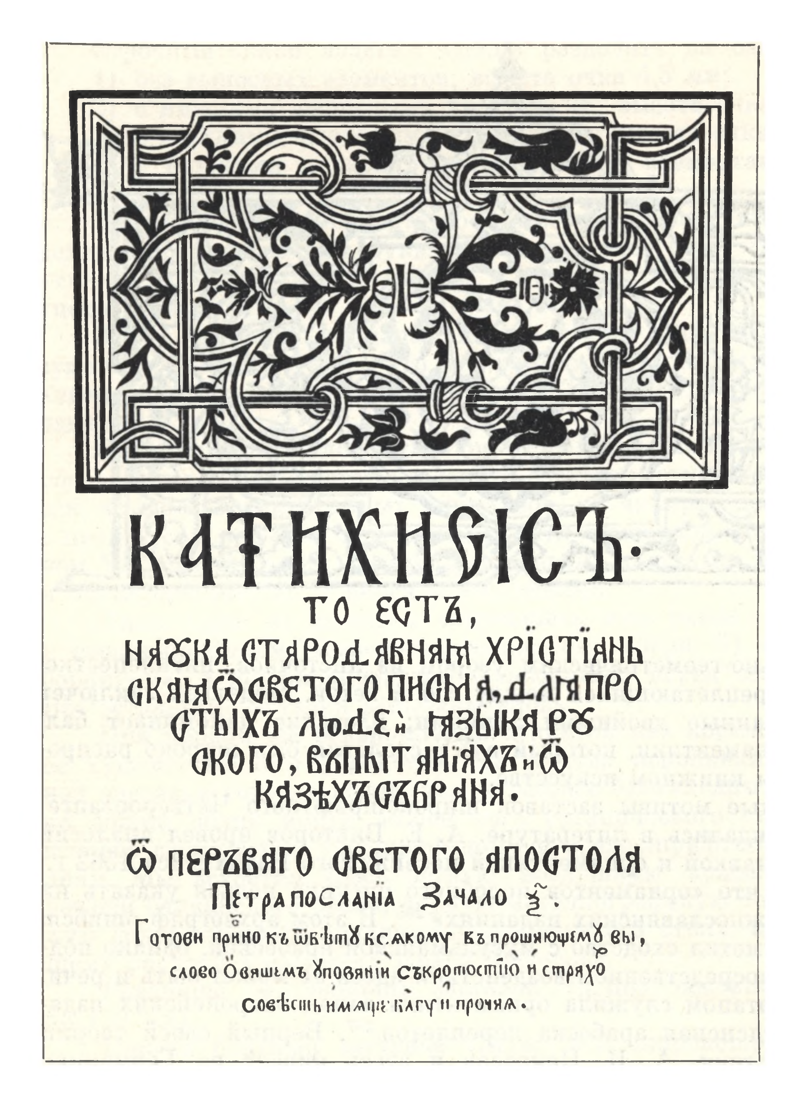

Заставка Зерн. 10 из широкошрифтного Четвероевангелия

черным растительно-геометрическим узором из листочков, пятилепестковых розеток и переплетающихся между собой веток. Медальон заключен в рамки, образованные двойными линиями; плетение напоминает балканский стиль орнаментики, который в XV столетии был широко распространен в русском книжном искусстве.

Орнаментальные мотивы заставок широкошрифтного Четвероевангелия широко обсуждались в литературе. А. Е. Викторов провел аналогии между первой заставкой и орнаментикой несвижского Катихизиса 1562 г., а также отметил, что «орнаментов подобного рисунка нельзя указать ни в русских, ни в южнославянских изданиях» [296]. В этом археограф ошибся. А. И. Некрасов отметил сходство с мусульманской арабеской, однако подчеркнул, что о непосредственном воздействии здесь не может быть и речи. Промежуточным этапом служила орнаментика западноевропейских изданий и особенно тисненая арабеска переплетов [297]. Верный своей теории немецкого воздействия, А. И. Некрасов и здесь кивает на Германию. Однако он не сумел, как справедливо отметил А. А. Сидоров, «подкрепить свое убеждение ни одним конкретным примером немецкого происхождения нашей раннепечатной арабески» [298]. Последний автор привел примеры отечественного происхождения, и среди них, что особенно важно для нас, росписи Благовещенского собора Московского Кремля. Упоминает А. А. Сидоров и зарубежные прототипы — венецианские образцы для вышивок и орнаментику Руянского Четвероевангелия 1537 г.

Мы можем указать более близкий прототип медальона рассматриваемой нами заставки, который также увлекает нас на земли южных славян. Это заставка на л. 5 Соборника, изданного в 1547 г. Виченцо Вуковичем в Венеции. Обратите внимание на среднюю часть заставки. Вы увидите характерную композицию в виде ромба, перекрещенного ветвями со своеобразными двухлопастными листьями [299]. Этот мотив с незначительными изменениями был перенесен московским гравером в заставку широкошрифтного Четвероевангелия. Подчеркнем, что речь идет лишь о средней части медальона. Остальная часть совершенно своеобразна. Нельзя не отметить также, что венецианский гравер оставил белыми листья, московский же вынул фон лишь вокруг них, и композиция стала рельефнее, богаче. В этом приеме московский гравер, впрочем, не был оригинальным. Аналогичный прием исполнения арабески находим на замечательных «завесах» Ферапонтова монастыря (Вологодская область) и Благовещенского собора в Московском Кремле, автором которых был

КАТИХИСІСЪ.
ТО ЕСТЪ,
НАУКА СТАРОДАВНАЯ ХРІСТІАНЬСКАЯ ѠТ СВЕТОГО ПИСМА, ДЛЯ ПРОСТЫХЪ ЛЮДЕЙ ЯЗЫКА РУСКОГО, ВЪ ПЫТАНІЯХЪ И ѠТКАЗЕХЪ СЪБРАНА.
ѠТ ПЕРЪВЯГО СВЕТОГО АПОСТОЛА
Петра пославіа зачало ѯ҃.
Готови присно къ ѡтвѣту всякому въпрошающему вы, слово о вашемъ уповании съкротостію и страхо[мъ] совѣсть имаще благу и прочая.

Несвижский Катихизис 1562 года.
Титульный лист

Феодосий Изограф. Замечательное искусство великолепного мастера оказало колоссальное воздействие на наших первопечатников — с различными формами его проявления мы сталкиваемся чуть ли не на каждом шагу.

«Завесы», о которых идет речь, ограничивают фресковую живопись снизу — они служат переходом от многофигурных композиций к узорной мозаике пола. Художник как бы развесил по нижней части стены полотняные холсты, искусно имитировал их ниспадающие складки [300]. В центре каждой завесы в круглых медальонах помещен геометрически-растительный орнамент, который ни разу не повторяется [301]. Характер этого орнамента двоякий: во-первых, геометрические, построенные циркулем узоры, во-вторых, арабеска со сплошным черным заполнением розеток и листьев, полностью аналогичная медальону широкошрифтного Четвероевангелия.

В XVI столетии аналогичные арабески в печатной книге применяются довольно часто. Отметим, например, заставку на л. 99 белградского Четвероевангелия 1552 г. Широко использовала арабесковую орнаментику в 60—70-х гг. XVI столетия Дебреценская типография (Венгрия). Одна из орнаментальных гравюр этой типографии особенно близка медальону заставки широкошрифтного Четвероевангелия. Она широко использовалась в 1569—1574 гг. [302] и, может быть, имеет своим прототипом заставку

московского гравера. Здесь мы встречаем все тот же мотив ромба с растительным обрамлением.

Заставка Несвижской типографии, о которой упоминал А. Е. Викторов, далека от рассматриваемого нами случая. В ней очень мало от арабески. Она несимметрична и, по-видимому, как и гравюры из Дебрецена, предназначалась для украшения титульного листа и размещалась в вертикальном направлении [303].

Завершая рассмотрение первой заставки широкошрифтного Четвероевангелия, отметим, что в килевидном навершии ее использован своеобразный орнаментальный мотив в виде цепочки с раздвоенными листьями. Этот узор есть и в навершии, а кроме того, в бордюре второй заставки, размещенной перед евангелием от Марка (Зерн. 11 — между лл. 104 и 106 2-го счета).

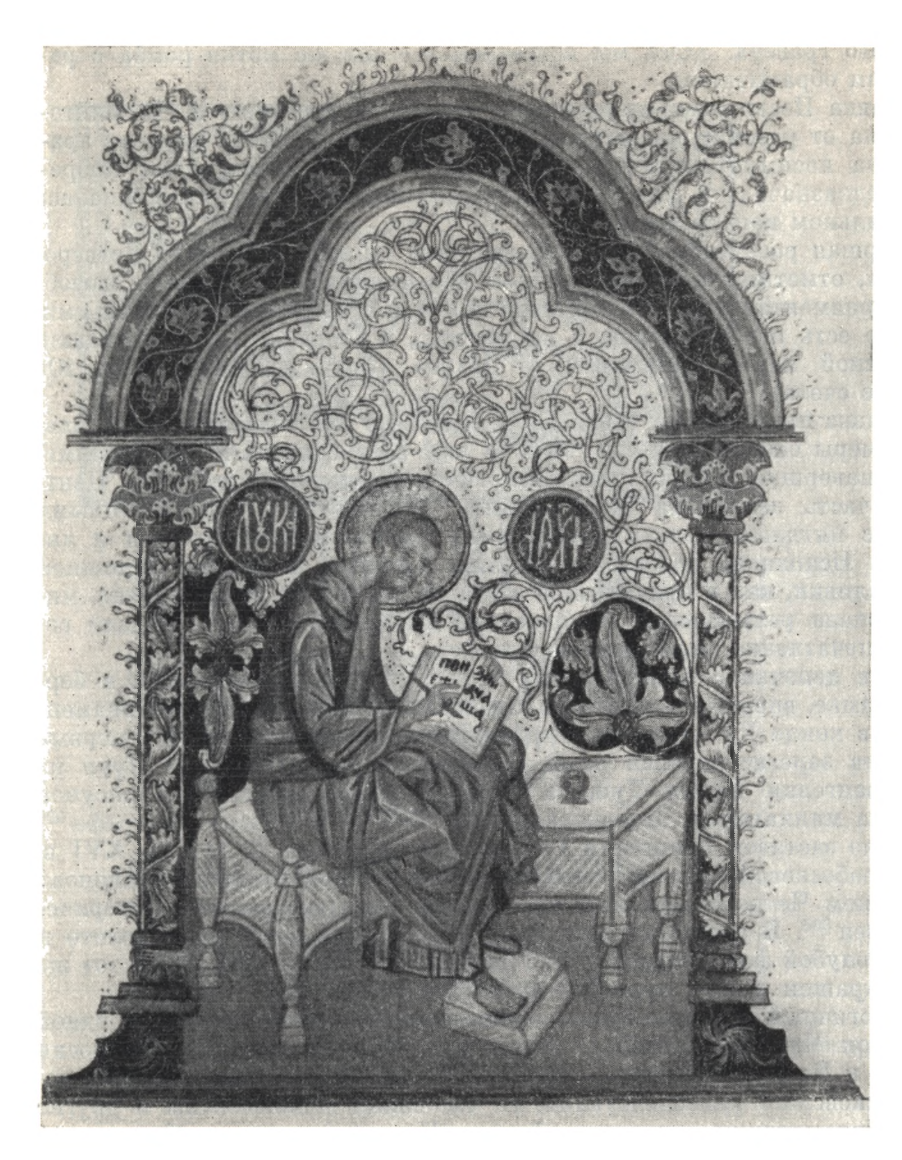
Заставка представляет собой удлиненный по горизонтали прямоугольник (размеры основного поля 114×48 *мм*) с навершием и акротериями. Рисунок навершия и акротериев аналогичен предыдущей заставке. Центральная часть заполнена растительным орнаментом — переплетенными ветвями с пятилепестковыми розетками, треугольными бутонами и листочками. Исполнено все это контурным двойным штрихом. Сплошной черной заливки, как в предыдущей заставке, здесь нет. Это, конечно, минус — пропала рельефность, изображение выглядит плоским. Издали создается впечатление сплошного серого фона.

Мотив цепочки с раздвоенными лепестками, использованный в бордюрной рамке, впервые появляется в работах московской школы орнаменталистов в конце XV столетия и в дальнейшем сопутствует ей. Впервые этот мотив зарегистрирован нами в изображении евангелиста Луки из Четвероевангелия Гурия Тушина [304]. Совершенно аналогичен рисунок фона и на миниатюрах Четвероевангелия 1507 г. Феодосия Изографа [305] и одной из заставок Евангелия Рогожского кладбища. В 20-х гг. XVI в. той же арабесковой цепочкой выполнена рамка первого листа «Канонов» в роскошном Четвероевангелии из собрания Государственного Исторического музея [306]. В раскраске лепестков превосходно сочетаются золото и белила. Голубой фон придает рамке нарядность. На обороте листа тот же узор раскрашен иначе: лепестки желтые и белые, фон — черный.

Аналогичный орнамент будет использован Иваном Федоровым в одной из заставок Часовника 1565 г. (Зерн. 84). Прямая линия от Феодосия Изографа к Ивану Федорову — лучшее доказательство отечественных истоков московского книгопечатания. В Часовнике использованы и другие мотивы орнаментики широкошрифтного Четвероевангелия. Сопоставим малые заставки из Четвероевангелия — Зерн. 9 (л. 3 об. 1-го счета; лл. 1 и 191 3-го счета) и Зерн. 12 (л. 111 3-го счета) соответственно с заставками Зерн. 81 и Зерн. 83 из Часовника. Сходство достаточно убедительно без комментариев.

Тематическая близость орнаментики Ивана Федорова и типографов широкошрифтного Четвероевангелия выступает особенно наглядно при изучении заставки к евангелию от Иоанна (л. 115 3-го счета — Зерн. 13). Она представляет собой удлиненный прямоугольник с размерами основного поля 120×37 *мм*. Навершием служит своеобразный распустившийся цветок. Угловых украшений здесь в противоположность всем остальным большим заставкам безвыходных Четвероевангелий нет. Однако основание также подчеркнуто стрелочками. Прихотливо изогнутые остроконечные и широкие листья, отороченные листвой шишки, сучковатый ствол с отходящими от него и переплетающимися между собой ветвями — все это необходимые, уже известные нам атрибуты черно-белых клейм того стиля, который мы условно называем «Феодосиевским».

Заставка далека от бездумного копирования. Гравер, вне всякого сомнения, не знал листов ван Мекенема. Он шел от московской рукописной книги, однако и тут не был подражателем, но творчески перерабатывал понравившийся мотив. С другой стороны, какую-то роль сыграли и ука-

Миниатюра из Четвероевангелия Гурия Тушина. ГИМ

зания сверху. Заказчик хотел, чтобы печатная книга во всем походила на рукописную. Это относилось к общей композиции полосы, к шрифтам и, конечно же, к орнаментике. Ксилография легко могла передать балканский стиль орнаментики, но он к середине XVI столетия уже редко применялся в Московской Руси. Эмалевое великолепие нововизантийского стиля для гравюры на дереве было недоступно. Оставались черно-белые клейма «Феодосиевского» стиля. Они словно созданы были для воспроизведения ксилографическим путем. Так возник старопечатный стиль.

В первых безвыходных изданиях он еще недостаточно выражен. Возможно, что причиной тому — неудачные оригиналы. В заставке из широкошрифтного Четвероевангелия старопечатный стиль выступает во всеоружии.

Определенное влияние на графику заставки оказал инициал «О» ван Мекенема в творческой переработке мастера Четвероевангелия 1531 г. и Апостола № 5 собрания Московской духовной академии.

Аналогичная по рисунку заставка встречается в Апостоле 1564 г. Ивана Федорова и Петра Мстиславца. Впервые на это обратил внимание Л. А. Кавелин в 1883 г. Он счел, что заставка «взята готовая из числа

Заставка из Четвероевангелия Рогожского кладбища. ОРЛБ

заставок Апостола»[307]. Это послужило одной из наиболее серьезных мотивировок в пользу того, что широкошрифтное Четвероевангелие напечатано Иваном Федоровым. На протяжении многих десятилетий никто не подвергал сомнению слова Кавелина, пока, наконец, А. С. Зернова не установила, что обе заставки несомненно отпечатаны с различных досок, ибо рисунок их зеркален по отношению друг к другу[308]. Заставка Апостола сделана более умелым мастером — она рельефнее и более насыщена черным цветом. Скорее всего именно она и послужила оригиналом для гравера широкошрифтного Четвероевангелия. Этот вопрос мы еще подробно рассмотрим ниже.

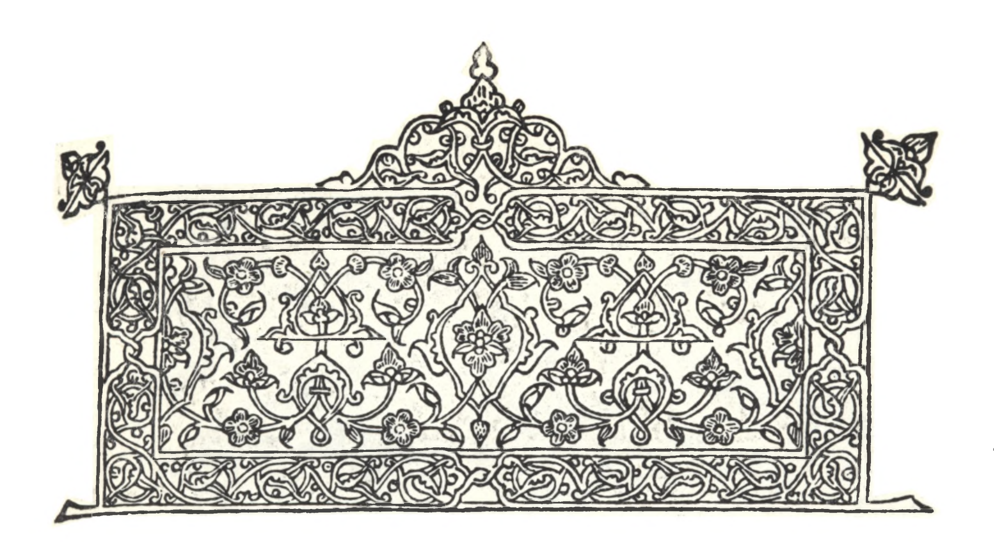
Среди четырех гравированных инициалов широкошрифтного Четвероевангелия один — «П» — уже встречался в среднешрифтных Четвероевангелии и Псалтыри (Зерн. 43). Буквица эта — своеобразный чемпион среди малотиражных досок безвыходных изданий. Гравюра выдержала шесть оттисков — по одному в среднешрифтном Четвероевангелии, среднешрифтной Псалтыри, широкошрифтном Четвероевангелии и три — в широкошрифтной Псалтыри.

Инициал «В» (Зерн. 51 — л. 115 3-го счета) отпечатан с новой доски. Однако рисунок его знаком — он повторяет (но не копирует) очертания буквицы «В» из Триоди цветной.

Своеобразны декоративные инициалы «К» (Зерн. 50 — л. 1 2-го счета) и «земля» (Зерн. 52 — л. 107 2-го счета). Первый инициал выдержан в духе большой заставки на том же листе; это арабеска с черной заливкой цветков и листочков.

Ломбардов в широкошрифтном Четвероевангелии по традиции немного, но все же больше, чем в предыдущем издании,— шесть знаков пяти различных наименований: «В», «Е», «И», «Л» и «Я». Помещены они в тексте в оборку и занимают примерно три строки. Высота ломбардов 30—35 *мм.* Они открывают предисловия к евангелиям, известие о четвертичном числе евангелий, текст «Ведомо да есть яко чтется...»

Фигурная гравюра? Описывая экземпляр широкошрифтного Четвероевангелия, принадлежавший Троице-Сергиевой лавре, Л. А. Кавелин упомянул, что в него вплетены изображения четырех евангелистов. Изображения оказались ксилографиями, совершенно сходными с гравюрами Кондрата Иванова, которые впервые были помещены в Четвероевангелии

Заставка Зерн. 11 из широкошрифтного Четвероевангелия

1627 г. и впоследствии неоднократно воспроизводились. Отметив это, Л. А. Кавелин тем не менее подчеркнул, что гравюры в лаврском экземпляре «не вклеены в него в 1628 или 1633 году, а составляют по бумаге и переплету первоначальную принадлежность сего» [309].

Далее ученый архимандрит приглашал «сомнящихся, если обрящутся таковые, удостовериться в сем собственными глазами».

Эту точку зрения Л. А. Кавелина подверг критике А. Е. Викторов. 26 марта 1883 г. он писал архимандриту: «...относительно современности Евангелию изображений в лаврском экземпляре я причисляю себя к числу сомнящихся, а потому, если бог даст, на страстной неделе приеду к Троице... то воспользуюсь вашим приглашением взглянуть на ваш экземпляр» [310]. Публикуя письмо Викторова, Л. А. Кавелин сделал к цитированному месту следующее дипломатическое примечание: «На современности изображений я не настаиваю, а только указываю на то, что нет примет, чтоб эти изображения были внесены в наш экземпляр после издания».

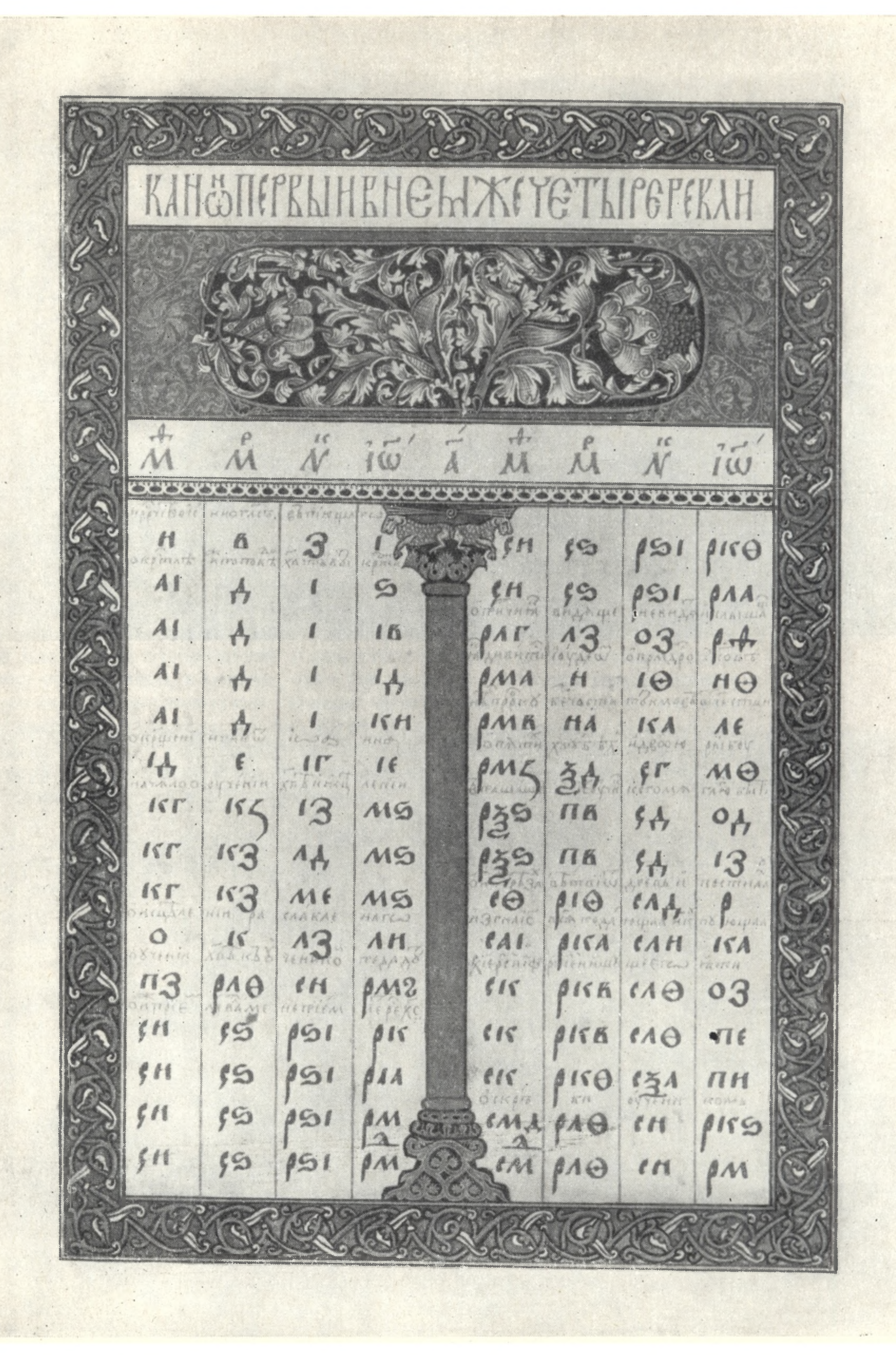
На этом можно было бы кончить, сочтя вопрос одним из нередких в историографии предмета казусов. Однако много лет спустя в Саратове нашелся еще экземпляр с совершенно аналогичными гравюрами. Принадлежал он Покровской староверческой церкви, которая сгорела в 1920 г. Экземпляр кратко описан А. А. Гераклитовым, отметившим его тождественность описанию Л. А. Кавелина. Гераклитов упоминает, что в экземпляре были и гравюры, причем одна из них — евангелист Иоанн — тождественна репродукции, приложенной к работе Л. А. Кавелина [311].

А. А. Гераклитов был великим знатоком первопечатной книги. Если бы он заметил какие-либо неточности у архимандрита Леонида, он непременно подчеркнул бы это. Так, например, он отмечает, что репродукция Кавелина несколько меньше оригинала. О том же, что гравюры были вклеены в книгу позднее, ничего не говорит.

К сожалению, и лаврский и саратовский экземпляры в настоящее время недоступны для изучения. Поэтому мы не можем высказать свое мнение. Было бы очень соблазнительно утверждать, что гравюры К. Иванова имеют прототип в XVI в. Однако для этого пока еще серьезных оснований нет. Отметим лишь, что в просмотренных нами десяти экземплярах гравюр нет. Однако в один из них (ГПБ, № 159) вплетены в качестве фронтисписов шесть миниатюр, изображающих евангелистов и их символы.

Особенности полиграфической техники. Широкошрифтное Четвероевангелие — первое безвыходное московское издание, в котором мы встречаем вполне удовлетворительную выключку. Строки набора здесь

Арабеска на миниатюрах из Четвероевангелия 1507 года. ГПБ

Арабесковая цепочка из рукописного Четвероевангелия Муз. 3443. ГИМ

выравнены не только по левому, но и по правому краю. Наборщик использовал приемы, выработанные Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем в Апостоле 1564 г., который, по-видимому, печатался прежде широкошрифтного Четвероевангелия или одновременно с ним. Однако мастер Четвероевангелия более неряшлив. Он делает значительно больше опечаток и погрешностей, чем наборщики узкошрифтного и среднешрифтного изданий. Некоторые ошибки были замечены и исправлены в процессе издания. Поэтому в широкошрифтном Четвероевангелии немало типографских вариантов. Часть из них указана А. С. Зерновой[312].

На л. 15 и 15 об. в 15-й и 1-й строках сделана серьезная опечатка: в слове «молитися», перенесенном с одной полосы на другую, повторно набраны некоторые знаки: «молитисялитися». Ошибка была замечена во время печатания. В тех листах, где ее пропустили, пришлось замазывать лишние буквы белилами (см. экз. ГПБ, № 156). Когда ошибку заметили, набор полосы отдали перебирать. Чтобы сохранить выключку, наборщик переносит в строку 15-ю из 14-й четыре знака, а в 14-й надстрочное «т» в слове «любят» переносит в строку и ставит ранее отсутствовавший твердый знак. Твердый знак был поставлен и в перенесенном в 15-ю строку словосочетании «въ сонмищах».

Однако при переборке была сделана новая ошибка — из слова «яко» в 10-й строке выпал знак «о». В некоторых экземплярах книги «о» вставлено от руки чернилами.

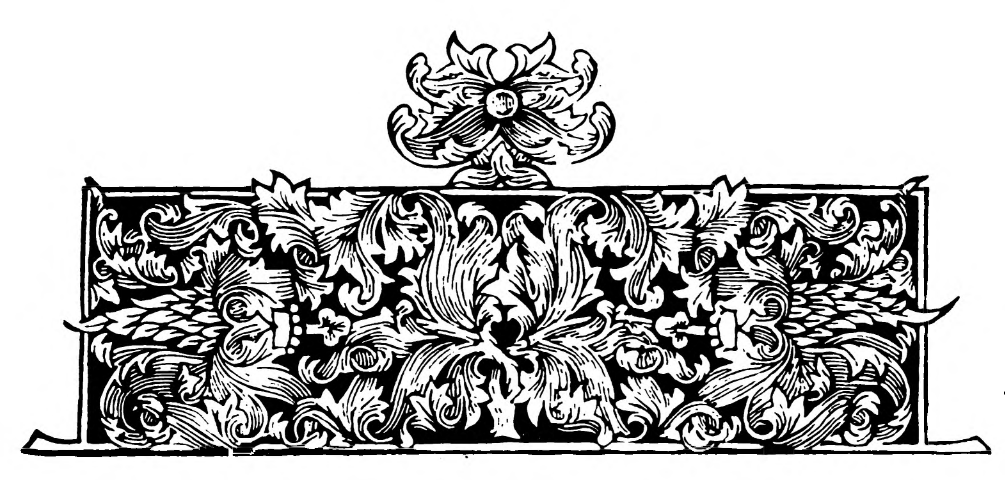
На полосе 15 об. в 1-й строке пришлось убрать две литеры, в результате чего строка сдвинулась влево. Чтобы выровнять правую линию набора, пришлось сократить ряд строк. Так, в 3-й строке наборщик сокращает слово «молишися» на две литеры, вынося «с» над строкой. В 6-й строке в слове «твои» вместо «о широкого» он ставит «о узкое», а в 8-й строке сокращает на две литеры слово «молящежеся» также путем выноса «с».

На л. 145 об. в 4-й строке было пропущено слово «ВиѲанию». Чтобы исправить это, пришлось перебрать текст, начиная со строки 6-й л. 145 и кончая строкой 4-й л. 145 об. Наборщик выгадывает место, используя все тот же прием — переносит часть знаков в надстрочные. Сравни на л. 145 строку 6: «оумолчи^{т}» вместо «оумолчитъ»; строку 11: «зове^{т}»тя» вместо «зовет тя» и т. д. На ненумерованном л. 126 3-го счета в 8-й строке было пропущено слово «поклонницы». В тех листах, которые уже были отпечатаны, пропущенное слово отмечено в тексте красным крестиком и восполнено от руки на нижнем поле (см. экз. ЛБ, № 3610). В других экземплярах (например, ЛБ, № 3609) перебраны первые восемь строк полосы. Наборщик экономит место за счет замены «е широкого» «е узким» и переноса окончаний в межстрочие.

Знакомясь с техникой двухкрасочной печати широкошрифтного Четвероевангелия, мы неожиданно обнаруживаем совершенно новые, ранее не встречавшиеся нам приемы. Книга отпечатана методом двухпрокатной печати с одной формы. Основа его заимствована у мастеров славянских типографий в Польше, Черногории и Румынии. Этим же методом напечатана широкошрифтная Псалтырь, а также московские и зарубежные издания Ивана Федорова и Петра Мстиславца. По-видимому, именно Иван Федоров и применил его впервые в своем Апостоле 1564 г. Впоследствии на долгие годы метод станет общепринятым в славянском книгопечатании.

Сущность метода реконструирована А. А. Сидоровым. При наборе полосы под литеры, которые следовало воспроизвести красным, подкладывали пробельный материал. При этом литеры несколько поднимались над основным набором. Можно допустить и другой вариант: для «красного» набора применяли особые литеры — большего роста.

Затем на приподнятые участки формы наносили киноварь и накладывали сверху лист бумаги. Бывало, что красная краска попадала и на «черные» литеры,— тогда оттиск дублировался. Дублирование красным

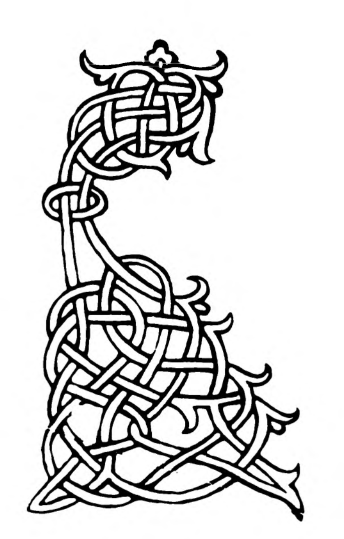
Заставка Зерн. 13 из широкошрифтного Четвероевангелия

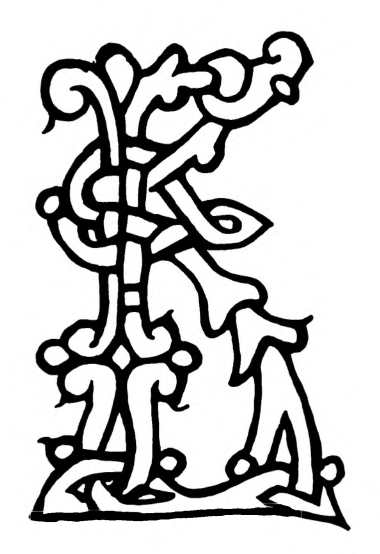
«черного» набора — характернейший признак двухпрокатной печати с одной формы.

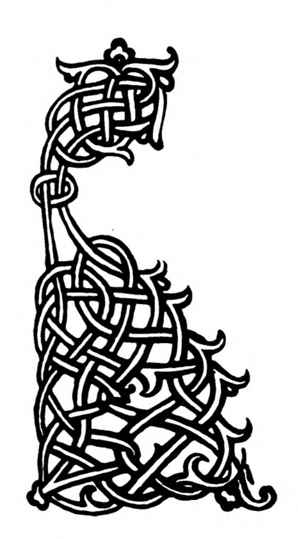
После того как отпечатки киноварью сделаны для всего тиража, «красный» набор удаляли, заменяя его пробельным материалом или оставляя подкладки. Форму набивали черной краской и накладывали поверх нее красный оттиск.

Киноварь печатали при большем давлении с возвышающейся формы — поэтому «красное» сплошь и рядом обнаруживает больший натиск, проявляющийся в образовании рельефа на оборотной стороне листа. Это второй характерный признак двухпрокатной печати с одной формы. Впрочем, наблюдая его, необходимо сделать скидки на неравномерность нажатия куки (рычага нажимной части стана) печатником.

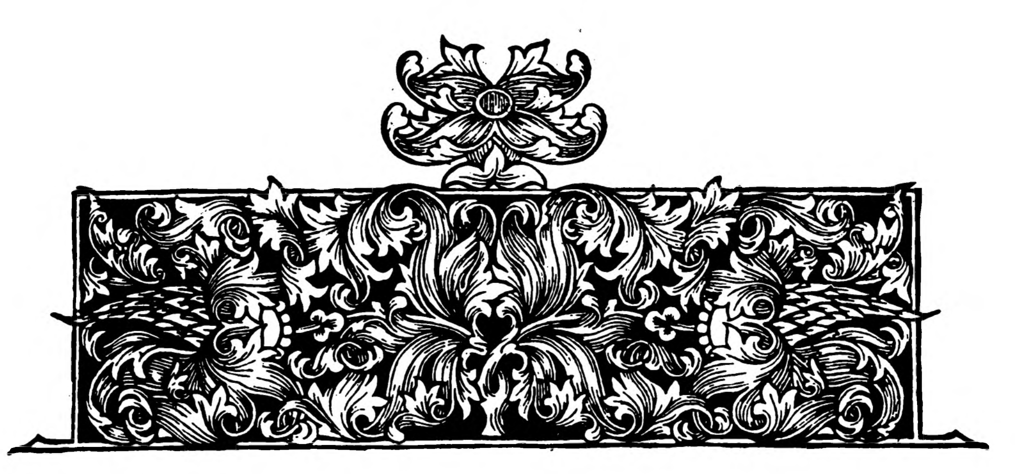
В литературе приводилось и другое объяснение техники двухпрокатной печати с одной формы. Утверждалось, что киноварь набивалась или печаталась через «фрашкет» — лист пергамента с маскирующими отверстиями. Так печатали свои книги черногорец Макарий и венецианские типографы Вуковичи. В их изданиях дублирование красным «черного» набора имеет своеобразный характер. Сплошь и рядом красные строки как бы обрезаны по горизонтали — это происходит при сдвиге маски. Таких строк мы в московских первопечатных изданиях не найдем. Вместе

Буквицы «В» из издания Ш. Фиоля (в центре), из Триоди цветной (справа) и широкошрифтного Четвероевангелия (слева)

Заставка Зерн. 77 из Апостола 1564 года

с тем при печатании через «фрашкет» более или менее равномерен натиск «красного» и «черного».

Использовав технику, пришедшую в основе своей из-за рубежа, московские первопечатники и здесь сумели сказать собственное слово.

ШИРОКОШРИФТНАЯ ПСАЛТЫРЬ

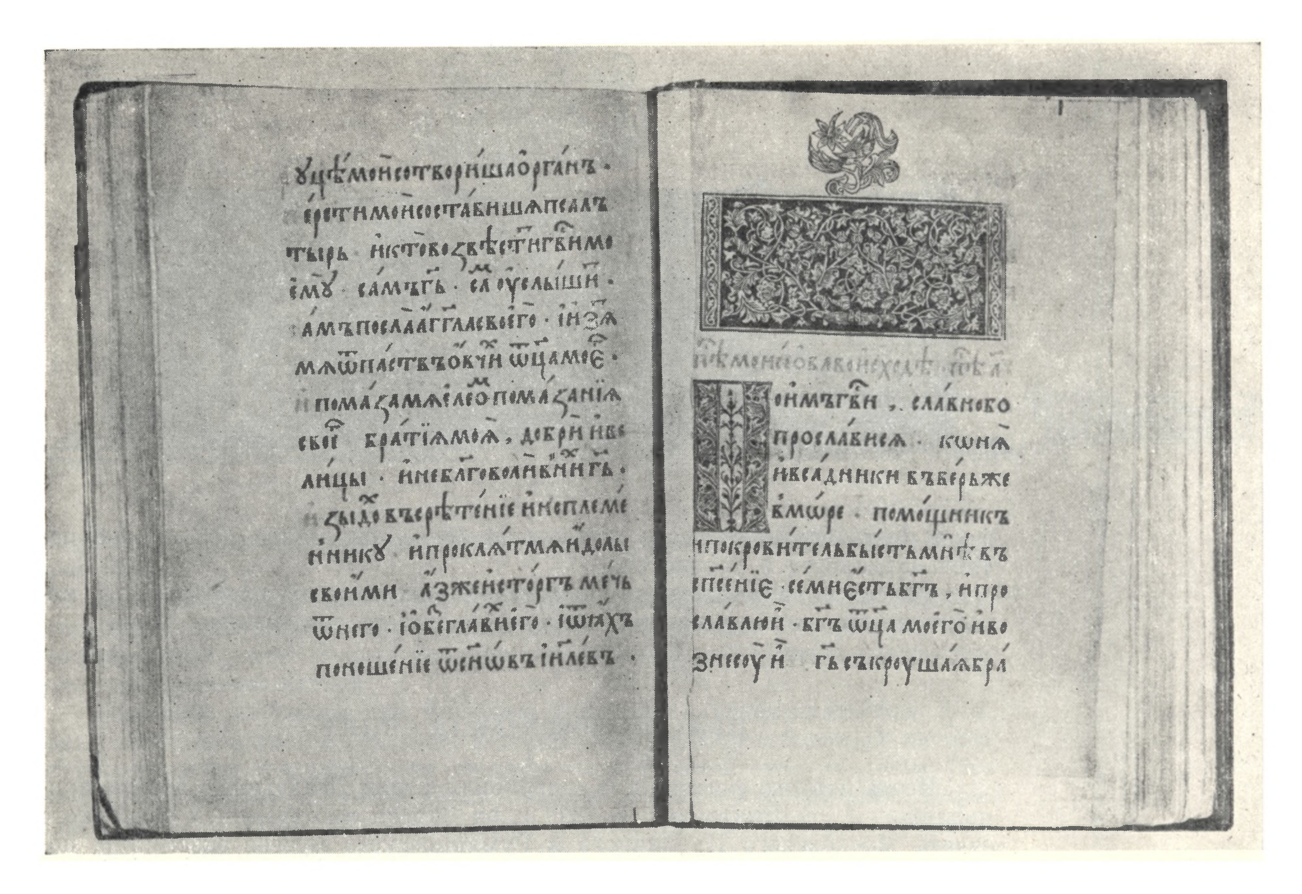
Честь первого упоминания широкошрифтной Псалтыри в печати принадлежит А. Е. Викторову. В 1877 г. он описал на страницах очередного отчета Московского Публичного и Румянцевского музеев экземпляр, полученный музеями из Петербургской духовной академии в обмен на дублеты [313]. Викторов указал количество листов и тетрадей, отметил наличие пагинации и сигнатур, установил, что Псалтырь «напечатана шрифтом, совершенно одинаковым с Евангелием — Унд. № 39» (т. е. с широкошрифтным Четвероевангелием). Отметил он также, что в Псалтыри «орнаменты (заставки и заглавные литеры), за исключением немногих, сходных с названным Евангелием, совершенно оригинального характера, каких не встречается ни в русских изданиях, ни в южно- и западнославянских». Отметил Викторов и схожесть филиграней в Псалтыри и московском Апостоле 1564 г. Указав все это, он, как ни странно, сделал следующий вывод: «...эта Псалтырь, как и сходное с ним по шрифту вышеназванное Евангелие,— издание виленское и так же, как это последнее, всего вероятнее относится к древнейшей эпохе виленской типографии, прежде виленского Евангелия 1575 года, а может быть, и прежде переселения в Литву московских книгопечатников».

Впоследствии А. Е. Викторов изменил точку зрения и пришел к выводу о московском происхождении широкошрифтных Четвероевангелия и Псалтыри. Описание последнего издания он предполагал включить в свой большой труд о безвыходных изданиях — в таблицах, приложенных к статье, воспроизведены шрифты и орнаментика Псалтыри [314]. Однако сделать это А. Е. Викторов не успел.

Наряду с экземпляром Петербургской духовной академии А. Е. Викторову была известна широкошрифтная Псалтырь Петербургской Публичной библиотеки, поступившая туда из собрания М. П. Погодина.

В 1878 г. И. П. Каратаев упомянул широкошрифтную Псалтырь на страницах своего известного указателя [315]. Он, по-видимому, не видел самой книги, ибо описание предельно лаконично и повторяет описание Викторова. Каратаев упоминает лишь о тех двух экземплярах, что и Викторов.

В специальной литературе широкошрифтной Псалтыри определенно не повезло. Если о безвыходных Четвероевангелиях и о Триоди постной

Широкошрифтная Псалтырь

достаточно много писали, то о Псалтыри молчат и Леонид Кавелин и А. А. Гераклитов. Несколько фраз посвятил орнаментике этого издания А. И. Некрасов[316]. Однако он определенно смешивал среднешрифтную и широкошрифтную Псалтыри, дав в тексте ссылки сразу на два номера указателя Каратаева (№ 68 и 82). Не знают широкошрифтной Псалтыри и авторы сборника «Иван Федоров первопечатник», а также А. Д. Маневский.

Подробное описание широкошрифтной Псалтыри было дано впервые лишь в трудах Т. Н. Протасьевой[317]. Ей известно четыре экземпляра книги — экземпляр Государственного Исторического музея, входивший в собрание Щукина (ГИМ, Меньш. 2559), и три экземпляра Государственной библиотеки СССР им В. И. Ленина (ЛБ, № 3414, 3415, 5996). Один из них — тот же самый, который в свое время был описан Викторовым, остальные зарегистрированы впервые. Остался неизвестным Т. Н. Протасьевой экземпляр Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, поступивший туда из собрания М. П. Погодина (ГПБ, № 4349 — XVII. 116).

Всего, таким образом, в настоящее время известны пять экземпляров широкошрифтной Псалтыри. Нам уже приходилось отмечать редкость первопечатных Псалтырей.

Известные нам экземпляры широкошрифтной Псалтыри очень бедны вкладными и владельческими записями. В погодинском экземпляре — запись XVI столетия, которая точно не датирована и почти ничего не дает: «Иаков игумен дал в казну книгу Псалтырь»[318]. Последние два слова воспроизведены скорописью, остальные — типичным московским полууставом XVI в.

Еще одна запись, воспроизведенная мелким полууставом XVII в., сохранилась неполностью: «Псалтырь сия (к)нига (ду)шеполезна грешнои душе...аса...» [319] Никаких выводов о датировке издания и его географическом распространении мы и здесь сделать не можем.

Общее описание. Широкошрифтная Псалтырь отпечатана в лист. Число строк на полосе 14. Издание имеет достаточно регулярную пагинацию, правда не без ошибок, и счет тетрадей. Колонцифры проставлены вверху справа. Это единственный случай в московском первопечатании. Да и на Западе и у южных славян прием этот встречается редко. Вверху справа метил листы Франциск Скорина (в Апостоле 1525 г., в «Малой подорожной книжице» ок. 1525 г.), а также Примож Трубер (например, Новый завет 1563 г.). Колонцифра внизу (справа или слева) впоследствии станет обычной в московских и виленских изданиях. И напротив, вверху справа перемечены острожские издания Ивана Федорова.

Пагинация проставлена в два счета. Первый из них кончается листом с пометой «124». С 77-го псалма идет второй счет, заканчивающийся листом с пометой «141». Надо сказать, что на этом книга, по-видимому, не кончалась.

В пагинации, как уже упоминалось, имеются ошибки. В первом счете отсутствует лист 85, зато помета «89» повторена дважды. Во втором счете пропущены пометы «45», «50» и «120», лист с пометой «40» помещен между листами 49 и 51, помета «121» повторена дважды. Имеются и другие опечатки, например 78 вместо 77, помета, которую нельзя перевести в число,— «ркл» вместо «рл», то есть 130 [320].

Сигнатура тетрадей помечена внизу. Всего тетрадей 34. Каждая из них включает восемь листов, или 16 страниц, за исключением тетрадей 16-й и 34-й, в которых по четыре листа [321].

Состав и редакция. Подбор текстов в широкошрифтной Псалтыри такой же, как и в среднешрифтном издании. Книга открывается молитвой «Разумно да будет како начати иноку особь пети псалтырь» (лл. 1—2). Этот текст, традиционный для Псалтырей, можно встретить уже в рукописи 1296 г. [322] Далее следует «Таж молитва святеи живоначалней Троицы начиная Псалтырь» (лл. 2—3).

Основной раздел — песни царя Давида (лл. 4—124 об. 1-го счета и 1—115 об. 2-го счета) — открывается большой заставкой и заголовком, исполненным вязью. Текст разделен на 20 кафизм и 150 псалмов. Кроме того, помещен еще один псалм, не входящий в общую нумерацию,— «Сей псалом особь писан Давыда и вне числа...» (л. 115—115 об.). Начало каждой кафизмы подчеркивается гравированным инициалом, иногда — цветком на полях (каф. 1 и 2), а также колонтитулом на верхнем поле. Колонтитул, как правило, печатается киноварью. Однако в двух случаях (лл. 13 и 28 об. 2-го счета) он по ошибке напечатан черным. В другом случае колонтитул ошибочно помещен не на верхнем, а на нижнем поле (каф. 12, л. 16 об. 2-го счета). Начало каждого псалма печатник подчеркивает киноварным ломбардом, а также ставит киноварью на боковом поле порядковый номер псалма.

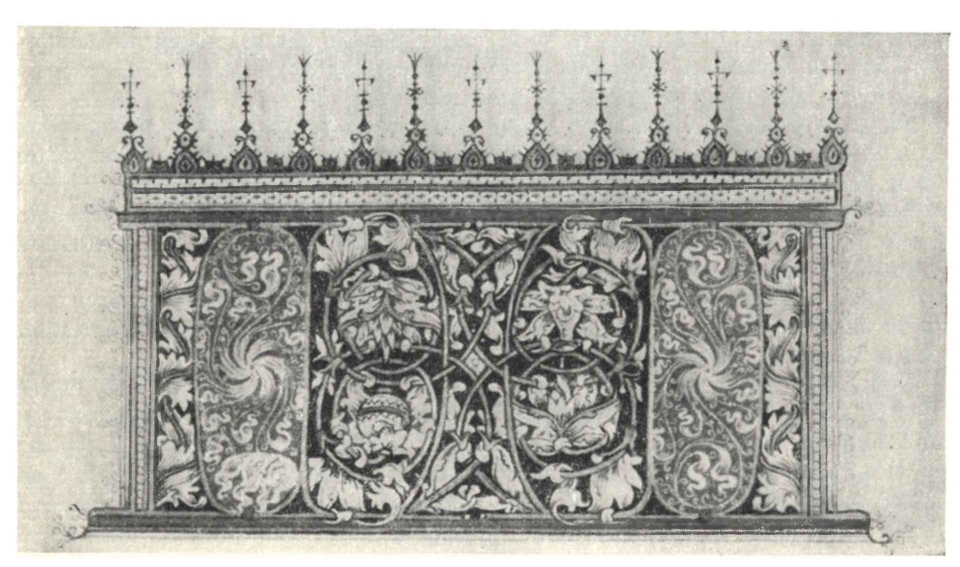
Далее — десять избранных библейских песен, открывающиеся песнью Моисея «во исходе» (лл. 116—138 об.). Начало раздела также подчеркнуто заставкой. Заголовки выделены киноварью, каждая песнь начинается ломбардом.

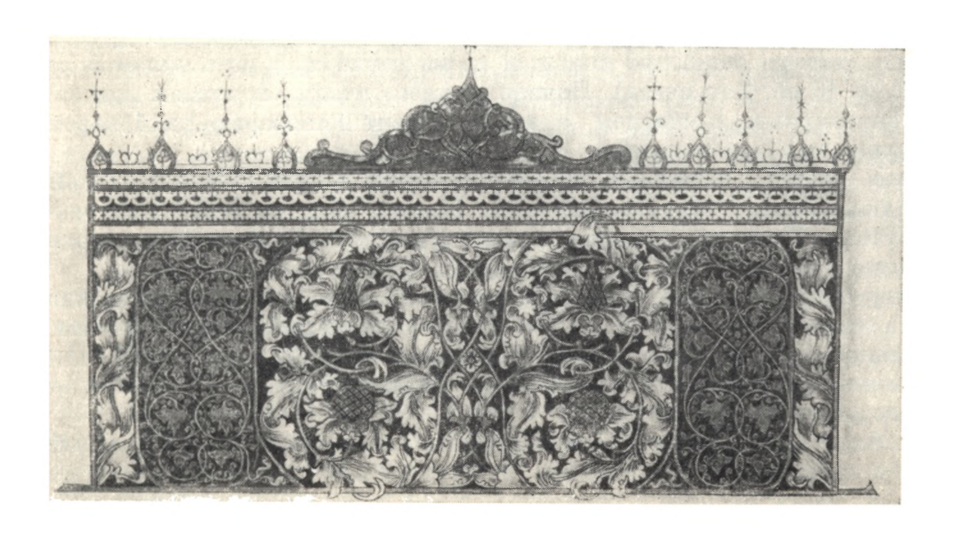
Книгу завершает текст «По свершении же неколиких кафисм или всего псалтыря...» (лл. 138 об.—141). Раздела «Многомилостивое певаемо в праздники...», известного нам по прошлому изданию, здесь нет. Поэтому можно предположить, что издание широкошрифтной Псалтыри не было доведено до конца.

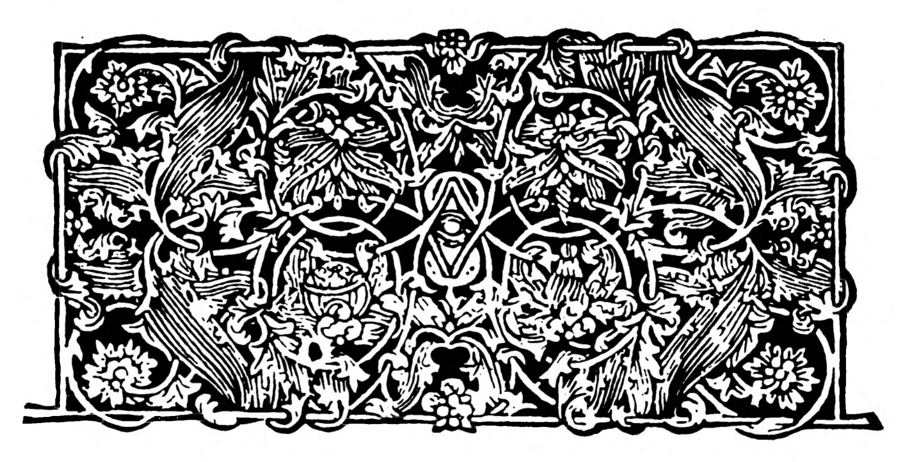
Текст широкошрифтной Псалтыри, как установлено Г. И. Колядой, повторяет среднешрифтное издание. Исследователь сличил тексты псалмов 17—50 обоих изданий и обнаружил в них всего лишь одно разночте-

Инициал «I» ван Мекенема, заставки из рукописного Четвероевангелия 1531 года, «Пандектов и Тактикона» Никона Черногорца. ОРЛБ

Заставка Зерн. 15 из широкошрифтной Псалтыри

ние [323]. Нет сколько-нибудь существенных разночтений и между безвыходными Псалтырями и Острожской Библией Ивана Федорова.

Бумага. Водяные знаки бумаги широкошрифтной Псалтыри подробно изучены Т. Н. Протасьевой [324]. Ею обнаружены следующие филиграни.

1. Перчатка с короной над пальцами и с литерой «Р» на ладони (Лихачев, № 3450; Брике, № 11039). 1542—1564 гг.
2. Перчатка с короной над пальцами (Лихачев, № 3453; Брике, № 10932, 10938). 1555—1564 гг.
3. Кувшин с двумя ручками (Лихачев, № 1779; Тромонин, № 670; Брике, № 12894, 12896, 12900, 12903, 12904). 1553—1564 гг.
4. Сфера с пятиконечной звездой в навершии (Тромонин, № 646, 1318; Брике, № 13996). 1531—1564 гг.
5. Сфера с лилией в навершии (Лихачев, № 3179, 3439, 3440). 1560—1564 гг.
6. Розетка (Лихачев, № 1894, 1908, 1909). 1567 г.

Большинство знаков широкошрифтной Псалтыри совпадает со знаками широкошрифтного Четвероевангелия, а следовательно, и Апостола 1564 г. Многие из знаков («перчатка», «кувшин», «сфера») те же, что и в узкошрифтном Четвероевангелии. Можно думать, что отдельные листы книги напечатаны на бумаге, заготовленной еще в первые годы существования типографии. Стройности вывода мешает среднешрифтное Четвероевангелие, напечатанное на совершенно другой — немецкой — бумаге.

Орнаментика. В широкошрифтной Псалтыри всего три заставки, отпечатанные с трех досок, но зато обилие гравированных инициалов. Их 21 — одиннадцати различных рисунков.

Познакомимся с орнаментикой заставок. Первая из них, которая открывает книгу (Зерн. 14 — л. 1 1-го счета), решена в том же ключе, что и малые заставки широкошрифтного Четвероевангелия. Основное содержание — арабеска, исполненная черным по белому. Форма — удлиненный приземистый прямоугольник. Пропорции его те же, что в малых заставках широкошрифтного Четвероевангелия. Единственное отличие — небольшое навершие в средней части. Ритм арабески таков же, как в заставке Зерн. 9. Однако он более насыщен и усложнен шестилопастными розетками, которые помещены в центре фигурных щитков, образованных переплетением тонких ремней.

Следующая заставка (Зерн. 15 — л. 4 1-го счета) снова вводит нас в богатый мир настроений и образов, порожденных щедрой фантазией мастеров московской школы орнаменталистов. Первооснова орнаментальных мотивов заставки — гравированный на меди алфавит Израэля ван Мекенема. Познакомимся с двумя инициалами ван Мекенема. Первый из них — «I» — представляет собой квадрат, центральную часть которого

занимает утолщающийся кверху и книзу штамб буквицы. Переплетение ветвей выходит за пределы инициала и образует четыре круга — по два с каждой стороны штамба. В кругах две стилизованные шишки и два плода — один похож на яблоко, второй — на грушу. Ветви, плоды и шишки обильно декорированы акантовыми листьями.

Среднее поле второго инициала — «D» — заполнено сходным рисунком. Здесь в кругах помещены две шишки — нижняя напоминает кедровую, верхняя аналогична плоским треугольным шишкам ранних безвыходных Четвероевангелий.

Впервые орнаментальные мотивы инициала «I» использованы на русской почве в 1531 г. в великолепном памятнике древнерусского книжного искусства — Четвероевангелии Исаака Бирева [325]. Русский мастер делает из инициала заставку. Черно-белый квадрат он окружает радующим глаз сочетанием красок. Общая гамма удивительно декоративна. К буквице с обеих сторон примыкают удлиненные по вертикали овалы, в которых по голубому полю исполнен белилами характерный тонкотравный орнамент. Между овалами и рамкой — старопечатный вьюнок; листья его раскрашены. Металлографскую строгость инициала московский мастер оживил золотой разделкой ветвей, шишек и плодов. По сравнению с оригиналом наш художник повернул изображение на 180°. Сверху заставка декорирована несколькими линиями разделки, характерной для школы Феодосия, а также 13 узорными главками.

Аналогичную композицию находим в одной из заставок рукописи «Пандекты и Тактикон» Никона Черногорца [326], которую Иван Грозный дал вкладом в Троице-Сергиев монастырь. Изготовление книги совпало по времени с первыми опытами книгопечатания в Москве. По сравнению с заставкой из Четвероевангелия Исаака Бирева заставка «Пандектов» несколько расплылась вширь. Овалы превратились в четырехугольники со скругленными краями. Рисунок плодов по обе стороны штамба одинаков. Он повторяет центральную часть инициала «Д» из алфавита ван Мекенема, причем один раз — зеркально. Композиция оставлена прежней — она навеяна мотивами инициала «I».

Две приметы сближают эту заставку с орнаментикой безвыходных изданий. Это, во-первых, виноградные листья, заполняющие голубые поля и заменившие тонкотравный орнамент. Это, во-вторых, килевидное навершие, форма которого находит аналогии в навершиях заставок широкошрифтного Четвероевангелия.

Вторая заставка «Пандектов и Тактикона» Никона Черногорца (л. 799 — Ух. 252) на первый взгляд повторяет уже знакомую нам композицию инициала «I». На самом деле это не так. Границы овальных полей с плодами и шишками здесь раздвинуты и обрамлены многолопастными остроконечными листьями, идущими из центра к периферии. Это удачная находка. Она усиливает декоративность, делает заставку нарядной. Голубые поля с узорной тонкотравной пробелкой удачно дополняют ограниченный ломаной линией объем, образуя привычный прямоугольник.

Сверху заставка украшена несколькими полосами традиционной разделки. Рамкой служит полоса тройных лепестков. Над заставкой — растительный вьюнок с бутонами и пятиконечными разноцветными розетками. О них нам придется вспомнить в связи с гравированными инициалами широкошрифтной Псалтыри.

Композиционный вариант заставки из «Пандектов...» был использован гравером широкошрифтной Псалтыри. В этом легко убедиться. В заставке из Четвероевангелия Исаака Бирева грушевидный плод расположен справа вверху, в инициале «I» ван Мекенема — слева внизу, в первой заставке из «Пандектов...» его вообще нет, как и в буквице «D» ван Мекенема, во второй заставке из той же рукописи он помещен справа внизу. На том же месте мы находим его и в заставке широкошрифтной Псалтыри. Здесь же — многолопастные остроконечные листья, обрамляю-

Заставка Зерн. 16 из широкошрифтной Псалтыри

щие центральные поля с плодами и шишками. Гравер, конечно, не смог передать ксилографией тонкотравного орнамента, обрамляющего среднее поле. Он заменил его растительным мотивом с розетками, взятыми из навершия второй заставки «Пандектов...».

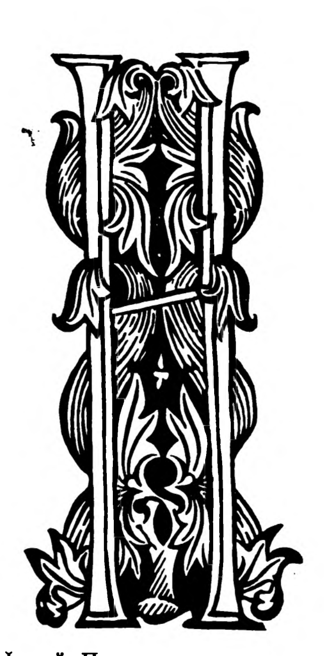
Примерно в те же 50—60-е гг. была орнаментирована другая роскошная рукопись — Четвероевангелие, которое неизвестными нам судьбами попало в Закарпатье и ныне под наименованием «московское» хранится в Библиотеке Ужгородского государственного университета[327]. Книга эта (или аналогичная ей), несомненно, была в руках первых московских типографов. О ее инициалах шла речь в связи со среднешрифтным Четвероевангелием. Теперь познакомимся с заставками.

Три большие заставки рукописи — перед евангелиями от Марка, Луки и Иоанна — варьируют известные мотивы, восходящие к инициалам «I» и «D» гравированного алфавита ван Мекенема. Заставка перед евангелием от Иоанна полностью повторяет композицию заставки из Четвероевангелия Исаака Бирева. Заставка перед евангелием от Луки идентична по композиции первой заставке из «Пандектов и Тактикона» Никона Черногорца. Заставка перед евангелием от Марка аналогична второй заставке из той же книги, а следовательно, как мы уже знаем, и заставке широкошрифтной Псалтыри.

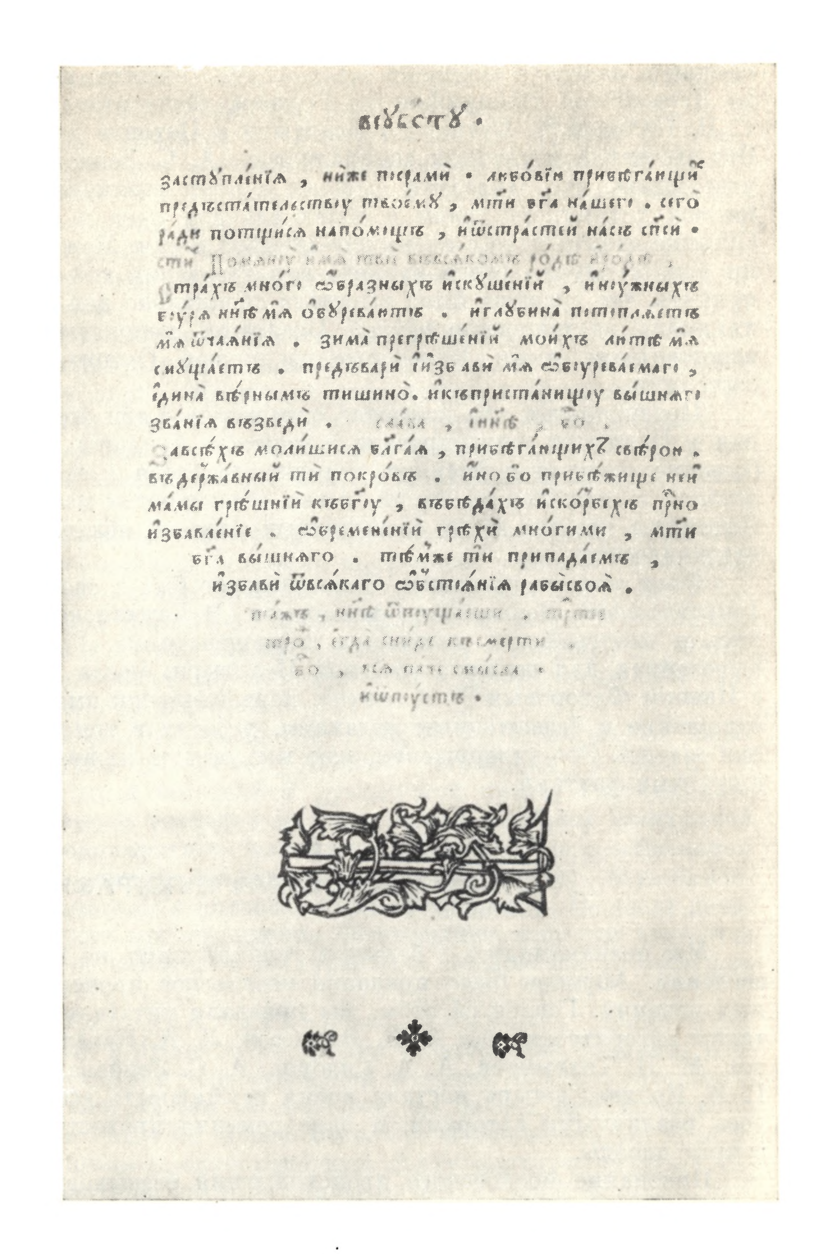
На л. 8 ужгородского Четвероевангелия находим прототип и той заставки широкошрифтной Псалтыри, которая помещена на л. 116 2-го счета (Зерн. 16). Заставка Псалтыри своеобразна. Заполняющий ее растительный орнамент на первый взгляд хаотичен. Ритм перегружен и беспорядочен. Тем не менее заполненный буйной растительностью объем зрительно осязаем. Общее впечатление законченности хорошо подчеркнуто двумя полосами византийского вьюнка, ограничивающего заставку с боков. Такой вьюнок — частое явление в русской рукописной книге конца XV — начала XVI в. Он обычно сопутствует нововизантийскому стилю книжной орнаментики.

Заставка не имеет ни навершия, ни акротериев. Вместо навершия — узорная марка, изображающая ветку с цветком и сидящую на ветке птицу. Та же марка (Зерн. 36) употреблена на одном из листов (л. 4 1-го счета) в качестве цветка на полях. Мотив ведет нас к «Орнаменту

Буквицы широкошрифтной Псалтыри

въ недѣлю

застꙋпленїа, ниже пѣснями. любовїю прибѣгающїи
предстательствꙋ твоемꙋ, мти бга нашего. сего
ради потщися напомощь, ѿ страстей насъ спси.
страхъ многообразныхъ искꙋшенїи, и нꙋжныхъ
бꙋря нынѣ мя обдержить. и глꙋбина потопляеть
мя ѿчаанїа. зима прегрѣшенїи моихъ лютѣ мя
снѣдаеть. предварив избави мя ѡбдержимаго,
едина вѣрнымъ тишино. и къ пристанищꙋ вышнѧго
званїа возведи.
за всѣхъ молишися благаѧ, прибѣгающихъ съ вѣрою.
въ державный ти покровъ. ино бо прибѣжища не
имамы грѣшнїи къ бгꙋ, въ бѣдахъ и скорбехъ присно
избавленїе. ѡбремененїи грѣхи многими, мти
бга вышнѧго. тѣмже ти припадаемъ,
избави ѿ всѧкаго ѡбстоѧнїа рабы своѧ.

Буквица широкошрифтной Псалтыри в дерманском Октоихе

с шестью птицами» мастера ES, о котором шла речь выше. В Псалтыри есть и другой цветок (Зерн. 37 — л. 13 1-го счета), который восходит к цветкам Уваровского Четвероевангелия, гравированным на металле Феодосием Изографом.

Среди 11 рисунков гравированных буквиц широкошрифтной Псалтыри три инициала уже встречались в ранних безвыходных изданиях. Восемь досок вырезаны вновь. Они изображают буквицы «Б» (в двух состояниях — с черным и белым фоном), «Г», «И» (в двух начертаниях), «Н», «Р», «Т» и «Х». Инициалы вытянуты по вертикали. Тонкие штамбы буквиц обрамлены широколопастными листьями и пятилепестковыми розетками. Розетки эти — излюбленный мотив мастеров рукописной орнаментики.

Прототип буквиц находим в рукописном Октоихе 1520—1530-х гг.[328] Любопытно отметить, что в этой же книге есть две заставки, впоследствии скопированные Андроником Тимофеевым Невежей.

Инициалы широкошрифтной Псалтыри более в первопечатных книгах не встречаются. Единственное исключение — буквица «Т», использо-

ванная в качестве концовки на л. 41 об. Октоиха, вышедшего в 1604 г. из Дерманской типографии на Волыни. Факт этот впервые установлен Г. И. Колядой[329]. Оттиски в Псалтыри и Октоихе далеко не идентичны. Это заставило некоторых специалистов (А. С. Зернова, Т. Н. Каменева) утверждать, что отпечатки сделаны с двух различных досок. Мы склоняемся к тому, что доска в обоих случаях одна и та же. Отпечаток в Октоихе сделан явно с очень изношенной доски. Между тем мы не знаем ни одного случая более раннего использования той же концовки. Если принять, что гравюра была вырезана специально для Октоиха по образцу инициала из широкошрифтной Псалтыри, непонятно, чем объясняется изношенность доски. Некоторые из гравюр Октоиха — в превосходном состоянии.

Предположим, что концовка отпечатана с той же самой доски, которая в Псалтыри фигурировала в качестве буквицы «твердо». Тогда небольшие отличия в рисунке, которые сводятся к исчезновению мелких деталей и огрублению линий, легко объясняются изношенностью доски. Вспомним, что все доски безвыходных изданий обладали низкой тиражеустойчивостью.

Факт этот очень важен. Иван Федоров был в свое время «справцей» (управителем) Дерманского монастыря. В Дерманской типографии имелись и типографские материалы первопечатника. Гравированная доска, вырезанная для широкошрифтной Псалтыри, могла попасть на Волынь с Иваном Федоровым[330]. А значит, первопечатник имел непосредственное отношение к безвыходным изданиям, работал в типографии, из которой они вышли. Это утверждение, как мы увидим ниже, можно подкрепить и другими фактами.

ПЕРВАЯ МОСКОВСКАЯ ТИПОГРАФИЯ

Мы познакомились с большой группой книг, не имеющих выходных сведений. Априори было признано московское происхождение безвыходных изданий. Говоря об этом, мы призвали читателя поверить на слово таким авторитетам, как А. Е. Викторов, Л. А. Кавелин, А. А. Гераклитов, М. Н. Тихомиров, А. А. Сидоров, А. С. Зернова, Т. Н. Протасьева, Г. И. Коляда. Теперь настало время суммировать все то, что утверждалось различными авторами, и одновременно привести некоторые собственные доводы.

Признание московского происхождения безвыходных изданий тянет за собой серьезные и немаловажные для нашей темы вопросы. В какой типографии были напечатаны первые московские книги? Сколько было таких типографий — одна или несколько? Кому принадлежала первая московская типография? Работал ли в этой типографии Иван Федоров? Кто был первым русским печатником? За каким изданием должен быть закреплен почетный титул первой московской печатной книги? В каком порядке выходили безвыходные издания?

Этот круг вопросов и рассматривается ниже.

Московское происхождение безвыходных изданий. Знакомясь с безвыходными изданиями, мы обнаружили, что сотни нитей прочно связывают их с московской традицией. Эти связи прослеживались в плане текстологическом, филологическом, искусствоведческом, техническом... В свое время мы подчеркивали все эти связи. Осталось лишь подвести итоги.

1. Состав и редакция. Текст безвыходных Четвероевангелий следует четвертой славянской редакции Нового завета, бытовавшей преимущественно в Московской Руси. Безвыходные издания наиболее близки к соответствующим разделам Геннадиевской Библии и московским Четвероевангелиям первой половины XVI в. В «Соборник» безвыходных Чет-

вероевангелий включены праздники русского происхождения — Покров Богородицы, «памяти» князя Владимира, Бориса и Глеба.

По составу своему безвыходные Четвероевангелия, Триоди и Псалтыри близки к последующим московским изданиям этих книг. И наоборот, они весьма далеки от предшествующих и последующих южнославянских и молдаво-румынских изданий.

Языковые и правописные нормы безвыходных изданий с очевидностью обнаруживают великорусскую традицию. Они категорически чужды южнославянским нормам.

2. Бумага. Водяные знаки бумаги, на которой напечатаны безвыходные издания, находят близкие аналогии в книгах, московское происхождение которых бесспорно. Многие из этих знаков встречаются в первопечатном московском Апостоле 1564 г. Некоторые знаки находим в рукописных книгах, вышедших из московских мастерских в 50—60-х гг. XVI в., например в Лицевом летописном своде или макарьевских Четьих минеях.

3. Шрифты. Графика шрифтов безвыходных изданий отражает характернейшие особенности московского полуустава конца XV — первой половины XVI в. Совершенно аналогичные начертания литер встречаются и в первопечатном Апостоле Ивана Федорова и Петра Мстиславца. И наоборот, графика шрифтов Швайпольта Фиоля, Макария или Франциска Скорины, отражавшая литовско-русскую и южнославянскую традиции, чужда безвыходным изданиям.

4. Орнаментика. Художественное убранство безвыходных изданий — заставки и буквицы — имеет близкие параллели, а иногда и безусловные оригиналы в московской рукописной книге. Растительные мотивы преимущественно восходят к черно-белым клеймам московской школы. И наоборот, орнаментика безвыходных изданий (за исключением нескольких заставок широкошрифтного Четвероевангелия) категорически чужда южнославянской и литовско-русской традиции. Важным доказательством московского происхождения безвыходных изданий являются оттиски их заставок и инициалов на страницах московских рукописных книг.

5. Полиграфическая техника. Основные технические приемы, выработанные в процессе печатания безвыходных изданий, впоследствии (за исключением однопрокатной печати) широко используются московскими типографами. И наоборот, до начала книгопечатания в Москве приемы эти нигде не встречаются. Среди оригинальных московских изобретений упомянем однопрокатную двухкрасочную печать с одной формы, двухпрокатную двухкрасочную печать с одной формы с подкладыванием под «красные» литеры пробельного материала, набор с «перекрещиванием» строк, применение использованных полос набора в качестве пробельного материала, орнаментальное слепое тиснение.

6. Свидетельства современников. Важным доказательством московского происхождения безвыходных изданий служат неоднократные упоминания о «московском недавно друкованном» Евангелии в Евангелии Василия Тяпинского, а также цитаты, приведенные Тяпинским. О московских Евангелиях упоминает и С. Будный в предисловии к Новому завету 1574 г.

Безвыходные издания неоднократно упоминаются в переписных книгах русских монастырей и церквей. О московском происхождении безвыходных изданий говорит и тот факт, что все известные нам вкладные XVI в. были сделаны на них в пределах Московской Руси.

Наконец, все (за исключением одного) известные нам экземпляры безвыходных изданий находятся в русских собраниях и книгохранилищах.

Итак, московское происхождение безвыходных изданий к настоящему времени следует считать окончательно доказанным.

Количество типографий? Исключительно важно выяснить, составляют ли безвыходные первопечатные издания общую группу, вышед-

шую из одной типографии, или они должны быть приписаны разным мастерским. Решить это не так просто. Выше говорилось о существенных отличительных особенностях отдельных изданий. Некоторые из них настолько бросаются в глаза, что исследователи подчас выделяли из общей группы ту или иную книгу, особенно часто — Триодь постную. Основываясь на отличиях бумаги, М. Н. Тихомиров одно время считал возможным, что не в Москве напечатано и среднешрифтное Четвероевангелие [331].

Вопрос решался бы чрезвычайно просто, если бы все многообразные признаки, характеризующие издание, а именно шрифты, орнаментика, бумага, приемы полиграфической техники и т. д., во всех безвыходных первопечатных книгах совпадали. Как мы знаем — этого нет! Семь книг напечатаны пятью различными шрифтами. С точки зрения орнаментики особняком стоят Триоди: примененные здесь заставки больше ни в одном печатном издании не встречаются. Отличительной особенностью среднешрифтного Четвероевангелия служит немецкая (точнее — силезская) бумага, остальные первопечатные книги напечатаны на французской бумаге. Различна и техника воспроизведения отдельных изданий. Отмарывание пробельного материала встречается лишь в узкошрифтном Четвероевангелии и Триоди постной. Говоря о приемах набора, необходимо выделить узкошрифтное Четвероевангелие — только здесь нет «перекрещивания» строк. В семи безвыходных изданиях использовано по крайней мере три различных способа двухкрасочной печати.

Вывод может быть лишь один: вопрос о типографии, в которой созданы первые печатные книги, следует решать, исходя из всей совокупности признаков, присущих этим изданиям. Раздельное их изучение ничего не даст.

Первое, что с непреложностью характеризует одинаковое происхождение печатных книг,— это общность шрифта (речь, естественно, идет о первопечатной практике, когда понятия стандартизации и унификации не существовали). Одну группу изданий с одинаковым шрифтом составляют среднешрифтные Четвероевангелие и Псалтырь, вторую — широкошрифтные Четвероевангелие и Псалтырь. В остальных трех изданиях — узкошрифтном Четвероевангелии и Триодях — применены особые шрифты. Это как бы третья группа изданий. Если относительно каждой из первых двух групп можно утверждать, что входящие в нее издания вышли из одной типографии, то о третьей группе этого сказать пока нельзя.

Попытаемся найти точки соприкосновения между отдельными группами. Тут нам поможет орнаментика изданий. Данные об использовании одинаковых досок в различных изданиях сведены в таблице. Из таблицы явствует, что одна и та же заставка Зерн. 5 применена в узкошрифтном, среднешрифтном и широкошрифтном Четвероевангелиях. Узкошрифтное и среднешрифтное издания дополнительно связаны заставкой Зерн. 4 и, кроме того, общим инициалом «земля» (Зерн. 41), как было показано ранее. Среднешрифтную и широкошрифтную группы, кроме заставки Зерн. 5, связывает общая доска гравированной буквицы Зерн. 43, примененной во всех книгах этих двух групп.

В стороне пока остаются Триоди. Связывать их с другими московскими первопечатными изданиями позволяют оттиски заставок в рукописных книгах. Гравированная буквица из Триоди цветной была использована в рукописном Четвероевангелии середины XVI в. одновременно с заставкой из среднешрифтной Псалтыри и общей заставкой узкошрифтного, среднешрифтного и широкошрифтного Четвероевангелия. С другой стороны, заставка из Триоди цветной вместе с заставкой из Триоди постной применены в рукописных «Пандектах и Тактиконе» Никона Черногорца, датируемых также серединой XVI в. Выше мы говорили, что все эти рукописи вышли из книгописной мастерской, которая существовала одновременно с типографией и близко соседствовала с ней.

Таким образом, устанавливаем, что применение шрифтов и орнаментики объединяет все безвыходные издания в одну общую группу.

Таблица

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРАВИРОВАННЫХ ДОСОК ЗАСТАВОК В БЕЗВЫХОДНЫХ ИЗДАНИЯХ И РУКОПИСНЫХ КНИГАХ

№ по каталогу Зерновой / Книги	7	8	4	5	6	У Зерновой нет	2	3	У Зерновой нет	1	9	10	11	12	13	14	15	16
Узкошрифтное Четвероевангелие	лл. 9, 235	л. 89	л. 145	л. 299														
Триодь постная					л. 1													
Триодь цветная						[л. 1]												
Среднешрифтное Четвероевангелие			л. 185	л. 369			л. 11	лл. 117, 293		лл. 3 об., 113, 178 об., 289								
Среднешрифтная Псалтырь									л. 4	лл. 211, 233								
Широкошрифтное Четвероевангелие				л. 103 2 сч.							л. 3 об. 1 сч.; л. 1 3 сч.; л. 191 3 сч.	л. 1 2 сч.; л. 7 3 сч.	л. 107 2 сч.	л. 111 3 сч.	л. 115 3 сч.			
Широкошрифтная Псалтырь																л. 1 1 сч.	л. 4 1 сч.	л. 116 2 сч.
Рукописные книги			ГИМ, Син. 264, л. 1	ЦГАДА, ф. 381, № 183, лл. 3 об., 118, 189, 312, 403	ГИМ, Син 196, л. 11	ГИМ, Син. 196, л. 1; ОРЛБ, ф. 304, № 213, л. 1			ЦГАДА, ф. 381, № 183, лл. 11, 122, 195, 317									

Дополнительные доводы дает изучение остальных признаков. Во всех безвыходных изданиях (кроме узкошрифтного Четвероевангелия) использована оригинальная, по происхождению московская техника набора с эффектом «перекрещивания» строк. Эта техника объединяет шесть из семи первопечатных книг. С другой стороны, в первых безвыходных изданиях использована своеобразная, также московская по происхождению техника однопрокатной двухкрасочной печати с одной формы. Эта техника объединяет пять из семи первопечатных книг.

В пяти из шести безвыходных изданий применена одинаковая по происхождению бумага с близкими, а иногда и идентичными водяными знаками. Характер бумаги седьмого издания — Триоди цветной — неизвестен.

Намеченные нами нити тесно связывают безвыходные первопечатные издания в общую группу. Все они, бесспорно, вышли из одной типографии.

Как же быть с теми существенными отличиями, которые перечислены в начале параграфа? Нельзя забывать, что безвыходные издания были первыми в нашей стране печатными книгами. При этом, как мы доказали выше, у первопечатников не было иностранных учителей — полиграфическую технику они осваивали сами. Поиски новых, по-своему оптимальных приемов в этих условиях естественны. Так можно объяснить последовательное совершенствование полиграфической техники, смену шрифтов, пропорций набора и т. д. Второе обстоятельство, которое необходимо учитывать, отмечено А. А. Сидоровым: в первой московской типографии работал, по-видимому, не один мастер, а несколько, все это были люди талантливые, имевшие свой взгляд на вещи и свои излюбленные приемы работы. Индивидуальность каждого из мастеров могла наложить определенный отпечаток на отдельные издания, тем более, что некоторые издания, возможно, печатались параллельно. На примере среднешрифтной Псалтыри мы показали, что в первой московской типографии имелось по крайней мере два печатных стана. Не исключено, что их было больше!

Так или иначе, но окончательный вывод остается прежним. Все первопечатные безвыходные издания вышли из одной типографии. В утверждении этом мы коренным образом расходимся с таким автором, как Г. И. Коляда.

Последовательность изданий. Пытаться датировать первопечатные книги, исходя лишь из показаний водяных знаков бумаги,— дело бесперспективное. Об этом уже говорилось на страницах книги. К сожалению, до сего времени все попытки установить последовательность выпуска в свет первых московских печатных книг были связаны исключительно с изучением бумаги. Правильный выход, как и в предыдущем случае, можно найти лишь в комплексном рассмотрении всех материалов.

Существует два мнения о последовательности безвыходных Четвероевангелий. А. С. Зернова выдвигает на первое место среднешрифтное издание. Т. Н. Протасьева, Г. И. Коляда и другие авторы отдают предпочтение узкошрифтному изданию.

В защиту последнего мнения можно привести следующие доводы, вытекающие из изучения орнаментики. Первый из них основывается на соображениях чисто количественного порядка. Естественно предположить, что орнаментальное убранство изданий с течением времени должно совершенствоваться. Орнаментальный репертуар наиболее беден в узкошрифтном Четвероевангелии — здесь всего пять заставок, отпечатанных с четырех досок, и четыре инициала — с четырех досок. В среднешрифтном Четвероевангелии — если не качественный, то количественный прогресс: девять заставок с пяти досок. Число инициалов остается прежним. Наконец, в широкошрифтном Четвероевангелии — также девять заставок,

но уже с шести досок при прежнем количестве инициалов. Небольшая табличка наглядно показывает обогащение орнаментального убранства наших изданий, правда — в чисто количественном отношении.

	Число заставок	Число досок
Узкошрифтное Четвероевангелие	5	4
Среднешрифтное Четвероевангелие	9	5
Широкошрифтное Четвероевангелие	9	6

Уже приходилось говорить об использовании одних и тех же гравированных заставок и инициалов в различных безвыходных Четвероевангелиях. Этот любопытный факт служит серьезным доводом в пользу происхождения всех изданий из одной типографии. Мы вправе предположить, что появление новых досок вызывалось факторами исключительно практического порядка. Типограф заменял старую доску новой, когда старая выходила из строя. Первые русские ксилографы не умели подбирать материал, обеспечивающий высокую тиражеустойчивость. Впоследствии это искусство в совершенстве освоит Иван Федоров (или работавший на него гравер), доски которого будут служить не одному поколению украинских и белорусских типографов.

Так или иначе, но большинство досок безвыходных изданий выдерживают двойной, тройной, а то и четверной тираж. Первая из досок узкошрифтного Четвероевангелия (Зерн. 7) использовалась дважды — перед евангелиями от Матфея и от Иоанна. Третья заставка (Зерн. 4) также выдержала двойной тираж: она воспроизведена перед евангелием от Луки как в узкошрифтном, так и в среднешрифтном Четвероевангелиях. Наконец, четвертая заставка (Зерн. 5) использована уже трижды — во всех трех анонимных Четвероевангелиях. Некоторые инициалы среднешрифтного Четвероевангелия были использованы и в среднешрифтной Псалтыри (Зерн. 39, 42, 43). Перечисление это можно продолжить.

Обратим внимание читателя на любопытное обстоятельство. Лишь одна из досок (Зерн. 5) использована во всех трех анонимных Четвероевангелиях. Общими для узкошрифтного и среднешрифтного изданий являются одна заставка (Зерн. 4) и один инициал (Зерн. 41). Наконец, в среднешрифтном и широкошрифтном Четвероевангелиях использован инициал «П» (Зерн. 43). Это своеобразный рекордсмен, ибо он, кроме того, встречается и в обеих Псалтырях.

В приведенном нами перечне нет ни одной доски, общей для узкошрифтного и широкошрифтного Четвероевангелий (кроме заставки Зерн. 5, имеющейся также и в среднешрифтном Четвероевангелии). Естественно предположить, что заставки и инициалы переходили из предшествующего в последующее издания, то есть, что их можно найти лишь в изданиях-соседях. Если это действительно так, порядок выпуска в свет Четвероевангелий может быть только таким:

1) узкошрифтное Четвероевангелие;
2) среднешрифтное Четвероевангелие;
3) широкошрифтное Четвероевангелие.

Хорошим дополнением к только что сказанному служит наблюдение Г. И. Коляды, который в оттиске заставки Зерн. 4 в среднешрифтном Четвероевангелии заметил дефект, которого не было в оттиске с той же доски в узкошрифтном Четвероевангелии [332].

Наиболее веские выводы о последовательности безвыходных изданий дает изучение полиграфической техники.

Если исходить из тезиса о самостоятельном освоении основ типографского дела на Руси — нам думается, мы доказали этот тезис, — развитие

техники должно идти от несовершенного к совершенному. Наиболее несовершенна техника двух первопечатных книг — узкошрифтного Четвероевангелия и Триоди постной. Здесь и только здесь мы обнаруживаем систематическое отмарывание пробельного материала. В остальных безвыходных изданиях это явление не встречается или же встречается эпизодически и исключительно редко. Таким образом, у истоков московского первопечатания следует поставить два названных издания. Какое же из них было первым?

Ответ на этот вопрос подскажет нам тот факт, что в узкошрифтном Четвероевангелии — единственном среди первопечатных московских книг — не наблюдается «перекрещивания» строк. Здесь употреблена общая для славянского первопечатания технология набора, которая в Москве не привилась, ибо она исключала возможность имитации рукописания. Новая техника, появляющаяся впервые в Триоди, впоследствии стала общепринятой и за пределами Московской Руси — всюду, где печатались славянские книги.

Таким образом, устанавливается, что первой московской печатной книгой было узкошрифтное Четвероевангелие, а второй — Триодь постная. За последним изданием естественно поставить Триодь цветную, как непосредственно следующую за Триодью постной и составляющую ее продолжение. Каких-либо иных доводов здесь привести не удастся, ибо Триодь цветная в настоящее время недоступна для изучения.

Последовательность остающихся четырех книг легко определить, исходя из примененной в них техники двухкрасочной печати. В среднешрифтных изданиях — старая однопрокатная техника, примененная в узкошрифтном Четвероевангелии и Триоди (кратковременное применение в Триоди двухпрокатной печати с двух форм является эпизодом, опытом, не оказавшим никакого влияния на последующее развитие московской полиграфии). В широкошрифтных изданиях — новая двухпрокатная техника (с применением одной формы), которая станет общепринятой и в Москве и в славянских странах. Таким образом, среднешрифтные издания, несомненно, предшествуют широкошрифтным.

Последовательность выпуска книг в рамках этих групп также ясна — Четвероевангелия предшествуют Псалтырям. Это доказывается наблюдениями над орнаментикой и тем фактом, что для заключки полос набора в Псалтырях использовались рамы, изготовленные для Четвероевангелий.

Все изложенное выше позволяет нам расположить безвыходные первопечатные московские издания в следующей последовательности:

1) узкошрифтное Четвероевангелие;
2) Триодь постная;
3) Триодь цветная;
4) среднешрифтное Четвероевангелие;
5) среднешрифтная Псалтырь;
6) широкошрифтное Четвероевангелие;
7) широкошрифтная Псалтырь.

Любопытно отметить, что аналогичную последовательность дают и сохранившиеся самые ранние вкладные и владельческие записи с датами:

1) узкошрифтное Четвероевангелие	1558—1559 гг.[333];
2) Триодь постная	1561—1562 гг.;
3) среднешрифтное Четвероевангелие	1561 г.;
4) широкошрифтное Четвероевангелие	1568—1569 гг.

Переходим к датировке безвыходных изданий, которая, как явствует из вышеизложенного, может быть лишь приблизительной. Водяные знаки указывают на 50-е и 60-е гг. XVI в. Границы датировки определяются следующими соображениями. Книгопечатание на Москве не могло возникнуть раньше Стоглавого собора, на котором был подвергнут развернутой критике рукописный способ воспроизведения книг. Итак, начальная дата — 1551 г. Естественно, что в том же самом году типография

приступить к работе не успела. У нас есть освященная традицией дата, восходящая к послесловию Апостола 1564 г. и упоминаниям XVII в. Эта дата — 1553 г. Мы не видим оснований отказываться от нее, признавая, впрочем, ее гипотетичность.

Последнее безвыходное издание — широкошрифтная Псалтырь — не могла быть выпущена после отъезда Ивана Федорова и Петра Мстиславца из Москвы, ибо первопечатники, по-видимому, увезли с собой некоторые типографские материалы этой книги — Г. И. Коляда документально установил, что гравированная буквица из широкошрифтной Псалтыри использовалась в дерманском Октоихе 1604 г. Первопечатники уехали из Москвы скорее всего в самом начале 1566 г.— ниже мы мотивируем эту дату.

Таким образом, на выпуск 7 безвыходных изданий приходится период в 13—14 лет. Исходя из того, что все эти издания (исключая Псалтыри) имеют примерно одинаковый объем, можно предложить следующие условные даты:

1) узкошрифтное Четвероевангелие	1553—1554 гг.;
2) Триодь постная	1555—1556 гг.;
3) Триодь цветная	1556—1557 гг.;
4) среднешрифтное Четвероевангелие	1558—1559 гг.;
5) среднешрифтная Псалтырь	1559—1560 гг.;
6) широкошрифтное Четвероевангелие	1563—1564 гг.;
7) широкошрифтная Псалтырь	1564—1565 гг.

Еще раз подчеркнем, что даты эти условны. Из последующего изложения станет ясно, почему для первых пяти безвыходных изданий датировка уплотнена.

Круг произведений первой московской типографии, по-видимому, не исчерпывается названными книгами. Гутенберг, да и другие западноевропейские типографы начинали свою деятельность с учебников — «Донатов». Не исключено, что и в нашей стране первой печатной книгой был учебник. Основные приемы полиграфической техники естественнее было отрабатывать на небольшой книжке — Азбуке или Букваре,— чем на таком объемном издании, как Четвероевангелие. Здесь уместно вспомнить послание Артемия Ивану IV с упоминанием «азбуки к научению детем». Г. И. Коляда посчитал восьмым московским безвыходным изданием азбуку «Начало учения детем», в свое время описанную Д. Барникоттом и Дж. Симмонсом. Однако аргументация его в этом случае неубедительна. Большего внимания заслуживают доводы А. С. Зерновой, доказывающей острожское происхождение издания[334]. Мы сознательно не затрагиваем здесь сложный и запутанный вопрос, ибо рассмотрение первопечатных азбук заняло бы чересчур много места и времени и далеко бы увело от основной темы исследования. Так или иначе, но в Москве могло выйти в свет аналогичное издание, ибо московское происхождение текстов первопечатных азбук у нас сомнений не вызывает.

Вопрос о неизвестных нам первопечатных московских изданиях следует отложить до находок, которые еще предстоит сделать науке. Находки эти, несомненно, впереди!

Сильвестр и первая типография. Вопрос о том, каким образом возникла первая московская типография, большинством историков решается просто — «повелением благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича и благословением преосвященного Макария митрополита». Здесь сила традиции чувствуется наиболее отчетливо. Традиция восходит к послесловию Апостола 1564 г. Она была возведена в норму старыми писателями — П. М. Строевым, Н. М. Карамзиным, К. Ф. Калайдовичем, М. П. Погодиным — и с тех пор прочно обосновалась в историографии.

Новые авторы, говоря об истоках московского первопечатания, подчеркивают социально-политические и экономические предпосылки, выдвигают на первое место объективную закономерность. Однако проводни-

ками или орудием этой закономерности выступают все те же Иван IV и Макарий.

Едва ли не общепринято мнение о государственном характере первой типографии. Разница состоит в том, что одни авторы подчеркивают инициативу царя, а другие возводят начало книгопечатания к митрополиту. Особняком стоит мнение Г. И. Коляды об одновременном существовании двух типографий — государственной и митрополичьей [335]. Впрочем, тот же автор в другом месте считает возможным говорить о типографии Троице-Сергиевого монастыря, во главе которой стоял Максим Грек.

Если предположить, что первая московская типография была государственной, сразу же встает вопрос — почему в безвыходных изданиях не сказано, где, кем и по чьему повелению они напечатаны. Иван Васильевич Грозный был далеко не безразличен к личной славе. Если бы инициатива создания книгопечатания исходила от него, он бы не преминул упомянуть об этом на страницах первых же книг, вышедших из типографии, по примеру Георгия Черноевича, Вуковичей, молдавских властителей или западноевропейских коронованных особ. Вспомним, что западная и славянская печатная книга широко бытовала на Руси и, конечно же, Иван IV был знаком с нею.

Пытаясь устранить противоречие, указывают на опытный характер безвыходных изданий. Это заблуждение, пустившее глубокие корни и исключительно живучее. Говорить о «несовершенстве», «неопытности» можно лишь применительно к узкошрифтному Четвероевангелию и, с оговорками, к Триоди постной. Уровень полиграфического исполнения уже следующих по времени выпуска безвыходных изданий — среднешрифтных Четвероевангелия и Псалтыри — достаточно высок. Во всяком случае, книги эти отпечатаны лучше, чем рядовая продукция Московского Печатного двора середины XVII в. Единственный их минус, с точки зрения современного типографа,— отсутствие выключки. Но и это, по-видимому, делалось сознательно — с целью имитировать рукописную книгу. Мнение об «опытном характере» опровергается и тем, что безвыходные издания были выпущены достаточно высокими тиражами.

Если первая типография была основана не при царском и митрополичьем дворе, то где же именно? Вспомним, в каких кругах возникла и культивировалась критика рукописного способа воспроизведения книг. В свое время было выяснено, что критика исходила от нестяжателей. Предполагать, что инициатива возникновения книгопечатания принадлежит злейшим врагам нестяжательства — осифлянской верхушке московского духовенства,— было бы просто нелогично.

Далеко не случайным представляется то, что первой большой книгой, вышедшей из типографии, было Четвероевангелие. Все зарубежные типографы начинали свою деятельность изданием книг, имевших широкое распространение в повседневной богослужебной практике, таких, как Октоих, Часослов, Триоди, Служебники... Исключением был лишь Франциск Скорина. Но его деятельность, как известно, носила главным образом просветительский характер.

Почему же московская типография прежде всего озаботилась изданием Четвероевангелия? Вспомним, что нестяжатели пропагандировали евангельские идеи, противопоставляя их ветхозаветным устремлениям осифлян. Дело дошло до того, что в полемическом задоре пропагандисты осифлянства восклицали: «Не требе ныне по евангелию жити!» Как закономерный вывод отсюда проистекал протест против широкого распространения священных книг в народе: «Грех простым чести апостол и евангелие!»

Читателю эти высказывания известны, как известна и критика осифлянской точки зрения, убедительно прозвучавшая в посланиях Артемия, «Валаамской беседе», подготовительных материалах к Стоглавому собору. Аналогичную точку зрения высказывали такие прогрессивные русские публицисты XVI в., как И. С. Пересветов или Ермолай-Еразм. Мы при-

вели эти высказывания еще раз, чтобы показать неосновательность умозрительных построений авторов, приписывающих основание первой типографии именно тем силам, которые были убежденнейшими противниками просвещения, гуманизма, «почитания книжного».

Новейший автор, характеризуя нестяжательство как церковное течение, указывает, что «религиозной формой, в которой выступило это... течение, явилось требование следовать Евангелию» [336].

Если связывать возникновение книгопечатания с кругами, близкими к нестяжательству, выпуск на протяжении десяти лет трех изданий Четвероевангелия находит вполне реальные объяснения. С другой стороны, становится понятным и то, что государственная типография, находившаяся в руках осифлянского духовенства, на протяжении последующих 40 лет не выпустила ни одного издания Четвероевангелия. И лишь в 1606 г., когда споры между осифлянами и нестяжателями поутихли и сделались достоянием истории, Анисим Михайлов Радишевский напечатал эту богослужебную книгу.

Политические взгляды патрона первой московской типографии как будто бы проясняются. Поищем дополнительные штрихи для его характеристики.

На страницах книги подчеркивалась близость первопечатных безвыходных изданий к рукописной традиции. Это чувствуется в графике шрифта, в приемах набора и верстки, в рисунке заставок и буквиц, воспроизводящих популярные в книгописании примеры. Важное значение имеет факт параллельного использования гравированной орнаментики в печатных и в рукописных книгах. Первая московская типография работала рядом с книгописной мастерской — вывод этот был в свое время аргументирован. Остается предположить, что идейный вдохновитель типографии был одновременно руководителем книгописной мастерской.

Нам не известны книгописные мастерские XVI в., бывшие исключительно частновладельческими предприятиями. Все они в той или иной степени носили полуофициальный характер и размещались при царском и митрополичьем дворе, у архиепископов, в монастырях. Мастерские работали и на рынок, но меценатская струя, стремление послужить «богоугодному делу», как правило, преобладали.

Возводя указанный признак в норму, естественно предположить, что владелец первой московской типографии был лицом власть имущим.

Вместе с тем он был достаточно скромен или осторожен, чтобы не подчеркивать своего личного участия ни в рукописных, ни в печатных книгах, вышедших из его мастерской.

Просуммируем все то, что говорилось, и попытаемся нарисовать портрет человека, стоящего у истоков русского книгопечатания. Он близок к кормилу государственной власти и вместе с тем умеет оставаться в стороне. Он — духовное лицо и вместе с тем осведомлен в практических вопросах делания книги. Он, наконец, симпатизирует нестяжателям.

Таким человеком, по нашему глубокому убеждению, мог быть лишь благовещенский поп Сильвестр.

Признание за Сильвестром руководящей роли в основании первой московской типографии не представляет чего-либо экстраординарного, идущего вразрез с историографической традицией. Тесная связь первопечатания с деятельностью «Избранной рады», установленная исследованиями А. С. Орлова, в настоящее время никем не отрицается. Роль «Избранной рады» в создании первой типографии подчеркивают С. В. Бахрушин, М. Н. Тихомиров и многие другие авторы. О роли Сильвестра говорил в свое время А. И. Некрасов. Однако наряду с этим шла речь об «инициативе» Ивана IV и вдохновляющем и направляющем участии Макария.

В составе «Избранной рады», впрочем, не до конца ясном, нет другого лица, которое можно поставить у истоков московского книгопечатания. Алексей Федорович Адашев, как и Сильвестр, был человеком

книжным. Известно, что он владел немалым собранием, в котором имелись и зарубежные книги. Однако Адашев был лицом светским и не мог взять на себя инициативу полиграфического воспроизведения богослужебных книг.

В годы, когда начинала деятельность первая московская типография, Сильвестр пользовался почти неограниченной властью, «правил рускую землю», по словам Пискаревского летописца. Все его мероприятия освящались именем царя. Ряд произведений его рукописной мастерской в эти годы поступает в монастыри от имени Ивана IV — особенно много таких книг в Соловецком монастыре, где сидел игуменом симпатизировавший нестяжательству Филипп.

О широкой книгоиздательской деятельности Сильвестра уже говорилось. Важно подчеркнуть, что он был превосходно ознакомлен с технической и экономической сторонами дела. А. И. Соболевский в свое время писал, что источники «рисуют нам Сильвестра не только как «мастера», учившего грамоте, пению, церковному обиходу и выводившего молодых людей в священники, дьяконы, подьячие, книжные писцы, но также как иконописца, серебряных дел мастера и торговца» [337]. У его сына Анфима, принимавшего активное участие в книгоиздательских делах, была «великая» торговля и дружба с иноземцами.

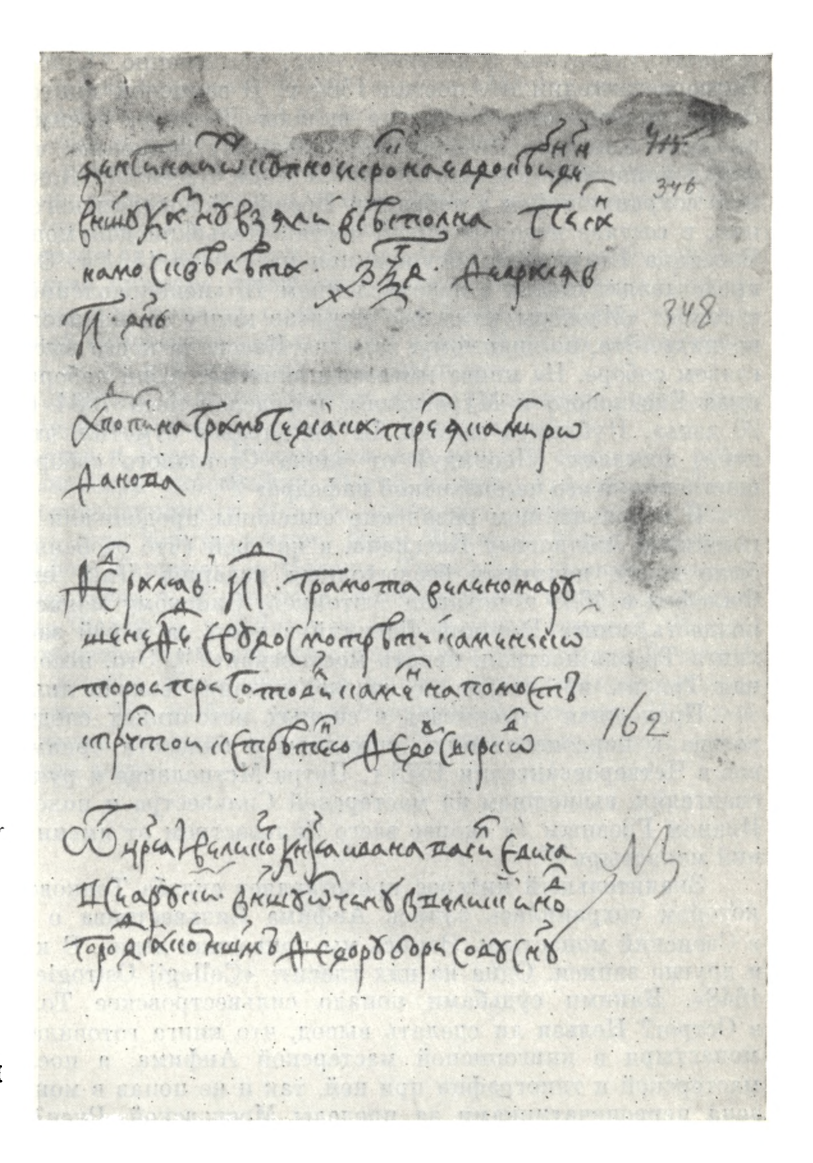
Пользуясь почти неограниченной властью, Сильвестр никогда не подчеркивал ее официальными должностями. Он даже не был протопопом Благовещенского собора, в котором служил, а следовательно, и не был личным духовником царя, как это обычно утверждается. Мы не знаем ни одной книги, вышедшей из мастерской Сильвестра и снабженной выходной «летописью». Известны вкладные записи благовещенского попа. Но нет ни одной «летописи» с указанием расходов и перечислением мастеров, принимавших участие в изготовлении книги,— таких, которые имеются на многочисленных вкладах митрополита Макария. Это, кстати говоря, еще один довод в пользу непричастности Макария к изданию первопечатных безвыходных книг. Кто-кто, а он бы не преминул похвалиться своими «богоугодными» делами, как он это делал неоднократно в других случаях.

Активная деятельность первой московской типографии приходится примерно на 1554—1560 гг. По-видимому, именно в эти годы были выпущены пять первых безвыходных изданий. В конце 50-х гг. влияние Сильвестра на царя ослабевает. Назревает разрыв, который, наконец, происходит; в 1560 г. Сильвестр принимает постриг в Кирилло-Белозерском монастыре.

Книгописная мастерская и типография остаются в руках у его сына Анфима. Деятельность мастерской документально зафиксирована. В начале 60-х гг. Анфим прислал отцу в Кириллов монастырь книгу Иоанна Златоуста [338]. Известна книга, положенная Анфимом Сильвестровым в 1564 г. в Свенский Брянский монастырь [339]. Об этой книге еще пойдет речь ниже. По-видимому, в эти годы в типографии были выпущены два широкошрифтных издания. Упадок, в котором находились мастерские после ухода Сильвестра в монастырь, сказался на общем снижении уровня художественного исполнения изданий. Они откровенно эклективны. О том же свидетельствует и низкий тираж последнего Четвероевангелия, который по крайней мере был вдвое меньше тиража предыдущих изданий.

Мы превосходно понимаем, что все, сказанное выше, останется лишь гипотезой (пускай более или менее вероятной), пока не будут найдены документальные подтверждения. Сегодня в наших руках таких доказательств нет. Но кое-что может быть упомянуто.

Превосходным доказательством послужили бы первопечатные издания с собственноручными вкладными Сильвестра. Пока их нет, следует ограничиться перечислением записей, сделанных людьми, которые так или иначе пересекали жизненный путь благовещенского попа.

Акт о Маруше Нефедьеве. ЛОИИ АН СССР

В начале 60-х гг. XVI в. после смерти царицы Анастасии Иван IV собрал Боярскую думу и церковный собор, на которых Сильвестр и Адашев были обвинены в десятках прегрешений, и в частности в отравлении царицы. Одним из главных обвинителей Сильвестра на соборе выступал «прелукавый мних» Мисаил Сукин, «издавна преславный в злостях» [340]. Вскоре же после собора, в сентябре 1561 г., Сукин продал среднешрифтное Четвероевангелие благовещенскому попу Леонтию Устинову [341]. Известно, что после осуждения Сильвестра книги его инспектировал в Кирилловском монастыре стародавний недруг благовещенского попа Иван Михайлович Висковатый. Не исключено, что в подобной ревизии, возможно проведенной и в Москве, принимал участие Мисаил Сукин, сумевший «позаимствовать» приглянувшуюся ему книгу.

Одним из ближайших сподвижников и единомышленников Сильвестра был епископ рязанский Кассиан, назначенный на эту должность в период подготовки к Стоглавому собору. Впоследствии он защищал Артемия и Иоасафа Белобаева, а затем и сам был осужден. Его воспреемником на епископстве был осифлянин Леонид. И опять аналогичная история. В 1565 г. Леонид делает большой вклад в Иосифов монастырь. Среди подаренных монастырю книг «Евангелие тетр печатное в десть» и

«Апостол печатной в десть»[342]. Это, несомненно, одно из безвыходных Четвероевангелий и Апостол 1564 г. В записной книге Иосифова монастыря упоминаются и другие вклады Леонида, преимущественно рукописными книгами. Не подлежит никакому сомнению, что новый епископ дарил монастырь книгами из библиотеки Кассиана. Доказательством служит сохранившийся в собрании Иосифо-Волоколамского монастыря сборник, в составе которого такой нестяжательский документ, как «Кормчая» Вассиана Патрикеева, осужденная на соборе 1531 г. Особенный интерес представляет статья с перечислением 16 «неисправлений», среди которых и такое: «Мастеры книжные написав книгу не исправливають и служат по них». Это, по-видимому, заметка Кассиана к его выступлению на Стоглавом соборе. На книге имеется приписка: «Сий соборник владыки Леонида Рязанского и Муромского, переделан лета 7084 (т. е. 1576) июня 20 день». Публикуя запись, Н. Тихонравов отметил, что сборник, «вероятно, достался (Леониду) от члена Стоглавого собора Касьяна, предшественника его на рязанской кафедре»[343].

И в дальнейшем рязанские епископы продолжали разбазаривать богатейшую библиотеку Кассиана, в которой (что особенно важно для нас) было много печатных безвыходных изданий. Так, епископ рязанский Филофей в 1583 г. подарил Антониеву-Сийскому монастырю «Правила в полдесть, книга Великий Василий в десть, а в ней заставицы фряския, книга Треодь постная, печать московская»[344]. Это, несомненно, безвыходная Триодь, ибо второе московское издание вышло лишь в 1589 г.

Продолжая отыскивать в скупых источниках следы близости Сильвестра к первопечатанию, упомянем о близости орнаментальных мотивов в Четвероевангелии 1575 г. Петра Мстиславца и рукописном Четвероевангелии, вышедшем из мастерской Сильвестра и положенном в 50-х гг. Иваном Грозным (а скорее всего Сильвестром от имени царя) в Соловецкий монастырь[345].

Значительный интерес представляет судьба Толкового Евангелия, на котором сохранилась запись Анфима Сильвестрова о вкладе в 1564 г. в Свенский монастырь. Запись мы приводили выше. В книге, однако, есть и другие записи. Одна из них гласит: «Collegii Ostrogiensis Societatis Iesu 1648». Какими судьбами попало сильвестровское Толковое Евангелие в Острог? Нельзя ли сделать вывод, что книга готовилась для Свенского монастыря в книгописной мастерской Анфима, а после разгрома этой мастерской и типографии при ней, так и не попав в монастырь, была увезена первопечатниками за пределы Московской Руси? Любопытно, что в 1674 г. книгу «взял в черкасских градех в Чигирине» русский воин Кирила Иванов сын Малюта, прочитал в ней вкладную Анфима и счел своим долгом препроводить Евангелие по назначению — в Свенский монастырь[346].

Рукописная мастерская и типография Анфима Сильвестрова, по-видимому, были разгромлены. Иван Васильевич Грозный старался уничтожить самую память о благовещенском попе. «Изба у Благовещения», где «сидел» Сильвестр, была сровнена с землей. На месте ее, вспоминал в начале XVII в. анонимный автор Пискаревского летописца, «ныне полое место межу полат»[347].

Опалой Сильвестра, по-видимому, и объясняется темная редакция строк о начале московского книгопечатания в послесловии Апостола 1564 г. Нам могут возразить, что, попав за пределы Московской Руси и будучи вне досягаемости опричников Ивана Грозного, Иван Федоров мог объективно рассказать о том, как протекали события. Мог, но не сделал этого! Предвидя это возражение, мы в свое время остановимся на нем.

Мастера. Кто работал в первой московской типографии? Вопрос чрезвычайно важен. Однако ответить на него исчерпывающе точно пока нельзя. До 1564 г. в источниках упоминается всего лишь одно имя московского типографа. Это «мастер печатных книг» Маруша Нефедьев. Его имя названо в актах от 9 февраля и 22 марта 1556 г.[348] Маруша послан царем

в Новгород «досмотрети камени, который камень приготовил на помост в церковь к Пречистой ку Стретеню Федор Сырков». Мастер должен определить пригодность камня для резьбы по нему — предполагалось на камне «лице» наложить, «как в Софее Премудрости Божьей».

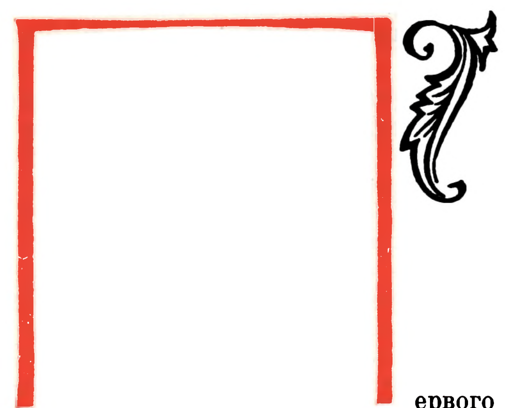
Упоминается в документе и другой умелец — новгородец Васюк Никифоров, который, по словам Маруши, «умеет резати резь всякую». Этого мастера предлагается прислать в Москву «наборзе».

Грамота составлена от имени царя. Но все в ней дышит новгородской традицией. В качестве примера приводятся резные изображения Софийского собора. Камень для помоста подготовляет Федор Сырков, член известной новгородской купеческой семьи [349]. Да и сам Маруша скорее всего новгородец, ибо он знает новгородских ремесленников.

Как тут не вспомнить благовещенского попа Сильвестра, постоянно поддерживавшего тесные связи с родным ему Новгородом!

Маруша Нефедьев и Васюк Никифоров, вне всякого сомнения, работали в первой московской типографии. Легко понять, что они не были единственными первопечатниками. Однако остальных мы не знаем. Впрочем, нужно назвать еще четыре имени: Иван Федоров, Петр Тимофеев Мстиславец, Никифор Тарасиев и Невежа Тимофеев. Многие авторы, и среди них прежде всего А. С. Зернова, категорически отрицают какое-либо участие Ивана Федорова в печатании безвыходных изданий. Фактические данные и прежде всего сравнительный анализ полиграфической техники говорят о другом. Иван Федоров не был единственным московским первопечатником. Но он был самым талантливым из них. Печатью незаурядного дарования отмечена вся его многолетняя деятельность, о которой рассказывается ниже.

ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ В МОСКВЕ

ервого (а по новому стилю одиннадцатого) марта 1564 г. произошло событие, имевшее колоссальное значение в истории русской культуры,— вышла в свет первая точно датированная московская печатная книга, первенец государственной типографии.

В послесловии книги, известной в библиографии под наименованием Апостол, указано, что появлением своим на свет она обязана «Николы чюдотворца Гостунъского диякону Ивану Федорову, да Петру Тимофееву Мстиславцу».

Те же имена находим и во второй датированной московской книге — Часовнике, вышедшем двумя изданиями в 1565 г.

На этом московский период деятельности Ивана Федорова и Петра Тимофеева прекращается. Первопечатники вынуждены покинуть отчизну и отправиться «в ины страны незнаемы». Однако государственная типография в Москве продолжала работать, хотя и не столь интенсивно, как раньше.

Прежде чем говорить о возникновении и деятельности государственной типографии, необходимо подробно ознакомиться с книгами, напечатанными в Москве Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем. Обстоятельно изучив эти книги, мы сможем судить о великом вкладе, внесенном Иваном Федоровым в отечественное книжное дело, а также о связях и традициях, проявившихся здесь.

АПОСТОЛ 1564 ГОДА

Первенец государственной типографии — Апостол 1564 г. — известен в нашей литературе давно. О нем говорит уже «Сказание... о воображении книг печатного дела», в котором упомянуты «книги апостольская деяния и послания соборная и святаго апостола Павла послания», начатые печатью «в лета 7071-е, апреля в 19 день» [1].

Составители сказания, несомненно, держали в руках подлинный экземпляр книги, ибо они приводят цитаты из ее послесловия. На Московском Печатном дворе, где возникло сказание, в XVII в. Апостола 1564 г. уже не было. Однако составители могли ознакомиться с книгой хотя бы в Чудовом монастыре. Именно оттуда в 1695 г. Апостол был взят на Печатный двор — «занеже такой книги здесь не обретается». Книга была передана в типографскую библиотеку повелением Петра I «для того, что она перваго издания» [2].

Таким образом, уже в XVII в. Апостол 1564 г. был хорошо известен. Тем не менее И. Коль, издавший в 1729 г. «Введение в славянскую историю и литературу...», утверждал, что ни один экземпляр книги не сохранился — все они погибли в Смутное время [3].

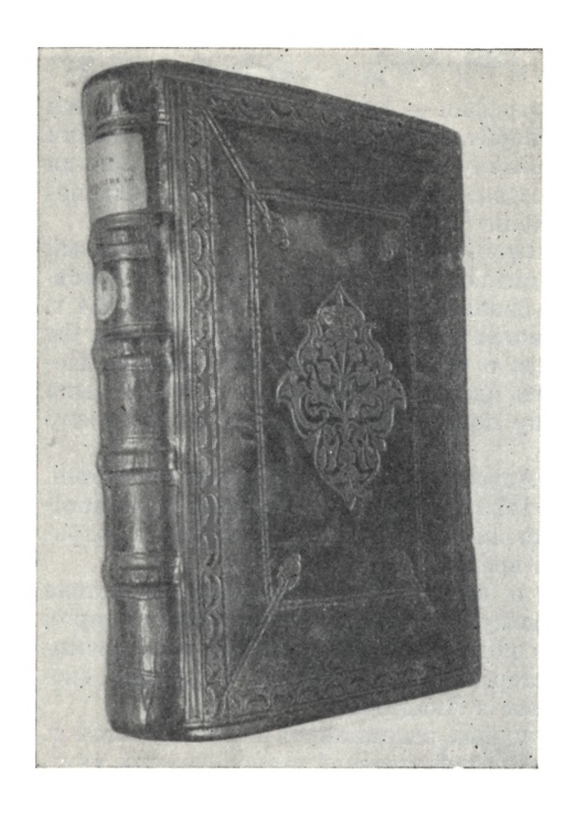
Первое упоминание в печати о конкретном экземпляре Апостола 1564 г. принадлежит В. Тредиаковскому. Он познакомился с экземпляром Библиотеки Академии наук [4]. Более подробные сведения об этом экземпляре сообщил в 1780 г. И. Бакмейстер. Книгу приобрели у солдата, «который нашед оную в 1730 году принес в Академию» [5].

В XIX столетии описания различных экземпляров Апостола 1564 г. один за другим появляются на страницах указателей старопечатных книг. Книга оказалась далеко не такой редкой, какой почитали ее В. Тредиаковский или епископ Дамаскин. В 1829 г. П. М. Строев описал экземпляр из собрания Ф. А. Толстого, в прошлом принадлежавший митрополиту новгородскому Исидору (ум. 1619) [6]. Четыре года спустя был учтен первопечатный Апостол из библиотеки А. С. Ширяева [7], в 1836 г. — экземпляр И. Н. Царского [8], в 1840 г. — два экземпляра Российской академии [9], в 1845 г. — экземпляры А. Д. Черткова, Н. П. Румянцева [10] и Общества истории и древностей российских [11], в 1848 г. — экземпляр А. И. Кастерина [12]. В. М. Ундольский, составивший каталог собрания Кастерина, знал уже 11 экземпляров Апостола. Впервые им были упомянуты книги, принадлежавшие И. П. Каратаеву, М. П. Погодину, библиотеке Московской Синодальной типографии и Государственному архиву. И. П. Сахаров в 1849 г. добавил к этому списку сведения о двух экземплярах, принадлежавших Соловецкому монастырю, а также об экземплярах из Новгородского Софийского собора и собрания А. И. Озерского [13].

Таким образом, к середине XIX в. было описано 18 экземпляров первопечатного Апостола. Вторая половина века значительно увеличила это число. Мы постараемся перечислить все, что нам известно. Однако перечисление далеко не будет исчерпывающим. Подсчитать все сохранившиеся до наших дней экземпляры в этом случае значительно труднее, чем раньше, — безвыходных изданий известно гораздо меньше.

В 1868 г. был впервые описан Апостол 1564 г. из собрания И. Я. Лукашевича. Впоследствии книга поступила в библиотеку Румянцевского музея, а отсюда, как дублет, в Петербургскую духовную академию [14]. А. Попов в 1872 г. описал экземпляр из собрания А. И. Хлудова [15].

Во второй половине века крупнейшие русские книгохранилища — Публичная библиотека в Петербурге и Московский Публичный и Румянцевский музеи, — комплектуя собрания старопечатных книг, приобретают и некоторое количество экземпляров Апостола 1564 г. В. М. Ундольский, составивший в половине XIX в. рукописный «Каталог книг церковной печати имп. Публичной библиотеки», регистрирует три экземпляра Апостола 1564 г., происходящих из собраний Толстого, Погодина и Кастерина [16]. В 1852 г. для одного из этих экземпляров ювелиром Сазоновым

Апостол 1564 года. Экземпляр Государственной Публичной исторической библиотеки

по проекту проф. Горностаева был сделан позолоченный серебряный оклад, украшенный драгоценными камнями. Такой же оклад был сделан и для Остромирова Евангелия. Первая русская книга и первая точно датированная московская печатная книга в окладах были помещены в специальной витрине в зале рукописей [17]. В 1856 г. первопечатный Апостол экспонировался на Выставке произведений церковно-славянской печати, устроенной библиотекой [18]. В 1873 г. киевский книгопродавец С. И. Литов преподнес в дар библиотеке небольшое собрание старопечатных книг, среди которых находился и Апостол 1564 г. [19]. В собрание Московского Публичного и Румянцевского музеев первый экземпляр Апостола поступил вместе с коллекцией Н. П. Румянцева, второй — из коллекции Д. В. Пискарева [20]. Впоследствии музей приобрел экземпляры В. М. Ундольского, И. Я. Лукашевича и др.

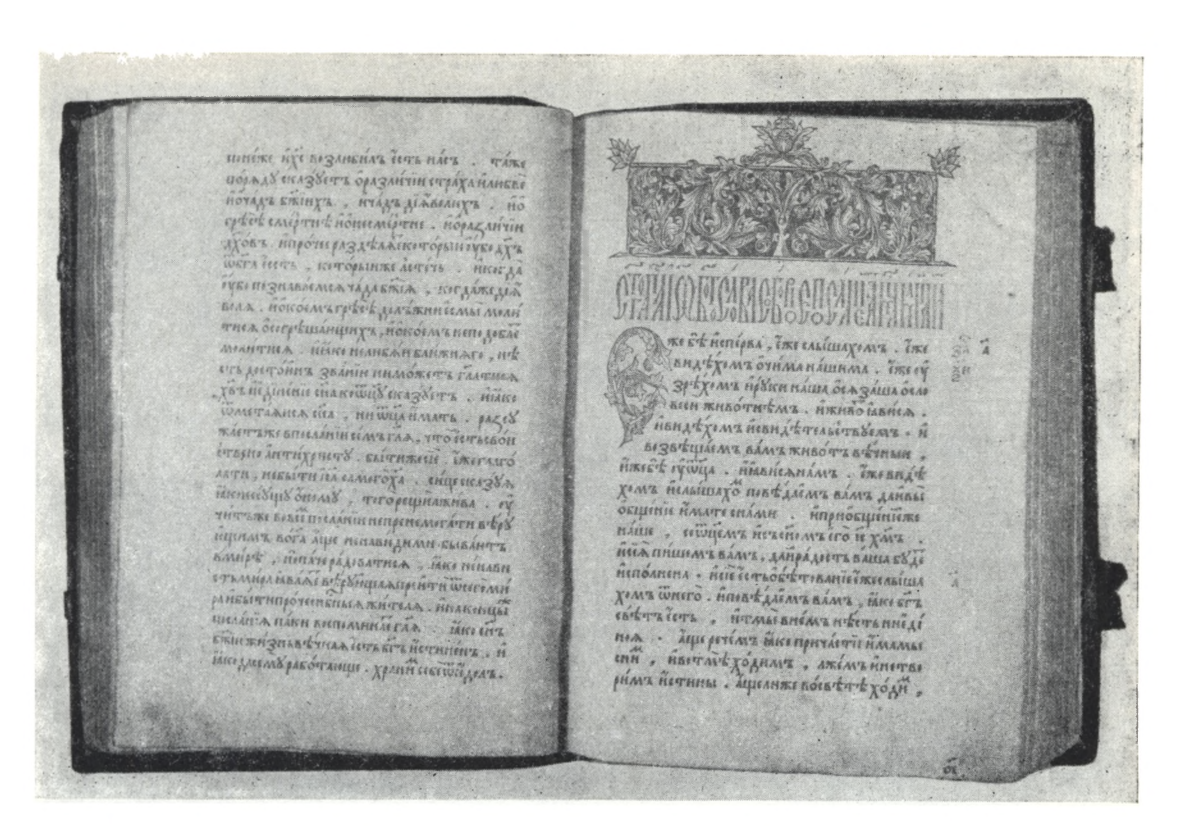
Во второй половине века немало Апостолов 1564 г. находилось в частных собраниях. Сохранились сведения об экземплярах самарского купца А. К. Кочуева [21], одесского коллекционера А. И. Тихоцкого [22], И. Остроглазова [23].

В каталогах отдельных собраний во второй половине века были описаны экземпляры первопечатного Апостола Московского главного архива министерства иностранных дел [24], Петербургской духовной академии [25], братства Александра Невского [26].

В 1908 г. И. Свенцицкий описал Апостол 1564 г., принадлежащий Церковному музею во Львове. Экземпляр был приобретен в 1905 г. в Москве у книгопродавца Большакова [27].

Первая точно датированная московская печатная книга находит себе место и на страницах известных каталогов И. П. Каратаева [28] и В. М. Ундольского [29]. Однако каких-либо новых, не описанных ранее экземпляров здесь не указано. Каратаев, однако, счел нужным отметить, что книга находится «во многих общественных библиотеках и частных руках».

Всего в предреволюционные годы было известно и частично описано по крайней мере 28 экземпляров первопечатного Апостола.

Апостол 1564 года. Начальная полоса соборного Послания Иоанна Богослова

Приведем сведения об Апостолах 1564 г., хранящихся в крупнейших наших книгохранилищах в настоящее время.

В Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина — семь экземпляров первопечатного Апостола (№ 1351, 1353, 1354, 6233, 1352, 2 экз. дублетного фонда). Один из экземпляров (№ 1354) происходит из собрания Общества истории и древностей российских, второй (№ 1352) является дублетом Библиотеки Академии наук, впоследствии поступившим в собрание Норова и отсюда — в Московский Публичный и Румянцевский музеи.

Государственный Исторический музей владеет восемью Апостолами, сохраняемыми в составе собраний Черткова (№ 134), Царского (№ 15), Щапова (№ 6), Хлудова (№ 17), Синодальной библиотеки (№ 17). Три экземпляра, входящие ныне в собрание «Меньших» (№ 278, 554, 617), происходят из монастырских библиотек и частных коллекций.

В Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина ныне имеется шесть первопечатных Апостолов. Один из них (№ 48 — 1.1.17^{е}) в свое время принадлежал И. Лукашевичу и вместе с собранием последнего поступил в Московский Публичный и Румянцевский музеи. Здесь он был зачислен А. Е. Викторовым в дублетный фонд (под № 16) [30]. Впоследствии Викторов обменял его на безвыходные издания библиотеки Петербургской духовной академии [31]. Отсюда уже книга поступила в Публичную библиотеку.

Два других экземпляра (№ 5167 — XXII.1.11^{а} и № 5168 — XXII.1.11^{б}) восходят к богатому книгохранилищу Соловецкого монастыря. Четвертый экземпляр (№ 44 — 1.1.17^{б}) ранее принадлежал И. П. Каратаеву, пятый (№ 45—1.1.17^{в}) — М. П. Погодину. Происхождение шестого экземпляра (№ 46—1.1.17^{г}) не ясно — возможно, из собрания Кастерина. Нам не удалось обнаружить ранее находившийся в библиотеке экземпляр Толстого.

Апостол 1564 года. Экземпляр И. Н. Царского. ГИМ

В Библиотеке Академии наук СССР — четыре первопечатных Апостола (№ 7.5.9, 7.5.10, 7.5.26, 18.5.6). Два экземпляра имеется в Государственной Публичной библиотеке УССР. Один из них (Сл. 552 — инв. 14803) происходит из собрания Н. С. Маклакова, второй (№ 695 — инв. 4254) — из библиотеки Е. Львова, перешедшей к Д. Г. Бибикову и пожертвованной после его смерти дочерью в университет св. Владимира [32].

Два первопечатных Апостола в настоящее время находятся в Центральном государственном архиве древних актов. Один из них в прошлом принадлежал библиотеке Московского главного архива министерства иностранных дел (ф. 1250, № 4), второй — библиотеке Московской Синодальной типографии (ф. 1251).

Двумя экземплярами владеет и Библиотека Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Один из них (№ 252975) принадлежал Библиотеке Всесоюзной академии архитектуры при ЦИК СССР, а впоследствии Этнографо-археологическому музею МГУ. Происхождение второго (№ 551—2—56) не ясно.

По одному экземпляру Апостола имеют Государственная Публичная историческая библиотека (№ 358679, Ст. 1 — экземпляр А. С. Уварова), Библиотека Академии наук УССР во Львове (Ст. 54669 — экземпляр Музея Львовского Ставропигиона), Государственный музей украинского искусства во Львове (74 F — экземпляр Соловецкого монастыря, впоследствии входивший в собрание С. Т. Большакова), Ивановский областной краеведческий музей (№ 4469) [33], Горьковская областная библиотека им. В. И. Ленина (Ц 21302) [34], Латвийская историческая библиотека в Риге [35]. По крайней мере 4 экземпляра находятся в зарубежных книгохранилищах [35].

Таким образом, нам в настоящее время известен 41 экземпляр Апостола Ивана Федорова и Петра Мстиславца. Имеется эта книга и в некоторых частных собраниях.

Вкладные и владельческие записи. Среди известных нам 30 с лишним экземпляров первопечатного Апостола ни один не имеет вкладных записей, относящихся к 60—80 гг. XVI в. Первые записи появляются лишь в 90-х гг. Факт этот не может быть признан случайным. Прежде чем перейти к выводам, хотелось бы сделать некоторые статистические сопоставления. Вспомним, что ранние вкладные записи достаточно часто встречаются в первопечатных безвыходных изданиях. Например, на узкошрифтном Четвероевангелии имеются записи 1559, 1563, 1566 гг., на Триоди постной — 1562 г., на среднешрифтном Четвероевангелии — 1561, 1564 и 1567 гг.

Часто встречаются вкладные записи XVI в. и на Апостоле, напечатанном в 1574 г. Иваном Федоровым во Львове. Нам известны записи 1574 [36], 1575 [37], 1578 [38], 1578 [39], 1580 [40], 1596 [41] гг. Многие из этих записей сделаны в пределах Московской Руси.

Чем же объяснить, что аналогичные записи не встречаются на экземплярах Апостола 1564 г.? Мы возводим это к совершенно иным условиям распространения книги. Безвыходные издания, с одной стороны, и Апостол 1574 г.— с другой, вышли из частных (или частно-государственных — в первом случае) типографий. Книги широко шли на рынок. Первопечатный Апостол 1564 г., напротив, детище государственной типографии. Тираж его, по-видимому, распространялся совершенно иными методами. Не исключено, что это делалось так же, как и в начале XVII в., когда книги распределялись по городам, передавались в церкви и монастыри, в Приказ Казанского дворца и т. д. частью бесплатно, а частью по небольшой цене, без прибыли — «почем себе стали».

Особенность хронологического распределения вкладных и владельческих записей первопечатного Апостола, на наш взгляд, является доказательством того, что типография, из которой вышли безвыходные издания — первые московские печатные книги, не была ни царской, ни митрополичьей.

Старейшая датированная вкладная Апостола 1564 г. относится к 1591 г. Она неразборчива, сильно вытерта и частично обрезана. Сделал ее «князь Петр Григорьевич». Из того, что дата дана «от Рождества Христова», а не «от сотворения мира», можно как будто бы сделать вывод, что запись возникла за пределами Московской Руси. Однако в дальнейшем книга находилась на Руси, о чем свидетельствуют поздние записи: «7151 (т. е. 1643) маия в 3 день продал сию книгу Апостол осташковец Иван Иванов сын Щетинин попу Михаилу Стефанова сыну Тверетину зачисто, а подписал я Иван своею рукою». У Михаила книга пробыла недолго: «7153 (т. е. 1645) июня в 20 день продал сию книгу Апостол поп Михайла Степанов сын Тверетин, купили вотчины Спасского монастыря крестяня Акуличины сию книгу Апостол к Николе Чюдотворцу, дали за сию книгу рубль» [42].

Следующая вкладная относится к 1595 г.: «Положена книга в лето 7103 июля в 4» [43]. Куда и кем положена, запись не сообщает! В том же самом экземпляре есть и более поздняя вкладная: «7145 (т. е. 1637) году генваря в 10 день положил... книгу... Рождеству... да к великому мученику Христову... что во Елизерском уезде... черной (поп)... по своим родителех... Семионе Еромолаеве. И ему б пожаловать родители мои поминать, а за мое здравие бога молить, а как бог по душу мою сошлет и ему б пожаловать имя мое написать в поминание и меня поминать. А сия книга из дому от Рожества Христова великомученика Георгия не вынесть и не продать, не заложить и никому не отдать. А хто сию книгу из дому от Рожества Христова и от великомученика Христова Георгия вынесет или продаст или заложит или кому отдаст, и тому со мною судит бог на страшнем суде вовеки. Аминь».

Нам известны еще две, однако недатированные записи XVI в.

На горьковском экземпляре имеется помета «князя Владимира Михайловича Апостол» [44]. Здесь, по-видимому, упомянут сын известного временщика, князя Михаила Васильевича Глинского, а следовательно, двоюродный брат Ивана IV. Любопытно, что имя второго брата — князя Ивана Михайловича Глинского, отчина которого находилась в Ярославском уезде,— упомянуто во вкладной 1578 г. на львовском Апостоле 1574 г. [45]

Вторая недатированная запись XVI в. составлена от имени старца Варсонофия, который положил «Апостол печатной тетр на бумазе в Свиязском городе в монастыре в церковь живоначальные Троицы у чюдотворца Сергия» [46]. Запись эта заставляет нас припомнить один из экземпляров среднешрифтного Четвероевангелия, на котором имелась вкладная старца Варсунофия Замыцкого, положившего «в дом живоначалные Троицы две книги Евангелье да Апостол, обе книги печатные тетр на бумазе в Свиязском городе». Игрою судьбы обе помянутые здесь книги сохранились; одна из них находится в Москве, а другая была в 20-х гг. в Саратове.

В самом начале XVII в. была сделана запись о принадлежности Апостола митрополиту новгородскому Исидору (ум. 1619) на экземпляре, принадлежавшем Ф. А. Толстому [47].

На экземпляре из собрания И. Лукашевича — обилие записей. Старейшая относится к 1621 г.: «Сия книга Апостол Знамения пречистыя богородицы, что на Знаменской улице, а куплен приходом. А подписал тое ж церкви поп Петр своею рукою лета 7129». Речь, по-видимому, идет о Знаменской улице в Москве. Впоследствии книга попала в руки некому Ф. Ф. Бобарыкину, который в 1653 г. положил ее «по брате своем Афонасе Федоровиче Бобарыкине к церкви в монастырь Козме и Демьяну». Церковь находилась в Зарядье.

В начале XVIII в. книга принадлежала Ивану Антонову сыну Селезневу, который вскоре продал ее попу Ивану Игнатьеву Сокову. Когда последний умер, вдова его Аграфена Ивановна продала Апостол крестьянину села Иванова Димитрию Федорову сыну Шепелева. Один из владельцев книги начертал на ее страницах любопытнейшие записи о комете — «звезде с лучом», которая появилась в январе 1744 г. [48] Впослед-

ствии Апостол, как уже известно, попал в собрание И. Лукашевича, отсюда — в Румянцевский музей, затем — в библиотеку Петербургской духовной академии и, наконец, в Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Несомненный исторический интерес представляет запись первой половины XVII в., связанная с именем известного думного дьяка царя Михаила Федоровича — Ивана Тарасиевича Грамотина: «Сию книгу, глаголемую Апостол, дал Иван Опухтин в церковь чюдотворца Николы да в предел великие христовы мученицы Параскеве Пятнице Важеском уезде Рясенском стану в отчину свою при священнике Иякове... по душе печатника Ивана Торасиевича Грамотина во иноцех схимника Иоиля и по родителех своих» [49].

Приведем еще несколько записей XVII в. на экземплярах первопечатного Апостола: «Лета 7133 (1625) дал вкладом сию книгу Апостол тетр в дом живоначалные Троицы в Печенской монастырь тои ж обители постриженик старец Паисея на славословие божие во веки» [50]; «Лета 7159 (1651) месяца июля в 9 день положили сию книгу Апостол в дом Благовещение пресвятеи богородицы прихоженя по своих родителей. А кто сию книгу похитит и того судит бог на втором страшном пришествии»; «Апостол монастырской казенной дача священноинока Кирьяка Соловецкого (7) 165 (т. е. 1657 г.)» [51]; «Лета 7207 (1698) октября в 1 день горели Холмогоры 300 домов. Зажег мужик пинжанин вне уме, стоял на подворе у Стефана Бочарева, и его мужи пытали с боярин князь Михайло Иванович Лыков» [52].

Из любопытных записей более позднего происхождения отметим записи на экземпляре, принадлежавшем в XVIII в. семье купцов Кожевниковых. Здесь регулярно записывались даты рождения и «преставления» членов семьи [53].

Следует упомянуть экземпляр, подаренный в январе 1847 г. известным этнографом и историком И. М. Снегиревым в церковь Николы Гостунского со следующей надписью: «В Московский Николо-Гостунский собор сию книгу, первою напечатанную в Москве диаконом сего собора Иоанном Федоровым 1563 года, усердствует И. Снегирев. 1847 года января 19» [54].

Резюмируя все вышеизложенное, хотелось бы вновь подчеркнуть, что анализ вкладных и владельческих записей первопечатного Апостола подсказал нам важную мысль о различном характере типографии безвыходных изданий и первой государственной типографии в Москве. Вместе с тем мы убедились, что изучение записей сплошь и рядом позволяет установить важные для отечественной истории факты, а одновременно сообщает массу любопытнейших бытовых подробностей. Пользуясь случаем, хотелось бы подчеркнуть важность сбора, систематизации и изучения записей на рукописных и старопечатных книгах по примеру хотя бы многотомного труда Л. Стояновича о сербских надписях.

Общее описание. Наиболее подробное описание Апостола 1564 г. принадлежит перу В. Е. Румянцева [55]. Оно настолько обстоятельно, что и сегодня трудно что-либо добавить к нему. В последние годы книга была вкратце описана Т. Н. Протасьевой [56].

Апостол напечатан в лист. Размеры страницы можно определить лишь приблизительно, так как большинство экземпляров сильно обрезаны. По измерениям А. А. Сидорова, формат издания находится в пределах $17{,}7 \div 18{,}1 \times 27{,}2 \div 28{,}3$ *см*. Формат полосы набора, по наблюдениям того же автора, составляет $11{,}9 \times 20{,}4$ *см*. Эти размеры даны без учета подстрочных и надстрочных отсылок и индексации, вынесенной на боковые поля. Если же учитывать и эти тексты, окажется, как говорит А. А. Сидоров, что «Апостол 1564 г. построен по правильному и четкому кратному отношению 3 : 2 (максимальная высота набора 21 *см*, ширина 14 см)» [57].

В продуманности пропорций и кроется секрет того удивительного впечатления гармонии и стройности, которое производит книга на всякого человека, впервые взявшего ее в руки.

Число строк на полосе 25. К этому числу следует прибавить еще две строки, вынесенные на нижнее и верхнее поля, содержанием которых служат первые слова зачал или же колонтитулы (на верхней строке). На спусковых полосах, где имеются заставки и заголовок, исполненный вязью, обычно помещается 17 строк.

Тетради книги составлены из четырех сфальцованных пополам листов. Одна тетрадь, таким образом, содержит восемь листов, или 16 страниц. Лишь в первой и последней тетрадях всего по шесть листов.

Листы книги пронумерованы. Пагинации лишены лишь первые шесть листов. Далее порядковые номера листов проставлены в правом нижнем углу лицевой стороны каждого листа. В пагинации имеются ошибки. После листа 104 следуют два листа с колонцифрами «106». Вслед за листом 116 идет лист 120, а затем 118. Наконец, имеются два листа с колонцифрой «204» и нет листа 105. Общее число листов — 268.

Сигнатуры тетрадей в Апостоле 1564 г. нет. Любопытно, что и впоследствии Иван Федоров будет применять нумерацию тетрадей лишь в малоформатных изданиях (в восьмерку). Эту традицию усвоят московские типографы и будут следовать ей вплоть до 30-х гг. XVII в.

Состав и полиграфическая организация текста. Богослужебная книга, именуемая Апостолом, имеет на русской почве долгую, изобилующую событиями историю. Книга включает рассказ о деятельности апостолов — «Деяния святых апостол», семь так называемых «Соборных посланий» различных апостолов и, наконец, 14 посланий апостола Павла. Впоследствии сюда нередко прибавляли Апокалипсис.

Как и Евангелие, Апостол бытовал в двух основных вариантах. Чаще других в русском книгописании встречались Апостолы с текстами, расположенными в порядке чтений церковного календаря (начиная с пасхи). Это так называемый служебный Апостол, или Апостол-апракос.

Другой вариант, где восстановлен логический порядок текстов, по аналогии с Четвероевангелием получил неправильное наименование: Апостол-тетр. К этому виду принадлежит и первопечатный Апостол Ивана Федорова и Петра Мстиславца.

На Руси Апостол появился, по-видимому, вскоре по принятии христианства. Древнейшие списки относятся к XII—XIII вв. (Охридский Апостол, Апостол 1220 г.— Син. 7/95 и др.).

Г. Воскресенский, изучивший судьбы Апостола на русской почве, выявил четыре редакции славянского текста [58]. Древнейшая из них возникла на землях южных славян. Вторая славянская (первая русская) редакция датируется XIV в. К тому же XIV в. относится третья редакция, содержащаяся в списке Нового завета, который приписывают митрополиту Алексию. Наконец, четвертая редакция восходит к XV в. и содержится в Геннадиевской Библии 1499 г., в роскошных Апостолах XVI в., оформление которых принадлежит школе Феодосия Изографа, во множестве других списков XVI в. Эту же в основе редакцию находим и в первопечатном Апостоле 1564 г.

Г. Воскресенский провел подробное текстологическое исследование всех четырех редакций и опубликовал с разночтениями соответствующие тексты одного из разделов — Послания Павла к римлянам [59]. Обещалось и продолжение — публикация остальных разделов, однако это осуществлено не было. Опираясь на труды Г. Воскресенского, В. Е. Румянцева, а также на новейшие работы Г. И. Коляды [60], мы ниже выскажем свое мнение о языке и правописании первопечатного Апостола. Пока же ознакомимся с составом первой точно датированной московской печатной книги.

Надо сказать, что Иван Федоров «облегчил» книгу, устранив из нее многие служебные материалы, не входившие в канонический текст, но по

традиции помещавшиеся в рукописных Апостолах. Это всевозможные предисловия, толкования и др. Среди них тексты: «Поучение святых апостол и деяния первие написаны быша к Феофилу...» (из толкования Иоанна Златоуста); «Предисловие Евфалия диакона деяния святых апостол...»; «Отшествие Павла апостола в страны на учение...»; «Евфалия диакона предисловие соборным посланием» и т. д. Все эти тексты имеются, например, в Геннадиевской Библии 1499 г., в библейном списке 1558 г., во многих списках XVI в. В первопечатном Апостоле этих текстов нет. Позднее в Апостолах стали печатать «сказания» Епифания о 12 апостолах и Дорофея — о 70 апостолах, также восходящие к рукописной традиции [61]. И этих текстов нет в издании Ивана Федорова и Петра Мстиславца.

Апостол 1564 г. открывается текстом «О чюдесех святых апостол еже есть в деяниях» (л. 1 ннм.— 1 ннм. об.). Это своеобразный систематический указатель, в котором перечислены «чудеса», совершенные апостолами, такого, например, порядка: «Петр и Иоанн исцелиста именем господним роженаго хрома...» «Систематизация» чудес — плод средневековой богословской премудрости; 20 «чудес» выделяет Афанасий Александрийский. Нумерацию их Иван Федоров выносит на внешнее поле книги и печатает киноварью. Киноварью же напечатан и заголовок раздела.

Следующий текст — «Надписание начаток апостольских деяний глав» (лл. 2 ннм.— 5 об. ннм.) — представляет собой оглавление первого раздела книги, а именно «Деяний». По традиции считается, что текст разделил на 40 глав некий «мученик» Памфил, а впоследствии и дьякон Евфалий, упорядочивший апостольский текст. Эти 40 глав сохранены и в первопечатном Апостоле. Система выделений восходит к древнерусской рукописной традиции. Она отражена в следующей фразе, помещенной в начале оглавления: «...еже убо чернилом — то совершает глава, червлению же еже почастиея деющим разделения знаменахом». Это означает, что главы обозначаются на полях оглавления черной краской, а подразделения глав киноварью. В самом тексте начало каждого нового названия выделено киноварной литерой. В конце оглавления итог: «Глав убо всех 40, последующих же им 48».

Следующий текст — «Сказание известно написанным в книзе сей» (л. 5 об.) — перечисление разделов книги. Ниже отдельно перечислены послания апостола Павла — «Святаго апостола Павла послания различна суть» (л. 5 об.). Посланий этих 14. Материал оглавления расположен наборщиком в две колонки — слева помещена киноварная нумерация, справа названия посланий и сведения о количестве одноименных названий. Первая литера каждого названия выделена киноварью.

На шестом ненумерованном листе помещена справка о некоем «Исаии мнихе», трудами которого «оглавлен бысть Апостол». Оборот листа оставлен пустым. Здесь заканчивается вступительная часть книги и начинается канонический текст. Мастер подчеркивает это пагинацией, которая начинается именно отсюда.

Порядок размещения текстов достаточно хорошо продуман. Каждому новому разделу предшествуют оглавление и краткое изложение содержания его — «сказание», за исключением первого раздела — «Деяний», оглавление которого помещено во вступительной части.

Первый раздел открывается кратким изложением содержания его — «Сказание деянии апостольских списана святым апостолом и евангелистом Лукою...» (л. 1—1 об.). «Сказание» в древнерусской рукописной традиции существовало в двух вариантах — расширенном и сокращенном. Иногда, как в той же Геннадиевской Библии, в книге помещали оба варианта сразу. Иван Федоров избирает сокращенный вариант и в дальнейшем придерживается его. Этот же вариант помещен в львовском Апостоле и в Острожской Библии.

Вслед за «Сказанием» идет сам текст — «Деяния святых апостол списана святым апостолом и евангелистом Лукою» (лл. 3—53 об.), который разделен на 40 глав. За «Деяниями» помещены соборные послания

пл҃а, кѕ҃, н҃л. Па́велъ посла́нникъ

Къ тимоѳею а҃ посланїе ст҃го ап҃ла па́вла

Па́велъ посла́нникъ і҃с х҃въ, по пове — за҃
лѣ́нїю б҃га, сп҃са на́шего, и г҃а і҃са х҃а, — со҃н
и оупова́нїа на́шего. Тимоѳе́ю при
сномꙋ ча́дꙋ в вѣ́рѣ. Благода́ть — а҃
мл҃ть, и ми́ръ ѿ б҃га ѿц҃а на́шего,
і҃са х҃а г҃а на́шего. Я́коже оумоли
хъ тя пребы́ти въ єфе́сѣ, и́дый в македо́нїю.
да запрѣти́ши нѣ́коимъ не ходи́ти ко и́ным
оучтл҃ем, ни́же вни́мати ба́снем и родосло́вїимъ
бесконе́чным. Я́же стяза́нїа па́че творя́, а не
бж҃їе строе́нїе є́же в вѣ́рѣ. Глави́зна же благовѣ
стїи є́сть, любы ѿ чи́ста ср҃ца и со́вѣсти бл҃ги,
и вѣ́ры нелицемѣ́рныя. И́хже нѣ́цыи по
грѣши́вше, оуклони́шася в безꙋ́мная слове
са. Хотя́ще бы́ти законооучи́тели, не разꙋ
мѣ́юще ни я́же гл҃ю, ни о ни́хже оутвержа́ю. — за҃
коне҃ц, пл҃а. Вѣ́мже я́ко до́бръ зако́нъ є́сть — со҃д

вто҃, кѕ҃, н҃л. Ча́до тимоѳе́е, вѣ́мъ я́ко

Апостол 1564 года. Начальная полоса Послания к Тимофею

и послания апостола Павла, каждое из которых предваряют оглавления и «Сказания».

Вслед за каноническим текстом идут всевозможные служебные разделы, а именно: «Сказание известно иже по вся дни в неделю пасхи...» (лл. 228—239); «Начало велицеи четверодесятницы суботам и неделям святаго великаго поста» (лл. 239—241 об.), «Соборник 12 месецем» (лл. 242—259). Содержание и полиграфическое оформление этих разделов в принципе такое же, как и в безвыходных Четвероевангелиях. Книгу завершает послесловие. Полиграфическая организация текста первопечатного Апостола хорошо продумана и обнаруживает талантливого мастера. Структура и рубрикация книги свидетельствуют о том, что мастер хорошо знаком с предшествующей рукописной традицией, в частности с роскошными Апостолами школы Феодосия Изографа.

На протяжении всей книги неукоснительно соблюдается правило: новый раздел начинается спусковой полосой, расположенной на лицевой стороне листа. Чтобы выдержать правило, мастеру сплошь и рядом приходится оставлять пустые страницы — их в книге 18 (лл. 6 об. ннм., 2, 55 об., 62 об., 81 об., 83 об., 90 об., 112 об., 132 об., 149 об., 158 об., 173 об., 180 об., 186 об., 198 об., 207 об., 227 об., 261 об.). Все это — оборотные стороны листов, за исключением л. 2 — оборота фронтисписа.

Оглавления и «Сказания» каждого нового раздела помещаются в подборку с предыдущим разделом и друг с другом.

Разделы — «Деяния» и «Послания» — подчеркиваются большой заставкой, гравированной буквицей и заголовком, выполненным вязью. Перед «сказаниями» ставятся малые заставки и ломбарды. Оглавления, наконец, выделяются киноварными заголовками.

Рубрикация книги включает главы и подразделения глав, обозначенные на внешнем поле,— первые черной краской, а вторые киноварью. Кроме того, в соответствии с церковным календарем текст всей книги разделен на 335 зачал. Чтение каждого из них приурочено к определенному дню. Зачала обозначены киноварными индексами на полях книги. Чтобы не перепутать подразделения глав и зачала, перед последними ставится аббревиатура «за҇». В нумерации зачал есть ошибка — в «Деяниях» 51 зачало, а следующий раздел начинается с 50-го зачала. С другой стороны, часть зачал не введена в общую нумерацию и обозначена на полях индексами без чисел.

Отыскивать нужное зачало помогает система колонтитулов — подстрочных и надстрочных ссылок. Начало каждого зачала выделено в тексте прописной киноварной литерой. Если киноварная прописная приходится на начало строки, она выносится на корешковое поле — за левую линию полосы набора. Часть первой фразы зачала отмечена в межстрочии красным крестиком и вынесена в колонтитул. Здесь мы встречаемся с тем же любопытным явлением, которое уже отмечалось при изучении безвыходных Четвероевангелий,— редакции текста и подстрочных сносок не совпадают, причем сноски более архаичны.

Рубрикацию дополняют указания так называемых «дней седмицы», обозначающих пределы домашних или «келейных» чтений на каждый день. Указания напечатаны на полях киноварью и, для отличия от подразделений глав и зачал, помещены в гравированные «цветки».

Любопытная особенность — суммирование числа «черных» глав и «красных» подразделений в конце оглавления. Суммирование это Иван Федоров дает далеко не всегда. В некоторых случаях оно попросту не поместилось, например в конце оглавления Послания к римлянам (л. 88), и мастер пожертвовал им, чтобы не нарушать стройность композиции. Текст построен по следующему типу: «Глав убо вкупе всех 6 численых, их же 4 подчернилом, а их же 2 червленых». Все это печатается киноварью, за исключением цифры (в данном случае 4), обозначающей количество «черных» глав. Остроумный прием, примененный печатником,

позволяет читателю сразу же установить, сколько глав в интересующем его разделе.

Суммируя главы и подразделения, мастер иногда делает ошибки. Так, например, в первом послании Иоанна семь глав и восемь «красных» подразделений; указано же семь подразделений, а общее количество 14.

К системе индексации, разработанной мастером Апостола 1564 г., относятся и колонтитулы, обозначающие наименования отдельных разделов. Колонтитулы ставятся на верхнем поле, где нет надстрочных сносок зачал. Есть и ошибочные колонтитулы. На л. 129 в первом Послании к коринфянам стоит колонтитул: «коринфом, 2», а на л. 136 во втором одноименном послании — «коринфом» (без цифры 2).

Рубрикация раздела посланий далеко не совершенна. Неравномерно деление на зачала, не говоря уже о прямых ошибках. Некоторые разделы имеют главы с подразделениями, другие лишены подразделений. Все эти недостатки восходят к «святым отцам», которые в стародавние времена трудились над упорядочением текста Апостола. Ивану Федорову ставить это в строку нельзя. Он следовал традиции и не мог поступить иначе.

Однако к недостаткам редактирования текста, несомненно, относится разнобой в оформлении заголовков. Все они по содержанию своему однотипны. Однако порядок размещения слов различен. Различно и написание. Так, например, порядковые номера посланий иногда пишутся полностью, иногда же кирилловскими цифрами. Наряду со словом «послание» применяется слово «епистолия», причем какой-либо смысловой необходимостью это не вызывается. Тут мастер слепо следовал имевшемуся у него оригиналу и повторил все его ошибки.

Следует, впрочем, оговориться, что нельзя подходить к XVI в. с нормами сегодняшнего редакционного процесса. Разнобой в оформлении рукописного и печатного текстов для тех далеких времен обычен.

Послесловие. Знаменитое послесловие к Апостолу 1564 г. хорошо известно в науке. Впервые текст его был опубликован И. Г. Бакмейстером [62], затем Е. Болховитиновым [63], после чего неоднократно перепечатывался. Недавно факсимильное воспроизведение послесловия и перевод его на современный язык опубликованы М. В. Щепкиной [64].

Об авторе послесловия существуют различные мнения. А. С. Орлов очень высоко оценил литературно-художественные качества текста — писал о его «редкостной складности», превосходном литературном стиле, большом такте, «как будто бы сделано для гравировки на монументальном памятнике» [65]. Вслед за этим следовал категорический вывод: «Едва ли Иван Федоров или Петр Мстиславец могли составить текст такого замечательного послесловия». А. С. Орлов склонен приписать «заготовку послесловия» митрополиту Макарию или Сильвестру. Это более чем сомнительно. К тому времени, как начали печатать Апостол, Сильвестра скорее всего уже не было в живых; во всяком случае, его уже не было в Москве. Макарий же тяжело болел — в декабре 1563 г., не дождавшись выхода в свет первой точно датированной печатной книги, он скончался на 82 году жизни.

Остается, следовательно, как уже отмечала А. С. Зернова, субъективное мнение А. С. Орлова, что «Иван Федоров не мог написать хорошего литературного произведения» [66].

Большинство советских исследователей, основываясь на стилистических параллелях в послесловиях к московскому и львовскому Апостолам, приписывают составление послесловия Ивану Федорову. Анализ послесловий к его изданиям, а также текста составленного им Букваря привел Б. В. Сапунова к закономерной постановке темы «Иван Федоров — писатель» [67].

Познакомимся подробнее с содержанием послесловия. Оно открывается рассказом о великом церковном строительстве, предпринятом «повелением благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича... и благословением преосвященнаго Макария митрополита». «По всем гра-

дом» Московской Руси воздвигались «многи святыя церкви». Особенно подчеркивается размах церковного строительства «в новопросвещенном месте во граде Казани и в пределех его». Новые церкви царь украшал «честными иконами, и святыми книгами, и сосуды, и ризами, и прочими церковными вещми».

Богослужебные книги первоначально покупались «на торжищих». Однако среди рукописей «мали обретошася потребни», большинство же оказались неисправными — «вси растлени от преписующих ненаученых сущих и неискусных в разуме».

Когда об этом доложили царю, он стал «помышляти како бы изложити печатныя книги». В этом месте делается ссылка на зарубежный опыт — «яко же в грекех, и в Венецыи, и во Фригии, и в прочих языцех». Свою мысль царь сообщил митрополиту Макарию, который «зело возрадовася» и благословил царя на основание типографии. Тогда-то и начали «изыскивати мастеръства печатных книгъ». Приведена дата, о которой пойдет особый разговор ниже. Далее сообщается, что царь «повеле устроити дом от своея царския казны, идеже печатному делу строитися». Щедрые награды даны были «делателем» — «Николы чюдотворца Гостунъского диякону Ивану Федорову да Петру Тимофееву Мстиславцу». Первенцем типографии была книга «Деяния апостольска и послания соборная и святаго апостола Павла послания».

Точно указывается время работы над книгой — начали трудиться «в лето 7071-ое априля в 19, на память преподобнаго отца Иоана Палеврета», а окончили «в лето 7072-ое марта в 1 день при архиепископе Афанасии митрополите всея Росия в первое лето святительства его». Перевод на современное летоисчисление и новый стиль дает соответственно следующие даты: 29 апреля 1563 г.— 11 марта 1564 г.

Большинство вопросов, связанных с послесловием, уже было рассмотрено в разделе, посвященном социально-политическим истокам московского первопечатания. Остается вкратце резюмировать то, что говорилось в различных местах. Ссылки на «инициативу» Ивана IV и «благословение» Макария — не более чем традиционная формула, находящая параллели во многих современных событию источниках, например в материалах Стоглавого собора. Вместе с тем следовало бы отметить, что «инициатива» Ивана Грозного была мифом по отношению к первой московской типографии, но, несомненно, проявилась при создании первой государственной типографии.

Отмечались стилистическое единство с произведениями Максима Грека и цитаты из этих произведений. Говорилось, наконец, о своеобразном подражании тексту послесловий южнославянских книг, и в частности о взятом оттуда круге зарубежных прототипов, включая мифическую «Фригию», в которой мы видим не «Фрягию», как большинство исследователей, а «Фругию» (Францию).

Все эти параллели свидетельствуют о превосходной образованности Ивана Федорова. В дальнейшем, рассматривая орнаментику издания, мы много раз убедимся в том, что первопечатник был человеком большой эрудиции и хорошего вкуса.

Исключительно сложен вопрос о датах в послесловии. Приведем соответствующую фразу (с сохранением пунктуации оригинала): «...начаша изыскивати мастеръства печатных книгъ, в лето, 61, осмыя тысящи, въ, 30,е, лето государьства его. благоверныи же царь повеле устроити домъ от своея царския казны...» 7061 г. «от сотворения мира» приходится на период от 1 сентября 1552 г. по 31 августа 1553 г. Однако 30-й год царствования Ивана IV приходится не на 1553, а на 1563 г.

Старые русские книгоописатели не занимались арифметическими подсчетами и не заметили противоречия. О «несоответствии» в датах говорил уже К. Ф. Калайдович. В новой историографии вопрос стал очень резко. Наметилось несколько взаимоисключающих точек зрения.

Л. А. Кавелин, а вслед за ним М. И. Щелкунов посчитали опечаткой указание на 30-й год царствования Ивана Грозного. По их мнению, в этом случае следует говорить о 20-м годе, т. е. о 1553 г. [68]

А. С. Зернова, напротив, считает опечаткой дату «7061» — нужно «7071» — то есть «1564» [69]. Мнение свое исследовательница подкрепляет ссылкой на аналогичную ошибку в выходных сведениях острожского Нового завета: «...от создания миру 7000, от воплощения Спасителя нашего Иисуса Христа 1580». Здесь в первой дате ошибка на 88 лет — нужно «7088».

Есть и другая точка зрения, согласно которой в послесловии Апостола 1564 г. нет никаких опечаток. Первую дату — «1553» — следует относить к фразе «начаша изыскивати мастеръства печатных книгъ», вторую — «1563» — к фразе «повеле устроити дом... иде же печатному делу строитися». Впервые совершенно четко отнес начало книгопечатания в Москве к 1553 г., устранив разнобой в датировке, анонимный автор текста «О книгах старых и о книгах новых», сохранившегося в рукописном сборнике конца XVII — начала XVIII в. Здесь сказано: «...начаться бо печатание книг в Москве в лето миросоздания 7061, от рождества христова в лето 1553 в царство первого царя московского Иоанна Васильевича при митрополите Московском Макарии» [70].

Дата «1553» была общепринятой в начале XIX в. К этому году единодушно относили начало книгопечатания в Москве участники Румянцевского кружка. В последние годы эту точку зрения наиболее активно отстаивает М. Н. Тихомиров [71].

Дело осложняется тем, что в приведенной выше фразе между указанием на «30-е лето государства» и словами «благоверный же царь повеле устроити дом от своея царския казны» поставлена точка. Противники указанного мнения утверждают, что объединять оба словосочетания и относить постройку типографии к «30-му лету» нельзя. М. Н. Тихомиров отвечает, что «понятие современной пунктуации никак не может быть применено к русскому правописанию XVI столетия». В этом он совершенно прав. Можно привести немало примеров из того же послесловия, да и из самого текста Апостола 1564 г., в которых точка разделяет, казалось бы, бесспорно цельные фразы. Относится это утверждение к так называемым «малым», или «тонким», точкам.

В ясный как будто бы вопрос внес ненужную сложность Б. П. Орлов [72]. По его мнению, русские первопечатники применяли знаки препинания не по смыслу, а в качестве пробельного материала — вместо шпаций для осуществления выключки. Эта парадоксальная в самом своем существе мысль фактически отрицает способность первопечатников логически мыслить. Действительно, что стоило, например, употребляя точку в качестве пробела, зачистить очко и устранить появление на печати ненужного знака. Кстати говоря, и в рукописях мы находим точки и запятые на тех же, непривычных для современного читателя местах. Кроме того, выше мы достаточно убедительно показали, что уже в первых московских печатных книгах применялось великое обилие шпаций самых различных размеров. Несомненно знал шпации и Иван Федоров. Шпации он, кстати говоря, ставил и рядом с точками. В этом легко убедиться, сравнив точки во второй и четвертой строках того же самого послесловия к Апостолу 1564 г. (л. 260). В первой из них шпации поставлены по обе стороны литеры, во второй же — лишь справа.

Нас в датировке начала книгопечатания смущает не пунктуация, а нечто другое. Можно назвать немало случаев, когда то или иное событие — например, изготовление рукописной или печатной книги — датируется одновременно и «от сотворения мира» и «от начала государства» царя или «святительства» митрополита. Среди печатных книг упомянем Часовник 1565 г., Псалтырь 1568 г., среди рукописных — Четвероевангелие 1507 г. Феодосия Изографа. Круг примеров может быть расширен. Но вот что любопытно: во всех тех случаях, когда приводятся две даты,

они относятся к одному и тому же событию. Мы не знаем ни одного примера датировки того или иного факта лишь годами «от начала государства», как это наблюдается в Апостоле 1564 г.

Все изложенное выше не означает, однако, что мы готовы принять мнение А. С. Зерновой или Л. А. Кавелина об «опечатке». Нам ближе точка зрения А. И. Некрасова, А. С. Орлова и А. А. Сидорова, утверждавших, что вместо опечатки следует говорить об умышленно темной редакции текста, относящегося к началу книгопечатания в Москве. Как мы знаем, у Ивана Федорова были веские основания не упоминать о первой московской типографии. Вместе с тем он оказался достаточно мужественным, чтобы сказать о своих предшественниках, с которыми и он сам начинал жизненный путь, правда, сказать в завуалированной форме. Точно так же и его соратники, а возможно и ученики, впоследствии не смогли упомянуть о первой московской государственной типографии.

Резюмируя все вышеизложенное, следует сказать, что мы полностью признаем упомянутую в послесловии первопечатного Апостола дату «1553» датой начала книгопечатания в Москве, относя ее к первой московской типографии, из которой вышли безвыходные издания.

Текст и правописание. Текстологическое изучение первопечатного Апостола в сравнении со списками XV—XVI вв., а также с последующими изданиями было предпринято впервые в 1678 г. справщиками Московского Печатного двора Сильвестром Медведевым, Никифором Симеоновым и Иосифом Белым. Патриарх Иоаким приказал им «чести книгу Апостол с древними апостолами рукописанными и харатейными словенскими, с киевскими, кутеинскими, виленскими, с Беседами апостольскими и со иными преводы, и ту книгу Апостол в нужных местах править» [73]. За основу был взят Апостол 1671 г., который, как и другие московские издания XVI—XVII вв., почти дословно повторяет Апостол Ивана Федорова и Петра Мстиславца. Текст сравнивали «со Вивлиями письменными, с Троецкою, писанною в лето 7007, и Геннадиевскою, и с харатейными многими, и с печатными Беседами апостольскими на Деяния, издания 132 (1624 г.), на послания, издания 131 (1623), с Новыми заветы с киевским, издания 1652 г., с виленским — издания 1641 г., и с московскими всеми старыми и новыми ковычными, и со Вивлиями Острожскою и Московскою» [74]. В результате была составлена справка — «Выписка»,— в которой подробно указывались разночтения между московским, восходящим к Ивану Федорову текстом и рукописями и последующими изданиями. «Выписку» опубликовал в 1872 г. В. Е. Румянцев [75].

В 1855 г. А. Горский и К. Невоструев сличили текст Острожской Библии (включая и Апостол) с греческими и славянскими рукописями патриаршего книгохранилища [76]. В. Е. Румянцев умело подытожил все те наблюдения, которые делались иоакимовскими справщиками и книгоописателями Синодальной библиотеки. Он опубликовал три списка разночтений первопечатного Апостола. В первом из них были указаны места, одинаковые в тексте Ивана Федорова и в рукописях, но отличные от принятой в XIX в. редакции. Во втором списке указаны исправления, внесенные впервые в Апостол 1564 г., впоследствии ставшие общепринятыми, но исключенные иоакимовскими справщиками. Наконец, в третьем списке отмечены исправления, внесенные в первопечатный текст и удержавшиеся до XIX столетия.

Немаловажное значение для текстологического изучения первой точно датированной московской печатной книги имели указанные выше труды Г. Воскресенского, который детально проанализировал свыше 50 рукописных Апостолов и выявил четыре основные редакции канонического славянского текста.

В самое последнее время текстологическое изучение изданий Ивана Федорова на новом, значительно более высоком методическом уровне предпринял Г. И. Коляда. Выводы его достаточно подробно аргументированы. Мы всецело используем их здесь. Повторять уже приводившиеся

исследователем примеры излишне. Мы попросту отсылаем читателя к этим работам [77].

Исправления, внесенные в первопечатный Апостол по сравнению со списками, серьезны и обильны. При подготовке к печати безвыходных Четвероевангелий ничего подобного мы не наблюдали. Там исправлялись преимущественно особенности фонетики и правописания; изменения смыслового порядка — единичны. В первопечатном Апостоле, напротив, очень много изменений смыслового и лексического порядка. Вполне закономерен вывод Г. И. Коляды, что сколько-нибудь серьезного редактирования Четвероевангелий не проводилось, чего нельзя сказать об Апостоле. Следы работы редактора видны здесь на каждом шагу.

Кто был редактором? Г. И. Коляда отвечает совершенно безоговорочно — Иван Федоров. Нам кажется, что категоричность здесь неуместна. Против нее как будто бы говорит тот установленный Г. И. Колядой факт, что в первое издание Часовника, напечатанное Иваном Федоровым в августе — сентябре 1565 г., исправления внесены не были. Симон Будный в послесловии к Новому завету, изданному в Лоске в 1574 г., называет редакторами Ивана Федорова и Петра Мстиславца; на это недавно указал Г. Я. Голенченко.

Любопытно отметить и то, что многие правописные нормы Апостола 1564 г. были впоследствии устранены в Острожской Библии, где, например, восстановлены редуцированные гласные в слабой позиции. Все это свидетельствует о том, что предварительное редактирование текстов не было чем-то обязательным в книгопечатной практике Ивана Федорова, который вместе с тем сплошь и рядом отступал от принятой им вначале редакции.

Для окончательного решения вопроса «Иван Федоров — редактор» следовало бы сравнить со списками тексты Учительного Евангелия и Псалтыри, напечатанных Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем в 1569 г. в Заблудове, где, очевидно, рядом с первопечатниками не могло быть никакой «редакционной коллегии».

Говоря о редакторе первопечатного Апостола, нередко называют имя Максима Грека. Но уж это-то наверняка исключается, ибо редакция отдельных цитат из апостольских деяний и посланий, приводимых Греком в его трудах, не совпадает с текстом Ивана Федорова. Известны замечания Максима относительно текстов со словами «бесобоязнейшие» и «художнейшие». Текст этот взят из «Деяний» (XVII, 22). В соответствии с указанием Максима редактор Апостола 1564 г. заменяет имевшееся в списках слово «художеиша». Однако предлагаемой Греком замены — слова «бесобоязнейшие» — не принимает. В его редакции текст читается следующим образом: «по всему зрю яко в вере блудяще есте». В дальнейшем текст был вновь отредактирован иоакимовскими справщиками и приобрел следующее звучание: «по всему зрю вы аки благочестивые» [78].

Среди изменений, внесенных в Апостол 1564 г., прежде всего отметим изменения и дополнения смыслового плана. Редактор сплошь и рядом вносит в текст целые фразы, словосочетания, отдельные слова, не встречающиеся в рукописях. Ничего подобного в безвыходных изданиях не встречалось.

Одно из таких дополнений, указываемое Г. И. Колядой, находим в тексте «Деяний» (IX, 5—6) [79]. В списках XV—XVI вв. помещен следующий ответ на вопрос Савла «Кто еси, господи?»: «Аз есмь Иисус, его же ты гониши; но встани и вниди в град». В текст первопечатного Апостола в этом месте сделана большая вставка: «Аз есмь Иисус, его же ты гониши. Жестоко ти есть противу рожну прати. Трепеща же и ужасаем глаголя: Господи, что ми хощеши творити. И господь рече к нему: Встани...» Г. И. Коляда обнаружил этот текст в греческих, латинских, немецких и чешских Библиях, что как будто бы говорит о привлечении иностранных источников при редактировании первопечатного Апостола.

Назвать источник исправлений помогают наблюдения Г. И. Коляды над происхождением одной из фраз в тексте первого Послания к коринфянам. Внесенные сюда дополнения не были обнаружены им ни в греческом, ни в латинском текстах, но нашлись в чешских Библиях 1527, 1540 и 1557 гг. Названный автор не указывает, что эти издания — перевод немецких реформаторских Библий Мартина Лютера. Это наводит на вполне определенные размышления. В дальнейшем мы увидим, что немецкая Библия 1524 г. или чешская Библия 1540 г. безусловно была в руках у Ивана Федорова, ибо оттуда заимствованы отдельные элементы художественного убранства его Апостола.

Характерная тенденция первопечатного Апостола, также подчеркиваемая Г. И. Колядой,— устранение многих иноязычных слов, широко бытующих в списках. Многочисленные примеры находим у В. Е. Румянцева. Таково, например, словосочетание «в корабли Александрьстем парасима Диоскора», измененное редактором Апостола: «...в корабли Александрьстем подписаном Диоскоры» (Деян. VIII, 18). Аналогичный случай дает текст из первого Послания и коринфянам: «...все еже в макелии продаемое ядите» (X, 25). Редактор Апостола 1564 г. заменяет греческое «макелия» русским «торжище».

Устраняет редактор и старославянские речения и архаизмы. Многочисленные примеры опять-таки приведены В. Е. Румянцевым. Таков текст из Послания к римлянам: «...за благо же васнь кто и дрьзнеть оумрети» (V, 7). В Апостоле 1564 г. следующая редакция: «...за благо же негли кто и дерзнет оумрети».

Подобные случаи находим в первом Послании к коринфянам («да благовествующоу ми без брашна» — «да благовествующу ми без мзды», IX, 18), в Послании к ефесеям («и шеги или еже неподобная» — «и кощуны и еже неподобная» — V, 4).

В Послании к евреям (X, 7) шла речь о «свитъце книжнем». Редактор счел необходимым устранить упоминание о стародавней, давно уже вышедшей из употребления форме книги — у него сказано «в главизне книжнеи».

Важно — и это до сего времени не отмечалось,— что ряд исправлений в Апостоле 1564 г. следует редакции чудовского Нового завета, обычно приписываемой митрополиту Алексию. Такова фраза из Послания к римлянам, звучавшая в списках XV—XVI вв. следующим образом: «...всяка душа владыкам превладоущамь да повиноуется» (XIII, 1). Редактор Апостола 1564 г. в этом случае принимает чудовский текст: «...всяка душа властем предержащии да повинуется». Редакция эта впоследствии стала общепринятой. Более того, словосочетание «власти предержащие» превратилось в идиому.

Аналогичный случай дает фраза «им же ныне примирение прияхом» (Рим., V, II). В первой славянской редакции — Апостоле 1220 г.— в этом случае употреблено слово «смерение», во второй редакции — Толстовском Апостоле XIV в.— «смирение», в четвертой редакции — Геннадиевской Библии и многих других списках XV—XVI вв.— «изменение». Слово «примирение» встречаем лишь в третьей славянской редакции — чудовском Новом завете.

Существенны выводы из наблюдений над правописными нормами первопечатного Апостола. Редактор как бы пресекает тенденцию к архаизации, наметившуюся было в безвыходных печатных книгах, начиная со второго издания Триоди постной и среднешрифтного Четвероевангелия. Он отказывается, например, от редуцированных «ъ» и «ь» в середине слов, заменяя их полногласными «о» и «е».

Различие правописных норм в безвыходных изданиях и в первопечатном Апостоле можно связать с различными социальными и политическими группами, стоявшими за этими изданиями. Любопытно, что в зарубежных книгах Ивана Федорова и Петра Мстиславца тенденция к архаизации была воспринята и продолжена. В Острожской Библии вос-

становлены редуцированные гласные в слабой позиции. Петр Тимофеев Мстиславец в виленском Четвероевангелии 1575 г. применяет даже «юсы», которых (за исключением «малого юса») в безвыходных Четвероевангелиях не было. В Москве же, наоборот, впоследствии восторжествовали правописные нормы Апостола 1564 г.

Об упорядочении правописания говорит и то, что в шрифте Ивана Федорова нет широких «есть» и «слово». В безвыходных изданиях, например, через широкое «с» всегда писалось сокращенное слово «Іс» (Иисус). В Апостоле 1564 г. в этом слове обычное узкое «с».

Применение других парных букв в какой-то степени упорядочено. Широкая «омега» обычно пишется в словосочетаниях со звательным падежом. «От» ставится в предлогах и в приставках. Как отмечал еще В. Е. Румянцев, наборщик Апостола обычно ставит «а иотированное» в начале слов, а аналогично звучащий в русском языке XVI в. «юс малый» — в середине и конце слов[80]. Имеются, однако, и исключения — слова «ꙗвлѧꙗся», «ѧзыку» и т. д.

Аналогичное правило относится и к применению лигатурного «у», которое обычно ставится в середине и на конце слов. Написание «оу» принято в начале слов. В. Е. Румянцев отмечает, что «оу» удерживается и в середине слов, когда такие слова представляют собой формы с префиксами, например «ненаоученных».

Применение остальных парных букв («и» и «и десятиричное», «ферт» и «фита», «есть» и «ять», «зело» и «земля») не регламентировано. Отмечается, впрочем, что «зело» с определенностью ставится в некоторых словах: «ѕмий», «ѕело» (однако на л. 260 об. через «землю»), «ѕло» и т. д.

Мягкие «ж», «ш», «ч», «ц», столь часто встречавшиеся в среднешрифтных изданиях, у Ивана Федорова, как правило, заменены твердыми. Однако и здесь есть исключения: «чюдеса» (л. 1), «чюда» (л. 7). «плачь» (л. 15 об.), «Василиевичь» (л. 260). Редактор Апостола старается отказываться от южнославянских правописных форм — мягких шипящих, редуцированных гласных в слабой позиции, а также от написаний «гы», «кы», «хы».

Любопытными особенностями характеризуется правописание предлогов. Пишутся они, как правило, слитно со словами, к которым относятся. В предлогах изредка сохраняются редуцированные — «въ светых церквах» (л. 260, строка 23), иногда они проясняются в полногласные — «во граде» (л. 260, строка 10), чаще же опускаются — «в вере» (л. 191, строка 4). Различные написания можно встретить даже в одной строке: «въ Ефесе, идыи в Македонию» (л. 191, строка 7).

Употребление буквы «ять», как свидетельствует В. И. Чернышев, в первопечатном Апостоле во многом соответствует правилам, применявшимся и в XIX—XX вв.[81] Впрочем, нередки исключения. Вопреки утверждению Г. И. Коляды[82] встречается употребление «е» на месте ударяемого «ять» («зело» — л. 260 об., 13 строка). В безударном положении «е» вместо «ять» часто встречается в формах предложного падежа: «при архиепископе Афанасіе митрополите» (л. 261), «о вере» (л. 7 об.).

Шрифт. Графика шрифта первопечатного Апостола очень близка к графике шрифта безвыходных среднешрифтных и широкошрифтных изданий. Она, бесспорно, восходит к тому же источнику — московскому полууставу XV—XVI вв. Вместе с тем есть и серьезное отличие — здесь значительно меньше парных знаков. Иван Федоров впервые в московской практике устраняет широкие «е» и «с». Нет и многочисленных форм буквы «о», характерных для Триоди постной и среднешрифтных изданий. Однако оставлено «о широкое». Оставлены также по два начертания букв «д» и «земля».

Графика шрифта первопечатного Апостола характеризуется некоторыми специфическими особенностями, отражающими последовательное изменение начертания отдельных литер. Буква «ж», например, первоначально, в узкошрифтном Четвероевангелии, имела одинаковые треуголь-

Начальная полоса рукописного Апостола 1540-х годов. ОРЛБ

ные штрихи. Начиная с Триоди постной, левый штрих делается прямоугольным и более длинным. В Апостоле 1564 г. он уже настолько опущен, что касается нижней части литеры.

Штамб буквы «ф» первоначально — в узкошрифтном Четвероевангелии и Триоди постной — сверху загибался направо. Начиная с Триоди цветной, штамб прямой. В широкошрифтных изданиях он снабжен сверху прямоугольной засечкой. Иван Федоров возвращается к среднешрифтному начертанию — без загибов и засечек.

В лигатурном «у» безвыходных изданий правый отросток высоко поднимался над строкой. В шрифте Ивана Федорова левый отросток лишь чуточку ниже правого.

По характеру начертания и высоте очка литеры шрифта первопечатного Апостола могут быть сгруппированы следующим образом:

1) без выносных элементов; высота очка 3 *мм*;
2) с нижними выносными элементами; высота очка 4,5—5; 6; 7 *мм*;
3) с верхними выносными элементами; высота очка 5—5,5 *мм*;
4) с нижними и верхними выносными элементами: высота очка 9 *мм*.

Фронтиспис. Миниатюра-фронтиспис, изображающая легендарного автора, обычна в древнерусской рукописной книге. В свое время были рассмотрены основные типы фронтисписов в рукописных Четвероевангелиях, Апостолах и Псалтырях.

Мастера безвыходных изданий не отважились на изготовление гравированных фронтисписов. Ответственные изображения евангелистов страшили их. Переход от миниатюры к гравюре в этом случае значительно более сложен, чем при воспроизведении орнаментики. Там были черно-белые клейма московского стиля, которые словно специально созданы для ксилографии. Иное дело — изображение человека. Здесь переход от миниатюры к гравюре требовал разрыва с традицией, совершенно нового качества. Для этого нужно было иметь немалое мужество и вместе с тем быть умелым гравером. Тот факт, что фронтиспис Апостола 1564 г. все же остается в русле традиционного облика древнерусской книги, свидетельствует о великолепном умении мастера, сумевшего соединить, казалось бы, несоединимое.

Гравированный фронтиспис Апостола 1564 г. впервые был репродуцирован в 1872 г. В. Е. Румянцевым в его знаменитом альбоме «Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России» [83]. Впоследствии гравюру воспроизводили неоднократно. Более или менее подробный искусствоведческий разбор ее предпринят А. И. Некрасовым [84], а впоследствии — Н. С. Большаковым [85]. В последнее время исчерпывающе полно фронтиспис изучен А. А. Сидоровым [86].

Гравюра лишь в немногих экземплярах сохранилась необрезанной, размеры ее, по наблюдениям А. А. Сидорова, 252×166 *мм*. Изображает она евангелиста Луку, сидящего на низкой скамеечке с массивными ножками. Голова апостола сильно наклонена вперед, фигура сутула. На коленях у евангелиста закрытая книга в форме кодекса, которую он держит двумя руками. Фигура закутана в плащ-гиматий, оставляющий открытыми лишь кисти рук и ступни, покоящиеся на подставочке. Перед евангелистом на высоком пюпитре лежит раскрытый свиток, на нем написаны первые слова «Деяний». Здесь же подставка-горка для письма, песочница и чернильница с гусиным пером.

Любопытная особенность гравюры — полное отсутствие какого-либо фона. Фигура как бы повисла в воздухе. Здесь нет ни «архитектуры», которая обычна в рукописях и есть на «заставке с Матфеем», ни даже «земли». Ничего подобного ни у Ивана Федорова, ни у Петра Тимофеева мы впоследствии не встретим. Уже в следующей фигурной гравюре Ивана Федорова — «Давиде» из заблудовской Псалтыри 1570 г.— фон заштрихован в виде свисающего сверху полога, а «земля» выполнена в виде сложенного из квадратов и треугольников «паркета». Квадратный «паркет» есть и на гравюре «Лука» — фронтисписе львовского

Фронтиспис Апостола 1564 года

«Иисус Навин» Э. Шена

Апостола 1574 г. Виленские же фронтисписы Петра Мстиславца перенасыщены архитектурными аксессуарами.

В московских изданиях, напротив, традиция была продолжена. Ни фона, ни «земли» нет в «Давиде» Андроника Тимофеева Невежи. Однако это не чувствуется, так как пространство внутри рамки здесь тесно «заселено». В «Луке» из Апостола 1597 г. также нет фона, а земля лишь намечена «горизонтом».

На основании этих аналогий нельзя, конечно, предполагать, что автором первопечатного «Луки» был Андроник Тимофеев Невежа или кто-либо из других оставшихся в Москве мастеров. Московские типографы в этом случае лишь следовали традиции, начало которой положили первопечатники.

Продолжим, однако, знакомство с гравированным фронтисписом Апостола 1564 г. Фигура Луки заключена в декоративное обрамление. Это триумфальная арка с полуциркульным сводом и горизонтальным перекрытием, которое поддерживают колонны с пышными капителями и обильно декорированным цоколем. Колонны помещены на фоне стены с карнизами, вторгающимися в центральное поле. На горизонтальном перекрытии стоит ваза с цветком и образующими подобие восьмерки листьями. Сразу же под вазой, в воздухе, «висит» ленточка с начертанным на ней именем евангелиста.

Разговор о влияниях и традициях, сказавшихся на гравированном фронтисписе Апостола 1564 г., был поднят давно и не окончен до сего дня. Началось все с того, что А. И. Некрасов и Н. С. Макаренко отыскали прототип декоративного обрамления гравюры. Близкая по рисунку рамка нашлась в немецком издании Ветхого завета, вышедшем в свет в Нюрнберге в 1524 г.[87] Это большая гравюра «Иисус Навин», служащая титульным листом второй части Ветхого завета. Автор — Эргард Шен (ок. 1491—1542) — был учеником великого Дюрера. Вместе со своим старшим современником Гансом Шпрингинклее он, начиная с 1514 г., трудился для многих нюрнбергских издателей. Одной из первых работ Шена была серия маленьких гравюр для популярных в те годы сборников молитв (Hortulus animae). Биограф Шена Г. Роттингер указывает 84 книги с гравюрами этого мастера, а также множество отдельных листов, среди которых — портрет великого князя Василия Ивановича, отца Ивана Грозного[88].

В 1518 г. Шен исполнил 43 гравюры для лионского издания Библии Антона Кобергера. Во втором издании той же Библии (1519) уже 59 гравюр нашего мастера. В Ветхом завете издателя Фридриха Пейпуса (1524) помещены многие старые гравюры Шена, а также девять новых, исполненных специально для этого издания. Среди них и заинтересовавший нас «Иисус Навин»[89]. Позднее гравер иллюстрировал чешские издания, печатавшиеся частично в Нюрнберге (Новый завет — 1534 и 1538 гг., Библия — 1540 г.), частично в Пильзене (Новый завет — 1527 г.) и частично в Праге (Библия — 1529 и 1537 гг.).

Эргард Шен написал книгу «Unterweisung der Proportion und Stellung der Posen» — своеобразное руководство для художников, иллюстрированное многочисленными примерами. Книга пользовалась в XVI в. широкой популярностью и выдержала пять изданий (1538, 1540, 1542, 1543 и 1561 гг.). В нашей литературе высказано мнение, что в этой книге был помещен и рисунок рамки «Иисуса Навина». А. С. Орлов, утверждавший это со слов П. Н. Беркова, считал возможным, что книга Шена попала в Москву и здесь послужила образцом для первопечатников. Более того, он предполагал, что из того же источника взяты «заставки, которыми мы так восхищаемся в Апостоле»[90].

Что касается заставок, ошибочность этого мнения очевидна читателю — орнаментика Апостола всецело восходит к черно-белым клеймам заставок школы Феодосия Изографа. Ошибочна и первая часть утверждения. Мы ознакомились с книгой Шена (по факсимильному изданию

1920 г.) и ничего похожего на рамку «Иисуса Навина» в ней не нашли. Бесспорно, что источником для первопечатников служили сами издания с гравюрой Эргарда Шена. Таких изданий два. Кроме Ветхого завета Ф. Пейпуса та же гравюра, как впервые указал А. А. Сидоров, помещена также в чешской Библии, изданной в 1540 г. в Нюрнберге Линхардтом Мильхталером «накладом» Кобергера[91]. В иллюстрировании книги кроме Шена приняли участие Ганс Шпрингинклее, Ганс Шейфелейн, Ганс Зебальд Бехам и Ганс Гольбейн.

«Иисус Навин» Эргарда Шена изображает закованного в латы ландскнехта, сидящего на камне. Фигура заключена в декоративное обрамление, напоминающее арку «Луки» из Апостола 1564 г. Отличительные особенности обеих арок сформулированы А. А. Сидоровым.

Русский мастер уничтожает перспективность арки, отбрасывая внутренние стены ее и «землю». Это было продиктовано составным характером гравюры «Лука», о чем будет сказано ниже. Любопытно отметить, что «перспективность», уничтоженная в «Луке», была сохранена Петром Тимофеевым в гравюрах к Четвероевангелию 1575 г., и прежде всего в фронтисписе к евангелию от Матфея. Гравюры эти во многом испытали воздействие того же источника (сравни арку в верхней части указанного фронтисписа).

В рамке «Иисуса Навина» немалую роль играют формы обнаженного тела. Два голеньких ангелочка — «путти» сидят на шарах над капителями колонн и держат растительную гирлянду, украшающую верхнюю часть рамки. На нижней перекладине рамки обнаженная сирена держит в руках два рога изобилия. Эти традиционные для Запада мотивы в московской богослужебной книге были неуместны. Русский мастер выбрасывает ангелочков, а одновременно с ними гирлянду и шары. Освободившееся место по бокам арки он занимает привычными для Москвы цилиндрическими отверстиями — «окнами».

Любопытную метаморфозу претерпело убранство нижней перекладины. Поясное изображение обнаженной сирены русский мастер заменяет пучком трав. Мотив взят из рамки небольшой гравюрки, помещенной в том же издании в начале Псалтыри (л. XVIII 2-го счета) и изображающей царя Давида. Гравюра принадлежит резцу Г. Шпрингинклее. Рога изобилия превращены в традиционный акантовый вьюнок, пустивший уже глубокие корни в русской книге.

Московский гравер значительно изменяет конфигурацию колонн, делая их основательнее, массивнее, отбрасывая оплетающие их прутья. Параллели с московской архитектурой, проводимые А. С. Орловым и А. А. Сидоровым, здесь весьма кстати.

Обрамление пролета арки у Шена лишь эскизно проработано. Эскизность не понравилась московскому граверу. Он заполняет пролет осязаемым и конкретным растительным орнаментом, а по краю арки пускает отделку, близкую к «цепочке овалов» школы Феодосия Изографа.

Верхней перекладине, на которой стоит ваза, придан больший наклон; вместе с тем она выполнена более тонкой, что сообщает ей определенную «воздушность».

Сторонники «немецкой теории» в недалеком прошлом полностью игнорировали творческую переработку арки «Иисуса Навина» нашим мастером. Для них сходство мотивов послужило лишним доказательством немецкого происхождения московского книгопечатания. А. И. Некрасов полностью отбрасывает высокохудожественное орнаментальное убранство первой московской точно датированной печатной книги, не уделяет почти ни строчки образу Луки. Для него «наиболее замечательное украшение Апостола 1564 г. — это архитектурная рамка «Луки»[92].

Еще дальше идет Н. С. Большаков. Если А. И. Некрасов все же считал, что фигура евангелиста и окружающие его аксессуары восходят к русской миниатюре, то для его молодого ученика очевиден «западный

характер» всей гравюры[93]. Доводы, которые приводят А. И. Некрасов и Н. С. Большаков, сугубо формальны; опровергнуть их не стоит труда.

Начать с того, что даже положение Луки и направление его взгляда — слева направо — объясняется копировкой непосредственно на доску фигуры Иисуса Навина, смотрящего справа налево. Кроме того, как Лука, так и Иисус Навин изображены согнутыми, у обоих кудрявые волосы.

Говоря о «заставке с Матфеем», мы уже отмечали традиционность разворота «слева направо» для русской миниатюры и живописи. Лишь в очень редких случаях евангелисты изображены в противоположном развороте. Каждое исключение можно мотивировать. Так, на царских вратах Благовещенского собора в Московском Кремле два евангелиста изображены в привычных для нас позах, а два — в обратных. Изображения расположены попарно одно над другим на дверках врат. Композиция превосходно продумана художником. За основу взят принцип движения от периферии к центру. Именно так размещены святые в «рамке» врат, так построена сцена «Благовещения» в навершии, так же размещены и евангелисты. Естественно, что на правой дверке апостолам пришлось «смотреть» справа налево.

Принцип «от периферии к центру», или, переводя на «книжный язык», «от обреза к корешку», общепринят в древнерусской рукописной книге и вполне естествен в Апостоле 1564 г.

То же относится и к «сутулости» фигуры. Привлекать для аналогии «Иисуса Навина» Эргарда Шена здесь не к чему. Достаточно ознакомиться с фронтисписами русских рукописных Четвероевангелий XV—XVI вв., чтобы найти истоки образа.

Нет нужды отыскивать в гравюре Шена и прототип кудрявых волос Луки. На русских иконах и миниатюрах Лука, как правило, изображался кудрявым. Этого требовали описания евангелиста в иконописных подлинниках: «Лука, евангелист, поживе более 80 лет, бысть епископ в Солуне; подобием рус, власы кудреваты, брада невелика, аки апостола Иакова Заведеова, риза апостольская празелень с киноварью, исподняя лазоревая, и в омофоре, в руках Евангелие»[94]. Если отбросить цвета, которые наш гравер передать, естественно, не мог, описание вполне соответствует гравюре из Апостола 1564 г.

В свете изложенного становится ясной несерьезность утверждений Н. С. Большакова о западном характере плаща-гиматия, об аналогичной трактовке волос у Дюрера или в эллинистическо-римской портретной скульптуре и т. д. и т. п.

Насколько далек московский «Лука» от немецких изображений того же апостола, легко установить, ознакомившись с евангелистами таких мастеров, как Ганс Зебальд Бехам (Новый завет М. Лютера, 1526), Эргард Альтдорфер (Библия, 1533) или тот же Эргард Шен (Новый завет Ф. Пейпуса, 1524). У всех этих граверов Лука — большебородый старик, одетый в католическую рясу. Голова евангелиста обычно прикрыта шапочкой. Обрамлением служит простая рамка. У Шена Лука помещен под ниспадающим пологом.

Западный Лука не имел ничего общего с московской традицией. Естественно, что мастер Апостола 1564 г. в этом случае не пошел за Э. Шеном. К московской традиции, а именно к школе Феодосия Изографа, восходит и мотив триумфальной арки. Мотив был впервые применен в конце XV в. в Четвероевангелии Гурия Тушина, затем — в Четвероевангелии 1507 г. и, наконец, в Четвероевангелии 1531 г. У эпигонов Феодосия в середине XVI в. мотив получил чрезвычайно широкое распространение (ср., например, Псалтырь XVI в. из собрания Пискарева)[95].

Прямые и витые колонны арок Феодосия далеки от нашей темы. Но в русской миниатюре можно найти и припухлые бочонкообразные колонны, отороченные листьями. Характерный пример — миниатюра, изображающая Козму Индикоплова из рукописи 1530 — 1540-х гг.[96]

Отсюда легко понять, чем привлекла московского мастера рамка Э. Шена — она отвечала отечественной традиции.

Нечто подобное случилось и с пюпитром на высокой узорной ножке. Такие пюпитры в русской миниатюре обычны. Однако конкретный мотив — ножка пюпитра — имеет западное происхождение. Аналогичные колонки с трехлопастным листом в основании и плотно прилегающим к средней части растительным обрамлением часто встречаются у граверов того же круга, что и Э. Шен,— у Ганса Шпрингинклее и Даниэля Хопфера. Есть этот мотив и в Новом завете Ф. Пейпуса — на гравюре, изображающей апостола Павла (л. CV).

Свободное заимствование тем, образов и мотивов нашему современнику может показаться предосудительным. Напомним, что понятия XVI в. о плагиате сильно отличались от наших. Сам Э. Шен в «Иисусе Навине», который привлек внимание московского мастера, далеко не во всем оригинален. Фигура Иисуса, как неоднократно отмечали искусствоведы, представляет собой вольную копию гравюры анонимного мастера из Ветхого завета М. Лютера, изданного в Виттенберге в 1523 г.[97] Из лютеровской Библии взяты и отдельные мотивы орнаментального убранства рамки. Мотивы рамки, кстати говоря, в XVI—XVII вв. повторялись не раз и не только в Московской Руси. Упомянем, например, «Календарь», изданный в Праге в 1606 г. Возвращаясь к фронтиспису Апостола 1564 г., отметим, что техника мастера, создавшего этот шедевр древнерусской гравюры, подробно изучена А. А. Сидоровым, расценившим ее как «триумф обрезной ксилографии». Техника эта своеобразна. Любопытной особенностью гравюры является ее составной характер. Впоследствии фигура Луки была извлечена из рамки, послужившей Ивану Федорову еще не один раз. Гипотезу А. А. Сидорова о том, что уже в Москве гравюра состояла из двух частей, мы можем подкрепить наблюдением над оттиском в экземпляре Апостола 1564 г., ранее принадлежавшем П. В. Щапову (ГИМ). Здесь фигура Луки и рамка оттиснуты при различном давлении. В результате все штрихи фигуры получились жирно и четко, в то время как рамка вышла серой, непроработанной.

Убедительность образа, созданного московским гравером, и его высокая художественная выразительность способствовали тому, что фронтиспис Апостола 1564 г. как в целом, так и в отдельных его частях неоднократно копировался. Такое же изображение (с изменением характера нимба) находим в безвыходных виленских Апостолах, в виленском Апостоле 1591 г. Чрезвычайно широко использовалась рамка московского «Луки». Сам Иван Федоров применял ее в львовском Апостоле 1574 г. и в Острожской Библии 1580—1581 гг. Рисунок рамки был достаточно точно скопирован в Вильне. Здесь он встречается в нескольких славянских изданиях типографии Мамоничей, в польской «Постилле», напечатанной в 1597 г. Яном Карцаном, в литовской католической «Постилле» М. Даукши (1599) и в литовской реформатской «Постилле», напечатанной в 1600 г. И. Марковичем[98].

Орнаментика. Художественное убранство первопечатного Апостола логично и стройно. Кроме рассмотренного выше фронтисписа в книге имеется 48 заставок, отпечатанных с 20 досок, 22 буквицы — с пяти досок, 54 рамки одинакового рисунка, 24 строки вязи, одна концовка (не во всех экземплярах) и 24 ломбарда четырех наименований.

Размещение орнаментики превосходно продумано. 22 основных раздела книги («Деяния», семь соборных посланий и 14 посланий апостола Павла) открываются большими заставками, строками вязи и гравированными буквицами. Большие заставки помещены и в конце книги, в справочных разделах: «Сказание известно» и «Соборник». Итого — 24 большие заставки.

«Сказания» перед каждым из разделов открываются малыми заставками и ломбардами. Малые заставки помещены также в конце книги

Инициал И. ван Мекенема

перед одним из справочных разделов и послесловием. Итого — 24 малые заставки.

Среди 24 больших заставок некоторые повторяются. Оригинальных рисунков 14. На долю 24 малых заставок остается шесть оригинальных рисунков. Все они повторяются по два, а то и более раз.

Первая большая заставка (Зерн. 62) встречается на начальном листе (л. 3) «Деяний». Она убедительно гармонирует с фронтисписом на соседней полосе и с гравированной буквицей «П». Больше во всей книге эта нарядная заставка не встречается ни разу. Этим подчеркивается значение

Заставка из рукописного Апостола 1540-х годов. ГИМ

Заставка Зерн. 62 из Апостола 1564 года

раздела, которому она предпослана. Доска будет сохранена Иваном Федоровым и увезена им во Львов. Здесь он откроет ею Апостол 1574 г. Впоследствии, как установлено А. С. Зерновой, та же доска с незначительными изменениями послужила для Анфологионов 1632, 1638 и 1643 гг., а также для Евангелий 1690 и ок. 1704 гг.

Заставка представляет собой удлиненный прямоугольник с навершием и акротериями. Основание подчеркнуто стрелками, на них — бутоны, совпадающие по рисунку с акротериями. Бордюра, как и в других заставках Ивана Федорова, здесь нет. Прямая сучковатая ветвь делит поле заставки на две примерно равные части; на продолжении ветви, несколько выше верхнего обреза, помещено навершие. Основа его — растительный акантовый мотив с закрученным стилизованным плодом в центре. От центральной ветви отходят два боковых отростка, оканчивающихся своеобразными шишками. Ветви и шишки обильно декорированы многолопастными остроконечными листьями. Оригинальный мотив — два шарика на тонких, исходящих от левой шишки ветках.

Прототип заставки устанавливаем совершенно точно — достаточно сравнить ее с заставкой рукописного Апостола 1540-х гг. из собрания Московской духовной академии [99]. Об оформлении этой книги — превосходного памятника школы Феодосия Изографа — уже говорилось. Основной мотив, использованный здесь, взят из гравированного на металле алфавита И. ван Мекенема [100]. Сам Иван Федоров листов Мекенема не знал — он шел от творческой переработки этих мотивов школой Феодосия. Это доказывает случай с нашей заставкой. Она представляет собой дословное повторение помянутой рукописной заставки с тем же самым навершием. Иван Федоров отбрасывает бордюр, заполненный несколькими полосами феодосиевской разделки. Пропорции заставки он, однако, сохраняет. В заставке из рукописного Апостола навершие по традиции покоилось на верхней грани. У Ивана Федорова оно повисло в воздухе, ибо первопечатник выкинул бордюр, расположенный между навершием и черно-белым клеймом. Это, по-видимому, было сделано сознательно. Изображение от этого выиграло. В дальнейшем мастер не раз повторит удачный прием.

Второй результат устранения бордюра — выход отдельных элементов изображения (шишек и листьев) за пределы рамки. С таким приемом нам ранее также встречаться не приходилось.

Заставка Зерн. 64 из Апостола 1564 года

Бордюр, заполненный оригинальной декоративной разделкой,— необходимейшая принадлежность того стиля рукописной книжной московской орнаментики, который мы условно назвали «Феодосиевским». Мастера безвыходных изданий шли на поводу у традиции. Они сохраняют бордюр, но, будучи не в силах воспроизвести в ксилографии феодосиевскую разделку, заменяют ее акантовым вьюнком или виноградными листьями. Схемы построения заставок при этом остаются традиционными. Иван Федоров совершает своеобразный революционный переворот в орнаментике. Он отбрасывает бордюры, усиливая основной мотив, который ранее был спрятан в черно-белых клеймах. Так было положено начало новому стилю, получившему в нашей литературе наименование старопечатного. Стиль этот, по имени его создателя, можно было бы условно называть «Федоровским».

Продолжая совершенствовать стиль, Иван Федоров снабжает заставку акротериями и бутончиками на стрелках, которых в рукописной заставке не было. Любопытно, что рисунок бутона повторяет очертания одного из гравированных на металле цветков из Уваровского Четвероевангелия [101].

Следующая большая заставка (Зерн. 64) первопечатного Апостола открывает соборные послания. Как и первая, она применена лишь однажды (л. 56) и больше в этой книге не встречается. Заставка представляет собой удлиненный прямоугольник с навершием, акротериями и стрелочками. Знакомая нам центральная ветвь делит поле на симметричные части. Ветвь раздваивается на отростки, образующие подобие восьмерки. В центре петель — треугольные шишки, отороченные акантовыми листьями. Композиция та же, что и в гравированной на металле заставке Феодосия Изографа из Уваровского Четвероевангелия [102]. Однако рисунок упрощен, а чашеобразные бутоны заменены шишками. В общих чертах рисунок оригинален. Назвать прототип мы в этом случае не можем.

Следующая заставка (Зерн. 66) помещена перед соборным Посланием Петра. Подчиненность раздела подчеркнута меньшими размерами заставки по вертикали. Таких больших заставок, как Зерн. 62 и 64, мы больше в Апостоле 1564 г. не встретим. Схема этой заставки также традиционна: удлиненный по горизонтали прямоугольник, узорное навершие, акротерии, стрелочки. Рисунок симметричен относительно вертикальной оси. Из нижней центральной части исходят ветви, оканчивающиеся двумя шишками. Прототип устанавливаем совершенно точно. Иван Федоров берет правую часть черно-белого клейма широко распространенной

Заставка из рукописного Апостола 1540-х годов

в книгах школы Феодосия Изографа композиции. Мы можем назвать по крайней мере три случая применения ее — Четвероевангелие 1531 г. Исаака Бирева, Четвероевангелие Государственного Исторического музея и роскошный Апостол 1540-х гг. из собрания Московской духовной академии [103]. В левой части заставки первопечатник зеркально повторяет тот же рисунок. В основу положен мотив инициала «Н» из гравированного алфавита Мекенема.

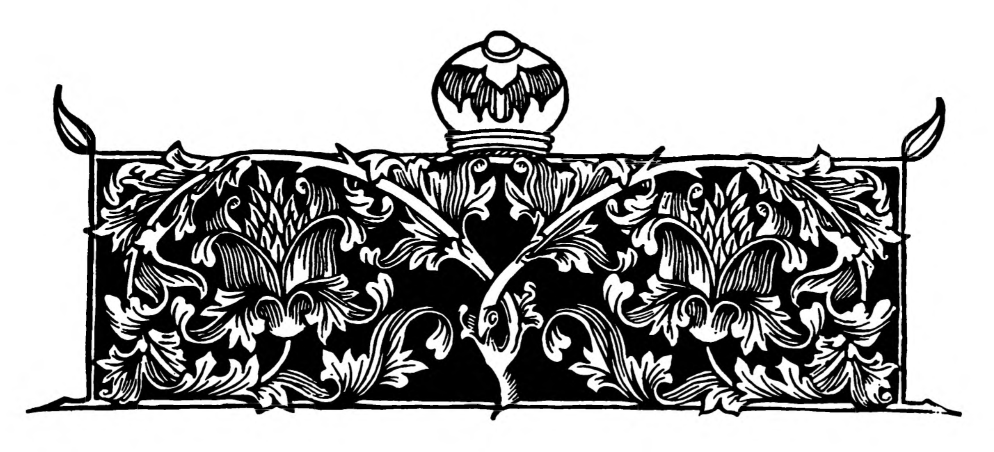
Следующая большая заставка (Зерн. 67) повторена в Апостоле дважды (лл. 70 и 174). Это вариации на ту же тему раздваивающейся ветви, исходящей из нижней центральной части. В центре петель помещены обрамленные листьями шишки.

Заставка Зерн. 68 также повторена дважды (лл. 75 и 228). Поле заставки заполнено буйной листвой, симметрично расположенной относительно центральной вертикальной оси. Акротериями служат своеобразные бутончики.

Более спокоен ритм заставки Зерн. 69 (лл. 82 и 181). Рисунок и здесь симметричен относительно вертикальной оси. Центральную ветвь, из ко-

Заставка Зерн. 66 из Апостола 1564 года

Заставка Зерн. 67 из Апостола 1564 года

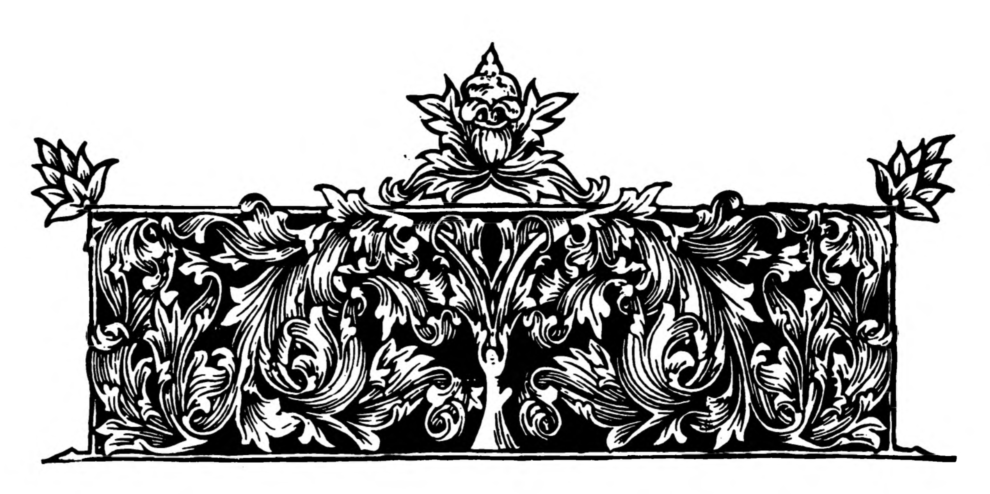
торой исходит растительное навершие, окружает лиственный венок. Изгибы листьев и веток плавны, края листьев закруглены. Здесь нет и намека на тот растительный мотив, который мы условно назвали акантовым. Рисунок вполне оригинален, рукописные прототипы его нам не известны. Вместе с тем в щедром орнаментальном убранстве Апостола 1564 г. заставка Зерн. 69 кажется чужеродной. Значительно лучше смотрится она в скромном по оформлению заблудовском Учительном Евангелии, где отпечатана с той же доски.

Соборное Послание Иоанна Богослова открывается неожиданно небольшой заставкой Зерн. 71, которая повторена и в конце книги — перед «Соборником 12 месецем» (лл. 84 и 242). Здесь мы видим растительный мотив с длинными симметрично расположенными листьями и шишкой в центре.

Своеобразна форма заставки Зерн. 72, помещенной перед соборным Посланием Иуды (л. 86). Это единственная из заставок Апостола, исполненная в форме буквы «П». Сверху — растительное навершие с «колокольчиком». Начиная с этой заставки, гравер обходится без акротериев. Однако основание по-прежнему подчеркнуто стрелочками. Внутри заставки — заголовок, исполненный вязью. По горизонтальной перекладине пущен акантовый вьюнок. В утолщенных вертикальных частях заставки помещены закрученные бутончики. Первоисточником мотива служит инициал «А» Мекенема. Тот же мотив, кстати говоря, использован в навершии первой большой заставки книги (Зерн. 62).

Рисунок заставки Зерн. 73 (лл. 91 и 187) неожиданно не симметричен. Направление движения слева направо. Композиция построена исключительно умело. Занять прямоугольный объем растительным мотивом значительно проще при симметричном расположении узора. Отказавшись от симметрии, мастер и здесь сумел создать нечто цельное и художественно законченное. Рисунок оригинален; рукописные прототипы нам не известны.

Исключительно красива заставка Зерн. 75, повторенная дважды (лл. 113 и 199). Здесь мы встречаем уже знакомую нам симметричную (относительно вертикальной оси) композицию с двумя исходящими из нижней центральной части ветвями. На концах ветвей — цветки, напоминающие гвоздику. Точный рукописный прототип — заставка из роскошного Апостола Московской духовной академии [104]. Как и ранее, Иван Федоров сохраняет лишь черно-белое клеймо, отбрасывая бордюр. Благодаря этому отдельные элементы рисунка вышли за пределы рамки. Акротериев в заставке нет. Навершием служит шар, обрамленный акантовыми листьями. Штриховка напоминает манеру Э. Шена (шары, на которых сидят ангелочки орнаментального обрамления «Иисуса Навина»).

Заставка Зерн. 68 из Апостола 1564 года

Рисунок следующей большой заставки (Зерн. 77) знаком нам — мы встречали его в широкошрифтном Четвероевангелии. Как уже отмечалось, рисунки обеих заставок зеркальны одна относительно другой. В Апостоле 1564 г. заставка использована дважды (лл. 134 и 191). Эта заставка первой точно датированной московской печатной книги породила уже целую литературу. Обсуждается главным образом первенство той или иной заставки. А. С. Зернова, впервые установившая, что рисунки досок различны, считает заставку из Четвероевангелия перерисовкой заставки Апостола [105]. Т. Н. Протасьева и Г. И. Коляда, напротив, первой считают заставку из широкошрифтного Четвероевангелия, причем утверждают, что обе гравюры принадлежат резцу Ивана Федорова [106].

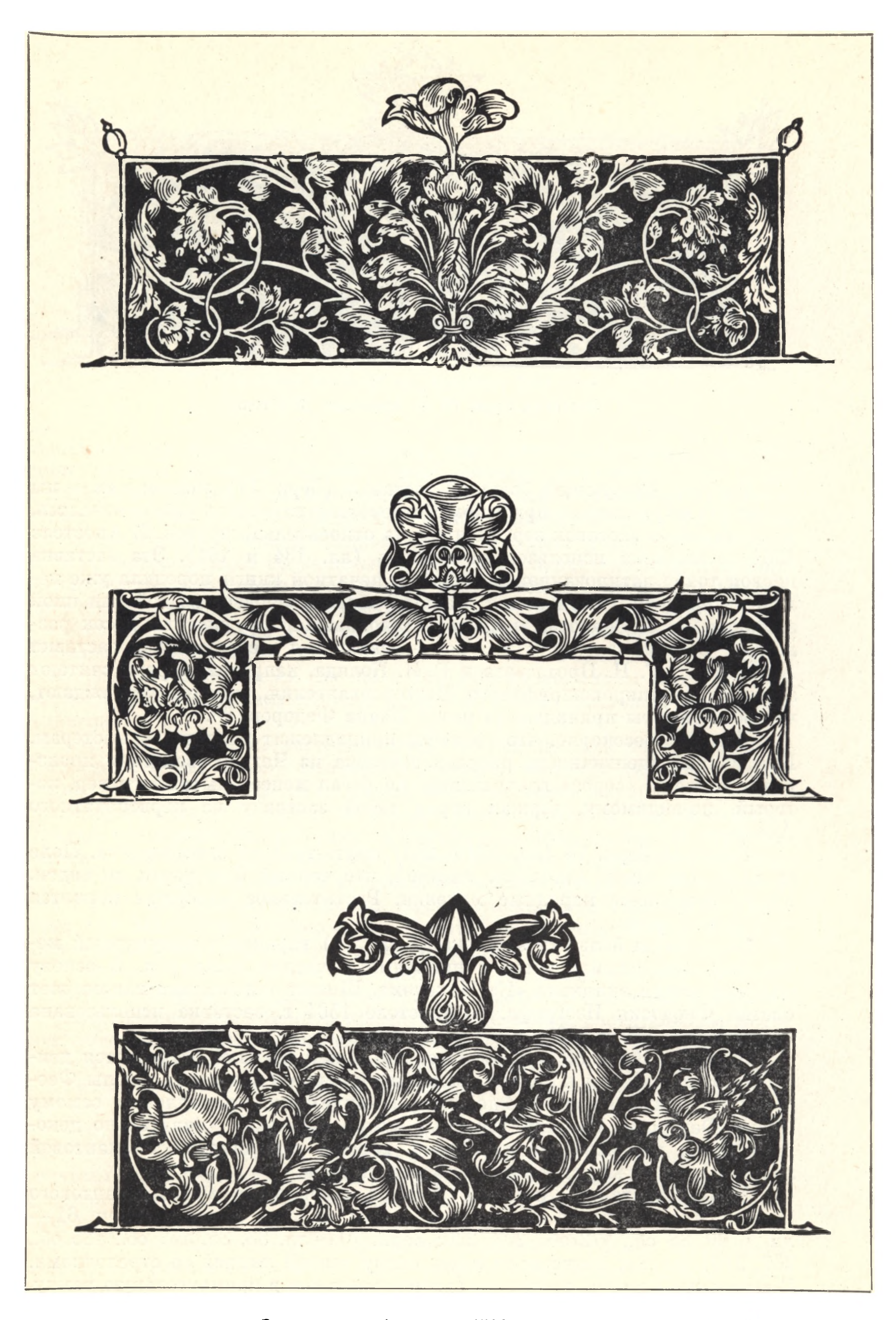
Для нас бесспорно, что гравюры принадлежат различным мастерам. При полной идентичности рисунка заставка из Четвероевангелия производит какое-то «серое» впечатление. Ее резал менее опытный гравер, который, по-видимому, держал перед собой заставку из первопечатного Апостола.

Заставка Зерн. 78 (лл. 150 и 204) опять-таки не симметрична. Поле ее настолько тесно заполнено листвой, что черный фон почти не виден. Умело исполнены нарядные маковки. Растительное навершие покоится на верхней грани.

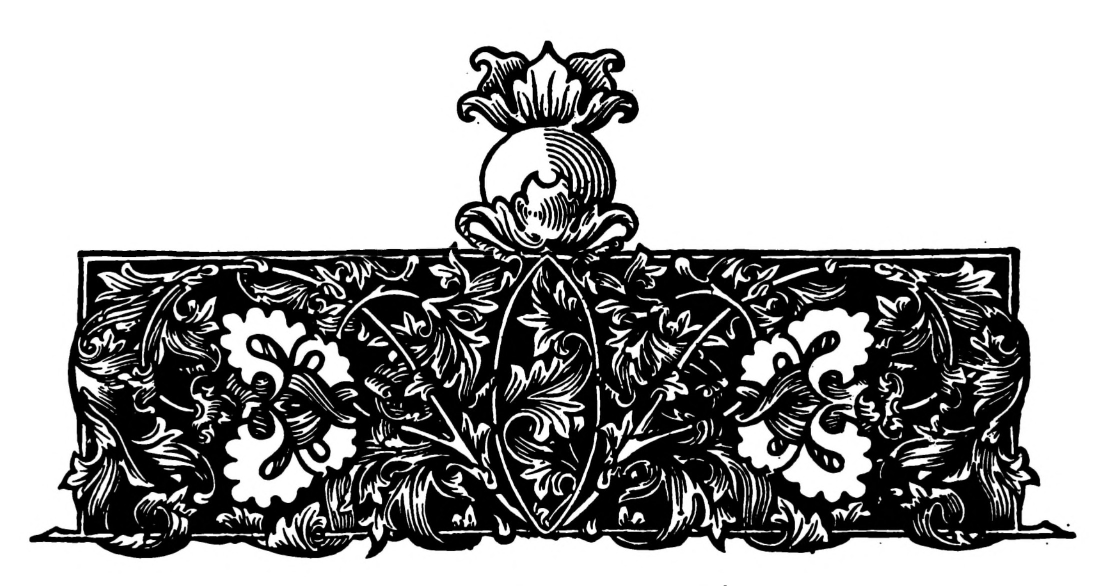
Следующая большая заставка (Зерн. 79) варьирует популярный мотив раздваивающейся ветви с шишками в петлях восьмерок. В основу положен мотив инициала «К» Мекенема. Шишка в навершии напоминает цветки Феодосия Изографа. В Апостоле 1564 г. заставка использована дважды (лл. 159 и 208).

Заставку Зерн. 80 выделяет то, что в ней впервые встречается движение от периферии к центру. Такое построение в заставках школы Феодосия не применялось. Композиция, по-видимому, принадлежит самому Ивану Федорову. Розочки (главный мотив заставки) удивительно декоративны и, что особенно интересно, хорошо гармонируют с акантовой листвой — не хуже успевших наскучить шишек.

Малые заставки Апостола 1564 г. варьируют мотив акантового вьюнка, направленного от центра к краям. В двух случаях (Зерн. 61 — лл. 1, 69, 88 об., 172 об., 203, 260; Зерн. 70 — лл. 83, 85, 157 об., 185 об., 207, 210) вьюнок подчеркнут лишь снизу тонкой линией со стрелочками. В остальных четырех заставках вьюнок заключен в прямоугольную рамку. В двух случаях (Зерн. 74 — лл. 111 и 179 об.; Зерн. 76 — лл. 133, 190, 197 об., 239) листва обвита вокруг центральной ветви. Мотив знаком нам по безвыходным изданиям. Характер листвы различен. Иногда она

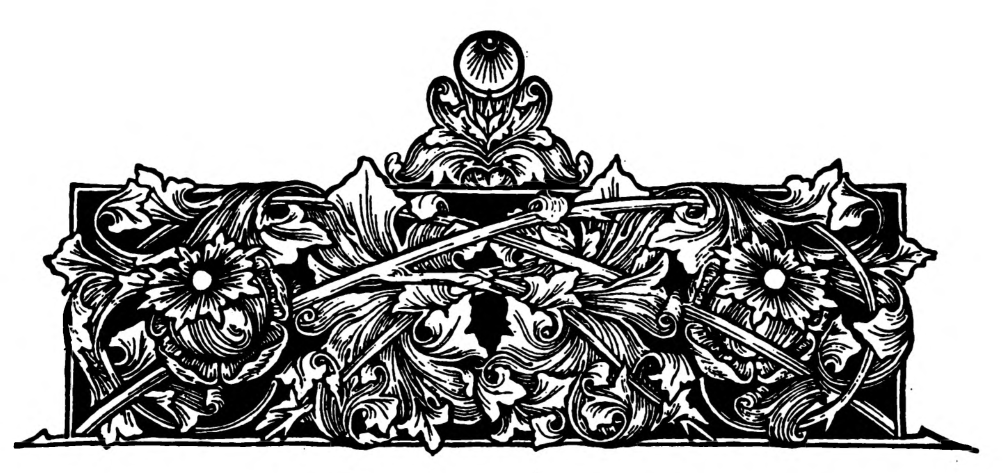

Заставки из Апостола 1564 года (Зерн. 69, 72, 73)

Заставка Зерн. 75 из Апостола 1564 года

Заставка из рукописного Апостола 1540-х годов. ОРЛБ

Заставка Зерн. 78 из Апостола 1564 года

изысканная и тонкая (Зерн. 74), иногда — грубая, моделированная толстыми штрихами (Зерн. 63 — лл. 55, 81, 147 об., 166; Зерн. 65 — лл. 62 и 74). В центре малых заставок расположены растительные формы, напоминающие бутыль (Зерн. 61), вазу с крышкой (Зерн. 65), витую шишку (Зерн. 71) и т. д.

Единственная концовка Апостола (Зерн. 88 — л. 81) напоминает росчерк пера немецких каллиграфов XVI столетия (И. Нойдорфер и др.). Пример находим в заголовке титульного листа прославленного Апокалипсиса Альбрехта Дюрера. Концовка отпечатана далеко не во всех известных в настоящее время экземплярах Апостола 1564 г.; мы можем назвать всего лишь четыре случая [107]. А. С. Зернова считала возможным признать концовку пробой, сделанной в одном из последних оттисков — ей был известен всего лишь один экземпляр с концовкой [108]. Мы, напротив, склонны считать, что концовка отпечатана в первых экземплярах тиража. В этом нас убеждает характер слепого тиснения вокруг концовки, о чем пойдет речь ниже.

Орнаментальное убранство Апостола 1564 г. дополняют гравированные буквицы, поставленные в начале разделов. Отпечатаны они с пяти досок следующих наименований: «Е», «И десятиричное», «М», «П» и «С». Буквицы «Е» и «М» оттиснуты по одному разу, «И десятиричное» — два раза, «С» — три раза. Чаще всего использовалась доска для буквицы «П» — на протяжении книги она оттиснута 15 раз. По штамбу буквиц пущен акантовый вьюнок. Для всех инициалов могут быть найдены прототипы в рукописной традиции. Такова, например, буквица «П» со звездочкой на верхней перекладине из Апостола Московской духовной академии [109].

Ломбарды, вынесенные на корешковое поле, поставлены в начале «Сказаний». На 24 оттиска приходится всего четыре формы: «Е», «И», «П» и «С». Ломбарды «Е» и «П» оттиснуты всего лишь по одному разу, ломбард «И» — три раза. Чаще других используется ломбард «С» — 19 раз.

Вязь, которой исполнены заголовки, служит как бы переходом от беспокойного ритма растительной орнаментики к статичному и спокойному тексту. Размеры (длина 120—125 *мм*) хорошо увязаны с заставками. Всего использовано 22 строки «большой» вязи (высота 17—20 *мм*), открывающей основные разделы книги, и две строки «малой» вязи (высота 10 *мм*), открывающей «Сказание» Деяний и «Соборник».

Особенности полиграфической техники. Технология набора и верстки, а также методы двухкрасочной печати в Апостоле 1564 г. аналогичны приемам, знакомым нам по последним безвыходным изданиям. В основу наборной техники Иван Федоров кладет все тот же прием «перекрещи-

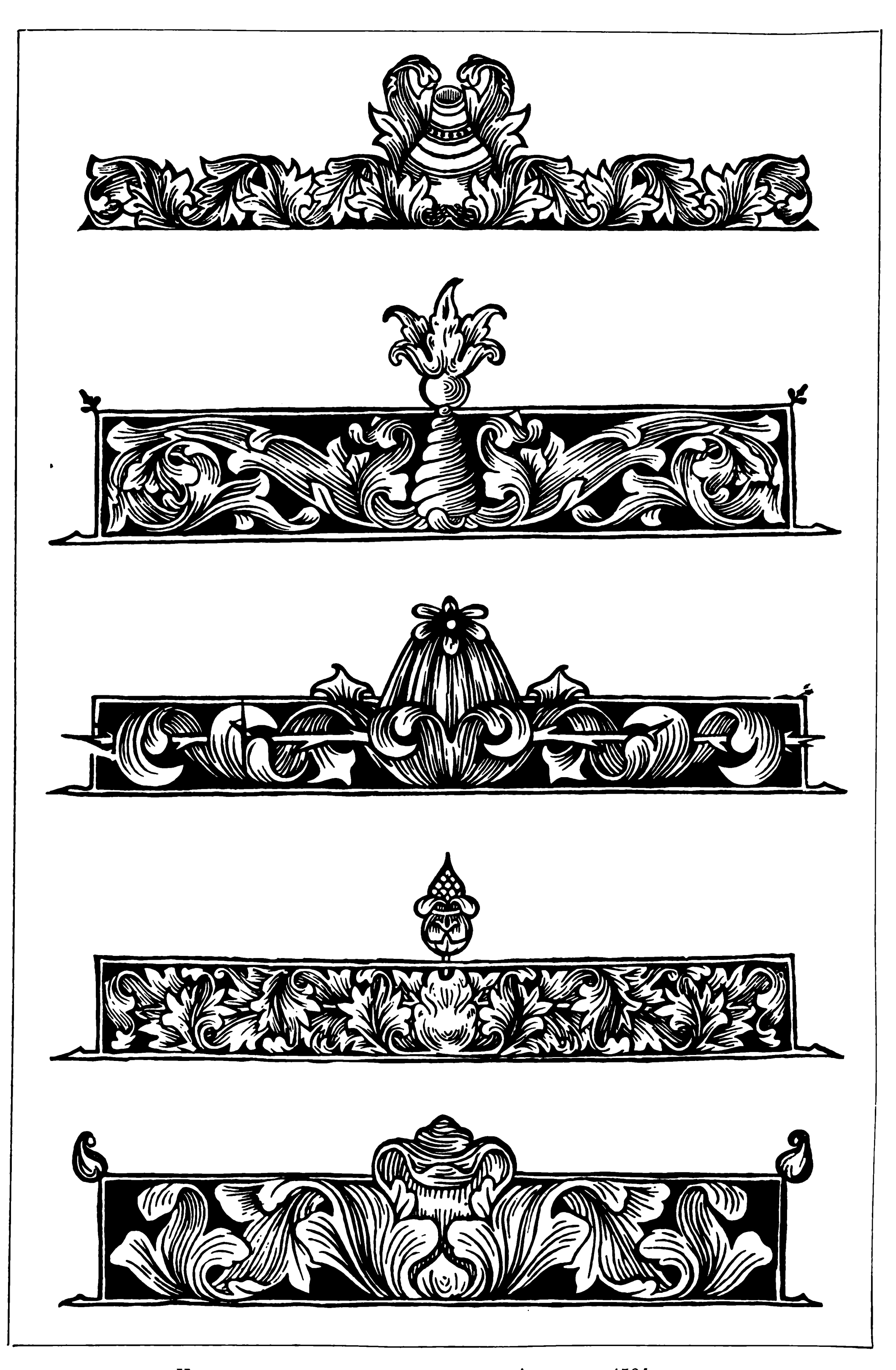
Инициал И. ван Мекенема

вания» строк, который появился впервые в Триоди постной и с того времени составлял характерную особенность московского книгопечатания. Иван Федоров более умелый наборщик, чем мастер широкошрифтного Четвероевангелия,— выключка у него аккуратна, опечаток меньше.

Воспроизводя вторую краску, Иван Федоров использует двухпрокатную печать с одной формы. Красное он печатает раньше черного, причем «красный» набор, как правило, отпечатан с бо́льшим натиском. По-видимому, именно Иван Федоров первый применил у нас этот способ. Одновременно или несколько позднее он был использован и в широкошрифтных безвыходных изданиях. Как и в последних, в Апостоле 1564 г. нередко встречаются полосы с пропущенной киноварью. Таковы, например, лл. 83 и 86 об. в экземпляре ЛБ, № 1354, лл. 25 и 32 об. в экземпляре ГИМ, Хлуд. 17 и т. д. Во всех этих случаях «красный» набор присутствует: особенно четкий, но «слепой» оттиск наблюдается на л. 83 экземпляра Ленинской библиотеки. Набор есть, он лишь не был накатан краской. Это еще одно свидетельство в пользу гипотезы о двухпрокатной печати с одной формы.

Заставка Зерн. 79 из Апостола 1564 года

На развороте — малые заставки из Апостола 1564 года

Ивану Федорову, по-видимому, был известен и метод двухпрокатной печати с двух форм, примененный в Триоди постной. Некоторые (однако немногие) листы определенно отпечатаны именно так. Об этом свидетельствует характер слепого тиснения, разговор о котором пойдет ниже. Таков, например, л. 132, где две строки слепого тиснения закрыты киноварным текстом. Значит, эти строки тиснуты с «черной» формы, причем «красного» набора в это время там не было. Вывод может быть лишь один — здесь применена печать с двух форм.

Своеобразна техника слепого тиснения, используемая Иваном Федоровым исключительно широко.

Рельеф тисненых шрифтовых знаков в Апостоле 1564 г. не столь значителен, как в безвыходных Четвероевангелиях. Поэтому определить характер тиснения во многих случаях затруднительно. Иногда это удается сделать лишь после тщательного исследования многих экземпляров. Но отдельные случаи остаются сомнительными.

Так или иначе, в Апостоле 1564 г. по крайней мере 25 полос с более или менее явными следами слепого тиснения. Характер тиснения иной, чем в Четвероевангелиях. Начисто исчезает перенос целых полос и воспроизведение их слепым тиснением на концевых и чистых полосах. Пустых страниц в Апостоле немало (лл. 55 об., 62 об., 81 об., 83 об., 90 об., 112 об., 149 об., 158 об. и др.). Ни на одной из них тиснения нет.

Однако Иван Федоров полностью заимствует прием тиснения на концевых полосах нескольких строк, заполненных теми или иными литерами.

На л. 149 мы обнаруживаем девять строк слепого тиснения, отделенных друг от друга значительными промежутками, которые заполнены пробельным материалом. В каждой строчке — только одинаковые литеры (1-я строка — «я», 2-я — точки, 3, 4, 5 и 6-я — «т», 7-я — «зело» и т. д.). Совершенно аналогичный прием использован на л. 158, где помещены восемь тисненых строк, заполненных литерами «т», «м» и «н».

Существенные выводы вытекают из изучения слепого тиснения на л. 81. Здесь две строки тиснения, заполненные литерами «о». Строки почему-то прерываются в центральной части полосы, где образуется прямоугольный промежуток, заполненный пробельным материалом. Для чего это сделано? Вспомним, что на л. 81 в некоторых экземплярах Апостола встречается маленькая концовка. Это, как известно, единственный пример использования концовок в московских первопечатных изданиях. Характер слепого тиснения на л. 81 убедительно доказывает, что украшение было поставлено в набор в самом начале печатания этого листа. Прием не имел успеха, ибо рукописные книги в Московской Руси, как правило,

не имели концовок. Иван Федоров снял концовку с полосы, заполнив пустое место пробельным материалом. Так образовался промежуток в строках слепого тиснения. Сделано это было в самом начале печатания тиража, ибо большинство экземпляров Апостола дошло до нас без концовки.

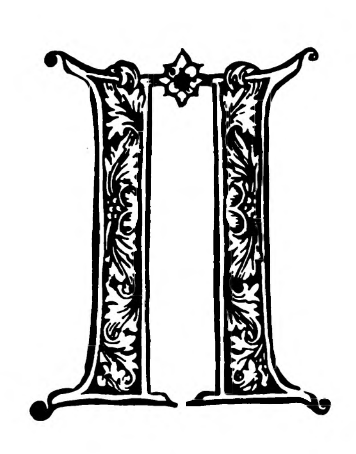
Продолжим ознакомление с приемами слепого тиснения, применяемыми нашим первопечатником.

Приемы, о которых пойдет речь ниже, не находят себе аналогии в безвыходных изданиях — они совершенно оригинальны. Завершающие строки концевой полосы л. 68 об. набраны в форме опрокинутого треугольника и отпечатаны киноварью. Но, странное дело, последние три строки набора сдвинуты вниз и повторены слепым тиснением. Еще ниже вытиснены две строки, заполненные точками.

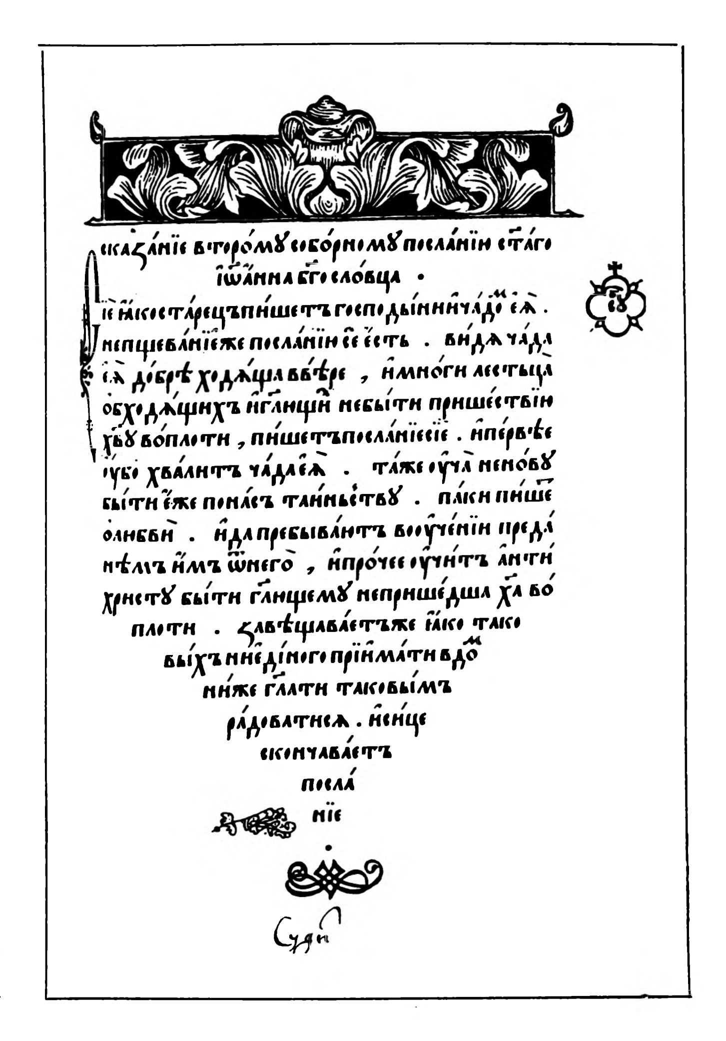
Перевернув страницу, мы устанавливаем, что здесь имеются такой же «треугольник» и внизу еще дополнительно две строки, набранные киноварью. «Треугольник» и строки приходятся как раз против слепого тиснения на обороте л. 68. Вывод очевиден. Слепое тиснение в этом случае использовано Иваном Федоровым для того, чтобы сгладить сильный натиск киноварного набора на пустых участках оборота листа.

Нельзя, однако, считать, что тиснение во всех случаях применяется лишь для сглаживания натиска. Сплошь и рядом тисненые строки встречаются на таких полосах, на обороте которых нет никакого текста.

С другим любопытным приемом Ивана Федорова мы встречаемся на л. 90. Эта концевая полоса заполнена всевозможными литерами, в совокупности своей образующими причудливые орнаментальные узоры. Здесь и ромбы, и прямоугольники, и своеобразная «шахматная» клетка. Можно

Буквицы из Апостола 1564 года

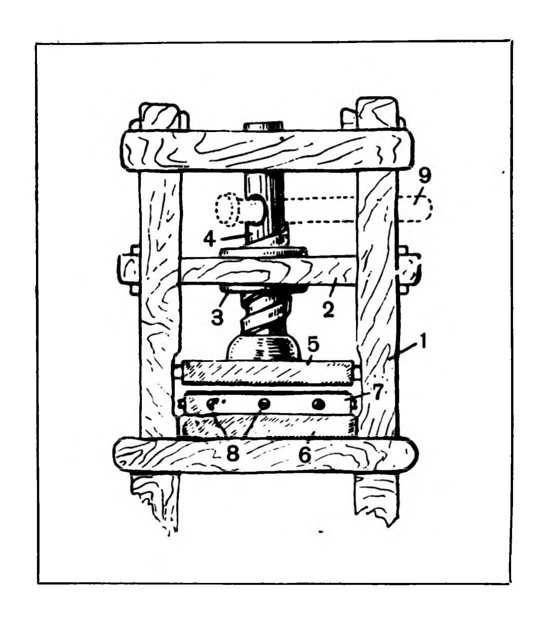
Лист с концовкой из Апостола 1564 года

представить себе, какого труда стоил первопечатнику набор этой полосы. Здесь слепое тиснение используется в качестве своеобразного, глубоко оригинального приема художественного убранства книги.

Наконец, на многих полосах слепым тиснением воспроизведены какие-то тексты (лл. 173, 180, 198 и 227). Содержание их не вполне еще ясно — рельеф сильно сглажен.

Особенный интерес представляют семь строк слепого тиснения на л. 227. Первые три строки представляют собой азбуку с последовательно расположенными буквами кириллицы. Далее следуют четыре строки набора, взятые с одной из соседних полос. Для чего было воспроизводить азбуку на страницах Апостола? Мы затрудняемся дать окончательный ответ на этот нелегкий вопрос. Не предположить ли, что до львовского Букваря 1574 г. Иван Федоров напечатал аналогичное издание и в Москве, а печатая Апостол, использовал для заполнения пробелов готовый набор?

Слепое тиснение в Апостоле 1564 г. позволяет сделать вывод о тесных связях между Иваном Федоровым, Петром Мстиславцем и первой в Москве типографией. Наши первопечатники, несомненно, работали там и именно там научились рассматриваемому нами приему. Слепое тиснение интересовало Ивана Федорова главным образом как своеобразный метод орнаментации концевых полос. Впоследствии, попав во Львов и предприняв новое издание Апостола, Иван Федоров широко пользуется концовками. Потребность в слепом тиснении отпадает, и оно сохраняется лишь

Реконструкция печатного стана Ивана Федорова

на немногих полосах (лл. 149, 158, 166 об., 198, 227). Нет тиснения в острожских изданиях первопечатника.

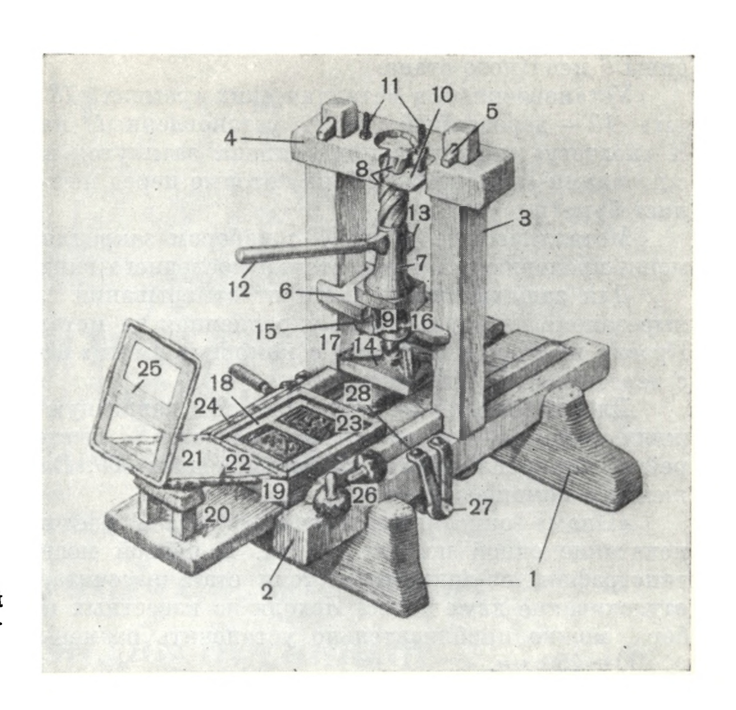
Между тем в Москве и после отъезда Ивана Федорова и Петра Мстиславца рассматриваемый прием широко применяет Андроник Тимофеев Невежа, который, по нашему мнению, также принимал участие в печатании безвыходных изданий. В Апостоле 1597 г., напечатанном Невежей, слепое тиснение встречается на полосах 68 об., 76, 84, 127, 150, 152, 167, 170, 180 и многих других.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что первопечатники использовали отработанный набор в качестве пробельного материала отнюдь не потому, что не знали последнего. Для заполнения полей, а также спусковых и концевых полос они широко применяли бабашки и марзаны, оттиски которых можно наблюдать на многих страницах Триоди постной и узкошрифтного Четвероевангелия.

Ручной печатный стан. Первые русские печатные станы не сохранились. Правда, в Львовском государственном Историческом музее хранится стан, который в экспозиции и в описи отнесен к XVI в. и приписан Ивану Федорову. Это стан так называемого «франклиновского» типа, широко распространенного во второй половине XVIII в. По записи в старой картотеке нам удалось установить, что стан был пожертвован в Народный музей имени короля Яна III в самом конце XIX в. владельцем польской типографии во Львове Беднарским [110]. Стан датируется здесь XVII в., но это, на наш взгляд, неправильно — он, несомненно, более позднего происхождения; так или иначе, стан, экспонируемый в настоящее время во Львове и обычно изображаемый на страницах книг и статей, посвященных первопечатнику, на самом деле к Ивану Федорову никакого отношения не имеет.

Конструкцию печатного стана Ивана Федорова можно в самых общих чертах установить, исходя из описи имущества, составленной после смерти первопечатника 2 октября 1585 г. [111] В описи упомянуты «пресс со всеми принадлежностями из дерева», «большой литой медный винт с гайкой», «пластина, которой прижимают литеры», «рама, в которую помещают литеры». Вес металлических частей стана обозначен в описи числом «8 камней и 7 безменов», то есть около 111 *кг*.

Из описи явствует, что вся «нажимная снасть» стана была металлической, а значит, стан был на уровне последних достижений полиграфической техники того времени.

«Образцовый» печатный стан начала XVII века — схема (реконструкция Л. П. Теплова)

Реконструкция стана по описи 1585 г., произведенная Л. П. Тепловым, изображена на стр. 310 [112]. Основанием стана служили деревянные столбы *1* с горизонтальными перекладинами. В средней перекладине *2* установлена упомянутая в описи медная гайка *3*. В гайке ходит винт *4*, на котором подвижно укреплена нажимная доска *5*. На деревянной «подушке» *6* в металлической раме *7* устанавливался набор, закрепляемый с помощью винтов *8*. Винт приводился в движение кукой *9*.

В описи 1585 г. не упомянуты какие-либо приспособления для вывода листа из-под нажимной снасти. Были ли эти приспособления на стане Ивана Федорова, в настоящее время сказать трудно. В современных ему западноевропейских станах, если судить по гравюрам того времени и по схеме в книге Витторио Цонка [113], такие приспособления были. Есть они и на древнейшем из сохранившихся русских печатных станов — «образцовом» стане Московского Печатного двора, который в настоящее время находится в Государственном Историческом музее. Стан этот впервые упомянут в документации уже в 1624 г. В XVII в. он служил образцом при изготовлении новых станов. Не исключено, что он восходит к XVI в. Поэтому не лишне познакомиться с ним, а одновременно и с терминологией, бытовавшей у нас в XVI—XVII вв. (см. рис. на стр. 311).

На массивных дубовых лежнях *1* закреплена колода *2*, служащая основанием для столбов *3*, которые поддерживают горизонтальную перекладину *4*. Перекладина крепится на столбах при помощи клиньев *5*. Вторая перекладина *6* служит для крепления нажимной снасти. Основу основ последней составлял металлический стержень — «прас» 7 с винтовой нарезкой в верхней части. Нижняя часть «праса» несет стержень с заостренным концом — пятник *9*, который передает давление нажимной плите. Винт *8* взаимодействовал с гайкой *10*, закрепленной винтами *11* на верхней перекладине 4. Движение «прасу» сообщалось с помощью рычага-«куки» *12*, устанавливаемой с помощью «закрепного замка» *13*. Нажимная плита — «пиам» 14 при перемещении «куки» прижимала бумажный лист к смазанному краской набору. Для подъема «пиама» при обратном движении «куки» на прасе предусмотрен пустотелый металлический куб — «орех» 15, закрепляемый с помощью металлического диска — «торели» 16. К ушкам «ореха» веревками 17 и привязывался «пиам».

Сам же «орех» ходил вверх и вниз в квадратном пазе средней перекладины *6* печатного стана.

Установленный в металлических «рамцах» *18* набор помещали в «ковчег» *19* — деревянный ящик, установленный на выдвижной доске *20*. К «ковчегу» подвижно прикреплена затянутая кожей *21* рама-«тимпан» с иголками-«графьями» *22*, на которые перед печатью накалывали чистый лист бумаги.

Металлическую раму *23* с набором закрепляли в «ковчеге» при помощи проходивших через стенки последнего винтов-«шурупов» *24*.

Для защиты полей листа от отмарывания служил «фрашкет» *25* — вырезанная из пергамена и укрепленная на металлической основе рамка. Краску на форму наносили с помощью «матц» *26* — кожаных подушечек с деревянными рукоятками.

Для перемещения «ковчега» под нажимную снасть и обратно служили «колесо» — установленная на валу *27* шестерня *28* и «лестница» — рейка, прикрепленная к выдвижной доске *20*. Вал *27* приводился в движение с помощью рукояти.

«Пиам» описанного печатного стана рассчитан на одновременное печатание одной полосы набора. В первой московской государственной типографии, по-видимому, стоял стан, рассчитанный на одновременное оттискивание двух полос. Исходя из известных нам размеров полосы набора, можно приблизительно установить размеры «пиама»: $300 \div 350 \times \times 400 \div 450$ *мм.*

ЧАСОВНИК 1565 ГОДА

Второй известной нам книгой, на которой стоят имена Ивана Федорова и Петра Мстиславца, был Часовник. На страницы славяно-русской библиографии это издание ввел П. М. Строев. В одном из рукописных Часовников XVII в. он обнаружил копию послесловия печатного издания, которое послужило оригиналом для рукописи. Это послесловие с именами первопечатников Строев опубликовал в 1841 г. [114]

Вскоре нашелся и оригинал. Он был приобретен М. П. Погодиным и впоследствии вместе с его «древлехранилищем» поступил в Петербургскую Публичную библиотеку [115]. Первое упоминание в печати об этом экземпляре принадлежит И. П. Сахарову [116]. Впоследствии Часовник прочно вошел в репертуар славяно-русского первопечатания и был описан И. П. Каратаевым, А. С. Зерновой, Т. Н. Протасьевой и другими авторами [117]. В настоящее время погодинский экземпляр находится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (№ 295—1. 5. 29).

В послесловии книги указывалось, что она напечатана в период с 2 сентября 1565 г. до 29 октября 1565 г. В начале XX в. в Королевской библиотеке в Брюсселе нашелся Часовник с другими датами: 7 августа — 29 сентября 1565 г. Это первое издание Часовника Ивана Федорова и Петра Мстиславца было описано в 1903 г. А. Тибергеном [118].

В нашей литературе о первом издании Часовника упомянул впервые А. И. Некрасов. Он же привел краткое описание книги [119], впоследствии уточненное и дополненное А. С. Зерновой [120].

В 30-х гг. нынешнего столетия еще один экземпляр Часовника 1565 г. был приобретен за рубежом небезызвестным С. Дягилевым, из собрания которого, кстати говоря, происходит и единственный известный нам экземпляр львовского Букваря 1574 г. Из кратких упоминаний о дягилевском экземпляре нельзя понять, о каком издании Часовника идет речь [121]. Где находится в настоящее время этот экземпляр, нам не известно.

В 1956 г. выяснилось, что экземпляр второго издания Часовника 1565 г. хранится в Королевской библиотеке в Копенгагене; он более полон, чем ленинградский.

Начало вечерни
Благословившу, иерею.
И мы глемъ. Аминь
Црю нбныи, утѣшите
лю дше истинныи.
Иже вездѣ сыи, и вся
исполняя. Сокрови
ще благи, и жизни по
дателю. Пріиди и все
лися в ны и очисти ны
л

Часовник 1565 года

Наконец, в самое последнее время стало известно, что два экземпляра Часовника имеются и в Англии. Как сообщает Дж. Симмонс, один из них (второе издание) находится в библиотеке колледжа «Корпус Кристи» (Кембридж), а второй — в библиотеке «Сион колледж» (Лондон) [122].

Таким образом, к настоящему времени известно и частично описано шесть экземпляров Часовника 1565 г.

Нам удалось познакомиться с двумя экземплярами Часовника 1565 г., а именно с брюссельским экземпляром первого издания (по микрофотокопии в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина) и с ленинградским экземпляром второго издания. Брюссельский экземпляр не полон — многие листы его заменены рукописными (лл. 9—16, 19—22, 26, 31, 33, 40, 44, 45, 51, 54, 66, 71, 75, 78, 81, 88, 99, 102, 107, 110, 113, 114, 119, 120, 123, 126, 139, 142) [123]. В ленинградском экземпляре отсутствует

первый лист. В фотокопии этого экземпляра, хранящейся в Ленинской библиотеке, первый лист восполнен из копенгагенского экземпляра.

Общее описание. Часовник отпечатан в восьмую долю листа. Книга собрана из 22 тетрадей, составленных из четырех односгибных бумажных листов (восемь листов — 16 страниц). Последняя тетрадь содержит четыре листа (в первом издании — пять листов). Все тетради пронумерованы, причем сигнатура проставлена внизу на первом листе. Пагинации, напротив, в Часовнике нет. Такой порядок позднее в Москве станет нормой для изданий, отпечатанных «в восьмушку».

В первом издании 173 листа, во втором 172. Объем уменьшился благодаря более компактному и правильному набору.

На полосе размещено, как правило, 13 строк. Шрифт тот же, что и в Апостоле 1564 г. Высота десяти строк набора 85 *мм*.

Состав и полиграфическая организация текста. Часословом называется богослужебная книга, содержащая повседневные молитвы. Эта книга наряду со Служебником чаще всего употреблялась в литургической практике. Под названием «Часовник» известен сокращенный вариант той же книги, который впоследствии именовался «Малый Часослов» (в отличие от первого — «Великого»). Кроме постоянно читаемых молитв в состав Часовника обычно входили так называемые изменяемые песнопения — всевозможные тропари, богородичны и т. п.

Часовник обычно широко использовался для учебных целей. Поэтому в книгу включались такие популярные и распространенные молитвы, как «Отче наш», «Слава отцу и сыну и святому духу» и т. д. Состав Часовника постоянством не отличался. Подбор определенных текстов для книги, как мы увидим в дальнейшем, представляет немалый интерес, ибо сообщает дополнительные черточки для характеристики Ивана Федорова.

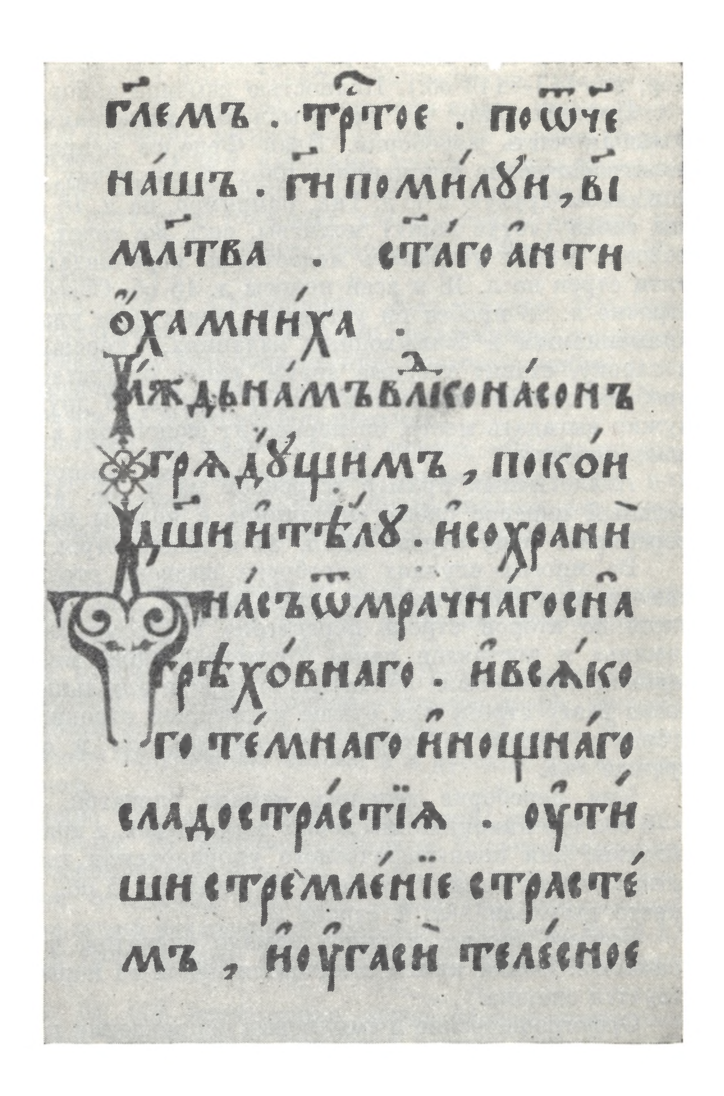
Учебный характер Часовника и его небольшой формат и были причиной исключительной редкости издания. Быстро зачитывались даже большие и объемные Учительные Псалтыри. Что же говорить о карманном издании! Поэтому книга сохранилась преимущественно в зарубежных книгохранилищах. Иностранцы тоже использовали Часовник как учебную книгу. На брюссельском экземпляре как в тексте книги, так и на переплетных листах видны многочисленные пометы и записи учебного характера, сделанные иностранцем.

Состав обоих изданий Часовника 1565 г. одинаков: семь разделов и послесловия, открывающиеся спусковыми полосами с заставками и вязью [124]. Разделы перечислены ниже:

лл. 1—18. Начало вечерни...
лл. 19—64. Начало третиаго часа...
лл. 65—99. Начало утрени...
лл. 100—126. Начало павечерницы...
лл. 127—149. Канон пресвятеи богородицы творение кир Феофана.
лл. 150—159. Тропари въскресны и богородичны...
лл. 160—169. Тропари, и богородичны, и кондаки...
лл. 170—172. Послесловие.

Нумерация листов дана по второму изданию. В первом издании в последних разделах нумерация сдвинута на лист.

Содержанием разделов служат избранные псалмы, всевозможные молитвословия и т. д. Так, в раздел «Начало вечерни...» входят псалмы 103, 140, 141, 129, 116, 122, в раздел «Начало третиаго часа...» — псалмы 16, 24, 50, 53, 54, 90, 83, 84, 102, 145, 33. Сюда же вошли молитва Василия Великого (лл. 50—52), «Исповедание православныя веры перваго собора» (лл. 58—59 об.) и «втораго собора» (лл. 59 об.— 61). В книге помещено еще несколько молитв Василия Великого (например, лл. 116 об.— 118), любимого автора нестяжателей. Однако наибольший интерес для нас представляет «Молитва Манасия царя Июдеиска» (лл. 145 об.— 148). Эту монотеистическую молитву, как известно, использовал Артемий как аргумент в защиту Башкина. Тот же текст даст Иван Федоров в львовском

гл҃емъ. тр҃тое. по о҃ч҃е
нашъ. г҃и помилꙋи, ві
м҃лтва. ст҃аго анти
оха мниха.
Даждь намъ влко на сонъ
грꙗдꙋщимъ, покои
дш҃и и тѣлꙋ. и сохрани
насъ ѿ мрачнагω сна
грѣховнагω. и всꙗко
го темнагω и нощнагω
сладострастїꙗ. оути
ши стремленїе страсте
мъ, и оугаси телесное

Часовник 1565 года.
Полоса с инициалом «Д»

Букваре 1574 г., а вольные цитаты из него войдут в послесловие к Апостолу 1574 г. Выводы из этого уже делались: все это говорит о своеобразном, впрочем, вполне умеренном еретичестве первопечатника.

Полиграфическая организация текста в Часовнике далеко не всегда продумана. Во всяком случае, она сделана менее умело, чем в Апостоле 1564 г.

Индексации на полях в книге нет, и поиски нужного материала затруднены. Лишь в одном случае — в первом издании — мы встречаем индекс на внешнем поле — на л. 94, где номер псалма («200») не поместился в строке. Это не более чем ошибка, которая во втором издании устранена. Во втором издании на л. 75 об. (в брюссельском экземпляре этот лист не сохранился) на поле вынесен не поместившийся в строке номер псалма «86».

Основные разделы выделены неплохо — при помощи заставок. Подразделы подчеркнуты киноварными заголовками и ломбардами. Однако, как и в безвыходных изданиях, заголовки нередко печатаются на одной полосе — в подборку с предыдущим текстом,— а сам подраздел начинается на другой полосе (ср. лл. 82 об., 84, 91 об. и др.). Это, конечно, минус. В Апостоле 1564 г. рубрикация дана более умело.

Текстуальные различия. Второе издание Часовника 1564 г. сильно отличается от первого. Достаточно сказать, что лишь в начале книги перебраны полосы 5—6 об., 18—18 об., 23—23 об., 24 об., 25, 28—29 об.,

30—30 об. и т. д. Иногда перебираются многие страницы подряд (например, лл. 143—149 об.). Полностью изменен набор в конце книги.

Показательно, что на смысловые изменения приходится лишь небольшая часть переборки. Иван Федоров исправляет главным образом полиграфические упущения — плохую выключку, переносы слова с одной полосы на другую и т. д. Так, например, на л. 18 были помещены первые два слова («отче наш») молитвы, весь же текст разместился на обороте полосы. Чтобы устранить недостаток, первопечатник затевает переборку пяти строк на л. 18 и всей полосы л. 18 об. Освободившийся в последней строчке л. 18 пробел он устраняет известным уже нам приемом, широко применяемым в безвыходных изданиях,— переносит надстрочные знаки в строку, ставит твердые знаки, ранее отсутствовавшие, и увеличивает пробелы между словами и вокруг знаков. В других случаях, когда ему нужно выгадать место, он переносит окончания в межстрочие или уменьшает пробелы.

Аналогичный пример встречаем на л. 32. Чтобы устранить нежелательный перенос слова «нечаянно» с полосы на полосу, Иван Федоров перебирает одну строку на л. 32 и шесть строк — на л. 32 об.

Во многих случаях переборка вызвана стремлением улучшить выключку, выровнять правую линию набора. Для этого, например, на первом листе во второй строке перенесено в строку «н» надстрочное в слове «аминь» и поставлен ранее отсутствовавший мягкий знак. На л. 3 об. седьмая строка была значительно короче остальных. Иван Федоров переносит в эту строку три буквы из восьмой строки, а в последней в слове «горахъ» вносит в строку надстрочное «х» и ставит отсутствовавший прежде «ъ».

При переборке делалось немало опечаток. Например, на полосах 5—6 об., где никаких смысловых вставок нет, а новый набор затеян исключительно для полиграфического упорядочения текста, сделаны две опечатки: «восия солнце» вместо «возсия» (л. 5 об., строка 1) и «карабли» вместо «корабли» (л. 6, строка 2).

Вообще говоря, в книге немало опечаток, что на Ивана Федорова непохоже. Облик книги отличается какой-то нервозностью. Во всем чувствуется спешка.

Орфографические и смысловые исправления в общей массе переборки имеют сравнительно небольшой удельный вес. Говорить в этом случае о планомерном редактировании текста нам представляется неправильным. Текстуальные различия изданий указаны А. С. Зерновой и Г. И. Колядой [125].

Среди смысловых исправлений наибольший интерес представляют те, цель которых — подчеркнуть принцип единодержавия. Исправления эти, отмечаемые Г. И. Колядой, сделаны на лл. 16, 67 об.— 68 об. Особенно характерно одно из них. В тексте молитвы о победе «на сопротивныя» ранее шла речь об абстрактных «царях» вообще (во множественном числе). Текст второго издания в этом случае конкретен: «благоверному царю нашему». В послесловии второго издания, как отмечает А. С. Зернова, Иван IV лишний раз назван «всея великия Росии самодержцем».

Направленность этих изменений очевидна.

Немалый удельный вес смысловых исправлений приходится на устранение опечаток первого издания. Таковы, например, «и стояше Мария у гроба» вместо курьезного «на гробе», «пост» вместо «несть», «нощь» вместо «день» и т. д.

Объясняя отличия второго издания от первого, Г. И. Коляда выдвинул своеобразную гипотезу. По его мнению, первое издание было напечатано по частному заказу известных промышленников Строгановых, которые потребовали воспроизвести без изменений данный ими оригинал. Появление имени Строгановых не случайно. Из документов известно, что в 1578 г. у них было 48 экземпляров Часовника [126]. Нельзя не отметить, что помянутые книги могли и не быть изданием 1565 г. Это мог быть, например,

Часовник Петра Мстиславца 1570-х гг. или не известное нам пока московское издание Андроника Невежи. Белорусские и украинские издания в те годы широко продавались на Руси, как было показано выше. Эти издания, поступавшие в свободную продажу, скорее могли попасть в руки Строгановых, чем распространяемые иными методами книги государственной типографии. Кстати говоря, в той же описи библиотеки Строгановых упоминаются 27 «Евангелеи печатных толковых воскресных в десть». Это может быть лишь заблудовское Учительное Евангелие 1569 г. Ивана Федорова и Петра Мстиславца.

Даже если допустить, что у Строгановых был именно Часовник 1565 г. и они были заказчиками этого издания, невозможно предположить, чтобы они настаивали на воспроизведении прямых ошибок и хотели получить полиграфически несовершенное издание. Гипотеза Г. И. Коляды, таким образом, не выдерживает критики.

Какой-либо иной гипотезы мы выдвинуть не можем, ибо все предположения, не подкрепленные документальными доказательствами или неопровержимой логикой, остаются зыбкими, построенными на песке. Пока в нашем распоряжении нет новых документов, приходится принимать факты как они есть.

Орнаментика. Художественное убранство обоих изданий Часовника 1565 г. одинаково. Здесь использованы восемь заставок, отпечатанных с семи форм, а также 46 ломбардов — с 16 форм.

Заставки Часовника можно разделить на две группы, значительно отличающиеся одна от другой. В первой группе — четыре доски, рисунок которых восходит к арабеске московской школы орнаменталистов. Вторая группа (три заставки) имеет зарубежные истоки и в русской рукописной книге ранее не встречалась.

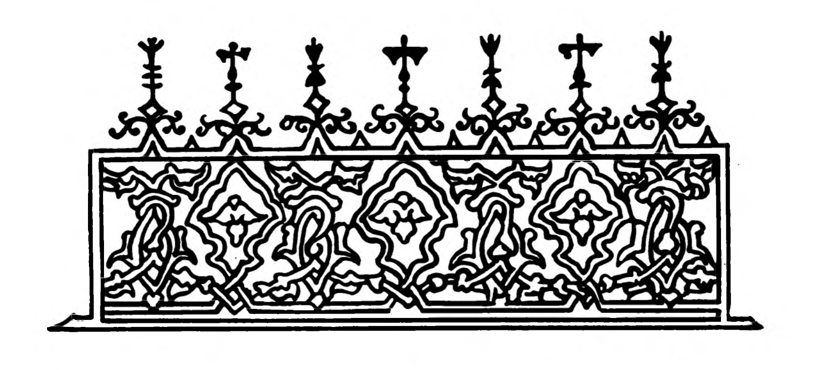
Первая заставка (Зерн. 81 — л. 1) повторяет мотив, знакомый нам по одной из заставок (Зерн. 9) широкошрифтного Четвероевангелия. Вообще вся эта группа орнаментики восходит именно к указанному безвыходному изданию. Три остальные заставки варьируют популярный в книгах школы Феодосия мотив раздвоенных лепестков. Заставка Зерн. 82 (лл. 19 и 170) близка к балканскому стилю — арабесковый узор здесь тесен.

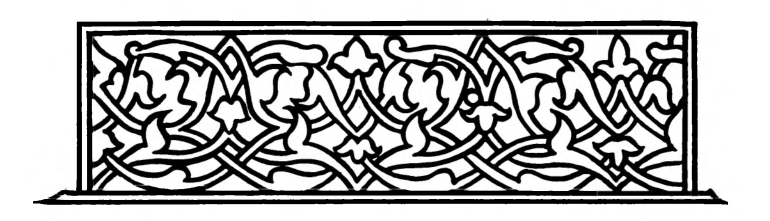
В заставке Зерн. 83 (л. 65) использован мотив переплетающегося геометрического узора, едва намеченного сплошной черной линией, которую удачно оживляют «листочки» и «колокольчики». Последние — не больше, чем вариация на ту же тему раздваивающихся лепестков. Мотив известен нам по заставке Зерн. 12 из широкошрифтного Четвероевангелия. Это тот же рисунок, но значительно упрощенный.

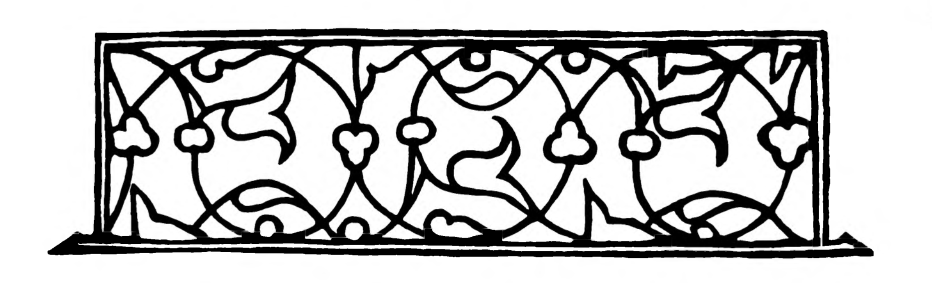
В следующей заставке (Зерн. 84 — л. 100) находим опять-таки знакомый мотив — цепочку с раздвоенными листьями. Рисунок, о котором говорилось подробно в связи с орнаментикой широкошрифтного Четвероевангелия, восходит к школе Феодосия Изографа. Впервые он был использован в Четвероевангелиях Гурия Тушина и 1507 г.

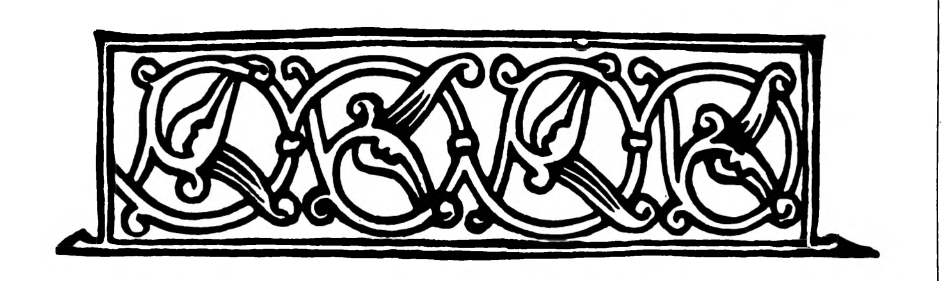
Своеобразная близость между орнаментальным убранством широкошрифтных безвыходных изданий и изданиями Ивана Федорова и Петра Мстиславца, на наш взгляд, не случайна. Она лишний раз свидетельствует о близости обеих типографий и мастеров, которые в них работали. Мы даже склонны вслед за А. А. Сидоровым приписать заставки Часовника и широкошрифтного Четвероевангелия одному граверу, не решаясь, впрочем, назвать его.

Истоки трех других заставок Часовника лежат в каллиграфических ухищрениях готики. Аналогичные примеры западного происхождения многочисленны и, что самое важное, международны. Параллели видим в инициалах нюрнбергского каллиграфа Иоганна Нойдорфера-старшего, итальянца Веспасиано Амфиарео, Урбана Виса из Базеля. Очень близкие аналогии к заставкам Часовника мы нашли в одном антверпенском издании 1535 г.[127]

Заставки из Часовника 1565 года (Зерн. 81, 82, 83, 84)

Почему привлекли Ивана Федорова перьевые узоры, казалось бы, очень далекие от русской традиции? Двух ответов тут быть не может. Узоры обнаруживают неожиданную близость к балканской «плетенке», господствовавшей в русской рукописной книге XV в. Отсюда и внимание первопечатника к мотиву. Отсюда и близкие примеры отечественного происхождения, приводимые А. А. Сидоровым[128].

Гравированных буквиц в Часовнике 1565 г. нет. Орнаментальное убранство издания дополняют многочисленные ломбарды. Мы насчитали 46 оттисков с 16 различных форм. Для некоторых букв сделано по две формы — с опускающимся вниз «хвостиком» и без него («В», «Г», «Н»). Некоторые буквы встречаются в книге всего по одному разу: «И», «Ж», «М», «Ц», «Н» — второй вариант, другие — по два, три, а то и более раз. Чаще всего встречается «Г» — 11 раз.

Графика ломбардов декоративна. Особенно нарядны «Д» и «М». Завитушки этих букв восходят к инициалам Буслаевской Псалтыри[129].

Нити связей и традиций от Часовника 1565 г., как мы видим, тянутся к самым различным источникам. То же приходилось утверждать и при знакомстве с Апостолом 1564 г. Все это свидетельствует о превосходной образованности Ивана Федорова, его умении направлять различные струи в единый поток, всегда следующий национальным в своей основе традициям.

Особенности полиграфической техники. Типографские приемы, примененные в Часовнике, те же, что и в Апостоле. Однако уровень полиграфического исполнения снижен. Особенно это заметно в первом издании. Выключка сплошь и рядом не соблюдается. Во втором издании выключка исправлена, но кое-какие огрехи остались и здесь.

В обоих изданиях очень плоха приводка. «Красный» набор нередко «налезает» на «черный». Прописные литеры и ломбарды не стоят в строке. Примеры плохой приводки многочисленны (см., например, л. 145 об. ленинградского экземпляра).

К особенностям набора и верстки отнесем пропущенное слово «градъ» на полосе 16 об. второго издания, вынесенное на нижнее поле. Отметим в заключение пропуск киноварного текста на л. 7 первого издания.

ПЕРВОПЕЧАТНИК ИВАН ФЕДОРОВ И ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ

Имя первопечатника Ивана Федорова хорошо известно как в нашей стране, так и за ее пределами. Человек этот безгранично симпатичен. Мы удивляемся его таланту, преклоняемся перед его мужеством. Исследования последних лет открыли новые, ранее не известные стороны деятельности первопечатника. Раньше его считали не больше, чем ремесленником, мастером; теперь мы видим в нем писателя, художника, просветителя, педагога, наконец — политического деятеля.

Безграничная преданность своему делу красной нитью проходит через весь его нелегкий жизненный путь. Преданность эта заставляет Ивана Федорова покинуть родину и отправиться в «страны незнаемы». Преданность продиктовала ему мужественный ответ на заманчивое предложение гетмана Ходкевича оставить беспокойное ремесло и спокойно доживать дни в дарованном гетманом поместье: «Не удобно ми бе ралом ни же семен сеянием время живота своего съкращати, но имам убо въместо рала художьство наручных дел съсуды въместо же житных семен духовная семена по вселеннеи разсевати».

Великий подвиг первопечатника давно оценен по заслугам — он станет очевиден из дальнейшего изложения. Пока же хотелось сделать одно замечание.

Основоположники марксизма-ленинизма достаточно полно раскрыли вопрос о роли личности в истории. Тем не менее и в советской историо-

графии, особенно же в посвященных Ивану Федорову популярных книгах, брошюрах и статьях, бытует неправильное мнение об определяющей и основополагающей роли его в основании первой московской типографии. Ничуть не пытаясь умалить значение деятельности первопечатника, мы хотим отметить, что преувеличения здесь излишни. «Критическая история технологии,— писал в свое время Карл Маркс,— вообще показала бы, как мало какое бы то ни было изобретение XVIII столетия принадлежит тому или иному отдельному лицу» [130]. Эти слова с полным основанием можно отнести и к детищу XV—XVI столетий — книгопечатанию, появление которого в каждой стране представляет собой сложный комплекс явлений политического, социально-экономического, культурно-исторического и технического плана. Тем более у нас нет оснований приписывать это великое событие какой-нибудь одной, пусть даже гениальной и героической личности.

В нашем исследовании, посвященном возникновению книгопечатания в Москве, мы старались не терять исторической перспективы и реально взвешивать все «за» и «против», когда разговор шел о той или иной исторической фигуре.

Иконография. Когда заходит речь об Иване Федорове, перед нами возникает образ человека с открытым русским лицом, высоким лбом мыслителя и перехваченными ремешком волосами. Таким представлен первопечатник на удачном памятнике С. М. Волнухина, воздвигнутом в Москве в 1909 г. Это, кстати говоря, далеко не единственная попытка воплотить образ Ивана Федорова в скульптуре. Первый проект памятника первопечатнику принадлежал А. Любимову и был опубликован в 1883 г. [131] Памятник предполагалось установить на кронштейне здания Московской Синодальной типографии. Проект осуществлен не был. К великому сожалению, не воплотились в бронзе и замыслы великого реалиста М. М. Антокольского. Его эскизный проект памятника первопечатнику не понравился заказчику — Археологическому обществу, ибо скульптор представил Ивана Федорова «в виде чернорабочего, стоящего у станка, с засученными рукавами и в костюме, не подобающем его диаконскому сану» [132].

Среди других скульптурных изображений первопечатника упомянем бюст работы неизвестного художника, в свое время принадлежавший В. Ф. Дёмакову и неоднократно воспроизводившийся на страницах книг и брошюр, посвященных началу книгопечатания на Руси [133].

Неоднократно обращались к образу Ивана Федорова живописцы и графики [134].

Все эти попытки создать портрет Ивана Федорова основаны на чистом вымысле. Как выглядел на самом деле первопечатник, мы не знаем.

В 1935 г. С. Ю. Бендасюк воспроизвел портрет Ивана Федорова, принадлежавший Ставропигийскому институту во Львове [135]. Ныне он находится в Львовском государственном Историческом музее (инв. № 1603/2506), в послевоенные годы этот портрет неоднократно репродуцировался чуть ли не как современное первопечатнику документальное изображение. Образ Ивана Федорова, представленный здесь, далек от традиции. Перед нами усталый старый человек с седой бородой и завитыми, ниспадающими на покатые толстые плечи волосами. Темно-зеленый кафтан, перехваченный красным кушаком, плотно облегает располневшую фигуру. Правой рукой Иван Федоров опирается на печатный станок совершенно фантастической конструкции, в левой держит только что отпечатанный лист (держит, как и на памятнике С. М. Волнухина, неправильно, ибо отпечатанные полосы располагались по горизонтали, а не по вертикали). Портрет писан маслом по меди, что и заставляло многих авторов, а также сотрудников львовского музея возводить его к XVI—XVII вв. Между тем отмеченные выше неправильности указывают на позднее происхождение и полное незнакомство художника с типографской техникой. Кроме того, на обороте доски имеется подпись с датой: «И. С. Томашевич. 1904».

Памятник Ивану Федорову в Москве. Скульптор С. М. Волнухин

Таким образом, приходится признать, что мы не имеем достоверного портрета Ивана Федорова.

Год и место рождения. Происхождение. Мы не знаем, где и когда родился мальчик, которому при крещении дали хорошее русское имя Иван. Какие-либо документальные свидетельства об этом событии не сохранились. Однако мнений — сколько угодно. И. Галактионов с ссылкой на «одно предание» утверждает, что первопечатник «родился около 1520 г. в Лихвинском уезде Калужской губернии». В. Е. Румянцев предлагал дату «1520—1523 гг.», П. И. Березов — «20-е гг. XVI в.», И. Бас — «около 1525 г.» [136]. Известен один документ 1582 г., в котором идет речь о побоях и ранах, нанесенных «друкарем» некоему Якову Суконнику с львовского Подзамчья [137]. Исходя из того соображения, что Иван Федоров, будучи 60 с лишним лет от роду, не мог бы вступить в драку, М. Н. Тихомиров предлагает перенести дату его рождения на 30-е гг. — около 1533 г. [138]

Все эти точки зрения достаточно субъективны, поэтому мы не считаем возможным присоединиться к какой-либо из них. Указать абсолютно достоверную дату невозможно. Остается принять что-либо расплывчатое и неопределенное: «20—30-е гг. XVI в.».

Лихвинский уезд Калужской губернии, как место рождения Ивана Федорова, совершенно апокрифичен. Об этом пойдет речь ниже. Пока же отметим, что за пределами Московской Руси Иван Федоров всюду называл себя «Москвитином», «печатником з Москвы».

Выводы о происхождении Ивана Федорова могут быть только косвенными. С полным убеждением можно сказать, что первопечатник не имел никакого отношения к высшим слоям господствующих классов, где в то время были обычными родовые прозвища и фамилии, а также отчества, оканчивающиеся на «ич». Последнее строго выдерживалось и было привилегией. В Юго-Западной Руси была совершенно иная практика. Попав туда, многие москвичи тотчас же обзаводились отчествами на «ич». Так поступили и первопечатники, которые уже в первой напечатанной за пределами Московской Руси книге — Учительном Евангелии 1569 г. — именуют себя «Иван Федорович Москвитин» и «Петр Тимофеевич Мстиславец».

«Федоров», таким образом, не фамилия и не родовое прозвище. Поэтому сведения о нашем первопечатнике в энциклопедиях и словарях правильнее было бы помещать не на букву «Ф», а под именем «Иван». Отчество «Федоров», не бывшее фамилией, не могло перейти к детям первопечатника. Сын его впоследствии именовался Иваном Ивановичем или Иваном Друкаревичем. Приписывать сыну Ивана Федорова отчество первопечатника неверно. Это приводит к таким нелепым утверждениям, как мнение И. Огиенко о том, что Иван Иванович напечатал в 1604 г. в Дермани Октоих, подписанный инициалами «ІФД».

Делались попытки установить происхождение Ивана Федорова, исходя из геральдической трактовки его типографского знака [139]. Знак впервые появился в Апостоле 1574 г., а затем был повторен (с графическими вариантами) на страницах Букваря 1574 г., Нового завета 1580 г. и Библии 1580—1581 гг. Впоследствии он был изображен и на надгробной плите первопечатника. Знак представляет собой гербовый щит, на котором изображена изогнутая ленточка («река»), увенчанная сверху стрелкой. По обе стороны ленточки — буквы, из которых составляется имя «ІΩАН» (в Апостоле и Букваре) или инициалы «ІѲ» (в Новом завете, Библии и на надгробной плите).

Еще П. Кеппен и Е. Бандтке указывали на сходство типографского знака Ивана Федорова с польскими дворянскими гербами «Сренява» и «Дружина». Однако в последующие годы в литературе преобладали всевозможные символические толкования. В. Е. Румянцев, верный своей итальянской теории, связывал знак первопечатника с типографской маркой Альда Мануция. И. Токмаков, а впоследствии Ф. Булгаков и А. И. Некрасов сочли изображенную на знаке стрелочку типографским угольником,

который «служит здесь эмблемой типографского искусства» [140]. М. Н. Куфаев посчитал «реку» символом известного крылатого выражения древнерусского книжника «книги суть реки напояющие вселенную», а помещенную над «рекой» стрелу — указанием на «функциональную роль» книг — распространение просвещения [141]. К этому курьезному мнению в последнее время вернулся Г. И. Коляда.

В. К. Лукомский в помянутой выше статье вернулся к указанию Е. Бандтке. Произведя подробные и тщательные геральдические изыскания, он сопоставил типографский знак Ивана Федорова с гербом дворянского рода Рагозиных. Отсюда следует предположение о происхождении Ивана Федорова «из русской ветви белорусского рода Рагоз». Предположение это компрометирует сам В. К. Лукомский, отмечая «непонятное отсутствие» упоминания Федоровым о своем родовом прозвании на всем протяжении его жизни, равно как и отсутствие в родовых росписях этих фамилий упоминания о «славном их сородиче».

Второе предположение Лукомского состоит в том, что Рагозины в бытность Ивана Федорова в Литовской Руси «приписали» первопечатника к своему гербу. Это мнение опровергается тем, что жизненный путь первопечатника, известный нам достаточно хорошо по многочисленным упоминаниям в актовой документации, ни разу не пересекался ни с одним из Рагозиных.

Мы считаем, что типографский знак «изобрел» сам Иван Федоров во Львове по примеру многочисленных краковских печатников, обязательно имевших собственные марки. С печатниками этими Федоров вступил в контакт тотчас же по приезде. Образцом ему могли послужить водяные знаки французской бумаги. Очень близкий по рисунку водяной знак мы нашли в рукописном Четвероевангелии (собрание Московской Синодальной типографии), в котором имеются оттиски гравированных заставок из безвыходных изданий [142].

Церковь Николы Гостунского. Первопечатник Иван Федоров в послесловиях к Апостолу 1564 г. и Часовнику 1565 г. назван дьяконом Николы чудотворца Гостунского. Церковь св. Николая, называвшаяся «Николае Лненой», существовала в Московском Кремле уже в XV столетии. Под 1479 г. она упоминается в Новгородской и Софийской летописях [143]. В 1491 г. дьяконы церкви Самуха и Мардарий были осуждены за причастность к новгородско-московской ереси [144]. Как видим, традиция вольнодумства имела среди причта церкви св. Николая достаточно глубокие корни.

К началу XVI в. деревянная церквушка обветшала. Ее снесли, и в июне 1506 г. великий князь Василий Иванович заложил на том же месте кирпичный собор. К началу октября того же года церковь была готова. 1-го (а по другим данным — 7-го) октября митрополит Симон торжественно освятил ее. На церемонии присутствовал Василий Иванович: «и постави князь велики в церкви икону святаго и великаго чюдотворца Николу Гостунского, украсив ю златом и камением драгим и бисером, от нея же много исцеления быша» [145].

Имя иконы — Никола Гостунский — дало название церкви. Впоследствии его связывали с селом Гостунь, Лихвинского уезда, Калужской губернии. Это дало основание некоторым досужим умам выводить самого Ивана Федорова из калужских краев, делать его калужанином. Дело доходило до анекдотов. Напомним хотя бы изданную в 1932 г. в Калуге «Памятку» ученика наборщика, посвященную «незабвенной памяти родного нам калужанина первопечатника Ивана Федорова, применившего впервые в России важное изобретение книгопечатания». Кирпичная церковь, воздвигнутая в 1506 г., простояла свыше трех столетий: она была снесена в 1816 г.

Чтобы попасть к Николе Гостунскому в годы, когда там дьяконствовал Иван Федоров, нужно было пройти в Московский Кремль через Фроловские ворота [146]. Сразу же за воротами начиналась мощенная бревнами

Освящение церкви Николы Гостунского в 1555 году. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века. ГИМ

улица, ведущая к соборной Ивановской площади. Церковь Николы Гостунского стояла с левой стороны улицы, там, где она вливалась в площадь. Напротив церкви находился двор родного брата Ивана Грозного — Юрия Васильевича. На дворе стояла церквушка, в строительстве которой принимал участие «мастер печатных книг» Маруша Нефедьев. На дворе Николы Гостунского находились дома князя Петра Михайловича Щенятева и бояр Морозовых. В августе 1560 г. это место было передано «царю Александру Сафа-Киреевичю Казанскому» [147].

Рядом с церковью Николы Гостунского, на той же стороне улицы, шумело подворье Кирилло-Белозерского монастыря с одноглавой церквушкой Афанасия и Кирилла, а несколько поодаль, ближе к Фроловским воротам,— Крутицкое подворье.

Церковь Николы Гостунского до наших дней не дожила. О ее внешности можно судить по немногим сохранившимся изображениям. Древней-

шее из них находим на страницах Лицевого летописного свода XVI в.[148] Миниатюра изображает освящение церкви в 1555 г. митрополитом Макарием в присутствии молодого царя и его брата Юрия. Царь изображен в короне и со скипетром в руке, Юрий — в шлеме. Церковь миниатюрист представил одноглавой, с большим входом, ограниченным сверху полукруглой аркой. В верхней части фасада четыре окошка — по одному с каждой стороны арки.

Мы далеки от мысли считать миниатюру Лицевого свода достоверным изображением церкви Николы Гостунского. Рисунок стилизован и упрощен.

Более достоверно изображение церкви на гравированном плане Кремля, датированном 1613 г. Считается, что оригинал плана восходит к так называемому «плану Годунова», составленному в 1597 г. Впоследствии этот план вошел в известный атлас И. Блеу[149].

Согласно изображению на плане, храм представлял собой одноглавую церковь, стены которой завершены полукруглыми закомарами. С северной стороны собора к церкви пристроен дополнительный алтарь — одноглавый придел. В южной части — крытая паперть. В восточной части — три полукруглые апсиды, причем центральная, как и во многих русских храмах, несколько выше и шире боковых.

О состоянии церкви Николы Гостунского в конце XVIII в. дает представление большая гравюра «Вид Спасских ворот и окружностей их в Москве», гравированная в 1795 г. П. Ламинтом по рисунку Г. Делабарта, а также одна из акварелей известной серии Ф. А. Алексеева.

Храм Николы Гостунского и его причт играли далеко не последнюю роль в церковных делах Московского государства середины XVI в. Это позволяло дьякону собора Ивану Федорову быть в курсе последних веяний в области внутренней и религиозной политики царя и митрополита.

Отметим определенную близость к церкви и ее причту митрополита Макария. Летопись сохранила известие, что еще в 1535 г., будучи архиепископом новгородским, Макарий дважды служил у Николы Гостунского[150].

В самом начале 50-х гг. XVI в. протопопом Николы Гостунского был Михаил, человек образованный и книжный. В 1551 г. он дал вкладом в Троице-Сергиев монастырь книгу «Творения Дионисия Ареопагита и Апокалипсис с толкованием Андрея Кесарийского»[151].

Михаила сменил Амос, человек влиятельный, близкий к митрополиту Макарию. При нем храм Николы Гостунского начинает играть большую роль в церковных делах.

О значении храма в те годы свидетельствует такой случай. В 1553 г., когда раскрылась ересь «Матюшки Семенова сына Башкина» и «явиси шатания в людех», был созван церковный собор, на котором ортодоксальные владыки «истязалися» с единомышленником Башкина Перфиром. Тогда-то решено было противопоставить «прелестным» речам еретиков самое наиподлиннейшее чудо. Для совершения его выбрали церковь Николы Гостунского. В храм привели туляка, сына боярского Григория Сухотина, «расслаблена руками и ногами». И чудо совершилось. «Никола Гостуньский чюдотворец,— как сообщает летопись,— в храме своем у своего образа простил сына боярского... на молебне в един час здрав стал, яко же ничем вредим»[152]. Протопоп Амос тут же повел исцеленного на собор и «богохульных еретиков зле посрамиша».

Другие примеры также подтверждают значение церкви Николы Гостунского в те годы, когда там дьяконствовал первопечатник.

В феврале 1553 г. протопоп Амос священнодействовал при крещении казанского царя Едигера Магмета, получившего имя Симеона. Воспринимал Едигера из купели, прорубленной в москворецком льду, сам митрополит Макарий. На церемонии присутствовали царь, его братья Юрий Васильевич и Владимир Андреевич Старицкий «и весь собор, архимариты, и игумены, и протопопы, и множество бояр»[153]. Об этом крещении еще пойдет речь ниже.

Церковь Николы Гостунского в конце XVIII века. По гравюре П. Ламинта

В феврале 1555 г. Амос участвовал в церемонии поставления игумена Селижарова монастыря Гурея архиепископом «царству Казанскому и Свияскому городу» [154]. Вспомним, что именно с необходимостью распространения православия в Казанской земле послесловие Апостола 1564 г. связывает начало московского книгопечатания.

Наконец, в том же 1555 г. церковь Николы Гостунского была заново расписана — «подписаша ю и украсиша ю всякими потребами» [155]. В октябре 1555 г. состоялось освящение церкви митрополитом Макарием, причем на церемонии присутствовали царь и бояре.

Первенство Николы Гостунского среди других кремлевских храмов не было продолжительным. Очень скоро Амос уступил главенствующую роль благовещенскому протопопу Андрею.

Так или иначе, но этот короткий период, кульминация которого падает на 1553—1555 гг., оказался достаточным, чтобы познакомить митрополита Макария, а возможно, и царя Ивана с энергичным, незаурядным человеком, занимавшим скромную должность дьякона Николы Гостунского.

Впоследствии Амос впал в немилость, по-видимому, повлекшую за собой репрессии по отношению ко всему причту Николы Гостунского.

Годы учения. Каких-либо документальных материалов о жизни и деятельности Ивана Федорова в Москве у нас нет. Единственным памятником ему остались напечатанные им книги. Отсутствие точного знания сплошь и рядом восполняется гипотезами. Недостатка в предположениях нет. По мнению одних авторов, дьякон Иван Федоров «приблизительно в тридцатилетнем возрасте» овдовел. «По закону он должен был постричься в монахи... Но Федоров не желал стать монахом-затворником. Оставалось заняться мирской, светской работой» [156]. Таким образом, основной побудительной причиной к возникновению книгопечатания на Руси объявляется раннее вдовство Ивана Федорова.

Когда такими утверждениями пестрит популярная литература, это еще можно понять. К сожалению, голословные утверждения встречаются и в работах Г. И. Коляды, который, например, категорически утверждает: «Стремление к ученым занятиям продиктовало (Ивану Федорову) решение принять сан диакона. Как «Николы чюдотворца Гостунского диякон» он в соответствии с постановлением Стоглава, несомненно, был «избран» учителем. Начавшаяся подготовка к устройству типографии раскрывала перед ним гораздо большие просторы для деятельности просветителя. И его потянуло туда. Сначала Иван Федоров был справщиком...» [157] и т. д. и т. п.

Исследователь должен чувствовать ответственность перед современниками, а еще больше — перед грядущими поколениями. Неосторожно брошенное слово, документально не подкрепленное предположение, будучи преданы печати, приобретают значение документа. На него начинают ссылаться, его цитируют. Так создается традиция, ошибка возводится в норму, становится фактом истории.

Где учился Иван Федоров типографскому ремеслу? Ответов на этот вопрос предлагалось немало. В учителях ходили Ганс Мейссенгейм Богбиндер, Максим Грек, неизвестные итальянцы... В. В. Стасов даже отправлял Ивана Федорова и Петра Мстиславца в Германию учиться книгопечатанию. Все эти, с позволения сказать, гипотезы не имеют решительно никаких оснований.

Документальных материалов и по этому вопросу нет. Здесь, однако, ничто не помешает нам высказать категорическое убеждение — Иван Федоров работал и учился своему мастерству в типографии, из которой вышли безвыходные издания.

В свое время был подробно рассмотрен вопрос об иностранных учителях наших первопечатников. Мы выяснили, что таких учителей не существовало. Московские типографы самостоятельно осваивали основы полиграфической техники. Издания их постепенно улучшаются, техника совершенствуется. Они ищут — и это хорошо видно по делам рук их.

Был ли среди этих первых мастеров Иван Федоров? А. С. Зернова отвечает категорическим нет. По ее мнению, «анализ анонимных изданий со стороны шрифтов и орнамента в целом, манеры печатания, манеры нумерации тетрадей указывает на других мастеров»[158]. Как мы знаем, безвыходные издания не составляют единой группы по всем этим признакам. Как шрифты и орнаментика, так и «манера» печатания и нумерации тетрадей в первопечатных книгах различны. Если быть последовательным, точку зрения А. С. Зерновой следовало бы довести до крайности и утверждать, что безвыходные издания вышли по крайней мере из трех различных типографий. Выше было показано, почему такое предположение неправильно.

Веские доказательства в пользу того, что Иван Федоров работал в первой московской типографии, дает анализ полиграфической техники. Наши первопечатники изобрели ряд типографских приемов, подобных которым история книгопечатания не знала. Иван Федоров заимствует некоторые из этих приемов. Он широко применяет метод набора с «перекрещиванием» строк. Освоить его он мог только в первой московской типографии. Отсюда же заимствован метод орнаментального слепого тиснения.

Техника набора и верстки (прием «перекрещивания» строк) Апостола 1564 г. и Часовника 1565 г. полностью совпадает с техникой шести (из семи) безвыходных изданий. Техника двухкрасочной печати та же, что и в широкошрифтных изданиях.

Еще раз подчеркнем, что изучить все эти методы и приемы где-нибудь в другом месте Иван Федоров не мог — ни в одной типографии мира, например, набор с «перекрещиванием» строк никогда ранее не применялся. Вывод может быть лишь один — Иван Федоров принимал участие в выпуске безвыходных изданий. Именно в первой московской типографии вместе с другими мастерами ее он осваивал полиграфическую технику, шел от незнания к знанию, от неумения к мастерству.

Вывод этот логически вытекает из предпринятого ранее изучения первопечатной техники. Мы могли бы пойти дальше и высказать предположение, что Иван Федоров был из тех воспитанников Сильвестра, которых благовещенский поп «на свободу попущах», «зде на Москве вскормих и вспоих, до совершена возраста, изучих, хто чево достоин, многих грамоте, и писати и пети, иных иконного писма, инех книжного рукоделия»[159]. Но это предположение увело бы нас на стезю бездоказательных гипотез, против которых мы только что возражали.

Основание государственной типографии. К началу 60-х гг. XVI в. первая московская типография в связи с опалой Сильвестра ослабила, а возможно, прекратила свою деятельность. Мастерские благовещенского попа, впрочем, продолжали существовать — во главе их стоял сын Сильвестра Анфим. Иван Васильевич Грозный без энтузиазма относился к наследию «Избранной рады». Однако традиции правительства компромисса еще действовали. Кризис 70-х гг. был впереди. Пока же успех сопутствовал молодому царю как на внешнеполитической арене, так и в области внутренней политики.

Вопрос об организации государственной типографии, по-видимому, решался в 1560—1561 гг. В эти годы были осуществлены многие мероприятия, задуманные, бесспорно, еще Сильвестром, Адашевым и их окружением. Усиленно продолжается церковное строительство, начатое «Избранной радой». Предпринимается серьезная перепланировка Кремля. Летопись сообщает, что в августе 1560 г. царь приказал «делати двор особной» для своих детей царевичей Ивана и Феодора. На дворе поставили большой храм Стретения Господня. Отдельный двор был сооружен и для брата царя, князя Юрия Васильевича. Чтобы очистить для него место, Иван IV «Михайловский двор Юриевича Захарина и иные дворы велел снести и место очистити по ограду по монастырскую Михайлова

Чюда и по заулок, что к задним воротам того ж монастыря». На княжеском дворе поставили церковь Введение Пречистые [160].

Соорудили дом и для «царя Александра Сафакиреевича Казанского» на дворе «у Николы чюдотворца Гостунского».

Все эти события летопись относит к августу 1560 г. Нет никакого сомнения, что это — хронологическая перестановка, сделанная впоследствии со вполне определенной целью. Названия помянутых церквей известны нам. О них говорится в той, столь ценной для нас грамоте, которая сохранила имя мастера печатных книг Маруши Нефедьева. Маруша был послан в Новгород за камнем как раз для этих церквей — «к Пречистой и Стретеню» [161]. Было это еще в феврале 1556 г.

Строительство церквей не могло начаться в августе 1560 г., ибо несколько месяцев спустя они уже были освящены — храм Введение Пречистые 21 ноября 1560 г. [162], а церковь Стретения Господня 2 февраля 1561 г. [163].

Продолжалось строительство и других церквей, начатое в 50-е гг. Среди них колоссальный храм Покрова «что по конец Фроловского мосту» — замечательный памятник Казанской победы, сооруженный зодчими Бармой и Постником Яковлевым. Храм был закончен к лету 1561 г. Тогда же были освящены церкви «во имя Усекновение Иоанна Предтечи в Новом городе на пяти улицах», «церковь каменна на Владычне дворе Резанского по конец Грибневские улицы», «церковь каменна Никола Чюдотворца... в Смоленской улице в Новом городе» [164]. И опять тот же круг — родной Сильвестру Новгород и епископский двор в Рязани, где когда-то сидел близкий благовещенскому попу Кассиан.

Как видим, слова послесловия Апостола 1564 г.— «многи святыя церкви воздвизаеми бываху во царствующем граде Москве и по окрестным местом и по всем градом царства его» — не являются пустой фразой. Они отражают реально происходившие события. Документ 1556 г. связывает церковное строительство с книгопечатанием и с традициями, идущими от Сильвестра. Для новых церквей понадобилось много богослужебных книг.

В этих именно условиях, в свете опалы, положенной на Сильвестра, Иван IV решает взять изготовление богослужебных книг в свои руки. Решение отвечало политике централизации, усиленно проводимой во всех областях политической, экономической и культурной жизни Московской Руси. Оно, несомненно, было поддержано митрополитом Макарием.

Во главе государственной типографии поставили Ивана Федорова, по-видимому, наиболее способного мастера первой московской типографии, знакомого Макарию по его службе у Николы Гостунского. С уходом Ивана Федорова из мастерской, теперь уже руководимой Анфимом Сильвестровым, мы связываем определенное падение уровня полиграфического исполнения безвыходных изданий, выразившееся, в частности, в эклектичности художественного убранства широкошрифтных Четвероевангелия и Псалтыри, в серьезных недостатках набора и верстки.

Мы упомянули, что Иван Грозный решал вопрос об основании первой государственной типографии в 1560—1561 гг. Вопрос, по-видимому, не мог обсуждаться ранее — при Сильвестре, когда существовала и усиленно работала первая московская типография. С другой стороны, если бы этот вопрос был решен до 1560 г., первая московская точно датированная печатная книга вышла бы не в 1564 г., а года на два-три раньше.

Не мог решаться вопрос и позднее. Большую часть 1562—1563 гг. Иван IV находился вне Москвы. 21 мая 1562 г. он выступил с войском из столицы, лето провел в Можайске, а раннюю осень — в Боровском Пафнутиевом монастыре. В сентябре царь возвратился в Москву и пробыл здесь два месяца. В конце ноября он снова выступил в поход, пошел в Можайск, отсюда в Торопец, затем к Великим Лукам. Всю зиму готовился штурм Полоцка, успешно взятого московскими войсками весной 1563 г. 21 марта царь с победой вернулся в Москву. А месяц спустя,

19 апреля 1563 г., Иван Федоров и Петр Мстиславец начали печатать Апостол.

Разумеется, за какой-нибудь месяц изготовить шрифты, сделать оборудование и подготовить набор хотя бы первых страниц первопечатники не могли. Следовательно, вопрос об основании первой государственной типографии был в основном решен до ухода царя в поход, то есть до мая 1562 г. Именно тогда Иван IV «повеле устроити дом от своея царския казны, идеже печатному делу строитися». Год ушел на подготовительные работы. С началом печатания, естественно, ждали царя. Возвратившись в Москву, царь ознакомился с состоянием дела и, очевидно, остался доволен. К 1563 г., по-видимому, и следует отнести дату «в 30-е лето государства его» из послесловия Апостола, причем связать ее со словами «нещадно даяше от своих царских сокровищ делателем».

Поддержанные и обласканные царем, первопечатники успешно свершили свой нелегкий труд и к 1 марта 1564 г. выпустили в свет первую точно датированную московскую печатную книгу.

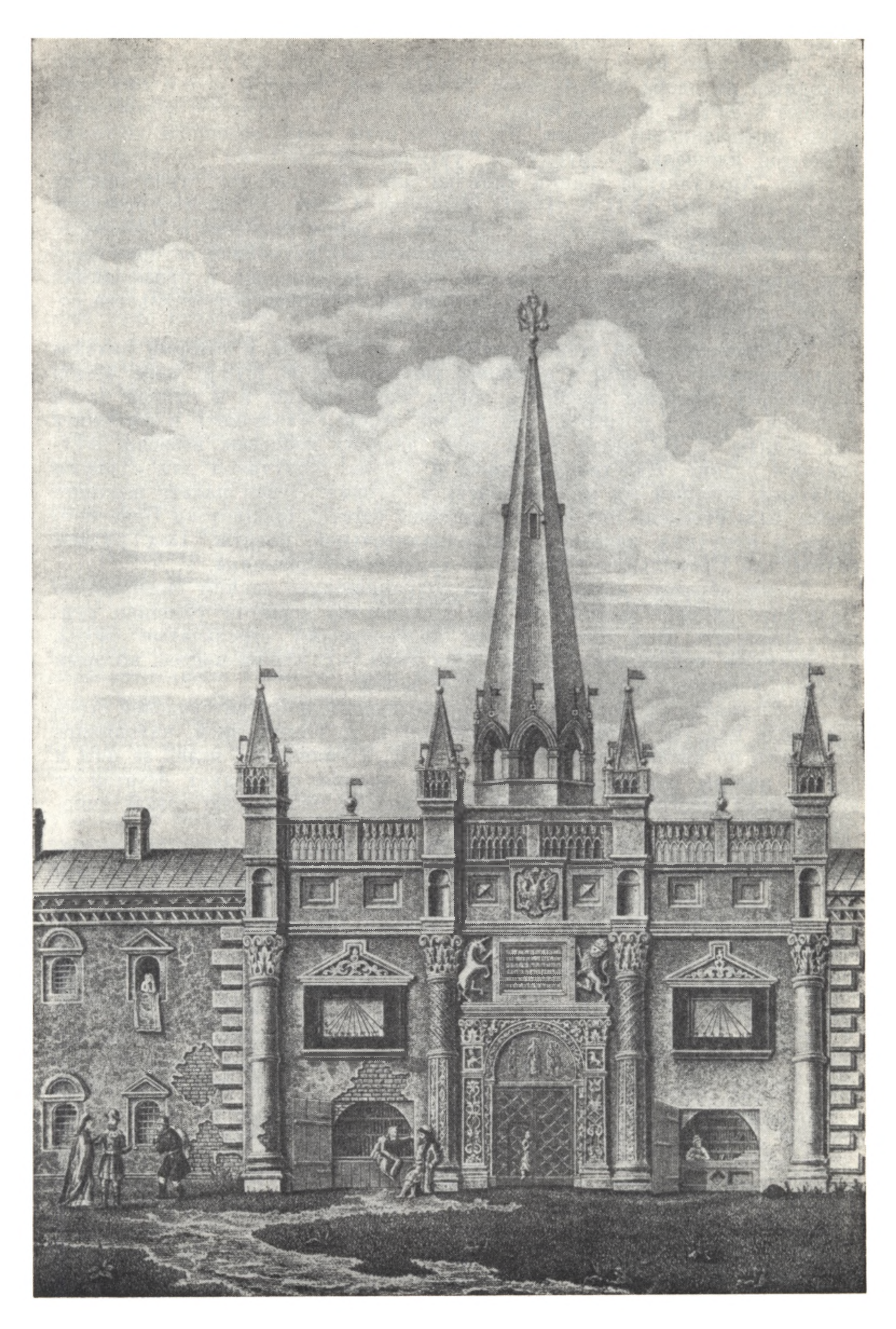
Печатный двор. В послесловии к Апостолу 1564 г. первая московская государственная типография названа описательно — «дом... идеже печатному делу строитися». В послесловии к Часовнику 1565 г. термин другой — «штанба, сиречь печатных книг дело». В Апостоле 1574 г. Иван Федоров называет московскую типографию новым термином — «друкарня».

Ни в одном из трех случаев не применено то название, которое в дальнейшем бытовало очень широко, а именно Печатный двор. Вот почему Б. П. Орлов поставил вопрос о времени появления этого наименования [165]. В небольшом исследовании своем он утверждает, что о Печатном дворе стали говорить лишь в начале 20-х гг. XVII в., подразумевая предприятие мануфактурного типа. Мы не можем с этим согласиться. О типографской казенной мануфактуре можно говорить лишь с конца третьего десятилетия XVII в.: последний из мастеров, объединявших в одном лице разнообразные стороны книгоиздательского и типографского процесса,— Кондрат Иванов — умер в 1628 г. С того времени мастеров в прежнем смысле этого слова в московской государственной типографии не было. Широкое разделение труда, характерное для мануфактуры, проникло в капилляры производства, не оставив места для мастеров-универсалов. Термин же «Печатный двор» применялся значительно раньше — еще в ту пору, когда в московской типографии господствовала ремесленная организация труда.

Первое известное нам отечественное упоминание о Печатном дворе относится к 1588 г. Прославленный впоследствии Анисим Михайлов Радишевский в челобитной жалуется царю, что «двора де у него нет — живет на Печатном дворе» [166]. Есть и другие, более поздние упоминания XVI в. Между тем в послесловиях к печатным книгам и в первой половине XVII в. речь все еще идет о «штанбе» или «друкарне» [167].

Таким образом, отсутствие термина «Печатный двор» в послесловиях Ивана Федорова ничего не доказывает. Наименование могло возникнуть достаточно рано — еще при первопечатнике — по аналогии, например, с Пушечным или Монетным дворами, на которых в ту пору, кстати, господствовала ремесленная организация труда.

Где помещался тот дом, который царь «повеле устроити... от своея царския казны», дабы «печатному делу строитися»? Обычно указывают на здание бывшей Синодальной типографии на улице им. 25 Октября (бывш. Никольская), где в последние годы находится Историко-архивный институт. Двухэтажное здание со сводчатыми готическими окнами и венчающими центральную часть четырьмя небольшими башенками, основаниями которых служат белокаменные резные колонны, было сооружено в 1814 г. по проекту архитектора Мироновского [168]. Ранее здесь стояли палаты Московского Печатного двора, возведенные в 1642 г. повелением царя Михаила Федоровича. Здание венчала высокая башня, разоб-

Московский Печатный двор в середине XVII века. Реконструкция В. Е. Румянцева. Литография

ранная в 1774 г. «за ветхостью и по причине тяжести»[169]. Сами палаты, впрочем, ненадолго пережили башню. Они были разобраны в 1810 г.

Древнейшие из сохранившихся зданий Московского Печатного двора находятся во дворе Синодальной типографии. Фасадом своим они примыкают к Китайгородской стене. Это двухэтажные палаты с двумя хоромами, разделенными сенями. На второй этаж ведет каменная лестница с крытой площадкой — рундуком, увенчанным высоким многогранным шатром. Архитектура здания типична для гражданского строительства второй половины XVII в. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить архитектуру здания, например, с известным домом Коробова в Ярославле.

В. Е. Румянцев, немало потрудившийся над изучением истории древних зданий Московского Печатного двора, опубликовал в примечаниях к своей статье документы, позволяющие восстановить обстоятельства сооружения интересующего нас сейчас здания.

У Китайгородской стены издавна стояли палаты, в которых находились различные службы и кладовые типографии. В 1679 г. царь Федор Алексеевич приказал разобрать левую часть здания, а в правой части «нижнее житье с погребом, что делано особь»,— «оставить и вычинить под рудню»[170]. На месте левой части древних кладовых возвели двухэтажное здание. Надстроили также и рудню. Получился дом с двумя палатами, который мы можем видеть и сегодня. Левая палата верхнего этажа была отведена под книгохранилище богатой библиотеки Печатного двора и получила название Книгохранительной палаты. Над рудней разместили Правильную палату, где трудились справщики.

Таким образом, древнейшие из сохранившихся зданий Московского Печатного двора — помещения под Правильной палатой (бывшая рудня). Древность этой части здания подтверждают стрельчатые своды, скрепленные железными связями. Еще ниже — глубокий погреб, который когда-то возвышался над поверхностью земли.

Исследования показывают, что примыкавшие к Китайгородской стене каменные палаты, частично сохранившиеся до наших дней, находились здесь уже по крайней мере в 1620 г. В. Е. Румянцев, а вслед за ним и другие авторы считают, что «эта часть здания составляет остаток от древнейших построек... вероятно, современных основанию самой типографии»[171].

Чтобы принять эту гипотезу, необходимо прежде всего доказать, что Печатный двор и во времена Ивана Федорова находился там же, где и в 1620 г. У нас есть свидетельства, позволяющие сделать это.

Небезызвестный немец-опричник Генрих Штаден в своих записках, относящихся к 1565—1570 гг., поминает Земский двор и отмечает — «за ним друкарня, или печатный двор»[172]. Местонахождение Земского двора известно,— отсюда можно утверждать, что в 1565—1570 гг. Печатный двор стоял на том самом месте, где он находился в XVII столетии.

Более определенное указание находим в датированной 16 января 1599 г. «памяти» Савину Воейкову, который должен был разместить по «подворьям» семейство пленного хана Кучюма: «Кузме Олфимову ехати с царицами назад во Фроловские ворота, да площадью на Никольской крестец и поставить их на Посолском дворе, возле Печатного двора»[173]. Сохранилась также «Роспись подворьям, отведенным для пребывания в Москве Кучюмова семейства», в которой «Сибирского Кучюма царя сыну Асманаку царевичу» указано «стояти на Белобородове дворе»[174]. Более поздние описи Китай-города (например, опись 1629 г.[175]) позволяют уточнить эти не вполне ясные для современного читателя указания. В XVII в. Печатный двор действительно находился между Никольским монастырем («Никольский крестец») и двором «немчина Белоборода» — английского купца Джона Вейла.

Свидетельство Генриха Штадена, видевшего Печатный двор в те годы, когда там работал Иван Федоров, а также «память» Савину Воейкову, составленная лет тридцать спустя, после того как первопечатник

покинул Москву, убедительно доказывают, что первая русская типография находилась в Китай-городе на Никольской улице с левой стороны, если идти от Никольских ворот Кремля. Напротив Печатного двора стояла церковь жен Мироносиц, снесенная в XIX столетии. Это была приходская церковь первой московской типографии, почему ее и называли нередко церковью, «что у Печатного двора». Документы XVII столетия рассказывают, что перед началом печатания каждой книги священники церкви совершали на Печатном дворе молебен. По-видимому, так было и при Иване Федорове. Да и сам первопечатник, вероятно, не раз посещал «церковь каменную святых жен Мироносиц, что на Никольском Крестце, у Печатного двора»,— так называет этот храм «Книга строильная 7165 (1657) года» [176].

Все вышесказанное подтверждает и «Сказание известно о воображении книг печатного дела». Оно рассказывает, что царь Михаил Федорович восстановил разоренный в годы польско-шведской интервенции Печатный двор «на древнем сем месте, иже и ныне зрится» [177].

Уход из Москвы. 29 октября 1565 г. Иван Федоров и Петр Мстиславец выпустили в свет свою вторую датированную книгу — Часовник (второе издание). Следующий раз мы встречаем их имена в книге, вышедшей уже за пределами Московской Руси — в Заблудове, имении гетмана Великого княжества Литовского Григория Александровича Ходкевича. Книга — Учительное Евангелие — была начата 8 июля 1568 г. и закончена 17 марта 1569 г.

В период с 29 октября 1565 г. по 8 июля 1568 г. первопечатники покинули Москву.

О причинах ухода Иван Федоров впоследствии рассказывал в послесловии к Апостолу 1574 г. В Москве нашлись люди, которые захотели «благое во зло превратити и божие дело вконец погубити». Люди эти на первопечатников «зависти ради многия ереси умышляли». Иван Федоров говорит о своих врагах в исключительно темной редакции, не называя никого конкретно. Мы узнаем лишь, что преследования исходили «не от самого того государя, но от многих начальник, и священноначальник, и учитель».

Преследования и побудили первопечатников покинуть родину: «...сия убо нас от земля и отчества и от рода нашего изгна и в ины страны незнаемы пресели». Далее рассказывается, что типографов «любезно» принял «Жикгимонт Август кроль полбский и великий князь литовский... с всеми паны рады своея».

Одну из первых попыток как-то объяснить причины ухода первопечатников из Москвы предпринял В. С. Сопиков. Он исходит главным образом из того предположения, что печатные книги в Московской Руси XVI в. считались «диавольским наваждением», «отправлять по ним божественную службу казалось тогда делом богопротивным» [178]. К этой основной посылке Сопиков присовокупляет еще три мотива: «1) богатые и знатные люди, а равно и духовенство не могли не предвидеть, что от распространения оного (т. е. книгопечатания.— *Е. Н.*) все рукописные редкие и многоценные книги, составлявшие тогдашние библиотеки, скоро должны потерять важность и высокую цену; 2) ремесло многочисленных писцов угрожалось совершенным уничтожением, а с тем вместе сии писцы должны были лишиться и своего пропитания; 3) наконец, сие книгопечатание изобретено иноверными еретиками, к тому же главным смотрителем, а может быть, и учредителем московской типографии был иностранец, по прозванию Ганс. Сих причин было довольно, чтобы книгопечатание, яко зловредное, остановить и печатников, как еретиков, из России выгнать».

В основу последующей традиции был положен главным образом второй из перечисленных Сопиковым мотивов — врагами первопечатников были объявлены переписчики. Обзор литературы вопроса был в недавнее время предпринят Б. В. Сапуновым и Г. И. Колядой [179], что позволяет

нам здесь обойтись без достаточно обширного перечня фамилий и мнений. Отметим лишь, что с помянутым мнением связали версию англичанина Дж. Флетчера о поджоге московской типографии.

Мнение господствовало в течение многих десятилетий, пока советские исследователи П. Н. Берков и А. С. Зернова [180] не показали его неосновательность. Решающее значение имели наблюдения А. С. Зерновой, установившей, что московские типографские материалы Ивана Федорова впоследствии широко употреблялись им самим, а после его смерти и другими печатниками за пределами Московской Руси. Отсюда следовал закономерный вывод, что, уходя в «страны незнаемы», первопечатники имели время собрать и увезти с собой шрифты, матрицы и гравированную орнаментику. Вывод в настоящее время общепринят. Однако уход первопечатников из Москвы исследователи по-прежнему объясняют самыми различными причинами.

М. Н. Тихомиров и Т. Н. Протасьева считают, что переезд в Литву был совершен с согласия царя, а может быть, и по его прямому поручению. Целью была поддержка православия в предчувствии будущей Люблинской унии. М. Н. Тихомиров привлекает свидетельство анонимной полемической брошюры середины XVIII в., утверждавшей, что Г. А. Ходкевич «просил... Ивана Васильевича, чтобы тот послал ему в Польшу друкарню и друкаря, и по его просьбе вышепоименованный царь московский учинил и прислал к нему целую друкарню и типографа, именем Иоанна Федоровича; из той друкарни вышла книга на русском, называвшаяся Апостол, где издано очень обширное предисловие в похвалу тому Григорию Александровичу Ходкевичу» [181].

С другой стороны, М. Н. Тихомиров предполагает, что у Ивана Федорова могли быть свои причины уйти из Москвы, а именно его вдовство и необходимость вследствие этого принять постриг.

Мы не можем признать справедливость этих предположений. Начать с того, что сам Иван Федоров в послесловии к Апостолу 1574 г. говорит не о добровольном отъезде, а об изгнании. Если бы речь шла о временной миссии, то, исполнив ее, первопечатник вернулся бы на родину. Как мы знаем, этого не произошло. Из Заблудова Иван Федоров перебрался во Львов.

Что же касается анонимной брошюры XVIII в., то нельзя признать авторитетным свидетельство, отстоящее от описываемого события на 200 лет. Не можем мы предположить и каких-либо «деловых» взаимоотношений между московским царем и Г. Ходкевичем, принимая во внимание хотя бы резкие и оскорбительные письма Ивана IV, написанные им от имени бояр к «Гришке Хоткееву» в 1567 г. [182]

Одной из причин, заставивших Ивана Федорова покинуть отчизну, М. Н. Тихомиров считает его семейные дела. Первопечатник, будучи дьяконом Николы Гостунского, несомненно, был женат, ибо безбрачие белого духовенства не допускалось. Впоследствии в Литовской Руси и на Львовщине Иван Федоров никогда не называл себя дьяконом. В документах, относящихся к этому времени, упоминается сын первопечатника Иван Иванович и, глухо, другие его дети. О жене первопечатника документы молчат. Между тем в силу своеобразных имущественных отношений, существовавших во Львове в те годы, супруга печатника неизбежно должна была принимать участие во всевозможных сделках. Так поступала, например, жена Ивана Ивановича — Татьяна Анципорковна.

Можно с большой вероятностью предположить, что Иван Федоров овдовел еще в Москве, до переезда в Литовскую Русь. Вступить в брак во второй раз он не мог в силу своеобразного толкования православной церковью слов апостола Павла: «Подобает убо епископу быти мужу единыя жены». После смерти жены священнослужителю оставалась как будто бы одна дорога — в монастырь. Старые русские поговорки говорят: «Попадья умрет — поп в игумны», или же: «Одна у попа попадья, да и та последняя». Вдовство Ивана Федорова, по мнению М. Н. Тихомирова,

«могло быть одной из причин, по которой оставление его во главе печатного дела в Москве было неудобным» [183]. Нам этот довод кажется неубедительным. Почему бы Ивану Федорову не принять постриг и не остаться «во главе печатного дела». Ведь до того времени книжное дело на Руси держалось подвижниками-монахами. «Неудобства» пострига для Ивана Федорова рисуют перед нами традиционно монументальную фигуру первопечатника в этаком легкомысленном свете. Впрочем, если верить современникам, монашество в этом отношении не представляло для «любителей» сколько-нибудь серьезных препятствий.

Кроме того, как справедливо отметил Г. И. Коляда, согласно указаниям Стоглавого собора, вдовые священнослужители могли и не постригаться в монахи — правило это, по-видимому, более позднего происхождения. Вдовым попам и дьяконам нередко разрешалось нести церковную службу, а чаще всего «жити с мирскими людьми». Именно в этом случае поп шел, например, в книгописцы, а позднее — в типографию. В начале XVII в. одним из мастеров Московского Печатного двора был вдовый поп Никон Дмитриев [184].

Не следует ли отсюда, что Иван Федоров овдовел еще в 50-х гг. и по этой-то причине и оставил службу у Николы Гостунского? Так или иначе, но к переезду в Литву эта причина никакого отношения не имеет.

Большинство советских исследователей считает уход первопечатников из Москвы вынужденным и ищет причины ухода в социально-политической обстановке того времени. Б. В. Сапунов недавно убедительно доказал, что переписчики книг не могли быть врагами типографии, ибо для такой вражды не было решительно никаких экономических оснований. Рукописные книги преобладали на книжном рынке еще в XVII в. Кроме того, они на первых порах были значительно дешевле печатных. Однако на место переписчиков Б. В. Сапунов ставит «прослойку духовенства, занимавшуюся учительством» [185]. По его мнению, «распространение государством печатной книги угрожало вырвать эту монополию (на обучение.— *Е. Н.*) у церкви и передать ее в руки государства». Нам этот довод не понятен! Практика показывает, что начальное обучение оставалось в массе своей в руках духовенства вплоть до Октябрьской революции. Да и изготовление печатных богослужебных книг, по сути дела, находилось в тех же руках.

Г. И. Коляда основной причиной ухода считает обвинение печатников в ереси. С этим нельзя не согласиться, тем более что об этом обвинении говорит сам Иван Федоров в послесловии к Апостолу 1574 г. Вопрос в том, что это была за ересь. По мнению Г. И. Коляды, основной причиной служили серьезные изменения, внесенные Иваном Федоровым в текст первопечатного Апостола [186]. Тут уж согласиться нельзя. Оспаривая аналогичную точку зрения, В. Е. Румянцев, а впоследствии М. Н. Тихомиров и другие авторы указывали, что текст Апостола 1564 г. без каких-либо существенных изменений перепечатывался в Москве на протяжении ста с лишним лет. Этого не было бы, если бы текст был признан еретическим. Достаточно вспомнить напечатанный в 1610 г. Анисимом Михайловым Радишевским Устав, который впоследствии изымали из церквей и уничтожали [187].

Таким образом, и эта причина должна быть отвергнута. Однако обвинение первопечатника в ереси могло и не быть связано с изданием Апостола 1564 г. Возможно, что истоки его лежали в политических симпатиях Ивана Федорова и его связях с реформационно настроенными кругами.

Б. В. Сапунов во главу угла ставит оппозицию книгопечатанию политических противников Ивана IV — митрополита Филиппа, боярина И. П. Челяднина и др.

Митрополита Филиппа — в миру Федора Степановича Колычева (1507—1569) — в число врагов первопечатников зачисляли многие. Утверждалось, что Филипп, возведенный на митрополию в июле 1566 г.,

резко отрицательно отнесся к типографии и добился ее уничтожения. Это утверждение не имеет решительно никаких оснований. М. Н. Тихомиров справедливо отметил, что именно в годы правления Филиппа начала печататься Псалтырь Никифора Тарасиева и Невежи Тимофеева (8 марта 1568 г.). Уже поэтому митрополита «нельзя заподозрить в особой нелюбви к книгопечатанию»[188].

Мы склонны отнести Филиппа к числу сторонников книгопечатания. Оставляя в стороне его политические взгляды и активную враждебность политике единодержавия, следует отметить, что митрополит был во всех отношениях фигурой симпатичной. Для нас особенно интересна его деятельность в Соловецком монастыре, где он игуменствовал 18 лет (1548—1565). Похоже, что Филипп имел технический склад ума и прославился изобретательством. Страницы Соловецкого летописца заполнены восторженными описаниями его изобретений, такого, например, порядка: «Да до Филиппа игумена на сушило рожь носили многие братья, а Филипп игумен нарядил телегу, сама насыпется, да и привезетца, да и сама и высыплет рожь на сушило»[189]. Или еще: «Да до Филиппа игумена квас парили, ино сливали вся братия и слуги многие и изо швален, а при Филиппе парят квас старец да пять человек и сливают те же... а квас сам сольется со всех щанов, да верх подоймут, ино трубою пойдет в монастырь, да и в погреб сам льется, да и по бочкам разойдется сам весь».

Новейшие исследователи (А. А. Дорогов) считают Филиппа Колычева одним из пионеров автоматизации на Руси. Трудно представить себе, чтобы человек, столь склонный к техническим усовершенствованиям, стал противником книгопечатания.

Однако решающий довод в нашем отношении к Филиппу — его идеологические симпатии. Он тесно связан с тем самым кругом лиц, которые начали критику рукописания и среди которых возникла идея книгопечатания. Соловецкий игумен принимает участие в Стоглавом соборе. К нему на покаяние посылают старца Артемия, и он помогает оппозиционно настроенному монаху бежать в Литву. У него же, по утверждению некоторых авторов, кончил жизнь благовещенский поп Сильвестр, «любимый, уважаемый Филиппом»[190].

Таким образом, из числа врагов первопечатников митрополита Филиппа лучше исключить.

Мнение о Филиппе, как о противнике книгопечатания, так же как утверждение Б. В. Сапунова об оппозиции священников-учителей, имеет своим источником слова Ивана Федорова. Первопечатник писал в Апостоле 1574 г., что притеснения он испытывал «от многих начальник, и священноначальник, и учитель».

Кого подразумевает Иван Федоров? Чтобы ответить на этот вопрос, припомним критику Артемия в адрес «мнящих быти учителей», протестовавших против распространения книги в народе и заявлявших: «Грех простым чести апостол и евангелие!»[191] Много лет спустя эти же слова повторил бежавший в Литву Курбский в предисловии к переведенной им книге Иоанна Дамаскина[192]. Он конкретизировал слова Артемия, рассказав о том, что «учителя» книги «смертным ядом нарицают» и считают всех, приверженных чтению, еретиками.

Та же мысль выражена и в послесловии к Апостолу 1574 г. Если добавить, что в послесловии имеются прямые текстуальные заимствования из сочинений Курбского, то термины «учителя» и «священноначальники» станут нам совершенно ясными. Это убежденный враг всех и всяческих нововведений — осифлянская верхушка православной церкви.

Мы склонны полагать, что гонения на первопечатников производились с ведома Ивана IV. В подтверждение можно привести следующий любопытный эпизод.

Уже рассказывалось, что протопоп Николы Гостунского Амос в феврале 1553 г. священнодействовал при крещении казанского царя Едигера Магмета. В одном из томов Лицевого летописного свода — так называе-

мой «Царственной книге» — имя Амоса в рассказе о крещении вычеркнуто. На полях же рукописи скорописью сделана поправка, гласящая, что священнодействовал на церемонии «владыка Сава Крутицкой» [193]. Поправка эта вступает в противоречие с миниатюрой на соседней странице, где священнодействующим (с книгой в руках) изображен протопоп, воспринимающим Едигера Магмета от купели — митрополит, а Сава Крутицкий, в епископском облачении,— в стороне. Эту тенденциозную поправку мы связываем с репрессиями по отношению к причту Николы Гостунского.

Некоторые современные исследователи, например Д. Н. Альшиц, полагают, что автором приписок к Лицевому своду был сам Иван Васильевич Грозный. В связи с этим становится понятным, почему изгнано из летописи имя опального протопопа Амоса. Считается, что царь занимался исправлением летописи в период с 4 по 14 августа 1566 г. [194] В начале этого года Иван Федоров покинул Московское государство.

Вопрос о прекращении деятельности московской типографии Ивана Федорова достаточно сложен. Однако думается, что репрессии по отношению к причту Николы Гостунского играли здесь не последнюю роль.

Остаются загадкой слова Ивана Федорова, что все притеснения он понес «не от самого того государя, но от многих начальник, и священноначальник, и учитель...» Иван Васильевич был хозяином в своем доме, и, конечно же, гонения на первопечатников не могли быть предприняты без его ведома. Чем же руководствовался Иван Федоров, выгораживая царя и представляя его действия в благоприятном свете? Здесь можно высказать несколько предположений.

В истории немало примеров тому, как современники сильной личности, деятельность которой ознаменована как благими, так и дурными деяниями, приписывают последние «злым» приближенным, втершимся в доверие к государю. Известны также факты, как сильные мира сего, используя помянутый предрассудок и стараясь обелить себя перед богом или потомками, сами перекладывают ответственность за содеянное на куда менее могучие плечи своих клевретов.

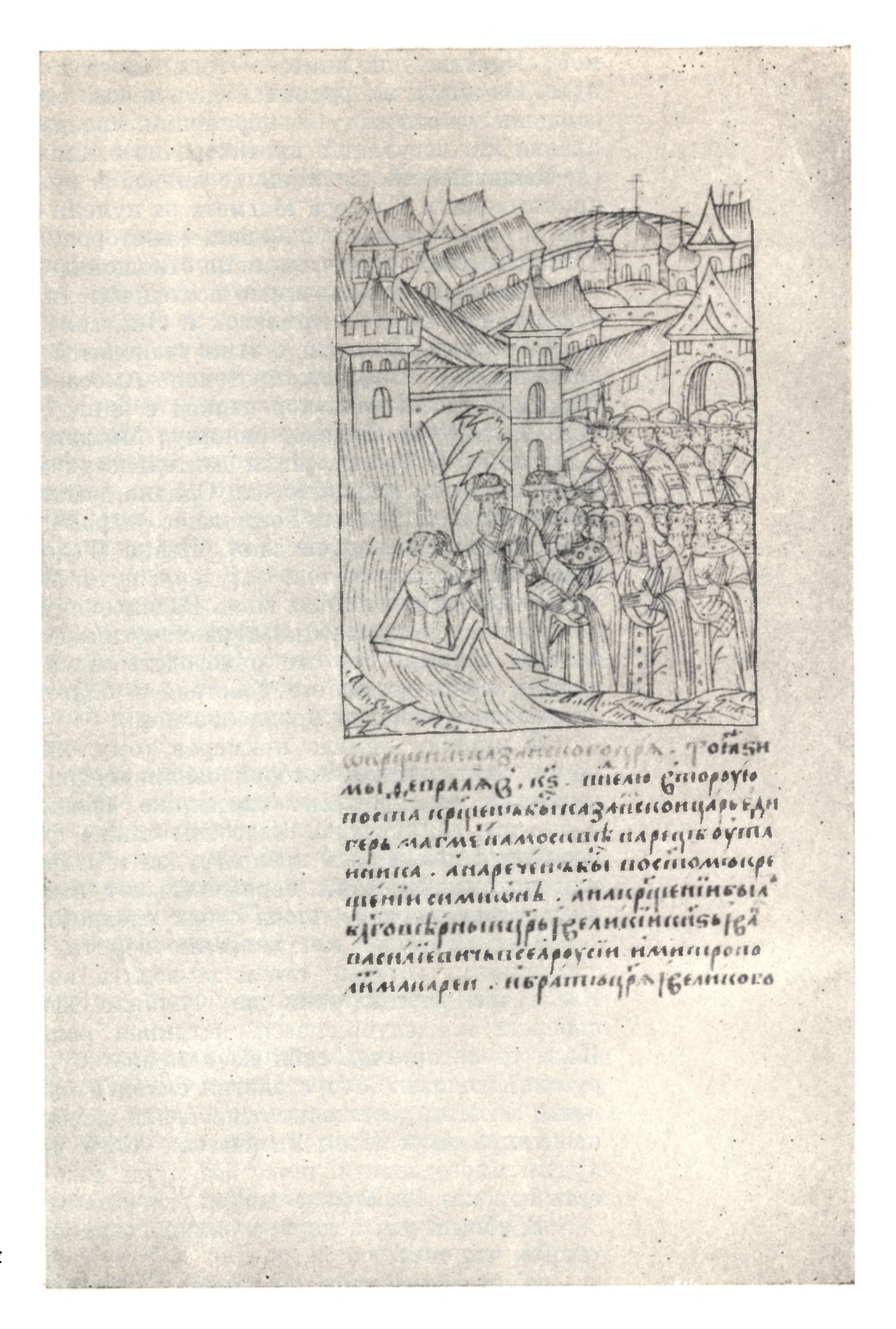
Иван Федоров мог искренно верить, что царь не причастен к тем обвинениям, которые стали возводить на зачинателей печатного дела. Когда же впоследствии на чужбине первопечатник вновь в мыслях пережил все случившееся, истинная роль царя могла открыться ему. Но и здесь он счел себя не в праве осуждать Ивана Васильевича, ибо русский человек XVI столетия склонен был обожествлять своего властелина. Об этом достаточно откровенно сказал младший современник первопечатника дьяк Иван Тимофеев: «Сего ради не праведно о царюющем худым многословити, ниже без муки, иже аще что порочно; лепотнее бо есть царское безобразие жития молчанием покрыти, якоже ризою» [195].

В общем же, говоря словами современного поэта: «И что не так — скажи, что так».

И еще одно могло помешать Ивану Федорову рассказать правду о своем уходе из Москвы. Его зарубежные типографии существовали главным образом на коммерческой основе. Первопечатник не мог не рассчитывать на сбыт большей части тиража в Московское государство. Так оно и было на самом деле. Уже в 1578 г. у Строгановых было 27 Учительных Евангелий 1569 г. [196] Одно из них в 1580 г. Семен Аникеевич и Максим Яковлевич Строгановы дали вкладом «в дом живоначальной Троицы на Сылву» [197]. Вкладные и владельческие записи великорусского происхождения на экземплярах Апостола 1574 г., как отмечалось выше, встречаются уже в 1578 г.

Если бы в послесловии были выпады против Ивана IV, книга не могла бы рассчитывать на распространение в Московском государстве.

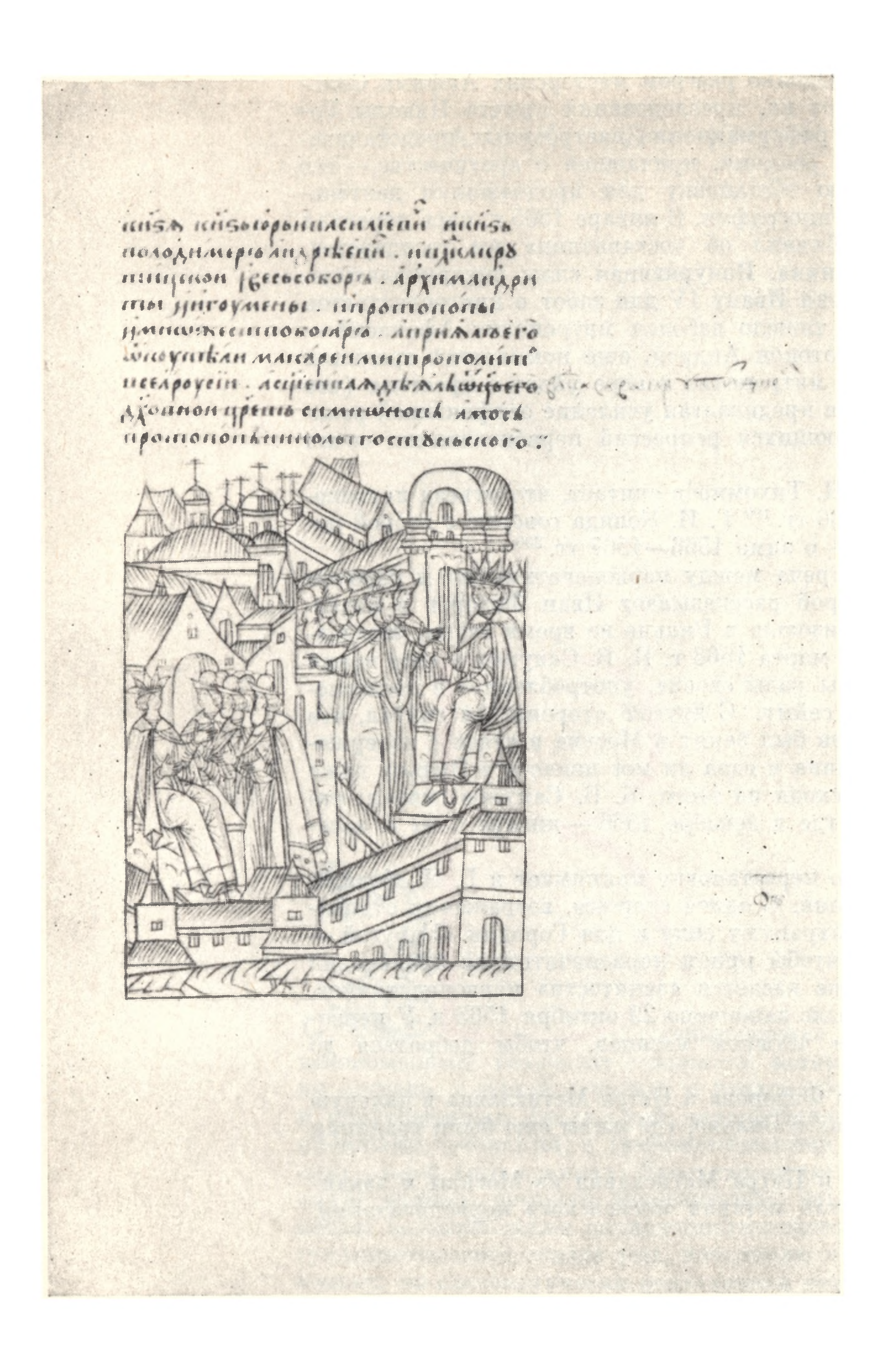
Хотелось бы подчеркнуть, что уход первопечатников из Москвы вовсе не был «изменой» или «дезертирством», как это рисуется некоторым авторам. Нельзя переносить современные понятия в XVI в. и модернизировать политические взаимоотношения наших предков. Нельзя также ста-

Текст о крещении Едигера Магмета в Лицевом летописном своде. ГИМ

вить знак равенства между А. Курбским и первопечатником. Курбский был крупнейшим феодалом, политической фигурой. Его отъезд в Литву с точки зрения средневекового права «смены сюзерена» был бы вполне закономерен в мирных условиях. Не показался бы он предосудительным, например, в начале XVI в., когда «отъезды» феодалов из Московской Руси в Литовскую Русь и обратно были явлением обычным. Однако в свете проводимой Иваном IV политики укрепления Руси и централизации государственной власти, а также ввиду того, что Курбский возглавлял войско, выступавшее против Литвы, поступок этот был уже изменой.

Иное дело — Иван Федоров и Петр Мстиславец. В наших глазах первопечатник кажется более значительной фигурой, чем князь А. Курбский.

Современники относились к нему иначе. Иван Федоров, человек незнатного происхождения, выходец из низов, дьякон, а впоследствии — ремесленник, не мог быть крупной картой в политической игре. Его великий подвиг стал очевиден лишь через столетие. В те годы уход первопечатников из Москвы мог пройти незамеченным. Кстати говоря, и впоследствии аналогичные переходы из Московской Руси в Литовскую и обратно происходили и, видимо, не считались предосудительными. В 1586 г., например, «выехал из Литвы» и пришел в Москву мастер Анисим Михайлов Радишевский, возможно, ученик Ивана Федорова.

Из тех же самых соображений слово «гонения» не следует понимать прямолинейно. Непосредственно против первопечатников, по-видимому,

никаких мер не принималось. Однако разгром мастерских Анфима Сильвестрова и, может быть, поджог их, преследования причта Николы Гостунского и репрессии против реформационно настроенных представителей духовенства, осифлянская реакция, кричавшая о еретичестве,— все это создавало неблагоприятную обстановку для продолжения деятельности первой государственной типографии. В январе 1565 г. царь переехал в Александрову слободу и объявил об «оставлении» им государства. Вскоре была учреждена опричнина. Изнуряющая силы внутриполитическая борьба не оставляла времени Ивану IV для забот о книгопечатании. Кроме того, в начале 1566 г. тяжело заболел митрополит Афанасий — в прошлом благовещенский протопоп Андрей, еще помнивший традиции Сильвестра. Предчувствуя, что митрополит вскоре уйдет с престола (что и случилось 19 мая 1566 г.) [198] и предполагая усиление осифлянской реакции, в обстановке непрекращающихся репрессий первопечатники сочли за благо покинуть Москву.

Когда это произошло? М. Н. Тихомиров считает, что отъезд первопечатников состоялся в 1565—1566 гг. [199] Г. И. Коляда говорит о второй половине 1566 г., Б. В. Сапунов — о зиме 1566—1567 гг. [200]

Издавна считалось, что встреча между первопечатниками и королем Сигизмундом-Августом, о которой рассказывает Иван Федоров в послесловии к Апостолу 1574 г., произошла в Вильне во время сейма, заседавшего с 18 ноября 1565 г. по 11 марта 1566 г. Б. В. Сапунов в свое время указывал, что выражение «паны рады своея», употребленное в послесловии Апостола, не относится к сейму. С другой стороны, он считал, что «до конца 1565 г. Иван Федоров был занят в Москве в связи с завершением работ по изданию Часовника и едва ли мог попасть в Вильну даже к самому закрытию сейма». Исходя из этого, Б. В. Сапунов считал, что встреча произошла в Городне, где в декабре 1566 — январе 1567 г. заседал сейм.

Такую же хронологическую перестановку принимает и Г. И. Коляда. Мы не видим для этого оснований. С одной стороны, возражения относительно термина «паны рады» сохраняют силу и для Городни. С другой — в обоих случаях сомнительно, чтобы прием первопечатников происходил в полном составе сейма. Что же касается «занятости» первопечатников, то второе издание Часовника было закончено 29 октября 1565 г. У первопечатников оставалось больше четырех месяцев, чтобы добраться до Вильны.

Стоит ли отправлять Ивана Федорова и Петра Мстиславца в далекую Городню? Естественнее видеть их в Вильне, где живы еще были традиции славянского книгопечатания.

Отъездом Ивана Федорова и Петра Мстиславца из Москвы и заканчивается первый, начальный этап истории московского первопечатания.

З А К Л Ю Ч Е Н И Е

Возникновение книгопечатания в Москве — закономерный результат сложного исторического процесса. Оно тесно связано, с одной стороны, с централизацией государственной власти и уничтожением феодальной раздробленности и, с другой, с реформационными течениями, с гуманистическими воззрениями передовых русских людей того времени. Печатная книга стала мощным фактором создания единого русского литературного языка. Печатная книга способствовала возникновению рационалистического взгляда на вещи, воспитанию гуманистического склада ума, появлению «вольнодумцев», которые потихоньку, но систематически подтачивали устои феодального общества.

Основание первой типографии как бы подытожило многовековой путь развития технической мысли в России. Здесь были использованы достижения разнообразнейших ремесел, подчас весьма далеких от книгоделания. Литейное производство, монетное дело, тканепечатание, резьба по дереву и многие другие отрасли средневекового ремесла дали исходные материалы, приемы и методы, без которых не могло бы быть книгопечатания.

Основание первой типографии было в то же время закономерным результатом широкой внешнеполитической активности Московского государства. Культурные связи, неплохо налаженные в те далекие годы, позволили нашим предкам быть в курсе последних культурно-исторических достижений своего времени. Особенно показательны взаимосвязи в области художественного убранства рукописных и первых печатных книг. Здесь можно выявить разнообразные воздействия, как отечественные, так и зарубежные. Однако все они умело введены в единое, национальное в своей основе русло.

Говоря об истоках художественного убранства первопечатной книги, мы подчеркивали роль передовой московской школы Феодосия Изографа, сумевшей усвоить зарубежные мотивы, взять из них то, что было близко духу отечественного искусства.

Материальные предпосылки, естественно, не смогли бы перерасти в нечто реальное и существенное, если бы возникновение книгопечатания не было подготовлено всем ходом исторического процесса. Рукописание перестало отвечать требованиям времени. Это отчетливо выявилось в процессе сложной и длительной идеологической подготовки, основные аспекты которой как в зеркале отразила боевая московская публицистика XVI в.

Критика рукописного способа воспроизведения книг велась с различных позиций. Реформационно настроенные круги низшего духовенства и мелкопоместного дворянства видели в книгопечатании мощную силу, способную содействовать прогрессу любимой отчизны. Просвещение и гуманизм были их знаменем. Фрондирующее и, возможно, не всегда искреннее нестяжательство искало в книгопечатании средство подорвать единство и мощь своих идеологических противников — осифлянской верхушки православной церкви.

Эти тенденции в какой-то мере были восприняты деятельными и талантливыми членами кружка, сложившегося вокруг молодого Ивана IV в 50-е гг. XVI в., особенно же их идеологическим вождем — благовещенским попом Сильвестром. Человек незаурядного дарования, обладавший к тому же разнообразными «талантами» и определенной практической жилкой, Сильвестр сумел организационно воплотить в жизнь то, о чем задумывались многие.

Книгопечатание, как и многие другие реформы 50-х гг., было результатом компромисса между различными слоями правящего класса феодального общества — в нашем конкретном случае компромисса между осифлянским руководством церкви, реформационно настроенными кругами и нестяжательством. Компромисс не был крепким и вскоре же был нарушен.

Это привело к закономерному итогу — к прекращению книгоиздательской деятельности Сильвестра и Анфима, к уходу первопечатников из Москвы, к стойкому и длительному снижению книгопечатной активности правительственной типографии.

Первая московская типография не могла бы возникнуть, если бы в Москве не существовало людей, способных практически освоить сложный и трудоемкий производственный процесс. Популярная версия об иностранных учителях наших первотипографов оказалась не более чем легендой, к сожалению, пустившей глубокие корни в историографии. Осваивая полиграфическую технику, московские мастера применяют оригинальные, ранее не известные приемы. Изобретенные ими методы впоследствии становятся общепринятыми не только в московском, но и в зарубежном славянском книгопечатании.

Крупнейшей фигурой в московском первопечатании представляется Иван Федоров. Высокое звание первопечатника должно быть сохранено за ним, ибо нет никаких сомнений в том, что он работал в типографии, из которой вышли безвыходные издания. Об этом убедительно свидетельствуют общность полиграфической техники и знание Иваном Федоровым тех приемов, которые нигде кроме первой московской типографии не применялись.

Иван Федоров видится нам не только как деятель чисто технического плана. Он был большим художником, создателем так называемого старопечатного стиля орнаментики, который в течение многих лет господствовал в русской рукописной и печатной книге. Он был неплохим литератором, талантливым педагогом, крупнейшим организатором, человеком высокого ума и большой совести. К сожалению, отсутствие документальных данных не дает нам возможности судить, насколько полно развернулись

притча · о мытари и фарисеи ·

Поучениа избранна от святых отец и

и от многих божественых писаний · глаемая от архиереа и златоуста во всякую неделю, на поучение христоименитым людем, и на прочитаема.

такоже и на господьскиа праздники · о мытари и фарисеи · еуаглие, от луки · слово · а ·

же о мытари и фарисеи притча и вина, яко поучение нѣкое и подвижение оумышлено бысть святыми отцы, и оучинено пети и прочитати же всею недѣли, яко да направляемся и готовися на духовныя подвиги поста · сего ради и прово,

Учительное Евангелие 1569 года

дарования первопечатника в московский период его деятельности. Значительно лучше и подробнее известны обстоятельства его жизненного пути за пределами Московской Руси. Рассмотрение их выходит за рамки исследования. Тем не менее мы считаем целесообразным рассказать о том, как протекала деятельность первопечатника в дальнейшем. Рассказать вкратце, ибо мы надеемся вернуться к намеченной теме на страницах монографии, которая явится закономерным продолжением этого труда.

Иван Федоров и Петр Мстиславец попали в Литовско-Русское государство в период ожесточенной политической борьбы вокруг вопроса об унии — соединении Литвы с Польшей. Крупным магнатам, пытавшимся сохранить в своих руках всю полноту государственной власти, приходилось вести борьбу на два фронта — против колонизаторских устремлений

Прошꙋ вашее любви, прїимѣте
сїю книгꙋ с любовїю, ꙗко сосꙋдъ
избранныи, всякое добродѣтели
исполнены, и обрящете убо в нем
многое спасенїе, нетокмо телесам
но и душам нашим, и наоучит
мѧ, како подобаетъ в боязни
и в законѣ бжїемъ жити, и хва
лꙋ бгꙋ приносити. ꙗкоже рече
сие писанїе, и повелѣнїе гне,
еже изрече дхъ стыи, оусты да
выдовы, занеже и не едїнъ пррк
от толикихъ великихъ, и многи
вещехъ изрече, ꙗкоже сеи пррк
стыи двъ. И такоже и вперед
працы и накладꙋ моего жаловати
не бꙋдꙋ, и другия книги црквам

Заблудовская Псалтырь
1570 года

польских панов и против собственной шляхты, ненавидящей магнатов. Шляхта несла на своих плечах основные тяготы войны с Москвой и поэтому поддерживала идею унии.

Крупным козырем в сложной политической игре, которую вели литовские магнаты, было православие. В сложившихся условиях аристократии выгодно было поддерживать православие в противовес польскому католичеству. Этим объясняется благожелательный прием, который встретили первопечатники у гетмана Григория Александровича Ходкевича. Типография была основана в его имении — Заблудове. 8 июля 1568 г. Иван Федоров и Петр Мстиславец начали печатать здесь Учительное Евангелие, которое вышло в свет 17 марта 1569 г.

Учительное Евангелие 1569 г. было впервые описано К. Ф. Калайдовичем. Книга встречается реже, чем Апостол 1564 г. и безвыходные Четвероевангелия, однако все же достаточно часто. Необходимо отметить, что во многих наших книгохранилищах под наименованием Учительного Евангелия 1569 г. хранятся более поздние издания этой книги.

Анализ вкладных Учительного Евангелия свидетельствует, что книга эта широко распространялась в Московской Руси. Как уже упоминалось, большая партия была продана Строгановым — в 1578 г. у них имелось 27 Учительных Евангелий.

Второе из известных нам заблудовских изданий — Псалтырь с Часословцем. Напечатана она уже одним Иваном Федоровым. Друг и сотрудник первопечатника Петр Тимофеев Мстиславец покинул Заблудов. Через

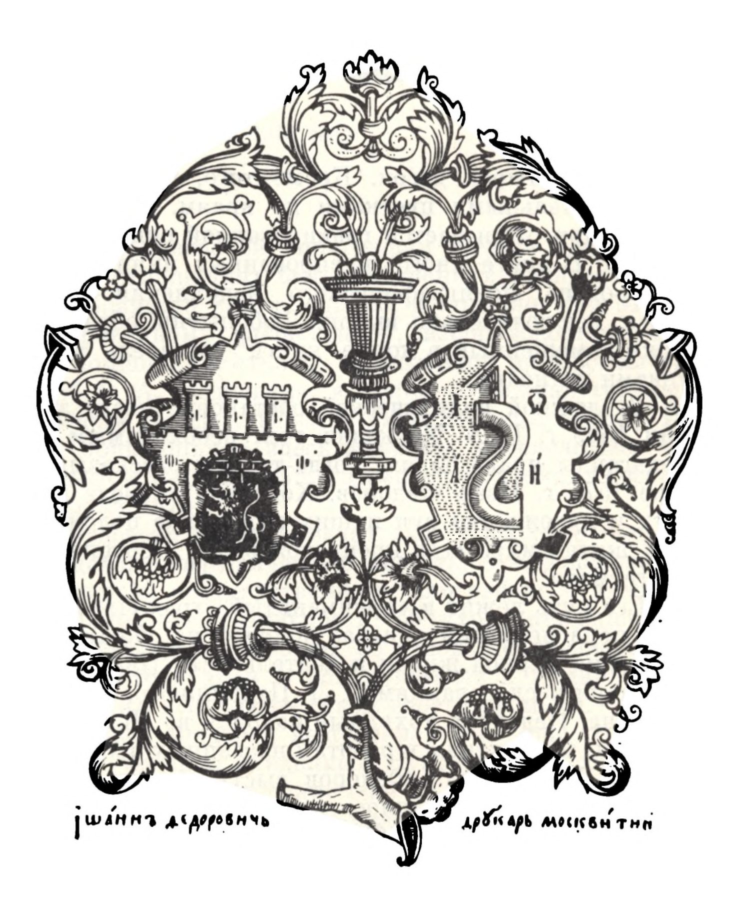
несколько лет мы встретимся с ним в древней столице Литовско-Русского государства. Здесь, в Вильне, он организует на средства богатых горожан Мамоничей вторую после Скорины типографию.

Псалтырь с Часословцем — одно из наиболее редких изданий Ивана Федорова. Старые русские библиографы Сопиков, Строев, Чертков не знали этого издания. Честь первого упоминания о нем в печати принадлежит Д. Зубрицкому. В 1844 г. М. П. Погодин приобрел на Нижегородской ярмарке у торговца старинными книгами Д. В. Пискарева экземпляр Псалтыри с Часословцем. Тогда же он кратко описал это издание на страницах журнала «Москвитянин». Экземпляр из собрания М. П. Погодина впоследствии поступил в Публичную библиотеку в Петербурге и ныне находится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Второй из известных нам экземпляров этого редчайшего издания был приобретен в 1864 г. в Тыряво (Молдавия) для Церковного музея во Львове. В настоящее время книга находится в собрании Государственного музея украинского искусства во Львове.

Печатание Псалтыри с Часословцем было начато Иваном Федоровым 26 сентября 1569 г. и закончено 23 марта 1570 г. Как погодинский, так и львовский экземпляры издания не полны. Погодинский экземпляр имеет 13 ненумерованных листов, 220 листов второго счета и 60 листов третьего счета. Львовский экземпляр имеет 17 ненумерованных листов, 230 листов второго счета и 69 листов третьего счета.

Второе издание заблудовской типографии Ивана Федорова превосходно орнаментировано. Здесь имеется и фигурная гравюра, изображающая легендарного автора Псалтыри — царя Давида, а также гравированный герб Г. А. Ходкевича. В книге большое количество заставок, отпеча-

Герб Львова и типографская марка Ивана Федорова из Апостола 1574 года

Львовский Апостол 1574 года — первая украинская печатная книга

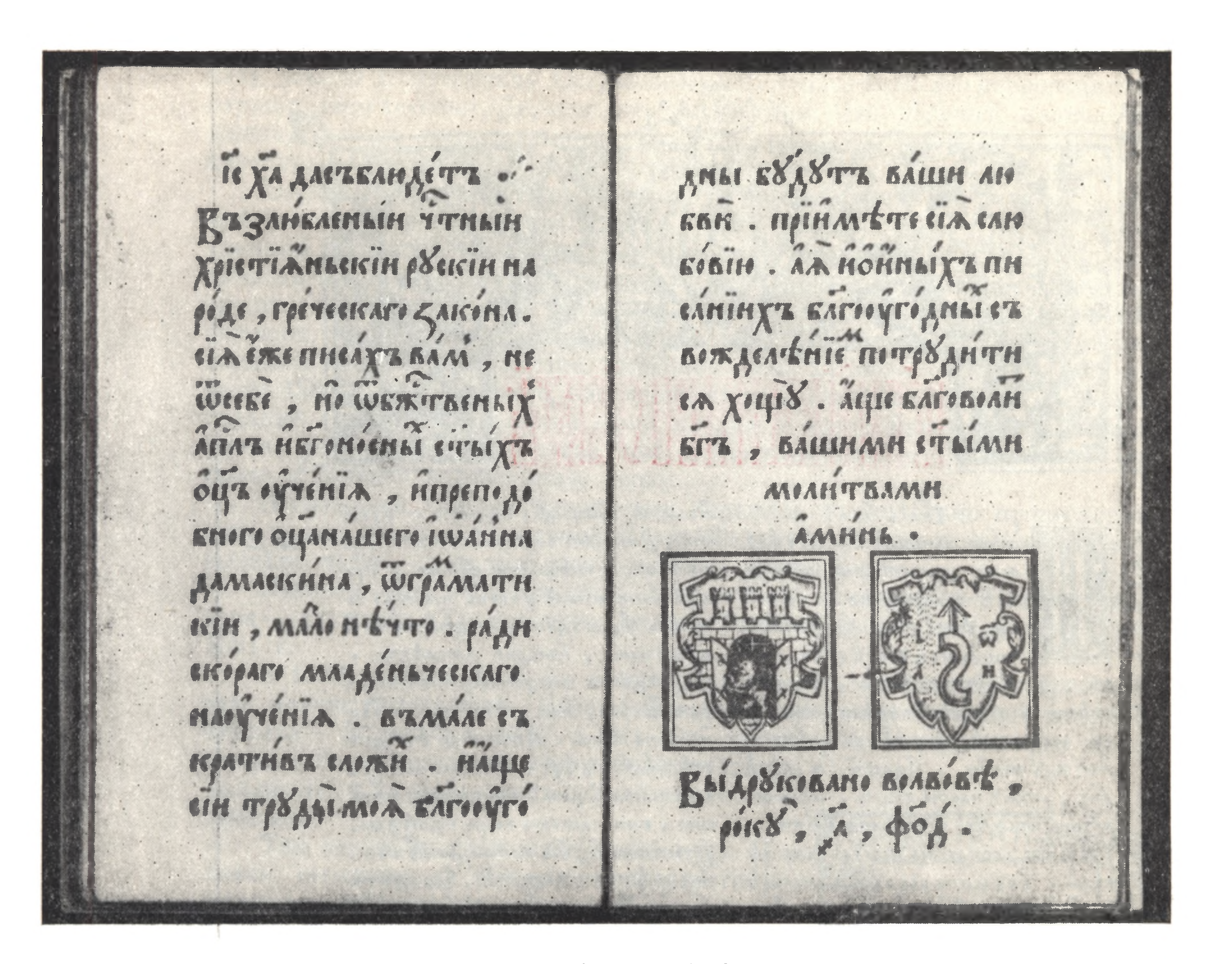
танных с четырех досок. Кроме того, применяются варианты заставок с дополнительными цветками по краям. Каждая страница предисловия и Псалтыри открывается гравированной орнаментальной рамкой с колонтитулом. В книге много гравированных инициалов.

Уровень полиграфического исполнения Псалтыри с Часословцем 1570 г. исключительно высок. Любопытны образцы табличного набора, а также помещенный в конце книги указатель с индексными большими буквами на полях.

В сложной политической обстановке после заключения Люблинской унии 1569 г. Г. А. Ходкевич счел необходимым отказаться от активной пропаганды православия. Тогда-то, как рассказывал впоследствии в Апостоле 1574 г. Иван Федоров, Ходкевич «повеле нам работания сего престати и художьство рук наших нивочтоже положити и в веси земледеланием житие мира сего препровождати». Первопечатник отверг предложение гетмана.

Его путь лежит в «преименитый» град Львов. Здесь в 1573 г. московский первопечатник основал первую на украинской земле типографию. Львовский период жизни и деятельности Ивана Федорова хорошо изучен благодаря исследованиям С. Л. Пташицкого, А. С. Зерновой и И. П. Крипякевича. Недавние архивные находки во Львове позволяют внести определенные коррективы к работам названных исследователей.

Во Львове Иван Федоров выступал как частный предприниматель. Ему постоянно приходилось изыскивать средства, чтобы продолжать деятельность просветителя. Финансовое положение его, по-видимому, никогда не было достаточно прочным.

Іс Хс дастъ блгдть.
Възлюбленыи чтныи
христіанъскіи рускіи на
роде, греческаго закона.
сія еже писахъ вамъ, не
ѿ себе, но ѿ бжтвеныхъ
апостолъ и бгоносных стыхъ
оцъ ученія, и преподо
бного оца нашего Іоанна
Дамаскина, ѿ граматі
кіи, мало нѣчто. ради
скораго младенчесскаго
наученія. въмале съ
кративъ сложих. аще
сіи труды моя благоугод
ны будутъ вашеи лю
бви. примете сія с лю
бовію. а ж иныхъ пи
саніихъ благоугодных съ
вожделѣніе потрудити
ся хощу. аще благовол
Бгъ, вашими стыми
молитвами
аминь.
Выдруковано во Львовѣ,
року, ,а, фод.

Букварь 1574 года.

25 февраля 1573 г. в львовской типографии начали печатать Апостол, который во многих отношениях был повторением московского издания. Художественное убранство книги, однако, обновлено. Это относится прежде всего к гравированному фронтиспису, изображающему евангелиста Луку. Гравюра помещена в старой, привезенной из Москвы рамке. В начале книги — герб Г. А. Ходкевича, в конце — сложная геральдическая композиция с гербом города Львова и типографским знаком Ивана Федорова. Знак этот, появившийся здесь впервые, впоследствии станет необходимейшим атрибутом изданий нашего первопечатника. Апостол вышел из печати 15 февраля 1574 г.

Книга особенно интересна своим замечательным послесловием, представляющим, по сути дела, биографическую повесть, в которой рассказывается об основании первой государственной типографии в Москве, обстоятельствах прекращения ее деятельности, об уходе первопечатников в Литву и их жизни в Заблудове, наконец, об основании львовской типографии. Послесловие Апостола 1574 г. обнаруживает в Иване Федорове писателя, хорошо знакомого с публицистикой своего времени.

В том же 1574 г. Иван Федоров выпустил в свет еще одну весьма примечательную книгу — недавно найденный Букварь, который, по-видимому, также представлял собой повторение еще не известного нам московского издания. Первопечатник адресует Букварь «возлюбленному честному христианскому русскому народу», говорит, что издание предпринято им «ради скораго младеньческаго научения».

Гла҃ а҃.

Искони сътвори бг҃ъ нбо и зе-
млю. Земля же бѣ невиди-
ма и неоукрашена. И тма
верхꙋ бездны. И дх҃ъ бж҃їи
ношашеся верхꙋ воды. И ре-
че бг҃ъ, да бꙋдетъ свѣтъ, и бысть
свѣтъ. И видѣ бг҃ъ свѣтъ яко до-
бро. И разлꙋчи бг҃ъ между свѣтом
и между тмою. И нарече бг҃ъ свѣтъ
днь, а тмꙋ нарече нощь, и бысть
вечеръ и бысть оутро днь єдинъ.
И рече бг҃ъ да бꙋдетъ твердь посредѣ
воды, и бꙋдетъ разлꙋчаа посредѣ
воды и воды, и бысть тако. И съ-
твори бг҃ъ твердь. И разлꙋчи бг҃ъ ме-
жду водою, яже бѣ под твердїю. И
посредѣ воды, яже бѣ на твердїю.
И нарече бг҃ъ твердь нбо. И видѣ бг҃ъ
яко добро. И бысть вечеръ, и бысть
оутро днь вторый. И рече бг҃ъ, да
съберется вода яже под нбсемъ,
в собокꙋпленїє єдино. И да явится
сꙋша, и бысть тако. И събрася
вода яже под нбсемъ в сонмы своя,
и явися сꙋша. И нарече бг҃ъ сꙋшꙋ зе-
млю, а составы водныя нарече море
и видѣ бг҃ъ яко добро. И рече бг҃ъ,
да прораститъ земля былїє тра-
вное, сѣюще сѣмя породꙋ и по подо-
бїю, и древо плодовито творящее
плодъ, емꙋже сѣмя єго в немъ
породꙋ на земли, и бысть тако.
И изнесе земля былїє травное, сѣю-
ще сѣмя породꙋ и по подобїю и древо
плодовито творящее плодъ, емꙋже
сѣмя єго в немъ породꙋ на земли,
и видѣ бг҃ъ яко добро. И бысть вечеръ
и бысть оутро днь третїи. И рече
бг҃ъ, да бꙋдꙋтъ свѣтила на тверди
нбнѣи, освѣщати землю, и ра-
злꙋчати между днемъ и между но-
щїю. И да бꙋдꙋтъ в знаменїя и
в времена, и в дни и в лѣта.
И да бꙋдꙋтъ в просвѣщенїє на тве-
рди нбнѣи, яко свѣтити по земли
и бысть тако. И сътвори бг҃ъ два
свѣтила велицѣ, свѣтило великое,
в начатокъ дни. свѣтило же мен-
шее, в начатокъ нощи и звѣзды.
И постави их бг҃ъ на тверди нбнѣи.
яко свѣтити по земли, и владѣти
днемъ и нощїю. И разлꙋчати меж-
ду свѣтом и межꙋ тмою. И видѣ бг҃ъ
яко добро, и бысть вечеръ, и бысть
оутро днь четвертый. И рече бг҃ъ,
да изведꙋтъ воды, гады дꙋшъ жи-
выхъ, и птицы летающа на земли
по тверди нбнѣи, и бысть тако.
И сътвори бг҃ъ киты великїя, и вся-
кꙋ дꙋшꙋ животны гадъ яже изведоша
воды породꙋ ихъ, и всякꙋ птицꙋ
пернатꙋ породꙋ. И видѣ бг҃ъ яко до-
бро. И блгви а бг҃ъ гл҃а, растите
и множитеся, и наполните воды
яже в морехъ, и птицы да оумно-
жатся на земли. И бысть вечеръ
и бысть оутро днь пятый. И рече
бг҃ъ, да изведе земля дꙋшꙋ живꙋ
породꙋ, четвероногая и гады, и звѣ-
ря земли породꙋ. И бысть тако, и
сътвори бг҃ъ, звѣря земныя породꙋ
и скоты породꙋ ихъ, и вся гады зе-
мли породꙋ их. И видѣ бг҃ъ яко добро
И рече бг҃ъ, сътворимъ чл҃ка по о-
бразꙋ нашемꙋ, и по подобїю.

Острожская Библия 1580—1581 годов.

Вскоре после издания Апостола и Букваря финансовые затруднения привели Ивана Федорова на службу к крупнейшему украинскому магнату, князю Константину Острожскому. В 1575—1576 гг. первопечатник служит управителем Дерманского монастыря. Этот бурный период его жизни освещен исследованиями И. Малышевского. Затем Иван Федоров перебирается в Острог и здесь устраивает свою новую типографию.

Первым опытом типографии было изящное карманное издание — Новый завет с Псалтырью, вышедший в свет 12 июля 1580 г. Книга эта — «первый овощь от дому печатного своего острозского»,— а также приложенный к ней алфавитный указатель были подготовкой к колоссальному труду — созданию полной печатной славянской Библии. Этот огромный фолиант, отпечатанный мелким шрифтом на 628 листах, известен с двумя вариантами выходных листов, имеющих даты 12 июля 1580 г. или 12 августа 1581 г. Тем не менее, как явствует из исследований А. С. Зерновой, изданий Острожской Библии было не два, а одно. Разница в выходных листах может быть объяснена тем обстоятельством, что издание не поспело к заранее намеченному сроку.

Острожская Библия напечатана тиражом, значительно превосходившим тираж остальных изданий Ивана Федорова. Книга встречается чрезвычайно часто — нам известно около ста экземпляров.

Назовем еще одно издание острожской типографии Ивана Федорова — листовку «Хронология» Андрея Рымши, вышедшую в свет 5 мая 1581 г.

В 1582 г. Иван Федоров возвращается во Львов и пробует организовать новую типографию. Работы эти были прерваны кончиной первопечатника — 5 декабря 1583 г. На его могиле — в Онуфриевском монастыре — была положена надгробная плита с надписью: «Друкарь книг пред тем невиданных».

Так закончил свой жизненный путь человек, стоявший у истоков московского и украинского книгопечатания. Имя его на долгие годы было позабыто. Однако дело, которому он посвятил всю свою жизнь, восторжествовало. После короткого перерыва, вызванного прекращением деятельности первых типографий, книгопечатание возобновилось в Москве и с тех пор уже существовало здесь постоянно. Соратник Ивана Федорова — Петр Тимофеев Мстиславец положил начало постоянному книгопечатанию в Литве. Продолжали свою деятельность и основанные Иваном Федоровым украинские типографии.

Этим влияние начала книгопечатания в Москве не исчерпывается. Мы вправе говорить о поистине международном значении этого выдающегося события. Недавними исследованиями советских, болгарских, румынских историков установлены тесные связи между московским книгопечатанием и кни-

Надгробная плита Ивана Федорова

гопечатанием братских народов Болгарии, Румынии, Молдавии, Грузии, Литвы. Связи эти прослеживаются в приемах набора и верстки, технологии двухкрасочной печати, в художественном убранстве книг.

Московские мастера, создавая первую типографию, использовали достижения многовекового опыта народов различных стран мира, обогатили его своим умением, сметкой и мастерством. Опыт этот с благодарностью был воспринят потомками и в свою очередь использован далеко за пределами нашей Родины.

Великая эстафета продолжается и сегодня. Книгопечатание, которое Карл Маркс назвал в числе величайших изобретений человечества, все увереннее и энергичнее служит прогрессу, становится средством, объединяющим народы.

До Великой Октябрьской социалистической революции, как отметил на VIII съезде партии Владимир Ильич Ленин, полиграфическая техника в России использовалась преимущественно в интересах эксплуататорских классов. В капиталистических странах то же положение и по сей день. В нашей Советской стране книгопечатание впервые поставлено на службу трудящимся. Оттачивая это великолепное оружие, помогающее нам в борьбе за светлые идеалы коммунизма, нельзя не вспомнить с благодарностью людей, которые 400 лет назад закладывали основы отечественного книгопечатания.

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

СОКРАЩЕНИЯ

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук.
АИ — Акты исторические, собранные Археографическою комиссиею.
БАН — Библиотека Академии наук СССР.
ГИМ — Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного Исторического музея.
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ГПБ УССР — Государственная Публичная библиотека УССР.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
Известия ОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
ЛБ — Отдел редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
ЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР.
ОРЛБ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РИБ — Русская историческая библиотека.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
ЦГИА УССР — Центральный государственный исторический архив УССР.
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ АВТОРА

[1] *А. И. Герцен.* Речь, сказанная при открытии публичной библиотеки для чтения в Вятке.— В кн.: *А. И. Герцен.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 1. П., 1915, стр. 508—509.

[2] *И. А. Шляпкин.* Похвала книге. П., 1917. (Недавно большой сборник высказываний о книге был издан в Польше: *M. Poznanskj.* Kto miluje księgi... Warszawa, 1958).

[3] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Избранные письма. М., 1953, стр. 137. См. также: *К. Маркс.* Капитал. Т. 1. М., 1955, стр. 356.

[4] *М. Н. Тихомиров.* Начало книгопечатания в России.— В сб.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, стр. 10.

[5] См.: *E. Verdet.* Histoire du livre en France depuis les temps les plus reculés jusqu'en 1789. Paris, 1861.

[6] См.: *E. Egger.* Histoire du livre depuis ses origines jusqu'aux nos jours. Paris, 1880. Русский перевод: *Э. Эггер.* История книги от ее появления до наших времен. Спб., 1900. (Есть издание 1882 г.).

[7] См.: *А. А. Бахтиаров.* История книги на Руси. Спб., 1890.

[8] *П. Н. Берков.* Развитие истории книги, как науки. Опыт историографического обзора.— В кн.: Труды музея книги, документа и письма. Т. 1. Л., 1931, стр. 49.

[9] См.: *Ф. И. Булгаков.* Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства. Т. 1. С изобретения книгопечатания по XVIII век включительно. Спб., 1889; *М. И. Щелкунов.* История, техника, искусство книгопечатания. М.—Л., 1926.

[10] См.: *G. A. E. Bogeng.* Geschichte der Buchdruckerkunst. Bd. 1—2. Hellerau — Berlin, 1930—1941; *H. Barge.* Geschichte der Buchdruckerkunst von ihren Anfängen bis zur Gegenwart. Leipzig, 1940; *D. C. McMurtrie.* The book. The story of printing and bookmaking. London — New York — Toronto, 1948.

ВВЕДЕНИЕ. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ.

[1] Ограниченный объем книги вынудил автора исключить подробные очерки источниковедения и историографии русского первопечатания, предназначенные для этой монографии, и ограничиться здесь предельно кратким изложением вопроса. В полном виде историографический обзор публикуется в сборниках «Книга» (сб. 8, М., 1963, стр. 5—42; сб. 9, М., 1964, стр. 389—437).

[2] Материалы по истории СССР. II. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955, стр. 100, 105 (ниже цит.: *Пискаревский летописец*); *Л. П. Теплов.* К сообщению Пискаревской летописи о русском книгопечатании XVI—XVII вв.— «Полиграфическое производство», 1951, № 10, стр. 26—28.

[3] Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного Исторического музея (ГИМ), Син. 850, лл. 73—81, 82—85 об. Источниковедческий анализ сказаний см.: *Е. Л. Немировский.* Историографические заметки к вопросу о начале книгопечатания на Руси.— Книга. Сб. 7. М., 1962, стр. 251—261.

[4] Отдел рукописей Библиотеки Академии наук (БАН). Тек. пост., № 366, лл. 56—57 об.

[5] См.: *А. А. Покровский.* Печатный Московский двор в первой половине XVII в.— В кн.: Древности. Труды имп. Московского археологического общества. Т. 23. Вып. 2. М., 1914, стр. 71.

[6] См.: Иоанн Федоров. Продолжение нового опыта Исторического словаря о Российских писателях.— «Друг просвещения», 1806, ч. 4, № 11, стр. 147—156; О славяно-русских типографиях.— «Вестник Европы», 1813, ч. 20, № 14, стр. 107—113; Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, грекороссийския церкви. Ч. 1. Спб., 1818, стр. 273—302; *То же.* Изд. 2-е. Т. 1. Спб., 1827, стр. 260—286.

[7] См.: «Вестник Европы», 1813, ч. 71, № 18, стр. 92—123.
[8] См.: *К. Калайдович.* Записка об Иоанне Федорове.— «Вестник Европы», 1822, ч. 123, № 11-12, стр. 294—302.
[9] См.: «Северный архив», 1823, № 4, стр. 318—326.
[10] См.: Библиографические листы. 1825, № 1, 6, 11, 16, 21.
[11] См.: *П. М. Строев.* Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке ... Ф. А. Толстова. М., 1829 (далее цит.: *Строев, I*); *Он же.* Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке ... И. Н. Царского. М., 1836 (далее цит.: *Строев, II*); *Он же.* Описание старопечатных книг, служащее дополнением к описаниям библиотек графа Ф. А. Толстова и купца И. Н. Царского. М., 1841 (далее цит.: *Строев, III*).
[12] См.: Обозрение славяно-русской библиографии. Т. 1. Кн. 2. Спб., 1849.
[13] См.: Образцы славяно-русского книгопечатания с 1491 г. Спб., 1891.
[14] «Вестник Европы», 1830, июль, № 13, стр. 57—62; «Ученые записки имп. Московского университета». Ч. 9. 1835, стр. 168—169.
[15] См.: *И. Снегирев.* О сношениях датского короля Христиана III с царем Иоанном Васильевичем касательно заведения типографии в Москве.— Русский исторический сборник. Т. 4. М., 1840, стр. 117—131.
[16] См.: Дополнения к Актам историческим, собранным Археографическою комиссиею. Т. 1. Спб., 1846, стр. 148, № 96.
[17] См.: *В. Е. Румянцев.* Древние здания Московского Печатного двора.— В кн.: Древности. Труды Московского археологического общества. Т. 2. Вып. 1. М., 1869, стр. 1—38.
[18] См.: *St. Ptaszycki.* Ivan Fedorowicz drukarz ruski we Lwowie z końca XVI wieku.— Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejetności. Kraków, 1886, t. XI, s. 1—43. (Оттиск: Kraków, 1884); *F. Bostel.* Przyczynek do dziejów pierwszej ruskiej drukarni we Lwowie.— «Pamiętnik Literacki», 1902, z. II, s. 294—303.
[19] См.: *И. И. Малышевский.* Новые данные для биографии Ивана Федорова, русского первопечатника.— Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Кн. 7. 1893, стр. 95—116.
[20] См.: Труды Третьего археологического съезда в Киеве. Т. 2. Киев, 1878, стр. 211—220.
[21] Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ОРЛБ), ф. 51, карт. 1, № 28.
[22] См.: *Леонид, архим.* Евангелие, напечатанное в Москве 1564—1568. Библиографическое исследование. Спб., 1883.
[23] См.: *Ф. И. Булгаков.* Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства; *С. Ф. Либрович.* История книги в России. П.—М., 1914.
[24] См.: *В. М. Ундольский.* Очерк славяно-русской библиографии. М., 1871; *И. П. Каратаев.* Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. Т.1. Спб., 1878 (ниже цит.: *Каратаев.* Описание 1878); *То же,* 1883 (ниже цит.: *Каратаев.* Описание 1883).
[25] См.: *М. П. Погодин.* Иван Федоров, первый московский книгопечатник.— Журнал Министерства народного просвящения (ЖМНП), ч. 148, 1870, апрель, кн. 4, стр. 292—307.
[26] См.: *И. Забелин.* Первый русский книгопечатник Иван Федоров.— «Русь», 1883, декабрь, № 24, стр. 12—16; *То же.*— В кн.: Древности. Труды имп. Московского археологического общества. Т. 23. Вып. 2. М., 1914, стр. 93—98.
[27] См.: *Е. В. Барсов.* Творцы книгопечатного дела в Москве.— В кн.: Древности. Труды имп. Московского археологического общества. Т. 23. Вып. 2. М., 1914, стр. 1—11.
[28] См.: *Ів. Огіенко.* Історія українського друкарства. Т. 1, Львів, 1925; *В. Л. Ластоўскі.* Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Коўна, 1926.
[29] См.: *А. А. Гераклитов.* Три издания XVI в. без выходных листов из библиотеки Саратовского университета.— В кн.: Ученые записки Саратовского гос. университета. Педагогический фак-т. Т. 5. Вып. 2. Саратов, 1926, стр. 1—20.
[30] См.: *А. С. Зернова.* Методика описания старопечатных книг кирилловской печати.— В кн.: Труды. Т. 4. М., 1960, стр. 204—255. (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина).
[31] См.: *Т. Н. Протасьева.* Первые издания московской печати в собрании Государственного Исторического музея. М., 1955.
[32] См.: *R. Jacobson.* Iwan Fedorov's Primer.— Harvard Library Bulletin, 1955, vol. IX, N 1, p. 1—45.
[33] См.: *J. D. A. Barnicot, J. S. G. Simmons.* Some unrecorded early printed Slavonic books in english libraries.— Oxford Slavonic Papers, 1951, vol. II, p. 98—118.
[34] См.: *А. С. Зернова.* Книги кирилловской печати, хранящиеся в заграничных библиотеках и неизвестные в русской библиографии.— В кн.: Труды. Т. 2. М., 1958, стр. 5—37. (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина); *Она же.* Второе издание Букваря Ивана Федорова. Там же. Т. 3. М., 1959, стр. 189—196.
[35] См.: *А. С. Орлов.* К вопросу о начале печатания в Москве.— В сб.: Иван Федоров первопечатник. М.—Л., 1935, стр. 9—26; *Он же.* Древняя русская литература XI—XVI вв. М.—Л., 1939, стр. 242—251. (Есть издания 1937 и 1945 гг.).
[36] См.: *М. Н. Тихомиров.* Первый печатник. М., 1934; *Он же.* Начало московского книгопечатания.— В кн.: Ученые записки Московского государственного

университета им. М. В. Ломоносова. Вып. 41. История (т. 1). М., 1940, стр. 81—95; *Он же.* Начало книгопечатания в России.— В сб.: У истоков русского книгопечатания. М.—Л., 1959, стр. 10—40.

[37] См.: *А. А. Сидоров.* Древнерусская книжная гравюра. М., 1951.

[38] См.: *А. А. Сидоров.* Иван Федоров в свете новых исследований. Львов, 1949; *Он же.* Новооткрытое издание Ивана Федорова.— «Полиграфическое производство», 1955, № 1, стр. 30—31; *Он же.* Иван Федоров — деятель книги и просветитель. Там же, 1953, № 12, стр. 18—20; *Он же.* Художественно-технические особенности славянского первопечатания.— В сб.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, стр. 41—80.

[39] См.: *Е. В. Зацепина.* К вопросу о происхождении старопечатного орнамента.— В сб.: У истоков русского книгопечатания. М.—Л., 1959, стр. 102—154; *Н. Порфиридов.* Новые памятники древнерусского книжного орнамента.— В кн.: Сообщения Государственного Русского музея. Вып. 2. 1947, стр. 40—42. Работа Н. П. Киселева не опубликована.

[40] См.: *Б. П. Орлов.* Полиграфическая промышленность Москвы. М., 1953.

[41] См.: *Г. И. Коляда.* Работа Ивана Федорова над текстами Апостола и Часовника и вопрос о его уходе в Литву.— В кн.: Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 17. М.—Л., 1961, стр. 225—254; *Он же.* Иван Федоров первопечатник. Диссертация. М., 1961.

[42] См.: *Б. В. Сапунов.* Исторические предпосылки возникновения книгопечатания в России. (Опыт критического пересмотра вопроса). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1954 (Государственный Эрмитаж); *Он же.* К вопросу о дате отъезда из Москвы Ивана Федорова.— В кн.: Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 7. Л., 1955, стр. 29—30; *Он же.* К вопросу о прекращении деятельности первых типографий в Москве.— ТОДРЛ, т. 12, 1956, стр. 431—441; *Он же.* К вопросу о культурных связях России с другими странами в XVI—XVII вв. (По материалам печатных книг).— ТОДРЛ, т. 13, 1957, стр. 235—246; *Он же.* Первопечатник Иван Федоров как писатель.— ТОДРЛ, т. 14, 1958, стр. 268—271; *Он же.* К истории русской книги XVI в.— В кн.: Труды Государственного Эрмитажа. Т. 3. Русская культура и искусство. Л., 1959, стр. 5—15.

[43] См.: *М. И. Щелкунов.* История, техника, искусство книгопечатания. М., 1926; *Е. И. Кацпржак.* История письменности и книги. М., 1955; *И. Е. Баренбаум* и *Т. Е. Давыдова.* История книги. М., 1960.

[44] См.: *І. Свенціцкий.* Початки книгопечатання на землях України. Жовква, 1924; *І. П. Крип'якевич.* Зв'язки Західної України з Росією до середины XVII ст. Київ, 1953; *П. М. Попов.* Початковий період книгодрукования у слов'ян. Київ, 1958; *В. И. Пичета.* Белоруссия и Литва XV—XVI вв. М., 1961.

ИСТОКИ РУССКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ

[1] См.: *А. А. Зворыкин, Н. И. Осьмова, В. И. Чернышев и С. В. Шухардин.* История техники. М., 1962, стр. 7.

[2] Переписка князя А. М. Курбского с царем Иоанном Грозным. П., 1914, стр. 62 (оттиск Русской исторической библиотеки — РИБ). Т. 31.

[3] См.: *С. О. Шмидт.* Правительственная деятельность А. Ф. Адашева.— В кн.: Ученые записки Московского государственного университета. Вып. 117. М., 1954, стр. 25—54.

[4] См.: *А. А. Зимин.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960, стр. 316.

[5] См.: *С. В. Бахрушин.* Иван Грозный. М., 1942; *Он же.* Избранная рада Ивана Грозного.— Исторические записки. Кн. 15. М., 1945, стр. 29—56. См. также: *С. В. Бахрушин.* Научные труды. Т. 2. М., 1954, стр. 256—352.

[6] Послания Ивана Грозного. М., 1951, стр. 37—38; РИБ, т. 31, стр. 63.

[7] РИБ, т. 31, стр. 172.

[8] См.: Иван IV Васильевич. БСЭ. Т. 17. М., 1952, стр. 266—269.

[9] *А. А. Зимин.* Реформы Ивана Грозного, стр. 324.

[10] Стоглав. Изд. 3-е. Казань, 1911, стр. 13—14.

[11] Апостол 1564 г., л. 260 об.

[12] Послания Ивана Грозного, стр. 523.

[13] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 22, стр. 528—529.

[14] Стоглав, стр. 27.

[15] См.: *Б. В. Сапунов.* Исторические предпосылки возникновения книгопечатания, стр. 19—20.

[16] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Изд. 2-е. Т. 3, стр. 427.

[17] Стоглав, стр. 27.

[18] *Там же,* стр. 59—60.

[19] *Там же,* стр. 60—61.

[20] *Там же,* стр. 61.

[21] Стоглав, стр. 89.

[22] См.: *Д. Стефанович.* О Стоглаве. Его происхождение, редакция и состав. К истории памятников древнерусского церковного права. Спб., 1909, стр. 54. Макарию Стефанович приписывал 5, 6, 12 и 15-й вопросы, Сильвестру — вопросы 21—29-й

и главы 29—40-ю. Атрибутирование авторства Сильвестру основывается, в частности, на том, что некоторые вопросы непосредственно заимствованы из послания благовещенского попа Ивану IV. См.: *Д. П. Голохвастов и архим. Леонид.* Благовещенский иерей Сильвестр и его писания.— Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР), 1874, кн. 1, отд. 1, стр. 1—110.

[23] См.: *Е. Голубинский.* История русской церкви. Т. 2. Первая половина. М., 1900, стр. 178.

[24] См.: *А. А. Зимин.* И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 93.

[25] См.: *И. У. Будовниц.* Русская публицистика XVI в. М—Л., 1947.

[26] См.: *И. Н. Жданов.* Соч. Т. 1. Спб., 1904, стр. 120—203; *К. Заусцинский.* Макарий митрополит всея России.— ЖМНП, 1881, № 10, стр. 251—257; *С. В. Бахрушин.* Научные труды. Т. 2. М., 1954, стр. 334.

[27] ОРЛБ, Тихонр. 629, л. 2 об. Ср.: *А. А. Зимин.* И. С. Пересветов и его современники, стр. 44. Зимин датирует вкладную 7054 г.

[28] См.: *С. В. Бахрушин.* Научные труды. Т. 2. М., 1954, стр. 348.

[29] ПСРЛ, т. 13, ч. 2, стр. 523.

[30] Послания Ивана Грозного, стр. 39—40.

[31] РИБ, т. 31, стлб. 133.

[32] ПСРЛ, т. 13, ч. 2, стр. 524.

[33] См.: *Д. Н. Альшиц.* Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г.— Исторические записки, кн. 25, стр. 266—292; *Он же.* Крестоцеловальные записи Владимира Андреевича Старицкого и недошедшее завещание Ивана Грозного.— «История СССР», 1959, № 4, стр. 147—155.

[34] См.: *А. А. Зимин.* Реформы Ивана Грозного, стр. 414; *Он же.* И. С. Пересветов и его современники, стр. 48.

[35] ЧОИДР, 1847, кн. 3, стр. 8.

[36] Современные исследователи (А. А. Зимин, А. И. Клибанов и др.) называют Сильвестра протопопом Благовещенского собора. Между тем Сильвестр был лишь простым священником. Благовещенскими протопопами были до 1549 г. Федор Бармин, затем Андрей (в будущем — митрополит Афанасий) и, наконец, Симеон.

[37] Произведения Сильвестра, к великому сожалению, до сего дня не собраны. Чаще всего издавался Домострой. Библиографию см. в исследовании А. С. Орлова «Домострой» (М., 1917), которое до настоящего времени остается наиболее обстоятельным и полным.

[38] Домострой Сильвестровского извода. Спб., 1891, стр. 67.

[39] *Там же,* стр. 69.

[40] *Там же,* стр. 62.

[41] См.: *Д. П. Голохвастов* и *архим. Леонид.* Благовещенский иерей Сильвестр..., стр. 50—51; *А. А. Зимин.* И. С. Пересветов и его современники, стр. 58—59.

[42] Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), Сол. 48/130. Вкладная — на л. 4 об: «Лета 7060 сию святую великую книгу Евангелие в дом боголепного преображения господа бога и спаса нашего Иисуса Христа и пречистой Богородицы и преподобных чюдотворцев Изосимы и Саватия дал благовещенский священник Селивестр, да сын его Анфим и доколе они живы, ино за них Бога молить, а бог пошлет по душу, ино их поминати и их род в Сенаник написати». См. также: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Ч. I. Казань, 1881, стр. 63;

[43] ГПБ, Сол. 8/738. Владельческая запись — на обороте последнего листа. См.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, стр. 9.

[44] ГПБ, Сол. 133/1039. Владельческая запись на л. 1 (внизу): «Иерей Силивестр (ниже другим почерком — «а во иноцех Спиридон») да сын его Анфим». На л. 17 об. помещена вкладная Сильвестра, текст которой аналогичен вкладной Четвероевангелия. См. также: Описание рукописей Соловецкого монастыря, стр. 146—153;

[45] ГПБ, Сол. 139/159. Вкладная аналогична приведенной выше вкладной Четвероевангелия (л. 1): «Лета 7060 сию святую великую книгу четыре иевангелисты... дал благовещенский священник Селивестр да сын его Анфим». См.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, стр. 165.

[46] ГПБ, Сол. 144/160. Вкладная на л. 1: «Евангелие дачи старца Селивестра да сына ево Анфима». См.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, стр. 167.

[47] ГПБ, Сол. 182/259. Вкладная аналогична приведенной выше вкладной Четвероевангелия (на л. 2 — белом): «Лета 7060 сию святую и великую книгу Златоструй... дал благовещенской священник Селивестр да сын его Анфим.» На нижних полях лл. 17—19 той же рукой написано: «Селивестр Анфим Селивестров сын». См.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, стр. 267.

[48] Древнейшая из сохранившихся описей относится к концу XV в. См.: *Н. Никольский.* Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. Спб., 1897. Для интересующего нас вопроса следует привлекать описи XVII в., а именно — опись 1601 г. (ГПБ, Кир.-Бел. 71/1310 — учтено ок. 1065 книг); 1621 г.; 1635 г. (ГПБ, Кир.-Бел. 75/1314); 1654 г. (*В. М. Ундольский.* Опись книгам, в степенных монастырях находившимся, составленная в XVII в.— ЧОИДР, 1848, кн. 6); 1664 г. (ГПБ, собр. Михайловского, № 299); 1668 г. (ГПБ, собр. Савваитова, Q. IV. 393).

[49] *И. П. Сахаров.* Ведомость рукописным кирилловской книгохранительницы до российской истории относящимся книгам, с показанием №№, под коими в книгохра-

нительнице состоят. М., 1842; *М. П. Погодин.* Путевые записки по некоторым внутренним губерниям.— «Москвитянин». 1843, ч. 6, N 11—12.

[50] ГПБ, Кир.-Бел., II отд., № 36/41; *В. М. Ундольский.* Опись, № 732.

[51] ГПБ, Кир.-Бел. 120/125. *В. М. Ундольский.* Опись, № 1124.

[52] ГПБ, Кир.-Бел. 53/178. Владельческая запись: «Сию книгу прислал с Москвы Анфим к отцу своему Селивестру в Кириллов монастырь». См. также: *В. М. Ундольский.* Опись, № 812.

[53] ГПБ, Кир.-Бел. 35/160. Владельческая запись: «Благовещенского попа Селивестра во иноцех Спиридона и сына ево Анфима»; *В. М. Ундольский.* Опись, № 825.

[54] *В. М. Ундольский.* Опись, № 827.

[55] *В. М. Ундольский.* Опись, № 902.

[56] ГПБ, Кир.-Бел. 4/9. Владельческая запись: «Благовещенского попа Селиверста, во иноцех Спиридона, и сына его Анфима»; *В. М. Ундольский.* Опись, № 978.

[57] *В. М. Ундольский.* Опись, № 1001.

[58] ГИМ. См.: *И. И. Срезневский.* Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV века. Спб., 1860, стр. I—II. В сборнике имеется помета: «Сборник Селиверстовский».

[59] См.: *И. Н. Жданов.* Соч. Т. I. Спб., 1904, стр. 131—132.

[60] См.: *М. П. Погодин.* Путевые записки..., стр. 257; ГПБ, Кир.-Бел. 6/131.

[61] ГПБ, Кир.-Бел. 518/775. Надпись: «Сильверстовская Потребная: Иван сказал Михайлович (т. е. И. М. Висковатый.— *Е. Н.*), что тот Потребник Благовещенский». См.: *Д. П. Голохвастов* и *архим. Леонид.* Благовещенский иерей Сильвестр..., стр. 52.

[62] ГПБ, Кир.-Бел. 1/126.

[63] ГПБ, Кир.-Бел. 92/349.

[64] ГПБ, Соф. 1195. Надпись: «Книга Зерцало, государское данье, попа Селивестра Благовещенского, во иноцех Спиридона и сына его Анфима»; *Д. П. Голохвастов* и *архим. Леонид.* Цит. соч., стр. 53.

[65] ГПБ, Соф. 78. См. также: *А. С. Родосский.* К материалам для истории славяно-русской библиографии.— «Христианское чтение», 1882, № 9-10, стр. 609—611.

[66] ГПБ, Соф. 1281; *Н. П. Коншин.* Записка о новгородской рукописи, упоминаемой в «Словаре историческом о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. Изд. 2-е. Спб., 1827, т. II, стр. 203», с приложением трех актов, выписанных из Сборника Селивестровского и пр.— ЧОИДР, 1874, кн. 1, отд. I, стр. 65—107.

[67] ГИМ, Чудов. 18/188. Вкладная: «Лета 7064-го дал... благовещенский поп Селивестр книгу сию писавши беседы по себе и по своих родителей».

[68] ОРЛБ, ф. 299 (Тихонр.), № 629. Вкладная на л. 2 об.: «Лета 7050 (1542) дал в дом святей живоначалней Троици во Александрову пустыню светую сию книгу благовещенской поп Селивестр и сын ево Анфим в вечный поминок по себе и по своих родителех».

[69] ГПБ, собр. Богданова. В собрании М. П. Погодина (ГПБ) имеется более поздняя рукопись — «Житие св. Ольги» — с надписью: «Списано любомудрецом Селивестром, пресвитером царствующего града Москвы». См.: *Н. Л. Коншин.* Взгляд на рукопись «Жития св. Ольги».— ЧОИДР, 1874, кн. 1, отд. I, стр. 108—110.

[70] Водяные знаки: готическое «Р» с лилией типа Брике 8761 (1489—1495 гг.); змея с короной типа Брике 13746 (1508—1512 гг.)

[71] Записки Маскевича.— В кн.: Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 2. Ч. 5. Спб., 1834, стр. 67. О том, что библиотека Головиных принадлежала ранее А. Ф. Адашеву, писал С. О. Шмидт в диссертации «Правительственная деятельность А. Ф. Адашева» (стр. 13). См.: *А. А. Зимин.* И. С. Пересветов и его современники, стр. 31.

[72] *Д. П. Голохвастов* и *архим. Леонид.* Благовещенский иерей Сильвестр..., стр. 50.

[73] См.: *Г. Н. Моисеева.* Валаамская беседа — памятник русской публицистики XVI века. М.—Л., 1958, стр. 87. Некоторые авторы считают, что памятник этот — более позднего происхождения. См.: *А. А. Зимин.* «Беседа валаамских чудотворцев» как памятник позднего нестяжательства.— ТОДРЛ, т. 11, 1955, стр. 198—208.

[74] *Г. Н. Моисеева.* Валаамская беседа..., стр. 167.

[75] *Там же,* стр. 176.

[76] *Там же,* стр. 190.

[77] См.: *М. П. Погодин.* Иван Федоров..., стр. 293; *В. Е. Румянцев.* Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России. Вып. 1. М., 1872, стр. 4—5.

[78] См.: *А. Филиппов.* Максим Грек и Иван Федоров.— В кн.: *П. М. Ольхин.* Иоганн Гутенберг изобретатель книгопечатания. Спб., 1900 (на обложке).

[79] «С Максимом Греком мы склонны связывать и появление в Москве книгопечатания» — *А. С. Орлов.* Древняя русская литература XI—XVI вв. Изд. 2-е. М.—Л., 1939, стр. 242; «Идея о книгопечатании в Москве возникла у Ивана IV и его окружающих под впечатлением рассказов о западном книжном деле и указаний на его пользу Максима Грека...»— В кн.: История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. М.—Л., 1946, стр. 425.

[80] *В. С. Иконников.* Максим Грек и его время. Изд. 2-е. Киев, 1915; *С. Н. Чернов.* К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком.— В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. П., 1922, стр. 48—71; *В. Ф. Ржига.*

Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист.— ТОДРЛ, т. 1, 1934, стр. 5—120; *С. Н. Чернов.* Заметки о следствии по делу Максима Грека.— В кн.: Сборник статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 465—474; *И. Смирнов.* К вопросу о суде над Максимом Греком — «Вопросы истории», 1946, № 2-3, стр. 118—126; *E. Denissoff.* Maxime le Grec et l'Occident. Paris — Louvain, 1943.

[81] Акты исторические (АИ), т. 1, № 123.

[82] Различные сказания о Максиме Греке опубликованы С. А. Белокуровым в приложении к его исследованию «О библиотеке московских государей в XVI ст.» (М., 1899).

[83] Творения святых отцов. Т. 17. Кн. 2, стр. 190; *В. С. Иконников.* Максим Грек..., стр. 166.

[84] Ответ вкратце к светому собору о них же оклеветан бываю.— «Москвитянин», 1842, № 11, стр. 84—85.

[85] Исповедание православныя веры Максима из Святыя горы.— В кн.: *Платон, митр.* Краткая церковная история. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1823, стр. 304.

[86] ЧОИДР, 1847, № 7, стр. 10; *В. С. Иконников.* Максим Грек..., стр. 193.

[87] Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Ч. 1—3. Казань, 1859—1862 (ниже цит.: Сочинения). Перевод этого издания на современный русский язык см.: Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Ч. 1—3. Св. Троицкая Сергиева лавра, 1910—1911.

[88] Сочинения, ч. 3, стр. 60—79; *Платон, митр.* Краткая церковная история. Изд. 2-е. Т. 2. М., 1823, стр. 306—327; ОРЛБ, собр. Строева, № 8291, лл. 125—129.

[89] Сочинения, ч. 3, стр. 79—92; *Платон, митр.* Краткая церковная история, т. 2, стр. 327—339; ОРЛБ, собр. Строева, М8291, лл. 129 об.— 136.

[90] Сочинения, ч. 3, стр. 286—288; ОРЛБ, собр. Строева, М8291, лл. 136 об.— 137.

[91] «Москвитянин», 1842, № 11, стр. 84—91.

[92] «Москвитянин», 1842, № 11, стр. 91—96.

[93] Сочинения, ч. 3, стр. 165.

[94] Сочинения, ч. 2, стр. 424—425.

[95] Скрижаль. М., 1655, лл. 818—865 («Сказание еже како подобает блюсти исповедание Православныя веры»); *Платон, митр.* Краткая церковная история, т. 2, стр. 289—306.

[96] Слово отвещательное...— В кн.: *Платон, митр.* Краткая церковная история, т. 2, стр. 335.

[97] *Там же,* стр. 339.

[98] *Там же,* стр. 332.

[99] Сочинения, ч. 3, стр. 62; ОРЛБ, собр. Строева, М8291, л. 125 об.

[100] *Димитрий, митрополит Ростовский.* Розыск о расколнической брынской вере, о учении их и делах их и изъявление яко вера их неправа, учение их душевредно и дела их небогоугодны. М., 1745, гл. 8, л. 10 об.

[101] Сочинения, ч. 3, стр. 286.

[102] *Там же,* стр. 61—62.

[103] Предисловие А. Курбского сохранилось в двух списках: ГИМ, Хлуд. № 60, лл. 1—11, и ОРЛБ, ф. 256, № 376, лл. 27—30 об. По первому списку издано в «Библиографических записках», 1858, № 12, стр. 355—366; по второму списку (неполностью) см.: *А. Х. Востоков.* Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума. Спб, 1842, стр. 555—557 (цит. фраза — см. стр. 555). См. также: *А. С. Архангельский.* Творения отцов церкви в древнерусской письменности.— ЖМНП, ч. 208, 1888, август, стр. 259.

[104] См.: *А. С. Орлов.* К вопросу о начале печатания в Москве, стр. 18; *Он же.* Древнерусская литература XI—XVI вв., стр. 248.

[105] *Платон, митр.* Краткая церковная история, т. 1, стр. 332.

[106] *Там же,* стр. 304—305.

[107] Сочинения, ч. 3, стр. 179—180.

[108] ГПБ, собр. Новгородско-Софийское, № 1262.

[109] См.: *А. И. Клибанов.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960, стр. 13—34.

[110] *Там же,* стр. 384.

[111] ГПБ, собр. Новгородско-Софийское, № 1262, л. 107; *А. И. Клибанов.* Указ. соч., стр. 385.

[112] См.: *А. Д. Седельников.* Следы стригольнической книжности.— ТОДРЛ. Т. 1, Л., 1934, стр. 121—136; *Н. П. Попов.* Памятники литературы стригольников.— Исторические записки, 1940, т. 7, стр. 34—58; *А. И. Клибанов.* Указ. соч., стр. 385.

[113] «Новый Маргарит» сохранился в двух списках, один из которых находится в нашей стране (ОРЛБ, ф. 310, № 187), второй же — в Вольфенбюттельской б-ке. Предисловие в последнем списке. Подробное описание рукописи см.: ЧОИДР, 1888, кн. 1. См. также: F. Liewehr. Kurbskijs «Novyj Margarit». Prag, 1928.

[114] Акты Археографической экспедиции (ААЭ), т. 1, № 238—239. Опубликованы соборная грамота от 24 января 1554 г. по делу Артемия, направленная в Соловецкий монастырь, а также челобитные благовещенских попов Сильвестра и Симеона по поводу доноса И. М. Висковатого. Эти же челобитные («жалобницы»), содержащие важные сведения для изучения деятельности Артемия, были по другим спискам опубликованы О. Бодянским. См.: Московские соборы на еретиков XVI века в

царствование Ивана Васильевича Грозного.— ЧОИДР, 1847, отд. II, стр. IV + 30. См. также: ЧОИДР, 1858, кн. 2, отд. III, стр. 1—42.

[115] Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 1, Спб., 1878— РИБ, т. 4, стр. VII, 913.

[116] Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1870, стр. 363—370.

[117] РИБ, т. 4, стр. 1201—1448. Рукопись находится в ОРЛБ (ф. 310, № 494).

[118] См.: *В. М. Истрин.* Отзыв о сочинении, представленном на соискание медали на тему: «Жизнь и литературная деятельность старца Артемия (XVI век)».— В кн.: Записки Новороссийского университета, 1900, т. 79, стр. 11—20.

[119] См. *С. Г. Вилинский.* Послания старца Артемия. Одесса, 1906.

[120] См.: *И. У. Будовниц.* Русская публицистика XVI века, стр. 262—270.

[121] См. *А. И. Клибанов.* Реформационные движения в России, стр. 263—272, 339—340, 364—365, 383, 393—394.

[122] См.: *А. А. Зимин.* И. С. Пересветов и его современники, стр. 153—168.

[123] См.: *Е. Е. Голубинский.* История русской церкви, т. 2, первая половина, стр. 832.

[124] См.: *С. Г. Вилинский.* Послания старца Артемия, стр. 38—41; *И. У. Будовниц.* Русская публицистика XVI века, стр. 262.

[125] ААЭ, т. 1, стр. 201.

[126] ЧОИДР, 1847, № 3, отд. II, стр. 19.

[127] См.: *А. А. Зимин.* И. С. Пересветов и его современники, стр. 92, 101.

[128] «... говорил есми тогда явственно, коли звали мене в Корнилиев...»,— вспоминал впоследствии Артемий (РИБ, т. 4, стлб. 1440). А. А. Зимин относит это предложение к 1548 г.

[129] См.: *И. Н. Жданов.* Материалы для истории Стоглавого собора.— ЖМНП, 1876, июль, стр. 67—68;

[130] Д. Стефанович приписывал Артемию авторство вопросов 8—9, 13, 15—17, 19, 31, 37 (*Д. Стефанович.* О Стоглаве. Его происхождение, редакция и состав. К истории памятников древнерусского права. Спб., 1909, стр. 51—52). Со своей стороны, отметим, что псковитянином Артемием мог быть подсказан приведенный выше вопрос о псковских мужах и жонках, моющихся вместе в банях. Сам Артемий в одном из посланий к царю говорил: «...аз тобе писал на собор, извещая разум свой» (РИБ, т. 4, стлб. 1440).

[131] ЧОИДР, 1847, № 3, отд. II, стр. 19.

[132] *Там же,* стр. 23.

[133] РИБ, т. 31, стлб. 337—338.

[134] *Там же,* стлб. 333.

[135] *С. А. Белокуров.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, приложения, XXVII.

[136] Ср.: ОРЛБ, ф. 304, № 75 (Апостол), № 81 (Апостол-апракос), № 101 (Учительное Евангелие), № 322 (Псалтырь с восследованием), № 684 (Жития святых); ф. 173, № 215 (Сборник житий) и мн. др.

[137] РИБ, т. 31, стлб. 335.

[138] РИБ, т. 4, стлб. 1440.

[139] См.: *А. А. Зимин.* И. С. Пересветов и его современники, стр. 158—162.

[140] В одном из ящиков царского архива XVI в. хранились «соборные дела, списки черные Матфея Башкина, да Ортемья бывшего игумена Троецкого, и Федоса Косова и иных старцов... и грамота о побеге, как Ортем побежал с Соловков». ААЭ, т. 1, стр. 353.

[141] ОРЛБ, ф. 310, № 494, на 201 л. в четверку.

[142] См.: *С. Г. Вилинский.* Послания старца Артемия, стр. 122.

[143] ГПБ, Q. XVII, № 71, л. 152 об.

[144] РИБ, т. 4, стлб. 1382—1390; *С. Г. Вилинский.* Цит. соч., стр. 151—152.

[145] РИБ, т. 4, стлб. 1432—1441.

[146] См.: *С. Садковский.* Артемий, игумен Троицкий.— ЧОИДР, 1891, кн. 4, отд. III, стр. 57. Любопытно, что на стр. 46—50 своего труда С. Г. Вилинский принимает такой порядок рассмотрения посланий, который противоречит его датировке.

[147] Здесь и ниже цит. по РИБ, т. 4, стлб. 1332—1390.

[148] ОРЛБ, ф. 256, № 193, л. 238 (на полях). Ср.: *А. С. Архангельский.* Творения отцов церкви в древнерусской письменности, стр. 265. Вторая цитата: ОРЛБ, ф. 256, № 376, л. 28 об. Ср.: *А. Востоков.* Описание..., стр. 557.

[149] Здесь и ниже цит. по РИБ, т. 4, стлб. 1432—1441.

[150] ААЭ, т. 1, стр. 253.

[151] Послание Артемия цит. по РИБ, т. 4, стлб. 1400—1402. Послесловие к Четвероевангелию 1575 г. воспроизводилось неоднократно. См.: *Строев, I*, стр. 41—43. Текстуальные совпадения в послесловии и послании впервые отметил А. Анушкин в своей книге «Во славном месте Виленском» (М., 1962, стр. 50).

[152] См.: *С. Садковский.* Артемий, игумен Троицкий, стр. 53—54; *С. Г. Вилинский.* Послания старца Артемия, стр. 147; *А. А. Зимин.* И. С. Пересветов и его современники, стр. 163.

[153] *Г. Н. Моисеева.* Валаамская беседа..., стр. 167.

[154] См.: *Г. Н. Моисеева.* Старшая редакция «Писания» митрополита Макария Ивану IV.— ТОДРЛ, 1960, т. 16, стр. 466—472.

[155] ТОДРЛ, 1960, т. 16, стр. 470.

[156] См.: *Б. В. Сапунов.* Исторические предпосылки возникновения книгопечатания в России, стр. 76.

[157] См.: *Н. Лебедев.* Макарий митрополит всероссийский.— В кн.: Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1877, сентябрь, стр. 392; октябрь, стр. 444—478.

[158] См.: *П. Строев.* Список иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. Спб., 1877, стлб. 179.

[159] ПСРЛ, т. 6, стр. 282.

[160] К числу участников «Сильвестровского кружка» относит Макария А. И. Некрасов в работе «Книгопечатание в России в XVI и XVII вв.» (в сб.: Книга в России. Т. 1. М., 1924, стр. 71). О нестяжательстве Макария пишет, в частности, И. Бас в своей книге «Иван Федоров» (М., 1940, стр. 118). «Макарий вовсе не был иосифлянином»,— утверждал Е. Голубинский в «Истории русской церкви» (т. 2, первая половина, стр. 875). Об осифлянстве Афанасия в противовес Макарию пишет П. Березов в своей книге «Первопечатник Иван Федоров» (М., 1952, стр. 137).

[161] См.: *А. А. Зимин.* И. С. Пересветов и его современники, стр. 72.

[162] Подробный список литературных трудов Макария составлен К. Заусцинским. См. его работу «Макарий митрополит всея России».— ЖМНП, ч. 217, 1881, октябрь, стр. 209—259; ч. 218, ноябрь, стр. 1—38. Список — стр. 34. В последнее время этот список дополнен и конкретизирован А. А. Зиминым (И. С. Пересветов и его современники, стр. 76).

[163] ПСРЛ, т. 6, стр. 296.

[164] «Православный собеседник», 1863, № 3, стр. 418.

[165] См.: *К. Заусцинский.* Цит. соч., стр. 229. Ср.: ГПБ, Сол. 132/751, л. 381.

[166] Здесь и ниже цит. по Пискаревскому летописцу, стр. 51.

[167] *В. О. Ключевский.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871; *А. А. Зимин.* И. С. Пересветов и его современники, стр. 85—86.

[168] Великие Четьи минеи в 1868—1917 гг. издавались отдельными выпусками Археографической комиссией. Опубликованы разделы за сентябрь, октябрь, апрель, с 1 по 25 ноября, с 1 по 24 и за 31 декабря. Первый вып.: Великии Четии минеи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 1—13. Спб., 1868. Последний вып.: Великии Минеи четии, вып. 9, ч. 2, тетр. 1, ноябрь, дни 23—25. Под ред. Н. П. Попова. М., 1917. *А. В. Горский* и *К. И. Невоструев.* Описание Великих Четьих Миней.— ЧОИДР, 1884, кн. 1; 1886, кн. 2; *Иосиф, архим.* Подробное оглавление Великих Четьих Миней. М., 1892; *В. О. Ключевский.* Великие Четьи Минеи, собранные всероссийским митрополитом Макарием.— В кн.: Отзывы и ответы. Сб. 3. М., 1914, стр. 1—20.

[169] ГИМ, Син. 986—997.

[170] Сохранились 10 (из 12) томов Царского списка (за исключением марта и апреля). См.: ГИМ, Син. 174—183.

[171] Ср.: *А. Д. Маневский.* Возникновение книгопечатания на Руси. М., 1939, стр. 24. К. Заусцинский говорит о 13 528 листах, или 27 057 стр. (Цит. соч., стр. 21).

[172] В Успенском списке сентябрь занимает 994 л., в Царском — 1179, октябрь — соответственно 849 и 1507 л., ноябрь — 1284 и 1645 л. См.: *А. Д. Маневский.* Цит. соч., стр. 39.

[173] ААЭ, т. 1, Спб., 1836, стр. 203—204.

[174] Старейший список Степенной книги — Афанасьевский — см.: ГИМ, Чуд. 358. Запись: «Книга Чудова монастыря, собрана смиренным Афанасием, митрополитом всея Руси». Степенная книга издана П. Г. Васенко (ПСРЛ, т. 21); *П. Г. Васенко.* «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. Спб., 1904; *Он же.* Составные части Книги Степенной царского родословия.— В кн.: Летопись занятий Археографической комиссии (ЛЗАК), 1908, вып. 19, стр. 1—51; *А. А. Зимин.* К изучению источников Степенной книги.— ТОДРЛ, т. 13, 1957, стр. 225—230.

[175] См.: *А. А. Зимин.* И. С. Пересветов и его современники, стр. 29—41.

[176] См.: *А. Е. Пресняков.* Московская историческая энциклопедия XVI в.— «Известия Отделения русского языка и словесности» (ОРЯС) Академии наук, 1900, кн. 3. стр. 824—876; *Он же.* Заметки о лицевых летописях.— *Там же,* 1901, кн. 4, стр. 295—304; *В. Н. Щепкин.* Лицевой сборник имп. Российского исторического музея.— Там же, 1899, кн. 4, стр. 1345—1385; *А. В. Арциховский.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, и мн. др.

[177] *М. Н. Тихомиров.* Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 500.

[178] Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 1192, оп. 2, № 395, л. 118 об.

[179] ПСРЛ, т. 3, стр. 158.

[180] Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда. Казань, 1909, стр. 27. Ср.: *М. Н. Тихомиров.* Начало книгопечатания в России, стр. 21.

[181] ЦГАДА, ф. 1192, оп. 2, № 395, л. 161 об.

[182] *А. А. Гераклитов.* Три издания XVI в. ..., стр. 4.

[183] ГИМ, Чертк. 134, л. 53 об.

[184] *И. В. Новосадский.* Возникновение печатной книги в России в XVI в.— В сб.: Иван Федоров первопечатник. М.—Л., 1935, стр. 68—69.

[185] См. *Е. Л. Немировский*. Историографические заметки к вопросу о начале книгопечатания на Руси.— Книга. Сб. 7. М., 1962, стр. 239—243.

[186] *Н. М. Карамзин*. История государства Российского. Т. 3. Изд. 5-е. Спб., 1843, стр. 28.

[187] *К. Я. Тромонин*. О начале книгопечатания в России. М., 1843, стр. 21.

[188] Энциклопедический лексикон. Т. 9. 1837, стр. 27.

[189] См.: *С. В. Арсеньев*. О любекском печатнике Варфоломее Готане.— ЧОИДР, 1909, кн. 4, отд. IV, Смесь, стр. 17—20.

[190] «Посещение Готаном России закончилось для него трагедией,— писал А. И. Некрасов,— его у нас утопили». (Книгопечатание в России..., стр. 64).

[191] См.: *П. Н. Берков*. Несколько замечаний о деятельности Ивана Федорова и его предшественников.— В сб.: Иван Федоров первопечатник. М.—Л., 1935, стр. 97—99.

[192] См.: *Г. Рааб*. Новые сведения о печатнике Варфоломее Готане.— В сб.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, стр. 339—351.

[193] См.: *W. Gläser*. Bruchstucke zur Kenntnis der Lübecker Erstdrucke von 1464 bis 1524 nebst Rückblicken in die spätere Zeit. Lübeck, 1903; *Он же*. Ghotan Domvikar und Diplomat, Schriftgiesser und Buchdrucker, Urheber des Mohnsignet, von 1474 bis 1494 in Magdeburg und Lübeck, in Stockholm und Moskau. Lübeck, 1903; *K. von Stern*. Bartolomäus Ghotan in Stockholm und Moskau. Lübeck, 1902; *F. Bruns*. Lebensnachrichten über Lübecker Drucker des 15. Jahrhunderts.— Nordisk tidskrift för book-och biblioteksväsen. Arg. II, 1915.

[194] *W. Gläser*. Bruchstucke..., SS. 9—22.

[195] *A. Schramm*. Der Bilderschmuck der Frühdrucke, Bd. XII, Leipzig, 1929, S. 4.

[196] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1. Спб., 1851, стлб. 88.

[197] *Там же*, стлб. 104—105.

[198] *Там же*, стлб. 105—106. В тексте этого донесения П. Н. Берков увидел свидетельство политической неразборчивости Готана и его способность одновременно служить нескольким сторонам. Г. Рааб убедительно показал ошибочность этого мнения.

[199] См.: *H. Raab*. Zu einigen niederdeutschen Quellen des altrussischen Schrifttums.— Zeitschrift für Slavistik. Bd. III, 1958, H. 2—4, S. 330—331.

[200] *И. Бакмейстер*. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей... Спб., 1779, стр. 21; *Н. М. Карамзин*. История государства Российского. Т. 3. Изд. 5-е. Спб., 1843, стр. 28.

[201] «Все историки, с которыми я справлялся,— пишет Бакмейстер,— как-то: Геннинг, Лейнклав, Хитре, Нейгебауер, Колхен, Трейер, Арид пишут согласно, что художники, числом около трехсот... уже приехали было в Любек...» и т. д. Ср.: *F. K. Gadebusch*. Livländische Jahrbucher. 1 Teil. 2 Abschnitt von 1400 bis 1561. Riga, 1780, S. 387—388.

[202] Archiv-Nachrichtungen von alten Unterhandlungen, welche zwischen der russischen und dänischen Hofe von 1554 bis 1677 gepflogen worden.— Magazin für die neue Historie und Geographie, angelegt von D. Anton Friedrich Büsching. 7 Teil. Halle, 1773, S. 299.

[203] Nachricht von der fehlgeschlogenen Unternehmung des Zars Iwan Wasiljewitsch sein Land durch Gelehrte, Künstler und Handwerke aus Deutschland zu verbessern.— Preussisches Archiv oder Denkwürdigkeiten aus der Kunde der Vorzeit. Herausgegeben von Karl Faber. Dritte Sammlung, Königsberg, 1810, SS. 3—30.

[204] См.: *А. И. Тургенев*. Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек. Т. 1. Спб., 1841, стр. 134—138.

[205] См.: *Jos. Fidler*. Ein Versuch der Vereinigung der Russischen mit der Römischen Kirche im XVI Jahrhundert.— Sitzungsberichte der Philosop-histor. Classe der Kaiser. Akad. der Wissenschaften, Wien, 1860, Bd. XL. S. 27—123.

[206] См.: *Г. В. Форстен*. Архивные занятия в Любеке и Данциге по истории балтийского вопроса.— ЖМНП, ч. 270, 1890, август, стр. 291—331; *Он же*. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетии (1544—1648). Т. 1. Борьба из-за Ливонии. Спб., 1893, стр. 43—48.

[207] См.: *Ю. Н. Щербачев*. Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326—1690 гг.— ЧОИДР, 1893, кн. 1, стр. 288—297.

[208] См.: *И. И. Полосин*. Из истории блокады Русского государства.— В кн.: Материалы по истории СССР. II. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955, стр. 249—271.

[209] Preussisches Archiv, S. 5.

[210] Preussisches Archiv, SS. 6—7.

[211] *И. И. Полосин*. Из истории блокады..., стр. 258.

[212] *J. Fiedler*. Ein Versuch..., S. 78.

[213] *Г. В. Форстен*, Балтийский вопрос ..., стр. 45.

[214] *Н. М. Карамзин*. История государства Российского. Т. 8, стр. 113; *Ф. Аделунг*. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г. и их сочинений. М., 1864, стр. 134.

[215] *Н. М. Карамзин*. История государства Российского. Т. 9. Изд. 5-е. Спб., 1843. стр. 28.

[216] Хранится в «Acta in Sachen Hans Schlitt contra senatum Lubecensem, 1548», в разделе «Miscellanea Russica» (тт. III—V) Любекского архива. Ср.: *Г. В. Форстен.* Архивные занятия..., стр. 293.
[217] См.: *И. И. Полосин.* Из истории блокады..., стр. 268—271.
[218] См.: *J. Fidler.* Ein Versuch..., S. 86: «...cum diuo parente nostro regnante quidam de subditis ejus pio studio ductus Sacram Scripturam lingua Russica imprimi et in lucem aedi curasset, et ad Moschos venisset, publice eos libros jussu principis concrematos esse, propterea quod a Romanae ecclesiae addicto, et in locis ejusdem authoritati subjectis editi essent».
[219] *И. И. Первольф.* Славяне, их взаимные отношения и связи. Т. 2. Варшава, 1888, стр. 596—597.
[220] См.: *А. В. Флоровский.* Чешская Библия в истории русской культуры и письменности.— Sborník Filologický. Vidáva III Třida České Akademie Věd a Umění Sv. XII. Praha, 1940—1946, s. 210—211.
[221] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 1. С 1487 по 1533 г.— В кн.: Сборник имп. Русского исторического общества. Т. 35. Спб., 1882, стр. 752, 759.
[222] Вопрос подробно рассмотрен в нашей статье «Историографические заметки к вопросу о начале книгопечатания на Руси» (Книга. Сб. 7. М., 1962, стр. 243—251).
[223] См.: *Niels Krag.* Christian III Historie. 1776.— Цит. по статье: *H. J. Pedersen.* En dansk bogtrykkerapostel i Moskva (оттиск, б. г.), стр. 31.
[224] *Там же,* стр. 34.
[225] Theologisk Bibliothek udgived af Jens Möller. 1816.
[226] См.: *И. Снегирев.* О сношениях датского короля Христиана III с царем Иоанном Васильевичем касательно заведения типографии в Москве.— Русский исторический сборник, т. 4, 1840, кн. 1, стр. 117—131.
[227] *В. Сопиков.* Опыт российской библиографии, ч. 1, стр. XXXII, 7.
[228] В первом издании своего словаря Евгений Болховитинов вслед за В. Сопиковым говорил о «датчанине Гансе». Во втором издании, появившемся уже после статьи П. Кеппена, речь идет о «Гансе Богбиндере».
[229] *К. Калайдович.* Записка об Иоанне Федорове, стр. 297.
[230] См.: *Строев, I,* стр. VII.
[231] См.: *П. Кеппен.* Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии. М., 1822, стр. 88.
[232] *И. Снегирев.* О сношениях датского короля..., стр. 124.
[233] См.: *A. Friis.* Bogbinder Hans.— Dansk Biografisk Leksikon, III, København, 1934, S. 365.
[234] Opus epistolarum Des. Frasmi Roterodami. Denvo recognitum et auctum per P. S. Allen. T. 7, 1527—1528. Oxoni, 1928, p. 188.
[235] См.: *А. И. Некрасов.* Книгопечатание в России..., стр. 66.
[236] ПСРЛ, т. 13, стр. 317.
[237] Летописец русский. (Московская летопись). Оттиск из ЧОИДР, 1895, стр. 17. Правильная транскрипция: Иоганн Бокгорст, Отто фон Гротхузен, Вольдемар Врангель. Обстоятельства, связанные с посольством, в самое последнее время изучены И. П. Шаскольским. См. его статью «Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани» в сб. «Международные связи России до XVII в.». М., 1961, стр. 376—399.
[238] См.: *Ю. Н. Щербачев.* Датский архив.— ЧОИДР, 1893, кн. 1, стр. 16, документ № 35 (34).
[239] ЧОИДР, 1858, кн. 2, стр. 9—12. См. также: *А. И. Клибанов.* Реформационные движения в России..., стр. 266.
[240] См. *М. Н. Тихомиров.* Начало книгопечатания в России, стр. 24.
[241] См.: *Ю. Н. Щербачев.* Датский архив, стр. 14.
[242] Летописец русский, стр. 119.
[243] *А. И. Соболевский.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Спб., 1903, стр. 38.
[244] Герасим Поповка впоследствии был игуменом Московского Богоявленского монастыря, где и умер в 1503 г. См.: *Л. Н. Майков.* Последние труды.— Известия ОРЯС, 1900, т. 5, кн. 2, стр. 373—379.
[245] См.: *И. Е. Евсеев.* Геннадиевская Библия. М., 1914, стр. 9—10.
[246] ГИМ, Син. 1/915.
[247] *А. Горский и К. Невоструев.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Т. 1, М., 1855, стр. 1—164.
[248] *Там же,* стр. 6
[249] Gesamtkatalog der Wiegendrucke, Bd. 1—8, Leipzig, 1925—1940 (всюду ниже цит.: GW), N 4295—4309.
[250] GW 4307 и 4308. Ср.: Bibel und Bibeldruck in Deutschland im 15 und 16 Jahrhundert. Mainz, 1960.
[251] GW 4309.
[252] См.: *А. Горский* и *К. Невоструев.* Описание..., стр. 44.
[253] ГПБ, Пог. 84. См.: *И. Е. Евсеев.* Геннадиевская Библия, стр. 12.
[254] ГПБ, Пог. 88. См.: «Москвитянин», 1850, № 9, Смесь, стр. 20; Разночтения в скобках по списку ЦГАДА, ф. 181, № 438—899. Публикации: *А. И. Соболевский.* Переводная литература..., стр. 186; *И. Е. Евсеев.* Геннадиевская Библия, стр. 10.

[255] См.: *C. Borchling, B. Clausen.* Niederdeutsche Bibliographie. Gesamtverzeichnis der Niederdeutschen Drucke bis zum Jahre 1800. Bd. I, 1473—1600. Neumünster, 1931, N 1 (ниже цит.: *Borchling*); *L. Hain.* Repertorium bibliographicum, in quo libri omnes ab arte typografica inventa usque ad annum MD. Berlin, 1925, N 13520 (ниже цит.:*Hain).*

[256] См.: *Borchling,* N 227; *Hain,* N 131519.

[257] См.: *Hain,* N 13484.

[258] А. И. Соболевский указывает три списка: ГИМ, Ув. 1971, список Вологодской духовной семинарии и список Троицкого Лютикова монастыря (ЧОИДР, 1865, кн. 4, стр. 33).

[259] См.: *Hain,* N 10408.

[260] ГИМ, Ув. 453. А. И. Соболевский указывает также списки Вологодской духовной семинарии и Троицкого Лютикова монастыря.

[261] См.: *Hain,* N 14268. Гайн указывает для XV в. 12 латинских изданий «Samuel Maroccanus» (№ 14260—14271), 2 немецких (№ 14272—14273) и 3 итальянских (№ 14274—14276).

[262] *Donatus.* De octo partibus orationis. Ср.: *J. Collijn.* Svensk typografisk atlas. Stockholm, 1952, табл. XI.

[263] ГИМ, Син. 306; ГПБ, Соф. 1255; ГПБ, Сол. 133/1039 (экземпляр Сильвестра); БАН, 16. 12. 7.

[264] См.: *Bruno Episcop.* Psalterium exdoctorum dictus collectum. Ср.: Hain, N 4011.

[265] Psalterium beati Brunonis episcopi Herbipolensis... Ср.: *Hain,* N 4012, 4013.

[266] См.: *И. Н. Жданов.* К литературной истории русской былевой поэзии. Киев, 1881; То же, см.: *И. Н. Жданов.* Соч., т. 1, стр. 493—743.

[267] См.: *W. Mantels.* Zwiegespräch zwischen dem Leben und dem Tod.— Jahrbuch des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung, Jg. 1875 (1876), S. 54—56; *Он же.* Noch einmal das Zwiegespräch zwischen dem Leben und dem Tode — *Там же,* Jg. 1876 (1877), SS. 131—133.

[268] См.: *Borchling,* N 73 (Ortolff von Baiernland. Bok der Arstedie. Lübeck, 1484).

[269] См.: *H. Raab.* Zu einigen niederdeutsche Quellen des altrussischen Schrifttums.— Zeitschrift für Slawistik, 1958, Bd. III, H. 2—4, SS. 323—335.

[270] ГПБ, Соф. 1454.

[271] См.: *А. Востоков.* Описание..., стр. 511—512.

[272] См.: *А. Седельников.* Литературная история повести о Дракуле.— Известия по русскому языку и словесности Академии наук, 1929, т. 2, кн. 2, стр. 621—659.

[273] См.: *Ф. Буслаев.* Для определения иностранных источников повести о мутьянском воеводе Дракуле.— Летописи русской литературы и древности, 1863, т. 5, отд. III, стр. 84—86.

[274] См.: *J. C. Engel.* Geschichte der Moldau und Walachei.— In Allgemeine Welthistorie, 49 Teil, 4Bd., Halle, 1804, S. 75.

[275] Uan deme quaden thyrane Dracole Wyda. См.: *Borchling,* N 66.

[276] См.: *I. Bogdan.* Vlad Tepeş şi Naraţiunile Germane şi Ruseşti asupra lui. Bucureşti, 1896. Ср.: *А. И. Яцимирский.* Повесть о мутьянском воеводе Дракуле в исследовании румынского ученого.— Известия ОРЯС, 1897, т. 2, кн. 4, стр. 940—963.

[277] См.: *J. Striedter.* Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula in der russischen und deutschen Überlieferung.— Zeitschrift für slavische Philologie, 1961, Bd. XXIX, H. 2, SS. 398—427. *Borchling,* N 66.

[279] *Croiset van der Kop.* Altrussische Übersetzung aus dem Polnischen. I. De morte prologus. Berlin, 1907.

[280] См.: *Х. Лопарев.* Описание рукописей Общества любителей древней письменности. Ч. 2. Спб., 1893, стр. 209—210. Ср.: *В. Н. Щепкин.* Лицевой сборник Русского исторического музея.— Известия ОРЯС. 1899, кн. 4, стр. 1364—1374.

[281] См.: *Н. В. Геппенер.* К истории переводов повести о Трое Гвидо де Колумна.— Сборник статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 351—360.

[282] Historie van der Verstoringe der Stat Troye. Ср.: *Borchling,* N 33; *Hain,* N 5520.

[283] См.: *Н. Тихонравов.* Луцидариус.— Летописи русской литературы и древности, 1859, т. 1, отд. II, стр. 33—68; *А. С. Архангельский.* К истории древнерусского Луцидариуса. Сличение славяно-русских и древненемецких текстов. Казань, 1899.

[284] См.: *Borchling,* N 85; *Hain,* N 8815.

[285] См.: *А. В. Флоровский.* Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений. Т. 2. Прага, 1947, стр. 43.

[286] ГИМ, Ув. 2191/623, л. 10 об. (3-го сч.); *Л. Ф. Змеев.* Русские врачебники. Исследование в области нашей древней врачебной письменности. Спб., 1896, стр. 18—19. (Памятники древней письменности. CXII).

[287] См.: *Borchling,* N 203; *Hain,* N 8957.

[288] ААЭ, т. 1, стр. 344.

[289] ГПБ, Q. IV. 412, лл. 18—29; *И. А. Бычков.* Каталог собрания рукописей П. И. Савваитова, ныне принадлежащих Публичной библиотеке. Вып. 1. Спб. 1900, стр. 153; *А. И. Соболевский.* Переводная литература..., стр. 237.

[290] De Moluccis insulis itemque aliis pluribus mirandis... Köln, 1523.

[291] ГПБ, Сол. 682, л. 127; *А. И. Соболевский.* Переводная литература..., стр. 237.
[292] См.: *E. Weller.* Die ersten deutschen Zeutungen. 1505—1559. (Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart, CXI, Tübingen, 1872), N 141.
[293] См.: *А. В. Флоровский.* Чехи и восточные славяне, т. 2, стр. 60.
[294] См.: *Л. Ф. Змеев.* Русские врачебники, стр. 199; о чешском издании см.: *F. Horak.* Česká kniha v minulosti a její výzdoba. Praha, 1948, S. 118, 121—123, 125.
[295] *Ioh. de Moteregio* Calendarium, Venetiis, 1476.
[296] Missale secundum morem S. Romane Ecclesiae. 1490.
[297] ОРЛБ, ф. 304, № 137, л. 16.
[298] *Там же,* лл. 339, 364, 381, 386. Инициалы из Псалтыри 1568 г. см. Зерн. 100—110.
[299] ОРЛБ, ф. 173, № 56, л. 1 (1550—1560-е гг.); ОРЛБ, ф. 173, № 137, лл. 139, 722 (нач. XVII в.); *Е. В. Зацепина.* К вопросу о происхождении старопечатного орнамента, стр. 117—125 (подробное описание рукописи «Слова Григория Богослова» с соответствующими параллелями из венецианского издания).
[300] *П. М. Строев.* Библиологический словарь и черновые к нему материалы. Спб., 1882, стр. 206. (Сборник ОРЯС, т. 29, № 4); *Г. Геннади.* О типографском знаке альдинских изданий.— Библиографические записки, т. 1, 1858, № 6, стр. 185.
[301] *E. Denissoff.* Maxime le Grec et l'Occident. Paris — Louvain, 1943.
[302] Первое письмо см.: *E. Legrand.* Bibliographie Hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés en Grec par des Grecs aux XV et XVI siecles. T. 2. Paris, 1885, p. 302—303. Второе и третье письма извлечены из Ватиканского архива и впервые опубликованы Денисовым (стр. 402—407).
[303] *Pedacii Dioscoridis.* De materia medica libri sex. Veneciis. Apud Aldum, 1499.
[304] Etymologicum magnum graecum. 1499. (*Hain* N 6691); *Simplicius.* Hypomnemata in Aristotelis categorias graece. 1499. (*Hain* N 14757); *Ammonius Parvus Hermias.* Commentarius in quinque voces Porphyrii. 1500. (*Hain* N 927); *Galenus.* Therapeuticorum. 1500 (*Hain* N 7426).
[305] «Москвитянин», 1842, № 11, стр. 95.
[306] Сочинения, т. 2, стр. 419.
[307] ГПБ, Соф. 78. Ср.: Psalterium graecum 1497—1498 (*Hain* N 13452).
[308] *Hain* N 1657 (Аристотель); *Hain* N 5347 (Цицерон).
[309] См.: *И. В. Ягич.* Рассуждения старины о церковно-славянском языке.— В кн.: Исследования по русскому языку. Т. 14. Спб., 1885—1895, стр. 601.
[310] См.: *С. И. Абакумов.* Вопросы пунктуации в трудах русских книжников XV—XVIII вв.— Ученые записки. Т. 12. Фак-т языка и литературы. Труды кафедры русского языка. Вып. 1. М., 1948, стр. 9. (Московский областной педагогический институт).
[311] *Const. Lascaris.* Grammatices graecae epitome. Mediolani, 1476. Есть миланские издания 1480, 1489 и 1491 гг. (*Hain* N 9921—9923). Издание Альда см.: *Hain* N 9924.
[312] *П. М. Строев.* Библиологический словарь..., стр. 205.
[313] См.: *Svidas.* Lexicon graecum. Mediolani, 1484 (*Hain* N 15135).
[314] ГПБ, Сол. 310; ГПБ, Q. I. 219; Сборник Костромского Богоявленского монастыря № 829, описанный П. М. Строевым и др.
[315] О мелких переводах Максима Грека см.: *А. И. Соболевский.* Переводная литература..., стр. 260—279.
[316] См.: *В. Е. Румянцев.* Сборник памятников..., стр. 14—15.
[317] См.: *А. И. Некрасов.* Книгопечатание в России..., стр. 75.
[318] См.: *В. Погорелов.* Иностранные книги XV и XVI вв. 1903. (Библиотека Московской Синодальной типографии. Т. 2. Вып. 1); *А. А. Покровский.* Иностранные книги XVI в. М., 1912. (Библиотека... Т. 2. Вып. 2).
[319] ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 230—455; ГПБ, Q. XV. 103; *А. И. Соболевский.* Переводная литература..., стр. 380—381.
[320] *E. Denissoff.* Op. cit., p. 197.
[321] РИБ, т. 4, стлб. 991.
[322] См.: *K. Estreicher.* Günter Zainer i Świętopełk Fiol. Warszawa, 1867, s. 54—56.
[323] См.: *J. Ptaśnik.* Cracovia impressorum XV et XVI saeculorum. Leopoli, 1922, s. 37—40.
[324] См. *K. Kaczmarczyk.* Księgi przyjęć do prawa miejskiego w Krakowie. 1392—1506 Kraków 1913. N 1422, s. 105. См. также: J. Ptaśnik. Op. cit., s. 39.
[325] См.: *J. F. Golowackij.* Sweipolt Fiol und seine kyrillische Buchdruckerei in Krakau vom Jahre 1491. Eine bibliographisch-historische Untersuchung. Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-Historische Klasse, Bd. 83, Wien, 1876 (есть оттиск).
[326] Документы краковских архивов о Швайпольте Фиоле собраны и опубликованы И. Пташником. См.: *J. Ptaśnik.* Cracovia impressorum XV et XVI saeculorum. Leopoli, 1922. Подробный обзор источников для изучения жизни и деятельности Фиоля недавно составлен К. Гейнтчем: *K. Heintsch.* Ze studiów nad Szwajpoltem Fiolem. Rocznik Zakładu narodowego imienia Ossolińskich. T. 5. Wrocław, 1957, s. 233—342. Здесь же подробная библиография.
[327] См.: *K. Kaczmarczyk.* Księgi przyjęć do prawa miejskiego w Krakowie. 1392—1506. Kraków, 1913, N 7812.

[328] Документ был впервые опубликован краковским библиофилом Амброзием Грабовским (1782—1868) в 1840 г. См.: *A. Grabowski.* Starożytności historyczne polskie. T. 1. Kraków 1840, s. 451; *J. Ptaśnik,* Cracovia impressorum..., N 23, s. 10.

[329] См.: *П. Попов.* Початки друкарства у слов'ян.— «Бібліологичні вісти», 1924, ч. 1—3, стр. 16—17.

[330] См.: *H. Labecki.* Górnictwo w Polsce. T. 2. Warszawa, 1841, s. 170—172.

[331] См.: *J. Ptasnik.* Cracovia impressorum..., № 48, s. 19—20.

[332] См.: *Питирим, архиеп.* Пращица противу вопросов раскольнических. Спб., 1721.

[333] Наиболее полон был экземпляр, в предвоенные годы хранившийся во Вроцлаве. В настоящее время его местонахождение неизвестно. В 1874 г. с этого экземпляра сняли факсимильные копии 18 листов, не достающих в экземпляре ГПБ I. 1. 1[а] (*Н. Б. Варбанец и В. И. Лукьяненко.* Славянские инкунабулы в собрании Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.— Книга, сб. 2, стр. 197). В ГПБ имеется второй экземпляр, в котором отсутствуют лл. 1—8, 12, 14—18, 143, 144, 168—170 и др. (I.1.1[б]). Экземпляр ЛБ также не полон — отсутствуют лл. 1—4, 6, 14, 18, 23, 153, 160—170 (№ 1205). Экземпляры Октоиха 1491 г. имеются также в ГИМ в собраниях П. В. Щапова и И. Н. Царского. Описание книги см.: *И. П. Каратаев.* Осмогласник 1491 г., напечатанный в Кракове. Спб., 1876.

[334] Упомянем следующие известные нам экземпляры: ГПБ I.1.1[в]; ГПБ I.1. [г]; ГПБ I.1.1[д]; ГПБ I.5.1[е]; ЛБ, № 5992; ЛБ, № 3568; ЛБ, № 3569; ЦГАДА, ф. 1251, № 27; ЦГАДА, ф. 1250, № 819; Б-ка АН Литовской ССР, I-9; Одесская госуд. научн. б-ка, № 443748; Музей украинского искусства во Львове, № 162 (416); ГИМ, собр. П. В. Щапова, И. Н. Царского, А. И. Хлудова. Список далеко не полон.

[335] Краковские Триоди встречаются часто. Укажем следующие известные нам экземпляры, далеко не претендуя на полноту. Триодь постная: ЛБ, № 7422; ЛБ, № 1209; ЛБ, № 1208; ЛБ, № 1206; ЛБ, № 1210; ГПБ, I.1.2[а]; ГПБ, I.1.2[б]; ГПБ, I.1.2[в]; ГПБ I.1.2[г]; ГПБ, I.1.2[д]; ГПБ, I.1.2[е]; ГИМ, собр. Царского, «Меньших»; ЦГАДА, ф. 1251 № 4; БАН, 38.21.7; Ярославский краеведческий музей; Львовский гос. исторический музей, Львовский музей украинского искусства . Столь же часто встречается и Триодь цветная. В ЛБ — 5 экз., в ГПБ — 2; Б-ка АН Литовской ССР, I — 36; Львовская б-ка АН УССР; Львовский музей украинского искусства и мн. др.

[336] См.: *А. С. Орлов.* Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1936, стр. 130—131.

[337] См.: *K. Heintsch.* Ze studiów..., s. 262.

[338] ЦГАДА, ф. 1250, № 819, лл. 156 об., 218 об., и мн. др.

[339] ГПБ, I.1.2[в], лл. 5—10; *Н. Б. Варбанец* и *В. И. Лукьяненко.* Славянские инкунабулы..., стр. 201.

[340] ГПБ, I.5.1[в]; *Н. Б. Варбанец и В. И. Лукьяненко.* Славянские инкунабулы..., стр. 201; *Строев,* I, стр. 2.

[341] ЛБ, № 3568, л. 169 об.

[342] Четыре из них находятся в Загребе, два — в Ватикане и по одному — в Вене, Вашингтоне и Ленинграде. Ленинградский экземпляр (ГПБ, Глагол. № 1) недавно описан В. И. Лукьяненко — см.: *Н. Б. Варбанец* и *В. И. Лукьяненко.* Славянские инкунабулы..., стр. 206—207.

[343] См.: *Z. Kulundžić.* Kosinj-kolijevka štamparstva Slavenskog Juga. Zagreb, 1960.

[344] Литература о типографии Макария обширна. Укажем: *V. Jagić.* Die erste südslawische Typographie im 15 Jahrhundert.— «Wiener Zeitung», 1893, № 146; *Он же.* Der erste Cetinjer Kirchendruck vom Jahre 1494.— Denkschriften der Kaiser. Akademie derWissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Classe. Bd. 43, Wien, 1894; *Он же.* Ein Nachtrag zum ersten Cetinjer Kirchendruck.— Archiv für slavische Philologie. Bd. XXV. Berlin, 1903, S. 630; Д. С. Радоjичич, О штампариjи Црноjевича.— Гласник Скопског научног друштва. Т. XIX. Скопльe, 1938, стр. 133—172; Прославна споменица. Цетиньe, 1895.

[345] Нам известны следующие экземпляры Осмогласника: ЛБ, № 1804; ЛБ, № 1805; ЛБ, № 6872; ГПБ, I.1.4[а]; ГПБ, I.1.4[б]; ГПБ, I.1.4[в] (фрагмент из 7 лл.); ГИМ, собр. «Меньших».

[346] См.: *Д. Медакович.* Графика српских штампаних кньига XV—XVII века. Београд, 1958, стр. 190.

[347] См.: *Л. Стоjанович.* Прилози ка библиографиjи старих српских штампаних кньига.— Гласник Српска кральевска академjа. Т. LXVI. Београд, 1903.

[348] ЛБ, № 2716; ЛБ, № 4449; ГПБ, I.5.2[а]; ГПБ, I.5.2[б]; экземпляр д-ра А. Ивича (*Д. Медакович.* Графика..., стр. 190—193).

[349] ГПБ, I.5.3. См.: *Н. Б. Варбанец и В. И. Лукьяненко.* Славянские инкунабулы..., стр. 202—203

[350] См.: *Д. Медакович.* Графика..., стр. 195.

[351] См.: *П. Шафарик.* О древнеславянских, именно кирилловских типографиях в южнославянских землях XV—XVII вв.— ЧОИДР, 1846, т. 3, отд. III.

[352] См.: *Д. С. Радоjичич.* Две наше библиографске реткости.— «Република», 1951, № 307, 18 сентября; *Там же,* № 308, 25 сентября.

[353] См.: *К. Ф. Калайдович.* Иоанн, экзарх болгарский. М., 1824, стр. 113.

[354] См.: *И. Руварац.* О цетиньскоj штампариjи пре четири стотине година.— Гласник Српска кральевска академjа. Београд, 1895, кн. X, стр. 36—38.

[355] См.: *И. Н. Томич.* Црнојевичи и Црна Гора. Београд, 1901, стр. 149. (Гласник СКА, кн. 60).

[356] См.: *V. Jagic.* Die erste Cetinjer Kirchendruck..., SS. 6, 79.

[357] См.: *П. Атанасов.* Начало на българското книгопечатане. София, 1959, с. 25—29.

[358] Укажем известные нам экземпляры Служебника: ЛБ, № 4452; ЛБ, № 3021; ГИМ, собр. «Меньших» (*И. А. Яцимирский.* Первый печатный славянский Служебник.— Известия ОРЯС, т. 1, кн. 4, Спб., 1896); экземпляр румынского монастыря Быстрица (ныне в библиотеке Румынской Академии наук); экземпляр, найденный в Кратово (Македония) (*Е. Каранов.* Материали по етнографията на някои местности в северна Македония.— Сборник на народни умотворения, наука и книжнина. Т. 4. София, 1891, стр. 289); экземпляр Белградской библиотеки (*S. Novaković.* Vlaško-bulgarski liturgijar od god 1507, u bibliografii do sad nepoznat.— Starine, 1879, t. 11, p. 207—208); два дублетных экземпляра библиотеки Румынской Академии наук; экземпляр Центральной городской библиотеки Бухареста; экземпляр библиотеки православной архиепископии в Сибиу. Недавно Академия наук Румынской Народной Республики выпустила под редакцией П. Панаитеску факсимильное издание Служебника, снабженное обстоятельной вступительной статьей и подробной библиографией: Liturghierul lui Macarie. Bucureşti, 1961. Подробное описание румынских первопечатных изданий см.: *J. Bianu, N. Hodoş.* Bibliografia Romînească Veche, I, Bucureşti, 1903.

[359] *Леснид, архим.* Словено-српска кньижница на св. Гори Атонскоj у манастиру Хилендару и св. Павлу.— Гласник српског ученог друштва. Кн. 44. Београд, 1877, стр. 232.

[360] *P. P. Panaitescu.* Octoihul lui Macarie (1510) şi originile tipografiei în Ţara Romînească.— Biserica Ortodoxă Romînă, 1939, LVII, pp. 525—550.

[361] См.: *A. Greсu (P. P. Panaitescu).* Contribuţii la începuturile tipografiei slave în Ţara Romînească. Studii şi cercetări de bibliologie, I, Bucureşti, 1955, pp. 233—238.

[362] См.: *П. В. Владимиров.* Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. Спб., 1888. (Памятники древней письменности. Вып. ХС); Чатырохсотлецьце беларускага друку. 1525—1925. Менск. 1926; *А. В. Флоровский.* Чешская библия в истории русской культуры и письменности.— Sborník Filologický. Vydáva III Třída České Akademie Věd a Umění. Sv. XII, Praha, 1940—1946.

[363] Сборник имп. Русского исторического общества. Т. 35. Спб., 1882, № 16, стр. 67.

[364] Kwartalnik Historiczny, t. 40, 1926, s. 473—475. Ср.: *А. В. Флоровский.* Чехи и восточные славяне, т. 2, стр. 194.

[365] Album Studiosorum Universitatis Cracoviensis. T. 2. Ed. A. Chmiel, Cracoviae, 1892, p. 91.

[366] См.: *И. А. Шляпкин.* К биографии Франциска Скорины.— ЖМНП, ч. 230, 1892, № 4, стр. 382—385.

[367] См.: *Филарет, архиеп.* Обзор русской духовной литературы.— В кн.: Ученые записки II Отделения Академии наук, 1856, стр. 129—130; *Я. Ф. Головацкий.* Несколько слов о Библии Скорины и о рукописной русской Библии из XVI ст., обретающейся в библиотеке монастыря св. Онуфрия в г. Львове.— Науковый сборник, 1865, вып. 1, стр. 225—256.

[368] См.: *А. В. Миловидов.* Новые документы, относящиеся к биографии Франциска Скорины.— Известия ОРЯС, 1917, т. 22, кн. 2, П., 1918, стр. 221—226.

[369] См.: *М. Крупович.* Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы... Т. 1. Вильно, 1858, № XXIX, XXX (королевские грамоты от 21 и 25 ноября 1532 г.). См. также: *A. Brückner.* Skorina — Zeitschrift für slavische Philologie. 1927, Bd. IV, SS. 19—20.

[370] См.: *A. V. Florovskij.* Nové zprávy o pobytu Františka Skoryny v Praze.— Časopis Národního Musea. Oddíl duchovědný. Roč CX. 1936, Sv. I, s. 11—19.

[371] *А. В. Флоровский.* Чешская Библия в истории русской культуры и письменности, стр. 213.

[372] Книга Иова.— ЛБ, № 6334; ЛБ, № 6518; Притчи Соломона.— ЛБ, № 6229.

[373] Книга Иова.— ЛБ, № 6334, л. 2.

[374] Книга Иова.— ЛБ, № 6518, л. 1; Книга Исус Сирахов.— ЛБ, № 6328, л. 1; ЛБ, № 1439, л. 1. Аналогичные плохо сохранившиеся записи см.: Притчи Соломона — ЛБ, № 6327; Екклезиаст — ЛБ, № 6313.

[375] Без киновари в тексте (кроме «Соборника») — ЛБ, № 1348; с киноварью — ЛБ, № 4356.

[376] См.: *А. Анушкин.* Во славном месте Виленском. М., 1962, стр. 35.

[377] *В. И. Пичета.* Белоруссия и Литва XV—XVI вв. М., 1961, стр. 656—675; *М. А. Алексютовіч.* Скарына, яго дзейнасць і светапогляд. Менск, 1958.

[378] О Несвижской типографии и деятельности Симона Будного см.: *H. Merczyng.* Szymon Budny. Kraków, 1913; *S. Kot.* Szymon Burny. Der grösste Häretiker Litauens in 16 Jahrhundert.— Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas. Bd. 2, 1956, SS. 63—118; Drukarze dawnej Polski od XV do XVIII wieku. Z. 5, Wielkie księstwo Litewskie. Wrocław — Kraków, 1959, s. 70—86, 120—122, 190—191.

[379] О В. Тяпинском и его типографии см.: *М. Довнар-Запольский.* В. Н. Тяпинский — переводчик Евангелия на белорусское наречие.— «Известия ОРЯС», 1899, т. 4, стр. 1031—1064; Drukarze dawnej Polski ... z. 5, s. 67—69.

[380] См.: *М. Шчакаціхін.* Гравюры і кніжныя аздобы ў выданьях Францішка Скарыны. Чатырохсотлецьце беларускага друку. 1525—1925. Менск, 1926, с. 224.

[381] ЦГАДА, ф. 1250, № 1, т. 2. Книга царств, лл. 15—32.

[382] РИБ, т. 31, стлб. 402—403.

[383] Критику этого мнения, аргументированно высказывавшегося также И. А. Чистовичем, см. в работах В. И. Пичеты.

[384] ГИМ, Син. 3; *А. В. Горский и К. И. Невоструев.* Описание..., т. 1, стр. 2—3, 163.

[385] См.: *Д. И. Абрамович.* Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии.— В кн.: Софийская библиотека. Вып. 3. Сборники. Спб., 1910, стр. 313, № 1473.

[386] См.: *S. Starovolscius.* Scriptorum polonicorum... Francofurtae, 1625; То же: Weneciis, 1627 (цит. у *И. Добровского* — Slovanka, I, s. 155—156).

[387] См.: *И. А. Шляпкин.* Св. Димитрий Ростовский и его время. Спб., 1891, стр. 121, 131.

[388] См.: *А. В. Флоровский.* Чешская Библия в истории русской культуры и письменности, стр. 224.

[389] См.: *А. Введенский.* Библиотека и архив Строгановых в XVI—XVII вв.— «Север» (Вологда), 1923, кн. 3-4, стр. 83—84.

[390] См.: *М. Климкович.* Георгий Скорина. Драматическая поэма. Л., 1958, 289—295.

[391] См.: *М. Садкович* и *Е. Львов.* Георгий Скарина. Исторический роман. Изд. 2-е. Минск, 1957, стр. 450.

[392] См.: *А. Гатцук.* Очерки истории книгопечатного дела в России.— «Русский вестник», 1872, т. 99, кн. 5, стр. 328—343. Ср.: *С. Ф. Либрович.* История книги в России, т. 1, П.—М., 1914, стр. 70.

[393] О близости этой, впрочем, весьма относительной, пишет М. И. Щелкунов (История, техника, искусство книгопечатания. М.—Л., 1926, стр. 304—305).

[394] См.: *К. Н. Бестужев-Рюмин.* Русская история. Т. 2. Вып. 1. Спб., 1885, стр. 136—137.

[395] См.: *T. Iljaszewicz.* Drukarnia Domu Mamoniczów. Wilno, 1938.

[396] *А. Попов.* Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, № 15.

[397] *П. В. Владимиров.* Начало славянского и русского книгопечатания в XV—XVI веке.— Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, 1894, кн. 8, стр. 20.

[398] *А. И. Некрасов.* Книгопечатание в России..., стр. 80.

[399] *В. Л. Ластоўскі.* Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Коўна, 1926, стр. 382—383.

[400] *М. Шчакаціхін.* Гравюры і кніжныя аздобы..., стр. 224.

[401] См.: *I. Badalic.* Jugoslavica usque ad annum MDC. Bibliographie der südslawischen Frühdrucke. Baden-Baden, 1959 (Bibliotheca Bibliographica Aureliana, II).

[402] См.: *I. Bianu, N. Hodoș* Bibliografia Românéscă Veche. 1508—1830. T. 1. 1508—1716. București, 1903; *То же.* Т. 4. București, 1944.

[403] О типографии Вуковича см.: *С. М. Ш.* Божидар Вукович и млетачки штампари у XVI вијеку. Загреб, 1939; *Л. Плавшич.* Српске штампарије од краја XV до половине XIX века. Београд, 1959, стр. 174—187; *Д. Медакович.* Графика..., стр. 116—156.

[404] Пахомий был также иконописцем. См.: *Л. Миркович.* Икона са записом Божидара Вуковича.— Старинар. Т. VII. Београд, 1932, стр. 127; *Д. Медакович.* Графика..., стр. 47.

[405] См.: *Д. Медакович.* Графика..., стр. 33.

[406] Имя Вуковича упоминается в Триоди постной 1561 г. Что же касается Триоди цветной, то в послесловии ее сказано, что она напечатана «вь странахъ македонскихъ въ граде Скендери» мастером Камило Занети. Но шрифт книги тот же.

[407] О деятельности Якова Крайкова см.: *П. Атанасов.* Начало на българското книгопечатане. София, 1959, с. 43—60.

[408] «Срезанные» красные строки нередко встречаются в изданиях Вуковичей. См., например, Молитвослов 1560 г., ЛБ, № 2279, л. 309 об.

[409] См.: *А. С. Зернова.* Типография Мамоничей в Вильне (XVII век).— Книга. Сб. 1. М., 1959, стр. 178 (Служебник 1554 г. ошибочно датирован 1547 г.).

[410] См.: *А. А. Сидоров.* Художественно-технические особенности..., стр. 66.

[411] *М. Н. Тихомиров.* Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVIII в.— Славянский сборник. М., 1947, стр. 197; *Т. Н. Протасьева.* Первые издания московской печати..., стр. 16—17 (ошибочные отсылки на несуществующее венецианское издание 1517 г. и сомнительное — 1527 г.); *Д. Медакович.* Графика..., стр. 179—180.

[412] Записки историко-филологического факультета Санкт-петербургского университета. Т. 81, 1906, стр. 66—71; *В. Л. Микитась.* Давні рукописи і стародруки. Опис і каталог. Ужгород, 1961, с. 54.

[413] См.: *Д. С. Радојичич.* Рујанска штампарија.— Зборник Матице српске за кньижевност и језик, 1954, кн. 2.

[414] См.: *Р. М. Грујич.* Прва штампарија у Јужној Србији.— Гласник Скопског научног друштва, кн. 15—16, Скопље, 1936, с. 81—96.

[415] *Он же.* Манастир Милешева и Дубровник крајем XVI в.— *Там же.*

[416] Наше описание основано на изучении экземпляра ГПБ., I.1.8. по-видимому, единственного в нашей стране. В литературе описаны еще два экземпляра: *Д. Медакович.* Графика..., стр. 222 (экз. Сербской Академии наук, № 397 — содержит 92 л.); *P. Šafařík.* O staroslovanských jmenovite cyrilských tiskárnách v jihoslovanskych zemich během XV, XVI a XVII stvl.—Časopis Českeho Musea, 1842. т. XVI, s. 102.

[417] Трактовка вопроса и сам термин — «культурные связи» — применительно к изучаемому нами вопросу были подсказаны нам членом-корреспондентом Академии наук СССР А. А. Сидоровым.

[418] См.: *М. П. Алексеев.* Явления гуманизма в литературе и публицистике древней Руси. М., 1958, стр. 38.

[419] Превосходным, хотя и не исчерпывающе полным руководством при изысканиях в этой области является труд А. С. Орлова «Библиография русских надписей XI—XV вв.», изд. 1-е, М.—Л., 1936; изд. 2-е, М.—Л., 1952.

[420] См.: *Е. Георгиев.* Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952; *М. Н. Тихомиров.* Начало славянской письменности в свете новейших открытий.— «Вопросы истории», 1959, № 4; *А. Спицын.* Тмутараканский камень.— В кн.: Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического о-ва, 1915, т. 11, стр. 103—132.

[421] См.: *Б. А. Рыбаков.* Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 425—426.

[422] См.: *Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров.* Древнейшая русская надпись.— «Вестник Академии наук СССР», 1950, № 4, стр. 74—77.

[423] См.: *Б. А. Рыбаков.* Ремесло Древней Руси, стр. 325—329. Гравировка в этом случае производилась, видимо, не по металлу, а по покрывавшему его слою лака.

[424] Древнерусские окладные переплеты подробно описал П. С. Симони — Собрание изображений окладов на русских богослужебных книгах XII—XVIII столетий. Вып. 1. Древнейшие церковные оклады XII—XIV столетий. Спб., 1910. (Памятники древней письменности, CXXVII); *С. А. Клепиков.* Из истории русского художественного переплета.— Книга. Сб. 1. М., 1959, стр. 102—109.

[425] См.: *Б. А. Рыбаков.* Ремесло Древней Руси, стр. 160, 281—300.

[426] Технология древнерусского монетного дела подробно описана С. И. Чижовым. См. его статью «К истории денежного производства на Руси за царский период» в кн.: Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916, стр. 24—46.

[427] См.: *И. Г. Спасский.* Русская монетная система. Л., 1962, стр. 68 и след.

[428] См.: *В. Анастасевич.* Любопытное известие о золотой гривне, найденной в Чернигове.— «Отечественные записки», 1821, ч. 8, № 20, стр. 425—442; *А. С. Орлов.* Библиография русских надписей, стр. 3—4; *Б. А. Рыбаков.* Ремесло Древней Руси, стр. 251.

[429] См.: *Б. А. Рыбаков.* Ремесло Древней Руси, стр. 252—253. Общей истории литейного дела на Руси посвящен труд Н. Н. Рубцова «История литейного производства в СССР». М., 1947; 2-е изд. М., 1962.

[430] Ленинградское отделение Института истории АН СССР, (ЛОИИ), ф. 175, карт. XI, № 465, лл. 4—6.

[431] ПСРЛ, т. 1, стр. 20, 31.

[432] *Иоанн де Плано Карпини.* История монгалов. Введение. Перев. и прим. А. И. Малеина. Спб., 1911, стр. 57—60.

[433] *Л. И. Якунина.* О трех курганных тканях.— В кн.: Труды Государственного Исторического музея. Вып. 11. М., 1940, стр. 147—158; *Она же.* Русские набивные ткани XVI—XVII вв. М., 1954. (Труды Государственного Исторического музея. Памятники культуры. Вып. 7).

[434] См.: *Б. А. Рыбаков.* Ремесло Древней Руси, стр. 405.

[435] См.: *Д. С. Лихачев.* Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 97.

[436] См.: *Е. Л. Немировский.* Библиографическое описание художественного убранства древнерусской рукописной книги.— «Вопросы архивоведения», 1962, № 3, стр. 124—127.

[437] Неплохой, но крайне лаконичный очерк А. Н. Свирина «Древнерусская миниатюра» (М., 1950) содержит лишь самые общие сведения.

[438] См.: *Н. В. Волков.* Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV веков и их указатель. Спб., 1897. (Памятники древней письменности, CXXIII).

[439] Ср. *Л. В. Черепнин.* Русская палеография. М., 1956, стр. 130—138. Там же библиография вопроса.

[440] ОРЛБ, ф. 304, № 172. Запись с датой на л. 361 об. Ср.: *Л. В. Черепнин.* Русская палеография, стр. 218.

[441] Первой московской книгой, отпечатанной «в большой лист», было Четвероевангелие 1689 г.

[442] См.: *Б. А. Рыбаков.* Ремесло Древней Руси, стр. 406—407, 686.

[443] См.: *И. И. Срезневский.* Древние русские книги. Спб., 1864, стр. 12—13; *Б. А. Рыбаков.* Ремесло Древней Руси, стр. 686.

[444] ГИМ, Син. 562, л. 137; *А. Д. Седельников.* «Послание от друга к другу» и западнорусская книжность XV века.— Известия АН СССР, VII серия, отд. гумани-

тарных наук, 1930, № 4, стр. 223—239; *А. Д. Маневский.* Возникновение книгопечатания на Руси. М., 1939, стр. 6—7.

[445] «Третияк Иванов сын Изядинов Переславець продал есми псалтырю толковую Ивану Данилову...» (ГИМ, Син. 712, л. 91 об.; *А. Д. Маневский.* Возникновение книгопечатания..., стр. 7); «Аз Петеля Евсеев сын, Иванов человек Михайловича Воронцова продал есми сю псалтырю толковую Ивану Данилову сыну книжнику» (Псалтырь 1546 г., ГИМ, Син. 349/64, л. 254 об.— 255; *А. Д. Маневский.* Возникновение книгопечатания..., стр. 7—8); «Лета 7065 (1557) апреля куплена у Ивана у Данилова, дана 4 рубли з гривною» (Пролог 1506 г.— *И. Е. Евсеев.* Описание рукописей, хранящихся в орловских древлехранилищах. Вып. 2. Орел, 1906, стр. 142).

[446] ГИМ, Ув. 972 (1001), л. 42 об.

[447] Запись «рубль» на Псалтыри с толкованиями Афанасия Александрийского.— ГИМ, Син. 712; «Сия... книга Треодь посная а цена два рубля четыре гривны и две деньги без полушьки...» (ОРЛБ, ф. 304, № 391) и мн. др.

[448] См.: *Б. А. Рыбаков.* Ремесло Древней Руси, стр. 407.

[449] Апостол — ГИМ, Чуд. 24/48; Четвероевангелие — ГИМ, Син. 398.

[450] ГИМ, Муз. 3878; *В. Т. Георгиевский.* Миниатюры Евангелия 1532 г. новгородского архиепископа Макария; *Он же.* Евангелие 1532 г. архиепископа новгородского Макария, хранящееся в Пафнутиевском Боровском монастыре. М., 1915, стр. 10 (общий оттиск статей из журнала «Светильник»)

[451] ГПБ, Пог. 133.

[452] См.: *А. С. Уваров.* Евангелие 1577 года, изображения евангелистов и их символизм.— В кн.: Древности. Труды имп. Московского археологического общества. Т. 21. Вып. 2. М., 1907, стр. 20—21.

[453] См.: *А. С. Уваров.* Цит. соч., стр. 22—37.

[454] ОРЛБ, ф. 304, № 8657, лл. 1 об., 43 об., 79 об., 101 об. Такой же принцип оформления применен в одном из экземпляров первопечатного широкошрифтного Четвероевангелия (ГПБ, I.3.7^{г}).

[455] ОРЛБ, ф. 304, № 8659, лл. 13, 103, 163, 259.

[456] ГПБ, Кир.-Бел. 28/33. Предохранители — лл. 10, 113, 288. Предохранитель перед миниатюрой св. Луки этой рукописи — см. ГИМ, Ув. 796 (1723).

[457] Предохранители имеются, например, в следующих экземплярах московских первопечатных изданий: ГИМ, Цар. 12 (среднешрифтное Четвероевангелие), между лл. 3 и 4; ЛБ, № 3954 (то же издание), перед лл. 11, 117, 184, 293.

[458] ОРЛБ, ф. 173, № 4, лл. 13 об., 97 об., 115 об., 134 об.

[459] ОРЛБ, ф. 304, № 8669, л. 51.

[460] БАН, 34.7.13. Фронтиспис — л. 4 об. Миниатюры на полях — лл. 99, 109, 119 об., 127 об., 137, 138 об., 140 об., 146, 181, 214 об., 237, 248 об., 268, 276 об., 284 об., 289, 299, 306, 310 об., 313 об.

[461] ОРЛБ, ф. 173, № 4.

[462] ОРЛБ, ф. 173, № 5.

[463] ОРЛБ, ф. 304, № 8669.

[464] ОРЛБ, ф. 304, № 315, миниатюра — л. 42 об; ОРЛБ, ф. 304, № 321, миниатюра — л. 57 об.

[465] ОРЛБ, ф. 228, № 15 (ранее Муз. 450). Миниатюра (л. 40 об.) вырезана из ранней рукописи.

[466] ОРЛБ, ф. 304, № 308. Ср.: *Ф. И. Буслаев.* Образцы письма и украшений Псалтыри с восследованием по рукописи XVI в. Спб., 1881; То же см.: *Ф. И. Буслаев.* Соч. Т. 3. Л., 1930, стр. 158—209.

[467] ГПБ, F I.5. Орнаментикой рукопись бедна.

[468] ОРЛБ, ф. 173, № 70—320 миниатюр и 4 заставки.

[469] Ср. ОРЛБ, ф. 304, № 27, 28, 385—392 и мн. др. Традицию нарушил Андроник Тимофеев Невежа, Триодь постная (1589) которого превосходно орнаментирована.

[470] *Г. Недошивин.* Дионисий. М.—Л., 1947; *Б. Михайловский* и *Б. Пуришев.* Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV в. до начала XVIII в. М.—Л., 1941, стр. 33—52; История русского искусства. Т. 3. М., 1955, стр. 482—541.

[471] Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою, епископом Крутицким. М., 1865, стр. 23 (публикация и предисловие К. Невоструева); *Ф. Буслаев.* Жития русских угодников, как один из главных источников для истории русского искусства.— В кн.: Сборник на 1866 г., изданный Обществом древнерусского искусства при Московском Публичном музее. М., 1866, Смесь, стр. 63.

[472] См.: *В. Георгиевский.* Фрески Ферапонтова монастыря. Спб., 1911; *Н. М. Чернышев.* Искусство фрески в Древней Руси. М., 1954, стр. 61—96.

[473] ПСРЛ, т. 6, стр. 53; т. 8, стр. 249; т. 13, стр. 9.

[474] См.: *А. И. Некрасов.* Возникновение московского искусства. М., 1929, стр. 65.

[475] Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л., 1959, стр. 212. Ср. там же стр. 187, 207; Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения. М., 1865, стр. 37—38.

[476] См.: *А. А. Титов.* Рукописи славянские и русские, принадлежащие... И. А. Вахрамееву. Вып. 5. М., 1906, стр. 20.

[477] ОРЛБ, ф. 173, № 20.

[478] См.: *Ю. А. Олсуфьев*. Об изменениях в русском орнаменте в эпоху Возрождения. Сергиев, 1925, стр. 14—15; *М. Владимиров и Г. П. Георгиевский*. Древнерусская миниатюра. М., 1933, табл. 34—36; *А. Н. Свирин*. Древнерусская миниатюра, стр. 78—83; репродукции миниатюр и заставок — стр. 107, 109—113; *Е. В. Зацепина*. К вопросу о происхождении старопечатного орнамента, стр. 126—129.

[479] См.: *Max Geisberg*. Meister der Graphik. Bd. II. Die Anfange des deutschen Kupferstiches und der Meister ES. Leipzig [o. J.], Taf. 66.

[480] См.: *Max Lehrs*. Geschichte und kritischer Katalog des deutschen, niederländischen und französischen Kupferstichs im XV Jahrhundert. Bd. II. Wien, 1910, Taf. 62, N 159.

[481] ОРЛБ, ф. 304, № 137.

[482] ГПБ, Кир.-Бел. 28/33; ГИМ, Ув. 76/1723.

[483] См.: *Н. А. Казакова*. Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина.— ТОДРЛ, т. 17, 1961, стр. 169—200; *П. Строев*. Списки иерархов и настоятелей монастырей российския церкви. Спб., 1877, стр. 55.

[484] См.: *Т. Б. Ухова*. Миниатюры, орнамент и гравюры в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря.— В кн.: Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 22. М., 1960. См. «Иллюстрированный словарь терминов», стр. 209—215. При ссылках на альбом в дальнейшем приводится сокращенное обозначение фамилии с номером заставки (например, Ух. 25).

[485] См.: *Ф. И. Буслаев*. Соч. Т. 3. Л., 1930, стр. 64—65.

[486] *В. Н. Щепкин*. Учебник русской палеографии. М., 1918, стр. 58.

[487] См.: *А. И. Некрасов*. Книгопечатание в России..., стр. 77—78.

[488] См.: *Н. Г. Порфиридов*. Новые памятники древнерусского книжного орнамента — Сообщения Государственного Русского музея, 1947, вып. II, стр. 40—42; *А. А. Сидоров*. Древнерусская книжная гравюра, стр. 80—84; *Е. В. Зацепина*. К вопросу о происхождении старопечатного орнамента, стр. 102—154. Работа Н. П. Киселева — наиболее серьезное и подробное исследование в этой области — не опубликована.

[489] *А. А. Сидоров*. Древнерусская книжная гравюра, стр. 80.

[490] Budapest, Széchényi-Bibliothek. Cod. Lat. 216; *P. Rado*. Libri liturgici manu scripti bibliothecarum Hungariae. T. 1. Budapestini, 1947, № 27;

[491] Wien, Nationalbibliothek, Cod. 4812. *A. Güntherová, J. Mišianik* Illuminierte Handschriften aus der Slowakei. Praha, 1962, N 18, příloha 85—90.

[492] Budapest, Széchényi-Bibliothek. Cod. Lat. 78; *E. Bartoniek*. Codices latini medii aevi. Budapest, 1940, p. 67—68.

[493] Mittelalterliche Buchmalerei in Sammlungen volksdemokratischer Länder. Leipzig, 1959, Taf. 38—40.

[494] ГПБ, Сол. 1160/1051. Заставка — л. 1. Записи — л. 1 и переплетные листы.

[495] ОРЛБ, ф. 304, № 35, л. 30 («Житие Нифонта» с записью 1222 г.).

[496] ОРЛБ, ф. 304, № 308; *Ф. И. Буслаев*. Соч. Т. 3. Л., 1930, стр. 158—209; *А. Н. Свирин*. Древнерусская миниатюра, стр. 74—84; *Е. В. Зацепина*. К вопросу о происхождении старопечатного орнамента, стр. 108—117.

[497] Калининский областной архив, № 1553, л. 235.

[498] ОРЛБ, ф. 304, № 315, л. 43.

[499] ГПБ, Сол. 304 (284). Водяные знаки — *Лихачев*, № 1242, 1243—1494 гг. На переплетных листах запись: «Лествицу сию дал князь великий Иван Васильевич».

[500] ГПБ, Кир.-Бел. 28/33, л. 10 об.

[501] Собрание Львовского государственного музея украинского искусства, № 13778; *Я. П. Запаско*. Орнаментальне оформлення української рукописної книги. Київ, 1960, с. 72—74.

[502] См.: *Г. К. Богуславский*. Волынские рукописные Евангелия и Апостолы.— В кн.: Труды IX археологического съезда в Вильне. Т. 2. М., 1897, стр. 307; *Я. П. Запаско*. Указ. соч., стр. 74—76.

[503] ГПБ УССР, № 15512; *А. С. Грузинский*. Палеографические и критические заметки о Пересопницком Евангелии. Спб., 1912; *Я. П. Запаско*. Указ. соч., стр. 78—84 (указана литература вопроса).

[504] По мнению И. Огиенко, «орнамент первых московских книг ведет нас в полной мере к той волынской школе орнаменталистов, из которой вышли такие высокохудожественные произведения, как, например, Пересопницкое Евангелие 1556 г. или Загоривский Апостол». (*Ів. Огієнко*. Історія українського друкарства. Т. 1. Львов, 1925, стр. 369).

[505] Отдел рукописей Библиотеки Академии наук Литовской ССР, № 28(2). Вьюнок с раструбами по нижнему и боковому полю, лл. 48 об., 50. Орнаментика с цветками, шишками и изображениями птиц, лл. 17 об., 28, 64 и др.

[506] *Max Geisberg*. Der Meister der Berliner Passion und Israhel van Meckenem. Strassburg, 1903.

[507] См.: *Max Geisberg*. Verzeichnis der Kupferstiche Israhels van Meckenem. Strassburg, 1905.

[508] Связи между гравированным на металле алфавитом Израэля ван Мекенема и московской старопечатной орнаментикой впервые подробно изучены Н. П. Киселевым. Результаты исследования доложены им в декабре 1955 г. на заседании секции книги Московского Дома ученых.

[509] См.: *А. С. Зернова*. Начало книгопечатания в Москве и на Украине, стр. 39.

[510] См.: *А. А. Сидоров.* Древнерусская книжная гравюра. М., 1951, стр. 32.
[511] *Е. В. Зацепина.* К вопросу о происхождении старопечатного орнамента, стр. 146—148.
[512] См.: *А. А. Сидоров.* Древнерусская книжная гравюра, стр. 82.
[513] ГПБ, Пог. 133; *А. Ф. Бычков.* Заставки и миниатюры Четвероевангелия 1507 г. Спб., 1880—1881. (Памятники древней письменности. Вып. 58 и 76); *Е. В. Зацепина.* К вопросу о происхождении старопечатного орнамента, стр. 132—138.
[514] Имя это исследователи читали по-разному: «Каллиграф или краснописец скрыл свое имя под тремя буквами «НИК» (А. Ф. Бычков); «Писец скрыл свое имя под тремя буквами Н. И. К.» (Е. В. Зацепина); «Черное письмо» исполнил писец Николай» (Н. Е. Мнева и М. М. Постникова-Лосева в «Истории русского искусства», т. 3, стр. 599).
[515] ОРЛБ, ф. 304, № 466, л. 354.
[516] ГПБ, Кир.-Бел. 30/1209, лл. 1—3.
[517] ГПБ, Кир.-Бел. 27/1266; *Н. А. Казакова.* Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина.— ТОДРЛ, т. 17, 1961, стр. 181.
[518] ОРЛБ, ф. 304, № 100. Старопечатная заставка — л. 7. Выходная летопись — л. 571.
[519] ОРЛБ, ф. 304, № 809, л. 57 об.
[520] См.: *Н. Порфиридов.* Новые памятники древнерусского книжного орнамента, стр. 40—42.
[521] ОРЛБ, ф. 304, № 8659; *А. Н. Свирин.* Древнерусская миниатюра, стр. 81—88: *Ю. Олсуфьев.* Опись лицевых изображений и орнамента книг ризницы Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1921, стр. 30—39.
[522] ГИМ, Муз. 3443; *Е. В. Зацепина.* К вопросу о происхождении старопечатного орнамента, стр. 142—150.
[523] ОРЛБ, ф. 247, № 135.
[524] ОРЛБ, ф. 304, № 372. В этой же книге — своеобразные буквицы, послужившие прототипом для мастера широкошрифтной Псалтыри.
[525] См.: *В. Л. Микитась.* Давні рукописи і стародруки, стр. 34—36.
[526] ОРЛБ, ф. 173, № 5.
[527] ОРЛБ, ф. 304, № 372.
[528] ОРЛБ, ф. 304, № 8669.
[529] ОРЛБ, ф. 304, № 133. Летопись, л. 1. Старопечатные заставки, лл. 55, 141, 205.
[530] ОРЛБ, ф. 173, № 94 и 95.
[531] ОРЛБ, ф. 304, № 86. Старопечатная заставка, л. 139.
[532] ОРЛБ, ф. 304, № 8661. Старопечатные заставки, лл. 18, 122, 188, 191, 308. Вкладная священника Меркурия, который в 1562—1566 гг. был архимандритом Троице-Сергиева монастыря, лл. 9—12.
[533] ОРЛБ, ф. 178, № 8644; *Г. П. Георгиевский.* Памятник древнего русского искусства.— В кн.: Записки Отдела рукописей. Вып. 6. М., 1940, стр. 89. (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина).
[534] ГПБ, F. I.25.
[535] ГИМ, Ув. 77; *Е. Л. Немировский.* Из истории иллюстрационной печатной формы в России.— «Полиграфическое производство», 1962, № 1, стр. 31—32; *Он же.* К истории древнерусской гравюры.— «Искусство», 1962, № 6, стр. 66—69.
[536] *Леонид, архим.* Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. Ч. 1. М., 1893, стр. 48.
[537] См.: *Д. А. Ровинский.* Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв, Т. 1. Спб., 1895, стр. 51.
[538] ОРЛБ, ф. 310, № 395, л. 44 об.
[539] ОРЛБ, ф. 304, № 324, л. 558 об.
[540] ЦГАДА, ф. 381, № 183.
[541] Каталог Юбилейной выставки в память 200-летия гражданской азбуки 1708—1908 гг. М., 1908, стр. 8, № 11.
[542] Каталог Русского отдела. Спб., 1914, стр. 35. (Международная выставка печатного дела и графики в Лейпциге. 1914).
[543] См.: *А. И. Некрасов.* Первопечатная русская гравюра.— В. сб.: Иван Федоров первопечатник. М.—Л., 1935, стр. 78.
[544] См.: *А. И. Некрасов.* Книгопечатание в России..., стр. 78.
[545] См.: *Т. Н. Протасьева.* Первые издания московской печати..., стр. 21—22.
[546] ОРЛБ, ф. 304, № 213.
[547] Записки Отдела рукописей. Вып. 22. М., 1960, стр. 109. (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина).
[548] ГИМ, Син. 196, л. 622 об.

ПЕРВЫЕ МОСКОВСКИЕ ПЕЧАТНЫЕ КНИГИ

[1] См.: *А. Е. Викторов.* Не было ли в Москве опытов книгопечатания прежде первопечатного Апостола 1564 г.? — В кн.: Труды Третьего археологического съезда ... в Киеве в августе 1874 года. Т. 2. Киев, 1878, стр. 211—220; *Леонид, архим.* Евангелие, напечатанное в Москве 1564—1568. Спб., 1883; *А. Гераклитов.* Три издания XVI в. ... (имеется оттиск).

[2] *М. Н. Тихомиров.* Начало московского книгопечатания.— В кн.: Ученые записки Московского государственного университета. Вып. 41. 1940; *А. С. Зернова.* Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947; *Т. Н. Протасьева.* Первые издания московской печати в собрании Государственного Исторического музея. М., 1955.

[3] Г. И. Коляда сделал попытку, на наш взгляд, неудачную включить в число безвыходных московских изданий одну из первопечатных азбук.

[4] Реестр старопечатных славянских книг, находящихся в библиотеке А. С. Ширяева. М., 1833.

[5] [*А. Д. Чертков*]. Всеобщая библиотека России или каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях. Прибавление второе. М., 1845, стр. 355.

[6] См.: *В. Ундольский.* Каталог славяно-русских книг церковной печати библиотеки А. И. Кастерина. М., 1848, стр. 2, № 20 и 21.

[7] См.: *И. П. Каратаев.* Описание 1878, стр. 123—124; Описание 1883, стр. 148—150.

[8] ОРЛБ, ф. 51, карт. 1, № 28.

[9] Во втором издании своего «Описания...» Каратаев опубликовал текст вкладной экземпляра из собрания Щапова.

[10] Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1870—1872 гг. М., 1873, стр. 13.

[11] *А. Попов.* Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, № 15.

[12] *И. Свенцицкий.* Каталог книг церковно-славянской печати. Жовква, 1904, стр. 4.

[13] См.: *А. Гераклитов.* До питання про початок московського друкарства.— «Бібліологічні вісті», 1925, ч. 1—2, стр. 83—97.

[14] См.: *А. И. Малеин.* Печатное евангелие XVI века в собрании Института книги, документа, письма.— В сб.: Иван Федоров первопечатник. М.—Л., 1935, стр. 289—290.

[15] См.: *М. Н. Тихомиров.* Начало московского книгопечатания, стр. 86.

[16] См.: *Т. Н. Протасьева.* Описание первопечатных русских книг.— В сб.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, стр. 155—196.

[17] См.: *С. О. Петров, Я. Д. Бирюк* и *Т. П. Золотарь.* Славянские книги кирилловской печати XV—XVIII вв. Описание книг, хранящихся в Государственной Публичной библиотеке УССР. Киев, 1958, стр. 17, № 16.

[18] В рукописном «Каталоге книг церковной печати императорской Публичной библиотеки», составленном В. М. Ундольским, упоминаются экземпляры двух безвыходных Четвероевангелий погодинского собрания (ОРЛБ, ф. 310, № 1381, № 96 и 97).

[19] ГИМ, Меньш. 1680, л. 7 об. Публикация: *Т. Н. Протасьева.* Описание..., стр. 162.

[20] См.: *М. Н. Тихомиров.* Начало книгопечатания в России, стр. 26.

[21] См.: *А. Е. Викторов.* Не было ли в Москве...; ср.: ОРЛБ, ф. 51, карт. 1, № 28.

[22] А. А. Гераклитов ошибочно отнес эту запись к ширяевскому экземпляру. См.: Бібліологічні вісті, 1925, ч. 1—2, стр. 95.

[23] ГИМ, Щап. 16, лл. 2—7.

[24] ОРЛБ, ф. 51, карт. 1, № 28. Ср.: *М. Н. Тихомиров.* Россия в XVI столетии. М., 1961, стр. 253—254.

[25] ГПБ, № 151 —1.3.5ª, по первым листам Евангелия от Матфея. Впервые опубликовано Т. Н. Протасьевой. См.: *Т. Н. Протасьева.* Описание..., стр. 164.

[26] ГПБ, № 151 — I.3.5ª — на последнем переплетном листе.

[27] ГИМ, Хлуд. 15, лл. 1—12.

[28] См.: *Н. Г. Богданова.* Книжные богатства Строгановых в 1578 г.— В сб.: Sertum bibliologicum в честь президента Русского библиологического общества проф. А. И. Малеина. П., 1922, стр. 227—284.

[29] См., например, вкладную на рукописном «Канонике»: «Лета 7110 (1602) генваря в 22 день сия книга церковная соборного храма Благовещения Богородицы Соли Вычегодцкие на посаде положение Никиты Строганова». ЦГАДА, ф. 196, № 507, лл. 1—7.

[30] Собрание Львовского государственного музея украинского искусства № 8/245. Запись (лл. 1—12 этого экз.): «Сию книгу Евангелие в дом чюдотворцу Николе в Лучниское Иван Зинов сын... по своих родителей...» Экслибрис «Библиотека епископа Шептицкого» на обороте верхней крышки.

[31] См.: *М. Н. Тихомиров.* Россия в XVI столетии, стр. 121.

[32] ГПБ УССР, Кир. 753. Запись 1811 г., на обороте верхней крышки.

[33] ЛБ, № 3602, л. 8—8 об. Опубликована впервые Т. Н. Протасьевой (листы указаны ошибочно: 1—8).

[34] БАН, 7.4.8 — инв. 3 сп., лл. 7 об.— 42.

[35] БАН, 7.4.8 — инв. 3 сп., лл. 61 об.— 82.

[36] ЛБ, № 3601. Тексты см. у Т. Н. Протасьевой.

[37] ГПБ, № 152 — I. 3. 5б на первых листах Евангелия от Матфея. Впервые опубликована Т. Н. Протасьевой.

[38] ГПБ, № 5228, на обороте второго листа форзаца.

[39] См.: *А. А. Сидоров.* Художественно-технические особенности..., стр. 76.

[40] См.: *А. С. Зернова.* Каталог..., № 4, стр. 12.

[41] См.: *Г. Воскресенский.* Характеристические черты четырех редакций славянского перевода евангелия от Марка по сто двенадцати рукописям Евангелия XI—XVI вв.— ЧОИДР, 1896, кн. 1 (176).

[42] ОРЛБ, ф. 304, №. 8652.

[43] ОРЛБ, ф. 173, № 138; ГИМ, Син. 1/915.

[44] См.: *Г. Воскресенский.* Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из ста восьми рукописей Евангелия XI—XVI вв. Сергиев Посад, 1894.

[45] См.: *Г. И. Коляда.* Иван Федоров первопечатник (московский период его деятельности). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1961. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Филологический факультет).

[46] Библия XVI в. ГИМ, Син. № 3, л. 667; Евангелие-тетр XVI в. ОРЛБ, ф. 178, № 3401, л. 1; Четвероевангелие конца XV в. ЦГАДА, ф. 201, № 11, л. 1.

[47] ОРЛБ, ф. 51, карт. 1, № 28.

[48] ОРЛБ, ф. 178, № 3401, л. 1 об.; ОРЛБ, ф. 218, № 1000, л. 1; ЦГАДА, ф. 201, № 11, л. 1 об.

[49] Ср. Четвероевангелия 1698 и 1711 гг.

[50] ГИМ, Муз. 3443, л. 14.

[51] Кирилловскую нумерацию глав условно обозначаем арабскими цифрами.

[52] Геннадиевская Библия 1499 г.— ГИМ, Син. 1/915, л. 684 об.; Евангелие Исаака Бирева — ОРЛБ, ф. 304, № 8659, л. 7; Евангелие XVI в.— ОРЛБ, ф. 178, № 8644, л. 9 и мн. др.

[53] Здесь и ниже титла и сокращения раскрываются.

[54] ОРЛБ, ф. 304, № 8659, л. 14; ГПБ, Кир.-Бел. 28/33, л. 11; ГПБ, Пог. 133, л. 12.

[55] В экземпляре ЛБ № 3602 находится в конце книги.

[56] Здесь и дальше даны ссылки на более поздние разделы евангельского текста, не совпадающие с главами и зачалами безвыходных Четвероевангелий.

[57] Здесь и ниже для упрощения полные наименования знаков кирилловского алфавита заменены современными обозначениями букв русского алфавита.

[58] *Г. И. Коляда.* Иван Федоров..., стр. 17.

[59] Г. И. Коляда в этом случае говорит об управлении родительным падежом существительного, что, на наш взгляд, неправильно (*Г. И. Коляда.* Иван Федоров..., стр. 16).

[60] См.: *Г. И. Коляда.* Иван Федоров..., стр. 16.

[61] См.: *О. Гераклітов.* До питання про початок московського друкарства, стр. 96.

[62] *А. С. Зернова.* Начало книгопечатания в Москве и на Украине, стр. 25; *Она же.* Каталог..., стр. 12.

[63] См.: *Т. Н. Протасьева.* Первые издания московской печати..., стр. 12; *М. Н. Тихомиров.* Начало московского книгопечатания, стр. 87—88.

[64] *В. Тредиаковский.* Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи. Спб., 1748, стр. 101.

[65] См.: *И. В. Ягич.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке.— В кн.: Исследования по русскому языку. Спб., 1885—1895.

[66] *В. Тредиаковский.* Разговор между чужестранным человеком и российским..., стр. 87.

[67] Грамматики славянския правилное синтагма. Потщанием многогрешнаго мниха Мелетия Смотрискаго. 1618.

[68] См.: *Б. П. Орлов.* Полиграфическая промышленность Москвы. Очерк развития до 1917 г. М., 1953, стр. 25; *Он же.* К вопросу о времени возникновения и именовании типографии Ивана Федорова.— Книга. Сб. 6. М., 1962, стр. 296.

[69] Наши наблюдения основаны на изучении экземпляра ЦГАДА, ф. 1251, № 221. Характерные оттиски пробельного материала см. лл. 189, 199, 295 об. и мн. др. (нумерация экземпляра).

[70] ЦГАДА, ф. 1251, № 221, л. 219.

[71] ЦГАДА, ф. 1192, оп. 1, № 5, л. 9.

[72] ГПБ, Пог. 133, л. 10 об. и мн. др. См. также: *А. Ф. Бычков.* Заставки и миниатюры Четвероевангелия 1507 года. Спб., 1880—1881. (Памятники древней письменности. Вып. 58 и 76).

[73] См.: *А. А. Сидоров.* Древнерусская книжная гравюра, стр. 50—51:

[74] ГИМ, Ув. 77.

[75] ГИМ, Син. 264, л. 1. См.: *Т. Н. Протасьева.* Первые издания московской печати..., стр. 21.

[76] ЦГАДА, ф. 381, № 183, лл. 3 об., 118, 189, 312 и 403.

[77] ОРЛБ, ф. 228, № 15, л. 46 («И»), л. 68 («Р»), л. 177 («Б»).

[78] ОРЛБ, ф. 304, № 8659, л. 13 («К»), л. 103 («земля»), л. 163 («П»).

[79] БАН, 16.5.1, л. 9.

[80] ОРЛБ, ф. 173, № 5, л. 4 («П»), л. 129 («П»), л. 173 и др.

[81] ОРЛБ, ф. 304, № 137, л. 339 («В»), л. 364 («А»).

[82] ГПБ, Сол. 48 (130), л. 15 («К»), л. 145 («зело»), л. 366 («В»). Вкладная на л. 4 об.

[83] См.: *Е. В. Зацепина.* К вопросу о происхождении старопечатного орнамента, стр. 122.
[84] ГПБ, Сол. 53/129.
[85] ГПБ, Пог. 133, л. 111.
[86] ГИМ, Муз. 3443, л. 160.
[87] ОРЛБ, ф. 304, № 8659, л. 103.
[88] ГИМ, Ув. 77, лл. 180, 293.
[89] Фотокопии отдельных листов этой книги привозил в Москву Дж. Симмонс.
[90] См.: *А. А. Сидоров.* Художественно-технические особенности..., стр. 49.
[91] ГПБ, № 5228; ЛБ, № 3601.
[92] ГПБ, № 153; № 152 — I.3.5^{б}, ЛБ, № 3602.
[93] Красным в экз. ГПБ № 5228.
[94] ГПБ, № 153, л. 69.
[95] ГПБ, № 153, лл. 38, 54.
[96] ЦГАДА, ф. 1251, № 221; БАН, 7.4.8; ГПБ, I.3.5^{а}; ГПБ, I.3.5^{б}, ГПБ, № 5228; ГИМ, Чертк. 270; ГИМ, Щап. 16; ГПБ УССР, Кир. 753 и др.
[97] ГИМ, Меньш. 1680.
[98] БАН, 7.7.34.
[99] Львовский государственный музей украинского искусства, № 8 (245).
[100] См.: *А. А. Сидоров.* История оформления русской книги, стр. 50; *Он же.* Древнерусская книжная гравюра, стр. 41—43.
[101] ЦГАДА, ф. 1251, № 221, л. 136 (нумерация экземпляра).
[102] ЛБ, № 3602, л. 110 (нумерация экземпляра), 3-я строка сверху.
[103] *Там же,* л. 20.
[104] См.: *А. А. Сидоров.* Древнерусская книжная гравюра, стр. 55.
[105] См.: *Т. Н. Протасьева.* Первые издания московской печати..., стр. 11.
[106] См.: *М. Н. Тихомиров.* Начало книгопечатания в России, стр. 25.
[107] См.: *А. С. Зернова.* Каталог..., стр. 12, № 3.
[108] См.: *П. М. Строев, I*, стр. 69, № 29; *Он же, II*, № 13.
[109] См.: *В. М. Ундольский.* Каталог славяно-русских книг церковной печати библиотеки А. И. Кастерина. М., 1848, стр. 3, № 39; *Он же.* Хронологический указатель славяно-русских книг церковной печати с 1491-го по 1864-й г. Вып. 1. М., 1871, № 37.
[110] ОРЛБ, ф. 51, карт. 1, № 28; *А. Е. Викторов.* Не было ли в Москве ..., стр. 211—220.
[111] *Амфилохий, архим.* Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М., 1876, стр. 207, № 70.
[112] Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1873—1875 гг. М., 1877, стр. 26, № 5.
[113] Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1876—1878 гг. М., 1879, стр. 73, № 1.
[114] См.: *И. Свенцицкий.* Каталог книг церковно-славянской печати, стр. 27, № 78 (298).
[115] См.: *А. А. Гераклитов.* Три издания XVI в. ..., стр. 5, 7, 8.
[116] См.: *Т. Н. Протасьева.* Описание... стр. 158—161.
[117] ОРЛБ, ф. 51, карт. 5, № 37.
[118] Принадлежность экземпляра А. И. Кастерину устанавливается по рукописному «Каталогу книг церковной печати императорской Публичной библиотеки», составленному В. М. Ундольским. ОРЛБ, ф. 310, № 1381, порядковый № 98.
[119] Цит. по факсимильной копии, снятой А. Е. Викторовым. ОРЛБ, ф. 51, карт. 1, № 28. Запись находится на лл. 1—3 Триоди постной.
[120] См.: *Леонид, архим.* Евангелие..., стр. 11.
[121] См.: *М. Н. Тихомиров.* Начало книгопечатания в России..., стр. 25.
[122] Запись находится на лл. 4—16 книги.
[123] ЛБ, № 3912, лл. 1, 2, 9, 25, 33, 40, 48, 56, 62, 73, 82.
[124] *Там же,* лл. 5 об., 6, 62 об., 86, 90, 103.
[125] *Там же,* лл. 11—12.
[126] ГПБ, № 160—I.3.8, лл. 3—11.
[127] *Там же,* лл. 42, 72, 102, 132, 162, 192, 197, 202, 207, 212, 217, 217 об. Т. Н. Протасьева утверждает, что запись сделана киноварью и что расположена она «по одной букве на каждом листе». Это ошибка. Киноварью воспроизведена лишь первая буква каждого слова. На каждом листе размещено по одному, а в конце и по нескольку слов.
[128] ЛБ, № 3913, лл. 8, 15 об., 16, 23 об., 24, 31 об., 32, 39 об., 40, 47 об., 48, 55 об., 56, 63 об., 64, 71 об., 72, 79 об., 80, 87 об., 88, 95 об., 96, 103 об., 104 и т. д. до л. 184 с интервалом в 8 листов.
[129] ГИМ, Щап. 17, лл. 4—13; *Т. Н. Протасьева.* Описание..., стр. 159.
[130] ЦГАДА, ф. 1251, № 1019, лл. 1—6.
[131] *Там же,* лл. 10—18, 20, 21, 23, 24, 26.
[132] *Там же,* лл. 95, 99, 103, 106, 108, 112, 115, 118.
[133] *Там же,* л. 83, л. 396 об.
[134] ЛБ, № 3911, л. 1 и сл.
[135] Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1876—1878 гг. М., 1879, стр. 73.

[136] Государственный музей украинского искусства во Львове, № 78 (298), л. 19 об.

[137] ГИМ, Цар. А. 13, лл. 112 об.— 115. Текст у Т. Н. Протасьевой, стр. 159.

[138] См.: *А. С. Зернова.* Каталог..., стр. 12, № 3.

[139] По мнению И. Каратаева, повторенному Т. Н. Протасьевой, во всех тетрадях Триоди постной по 8 листов, кроме последней, в которой 2 листа. См. сб.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, стр. 158. Это ошибка.

[140] ЦГАДА, ф. 1251, № 1019.

[141] Ср. ОРЛБ, ф. 304, № 26 (нач. XV в.); *Там же,* № 385 (1440—1470).

[142] ОРЛБ, ф. 178, № 1497 (XVI в.) и мн. др.

[143] ОРЛБ, ф. 51, карт. 1, № 28.

[144] ОРЛБ, ф. 51, карт. 1, № 28, табл. IV.

[145] ЛБ, № 3913, лл. 8, 67, 70 и др.

[146] Датировка Т. Н. Протасьевой основана, в частности, на том, что крайней датой для знака перчатки с короной над пальцами дается 1553 г. Страницей ниже она указывает для того же знака 1556 г.

[147] См.: *Д. Медакович.* Графика..., стр. 231.

[148] *А. И. Некрасов.* Книгопечатание в России..., стр. 82.

[149] *А. И. Некрасов.* Первопечатная русская гравюра.— В сб.: Иван Федоров первопечатник. М.—Л., 1935, стр. 80.

[150] *А. А. Сидоров.* Древнерусская книжная гравюра, стр. 55.

[151] ЛБ, № 3911, л. 1 — экземпляр Ярославского архиерейского дома.

[152] Псалтырь 1577 г., л. 1—2-го счета; Псалтырь 1602 г., л. 7.

[153] ГИМ, Син. 196, л. 11; *Т. Н. Протасьева.* Первые издания московской печати..., стр. 21—22, рис. 3.

[154] См.: *В. В. Стасов.* Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. Спб., 1884—1887, № 2—10, табл. 74.

[155] ОРЛБ, ф. 304, № 8659, лл. 97 об., 157, 253 об.

[156] ЦГАДА, ф. 1251, № 1019, л. 194.

[157] Ломбарды и вязь Швайпольта Фиоля воспроизведены, например, в альбоме И. Сахарова «Образцы славяно-русского книгопечатания с 1491 года» (Спб., 1891, табл. VII).

[158] Наши наблюдения основаны на изучении экземпляра ЦГАДА, ф. 1251, № 1019. Оттиски пробельного материала см. лл. 39, 102 и мн. др. Оттиск марзана — на л. 48.

[159] См. оттиск литеры «о» на л. 128 указанного выше экземпляра. См. также оттиск литеры с точкой на л. 102.

[160] См.: *А. А. Сидоров.* История оформления русской книги, стр. 51—52.

[161] *А. С. Зернова.* Начало книгопечатания в Москве и на Украине, стр. 10.

[162] См.: *А. А. Сидоров.* Художественно-технические особенности..., стр. 70. В последней своей работе А. С. Зернова исправляет ошибку. См.: *А. С. Зернова,* Каталог..., стр. 12.

[163] См.: *А. А. Сидоров.* Древнерусская книжная гравюра, стр. 43.

[164] См., например, л. 208, строки 3-я и 8-я в экземпляре ЦГАДА (ф. 1251, № 1019).

[165] ЦГАДА, ф. 1251, № 1019, л. 128, 7-я строка сверху и др.

[166] См.: *А. С. Зернова.* Каталог..., стр. 12.

[167] ЦГАДА, ф. 1251, № 1019, указанные листы.

[168] ГИМ, Щап. 17.

[169] *М. Н. Тихомиров.* Начало книгопечатания в России, стр. 28; Писцовые книги Московского государства. Под ред. Н. В. Калачева. Спб., 1877.

[170] *Леонид, архим.* Обозрение рукописей и старопечатных книг в книгохранилищах монастырей, городских и сельских церквей Калужской епархии. М., 1865, стр. 99. Пентикостерион — одно из названий Триоди цветной.

[171] ОРЛБ, ф. 51, карт. 1, № 28.

[172] ОРЛБ, ф. 51, карт. 5, № 21.

[173] ГИМ, Син. 196, л. 1. См.: *Т. Н. Протасьева.* Первые издания московской печати..., стр. 21, а также рис. 1.

[174] ОРЛБ, ф. 304, № 213, л. 1.

[175] *Т. Н. Протасьева.* Описание..., стр. 158.

[176] ОРЛБ, ф. 51, карт. 5, № 21. Размеры инициала на факсимиле 62 × 36 *мм,* на фотоснимке 60 × 33 *мм.*

[177] ЦГАДА, ф. 381, № 183, л. 317.

[178] Псалтырь с восследованием. Горажде, 1521, л. 80 об., 123. Репродукция в цитируемой выше работе Д. Медаковича, табл. XXVIII, 1. Репродукция инициалов Четвероевангелия 1512 г. см.: *П. Атанасов.* Начало на българското книгопечатане. София, 1959, стр. 20.

[179] *Строев, II,* стр. 7, № 12.

[180] См.: *П. Строев.* Библиотека императорского Общества истории и древностей российских. М., 1845, стр. 151, № 3.

[181] См.: *В. Ундольский.* Каталог славяно-русских книг церковной печати библиотеки А. И. Кастерина. М., 1848, стр. 2, № 20 или 21.

[182] См.: *И. Каратаев.* Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491—1730. Спб., 1861, стр. 10, № 52.

[183] См.: *И. Каратаев.* Описание 1878 г., стр. 126—128, № 58; *Он же.* Описание 1883 г., стр. 151, № 66.
[184] См.: *А. Родосский.* Описание старопечатных и церковно-славянских книг, хранящихся в библиотеке С.-Петербургской духовной академии. Вып. 1. 1491—1700. Спб., 1891, № 11.
[185] Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1870—1872 гг. М., 1873, стр. 12—13, № 17.
[186] *То же* за 1873—1875 гг. М., 1877, стр. 30.
[187] *А. И. Миловидов.* Описание славяно-русских старопечатных книг Виленской Публичной библиотеки (1491—1800). Вильна, 1908, стр. 136—137, № 211.
[188] ЛБ, № 3954.
[189] ОРЛБ, ф. 51, № 37.
[190] См.: *А. А. Гераклитов.* Три издания XVI в. ..., стр. 3—4.
[191] См.: *Т. Н. Протасьева.* Описание..., стр. 168—172.
[192] ОРЛБ, ф. 51, карт. 5, № 31 (см. № 23 перечня).
[193] См.: *С. О. Петров, А. Д. Бирюк и Т. П. Золотарь.* Славянские книги кирилловской печати XV—XVIII вв. Описание книг, хранящихся в Государственной публичной библиотеке УССР. Киев, 1958, стр. 16, № 15.
[194] Возможно, что именно этот экземпляр упомянут под № 11 в составленном Соколовым «Каталоге обстоятельном книгам богословским церковной и гражданской печати, находящимся в 1-м отделении библиотеки имп. Академии наук» (Спб., 1832) с показанием Москвы как места печатания.
[195] *А. А. Гераклитов.* Три издания XVI в...., стр. 4.
[195а] Государственная научная библиотека им. В. Г. Короленко в Харькове, № 750454, л. 3.
[196] См.: *М. Н. Тихомиров.* Начало книгопечатания в России, стр. 27.
[197] ГИМ, Цар. А. 12, лл. 12—27 (нумерация экземпляра). Ср.: *Т. Н. Протасьева.* Описание..., стр 169—170.
[198] ГИМ, Цар. А. 12, лл. 48—66. У Т. Н. Протасьевой (стр. 170) запись приведена неполностью и с ошибками.
[199] *И. П. Каратаев.* Описание 1878 г., стр. 128.
[200] *Леонид, архим.* Евангелие, напечатанное в Москве..., стр. 11.
[201] *А. А. Гераклитов.* Три издания XVI в. ..., стр. 4.
[202] ГИМ, Меньш. 1292, лл. 1—10. Ср.: *Т. Н. Протасьева.* Описание..., стр. 169.
[203] *Там же,* лл. 12, 119—121.
[204] БАН, 7.5.1, л. 11.
[205] ГПБ УССР, Кир. 751, по первым листам евангелия от Матфея.
[206] *Там же,* л. 112 об. Ср.: *С. О. Петров, Я. Д. Бирюк* и *Т. П. Золотарь.* Славянские книги..., стр. 17. Названные авторы записи на л. 11 не опубликовали, отметив, что она идентична записи на л. 112 об. Как видим, это ошибка.
[207] ГПБ, № 155—I.3.6[б], первые листы евангелия от Матфея. Дата на лл. 31—32. Ср.: *Т. Н. Протасьева.* Описание..., стр. 171.
[208] МГУ, 142—4—59, 2 Ag 116/4°, на полях зач. 59—62 евангелия от Матфея.
[209] *Там же,* л. 292 об.
[210] ГПИБ, № 1394926, л. 11.
[211] ГИМ, Хлуд. 11, на 2-м форзаце.
[212] *М. Н. Тихомиров.* Начало книгопечатания в России, стр. 27.
[213] ГИМ, Цар. А. 12; ЛБ, № 3605 (на первых листах).
[214] См., например, первый лист евангелия от Марка (л. 117) в экземпляре ГИМ, Цар. А, № 12.
[215] В узкошрифтном Четвероевангелии в слове «Елисаветь» на л. 144 об. в 15-й строке сделана опечатка «Еливетъ». Ошибочно набранное слово заклеено в большинстве экземпляров, причем на заклейке от руки воспроизведено правильное написание.
[216] Варианты применения редуцированных в одном и том же слове часто встречаются и в среднешрифтном Четвероевангелии. Ср. «дщи» и «дъщи». Марк, V, 34 и 35.
[217] См.: *Г. И. Коляда.* Иван Федоров..., стр. 15.
[218] *Там же.* Дана неверная ссылка на стих евангелия от Марка.
[219] *Там же,* стр. 16.
[220] См.: *А. А. Гераклитов.* Три издания XVI в. ..., стр. 9.
[221] См.: *K. Maleczyńska.* Dzieje starego papiernictwa Śląskiego. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961, s. 132.
[222] См.: *Т. Н. Протасьева.* Первые издания московской печати..., стр. 13.
[223] *В. Н. Щепкин.* Учебник русской палеографии, М., 1918, стр. 116.
[224] ОРЛБ, ф. 304, № 137. См., например, л. 16, 11-я строка сверху.
[225] ОРЛБ, ф. 173, № 56. Ср. л. 22, строка 1-я сверху (второй вариант), строка 8-я сверху (первый вариант).
[226] ОРЛБ, ф. 304, № 8654 и 8657.
[227] ГИМ, Муз. 3443, л. 29, строка 1-я сверху (первый и второй варианты).
[228] См.: *А. И. Некрасов.* Древнейшая русская гравюра.— «Гравюра и книга», 1923, № 2-3, стр. 25—27.
[229] См.: *Н. С. Большаков.* Московская фигурная гравюра XVI века. М., 1927, стр. 11—18.

[230] См.: *А. А. Сидоров.* Древнерусская книжная гравюра, стр. 47—53.
[231] См.: *В. В. Стасов.* Славянский и восточный орнаменты по рукописям древнего и нового времени. Т. 1. Спб., 1884, табл. X, рис. 1.
[232] См.: *Н. П. Лихачев.* Материалы для истории русского иконописания. Т. 2. Спб., 1906, рис. 735.
[233] Древности. Труды имп. Московского археологического общества. Т. 21. М., 1906.
[234] См.: *В. В. Стасов.* Цит. соч., табл. XXIV, № 14; табл. XXVI, № 1.
[235] См.: *А. А. Сидоров.* Древнерусская книжная гравюра, стр. 49. См. также: *А. Н. Свирин.* Миниатюры Древней Армении. М., 1939, стр. 97.
[236] ГПБ., Сол. 304 (284). Вкладная на переплетных листах.
[237] БАН, 16.5.1. Вкладная на л. 492 об.
[238] ОРЛБ, ф. 256, № 195. Заставка с Иоанном Златоустом на л. 3. Вкладная на л. 1.
[239] ГПБ, Сол. 53 (129). Заставки с евангелистами на лл. 8, 88, 143, 234. Заставка перед «Соборником» решена в том же ключе (л. 296). На внутренней стороне верхней крышки переплета помещена надпись скорописью XVI в.: «Иоанна Грозново царя».
[240] ГПБ, Сол. 57 (128). Заставки с евангелистами на лл. 27, 117, 183, 293. Цитируемая запись на л. 1.
[241] ЛБ, № 3954.
[242] ОРЛБ, ф. 228, № 43.
[243] См.: *А. Е. Викторов.* Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных Московским Публичным и Румянцевским музеями в 1868 г. после Д. В. Пискарева. М., 1871, стр. 8—9.
[244] См.: *А. Н. Свирин.* Древнерусская миниатюра, стр. 70.
[245] См.: *Pavlína Hamanová.* Z dějin knižní vazby. Praha, 1959, příloga 4; см. также стр. 11.
[246] См.: *А. А. Сидоров.* История оформления русской книги, стр. 33, 47; *Он же.* Древнерусская книжная гравюра, стр. 46—47.
[247] Таких фрагментов в коллекции Фишера несколько. Подробное описание коллекции см. в превосходно документированном труде Н. П. Киселева «Неизвестные фрагменты древнейших памятников печати Германии и Голландии» (М., 1961).
[248] См.: *В. Л. Микитась.* Давні рукописи і стародруки, стр. 10.
[249] *И. П. Каратаев.* Описание 1878 г., стр. 128.
[250] Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Археологического общества, Т. 1. Спб., 1851.
[251] *Леонид, архим.* Евангелие, напечатанное в Москве..., стр. 33.
[252] ОРЛБ, ф. 51, карт. 19, № 7, л. 4.
[253] ЖМНП, 1884, май, стр. 54.
[254] ОРЛБ, ф. 51, карт. 19, № 7, л. 5.
[255] *И. П. Каратаев.* Описание 1882 г., № 82.
[256] ЖМНП, 1884, май, стр. 48 (оттиск — стр. 9).
[257] См.: *А. Гераклитов.* Три издания XVI в. ..., стр. 5—7.
[258] См.: *А. С. Зернова.* Начало книгопечатания в Москве и на Украине, стр. 10, 15—17.
[259] Старейшая русская книга.— «Вечерний Ленинград», 1957, 11 дек., стр. 2.
[260] См.: *В. И. Срезневский.* Древний славянский перевод Псалтыри. Исследование его текста и языка по рукописям XI—XIV вв. Спб., 1877, стр. 2.
[261] См.: *Е. Ф. Карский.* Западнорусские переводы Псалтыри в XV—XVI вв. Варшава, 1896; *В. Погорелов.* Библиотека Московской Синодальной типографии. Ч. 1. Вып. 3. Псалтыри. М., 1901.
[262] *В. И. Срезневский.* Указ. соч., стр. 6.
[263] Ср.: «Кроме Евангелий, известны также безвыходные Псалтырь и Псалтырь учебная» (*М. Н. Тихомиров.* Начало книгопечатания в России, стр. 28); *Т. Н. Протасьева.* Описание..., стр. 177, 180.
[264] Ср. ГИМ, Син. 14/912;
[265] Ср. Псалтырь 1698 г. и др.
[266] См.: *Е. Л. Немировский.* Орнаментика первых московских печатных книг.— В кн.: Труды. Вып. 21. М., 1962, стр. 65. (Научно-исследовательский институт полиграфического машиностроения).
[267] ЦГАДА, ф. 381, № 183, лл. 11, 122, 195, 317.
[268] См.: *А. С. Зернова.* Начало книгопечатания в Москве и на Украине, стр. 15—16; *А. С. Зернова.* Указатель к альбому орнаментики московской печати XVI—XVII веков. М., 1952, стр. 7, № 1.
[269] См.: *А. С. Зернова.* Указатель к альбому орнаментики..., стр. 8, № 44, 44а и 44б.
[270] См., например, ГПБ, № 5223, л. 233.
[271] См.: *Строев, II,* стр. 7—8, № 14.
[272] См.: *В. Ундольский.* Каталог славяно-русских книг церковной печати библиотеки А. И. Кастерина, стр. 2, № 19.
[273] См.: *И. П. Каратаев.* Описание 1879 г., стр. 125—126, № 57; *Он же.* Описание 1883 г., стр. 150, № 65.

[274] См.: *В. М. Ундольский*. Хронологический указатель славяно-русских книг церковной печати, № 39.

[275] См.: *А. Родосский*. Описание старопечатных и церковно-славянских книг..., № 12.

[276] Указ. изд. М., 1873, стр. 13, № 19.

[277] *А. Е. Викторов*. Не было ли в Москве..., стр. 217.

[278] *Леонид, архим*. Надписи Троицкой Сергиевой лавры.— В кн.: Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. Т. 3. Спб., 1882, стр. 130.

[279] *Леонид, архим*. Евангелие, напечатанное в Москве..., стр. 30—31.

[280] См.: *О. Гераклітов*. До питання про початок московського друкарства, стр. 93—97.

[281] См.: *Т. Н. Протасьева*. Описание..., стр. 172—177.

[281a] J. S. G. Simmons. New finds of old Cyrillic books.— The Times Literary Supplement, 1963, september 27, № 3213, p. 770.

[282] [*В. И. Лукьяненко*]. Коллекция изданий кирилловского шрифта.— В кн.: Путеводитель по фондам Отдела редкой книги. Л., 1961, стр. 28. (Государственная Публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

[283] В рукописном «Каталоге книг церковной печати имп. Публичной библиотеки», составленном В. М. Ундольским, указано три экземпляра широкошрифтного Четвероевангелия, происходящих из собраний Кастерина и Погодина. См.: ОРЛБ, ф. 310, № 381, инв. № 97.

[284] См. «Список дублетов... Московского Публичного и Румянцевского музеев». ОРЛБ, ф. 51, карт. 5, № 37.

[285] Ср.: Труды Научной библиотеки Саратовского государственного университета. Вып. 2. Саратов, 1959. Здесь упоминаются два безвыходных Четвероевангелия, принадлежащие в настоящее время библиотеке. Это, по-видимому, узкошрифтное и среднешрифтное издания.

[286] ГИМ, Цар. А. 14, лл. 6—10. Продолжение записи на л. 11. Ср.: *М. Н. Тихомиров*. Начало книгопечатания в России, стр. 27—28.

[287] См.: *Леонид, архим*. Евангелие, напечатанное в Москве..., стр. 11.

[288] ГИМ, Меньш. 508, лл. 1—10. См.: *Т. Н. Протасьева*. Описание..., стр. 174.

[289] ГПБ, № 157 — I.3.7^{а}, лл. 1—5. См.: *Т. Н. Протасьева*. Описание..., стр. 176.

[290] *Леонид, архим*. Евангелие, напечатанное в Москве..., стр. 25.

[291] ГПБ, № 4348 — XVII.11.5, л. 6 (ненумерованный).

[292] См.: *Д. И. Прозоровский*. Великий Новгород по четырем новгородским летописям с дополнениями по другим источникам до конца первой четверти XVIII в.— В кн.: Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. Т. 4. Спб., 1887, стр. 21—22, 114.

[293] ГПБ, № 158 — I.3.7^{в}, лл. 1—5. См.: *Т. Н. Протасьева*. Описание..., стр. 176. Это, по-видимому, та же самая церковь, в которой в XVII в. находилась безвыходная Триодь постная из собрания Московской Синодальной типографии.

[294] ГПБ, № 156 — I.3.7^{а}, лл. 4—85. См. также: *Т. Н. Протасьева*. Описание... стр. 175—176. На той же книге имеется и более поздняя запись: «Сие Евангелие села Петровского церкви святых апостол Петра и Павла. Потписал священник Петр Денисов».

[295] См.: *Леонид, архим*. Евангелие, напечатанное в Москве..., табл. 7 и 8.

[296] ОРЛБ, ф. 51, карт. 1, № 28.

[297] См.: *А. И. Некрасов*. Ориентализмы в первопечатном московском орнаменте.— В кн.: Труды Секции археологии Ин-та археологии и искусствознания РАНИОН. Т. 4. 1928, стр. 329—338; *Он же*. Первопечатная русская гравюра, стр. 81.

[298] *А. А. Сидоров*. Древнерусская книжная гравюра, стр. 57.

[299] Впоследствии, в 1560 г., та же заставка была воспроизведена на листах 110 и 185 «Молитвенника-соборника» Виченцо Вуковича. Заставка аналогичного рисунка помещена также в Требнике 1570 г. венецианской типографии Иеролима Загуровича. Ср. рис. на стр. 100 нашей книги.

[300] Орнаментика Благовещенского собора частично воспроизведена в статье А. И. Успенского «Стенопись Благовещенского собора в Москве».— В кн.: Древности. Труды Комиссии по сохранению древних памятников имп. Московского археологического общества. Т. 3. М., 1909, стр. 153—177. См. табл. XXI.

[301] В Ферапонтовом монастыре Н. М. Чернышев насчитал 54 круга орнамента. См.: *Н. М. Чернышев*. Искусство фрески в Древней Руси. М., 1954, стр. 69.

[302] См.: *Soltész Zoltánné*. A magyarországi könyvdíszítés a XVI században. Budapest, 1961. Гравюра воспроизведена на табл. 42. Список книг, в которых она применялась, см. стр. 141 (сокращенные ссылки на библиографические указатели, расшифрованные на стр. 180—188). Титульный лист одного из изданий с упоминаемой нами гравюрой воспроизведен в статье J. Székely «Mad'arska tiskárna stará 400 let» в журнале «Typografia» (Praha), 1961, № 11, стр. 3.

[303] Заставка несвижского Катихизиса воспроизведена в альбоме «Образцы славяно-русского книгопечатания с 1491 г.». Спб., 1891, табл. 71.

[304] ГИМ, Ув. 796/1723.

[305] ГПБ, Пог. 133, л. 10 об.

[306] ГИМ, Муз. 3443, л. 19—19 об.

[307] *Леонид, архим.* Евангелие, напечатанное в Москве..., стр. 30.
[308] См.: *А. С. Зернова.* Начало книгопечатания..., стр. 26—27.
[309] *Леонид, архим.* Евангелие, напечатанное в Москве..., стр. 27.
[310] ЖМНП, 1884, май, стр. 53—54.
[311] См.: *О. Гераклітов.* До питання про початок московського друкарства, стр. 94.
[312] См.: *А. С. Зернова.* Каталог..., стр. 14.
[313] Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1873—1875 гг. М., 1877, стр. 30—31.
[314] ОРЛБ, ф. 51, карт. 1, № 28.
[315] См.: *И. П. Каратаев.* Описание 1878 г., стр. 130, № 60; *Он же.* Описание 1883 г., стр. 153, № 68.
[316] См.: *А. И. Некрасов.* Книгопечатание в России..., стр. 82.
[317] См.: *Т. Н. Протасьева.* Первые издания московской печати..., стр. 14; *Она же.* Описание..., стр. 177—180.
[318] ГПБ, № 4349—XVII. 116, на первом пустом листе.
[319] ГИМ, Меньш. 559, лл. 4—11 1-го счета. Ср.: *Т. Н. Протасьева.* Описание..., стр. 178.
[320] ЛБ, № 3414.
[321] См.: *А. С. Зернова.* Каталог..., стр. 14, № 6.
[322] ГИМ, Син. 13/235.
[323] См.: *Г. И. Коляда.* Иван Федоров..., стр. 18.
[324] См.: *Т. Н. Протасьева.* Первые издания московской печати..., стр. 14.
[325] ОРЛБ, ф. 304, № 8659, л. 259. Заставка воспроизводилась Е. В. Зацепиной (К вопросу о происхождении старопечатного орнамента, стр. 149) и Т. Б. Уховой (Ух. 251).
[326] ОРЛБ, ф. 173, № 56, л. 22. Заставка воспроизводилась А. И. Бутовским, Е. В. Зацепиной и Т. Б. Уховой (Ух. 253).
[327] Библиотека Ужгородского государственного университета, № 16—Д. См.: *В. Л. Микитась.* Давні рукописи і стародруки, стр. 8, 34—36.
[328] ОРЛБ, ф. 304, № 372.
[329] См.: *Г. И. Коляда.* Из истории русско-украинских друкарских связей в XV—XVII вв.— В кн.: Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. Языкознание. Новая серия. Вып. XIX. Филологические науки. Кн. 8. Ташкент, 1955, стр. 15.
[330] Можно предположить также, что доска попала на Волынь из Вильны. В этом случае первоисточником служит типография Петра Мстиславца, отдельные материалы которой использовались в Дермани. Однако вывод о тесных связях первопечатников с анонимной типографией и в этом случае остается без изменений.
[331] См.: *М. Н. Тихомиров.* Начало московского книгопечатания, стр. 82—83.
[332] См.: *Г. И. Коляда.* Иван Федоров..., стр. 20.
[333] Здесь и ниже двумя годами указываются вкладные записи, не имеющие точной даты. Отсылку надо разуметь следующим образом: от 1 сентября 1558 г. до 31 августа 1559 г.
[334] См.: *Г. И. Коляда.* «Грамматикия» Ивана Федорова.— «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 3, стр. 135—145; *А. С. Зернова.* Книги кирилловской печати..., стр. 28—29.
[335] См.: *Г. И. Коляда.* Иван Федоров..., стр. 8.
[336] *А. И. Клибанов.* Реформационные движения в России, стр. 339.
[337] *А. И. Соболевский.* Поп Сильвестр и Домострой.— Известия по русскому языку и словесности. 1929, т. 2. кн. 1. стр. 189.
[338] ГПБ, Кир.-Бел., 53/178.
[339] См.: *И. Е. Евсеев.* Описание рукописей, хранящихся в Орловских древлехранилищах. Вып. 2. Орел, 1906, стр. 138 — Толковое Евангелие на 244 л. с записью на л. 4: «Лета 7072 сию святую книгу Евангелье толковое дал в дом Пречистеи Богородицы честнаго и славнаго ея Успения и преподобных чудотворцев Антония и Феодосия Анфим Селивестров сын по себе и по своих родителех в вечной поминок, в Свинской монастырь при игумене Гурьи».
[340] РИБ, т. 31, стлб. 263.
[341] См.: *А. А. Гераклитов.* Три издания XVI в...., стр. 4.
[342] ЦГАДА, ф. 1192, оп. 2, № 395, л. 157 об.
[343] *Н. Тихонравов.* Заметка для истории Стоглава.— Летописи русской литературы и древности. 1863, т. 5. отд. III, стр. 140.
[344] *А. Е. Викторов,* Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. Спб., 1890, стр. 112.
[345] ГПБ, Сол. 53/129.
[346] *И. Е. Евсеев.* Описание рукописей, хранящихся в Орловских древлехранилищах. Вып. 2. Орел, 1906, стр. 138.
[347] Материалы по истории СССР. II. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955, стр. 56—57.
[348] ЛОИИ, колл. 2, № 23, лл. 348—349 об., 456; Дополнения к Актам историческим, собранным Археографическою комиссиею. Т. 1. Спб., 1846, стр. 148, № 96.
[349] См.: *М. Н. Тихомиров.* Россия в XVI столетии, стр. 312.

ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ В МОСКВЕ

[1] ГИМ, Син. 850, л. 75; *Т. Н. Протасьева и М. В. Щепкина.* Сказания о начале московского книгопечатания. Тексты и переводы.— В сб.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, стр. 200.

[2] Каталог Юбилейной выставки в память 200-летия гражданской азбуки. М., 1908, стр. 9, № 14; Каталог русского отдела, стр. 35—36, № 4. (Международная выставка печатного дела и графики в Лейпциге. 1914).

[3] См.: *I. R. Kohlius.* Introductio in Historiam et rem literariam slavorum... Altonaviae, 1729, p. 24—25.

[4] См.: *В. Тредиаковский.* Разговор между чужестранным человеком и российским о ортографии. Спб., 1748, стр. 101.

[5] *И. Бакмейстер.* Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской императорской Академии наук. Спб., 1780, стр. 69—70. Тот же экземпляр впоследствии был учтен П. Соколовым: Каталог обстоятельный книгам богословским церковной и гражданской печати, находящимся в 1-м отделении библиотеки императорской Академии наук. Спб., 1832, стр. 2, № 31.

[6] *Строев, I,* стр. 25—28, № 16.

[7] Реестр старопечатных славянских книг, находящихся в библиотеке А. С. Ширяева. М., 1833, стр. 5, № 5.

[8] См.: *Строев, II,* № 15.

[9] Роспись книгам и рукописям имп. Российской академии. Спб., 1840, № 11 и 13.

[10] См.: *А. Д. Чертков.* Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях. Прибавление второе. М., 1845, стр. 356, № 3.

[11] См.: *П. Строев.* Библиотека имп. Общества истории и древностей российских. М., 1845, стр. 151, № 25.

[12] См.: *В. М. Ундольский.* Каталог славяно-русских книг церковной печати библиотеки А. И. Кастерина. М., 1848, стр. 2, № 15.

[13] См.: *И. П. Сахаров.* Обозрение славяно-русской библиографии. Т. 1. Кн. 2. Спб., 1849, стр. 14, № 45.

[14] См.: *Л. П.* Собрание славянских книг церковной печати И. Я. Лукашевича. «Москва», 1868, № 50; Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1870—1872 гг. М., 1873, стр. 10—13.

[15] См.: *А. Попов.* Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, № 17.

[16] ОРЛБ, ф. 310, № 1381, порядковый № 37.

[17] Отчет имп. Публичной библиотеки за 1852 г. Спб., 1853, стр. 14.

[18] *То же,* за 1856 г. Спб., 1857, стр. 31—32.

[19] *То же,* за 1873 г. Спб., 1875, стр. 22.

[20] Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1867—1869 гг. М., 1871, стр. 22.

[21] ОРЛБ, ф. 310, № 1381, л. 410 и сл.

[22] ОРЛБ, ф. 51, карт. 5, № 22, л. 23. У Тихоцкого был также экземпляр узкошрифтного Четвероевангелия.

[23] См.: *И. Остроглазов.* Книжные редкости.— «Русский архив», 1891, кн. 2, стр. 445.

[24] См.: *И. Ф. Токмаков.* Хронологический каталог славяно-русских книг церковной печати с 1517 по 1821 г. библиотеки Московского главного архива министерства иностранных дел. Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 8. 1878—1881. Спб., 1888, стр. 5, № 4.

[25] См.: *А. Родосский.* Описание старопечатных и церковно-славянских книг... № 10, стр. 22.

[26] Каталог старопечатных книг Церковно-исторического хранилища при братстве святого благоверного великого князя Александра Невского.— Вязники, 1898, стр. 5, № 2.

[27] См.: *И. Свенцицкий.* Каталог книг церковно-славянской печати, стр. 8, № 19 (74).

[28] См.: *И. П. Каратаев.* Описание 1878 г., стр. 130—132, № 61; *Он же.* Описание 1883 г., № 69.

[29] См.: *В. М. Ундольский.* Хронологический указатель славяно-русских книг..., № 61.

[30] См. рукописный «Список дублетов». ОРЛБ, ф. 51, карт. 5, № 37.

[31] Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1873—1875 гг. М., 1877, стр. 33—34; Христианское чтение, 1875, ноябрь.

[32] См.: *П. Попов.* Слов'янськи інкунабули київських библиотек.— «Бібліологичні вісти», 1924, № 1-3, стр. 160, № 19; *С. О. Петров, Я. Д. Бирюк и Т. П. Золотарь.* Славянские книги..., № 17.

[33] См.: *Н. П. Рождественский.* Отчет об археографической командировке в г.Иваново.— ТОДРЛ, т. 10, стр. 491.

[34] См.: *Н. И. Привалова.* Древнерусские рукописи и старопечатные книги областной библиотеки, областного краеведческого и Художественного музеев в г. Горьком.— В кн.: ТОДРЛ, т. 12, стр. 498.

[35] См.: *В. И. Малышев.* Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновиц, Риги, Двинска и других городов.— ТОДРЛ, т. 7, стр. 465.

[35а] *J. S. G. Simmons.* Early printed Cyrillic books in Marsh's library, Dublin.— Irish book, 1963, spring.

[36] ГПБ УССР, Сл. 696, л. 166 об.

[37] ГПБ УССР, Сл. 575, лл. 3—36 (по нижнему полю).

[38] ЛБ, № 4357, л. 3 и сл. Запись сделана в Ярославском уезде.

[39] БАН, 7.5.11, на первых листах 2-го счета.

[40] ЛБ, № 1355, лл. 3—7.

[41] Научная б-ка Львовского университета, № III-13069, л. 227 об.

[42] ГПИБ, № 358679—Ст. 1. Первая запись — лл. 4—8; вторая запись — л. 53 об.; третья запись — лл. 53 об., 54, 70—84.

[43] ЛБ, № 1353. Первая запись — л. 173; вторая запись — лл. 2 ннм, 86.

[44] Горьковская областная б-ка, № 21302.

[45] ЛБ, № 4357, л. 3 и сл.

[46] ГИМ, Меньш. 554; *Т. Н. Протасьева.* Описание..., стр. 184.

[47] См.: *Строев, I,* стр. 28.

[48] ГПБ, № 48 — I.1.17^{е}. Записи на лл. 6 ннм., 6 об., 29 и сл., 80 об., 81, 166 об.

[49] ГИМ, Щап. 6, лл. 1—4.

[50] ЛБ, № 6233, лл. 56—66.

[51] ГПБ, № 5168 — XXII.1.11^{б}, на переплетных листах.

[52] ГПБ, № 44 — I.1.17^{б}, л. 179.

[53] ГИМ, Чертк. 134, лл. 6 ннм., 6 ннм. об., 90, 149.

[54] ГИМ, Син. 17. Ср.: *Т. Н. Протасьева.* Описание..., стр. 184 (искажена фамилия: Систров вместо Снегирев); *Г. И. Истомин.* Опись книг библиотеки Московского Успенского собора. М., 1895, стр. 21.

[55] См.: *В. Е. Румянцев.* Сборник памятников..., стр. 17 и сл.

[56] См.: *Т. Н. Протасьева.* Описание..., стр. 180—184.

[57] *А. А. Сидоров.* История оформления русской книги, стр. 64.

[58] См.: *Г. Воскресенский.* Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до XV в. М., 1879.

[59] См.: *Г. Воскресенский.* Послания святого апостола Павла по основным спискам четырех редакций рукописного славянского апостольского текста с разночтениями из пятидесяти одной рукописи Апостола XII—XVI вв. Вып. 1. Послание к римлянам. Сергиев Посад, 1892.

[60] См.: *Г. И. Коляда.* Работа Ивана Федорова над текстами..., стр. 225—254.

[61] Ср., например, Апостол 1699 г.

[62] См.: *И. Бакмейстер.* Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской имп. Академии наук. Спб., 1779.

[63] См.: Иоанн Федоров. Продолжение нового опыта исторического словаря о российских писателях.— «Друг просвещения». Ч. 4. 1806, № 11.

[64] См.: *М. В. Щепкина.* Переводы предисловий и послесловий первопечатных книг.— В сб.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, стр. 216—220.

[65] *А. С. Орлов.* К вопросу о начале печатания в Москве, стр. 18.

[66] *А. С. Зернова.* Начало книгопечатания..., стр. 34.

[67] См.: *Б. В. Сапунов.* Первопечатник Иван Федоров как писатель.— ТОДРЛ, т. 14, 1958, стр. 268—271.

[68] См.: *Леонид, архим.* Евангелие, напечатанное в Москве..., стр. 14; *М. И. Щелкунов.* История, техника, искусство книгопечатания, стр. 304.

[69] См.: *А. С. Зернова.* Начало книгопечатания..., стр. 33.

[70] БАН, Тек. пост. 366, л. 56.

[71] См.: *М. Н. Тихомиров.* Начало книгопечатания в России, стр. 13—16.

[72] См.: *Б. П. Орлов.* Полиграфическая промышленность Москвы, стр. 21—27; *Он же.* К вопросу о времени возникновения и именовании типографии Ивана Федорова.— Книга. Сб. 6. М., 1962, стр. 295—296.

[73] *В. Е. Румянцев.* Сборник памятников..., стр. 22.

[74] *П. Пекарский.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 2. Спб., 1862, стр. 22.

[75] См.: *В. Е. Румянцев.* Сборник памятников..., стр. 1—8 (в конце книги).

[76] См.: *А. Горский и К. Невоструев.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Т. 1. М., 1855, стр. 147 и сл.

[77] См.: *Г. И. Коляда.* Работа Ивана Федорова над текстами...; *Он же.* Иван Федоров... Высоко оценивая труды Г. И. Коляды, мы вынуждены, с сожалением, отметить, что названный исследователь умалчивает о трудах своих предшественников в области текстологического исследования первопечатного Апостола.

[78] Ср.: *В. Е. Румянцев.* Сборник памятников..., стр. 35.

[79] См.: *Г. И. Коляда.* Работа Ивана Федорова над текстами..., стр. 229; *Он же.* Иван Федоров..., стр. 25—26.

[80] См.: *В. Е. Румянцев.* Сборник памятников..., стр. 38.

[81] См.: *В. И. Чернышев.* Из истории русского правописания.— «Известия ОРЯС», 1906, т. 11. кн. 4. стр. 3—4.

[82] См.: *Г. И. Коляда.* Иван Федоров..., стр. 28.

[83] См.: *В. Е. Румянцев.* Сборник памятников..., табл. I, № 1. Ср.: *Д. Ровинский.* Подробный словарь русских граверов. Спб., 1895, т. I, стр. 15.
[84] См.: *А. И. Некрасов.* Книгопечатание в XVI и XVII вв., стр. 86—89; *Он же.* Первопечатная русская гравюра, стр. 83—84.
[85] См.: *Н. С. Большаков.* Московская фигурная гравюра, стр. 20—26.
[86] См.: *А. А. Сидоров.* История оформления русской книги, стр. 55—60; *Он же.* Древнерусская книжная гравюра, стр. 64—78.
[87] Впервые указано А. И. Некрасовым в его «Конспекте курса истории древнерусского искусства» (М., 1917, стр. 40—41). См. также: *А. И. Некрасов.* Книгопечатание в России..., стр. 86—89; *М. Макаренко.* Орнаментація української книжки XVI—XVIII ст.— В кн.: Труди Українськ. науков. Інституту книгознавства. Т. 1. Київ, 1926, стр. 162—172.
[88] См.: *H. Röttinger.* Erhard Schön und Niclas Stör, der Pseudo — Schön. Zwei Untersuchungen zur Geschichte des alten Nürnberger Holzschnittes. Strassburg, 1925.
[89] Das Alte Testament mit fleyβ verteutscht. Nurnberg, 1523. Библия Ф. Пейпуса есть в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина.
[90] *А. С. Орлов.* К вопросу о начале печатания в Москве, стр. 23.
[91] Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarsi až do konce XVIII století. Dil II. Čast II. Roč III. Praha, 1941, № 1100. Репродукция «Иисуса Навина», стр. 71. Чешская Библия 1540 г. есть в Библиотеке МГУ и в ГПБ.
[92] *А. И. Некрасов.* Книгопечатание в России..., стр. 88.
[93] См.: *Н. С. Большаков.* Московская фигурная гравюра, стр. 21.
[94] Сводный иконописный подлинник XVIII в.— В кн.: Вестник Общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее. 1874—1876, отд. II, стр. 75.
[95] ОРЛБ, ф. 228, № 15, л. 40 об.
[96] ОРЛБ, ф. 173, № 102, л. 1 об.; *А. Н. Свирин.* Древнерусская миниатюра, стр. 87 (ошибочная дата!).
[97] См.: *A. Schramm.* Die Illustration der Lutherbibel. Leipzig, 1923, табл. 27 (Luther und die Bibel. I).
[98] Drukarze dawnej Polski od XV do XVIII wieku. Zeszyt 5: Wielkie K ięs wo Litewskie. Wrocław— Kraków, 1959 (см. рис. 1, 12, 20).
[99] ОРЛБ, ф. 173, № 5, л. 216. Заставка репродуцировалась А. А. Сидоровым (Древнерусская книжная гравюра, стр. 81) и Т. Б. Уховой (Ух. 258).
[100] Инициалы Мекенема в рукописной заставке воспроизведены зеркально.
[101] ГИМ, Ув. 77, л. 113.
[102] ГИМ, Ув. 77, лл. 113 и 180.
[103] ОРЛБ, ф. 304, № 8659, л. 163; ГИМ, Муз. 3443, л. 19; ОРЛБ, ф. 173, № 5, л. 129
[104] ОРЛБ, ф. 173, № 5, л. 347.
[105] См.: *А. С. Зернова.* Начало книгопечатания..., стр. 26—27.
[106] См.: *Г. И. Коляда.* Иван Федоров..., стр. 21.
[107] ЛБ, № 1353; БАН, 7.5.9; ГПБ, № 44 — I.1.17^{б}; ГПБ, № 46 — I.1.17^{г}.
[108] См.: *А. С. Зернова.* Орнаментика книг московской печати, стр. 14. О единственном экземпляре Апостола 1564 г. с концовкой говорит и Г. И. Коляда в «Иване Федорове...», стр. 35.
[109] ОРЛБ, ф. 173, № 5, л. 1.
[110] Под № 52 в картотеке музея значится: «Prasa drukarska tipu Guttenbergowskego z XVII w. Dar p. Bednarskiego, drukarza we Lwowie».
[111] ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, т. 19, стр. 233—234.
[112] См.: *Е. Л. Немировский и Л. П. Теплов.* Русская полиграфическая техника. Материалы к отчету. Т. 1. М., 1954, стр. 249. (Машинопись. Научно-исследовательский институт полиграфического машиностроения).
[113] См.: *Т. Бек.* Очерки по истории машиностроения. Т. 1. М.—Л., 1933, стр. 206—207.
[114] См.: *Строев, III*, стр. 242—243.
[115] Отчет императорской Публичной библиотеки за 1856 г. Спб., 1857, стр. 33.
[116] См.: *И. П. Сахаров.* Обозрение славяно-русской библиографии, стр. 15, № 46.
[117] См.: *И. П. Каратаев.* Описание 1878 г., стр. 132—134; *Он же.* Описание 1883 г., стр. 155—157; *А. С. Зернова.* Начало книгопечатания..., стр. 40—42; *Т. Н. Протасьева.* Описание..., стр. 184—185.
[118] См.: *A. Tiberghien.* Quelques mots sur les commencements de la typographie russe. La seconde impression moscovite 1564—1565.— Revue des bibliothèques et archives de Belgique, 1903, p. 143—150.
[119] См.: *А. И. Некрасов.* Книгопечатание в России..., стр. 83—84.
[120] См.: *А. С. Зернова.* Книги кирилловской печати..., стр. 9—10.
[121] См.: *С. Лифарь.* Дягилев и с Дягилевым. Париж, 1939.
[122] *J. S. G. Simmons.* New finds of old Cyrillic books.— The Times Literary Supplement, 1963, september 27, № 3213, p. 770.
[123] См.: *А. С. Зернова.* Книги кирилловской печати..., стр. 9.
[124] Кроме раздела «Канон пресвятеи богородицы...» (л. 127), где заставка заверстана вподборку с предыдущим текстом.
[125] См.: *Г. И. Коляда.* Работа Ивана Федорова над текстами..., стр. 239—243.
[126] См.: *Н. Г. Богданова.* Книжные богатства Строгановых в 1578 г.— В кн.:

Sertum bibliologicum в честь президента Русского библиологического общества проф. А. И. Малеина. П., 1922, стр. 277—284.

[127] Ср.: *A. Kapr.* Deutsche Schriftkunst. Dresden, 1955, S. 54, 191.

[128] См.: *А. А. Сидоров.* Древнерусская книжная гравюра, стр. 85—87.

[129] ОРЛБ, ф. 304, № 308, л. 188 об. и др.

[130] *К. Маркс.* Капитал. Т. 1. М., 1955, стр. 378.

[131] Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова. 1583—1883. Спб., 1883, стр. 23 и табл. в начале книги; Обзор Первой всероссийской выставки печатного дела. Спб., 1895, № 4, стр. 1.

[132] Отчет по сбору пожертвований и возведению памятника Ивана Федорова.— В кн.: Древности. Труды имп. Московского археологического общества. Т. 23. Вып. 2. М., 1914, стр. 110. О работе над эскизным проектом памятника имеются упоминания в письмах М. М. Антокольского: Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи. Под ред. В. В. Стасова. Спб., 1905, стр. 75, 545—546, 571. Ср.: *Р. М. Тонкова.* Иван Федоров в юбилейной литературе.— В кн.: Иван Федоров первопечатник. М.—Л., 1935, стр. 186—189.

[133] См.: *П. М. Ольхин.* Иоганн Гутенберг, изобретатель книгопечатания. Спб., 1900 (хромолитография с фотографии Б. В. Белова в конце книги); *С. Ф. Либрович.* История книги в России. П.—М., 1914, стр. 68; *И. Бас.* Великое открытие. М.—Л., 1940, стр. 20; *В. В. Попов.* Общий курс полиграфии. М., 1952, стр. 25 и мн. др.

[134] Н. Коровин. Посещение типографии Ивана Федорова боярами. Масло. Репродукция.— «Русский паломник», 1914, № 9, стр. 136—137; Р. Штейн. Царь Иван Васильевич Грозный посещает печатный двор. Масло. Репродукция.— «Нива», 1884, № 2, стр. 32—33; *То же — С. Ф. Либрович.* История книги в России, стр. 61; А. В. Моравов. Первопечатник Иван Федоров. Масло. Репродукция — *П. Березов.* Первопечатник Иван Федоров. М., 1952, стр. 133; В. Навозов. Иван IV посещает первого русского печатника Ивана Федорова. Акварель. Репродукция — там же, стр. 113; М. Малышев. Первая книгопечатня в Москве. Репродукция — *С. Ф. Либрович.* История книги в России, стр. 63; А. Васнецов. Иван Федоров в московской типографии. Автолитография.— В кн.: *А. Васнецов.* Древняя Москва. М. (б. г.), на обложке. Анонимные портреты Ивана Федорова имеются в отделах редкой книги ГПБ УССР и ЛБАН УССР. Многочисленны изображения памятника С. М. Волнухина (В. А. Фаворский, П. И. Львов и др.). Укажем, наконец, альбом автолитографий «Иван Федоров». Львов, 1949.

[135] См.: *С. Ю. Бендасюк.* Общерусский первопечатник Иван Федоров и основанная им Братская Ставропигийская печатня во Львове. Львов, 1935, фронтиспис.

[136] См.: *И. Д. Галактионов.* Первопечатник Иван Федоров. М.— П., 1922, стр. 14; *В. Е. Румянцев.* Сборник памятников..., стр. 10; *П. И. Березов.* Первопечатник Иван Федоров. М., 1952, стр. 226; *И. Бас.* Иван Федоров. М., 1940, стр. 205.

[137] ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, кн. 46, стр. 723—724.

[138] См.: *М. Н. Тихомиров.* Начало московского книгопечатания, стр. 91.

[139] *В. К. Лукомский.* К вопросу о родопроисхождении Ивана Федорова.— В кн.: Иван Федоров первопечатник. М.—Л., 1935, стр. 167—175.

[140] *И. Токмаков.* Надгробный камень Федорова. Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова. Спб., 1883, стр. 14; *Ф. И. Булгаков.* Иллюстрированная история книгопечатания..., стр. 238; *А. И. Некрасов.* Книгопечатание в России..., стр. 92.

[141] Памяти Ивана Федорова. Л., 1933. (Ленинградское общество коллекционеров. Секция библиофилов и экслибристов).

[142] ЦГАДА, ф. 381, № 183.

[143] ПСРЛ, т. 4, стр. 152; т. 6, стр. 278.

[144] ПСРЛ, т. 4, стр. 158; т. 6, стр. 240, 279; т. 8, стр. 220.

[145] ПСРЛ, т. 6, стр. 51—52; т. 8, стр. 246—247.

[146] Ворота эти, построенные в 1491 г. Петром Антонием Фрязиным, в 1658 г. были переименованы в Спасские и под этим названием известны и сегодня.

[147] ПСРЛ, т. 13, стр. 329.

[148] ГИМ, Син. 962, л. 168 об.

[149] См.: *С. А. Клепиков.* Библиография печатных планов города Москвы XVI—XIX веков. М., 1956, стр. 12—16, 27—30. План воспроизведен в статье В. Е. Румянцева «Вид Московского Кремля в самом начале XVII века» (Древности. Труды имп. Московского археологического общества. Т. 11. М., 1886, стр. 53—78).

[150] ПСРЛ, т. 6, стр. 295.

[151] ОРЛБ, ф. 173, № 27 — вкладная по лл. 1—12 внизу.

[152] ПСРЛ, т. 13, стр. 232. Ср.: *М. Н. Тихомиров.* Начало книгопечатания в России, стр. 23.

[153] ПСРЛ, т. 13, стр. 230.

[154] *Там же,* стр. 30—31.

[155] ПСРЛ, т. 13, стр. 252.

[156] *К. Осипов.* Русский первопечатник Иван Федоров. М., 1955, стр. 21. Источником для К. Осипова послужила статья А. А. Дмитриевского «Диакон Иван Федоров, первый русский книгопечатник».— «Православное обозрение», 1883, № 11, стр. 493—510.

[157] *Г. И. Коляда.* Иван Федоров..., стр. 20—21.

[158] *А. С. Зернова.* Начало книгопечатания..., стр. 26—30.

[159] Домострой Сильвестровского извода. Спб., 1891, стр. 67.
[160] Летописец русский, стр. 141—142.
[161] ЛОИИ, колл. 2, № 23, л. 348.
[162] Летописец русский, стр. 144.
[163] Летописец русский, стр. 145.
[164] *Там же,* стр. 149.
[165] См.: *Б. П. Орлов.* К вопросу о времени возникновения и именовании типографии Ивана Федорова, стр. 297—299.
[166] См.: *О. Гераклітов.* До біографії Онисима Михайловича Радишевського.— «Бібліологічні вісті», 1926, № 1, стр. 63—64.
[167] Ср. послесловия к Апостолу 1606 г., к Минее общей 1609, к Трефологиону 1637 г. и др.
[168] См.: *В. Е. Румянцев.* Древние здания Московского Печатного двора.— В кн.: Древности. Труды Московского археологического общества. Т. 2. Вып. 1. М., 1869, стр 19.
[169] ЦГАДА, ф. 1184, д. 1821, л. 11.
[170] *В. Е. Румянцев.* Древние здания..., стр. 34.
[171] *Там же,* стр. 20.
[172] *Генрих Штаден.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925, стр. 104.
[173] АИ, т. 2, № 20.
[174] *Там же,* № 21.
[175] АИ, т. 3, № 157.
[176] См.: *В. Е. Румянцев.* Древние здания..., стр. 24.
[177] ГИМ, Син. 850, л. 79 об.
[178] *В. С. Сопиков.* Опыт российской библиографии. Ч. 5. Спб., 1821, стр. 103.
[179] См.: *Б. В. Сапунов.* К вопросу о прекращении деятельности..., стр. 431—441; *Г. И. Коляда.* Работа Ивана Федорова над текстами..., стр. 246—254.
[180] См.: *П. Н. Берков.* Несколько замечаний о деятельности Ивана Федорова..., стр. 105—107; *А. С. Зернова.* Начало книгопечатания..., стр. 42—46.
[181] Архив Юго-Западной России. Т. 4. Ч. 1. Киев, 1871, стр. 513; *М. Н. Тихомиров.* Начало книгопечатания в России, стр. 38.
[182] Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, стр. 241—277; *Г. И. Коляда.* Работа Ивана Федорова над текстами..., стр. 251.
[183] *М. Н. Тихомиров.* Начало книгопечатания в России, стр. 37.
[184] ЦГАДА, ф. 1184, № 2, л. 22; № 3, л. 57, 89 и др.
[185] *Б. В. Сапунов.* К вопросу о прекращении деятельности..., стр. 437.
[186] См.: *Г. И. Коляда.* Работа Ивана Федорова над текстами..., стр. 246.
[187] Архив П. М. Строева. Т. 2. П., 1917, стр. 842.
[188] *М. Н. Тихомиров.* Начало книгопечатания в России, стр. 39.
[189] *Досифей, архим.* Летописец Соловецкий на четыре столетия. М., 1847, стр. 34.
[190] *Леонид, архим.* Жизнь святого Филиппа митрополита Московского и всея России. М., 1861, стр. 61.
[191] РИБ, т. 4, стлб. 1383.
[192] ОРЛБ, ф. 256, № 376, л. 28 об.
[193] ГИМ, Син. 149, лл. 659 об.—660.
[194] См.: *Д. Н. Альшиц.* Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования.— В кн.: Труды Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Т. 1 (4). Л., 1957, стр. 119—146.
[195] Временник дьяка Иван Тимофеева. Спб., 1907, стр. 22.
[196] См.: *Н. Г. Богданова.* Книжные богатства Строгановых, стр. 281, 283.
[197] БАН, 39.2.5. Вкладная на л. 5.
[198] ПСРЛ, т. 13, 2-я пол., стр. 401.
[199] См.: *М. Н. Тихомиров.* Начало книгопечатания в России, стр. 36.
[200] См.: *Г. И. Коляда.* Работа Ивана Федорова над текстами..., стр. 254; *Б. В. Сапунов.* К вопросу о прекращении деятельности..., стр. 436.

СПИСОК ЧАСТО УПОТРЕБЛЯЕМЫХ СОКРАЩЕННЫХ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ОТСЫЛОК*

Берков П. Н. Несколько замечаний о деятельности Ивана Федорова и его предшественников.— В сб.: Иван Федоров первопечатник. М.—Л., 1935, стр. 95—117.

Большаков Н. С. Московская фигурная гравюра. М., 1927.

Будовниц И. У. Русская публицистика XVI века. М., 1947.

Варбанец Н. Б. и *Лукьяненко В. И.* Славянские инкунабулы в собрании Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.— Книга. Сб. 2. М., 1960, стр. 187—208.

Викторов А. Е. Не было ли в Москве опытов книгопечатания прежде первопечатного Апостола 1564 года? — В кн.: Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Т. 2. Киев, 1878, стр. 211—220.

Вилинский С. Г. Послания старца Артемия. Одесса, 1906.

Востоков А. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. Спб., 1842.

Гераклитов А. А. Три издания XVI в. без выходных листов из Библиотеки Саратовского университета. (К вопросу о начале книгопечатания в Москве).— В кн.: Ученые записки Саратовского государственного университета. Педагогический факультет. Т. 5. Вып. 2. 1926, стр. 1—20.

Гераклітов О. До питания про початок московського друкарства.— «Бібліологічні вісті», 1925, ч. 1—2, стр. 93—97.

Голубинский Е. История русской церкви. Т. 2. М., 1900.

Горский А. и *Невоструев К.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Ч. 1. Отд. первый. М., 1855.

Зацепина Е. В. К вопросу о происхождении старопечатного орнамента.— В сб.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, стр. 101—154.

Зернова А. С. Каталог...— *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. Сводный каталог. М., 1958. (Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел редких книг).

Зернова А. С. Книги кирилловской печати, хранящиеся в заграничных библиотеках и неизвестные в русской библиографии.— Труды. Т. 2. М., 1958, стр. 5—37. (Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина).

Зернова А. С. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947.

Зернова А. С. Орнаментика книг московской печати XVI—XVII веков. М., 1952.

Зернова А. С. Указатель к альбому орнаментики книг московской печати XVI—XVII веков. М., 1952.

Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958.

Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960.

Иконников В. С. Максим Грек и его время. Т. 1. Киев, 1915.

Калайдович К. Иоанн Федоров, первой московской типографщик.— «Вестник Европы». Ч. LXXI. 1813, № 18, стр. 93—123.

Калайдович К. Записка об Иоанне Федорове.— «Вестник Европы», 1822, № 11, стр. 294—302.

Каратаев И. П. Описание 1878 г.— *Каратаев И. П.* Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. Вып. 1. 1491—1730. С 1491 по 1600. Спб., 1878.

Каратаев И. П. Описание 1883 г.— *Каратаев И. П.* Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. Т. 1. С 1491 по 1652 г. Спб., 1883.

---

* При сокращении библиографических отсылок в примечаниях (стр. 353—384) чаще всего опускается часть заглавия, а также указания на место и год издания. В некоторых случаях применены сокращенные обозначения, указанные в списке в алфавите фамилий авторов.

Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960.

Коляда Г. И. Иван Федоров первопечатник. (Московский период его деятельности). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1961. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Филологический факультет).

Коляда Г. И. Работа Ивана Федорова над текстами Апостола и Часовника и вопрос о его уходе в Литву.— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 225—254.

Леонид, архимандрит (Кавелин Л. А.). Евангелие, напечатанное в Москве. 1564—1568. Библиографическое исследование. Спб., 1883.

Летописец русский. (Московская летопись). Чтения в Обществе истории и древностей Российских, 1895.

Максим Грек. Сочинения (в примечаниях цит. без имени).— Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Ч. 1—3. Казань, 1859—1862.

Маневский А. Д. Возникновение книгопечатания на Руси. М., 1939. (Государственный Исторический музей).

Микитась В. Л. Давні рукописи і стародруки. Опись і каталог. Ужгород, 1961. (Ужгородський державний університет. Бібліотека).

Медакович Д. Графика српских штампаних кньига XV—XVII веков. Београд, 1958. (Српска Академија наука. Посебна изданьа, кн. CCCIX).

Некрасов А. И. Книгопечатание в России в XVI и XVII веках.— В сб.: Книга в России. Т. 1. М., 1924, стр. 63—126.

Некрасов А. И. Первопечатная русская гравюра.— В сб.: Иван Федоров первопечатник. М.—Л., 1935, стр. 73—93.

Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Ч. 1—3. Казань, 1881—1887.

Орлов А. С. К вопросу о начале печатания в Москве.— В сб.: Иван Федоров первопечатник. М.—Л., 1935, стр. 9—26.

Орлов Б. П. Полиграфическая промышленность Москвы. Очерк развития до 1917 года. М., 1953.

Петров С. О., Бирюк Я. Д. и *Золотарь Т. П.* Славянские книги кирилловской печати, хранящиеся в Государственной Публичной библиотеке УССР. Киев, 1958.

Пискаревский летописец — О. А. Яковлева. Пискаревский летописец.— В кн.: Материалы по истории СССР. II. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955, стр. 7—144.

Полосин И. И. Из истории блокады Русского государства.— В кн.: Материалы по истории СССР. II. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955, стр. 249—271.

Погодин М. П. Иван Федоров, первый московский книгопечатник.— Журнал министерства народного просвещения. Ч. CXLVIII. Кн. 4. 1870, стр. 292—307.

Протасьева Т. Н. Первые издания московской печати. М., 1955. (Труды Государственного Исторического музея. Памятники культуры. Вып. 15).

Протасьева Т. Н. Описание первопечатных русских книг.— В кн.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, стр. 156—196.

Родосский А. Описание старопечатных и церковно-славянских книг, хранящихся в библиотеке С.-Петербургской духовной академии. Вып. 1. 1491—1700 включ. Спб., 1891.

Румянцев В. Е. Древние здания Московского Печатного Двора.— В кн.: Древности. Труды Московского Археологического общества. Т. 2. Вып. 1. М., 1869, стр. 1—38.

Румянцев В. Е. Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России. Вып. 1. М., 1872.

Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

Сапунов Б. В. Исторические предпосылки возникновения книгопечатания в России. (Опыт критического пересмотра вопроса). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1954. (Государственный Эрмитаж).

Сапунов Б. В. К вопросу о прекращении деятельности первых типографий в Москве.— В кн.: Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Т. 12. М.—Л, 1956, стр. 431—441.

Свенцицкий И. Каталог книг церковно-славянской печати. Жовква, 1908. (Церковный музей во Львове).

Свирин А. Н. Древнерусская миниатюра. М., 1950.

Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951.

Сидоров А. А. История оформления русской книги. М., 1946.

Сидоров А. А. Художественно-технические особенности славянского первопечатания.— В сб.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, стр. 42—80.

Снегирев И. О сношениях датского короля Христиана III с царем Иоанном Васильевичем касательно заведения типографии в Москве.— Русский исторический сборник. Т. 4. Кн. 1. 1840, стр. 117—131.

Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Спб., 1903.

Сопиков В. Опыт российской библиографии. Ч. 1—5. Спб., 1813—1821.

Строев, I — Строев П. Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке... графа Федора Андреевича Толстова. М., 1829.

Строев II — Строев П. Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке... Ивана Никитича Царского. М., 1836.

Строев III — Строев П. Описание старопечатных книг, служащее дополнением к описаниям библиотек графа Ф. А. Толстова и купца И. Н. Царского. М., 1841.

Тихомиров М. Н. Начало книгопечатания в России.— В сб.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, стр. 10—40.

Тихомиров М. Н. Начало московского книгопечатания.— В кн.: Ученые записки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Вып. 41. История (том первый). М., 1940, стр. 81—95.

Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.

Ундольский В. Каталог славяно-русских книг церковной печати библиотеки А. И. Кастерина. М., 1848.

Ундольский В. М. Хронологический указатель славяно-русских книг церковной печати с 1491-го по 1864-й г. Вып. 1. Очерк славяно-русской библиографии. М., 1871.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

В указателе фамилии и имена размещены в порядке русского алфавита. Фамилии иностранных авторов, труды которых упоминаются в примечаниях, приведены в конце указателя в оригинальной транскрипции в порядке латинского алфавита. Фамилии сербских и болгарских авторов размещены в русской части указателя. При упоминании лиц, для которых известно лишь имя и отчество (типа Иван Федоров, Дмитрий Герасимов, указание дается в алфавите имен (на «Иван», «Дмитрий»).

Страницы, на которых помещен основной текст, посвященный данному лицу (книге или рукописи — в следующих указателях), выделены полужирным шрифтом. Отсылки, относящиеся к примечаниям, набраны курсивом.

УКАЗАТЕЛЬ СТАРОПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ

В указатель включены славянские старопечатные издания кирилловского шрифта XV—XVI вв. Издания размещены в хронологическом порядке — в соответствии со временем выхода их в свет. Если книга точно не датирована, предполагаемая дата издания ставится в скобках. Принят следующий порядок описания: дата, название книги, место издания, имена печатника или издателя, постраничные отсылки. Вслед за отсылками, относящимися к изданию в целом, приведены сведения об отдельных экземплярах книги. В этом случае указывается сокращенный индекс хранилища, в котором находится данный экземпляр, и его шифр.

В указатель, естественно, включены лишь те старопечатные издания, которые упоминаются в книге. В силу этого его нельзя рассматривать как исчерпывающий список славянских книг кирилловского шрифта, выпущенных в XV—XVI вв.

УКАЗАТЕЛЬ РУКОПИСНЫХ КНИГ

СОДЕРЖАНИЕ

Немировский Евгений Львович

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В МОСКВЕ.
ИВАН ФЕДОРОВ

РЕДАКТОР Э. Б. КУЗЬМИНА. ОФОРМЛЕНИЕ ХУДОЖНИКА Г. В. ДМИТРИЕВА. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ В. П. БОГДАНОВ И Е. И. ШИЛИНА. КОРРЕКТОР А. А. ТОЛКУШКИН. СДАНО В НАБОР 1/X 1963 г. ПОДПИСАНО В ПЕЧАТЬ 17/I 1964 г. ФОРМ. БУМ. 84×108¹/₁₆. ПЕЧ. Л. 25,88 (УСЛОВНЫХ 42,44). УЧ.-ИЗД. Л. 38,62. ТИРАЖ 5000 ЭКЗ. А01425. ИЗД. № 18990. ЗАК. ТИП. № 918. ЦЕНА 2 р. 40 к. ИЗД-ВО «КНИГА». МОСКВА, В-71, ЛЕНИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 15.

ПЕРВАЯ ОБРАЗЦОВАЯ ТИПОГРАФИЯ ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА ГЛАВПОЛИГРАФПРОМА ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ПО ПЕЧАТИ. МОСКВА, Ж-54, ВАЛОВАЯ, 28